зала III 37.
шкафъ 8.
полка 3.
№ 1 6.

Проверено 1950

97.8.3.1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Лантелѣева. Подольская, 34.
1904.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Подольская 34.
1904.

Напечатанъ въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» за 1866 г.

Часть первая.

I.

Въ началѣ іюля, въ чрезвычайно жаркое время, подъ вечеръ, одинъ молодой человѣкъ вышелъ изъ своей каморки, которую нанималъ отъ жильцовъ въ С—мъ переулкѣ, на улицу, и медленно, какъ-бы въ нерѣшимости, отправился къ К—ну мосту.

Онъ благополучно избѣгнулъ встрѣчи съ своею хозяйкой на лѣстницѣ. Каморка его приходилась подъ самою кровлей высокаго пятиэтажнаго дома и походила болѣе на шкафъ чѣмъ на квартиру. Квартирная-же хозяйка его, у которой онъ нанималъ эту каморку съ обѣдомъ и прислугой, помѣщалась одною лѣстницей ниже, въ отдѣльной квартирѣ, и каждый разъ, при выходѣ на улицу, ему непремѣнно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лѣстницу. И каждый разъ молодой человѣкъ, проходя мимо, чувствовалъ какое-то болѣзненное и трусливое ощущеніе, котораго стыдился и отъ котораго морщился. Онъ былъ долженъ кругомъ хозяйкѣ и боялся съ нею встрѣтиться.

Не то чтобъ онъ былъ такъ трусливъ и забитъ, совсѣмъ даже напротивъ; но съ нѣкотораго времени онъ былъ въ раздражительномъ и напряженномъ состояніи, похожемъ на ипохондрію. Онъ до того углубился въ себя и уединился отъ всѣхъ, что боялся даже всякой встрѣчи, не только встрѣчи съ хозяйкой. Онъ былъ задавленъ бѣдностью; но даже стѣсненное положеніе перестало въ послѣднее время тяготить его. Насущными дѣлами своими онъ совсѣмъ пересталъ и не хотѣлъ заниматься. Никакой хозяйки въ сущности онъ не боялся, что̀-бы та ни замышляла противъ него. Но останавливаться на лѣстницѣ, слушать всякій вздоръ про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, всѣ эти приставанія о платежѣ, угрозы, жалобы, и при этомъ самому изво-

рачиваться, извиняться, лгать, — нѣтъ, ужь лучше проскользнуть какъ нибудь кошкой по лѣстницѣ и улизнуть, чтобы никто не видалъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ страхъ встрѣчи съ своею кредиторшей даже его самого поразилъ по выходѣ на улицу.

«На какое дѣло хочу покуситься и въ тоже время какихъ пустяковъ боюсь!» подумалъ онъ съ странною улыбкой. «Гм... да... все въ рукахъ человѣка, и все-то онъ мимо носу проноситъ, единственно отъ одной трусости... это ужь аксіома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Новаго шага, новаго собственнаго слова они всего больше боятся... А впрочемъ я слишкомъ много болтаю. Оттого и ничего не дѣлаю что болтаю. Пожалуй, впрочемъ, и такъ: оттого болтаю что ничего не дѣлаю. Это я въ этотъ послѣдній мѣсяцъ выучился болтать, лежа по цѣлымъ суткамъ въ углу и думая... о Царѣ Горохѣ. Ну, зачѣмъ я теперь иду? Развѣ я способенъ на *это?* Развѣ *это* серіозно? Совсѣмъ не серіозно. Такъ ради фантазіи самъ себя тѣшу; игрушки! Да, пожалуй, что и игрушки!»

На улицѣ жара стояла страшная, къ тому-же духота, толкотня, всюду известка, лѣса, кирпичъ, пыль, и та особенная лѣтняя вонь, столь извѣстная каждому Петербуржцу, не имѣющему возможности нанять дачу, — все это разомъ непріятно потрясло и безъ того уже разстроенные нервы юноши. Нестерпимая-же вонь изъ распивочныхъ, которыхъ въ этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшіеся, не смотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колоритъ картины. Чувство глубочайшаго омерзѣнія мелькнуло на мигъ въ тонкихъ чертахъ молодаго человѣка. Кстати, онъ былъ замѣчательно хорошъ собою, съ прекрасными темными глазами, темнорусъ, ростомъ выше средняго, тонокъ и строенъ. Но скоро онъ впалъ какъ-бы въ глубокую задумчивость, даже, вѣрнѣе сказать, какъ-бы въ какое-то забытье, и пошелъ уже не замѣчая окружающаго, да и не желая его замѣчать. Изрѣдка только бормоталъ онъ что-то про себя, отъ своей привычки къ монологамъ, въ которой онъ сейчасъ самъ себѣ признался. Въ эту-же минуту онъ и самъ сознавалъ, что мысли его порою мѣшаются, и что онъ очень слабъ: второй день какъ ужь онъ почти совсѣмъ ничего не ѣлъ.

Онъ былъ до того худо одѣтъ, что иной, даже и привычный человѣкъ, посовѣстился-бы днемъ выходить въ такихъ лохмотьяхъ на улицу. Впрочемъ, кварталъ былъ таковъ, что костюмомъ здѣсь было трудно кого нибудь удивить. Близость Сѣнной, обиліе извѣстныхъ заведеній и, по преимуществу, цеховое и ремесленное населеніе, скученное въ этихъ серединныхъ петербургскихъ улицахъ и

переулкахъ, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было-бы и удивляться при встрѣчѣ съ иною фигурой. Но столько злобнаго презрѣнія уже накопилось въ душѣ молодаго человѣка, что, не смотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, онъ менѣе всего совѣстился своихъ лохмотьевъ на улицѣ. Другое дѣло при встрѣчѣ съ иными знакомыми, или съ прежними товарищами, съ которыми вообще онъ не любилъ встрѣчаться... А между тѣмъ, когда одинъ пьяный, котораго неизвѣстно почему и куда провозили въ это время по улицѣ въ огромной пустой телѣгѣ, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнулъ ему вдругъ, проѣзжая: «Эй ты, нѣмецкій шляпникъ!» и заоралъ во все горло, указывая на него рукой,—молодой человѣкъ вдругъ остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсѣмъ рыжая, вся въ дырахъ и пятнахъ, безъ полей, и самымъ безобразнѣйшимъ угломъ заломившаяся на сторону. Но не стыдъ, а совсѣмъ другое чувство, похожее даже на испугъ, охватило его.

— Я такъ и зналъ! бормоталъ онъ въ смущеніи, — я такъ и думалъ! Это ужь всего скверпѣе! Вотъ эдакая какая нибудь глупость, какая нибудь пошлѣйшая мелочь, весь замыселъ можетъ испортить! Да, слишкомъ примѣтная шляпа... Смѣшная, потому и примѣтная... Къ моимъ лохмотьямъ непремѣнно нужна фуражка, хотя-бы старый блинъ какой нибудь, а не этотъ уродъ. Никто такихъ не носитъ, за версту замѣтятъ, запомнятъ... главное, потомъ запомнятъ, анъ и улика. Тутъ нужно быть какъ можно непримѣтнѣе... Мелочи, мелочи главное!.. Вотъ эти-то мелочи и губятъ всегда и все...

Идти ему было немного; онъ даже зналъ сколько шаговъ отъ воротъ его дома: ровно семьсотъ тридцать. Какъ-то разъ онъ ихъ сосчиталъ, когда ужь очень размечтался. Въ то время онъ и самъ еще не вѣрилъ этимъ мечтамъ своимъ и только раздражалъ себя ихъ безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь-же, мѣсяцъ спустя, онъ уже начиналъ смотрѣть иначе, и не смотря на всѣ поддразнивающіе монологи о собственномъ безсиліи и нерѣшимости, «безобразную» мечту какъ-то даже поневолѣ привыкъ считать уже предпріятіемъ, хотя все еще самъ себѣ не вѣрилъ. Онъ даже шелъ теперь дѣлать *пробу* своему предпріятію, и съ каждымъ шагомъ волненіе его возрастало все сильнѣе и сильнѣе.

Съ замираніемъ сердца и нервною дрожью подошелъ онъ къ преогромнѣйшему дому, выходившему одною стѣной на канаву, а другою въ—ю улицу. Этотъ домъ стоялъ весь въ мелкихъ квартирахъ и заселенъ былъ всякими промышленниками,—портными, слесарями,

кухарками, разными Нѣмцами, дѣвицами, живущими отъ себя, мелкимъ чиновничествомъ и проч. Входящіе и выходящіе такъ и шмыгали подъ обоими воротами и на обоихъ дворахъ дома. Тутъ служили три или четыре дворника. Молодой человѣкъ былъ очень доволенъ, не встрѣтивъ ни котораго изъ нихъ, и непримѣтно проскользнулъ сейчасъ-же изъ воротъ на право на лѣстницу. Лѣстница была темная и узкая, «черная», но онъ все уже это зналъ и изучилъ, и ему вся эта обстановка нравилась: въ такой темнотѣ даже и любопытный взглядъ былъ неопасенъ. «Если о сю пору я такъ боюсь, что-же было-бы еслибъ и дѣйствительно какъ нибудь случилось до самаго *дѣла* донти?...» подумалъ онъ невольно, проходя въ четвертый этажъ. Здѣсь загородили ему дорогу отставные солдаты-посильщики, выносившіе изъ одной квартиры мебель. Онъ уже прежде зналъ, что въ этой квартирѣ жилъ одинъ семенный Нѣмецъ, чиновникъ: «стало быть, этотъ нѣмецъ теперь выѣзжаетъ, и, стало быть, въ четвертомъ этажѣ, по этой лѣстницѣ и на этой площадкѣ, остается, на нѣкоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай...», подумалъ онъ опять и позвонилъ въ старухину квартиру. Звонокъ брякнулъ слабо, какъ будто былъ сдѣланъ изъ жести, а не изъ мѣди. Въ подобныхъ мелкихъ квартирахъ такихъ домовъ почти все такіе звонки. Онъ уже забылъ звонъ этого колокольчика, и теперь этотъ особенный звонъ какъ будто вдругъ ему что-то напомнилъ и ясно представилъ... Онъ такъ и вздрогнулъ, слишкомъ ужь ослабѣли нервы на этотъ разъ. Немного спустя дверь пріотворилась на кроечную щелочку: жилица оглядывала изъ щели принедпаго съ видимымъ недовѣріемъ, и только виднѣлись ея сверкавшіе изъ темноты глазки. Но увидавъ на площадкѣ много народу, она ободрилась и отворила совсѣмъ. Молодой человѣкъ переступилъ черезъ порогъ въ темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была кроечная кухня. Старуха стояла передъ нимъ молча и вопросительно на него глядѣла. Это была кроечная, сухая старушонка, лѣтъ шестидесяти, съ вострыми и злыми глазками, съ маленькимъ вострымъ носомъ и простоволосая. Бѣлобрысые, маслосѣдѣвшіе волосы ея были жирно смазаны масломъ. На ея тонкой и длинной шеѣ, похожей на куриную ногу, было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечахъ, не смотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтѣлая мѣховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и крякхтѣла. Должно быть, молодой человѣкъ взглянулъ на нее какимъ нибудь особеннымъ взглядомъ, потому что и въ ея глазахъ мелькнула вдругъ опять прежняя недовѣрчивость.

— Раскольниковъ, студентъ, былъ у васъ назадъ тому мѣсяцъ,

посѣщалъ пробормотать молодой человѣкъ съ полупоклономъ, вспомнивъ, что надо быть любезнѣе.

— Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, отчетливо проговорила старушка, по прежнему не отводя своихъ вопрошающихъ глазъ отъ его лица.

— Такъ вотъ-съ... и опять, по такому-же дѣльцу... продолжалъ Раскольниковъ, немного смутившись и удивляясь недовѣрчивости старухи.

«Можетъ, впрочемъ, она и всегда такая, да я въ тотъ разъ не замѣтилъ, подумалъ онъ съ непріятнымъ чувствомъ.

Старуха помолчала, какъ-бы въ раздумьи, потомъ отступила въ сторону, и, указывая на дверь въ комнату, пропустила, пропуская гостя впередъ:

— Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, въ которую прошелъ молодой человѣкъ, съ желтыми обоями, геранями и кисейными занавѣсками на окнахъ, была въ эту минуту ярко освѣщена заходящимъ солнцемъ. «И *тогда*, стало быть, также будетъ солнце свѣтить!..» какъ-бы невзначай мелькнуло въ умѣ Раскольникова, и быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ все въ комнатѣ, чтобы по возможности изучить и запомнить расположеніе. Но въ комнатѣ не было ничего особеннаго. Мебель, вся очень старая и изъ желтаго дерева, состояла изъ дивана, съ огромною выгнутою деревянною спинкой, круглаго стола овальной формы передъ диваномъ, туалета съ зеркальцемъ въ простѣнкѣ, стульевъ по стѣнамъ, да двухъ-трехъ грошевыхъ картинокъ въ желтыхъ рамкахъ, изображавшихъ нѣмецкихъ барышень съ птицами въ рукахъ.—Вотъ и вся мебель. Въ углу передъ небольшимъ образомъ горѣла лампада. Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты подъ лоскъ; все блестѣло. «Лизаветина работа,» подумалъ молодой человѣкъ. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартирѣ. «Это у злыхъ и старыхъ вдовицъ бываетъ такая чистота,» продолжалъ про себя Раскольниковъ, и съ любопытствомъ покосился на ситцевую занавѣску передъ дверью во вторую крошечную комнатку, гдѣ стояли старухины постель и комодъ, и куда онъ еще ни разу не заглядывалъ. Вся квартира состояла изъ этихъ двухъ комнатъ.

— Что угодно? строго произнесла старушонка, войдя въ комнату и по прежнему становясь прямо передъ нимъ, чтобы глядѣть ему прямо въ лицо.

— Закладъ принесъ, вотъ-съ! — И онъ вынулъ изъ кармана старые плоскіе серебряные часы. На оборотной дощечкѣ ихъ былъ изображенъ глобусъ. Цѣпочка была стальная.

— Да вѣдь и прежнему закладу срокъ. Еще третьяго дня мѣсяцъ какъ минулъ.

— Я вамъ проценты еще за мѣсяцъ внесу; потерпите.

— А въ томъ моя добрая воля, батюшка, терпѣть или вещь вашу теперь-же продать.

— Много-ль за часы-то, Алена Ивановна?

— А съ пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоитъ. За колечко вамъ прошлый разъ два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

— Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовскіе. Я скоро деньги получу.

— Полтора рубля-съ и процентъ впередъ коли хотите-съ.

— Полтора рубля! вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Ваша воля.—И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человѣкъ взялъ ихъ и до того разсердился, что хотѣлъ было уже уйти; но тотчасъ одумался, вспомнивъ, что идти больше некуда, и что онъ еще и за другимъ пришелъ.

— Давайте! сказалъ онъ грубо.

Старуха полѣзла въ карманъ за ключами и пошла въ другую комнату за занавѣски. Молодой человѣкъ, оставшись одинъ среди комнаты, любопытно прислушивался и соображалъ. Слышно было какъ она отперла комодъ. «Должно быть, верхній ящикъ», соображалъ онъ. «Ключи она, стало быть, въ правомъ карманѣ носитъ... Всѣ на одной связкѣ, въ стальномъ кольцѣ... И тамъ одинъ ключъ есть всѣхъ больше, втрое, съ зубчатою бородкой, конечно, не отъ комода... Стало быть, есть еще какая нибудь шкатулка, али укладка... Вотъ это любопытно. У укладокъ все такіе ключи... А впрочемъ какъ это подло все»...

Старуха воротилась.

— Вотъ-съ, батюшка: коли по гривнѣ въ мѣсяцъ съ рубля, такъ за полтора рубля причтется съ васъ пятнадцать копѣекъ, за мѣсяцъ впередъ-съ. Да за два прежнихъ рубля съ васъ еще причитается по сему-же счету впередъ двадцать копѣекъ. А всего стало быть тридцать пять. Приходится-же вамъ теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копѣекъ. Вотъ получите-съ.

— Какъ! Такъ ужь теперь рубль пятнадцать копѣекъ!

— Точно такъ-съ.

Молодой человѣкъ спорить не сталъ и взялъ деньги. Онъ смотрѣлъ на старуху и не спѣшилъ уходить, точно ему еще хотѣлось что-то сказать или сдѣлать, но какъ будто онъ и самъ не зналъ что̀ именно...

— Я вамъ, Алена Ивановна, можетъ быть, на дняхъ, еще одну

вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... Вотъ какъ отъ пріятеля ворочу... Онъ смутился и замолчалъ.

— Ну тогда и будемъ говорить, батюшка.

— Прощайте-съ... А вы все дома одни сидите, сестрицы-то нѣтъ? спросилъ онъ какъ можно развязнѣе, выходя въ переднюю.

— А вамъ какое до нея, батюшка, дѣло?

— Да ничего особеннаго. Я такъ спросилъ. Ужь вы сейчасъ... Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольниковъ вышелъ въ рѣшительномъ смущеніи. Смущеніе это все болѣе и болѣе увеличивалось. Сходя по лѣстницѣ, онъ нѣсколько разъ даже останавливался, какъ будто чѣмъ-то внезапно пораженный. И наконецъ, уже на улицѣ, онъ воскликнулъ:

«О Боже! Какъ это все отвратительно! И неужели, неужели я... нѣтъ, это вздоръ, это нелѣпость! прибавилъ онъ рѣшительно. И неужели такой ужасъ могъ придти мнѣ въ голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, цѣлый мѣсяцъ...»

Но онъ не могъ выразить ни словами, ни восклицаніями, своего волненія. Чувство безконечнаго отвращенія, начинавшее давить и мутить его сердце еще въ то время какъ онъ только шелъ къ старухѣ, достигло теперь такого размѣра и такъ ярко выяснилось, что онъ не зналъ куда дѣться отъ тоски своей. Онъ шелъ по тротуару какъ пьяный, не замѣчая прохожихъ и сталкиваясь съ ними, и опомнился уже въ слѣдующей улицѣ. Оглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что стоитъ подлѣ распивочной, въ которую входъ былъ съ тротуара по лѣстницѣ внизъ, въ подвальный этажъ. Изъ дверей, какъ разъ въ эту минуту, выходили двое пьяныхъ, и другъ друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольниковъ тотчасъ-же спустился внизъ. Никогда до сихъ поръ не входилъ онъ въ распивочныя, но теперь голова его кружилась, и къ тому-же палящая жажда томила его. Ему захотѣлось выпить холоднаго пива, тѣмъ болѣе что внезапную слабость свою онъ относилъ и къ тому что былъ голоденъ. Онъ усѣлся въ темномъ и грязномъ углу, за липкимъ столикомъ, спросилъ пива и съ жадностію выпилъ первый стаканъ. Тотчасъ-же все отлегло, и мысли его прояснѣли. «Все это вздоръ, сказалъ онъ съ надеждой, и нечѣмъ тутъ было смущаться! Просто физическое разстройство! Одинъ какой нибудь стаканъ пива, кусокъ сухаря, — и вотъ, въ одинъ мигъ, крѣпнетъ умъ, яснѣетъ мысль, твердѣютъ намѣренія! Тьфу, какое все это ничтожество!..» Но не смотря на этотъ презрительный плевокъ, онъ глядѣлъ уже весело, какъ будто внезапно освободясь отъ какого-то ужаснаго бремени, и дружелюбно окинулъ

глазами присутствующихъ. Но даже и въ эту минуту онъ отдаленно предчувствовалъ, что вся эта воспріимчивость къ лучшему была тоже болѣзненная.

Въ распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кромѣ тѣхъ двухъ пьяныхъ, что̀ попались на лѣстницѣ, вслѣдъ за ними-же вышла еще разомъ цѣлая ватага, человѣкъ въ пять, съ одною дѣвкой и съ гармоніей. Послѣ нихъ стало тихо и просторно. Остались: одинъ хмѣльной, но немного, сидѣвшій за пивомъ, съ виду мѣщанинъ; товарищъ его, толстый, огромный, въ сибиркѣ и съ сѣдою бородой, очень захмѣлѣвшій, задремавшій на лавкѣ, и изрѣдка, вдругъ, какъ-бы съ просонья, начинавшій прищелкивать пальцами, разставивъ руки врозь, и подрыгивать верхнею частію корпуса не вставая съ лавки, причемъ подпѣвалъ какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, въ родѣ:

Цѣлый годъ жену ласкалъ,
Цѣл-лый годъ же-ну лас-калъ...

Или вдругъ, проснувшись опять:

По Подъяческой пошелъ
Свою прежнюю нашелъ...

Но никто не раздѣлялъ его счастія; молчаливый товарищъ его смотрѣлъ на всѣ эти взрывы даже враждебно и съ недовѣрчивостью. Былъ тутъ и еще одинъ человѣкъ, съ виду похожій какъ-бы на отставнаго чиновника. Онъ сидѣлъ особо, передъ своею посудинкой, изрѣдка отпивая и посматривая кругомъ. Онъ былъ тоже какъ будто въ нѣкоторомъ волненіи.

II.

Раскольниковъ не привыкъ къ толпѣ, и, какъ уже сказано, убѣгалъ всякаго общества, особенно въ послѣднее время. Но теперь его вдругъ что-то потянуло къ людямъ. Что-то совершалось въ немъ какъ-бы новое, и вмѣстѣ съ тѣмъ ощутилась какая-то жажда людей. Онъ такъ усталъ отъ цѣлаго мѣсяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачнаго возбужденія, что хотя одну минуту хотѣлось ему вздохнуть въ другомъ мірѣ, хоть-бы въ какомъ-бы то ни было, и, не смотря на всю грязь обстановки, онъ съ удовольствіемъ оставался теперь въ распивочной.

Хозяинъ заведенія былъ въ другой комнатѣ, но часто входилъ въ главную, спускаясь въ нее откуда-то по ступенькамъ, причемъ

прежде всего выказывались его щегольскіе смазные сапоги съ большими красными отворотами. Онъ былъ въ поддевкѣ и въ страшно засаленномъ черномъ атласномъ жилетѣ, безъ галстука, а все лицо его было какъ будто смазано масломъ, точно желѣзный замокъ. За стойкой находился мальчишка лѣтъ четырнадцати, и былъ другой мальчишка моложе, который подавалъ если что̀ спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и рѣзаная кусочками рыба: все это очень дурно пахло. Было душно, такъ что было даже нестерпимо сидѣть, и все до того было пропитано винным̀ запахомъ, что, кажется, отъ одного этого воздуха можно было въ пять минутъ сдѣлаться пьянымъ.

Бываютъ иныя встрѣчи, совершенно даже съ незнакомыми намъ людьми, которыми мы начинаемъ интересоваться съ перваго взгляда, какъ-то вдругъ, внезапно, прежде чѣмъ скажемъ слово. Такое точно впечатлѣніе произвелъ на Раскольникова тотъ гость, который сидѣлъ поодаль и походилъ на отставнаго чиновника. Молодой человѣкъ нѣсколько разъ припоминалъ потомъ это первое впечатлѣніе и даже приписывалъ его предчувствію. Онъ безпрерывно взглядывалъ на чиновника, конечно, и потому еще, что и самъ тотъ упорно смотрѣлъ на него, и видно было, что тому очень хотѣлось начать разговоръ. На остальныхъ-же, бывшихъ въ распивочной, не исключая и хозяина, чиновникъ смотрѣлъ какъ-то привычно и даже со скукой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ оттѣнкомъ нѣкотораго высокомѣрнаго пренебреженія, какъ-бы на людей низшаго положенія и развитія, съ которыми нечего ему говорить. Это былъ человѣкъ лѣтъ уже за пятьдесятъ, средняго роста и плотнаго сложенія, съ просѣдью и съ большою лысиной, съ отекшимъ отъ постояннаго пьянства желтымъ, даже зеленоватымъ лицомъ и съ припухшими вѣками, изъ за которыхъ сіяли крошечные какъ щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было въ немъ очень странное; во взглядѣ его свѣтилась какъ будто даже восторженность,—пожалуй, былъ и смыслъ и умъ,—но въ тоже время мелькало какъ будто и безуміе. Одѣтъ онъ былъ въ старый, совершенно оборванный черный фракъ, съ осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-какъ, и на нее-то онъ и застегивался, видимо желая не удалять приличій. Изъ подъ напковаго жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, но чиновничье, но давно уже, такъ что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и въ ухваткахъ его дѣйствительно было что-то солидно-чиновничье. Но онъ былъ въ безпокойствѣ, ерошилъ волосы и подпиралъ иногда, въ тоскѣ, обѣими руками голову, положа продранные локти на залитый и липкій

столъ. Наконецъ онъ прямо посмотрѣлъ на Раскольникова и громко и твердо проговорилъ:

— А осмѣлюсь-ли, милостивый государь мой, обратиться къ вамъ съ разговоромъ приличнымъ? Ибо хотя вы и не въ значительномъ видѣ, но опытность моя отличаетъ въ васъ человѣка образованнаго и къ нашитку непривычнаго. Самъ всегда уважалъ образованность, соединенную съ сердечными чувствами, и кромѣ того состою титулярнымъ совѣтникомъ. Мармеладовъ—такая фамилія; титулярный совѣтникъ. Осмѣлюсь узнать служить изволили?

— Нѣтъ, учусь... отвѣчалъ молодой человѣкъ, отчасти удивленный и особеннымъ витіеватымъ тономъ рѣчи, и тѣмъ, что такъ прямо, въ упоръ, обратились къ нему. Не смотря на недавнее мгновенное желаніе хотя какого-бы ни было сообщества съ людьми, онъ при первомъ, дѣйствительно обращенномъ къ нему словѣ, вдругъ ощутилъ свое обычное непріятное и раздражительное чувство отвращенія ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотѣвшему только прикоснуться къ его личности.

— Студентъ, стало быть, или бывшій студентъ! вскричалъ чиновникъ,—такъ я и думалъ! Опытъ, милостивый государь, неоднократный опытъ! и въ знакъ похвальбы онъ приложилъ палецъ ко лбу.—Были студентомъ или происходили ученую часть! А позвольте... Онъ привсталъ, покачнулся, захватилъ свою посудинку, стаканчикъ, и подсѣлъ къ молодому человѣку, нѣсколько отъ него наискосъ. Онъ былъ хмѣленъ, но говорилъ рѣчисто и бойко, изрѣдка только мѣстами сбиваясь немного и затягивая рѣчь. Съ какою-то даже жадностію накинулся онъ на Раскольникова, точно цѣлый мѣсяцъ тоже ни съ кѣмъ не говорилъ.

— Милостивый государь, началъ онъ почти съ торжественностію, — бѣдность не порокъ, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродѣтель, и это тѣмъ паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порокъ-съ. Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищетѣ-же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выметаютъ изъ компаніи человѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищетѣ я первый самъ готовъ оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, мѣсяцъ назадъ тому супругу мою избилъ г. Лебезятниковъ, а супруга моя не то что я! Понимаете-съ? Позвольте еще васъ спросить, такъ, хотя-бы въ видѣ простаго любопытства: изволили вы ночевать на Невѣ, на сѣнныхъ баркахъ?

— Нѣтъ, не случалось, отвѣчалъ Раскольниковъ. — Это что такое?

— Ну-съ, а я оттуда, и уже пятую ночь-съ...

Онъ налилъ стаканчикъ, выпилъ и задумался. Дѣйствительно, на его платьѣ и даже въ волосахъ кое-гдѣ виднѣлись прилипшія былинки сѣна. Очень вѣроятно было, что онъ пять дней не раздѣвался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирныя, красныя, съ черными ногтями.

Его разговоръ, казалось, возбудилъ общее, хотя и лѣнивое вниманіе. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяинъ, кажется, нарочно сошелъ изъ верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сѣлъ поодаль, лѣниво, но важно позѣвывая. Очевидно, Мармеладовъ былъ здѣсь давно извѣстенъ. Да и наклонность къ витіеватой рѣчи пріобрѣль, вѣроятно, вслѣдствіе привычки къ частымъ кабачнымъ разговорамъ съ различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иныхъ пьющихъ въ потребность, и преимущественно у тѣхъ изъ нихъ, съ которыми дома обходятся строго и которыми помыкаютъ. Оттого-то въ пьющей компаніи они и стараются всегда какъ будто выхлопотать себѣ оправданіе, а если можно, то даже и уваженіе.

— Забавникъ! громко проговорилъ хозяинъ.—А для-ча не работаешь, для-ча не служите, коли чиновникъ?

— Для чего я не служу, милостивый государь, подхватилъ Мармеладовъ, исключительно обращаясь къ Раскольникову, какъ будто это онъ ему задалъ вопросъ,—для чего не служу? А развѣ сердце у меня не болитъ о томъ, что я пресмыкаюсь втунѣ? Когда г. Лебезятниковъ, тому мѣсяцъ назадъ, супругу мою собственноручно избилъ, а я лежалъ пьяненькой, развѣ я не страдалъ? Позвольте, молодой человѣкъ, случалось вамъ... гм... ну хоть испрашивать денегъ въ займы безнадежно?

— Случалось... то есть какъ безнадежно?

— То есть безнадежно вполнѣ-съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, напримѣръ, заранѣе и досконально, что сей человѣкъ, сей благонамѣреннѣйшій и наполезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ-же, что я не отдамъ. Изъ состраданія? Но г. Лебезятниковъ, слѣдящій за новыми мыслями, объяснялъ намедни, что состраданіе въ наше время даже наукой воспрещено, и что такъ уже дѣлается въ Англіи, гдѣ политическая экономія. Зачѣмъ-же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ, зная впередъ, что не дастъ, вы все-таки отправляетесь въ путь и...

— Для чего-же ходить? прибавилъ Раскольниковъ.

— А коли не къ кому, коли идти больше некуда! Вѣдь надобно-же, чтобы всякому человѣку хоть куда нибудь можно было

пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непремѣнно надо хоть куда нибудь да пойти! Когда единородная дочь моя въ первый разъ по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошелъ... (ибо дочь моя по желтому билету живетъ-съ...) прибавилъ онъ въ скобкахъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотря на молодаго человѣка. — Ничего, милостивый государь, ничего! поспѣшилъ онъ тотчасъ-же, и, повидимому, спокойно заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся самъ хозяинъ. — Ничего-съ! Симъ покиваніемъ главъ не смущаюсь, ибо уже всѣмъ все извѣстно, и все тайное становится явнымъ: и не съ презрѣніемъ, а со смиреніемъ къ сему отношусь. Пусть! Пусть! «Се человѣкъ!» Позвольте, молодой человѣкъ: можете-ли вы... Но нѣтъ, изъяснить сильнѣе и изобразительнѣе: не *можете*-ли вы, а *осмѣлитесь*-ли вы, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ ни слова.

— Ну-съ, продолжалъ ораторъ, солидно и даже съ усиленнымъ на этотъ разъ достоинствомъ, переждавъ опять послѣдовавшее въ комнатѣ хихиканіе.—Ну-съ, я пусть свинья, а она дама! Я звѣриный образъ имѣю, а Катерина Ивановна, супруга моя — особа образованная и урожденная штабъ-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлецъ, она-же и сердца высокаго, и чувствъ облагороженныхъ воспитаніемъ исполнена. А между тѣмъ... о, еслибъ она пожалѣла меня! Милостивый государь, милостивый государь, вѣдь надобно-же чтобъ у всякаго человѣка было хоть одно такое мѣсто, гдѣ-бы и его пожалѣли! А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая... И хотя я и самъ понимаю, что когда она и вихры мои деретъ, то деретъ ихъ не иначе какъ отъ жалости сердца (ибо, повторяю безъ смущенія, она деретъ мнѣ вихры, молодой человѣкъ, подтвердилъ онъ съ сугубымъ достоинствомъ, услышавъ опять хихиканье), но Боже, что̀ еслибъ она хотя одинъ разъ... Но нѣтъ! Нѣтъ! Все сіе втунѣ, и нечего говорить! Нечего говорить!.. ибо и не одинъ уже разъ бывало желаемое, и не одинъ уже разъ жалѣли меня, но... но такова уже черта моя, а я прирожденный скотъ!

— Еще-бы! замѣтилъ зѣвая хозяинъ.

Мармеладовъ рѣшительно стукнулъ кулакомъ по столу.

— Такова ужь черта моя! Знаете-ли, знаете-ли вы, государь мой, что я даже чулки ея пропилъ? Не башмаки-съ, ибо это хотя сколько нибудь походило-бы на порядокъ вещей, а чулки, чулки ея пропилъ-съ! Косыночку ея изъ козьяго пуха тоже пропилъ, дареную, прежнюю, ея собственную, не мою; а живемъ мы въ холодномъ углѣ, и она въ эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Дѣтей-же маленькихъ у насъ трое, и Катерина Ивановна въ работѣ

съ утра до ночи, скребетъ и моетъ и дѣтей обмываетъ, ибо къ чистотѣ съ измалѣтства привыкла, а съ грудью слабою и къ чахоткѣ наклонною, и я это чувствую. Развѣ я не чувствую? И чѣмъ болѣе пью, тѣмъ болѣе и чувствую. Для того и пью, что въ питіи семъ состраданія и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! И онъ, какъ-бы въ отчаяніи, склонилъ на столъ голову.

— Молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, воспрянувъ опять. въ лицѣ вашемъ я читаю какъ-бы нѣкую скорбь. Какъ вошелъ, я прочелъ ее, а потому тотчасъ-же и обратился къ вамъ. Ибо, сообщая вамъ исторію жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу передъ сими праздношатаями, которымъ и безъ того все извѣстно, а чувствительнаго и образованнаго человѣка ищу. Знайте-же, что супруга моя въ благородномъ губернскомъ дворянскомъ институтѣ воспитывалась и при выпускѣ съ балью танцовала при губернаторѣ и при прочихъ лицахъ, за что золотую медаль и похвальный листъ получила. Медаль... ну медаль-то продали... ужъ давно... Гм... похвальный листъ до сихъ поръ у ней въ сундукѣ лежитъ, и еще недавно его хозяйка показывала. И хотя съ хозяйкой у ней напобезпрерывнѣйшіе раздоры, но хоть передъ кѣмъ нибудь погордиться захотѣлось и сообщить о счастливыхъ минувшихъ дняхъ. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сіе послѣднее у ней и осталось въ воспоминаніяхъ ея. а прочее все пошло прахомъ! Да, да: дама горячая, гордая и непреклонная. Полъ сама моетъ и на черномъ хлѣбѣ сидитъ, а неуваженія къ себѣ не допуститъ. Оттого и г. Лебезятникову грубость его не захотѣла спустить. И когда прибылъ ее за то господинъ Лебезятниковъ, то не столько отъ побоевъ, сколько отъ чувства въ постель слегла. Вдовой уже взялъ ее, съ тремя дѣтьми, малъ-мала меньше. Вышла замужъ за перваго мужа, за офицера пѣхотнаго, по любви, и съ нимъ убѣжала изъ дому родительскаго. Мужа любила чрезмѣрно, но въ картишки пустился, подъ судъ попалъ, съ тѣмъ и померъ. Бывалъ онъ ее подъ конецъ: а она хоть и не спускала ему, о чемъ мнѣ достодлинно и по документамъ извѣстно, но до сихъ поръ вспоминаетъ его со слезами и меня имъ коритъ, и я рада, я рада, ибо хотя въ воображеніяхъ своихъ зритъ себя когда-то счастливой... И осталась она послѣ него съ тремя малолѣтними дѣтьми въ уѣздѣ далекомъ и звѣрскомъ, гдѣ и я тогда находился, и осталась въ такой нищетѣ безнадежной, что я хотя и много видалъ приключеній различныхъ, но даже и описать не въ состояніи. Родные-же всѣ отказались. Да и горда была, черезчуръ горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовецъ, и отъ первой жены четырнадцатилѣтнюю дочь имѣя, руку свою предложилъ, ибо не могъ смотрѣть на такое страданіе.

Можете судить потому, до какой степени ея бѣдствія доходили, что она, образованная и воспитанная, и фамиліи извѣстной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руки ломая—пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете-ли, понимаете-ли вы, милостивый государь, что значитъ, когда уже некуда больше идти? Нѣтъ! Этого вы еще не понимаете... И цѣлый годъ я обязанность свою исполнялъ благочестиво и свято и не касался его (онъ ткнулъ пальцемъ на полуштофъ), ибо чувство имѣю. Но и симъ не могъ угодить; а тутъ мѣста лишился, и тоже не по винѣ, а по измѣненію въ штатахъ, и тогда прикоснулся!.. Полтора года уже будетъ назадъ какъ очутились мы, наконецъ, послѣ странствій и многочисленныхъ бѣдствій, въ сей великолѣпной и украшенной многочисленными памятниками столицѣ. И здѣсь я мѣсто досталъ... Досталъ, и опять потерялъ. Понимаете-съ? Тутъ уже по собственной винѣ потерялъ, ибо черта моя наступила... Проживаемъ-же теперь въ углѣ, у хозяйки Амаліи Ѳедоровны Липпевехзель, а чѣмъ живемъ и чѣмъ платимъ, не вѣдаю. Живутъ-же тамъ многіе и кромѣ насъ... Содомъ-съ, безобразнѣйшій... гм... да... А тѣмъ временемъ возросла и дочка моя, отъ перваго брака, и что только вытерпѣла она, дочка моя, отъ мачихи своей, возрастая, о томъ я умалчиваю. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушныхъ чувствъ, но дама горячая и раздраженная, и оборветъ... Да-съ! Ну, да нечего вспоминать о томъ! Воспитанія, какъ и представить можете, Соня не получила. Пробовалъ я съ ней, года четыре тому, географію и всемірную исторію проходить; но какъ я самъ былъ въ познаніи семъ не крѣнокъ, да и приличныхъ къ тому руководствъ не имѣлось, ибо какія имѣвшіяся книжки... гм! ну, ихъ уже теперь и нѣтъ этихъ книжекъ, то тѣмъ и кончилось все обученіе. На Кирѣ Перендскомъ остановились. Потомъ, уже достигнувъ зрѣлаго возраста, прочла она нѣсколько книгъ содержанія романическаго, да недавно еще, черезъ посредство господина Лебезятникова, одну книжку *Физіологію* Льюиса —изволите знать-съ?—съ большимъ интересомъ прочла, и даже намъ отрывочно вслухъ сообщала: вотъ и все ея просвѣщеніе. Теперь-же обращусь къ вамъ, милостивый государь мой, самъ отъ себя съ вопросомъ приватнымъ: много-ли можетъ, по вашему, бѣдная, но честная дѣвица, честнымъ трудомъ заработать?.. Пятнадцать копѣекъ въ день, сударь, не заработаетъ, если честна и не имѣетъ особыхъ талантовъ, да и то рукъ не покладая работавши! Да и то статскій совѣтникъ Клопштокъ, Иванъ Ивановичъ,—изволили слышать?—не только денегъ за шитье полдюжины голландскихъ рубахъ до сихъ поръ не отдалъ, но даже съ обидой погналъ ее, затопавъ ногами и обозвавъ непристойно, подъ видомъ

будто-бы рубашечный воротъ сшить не по мѣркѣ и косякомъ. А тутъ ребятишки голодные... А тутъ Катерина Ивановна руки ломая по комнатѣ ходитъ, да красныя пятна у ней на щекахъ выступаютъ,—что въ болѣзни этой и всегда бываетъ: «Живешь, дескать, ты, дармоѣдка, у насъ, ѣшь и пьешь, и тепломъ пользуешься», а что тутъ пьешь и ѣшь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видятъ! «Лежалъ я тогда... ну, да ужь что! лежалъ пьяненькой-съ, и слышу, говоритъ моя Соня (безотвѣтная она, и голосокъ у ней такой кроткій... бѣлокуренькая, личико всегда блѣденькое, худенькое), говоритъ: «Что-жь, Катерина Ивановна, неужели-же мнѣ на такое дѣло пойти?» А ужь Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась. «А что-жь, отвѣчаетъ Катерина Ивановна, въ пересмѣшку,—чего беречь? Эко сокровище!» Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не въ здравомъ разсудкѣ сіе сказано было, а при взволнованныхъ чувствахъ, въ болѣзни и при плачѣ дѣтей не ѣвшихъ, да и сказано болѣе ради оскорбленія чѣмъ въ точномъ смыслѣ... Ибо Катерина Ивановна такого ужь характера, и какъ расплачутся дѣти, хоть-бы и съ голоду, тотчасъ-же ихъ бить начинаетъ. И вижу я, здакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла платочекъ, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ обратно пришла. Пришла, и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней тридцать цѣлковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не вымолвила, хоть-бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ (общій такой у насъ платокъ есть, драдедамовый), накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо и легла на кровать, лицомъ къ стѣнкѣ, только плечики, да тѣло все вздрагиваютъ... А я, какъ и давеча, въ томъ-же видѣ лежалъ-съ... И видѣлъ я тогда, молодой человѣкъ, видѣлъ я какъ затѣмъ Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣнкахъ простояла, ноги ей цѣловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснули вмѣстѣ, обнявшись... обѣ... обѣ... да-съ... а я... лежалъ пьяненькій-съ.

Мармеладовъ замолчалъ, какъ будто голосъ у него пресѣкся. Потомъ вдругъ поспѣшно налилъ, выпилъ и крякнулъ.

— Съ тѣхъ поръ, государь мой, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—съ тѣхъ поръ, по одному неблагопріятному случаю и по доношенію неблагонамѣренныхъ лицъ,—чему особенно способствовала Дарья Францовна, за то будто-бы, что ей въ надлежащемъ почтеніи манкировали,—съ тѣхъ поръ дочь моя, Софья Семеновна, желтый билетъ принуждена была получить, и уже вмѣстѣ

съ нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалія Ѳедоровна, того допустить не хотѣла (а сама-же прежде „Царь Францовичъ способствовала), да и господинъ „Лебезятниковъ... гм... Вотъ за Соню-то и вышла у него эта исторія съ Катериною Ивановной. Сначала самъ добивался отъ Сонечки, а тутъ и въ амбицію вдругъ вошли: «Какъ, дескать, я, такой просвѣщенный человѣкъ, въ одной квартирѣ съ таковскою буду жить? А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло... И заходитъ къ намъ Сонечка теперь болѣе въ сумерки и Катерину Ивановну облегчаетъ, и средства посильныя оставляетъ... Живетъ-же на квартирѣ у портнаго Капернаумова, квартиру у нихъ снимаетъ, а Капернаумовъ хромъ и косноязыченъ, и все многочисленнѣйшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... Въ одной комнатѣ помѣщаются, а Соня свою имѣетъ особую, съ перегородкой... Гм, да... „Люди обѣдѣнніе и косноязычные... да... Только встать я тогда поутру-съ, одѣть лохмотья мои, воздѣть руки къ небу и отправиться къ его превосходительству Ивану Афанасьевичу. Его превосходительство Ивана Афанасьевича извольте знать?.. Нѣтъ? Ну такъ Божія человѣка не знаете! Это—воскъ... воскъ передъ лицомъ Господнимъ: яко таетъ воскъ!.. „Даже прослезились, изволивъ все выслушать. „Ну, говоритъ, Мармеладовъ, разъ уже ты обманулъ мои ожиданія... Беру тебя еще разъ на личную свою отвѣтственность „, —такъ и сказали, — „помни, дескать, стуная! Облобызалъ я прахъ ногъ его, мысленно, ибо взаправду не дозволили-бы, бывши сановникомъ и человѣкомъ новыхъ государственныхъ и образованныхъ мыслей; воротился „домой, и какъ объявилъ, что на службу опять зачисленъ и жалованіе получаю, Господи, что тогда было!..

Мармеладовъ опять остановился въ сильномъ волненіи. Въ это время вошла съ улицы цѣлая партія пьяницъ уже и безъ того пьяныхъ, и раздались у входа звуки наянтон шарманки и дѣтскій, надтреснутый семилѣтній голосокъ, игравшій *Хуторокъ*. Стало шумно. Хозяинъ и прислуга занялись вошедшими. Мармеладовъ, не обращая вниманія на вошедшихъ, сталъ продолжать разсказъ. Онъ, казалось, уже сильно ослабъ, но чѣмъ болѣе хмѣлѣлъ, тѣмъ становился словоохотнѣе. Воспоминанія о недавнемъ успѣхѣ по службѣ какъ-бы оживили его и даже отразились на лицѣ его какимъ-то сіяніемъ. Раскольниковъ слушалъ внимательно.

— Было-же это, государь мой, назадъ пять недѣль. Да... Только что узнали онъ объ. Катерина Ивановна и Сонечка, Господи, точно я въ царствіе Божіе переселился. Бывало, лежи какъ скотъ, только брань! А нынѣ: на цыпочкахъ ходятъ, дѣтей уни-

мають: Семенъ Захарычъ на службѣ усталъ, отдыхаетъ, тш!-. Кофеемъ меня передъ службой поятъ, сливки кипятятъ! Сливокъ настоящихъ доставать начали, слышите! И откуда они сколотились мнѣ на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, не понимаю? Сапоги, манишки коленкоровыя —великолѣпнѣйшія, вицъ-мундиръ, все за одиннадцать съ полтиной состряпали въ превосходнѣйшемъ видѣ-съ. Пришелъ я въ первый день по утру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда стотовила, супъ и солонину подъ хрѣномъ, о чемъ и понятія до сихъ поръ не имѣлось. Платьевъ-то нѣтъ у ней никакихъ... то есть никакихъ-съ, а тутъ точно въ гости собралась, пріодѣлась. и не то чтобы что нибудь, а такъ, изъ ничего все сдѣлать съумѣютъ: причешутся, воротничекъ тамъ какой нибудь чистенькій, нарукавнички. анъ совсѣмъ другая особа выходитъ, и помолодѣла, и похорошѣла Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой. говоритъ, мнѣ теперь, до времени, у васъ часто бывать неприлично, такъ развѣ въ сумерки,что бы никто не видалъ. Слышите, слышите? Пришелъ я послѣ обѣда заснуть, такъ что-жь-бы вы думали, вѣдь не вытерпѣла Катерина Ивановна: за недѣлю еще съ хозяйкой, съ Амаліей Ѳедоровной, послѣднимъ образомъ перессорились, а тутъ на чашку кофею позвала. Два часа просидѣли и все шепталисъ: дескать, какъ теперь Семенъ Захарычъ на службѣ и жалованье получаетъ, и къ его превосходительству самъ являлся, и его превосходительство самъ вышелъ, всѣмъ ждать велѣлъ, а Семена Захарыча мимо всѣхъ за руку въ кабинетъ провелъ . Слышите. слышите? Я, конечно, говоритъ, Семенъ Захарычъ, помню ваши заслуги, и хотя вы и придержинались этой легкомысленной слабости, но какъ ужь вы теперь обѣщаетесь, и что сверхъ того безъ васъ у насъ худо пошло (слышите, слышите!), то и надѣюсь, говоритъ. теперь на ваше благородное слово , то есть все это я вамъ сказку взяла да и выдумала, и не то чтобъ изъ легкомыслія, для одной похвальбы-съ! Нѣтъ-съ, сама всему вѣритъ, собственными воображеніями сама себя тѣшитъ, ей Богу-съ! И я не осуждаю: нѣтъ, этого я не осуждаю!.. Когда-же, шесть дней назадъ. я первое жалованье мое — двадцать три рубля сорокъ копѣекъ сполна принесъ, малявочкой меня назвала: «Малявочка, говоритъ. ты эдакая!» И наединѣ-съ, понимаете-ли? Ну, ужь что, кажется, во мнѣ за краса. и какой я супругъ? Нѣтъ, ущипнула за щеку: «Малявочка ты эдакая!» говоритъ.

Мармеладовъ остановился. хотѣлъ было улыбнуться, но вдругъ подбородокъ его запрыгалъ. Онъ, впрочемъ. удержался. Этотъ кабакъ. развращенный видъ, пять ночей на сѣнныхъ баркахъ и питофъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эта болѣзненная любовь къ женѣ и

семьѣ сбивалъ его слушателя съ толку. Раскольниковъ слушалъ напряженно, но съ ощущеніемъ болѣзненнымъ. Онъ досадовалъ, что зашелъ сюда.

— Милостивый государь, милостивый государь! воскликнулъ Мармеладовъ, оправившись, — о, государь мой, вамъ можетъ быть все это въ смѣхъ, какъ и прочимъ, и только безпокою я васъ глупостію всѣхъ этихъ мизерныхъ подробностей домашней жизни моей, ну, а мнѣ не въ смѣхъ! Ибо я все это могу чувствовать... И въ продолженіе всего того райскаго дня моей жизни и всего того вечера, я и самъ въ мечтаніяхъ летучихъ препровождалъ: и то есть, какъ я это все устрою, и ребятишекъ одѣну, и ей покой дамъ, и дочь мою единородную отъ безчестья въ лоно семьи возвращу... И многое, многое... Позволительно, сударь. Ну-съ, государь ты мой (Мармеладовъ вдругъ какъ будто вздрогнулъ, поднялъ голову и въ упоръ посмотрѣлъ на своего слушателя), ну-съ, а на другой-же день, послѣ всѣхъ сихъ мечтаній (то есть это будетъ ровно пять сутокъ назадъ тому) къ вечеру, я хитрымъ обманомъ, какъ тать въ нощи, похитилъ у Катерины Ивановны отъ сундука ея ключъ, вынулъ что осталось изъ принесеннаго жалованья, сколько всего ужь не помню, и вотъ-съ, глядите на меня, всѣ! Пятый день изъ дома, и тамъ меня ищутъ, и службѣ конецъ, и вицъ-мундиръ въ распивочной у Египетскаго моста лежитъ, взамѣнъ чего и получилъ сіе одѣяніе... и всему конецъ!

Мармеладовъ стукнулъ себя кулакомъ по лбу, стиснулъ зубы, закрылъ глаза и крѣпко опершя локтемъ на столъ. Но черезъ минуту лицо его вдругъ измѣнилось и съ какимъ-то напускнымъ лукавствомъ и выдѣланнымъ нахальствомъ взглянулъ на Раскольникова, засмѣялся и проговорилъ:

— А сегодня у Сони былъ, на похмѣлье ходилъ просить! Хе-хе-хе!

— Неужели дала? крикнулъ кто-то со стороны изъ вошедшихъ, крикнулъ и захохоталъ во всю глотку.

— Вотъ этотъ самый полуштофъ-съ на ея деньги и купленъ, произнесъ Мармеладовъ исключительно обращаясь къ Раскольникову.—Тридцать копѣекъ выпесла, своими руками, послѣднія, все что было, самъ видѣлъ... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрѣла... Такъ не на землѣ, а тамъ... о людяхъ тоскуютъ, плачутъ, а не укоряютъ, не укоряютъ! А это больнѣй-съ, больнѣй-съ, когда не укоряютъ!.. Тридцать копѣекъ, да-съ. А вѣдь и ей теперь онѣ нужны, а? Какъ вы думаете, сударь мой дорогой? Вѣдь она теперь чистоту наблюдать должна. Денегъ стоитъ сія чистота, особая-то, понимаете? Понимаете? Ну, тамъ помадки тоже

купить, вѣдь нельзя-же-съ; юбки крахмальныя, ботиночку эдакую, пофиглярнѣе, чтобы ножку выставить, когда лужу придется переходить. Понимаете-ли, понимаете-ли, сударь, что̀ значитъ сія чистота? Ну-съ, а я вотъ, кровный-то отецъ, тридцать-то эти копѣекъ и стащилъ себѣ на похмѣлье! И пью-съ! И ужь пропилъ-съ!.. Ну, кто-же такого, какъ я, пожалѣетъ? ась? Жаль вамъ теперь меня, сударь, аль нѣтъ? Говорите, сударь, жаль, али нѣтъ? Хе-хе-хе-хе!

Онъ хотѣлъ было налить, но уже нечего было. Полуштофъ былъ пустой.

— Да чего тебя жалѣть-то? крикнулъ хозяинъ, очутившійся опять подлѣ нихъ.

Раздался смѣхъ и даже ругательства. Смѣялись и ругались слушавшіе и не слушавшіе, такъ, глядя только на одну фигуру отставнаго чиновника.

— Жалѣть! Зачѣмъ меня жалѣть! вдругъ возопилъ Мармеладовъ, вставая съ протянутою впередъ рукой, въ рѣшительномъ вдохновеніи, какъ будто только и ждалъ этихъ словъ. — Зачѣмъ жалѣть, говоришь ты? Да! Меня жалѣть не за что! Меня распять надо, распять на крестѣ, а не жалѣть! Но распни, судія, распни и распявъ пожалѣй его! И тогда я самъ къ тебѣ пойду на пропятіе, ибо не веселья жажду, а скорби и слезъ!.. Думаешь-ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ: а пожалѣетъ насъ Тотъ Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ; Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день и спроситъ: «А гдѣ дщерь что̀ мачихѣ злой и чахоточной, что̀ дѣтямъ чужимъ и малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дщерь, что̀ отца своего земнаго, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла? И скажетъ: «Пріиди! Я уже простилъ тебя разъ... Простилъ тебя разъ... Прощаются-же и теперь грѣхи твои многи, за то что возлюбила много... И проститъ мою Соню, проститъ, я ужь знаю, что проститъ... Я это давеча, какъ у ней былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ!.. И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смирныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выходите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите соромники! И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! Образа звѣринаго и печати его; но пріидите и вы! И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: Господи! Почто сихъ пріемлеши? И скажетъ: «Потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ никогда не считалъ

себя достойнымъ сего... И простретъ къ намъ руцѣ свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ!.. и всѣ поймутъ... и Катерина Ивановна... и она поиметъ... Господи, да пріидетъ Царствіе Твое!

И онъ опустился на лавку, истощенный и обезсиленный, ни на кого не смотря, какъ-бы забывъ окружающее и глубоко задумавшись. Слова его произвели нѣкоторое впечатлѣніе; на минуту воцарилось молчаніе, но вскорѣ раздались рѣзкій смѣхъ и ругательства.

— Разсудилъ!

— Заврался!

— Чиновникъ!

И проч., и проч.

— Пойдемте, сударь, сказалъ вдругъ Мармеладовъ, поднимая голову и обращаясь къ Раскольникову:—доведите меня... Домъ Козеля, на дворѣ. Пора..., къ Катеринѣ Ивановнѣ...

Раскольникову давно уже хотѣлось уйти: помочь-же ему онъ и самъ думалъ. Мармеладовъ оказался гораздо слабѣе ногами чѣмъ въ рѣчахъ, и крѣпко оперся на молодаго человѣка. Идти было шаговъ двѣсти-триста. Смущеніе и страхъ все болѣе и болѣе овладѣвали пьяницей по мѣрѣ приближенія къ дому.

— Я не Катерины Ивановны теперь боюсь, бормоталъ онъ въ волненіи,—и не того что она мнѣ волосы драть начнетъ. Что волосы!.. Вздоръ волосы! Это я говорю! Оно даже и лучше коли драть начнетъ, а я не того боюсь... я... глазъ ея боюсь... да... глазъ... Красныхъ пятенъ на щекахъ тоже боюсь... и еще—ея дыханія боюсь... Видалъ ты, какъ въ этой болѣзни дышутъ... при взволнованныхъ чувствахъ? Дѣтскаго плача тоже боюсь... Потому, какъ если Соня не накормила, то... ужь не знаю что! Не знаю! А побоевъ не боюсь... Знай, сударь, что мнѣ таковые побои не токмо не въ боль, но и въ наслажденіе бываютъ... Ибо безъ сего я и самъ не могу обойтись. Оно лучше. Пусть побьетъ, душу отведетъ... оно лучше... А вотъ и домъ. Козеля домъ. Слесаря, Нѣмца, богатаго... ведь!

Они вошли со двора и прошли въ четвертый этажъ. Лѣстница чѣмъ дальше, тѣмъ становилась темнѣе. Было уже почти одиннадцать часовъ, и хотя въ эту пору въ Петербургѣ нѣтъ настоящей ночи, но на верху лѣстницы было очень темно.

Маленькая закоптѣлая дверь въ концѣ лѣстницы, на самомъ верху, была отворена. Огарокъ освѣщалъ бѣдненькую комнату шаговъ въ десять длиной: все ее было видно изъ сѣней. Все было разбросано и въ безпорядкѣ, въ особенности разное дѣтское тряпье.

Черезъ задній уголъ была протянута дырявая простыня. За нею, вѣроятно, помѣщалась кровать. Въ самой-же комнатѣ было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диванъ, передъ которымъ стоялъ старый кухонный сосновый столъ, не крашеный и ничѣмъ не покрытый. На краю стола стоялъ догоравшій сальный огарокъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. Выходило, что Мармеладовъ помѣщался въ особой комнатѣ, а не въ углу, но комната его была проходная. Дверь въ дальнѣйшія помѣщенія или клѣтки, на которыя разбивалась квартира Амаліи Ивановны, была пріотворена. Тамъ было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли въ карты и пили чай. Вылетали иногда слова самыя нецеремонныя.

Раскольниковъ тотчасъ призналъ Катерину Ивановну. Это была ужасно похудѣвшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще съ прекрасными темно-русыми волосами и дѣйствительно съ раскраснѣвшимися до пятенъ щеками. Она ходила взадъ и впередъ по своей небольшой комнатѣ, сжавъ руки на груди, съ запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ея блестѣли какъ въ лихорадкѣ, но взглядъ былъ рѣзокъ и неподвиженъ, и болѣзненное впечатлѣніе производило это чахоточное и взволнованное лицо, при послѣднемъ освѣщеніи догоравшаго огарка, трепетавшемъ на лицѣ ея. Раскольникову она показалась лѣтъ тридцати, и дѣйствительно была не пара Мармеладову... Входящихъ она не слыхала и не замѣтила; казалось, она была въ какомъ-то забытьи. Не слушала и не видѣла. Въ комнатѣ было душно, но окна она не отворила; съ лѣстницы несло вонью. Но дверь на лѣстницу была не затворена: изъ внутреннихъ помѣщеній, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачнаго дыма, она кашляла, но дверь не притворяла. Самая маленькая дѣвочка, лѣтъ шести, спала на полу, какъ-то сидя, скорчившись и уткнувъ голову въ диванъ. Мальчикъ, годомъ старше ея, весь дрожалъ въ углу и плакалъ. Его, вѣроятно, только что прибили. Старшая дѣвочка, лѣтъ девяти, высокенькая и тоненькая какъ спичка, въ одной худенькой и разодранной всюду рубашкѣ и въ накинутомъ на голыя плечи ветхомъ драдедамовомъ бурнусикѣ, сшитомъ ей, вѣроятно, два года назадъ, потому что онъ не доходилъ теперь и до колѣнъ, стояла въ углу подлѣ маленькаго брата, обхвативъ его шею своею длинною, высохшею какъ спичка рукою. Она, кажется, унимала его, что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтобъ онъ какъ нибудь опять не захныкалъ, и въ тоже время со страхомъ слѣдила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ея исхудавшемъ и испуганномъ личикѣ. Мармеладовъ, не входя въ комнату, сталъ въ самыхъ дверяхъ на колѣни, а Раскольникова протолкнуть впе-

редъ. Женщина, увидѣвъ незнакомаго, разсѣянно остановилась передъ нимъ, на мгновеніе очнувшись и какъ-бы соображая: зачѣмъ это онъ вошелъ? Но навѣрно ей тотчасъ-же представилось, что онъ идетъ въ другія комнаты, такъ какъ цхняя была проходная. Сообразивъ это и не обращая уже болѣе на него вниманія, она пошла къ сѣннымъ дверямъ, чтобы притворить ихъ, и вдругъ вскрикнула, увидѣвъ на самомъ порогѣ стоящаго на колѣнкахъ мужа.

— А! закричала она въ изступленіи, — воротился! Колодникъ! Извергъ!.. А гдѣ деньги? Что у тебя въ карманѣ, показывай! И платье не то! Гдѣ твое платье? Гдѣ деньги? Говори!..

И она бросилась его обыскивать. Мармеладовъ тотчасъ-же послушно и покорно развелъ руки въ обѣ стороны, чтобы тѣмъ облегчить карманный обыскъ. Денегъ не было ни копѣйки.

— Гдѣ-же деньги? кричала она.—О, Господи, неужели-же онъ все пропилъ! Вѣдь двѣнадцать цѣлковыхъ въ сундукѣ оставалось!.. и вдругъ, въ бѣшенствѣ, она схватила его за волосы и потащила въ комнату. Мармеладовъ самъ облегчалъ ея усилія, смиренно ползя за нею на колѣнкахъ.

— И это мнѣ въ наслажденіе! И это мнѣ не въ боль, а въ нас-лаж-деніе, ми-ло-сти-вый го-су-дарь, выкрикивалъ онъ потрясаемый за волосы и даже разъ стукнувшись лбомъ объ полъ. Спавшій на полу ребенокъ проснулся и заплакалъ. Мальчикъ въ углу не выдержалъ, задрожалъ, закричалъ и бросился къ сестрѣ въ страшномъ испугѣ, почти въ припадкѣ. Старшая дѣвочка дрожала со сна какъ листъ.

— Пропилъ! Все, все пропилъ! кричала въ отчаяніи бѣдная женщина, — и платье не то! Голодные, голодные! (и ломая руки, она указывала на дѣтей.) О, треклятая жизнь! А вамъ, вамъ не стыдно, вдругъ набросилась она на Раскольникова, — изъ кабака! Ты съ нимъ пилъ? Ты тоже съ нимъ пилъ! Вонъ!

Молодой человѣкъ поспѣшилъ уйти, не говоря ни слова. Къ тому-же, внутренняя дверь отворилась настежь, и изъ нея выглянуло нѣсколько любопытныхъ. Протягивались наглыя смѣющіяся головы съ папиросками, съ трубками, въ ермолкахъ. Видѣлись фигуры въ халатахъ и совершенно на распашку, въ лѣтнихъ до неприличія костюмахъ, иныя съ картами въ рукахъ. Особенно потѣшно смѣялись они, когда Мармеладовъ, таскаемый за волосы, кричалъ, что это ему въ наслажденіе. Стали даже входить въ комнату; послышался, наконецъ, зловѣщій визгъ: это продиралась впередъ сама Амалія Липпевехзель, чтобы произвести распорядокъ по свойски и въ сотый разъ испугать бѣдную женщину ругательскимъ приказаніемъ завтра-же очистить квартиру. Уходя, Раскольниковъ успѣлъ

просунуть руку въ карманъ, загребъ сколько пришлось мѣдныхъ денегъ, доставшихся ему съ размѣняннаго въ распивочной рубля, и непримѣтно положилъ на окошко. Потомъ уже на лѣстницѣ онъ одумался и хотѣлъ было воротиться.

«Ну что это за вздоръ такой я сдѣлалъ, подумалъ онъ, тутъ у нихъ Соня есть, а мнѣ самому надо». Но разсудивъ, что взять назадъ уже невозможно, и что вестаки онъ и безъ того-бы не взялъ, онъ махнулъ рукой и пошелъ на свою квартиру. «Сонѣ помадки вѣдь тоже нужно, продолжалъ онъ, шагая по улицѣ и язвительно усмѣхаясь; денегъ стоитъ сія чистота... Гм! А вѣдь Сонечка-то, пожалуй, сегодня и сама обанкрутится, потому тотъ-же рискъ, охота по красному звѣрю... золотопромышленность... вотъ они всѣ, стало быть, и на бобахъ завтра безъ моихъ-то денегъ... Ай-да Соня! Каюк колодезь однакожь сумѣли выкопать! И пользуются! Вотъ вѣдь пользуются-же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлецъ-человѣкъ привыкаетъ!»

Онъ задумался.

— Ну а коли я совралъ, воскликнулъ онъ вдругъ невольно,— коли дѣйствительно не *подлецъ* человѣкъ, весь вообще, весь родъ, то есть, человѣческій, то значитъ, что остальное все—предразсудки, одни только страхи напущенные, и нѣтъ никакихъ преградъ, и такъ тому и слѣдуетъ быть!..

III.

нъ проснулся на другой день уже поздно, послѣ тревожнаго сна, но сонъ не подкрѣпилъ его. Проснулся онъ желчный, раздражительный, злой, и съ ненавистью посмотрѣлъ на свою каморку. Это была крошечная клѣтушка, шаговъ въ шесть длиной, имѣвшая самый жалкій видъ съ своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими отъ стѣны обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человѣку становилось въ ней жутко, и все казалось, что вотъ-вотъ стукнешься головой о потолокъ. Мебель соотвѣтствовала помѣщенію: было три старыхъ стула, не совсѣмъ исправныхъ, крашеный столъ въ углу, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей и книгъ: уже по тому одному, какъ онѣ были запылены, видно было, что до нихъ давно уже не касалась ни чья рука; и наконецъ неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стѣну и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцемъ, но теперь въ лохмотьяхъ и служившая постелью Раскольникову. Часто онъ спалъ

на ней такъ какъ былъ, не раздѣваясь, безъ простыни, покрываясь своимъ старымъ, ветхимъ, студенческимъ пальто и съ одною маленькою подушкой въ головахъ, подъ которую подкладывалъ все что имѣлъ бѣлья, чистаго и запошеннаго, чтобы было повыше изголовье. Передъ софой стоялъ маленькій столикъ.

Трудно было болѣе опуститься и обезличиться; но Раскольникову это было даже пріятно въ его теперешнемъ состояніи духа. Онъ рѣшительно ушелъ отъ всѣхъ, какъ черепаха въ свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда въ его комнату, возбуждало въ немъ желчь и конвульсіи. Такъ бываетъ у иныхъ мономановъ, слишкомъ на чемъ нибудь сосредоточившихся. Квартирная хозяйка его двѣ недѣли какъ уже перестала ему отпускать кушанье, и онъ не подумалъ еще до сихъ поръ сходить объясниться съ нею, хотя и сидѣлъ безъ обѣда. Настасья, кухарка и единственная служанка хозяйкина, отчасти была рада такому настроенію жильца и совсѣмъ перестала у него убирать и мести, такъ только, въ недѣлю разъ, нечаянно, бралась иногда за вѣникъ. Она-же и разбудила его теперь.

— Вставай, чего спишь! закричала она надъ нимъ,—десятый часъ. Я тебѣ чай принесла; хошь чайку-то? Поди отощалъ?

Жилецъ открылъ глаза, вздрогнулъ и узналъ Настасью.

— Чай-то отъ хозяйки что-ль? спросилъ онъ, медленно и съ болѣзненнымъ видомъ приподнимаясь на софѣ.

— Како отъ хозяйки!

Она поставила передъ нимъ свой собственный надтреснутый чайникъ, съ спитымъ уже чаемъ, и положила два желтыхъ кусочка сахару.

— Вотъ, Настасья, возьми, пожалуйста, сказалъ онъ, пошаривъ въ карманѣ (онъ такъ и спалъ одѣтый) и вытащивъ горсточку мѣди,—сходи и купи мнѣ сайку. Да возьми въ колбасной хоть колбасы немного, подешевле.

— Сайку я тебѣ сею минутою принесу, а не хошь-ли вмѣсто колбасы-то щей? Хорошія щи, вчерашнія. Еще вчера тебѣ отставила, да ты пришелъ поздно. Хорошія щи.

Когда щи были принесены, и онъ принялся за нихъ, Настасья усѣлась подлѣ него на софѣ и стала болтать. Она была изъ деревенскихъ бабъ и очень болтливая баба.

— Прасковья-то Павловна въ полицу на тебя хочетъ жаловаться, сказала она.

Онъ крѣпко поморщился.

— Въ полицію? Что ей надо?

— Денегъ не платишь и съ фатеры не сходишь. Извѣстно что надо.

— Э, чорта еще этого не доставало, бормоталъ онъ сквозь зубами: — нѣтъ, это мнѣ теперь... не кстати... Дура она, прибавилъ онъ громко.—Я сегодня къ ней зайду, поговорю.

— Дура-то она дура, такая-же какъ и я, а ты что̀ умникъ лежишь какъ мѣшокъ, ничего отъ тебя не видать? Прежде, говоришь, дѣтей учить ходилъ, а теперь вонто ничего не дѣлаешь?

— Я дѣлаю... нехотя и сурово проговорилъ Раскольниковъ.

— Что̀ дѣлаешь?

— Работу...

— Каку работу?

— Думаю, серіозно отвѣчалъ онъ, помолчавъ.

Настасья такъ и покатилась со смѣху. Она была изъ смѣшливыхъ, и когда разсмѣшатъ, смѣялась неслышно, колыхаясь и трясясь всѣмъ тѣломъ, до тѣхъ поръ, что самой тошно уже становилось.

— Денегъ-то много что-ль надумалъ? смогла она, наконецъ, выговорить.

— Безъ сапогъ нельзя дѣтей учить. Да и наплевать.

— А ты въ колодезь не плюй.

— За дѣтей мѣдью платятъ. Что̀ на копѣйки сдѣлаешь? продолжалъ онъ съ неохотой, какъ-бы отвѣчая собственнымъ мыслямъ.

— А тебѣ-бы сразу весь капиталъ?

Онъ странно посмотрѣлъ на нее.

— Да, весь капиталъ, твердо отвѣчалъ онъ помолчавъ.

— Ну, ты помаленьку, а то испужаешь: страшно уже очинна. За сайкой-то ходить, али нѣтъ?

— Какъ хочешь.

— Да, забыла! Къ тебѣ вѣдь письмо вчера безъ тебя пришло.

— Письмо! Ко мнѣ! Отъ кого?

— Отъ кого, не знаю. Три копѣйки почталіону своихъ отдала. Отдашь что-ли?

— Такъ неси-же, ради Бога неси! закричалъ весь въ волненіи Раскольниковъ, —Господи!

Черезъ минуту явилось письмо. Такъ и есть: отъ матери, изъ Р—й губерніи. Онъ даже побѣлѣлъ, принимая его. Давно уже не получалъ онъ писемъ: но теперь и еще что-то другое вдругъ сжало ему сердце.

— Настасья, уйди, ради Бога: вотъ твои три копѣйки, только, ради Бога, скорѣй уйди!

Письмо дрожало въ рукахъ его: онъ не хотѣлъ распечатывать при ней: ему хотѣлось остаться *наединѣ* съ этимъ письмомъ. Когда Настасья вышла, онъ быстро поднесъ его къ губамъ и поцѣловалъ:

потомъ долго еще вглядывался въ почеркъ адреса. въ знакомый и милый ему мелкій и косенькій почеркъ его матери, учившей его когда-то читать и писать. Онъ медлилъ; онъ даже какъ будто боялся чего-то. Наконецъ распечаталъ: письмо было большое, плотное, въ два листа; два большіе почтовые листа были мелко-на-мелко исписаны.

Милый мой Родя, писала мать, вотъ уже два мѣсяца слишкомъ какъ я не бесѣдовала съ тобой письменно, отъ чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая. Но навѣрно ты не обвинишь меня въ этомъ невольномъ моемъ молчаніи. Ты знаешь, какъ я люблю тебя; ты одинъ у насъ. у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упованіе наше. Что было со мною, когда я узнала, что ты уже нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ университетъ, за неимѣніемъ чѣмъ содержать себя, и что уроки и прочія средства твои прекратились! Чѣмъ могла я съ моими ста двадцатью рублями въ годъ пенсіона помочь тебѣ? Пятнадцать рублей, которые я послала тебѣ четыре мѣсяца назадъ, я занимала, какъ ты и самъ знаешь, въ счетъ этого-же пенсіона, у здѣшняго нашего купца Василія Ивановича Вахрушина. Онъ добрый человѣкъ и былъ еще пріятелемъ твоего отца. Но давъ ему право на полученіе за меня пенсіона. я должна была ждать пока выплатится долгъ, а это только что теперь исполнилось, такъ что я ничего не могла во все это время послать тебѣ. Но теперь, славу Богу, я, кажется, могу тебѣ еще выслать, да и вообще, мы можемъ теперь даже похвалиться фортуной, о чемъ и спѣшу сообщить тебѣ. И во первыхъ, угадываешь-ли ты, милый Родя, что сестра твоя вотъ уже полтора мѣсяца какъ живетъ со мною, и мы уже больше не разлучимся и впредь. Слава тебѣ Господи, кончились ея истязанія, но разскажу тебѣ все по порядку, чтобы ты узналъ, какъ все было, и что мы отъ тебя до сихъ поръ скрывали. Когда ты писалъ мнѣ, тому назадъ два мѣсяца, что слышалъ отъ кого-то будто Дуня терпитъ много отъ грубости въ домѣ господъ Свидригайловыхъ, и спрашивалъ отъ меня точныхъ объясненій, — что могла я тогда написать тебѣ въ отвѣтъ? Еслибъ я написала тебѣ всю правду, то ты пожалуй-бы все бросилъ и хоть пѣшкомъ, а пришелъ-бы къ намъ, потому я и характеръ и чувства твои знаю, и ты-бы не далъ въ обиду сестру свою. Я-же сама была въ отчаяніи, но что было дѣлать? Я и сама-то всей правды тогда не знала. Главное-же затрудненіе состояло въ томъ, что Дунечка, вступивъ прошлаго года въ ихъ домъ гувернанткой, взяла впередъ цѣлыхъ сто рублей, подъ условіемъ ежемѣсячнаго вычета изъ жалованья, а, стало быть, и нельзя было мѣсто оставить, не расплатившись съ долгомъ. Сумму-же эту (теперь могу тебѣ все объяснить, безцѣнный Родя,) взяла она

болѣе для того чтобы выслать тебѣ шестьдесятъ рублей, въ которыхъ ты тогда такъ нуждался, и которые ты и получилъ отъ насъ въ прошломъ году. Мы тебя обѣ тогда обманули, написали, что это изъ сколепныхъ Дунечкиныхъ прежнихъ денегъ, но это было не такъ, а теперь сообщаю тебѣ всю правду, потому что все теперь перемѣнилось внезапно, по волѣ Божіей, къ лучшему, и чтобы ты зналъ какъ любитъ тебя Дуня, и какое у нея безцѣнное сердце. Дѣйствительно, господинъ Свидригайловъ сначала обходился съ нея очень грубо и дѣлалъ ей разныя неучтивости и насмѣшки за столомъ... Но не хочу пускаться во всѣ эти тяжелыя подробности, чтобы не волновать тебя напрасно, когда ужь все теперь кончено. Короче, не смотря на доброе и благородное обращеніе Марѳы Петровны, супруги г. Свидригайлова, и всѣхъ домашнихъ, Дунечкѣ было очень тяжело, особенно когда г. Свидригайловъ находился, по старой полковой привычкѣ своей, подъ вліяніемъ Бахуса. Но что-же оказалось впослѣдствіи? Представь себѣ, что этотъ сумасбродъ давно уже возымѣлъ къ Дунѣ страсть, но все скрывалъ это подъ видомъ грубости и презрѣнія къ ней. Можетъ быть, онъ и самъ стыдился и приходилъ въ ужасъ, видя себя уже въ лѣтахъ и отцомъ семейства, при такихъ легкомысленныхъ надеждахъ, а потому и злился невольно на Дуню. А. можетъ быть, и то, что онъ, грубостію своего обращенія и насмѣшками, хотѣлъ только прикрыть отъ другихъ всю истину. Но, наконецъ, не удержался и осмѣлился сдѣлать Дунѣ явное и гнусное предложеніе, обѣщая ей разныя награды и сверхъ того бросить все и уѣхать съ нею въ другую деревню, или, пожалуй, за границу. Можешь представить себѣ всѣ ея страданія! Оставить сейчасъ мѣсто было нельзя, не только по причинѣ денежнаго долга, но и щадя Мароу Петровну, которая могла-бы вдругъ возымѣть подозрѣнія, а слѣдовательно и пришлось-бы поселить въ семействѣ раздоръ. Да и для Дунечки быть-бы большой скандалъ; ужь такъ не обошлось-бы. Были тутъ и многія разныя причины, такъ что раньше шести недѣль Дуня никакъ не могла разсчитывать вырваться изъ этого ужаснаго дома. Конечно, ты знаешь Дуню, знаешь какъ она умна и съ какимъ твердымъ характеромъ. Дунечка многое можетъ сносить, и даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ найти въ себѣ столько великодушія, чтобы не потерять своей твердости. Она даже мнѣ не написала обо всемъ, чтобы не разстроить меня, а мы часто переписывались вѣстями. Развязка-же наступила неожиданная. Марѳа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшаго Дунечку въ саду, и поняв все превратно, во всемъ ее-же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной. Произошла у нихъ тутъ-же въ саду ужасная сцена: Марѳа Петровна даже уда-

рила Дуню, не хотѣла ничего слушать, а сама цѣлый часъ кричала и, наконецъ, приказала тотчасъ-же отвезти Дуню ко мнѣ въ городъ, на простой крестьянской телѣгѣ, въ которую сбросили всѣ ея вещи: бѣлье, платья, все какъ случилось, неувязанное и неуложенное. А тутъ поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проѣхать съ мужикомъ цѣлыхъ семнадцать верстъ въ некрытой телѣгѣ. Подумай теперь, что̀ могла я тебѣ написать въ письмѣ, въ отвѣтъ на твое, полученное мною два мѣсяца назадъ, и о чемъ писать? Сама я была въ отчаяніи; правду написать тебѣ не смѣла, потому что ты очень-бы былъ несчастливъ, огорченъ и возмущенъ, да и что̀ могъ-бы ты сдѣлать? Пожалуй еще себя погубить, да и Дунечка запрещала; а наполнять письмо пустяками, и о чемъ нибудь, тогда какъ въ душѣ такое горе, я не могла. Цѣлый мѣсяцъ у насъ по всему городу ходили сплетни объ этой исторіи, и до того ужъ дошло, что намъ даже въ церковь нельзя было ходить съ Дуней отъ презрительныхъ взглядовъ и шептаній. И даже вслухъ при насъ были разговоры. Всѣ-то знакомые отъ насъ отстранились, всѣ перестали даже кланяться, и я навѣрно узнала, что кунеческіе приказчики и нѣкоторые канцеляристы хотѣли нанести намъ низкое оскорбленіе, вымазавъ дегтемъ ворота нашего дома, такъ что хозяева стали требовать, чтобы мы съ квартиры съѣхали. Всему этому причиной была Марѳа Петровна, которая успѣла обвинить и загрязнить Дуню во всѣхъ домахъ. Она у насъ со всѣми знакома и въ этотъ мѣсяцъ поминутно пріѣзжала въ городъ, и такъ какъ она немного болтлива и любитъ разсказывать про свои семейныя дѣла и, особенно, жаловаться на своего мужа всѣмъ и каждому, что̀ очень нехорошо, то и разнесла всю исторію, въ короткое время, не только въ городѣ, но и по уѣзду. Я заболѣла, Дунечка-же была тверже меня, и если-бы ты видѣлъ какъ она все переносила и меня-же утѣшала и ободряла! Она ангелъ! Но, по милосердію Божію, наши муки были сокращены: господинъ Свидригайловъ одумался и раскаялся, и, вѣроятно, пожалѣвъ Дуню, представилъ Марѳѣ Петровнѣ полныя и очевидныя доказательства всей Дунечкиной невинности, а именно: письмо, которое Дуня еще до тѣхъ поръ когда Марѳа Петровна застала ихъ въ саду, принуждена была написать и передать ему, чтобъ отклонить личныя объясненія и тайныя свиданія, на которыхъ онъ настаивалъ, и которое, по отъѣздѣ Дунечки, осталось въ рукахъ г. Свидригайлова. Въ этомъ письмѣ она самымъ яснымъ образомъ и съ полнымъ негодованіемъ укоряла его именно за неблагородство поведенія его относительно Марѳы Петровны, поставляла ему на видъ, что онъ отецъ и семьянинъ, и что, наконецъ, какъ гнусно съ его

стороны мучить и дѣлать несчастною и безъ того уже несчастную и беззащитную дѣвушку. Однимъ словомъ, милый Родя, письмо это такъ благородно и трогательно написано, что я рыдала читая его, и до сихъ поръ не могу его читать безъ слезъ. Кромѣ того, въ оправданіе Дуни, явились, наконецъ, и свидѣтельства слугъ, которые видѣли и знали гораздо больше, чѣмъ предполагалъ самъ г. Свидригайловъ, какъ это и всегда водится. Марѳа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», какъ сама она намъ признавалась, но зато вполнѣ убѣдилась въ невинности Дунечки, и на другой-же день, въ воскресенье, пріѣхавъ прямо въ соборъ, на колѣняхъ и со слезами молила Владычицу дать ей силу перенесть это новое испытаніе и исполнить долгъ свой. Затѣмъ, прямо изъ собора, ни къ кому не заѣзжая, пріѣхала къ намъ, разсказала намъ все, горько плакала и, въ полномъ раскаяніи, обнимала и умоляла Дуню проститъ ее. Въ тоже утро, нисколько не мѣшкая, прямо отъ нас, отправилась по всѣмъ домамъ въ городѣ и вездѣ, въ самыхъ лестныхъ для Дунечки выраженіяхъ, проливая слезы, возстановила ея невинность и благородство ея чувствъ и поведенія. Мало того, всѣмъ показывала и читала вслухъ собственноручное письмо Дунечкино къ г-ну Свидригайлову и даже давала снимать съ него копіи (что, мнѣ кажется, уже и лишнее). Такимъ образомъ, ей пришлось нѣсколько дней сряду объѣзжать всѣхъ въ городѣ, такъ какъ иные стали обижаться, что другимъ оказано было предпочтеніе, и такимъ образомъ завелись очереди, такъ что въ каждомъ домѣ уже ждали заранѣе и всѣ знали, что въ такой-то день Марѳа Петровна будетъ тамъ-то читать это письмо, и на каждое чтеніе опять такъ собирались даже и тѣ, которые письмо уже нѣсколько разъ прослушали и у себя въ домахъ, и у другихъ знакомыхъ, поочередно. Мое мнѣніе, что многое, очень многое, тутъ было лишнее; но Марѳа Петровна уже такого характера. По крайней мѣрѣ, она вполнѣ возстановила честь Дунечки, и вся гнусность этого дѣла легла невыгляднымъ позоромъ на ея мужа, какъ на главнаго виновника, такъ что мнѣ его даже и жаль: слишкомъ уже строго поступили съ этимъ сумасбродомъ. Дуню тотчасъ-же стали приглашать давать уроки въ нѣкоторыхъ домахъ, но она отказалась. Вообще-же всѣ стали къ ней вдругъ относиться съ особеннымъ уваженіемъ. Все это способствовало главнымъ образомъ и тому нескиданному случаю, чрезъ который теперь мѣняется, можно сказать, вся судьба наша. Узнай, милый Родя, что къ Дунѣ посватался женихъ, и что она успѣла уже дать свое согласіе, о чемъ и спѣшу увѣдомить тебя поскорѣе. И хотя дѣло это сдѣлалось и безъ твоего совѣта, но ты вѣроятно не будешь ни на чемъ, ни на сестру на пріѣзжій, такъ какъ самъ

увидишь, изъ дѣла-же, что ждать и откладывать до полученія твоего отвѣта было-бы намъ невозможно. Да и самъ ты не могъ-бы заочно обсудить всего въ точности. Случилось-же такъ. Онъ уже надворный совѣтникъ, Петръ Петровичъ Лужинъ, и дальній родственникъ Маровы Петровны, которая многому въ этомъ способствовала. Началъ съ того, что чрезъ нее изъявилъ желаніе съ нами познакомиться, былъ какъ слѣдуетъ принятъ, пилъ кофе, а на другой-же день прислалъ письмо, въ которомъ весьма вѣжливо изъяснилъ свое предложеніе и просилъ скораго и рѣшительнаго отвѣта. Человѣкъ онъ дѣловой и занятый, и спѣшитъ теперь въ Петербургъ, такъ что дорожитъ каждою минутой. Разумѣется, мы сначала были очень поражены, такъ какъ все это произошло слишкомъ скоро и неожиданно. Соображали и раздумывали мы объ вмѣстѣ весь тотъ день. Человѣкъ онъ благонадежный и обезпеченный, служитъ въ двухъ мѣстахъ и уже имѣетъ свой капиталъ. Правда, ему уже сорокъ пять лѣтъ, но онъ довольно пріятной наружности и еще можетъ нравиться женщинамъ, да и вообще человѣкъ онъ весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и какъ-бы высокомѣрный. Но это, можетъ быть, только такъ кажется, съ перваго взгляда. Да и предупреждаю тебя, милый Родя, когда увидишься съ нимъ въ Петербургѣ, что произойдетъ въ очень скоромъ времени, то не суди слишкомъ быстро и пылко, какъ это и свойственно тебѣ, если на первый взглядъ тебѣ что нибудь въ немъ не покажется. Говорю это на случай, хотя и увѣрена, что онъ произведетъ на тебя впечатлѣніе пріятное. Да и кромѣ того, чтобъ обознать какого-бы то ни было человѣка, нужно относиться къ нему постепенно и осторожно, чтобы не впасть въ ошибку и предубѣжденіе, которыя весьма трудно послѣ исправить и загладить. А Петръ Петровичъ, по крайней мѣрѣ, по многимъ признакамъ, человѣкъ весьма почтенный. Въ первый-же свой визитъ онъ объявилъ намъ, что онъ человѣкъ положительный, но во многомъ раздѣляетъ, какъ онъ самъ выразился, убѣжденія новѣйшихъ поколѣній нашихъ и врагъ всѣхъ предразсудковъ. Многое и еще онъ говорилъ, потому что нѣсколько какъ-бы тщеславенъ и очень любитъ чтобъ его слушали, но вѣдь это почти не порокъ. Я, разумѣется, мало поняла, но Дуня объяснила мнѣ, что онъ человѣкъ хотя и небольшаго образованія, но умный и, кажется, добрый. Ты знаешь характеръ сестры твоей, Родя. Это дѣвушка твердая, благоразумная, терпѣливая и великодушная, хотя и съ нѣжнымъ сердцемъ, что я хорошо въ ней изучила. Конечно, ни съ ея, ни съ его стороны особенной любви тутъ нѣтъ, но Дуня, кромѣ того что дѣвушка умная,—въ тоже время и существо благородное, какъ ангелъ, и за долгъ поставитъ себѣ

составить счастье мужа, который въ свою очередь сталъ-бы заботиться о ея счастіи, а въ послѣднемъ мы не имѣемъ, покамѣстъ, большихъ причинъ сомнѣваться. Хотя и скоренько, признаться, сдѣлалось дѣло. Къ тому-же, онъ человѣкъ очень умный и разсчетливый, и, конечно, самъ увидитъ, что его собственное супружеское счастье будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ Дунечка будетъ за нимъ счастливѣе. А что тамъ какія нибудь неровности въ характерѣ, какія нибудь старыя привычки и даже нѣкоторое несогласіе въ мысляхъ (чего и въ самыхъ счастливыхъ супружествахъ обойти нельзя), то на этотъ счетъ Дунечка сама мнѣ сказала, что она на себя надѣется; что безпокоиться тутъ нечего, и что она многое можетъ перенести, подъ условіемъ, если дальнѣйшія отношенія будутъ честныя и справедливыя. Наружность-же человѣка весьма обманчива. Онъ, напримѣръ, и мнѣ показался сначала какъ-бы рѣзкимъ: но вѣдь это можетъ происходить именно отъ того что онъ прямодушный человѣкъ, и непремѣнно такъ. Напримѣръ, при второмъ визитѣ, уже получивъ согласіе, въ разговорѣ онъ выразился, что ужь и прежде, не зная Дуни, положилъ взять дѣвушку честную, но безъ приданаго, и непремѣнно такую, которая уже испытала бѣдственное положеніе: потому, какъ объяснилъ онъ, что мужъ ничѣмъ не долженъ быть обязанъ своей женѣ, а гораздо лучше, если жена считаетъ мужа за своего благодѣтеля. Прибавлю, что онъ выразился нѣсколько мягче и ласковѣе чѣмъ я написала, потому что я забыла настоящее выраженіе, а помню одну только мысль, и кромѣ того, сказалъ онъ это отнюдь не предумышленно, а очевидно проговорившись, въ пылу разговора, такъ что даже старался потомъ понравиться и смягчить; но мнѣ все-таки показалось это немного какъ-бы рѣзко, и я сообщила потомъ Дунѣ. Но Дуня даже съ досадой отвѣчала мнѣ, что слова еще не дѣло, и это конечно справедливо. Предъ тѣмъ какъ рѣшиться, Дунечка не спала всю ночь, и, полагая, что я уже сплю, встала съ постели и всю ночь ходила взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ стала на колѣни и долго и горячо молилась передъ образомъ, а на утро объявила мнѣ, что она рѣшилась.

Я уже упомянула, что Петръ Петровичъ отправляется теперь въ Петербургъ. У него тамъ большія дѣла, и онъ хочетъ открыть въ Петербургѣ публичную адвокатскую контору. Онъ давно уже занимается хожденіемъ по разнымъ искамъ и тяжбамъ, и на дняхъ только что выигралъ одну значительную тяжбу. Въ Петербургѣ-же ему и потому необходимо, что тамъ у него одно значительное дѣло въ сенатѣ. Такимъ образомъ, милый Родя, онъ и тебѣ можетъ быть весьма полезенъ, даже во всемъ, и мы съ Дуней уже положили, что ты, даже съ теперешняго-же дня, могъ-бы опредѣленно начать

свою будущую карьеру и считать участь свою уже ясно опредѣлившеюся. О, еслибъ это осуществилось! Это была-бы такая выгода, что надо считать ее не иначе какъ прямою къ намъ милостію Вседержителя. Дуня только и мечтаетъ объ этомъ. Мы уже рискнули сказать нѣсколько словъ на этотъ счетъ Петру Петровичу. Онъ выразился осторожно и сказалъ, что, конечно, такъ какъ ему безъ секретаря обойтись нельзя, то, разумѣется, лучше платить жалованье родственнику чѣмъ чужому, если только тотъ окажется способнымъ къ должности (еще-бы ты-то не оказался способенъ!), но тутъ-же выразилъ и сомнѣніе, что университетскія занятія твои не оставятъ тебѣ времени для занятій въ его конторѣ. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось, но Дуня ни о чемъ кромѣ этого теперь и не думаетъ. Она теперь, уже нѣсколько дней, просто въ какомъ-то жару, и составила уже цѣлый проэктъ о томъ, что впослѣдствіи ты можешь быть товарищемъ и даже компаніономъ Петра Петровича по его тяжебнымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе что ты самъ на юридическомъ факультетѣ. Я, Родя, вполнѣ съ нею согласна и раздѣляю всѣ ея планы и надежды, видя въ нихъ полную вѣроятность и не смотря на теперешнюю. Весьма объяснимую увлекчивость Петра Петровича (потому что онъ тебя еще не знаетъ). Дуня твердо увѣрена, что достигнетъ всего своимъ добрымъ вліяніемъ на будущаго своего мужа, и въ этомъ она увѣрена. Умъ конечно, мы остерегались проговориться Петру Петровичу хоть о чемъ нибудь изъ этихъ дальнѣйшихъ мечтаній нашихъ, и главное, о томъ, что ты будешь его компаніономъ. Онъ человѣкъ положительный, и, пожалуй, принялъ-бы очень сухо, такъ какъ все это показалось-бы ему одними только мечтаніями. Равнымъ образомъ, ни я, ни Дуня ни полслова еще не говорили съ нимъ о крѣпкой надеждѣ нашей, что онъ поможетъ намъ способствовать тебѣ деньгами, пока ты въ университетѣ: потому не говорили, что, во первыхъ, это и само собой сдѣлается впослѣдствіи, и онъ навѣрно, безъ лишнихъ словъ, самъ предложитъ (еще-бы онъ въ этомъ-то отказалъ Дунечкѣ), тѣмъ скорѣе, что ты и самъ можешь стать его правою рукой по конторѣ и получать эту помощь не въ видѣ благодѣянія, а въ видѣ заслуженнаго тобою жалованья. Такъ хочетъ устроить Дунечка, и я съ нею вполнѣ согласна. Во вторыхъ-же, потому не говорили, что мнѣ особенно хотѣлось поставить тебя съ нимъ, при предстоящей теперешней встрѣчѣ ваней, на ровной ногѣ. Когда Дуня говорила ему о тебѣ съ восторгомъ, онъ отвѣчалъ, что всякаго человѣка нужно сначала осмотрѣть самому, и поближе, чтобъ о немъ судить, и что онъ самъ предоставляетъ себѣ, познакомясь съ тобой, составить о тебѣ свое мнѣніе.

Знаешь что̀, безцѣнный мой Родя, мнѣ кажется, по нѣкоторымъ соображеніямъ (впрочемъ отнюдь не относящимся къ Петру Петровичу, а такъ, по нѣкоторымъ моимъ собственнымъ, личнымъ, даже, можетъ быть, старушичьимъ, бабьимъ капризамъ), — мнѣ кажется, что я, можетъ быть, лучше сдѣлаю, если буду жить послѣ ихъ брака особо, какъ и теперь живу, а не вмѣстѣ съ ними. Я увѣрена вполнѣ, что онъ будетъ такъ благодаренъ и деликатенъ, что самъ пригласитъ меня и предложитъ мнѣ не разлучаться болѣе съ дочерью, и если еще не говорилъ до сихъ поръ, то, разумѣется, потому что и безъ словъ такъ предполагается: но я откажусь. Я замѣчала въ жизни не разъ, что тещи не очень-то бываютъ мужьямъ по сердцу, а я не только не хочу быть хоть кому нибудь даже въ малѣйшую тягость, но и сама хочу быть вполнѣ свободною, покамѣстъ у меня хоть какой нибудь свой кусокъ, да такія дѣти какъ ты и Дунечка. Если возможно, то поселюсь подлѣ васъ обоихъ, потому что, Родя, самое-то пріятное я приберегла къ концу письма: узнай-же, милый другъ мой, что, можетъ быть, очень скоро мы сойдемся всѣ вмѣстѣ опять и обнимемся всѣ трое послѣ почти трехлѣтней разлуки! Уже *навѣрно* рѣшено, что я и Дуня выѣзжаемъ въ Петербургъ, когда именно не знаю, но, во всякомъ случаѣ, очень, очень скоро, даже, можетъ быть, черезъ недѣлю. Все зависитъ отъ распоряженій Петра Петровича, который, какъ только осмотрится въ Петербургѣ, тотчасъ-же и дастъ намъ знать. Ему хочется, по нѣкоторымъ разсчетамъ, какъ можно поспѣшить церемоніей брака и даже, если возможно будетъ, сыграть свадьбу въ теперешній-же мясоѣдъ, а если не удастся, по краткости срока, то тотчасъ-же послѣ госпожинокъ. О, съ какимъ счастьемъ прижму я тебя къ моему сердцу! Дуня вся въ волненіи отъ радости свиданія съ тобой, и сказала разъ, въ шутку, что уже изъ этого одного пошла-бы за Петра Петровича. Ангелъ она! Она теперь ничего тебѣ не приписываетъ, а велѣла только мнѣ написать, что ей такъ много надо говорить съ тобой, такъ много, что теперь у ней и рука не поднимается взяться за перо, потому что въ нѣсколькихъ строкахъ ничего не напишешь, а только себя разстроишь; велѣла-же тебя обнять крѣпче и переслать тебѣ безсчетно поцѣлуевъ. Но, не смотря на то, что мы, можетъ быть, очень скоро сами сойдемся лично, я всетаки тебѣ на дняхъ вышлю денегъ, сколько могу больше. Теперь, какъ узнали всѣ, что Дунечка выходитъ за Петра Петровича, и мой кредитъ вдругъ увеличился, и я навѣрно знаю, что Аѳанасій Ивановичъ повѣритъ мнѣ теперь, въ счетъ пенсіона, даже до семидесяти пяти рублей, такъ что я тебѣ, можетъ быть, рублей двадцать пять, или даже тридцать

пришлю. Прислала-бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные; и хотя Петръ Петровичъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя часть издержекъ по нашему проѣзду въ столицу, а именно, самъ вызвался на свой счетъ, доставить нашу поклажу и большой сундукъ (какъ-то у него тамъ черезъ знакомыхъ), но все-таки намъ надо разсчитывать и на пріѣздъ въ Петербургъ, въ который нельзя показаться безъ гроша, хоть на первые дни. Мы, впрочемъ, уже все разсчитали съ Дунечкой до точности, и вышло, что дорога возьметъ немного. До желѣзной дороги отъ насъ всего только девяносто верстъ, и мы уже, на всякій случай, сговорились съ однимъ знакомымъ намъ мужичкомъ-извощикомъ: а тамъ мы съ Дунечкой преблагополучно прокатимся въ третьемъ классѣ. Такъ что, можетъ быть, я тебѣ не двадцать пять, а навѣрно тридцать рублей извощусь выслать. Но довольно; два листа кругомъ написала, и мѣста ужъ больше не остается: вся наша исторія; ну да и происшествій-то сколько накопилось! А теперь, безцѣнный мой Родя, обнимаю тебя до близкаго свиданія нашего, и благословляю тебя материнскимъ благословеніемъ моимъ. Люби Дуню, свою сестру, Родя: люби такъ какъ она тебя любитъ, и знай, что она тебя безпредѣльно, больше себя самой любитъ. Она ангелъ, а ты, Родя, ты у насъ все,—вся надежда наша и все упованіе. Былъ-бы только ты счастливъ, и мы будемъ счастливы. Молишься-ли ты Богу, Родя, по прежнему, и вѣришь-ли въ благость Творца и Искупителя нашего? Боюсь я, въ сердцѣ своемъ, не поселилось-ли и тебя новѣйшее модное безвѣріе? Если такъ, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, какъ еще въ дѣтствѣ своемъ, еще при жизни твоего отца, ты лепеталъ молитвы свои у меня на колѣняхъ, и какъ мы всѣ тогда были счастливы! Прощай, или лучше, *до свиданія!* Обнимаю тебя крѣпко-крѣпко и цѣлую безчетно.

«Твоя до гроба
«Пульхерія Раскольникова».

Почти все время какъ читалъ Раскольниковъ, съ самаго начала письма, лицо его было мокро отъ слезъ: но когда онъ кончилъ, оно было блѣдно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змѣилась по его губамъ. Онъ прилегъ головой на свою тощую и затасканную подушку и думалъ, долго думалъ. Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли. Наконецъ, ему стало душно и тѣсно въ этой желтой каморкѣ, похожей на шкафъ или на сундукъ. Взоръ и мысль просили простору. Онъ схватилъ шляпу и вышелъ, на этотъ разъ уже не опасаясь съ кѣмъ нибудь встрѣтиться на лѣстницѣ: забылъ онъ объ этомъ. Путь-же взялъ онъ по направленію къ Васильевскому острову черезъ В — и

проспектъ, какъ будто торопясь куда за дѣломъ, но, по обыкновенію своему, шелъ не замѣчая дороги, шепча про себя и даже говоря вслухъ съ собою, чѣмъ очень удивлялъ прохожихъ. Многіе принимали его за пьянаго.

IV.

Письмо матери его измучило. Но относительно главнѣйшаго, капитальнаго пункта, сомнѣній въ немъ не было ни на минуту, даже въ то еще время, какъ онъ читалъ письмо. Главнѣйшая суть дѣла была рѣшена въ его головѣ, и рѣшена окончательно: «Не бывать этому браку, пока я живъ, и къ чорту господина Лужина!»

«Потому что это дѣло очевидное,» бормоталъ онъ про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранѣе успѣхъ своего рѣшенія. «Нѣтъ, маманя, нѣтъ, Дуня, не обманутъ меня вамъ!... И еще извиняются, что моего совѣта не попросили и безъ меня дѣло рѣшили! Еще-бы! Думаютъ, что теперь ужъ и разорвать нельзя: а посмотримъ льзя или нельзя! Отговорка-то какая капитальная: ужъ такой, дескать, дѣловой человѣкъ, Петръ Петровичъ, такой дѣловой человѣкъ, что и жениться-то иначе не можетъ какъ на почтовыхъ, чуть не на желѣзной дорогѣ.» «Нѣтъ, Дунечка, все вижу и знаю о чемъ ты со мной *много*-то говорить собираешься: знаю и то о чемъ ты всю ночь продумала, ходя по комнатѣ и о чемъ молилась передъ Казанской Божіей Матерью, которая у мамани въ спальнѣ стоитъ. На Голгоѳу-то тяжело всходить. Гм... Такъ значитъ рѣшено ужъ окончательно: за дѣловаго и рационального человѣка извольте выходить, Авдотья Романовна, имѣющаго свой капиталъ (*даже* имѣющаго свой капиталъ, это солиднѣе, внушительнѣе), служащаго въ двухъ мѣстахъ и раздѣляющаго убѣжденія новѣйшихъ нашихъ поколѣній (какъ пишетъ маманя) и *кажется* добраго, какъ замѣчаетъ сама Дунечка. Это *кажется* всего великолѣпнѣе! И эта-же Дунечка, за это-же *кажется* замужъ идетъ!.. Великолѣпно! Великолѣпно!

«...А любопытно однакожъ, для чего маманя о новѣйшихъ-то поколѣніяхъ мнѣ написала? Просто-ли для характеристики лица, или съ дальнѣйшею цѣлью: задобрить меня въ пользу г. Лужина? О хитрыя! Любопытно-бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени онѣ объ этомъ откровенны другъ съ дружкой, въ тотъ день и въ ту ночь, и во все послѣдующее время? Вѣдь-ли

слова между ними были прямо произнесены, или обѣ поняли, что у той и у другой одно въ сердцѣ и въ мысляхъ, такъ ужь нечего вслухъ-то всего выговаривать, да напрасно проговариваться. Вѣроятно, оно такъ отчасти и было: по письму видно: мамашѣ онъ показался рѣзокъ, *немножко*, а наивная мамаша и полѣзла къ Дунѣ съ своими замѣчаніями. А та, разумѣется, разсердилась и «отвѣчала съ досадой.» Еще-бы! Кого не взбѣситъ, когда дѣло понятно и безъ наивныхъ вопросовъ, и когда рѣшено, что ужь нечего говорить. И что̀ это она пишетъ мнѣ: «Люби Дуню, Родя, а она тебя больше себя самой любитъ»; ужь не угрызенія-ли совѣсти ее самое втайнѣ мучатъ, за то что дочерью сыну согласилась пожертвовать. «Ты наше упованіе, ты наше все!» «О, мамаша! ... Злоба накипала въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, и еслибы теперь встрѣтился съ нимъ господинъ Лужинъ, онъ, кажется, убилъ-бы его!

Гм., это правда, продолжалъ онъ, слѣдуя за вихремъ мыслей, крутившимся въ его головѣ,—это правда, что къ человѣку надо подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его: но господинъ Лужинъ ясенъ. Главное, человѣкъ дѣловой и *кажется* добрый: шутка-ли, поклажу взялъ на себя, большой сундукъ на свой счетъ доставляетъ! Ну какъ-же не добрый? А онѣ-то обѣ, *невѣста* и мать, мужичка подряжаютъ, въ телѣгѣ рогожею крытой (я вѣдь тамъ ѣзжалъ)! Ничего! Только вѣдь девяносто верстъ, — а тамъ преблагополучно прокатимся въ третьемъ классѣ, верстъ тысячу. И благоразумно: по одежкѣ протягивай ножки: да вы-то, г. Лужинъ, чего-же? Вѣдь это ваша невѣста... И не могли-же вы не знать, что мать подъ свой пенсіонъ на дорогу впередъ занимаетъ? Конечно, тутъ у васъ общій коммерческій оборотъ, предпріятіе на обоюдныхъ выгодахъ и на равныхъ паяхъ, значитъ, и расходы пополамъ: хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь, по пословицѣ. Да и тутъ дѣловой-то человѣкъ ихъ подпадулъ немножко: поклажа-то стоитъ дешевле ихняго проѣзда, а, пожалуй, что и задаромъ пойдетъ. Чтожь онѣ обѣ не видятъ что-ль этого, аль нарочно не замѣчаютъ? И вѣдь довольны, довольны! И какъ подумать, что это только цвѣточки, а настоящіе фрукты впереди! Вѣдь тутъ что̀ важно: тутъ не скупость, не скалдырничество важно, а *тонъ* всего этого. Вѣдь это будущій тонъ послѣ брака, пророчество... Да и мамаша-то, чего-жь однако кутитъ? Съ чѣмъ она въ Петербургъ-то явится? Съ тремя цѣлковыми, аль съ двумя «билетиками», какъ говоритъ та... старуха... гм! Чѣмъ-же жить-то въ Петербургѣ она надѣется потомъ-то? Вѣдь она уже по какимъ-то причинамъ успѣла догадаться, что ей съ Дуней *нельзя* будетъ

вмѣстѣ жить послѣ брака, даже и въ первое время? Милый-то человѣкъ навѣрно какъ нибудь тутъ *проговорился*, далъ себя знать, хоть мамаша и отмахивается обѣими руками отъ этого: «Сама, дескать, откажусь». Чтожь она, на кого-же надѣется: на сто двадцать рублей пенсіона, съ вычетомъ на долгъ Аѳанасію Ивановичу? Косыночки она тамъ зимнія вяжетъ, да нарукавнички вышиваетъ, глаза свои старые портитъ. Да вѣдь косыночки всего только двадцать рублей въ годъ прибавляютъ къ ста двадцати-то рублямъ, это мнѣ извѣстно. Значитъ, всетаки на благородство чувствъ господина Лужина надѣются: «Самъ, дескать, предложитъ, упрашивать будетъ». Держи карманъ! И такъ-то вотъ всегда у этихъ Шиллеровскихъ прекрасныхъ душъ бываетъ: до послѣдняго момента рядятъ человѣка въ павлиныя перья, до послѣдняго момента, на добро, а не на худо надѣются; и хоть предчувствуютъ оборотъ медали, но ни за что себѣ заранѣе настоящаго слова не выговорятъ: коробитъ ихъ отъ одного помышленія: обѣими руками отъ правды отмахиваются, до тѣхъ самыхъ поръ, пока разукрашенный человѣкъ имъ собственноручно носъ не налѣпитъ. А любопытно, есть-ли у господина Лужина ордена: объ закладъ бьюсь, что Анна въ петлицѣ есть, и что онъ ее на обѣды у подрядчиковъ и у купцовъ надѣваетъ. Пожалуй, и на свадьбу свою надѣнетъ! А впрочемъ, чортъ съ нимъ!..

«... Ну да ужь пусть мамаша, ужь Богъ съ ней, она ужь такая, но Дуня-то что? Дунечка, милая, вѣдь я знаю васъ! Вѣдь вамъ уже двадцатый годъ былъ тогда, какъ послѣдній-то разъ мы видѣлись: характеръ-то вашъ я уже понялъ. Мамаша вонъ пишетъ, что «Дунечка многое можетъ снести». Это я зналъ-съ. Это я два съ половиной года назадъ уже зналъ, и съ тѣхъ поръ два съ половиной года объ этомъ думалъ, объ этомъ именно, что «Дунечка многое можетъ снести». Ужь когда господина Свидригайлова, со всѣми послѣдствіями, можетъ снести, значитъ, дѣйствительно, многое можетъ снести. А теперь вотъ вообразили, вмѣстѣ съ мамашей, что и господина Лужина можно снести, излагающаго теорію о преимуществѣ женъ, взятыхъ изъ нищеты и облагодѣтельствованныхъ мужьями, да еще излагающаго чуть не при первомъ свиданіи. Ну да положимъ, онъ «проговорился», хоть и раціональный человѣкъ (такъ что, можетъ быть, и вовсе не проговорился, а именно въ виду имѣлъ поскорѣе разъяснить), но Дуня-то, Дуня? Вѣдь ей человѣкъ-то ясенъ, а вѣдь жить-то съ человѣкомъ. Вѣдь она хлѣбъ черный одинъ будетъ ѣсть, да водой запивать, а ужь душу свою не продастъ, а ужь нравственную свободу свою не отдастъ за комфортъ: за весь Шлезвигъ-Гольштейнъ не отдастъ, не то что за господина Лужина.

Нѣтъ, Дуня не та была, сколько я зналъ, и... ну да ужъ конечно не измѣнилась и теперь!.. Что̀ говорить! Тяжелы Свидригайловы! Тяжело за двѣсти рублей всю жизнь въ гувернанткахъ по губерніямъ шляться, но я всетаки знаю, что сестра моя скорѣе въ негры пойдетъ къ плантатору, или въ Латыши къ остзейскому Нѣмцу, чѣмъ оподлитъ духъ свой и нравственное чувство свое связью съ человѣкомъ, котораго не уважаетъ, и съ которымъ ей нечего дѣлать,—на вѣки, изъ одной своей личной выгоды! И будь даже господинъ Лужинъ весь изъ одного чистѣйшаго золота, или изъ цѣльнаго брилліанта и тогда не согласится стать законною наложницей господина Лужина! Почему-же теперь соглашается? Въ чемъ-же штука-то? Въ чемъ-же разгадка-то? Дѣло ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасенія себя отъ смерти, себя не продастъ, а для другаго вотъ и продаетъ! Для милаго, для обожаемаго человѣка продастъ! Вотъ въ чемъ вся наша штука-то и состоитъ: за брата, за мать, продастъ! Все продастъ! О, тутъ мы, при случаѣ, и нравственное чувство наше придавимъ; свободу, спокойствіе, даже совѣсть, все, все на толкучій рынокъ снесемъ. Пропадай жизнь! Только-бы эти возлюбленныя существа наши были счастливы. Мало того, свою собственную казуистику выдумаемъ, у іезуитовъ научимся, и на время, пожалуй, и себя самихъ успокоимъ, убѣдимъ себя, что такъ надо, дѣйствительно надо, для доброй цѣли. Таковы-то мы и есть, и все ясно какъ день. Ясно, что тутъ никто иной какъ Родіонъ Романовичъ Раскольниковъ въ ходу и на первомъ планѣ стоитъ. Ну какъ-же-съ, счастье его можетъ устроить, въ университетѣ содержать, компаніономъ сдѣлать въ конторѣ, всю судьбу его обезпечить; пожалуй, богачемъ впослѣдствіи будетъ, почетнымъ, уважаемымъ, а, можетъ быть, даже славнымъ человѣкомъ окончитъ жизнь! А мать? Да вѣдь тутъ Родя, безцѣнный Родя, первенецъ! Ну какъ для такого первенца хотя-бы и такою дочерью не пожертвовать! О милыя и несправедливыя сердца! Да чего: тутъ мы и отъ Сонечкина жребія, пожалуй что, не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вѣчная Сонечка, пока міръ стоитъ! Жертву-то, жертву-то обѣ вы измѣрили-ли вполнѣ? Такъ-ли? Подъ силу-ли? Въ пользу-ли? Разумно-ли? Знаете-ли, вы, Дунечка, что Сонечкинъ жребій ничѣмъ не сквернѣе жребія съ господиномъ Лужинымъ? «Любви тутъ не можетъ быть», пишетъ мамаша. А что̀ если кромѣ любви-то и уваженія не можетъ быть, а, напротивъ, уже есть отвращеніе, презрѣніе, омерзѣніе, что̀-же тогда? А и выходитъ тогда, что опять, стало быть, «*чистоту наблюдать*» придется. Не такъ что-ли? Понимаете-ли, понимаете-ли вы, что̀ значитъ сія чистота? Понимаете-ли вы, что Лужинская чистота все равно

что и Сонечкина чистота, а, можетъ быть, даже и хуже, гаже, подлѣе, потому что у васъ, Дунечка, вотъ-таки на излишекъ комфорта разсчетъ, а тамъ просто за просто о голодной смерти дѣло идетъ! Дорого, дорого стоитъ, Дунечка, сія чистота! Ну, если ногомъ не подъ силу станетъ, раскаетесь? Скорби-то сколько, грусти, проклятій, слезъ-то, скрываемыхъ отъ всѣхъ, сколько. потому что не Марѳа-же вы Петровна? А съ матерью что тогда будетъ? Вѣдь она ужь и теперь неспокойна, мучается; а тогда, когда все ясно увидитъ? А со мной?.. Да что-же вы въ самомъ дѣлѣ обо мнѣ-то подумали? Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, маманя! Не бывать тому, пока я живъ, не бывать, не бывать! Не принимаю!

Онъ вдругъ очнулся и остановился.

Не бывать? А что-же ты сдѣлаешь чтобъ этому не бывать? Запретишь? А право какое имѣешь? Что ты имъ можешь обѣщать въ свою очередь, чтобы право такое имѣть? Всю судьбу свою, всю будущность имъ посвятить, *когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь?* Слышали мы это, да вѣдь это *бури*, а теперь? Вѣдь тутъ надо теперь-же что нибудь сдѣлать, понимаешь ты это? А ты что теперь дѣлаешь? Обираешь ихъ-же. Вѣдь деньги-то имъ подъ сторублевый пенсіонъ, да подъ господъ Свидригайловыхъ подъ закладъ достаются! Отъ Свидригайловыхъ-то, отъ Аѳанасія-то Ивановича Вахрушина, чѣмъ ты ихъ убережешь, милліонеръ будущій, Зевесъ, ихъ судьбою располагающій? Черезъ десять-то лѣтъ? Да въ десять-то лѣтъ мать успѣетъ ослѣпнуть отъ косынокъ, а, пожалуй что, и отъ слезъ; отъ поста исчахнетъ: а сестра? Ну, придумай-ка что можетъ быть съ сестрой черезъ десять лѣтъ, или въ эти десять лѣтъ? Догадался?».

Такъ мучилъ онъ себя и подразнивалъ этими вопросами, даже съ какимъ-то наслажденіемъ. Впрочемъ, всѣ эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболѣвшіе, давнишніе. Давно уже какъ они начали его терзать, и истерзали ему сердце. Давнымъ давно какъ зародилась въ немъ вся эта теперешняя тоска, выросла, накопилась и въ послѣднее время созрѣла и сконцентрировалась, приняв форму ужаснаго, дикаго и фантастическаго вопроса, который замучилъ его сердце и умъ, неотразимо требуя разрѣшенія. Теперь-же письмо матери вдругъ какъ громомъ въ него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними разсужденіями, о томъ что вопросы неразрѣшимые, а непремѣнно что нибудь сдѣлать, и сейчасъ-же, и поскорѣе. Во что-бы то ни стало надо рѣшиться, хоть на что нибудь, или...

Или отказаться отъ жизни совсѣмъ! вскричалъ онъ вдругъ въ изступленіи, послушно принять судьбу, какъ она есть, разъ на-

всегда, и задушить въ себѣ все, отказавшись отъ всякаго права дѣйствовать, жить и любить!»

Понимаете-ли, понимаете-ли вы, милостивый государь, что значитъ когда уже некуда больше идти? Вдругъ припомнился ему вчерашній вопросъ Мармеладова: «ибо надо, чтобы всякому человѣку хоть куда нибудь можно было пойти»...

Вдругъ онъ вздрогнулъ: одна, та-же вчерашняя, мысль опять прошеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого что прошеслась эта мысль. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ*, что она непремѣнно прошеетея , и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяцъ назадъ, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ вдругъ самъ сознавъ это... Ему стукнуло въ голову, и потемнѣло въ глазахъ.

Онъ посѣщно оглядѣлся, онъ искалъ чего-то. Ему хотѣлось сѣсть и онъ искалъ скамейку; проходилъ-же онъ тогда по К—му бульвару. Скамейка видиѣлась впереди, шагахъ во ста. Онъ пошелъ сколько могъ поскорѣе; но на пути случилось съ нимъ одно маленькое приключеніе, которое на нѣсколько минутъ привлекло къ себѣ все его вниманіе.

Выглядывая скамейку, онъ замѣтилъ впереди себя, шагахъ въ двадцати, идущую женщину, но сначала не остановилъ на ней никакого вниманія, какъ и на всѣхъ мелькавшихъ до сихъ поръ передъ нимъ предметахъ. Ему уже много разъ случалось проходить, напримѣръ, домой и совершенно не помнить дороги, по которой онъ шелъ, и онъ уже привыкъ такъ ходить. Но въ идущей женщинѣ было что-то такое странное и, съ перваго-же взгляда, бросающееся въ глаза, что мало по малу вниманіе его начало къ ней приковываться.—сначала нехотя и какъ-бы съ досадой, а потомъ все крѣпче и крѣпче. Ему вдругъ захотѣлось понять что именно въ этой женщинѣ такого страннаго? Во первыхъ, она, должно быть, дѣвушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, безъ зонтика и безъ перчатокъ, какъ-то смѣшно размахивая руками. На ней было шелковое, изъ легкой матеріи (матерчатое) платьице, но тоже какъ-то очень чудно надѣтое, едва застегнутое, и сзади у таліи, въ самомъ началѣ юбки, разорванное: цѣлый клокъ отставалъ и висѣлъ болтаясь. Маленькая косыночка была накинута на обнаженную шею, но торчала какъ-то криво и бокомъ. Къ довершенію, дѣвушка шла навстрѣчу, спотыкаясь и даже шатаясь во всѣ стороны. Эта встрѣча возбудила, наконецъ, все вниманіе Раскольникова. Онъ сошелся съ дѣвушкой у самой скамейки, но дойдя до

скамьи, она такъ и повалилась на нее, въ уголъ, закинула на спинку скамейки голову и закрыла глаза, повидимому, отъ чрезвычайнаго утомленія. Взглянувши въ нее, онъ тотчасъ-же догадался, что она совсѣмъ была пьяна. Странно и дико было смотрѣть на такое явленіе. Онъ даже подумалъ, не ошибается-ли онъ. Предъ нимъ было чрезвычайно молоденькое личико, лѣтъ шестнадцати, даже, можетъ быть, только пятнадцати,—маленькое, бѣленькое, хорошенькое, но все разгорѣвшееся и какъ будто припухшее. Дѣвушка, кажется, очень мало умѣла понимала: одну ногу заложила за другую, причемъ выставила ее гораздо больше чѣмъ слѣдовало, и, по всѣмъ признакамъ, очень плохо сознавала, что она на улицѣ.

Раскольниковъ не сѣлъ и уйти не хотѣлъ, а сталъ передъ нею въ недоумѣніи. Этотъ бульваръ и всегда пустынный, теперь-же, во второмъ часу и въ такой зной, никого почти не было. И однакожъ въ сторонѣ, шагахъ въ пятнадцати, на краю бульвара, остановился одинъ господинъ, которому, по всему видно было, очень-бы хотѣлось тоже подойти къ дѣвочкѣ съ какими-то цѣлями. Онъ тоже, вѣроятно, увидѣлъ ее издали и догонялъ, но ему помѣшалъ Раскольниковъ. Онъ бросалъ на него злобные взгляды, стараясь, впрочемъ, чтобы тотъ ихъ не замѣтилъ, и нетерпѣливо ожидалъ своей очереди, когда досадный оборванецъ уйдетъ. Дѣло было понятное. Господинъ этотъ былъ лѣтъ тридцати, плотный, жирный, кровь съ молокомъ, съ розовыми губами и съ усиками, и очень щеголевато одѣтый. Раскольниковъ ужасно разозлился: ему вдругъ захотѣлось какъ нибудь оскорбить этого жирнаго франта. Онъ на минуту оставилъ дѣвочку и подошелъ къ господину.

— Эй вы, Свидригайловъ! Вамъ чего тутъ надо? крикнулъ онъ, сжимая кулаки и смѣясь своими запекшимися отъ злобы губами.

— Это что значитъ? строго спросилъ господинъ, нахмуривъ брови и свысока удивившись.

— Убирайтесь, вотъ что!

— Какъ ты смѣешь, каналья!..

И онъ взмахнулъ хлыстомъ. Раскольниковъ бросился на него съ кулаками, не разсчитавъ даже и того, что плотный господинъ могъ управиться и съ двумя такими какъ онъ. Но въ эту минуту кто-то крѣпко схватилъ его сзади: между ними сталъ городовой.

— Полно, господа, не извольте драться въ публичныхъ мѣстахъ. Вамъ чего надо? Кто таковъ? строго обратился онъ къ Раскольникову, разглядѣвъ его лохмотья.

Раскольниковъ посмотрѣлъ на него внимательно. Это было бравое солдатское лицо, съ сѣдыми усами и бакенами и съ толковымъ взглядомъ.

— Вась-то мнѣ и надо, крикнулъ онъ, хватая его за руку.

— Я бывшій студентъ, Раскольниковъ... Это и вамъ можно узнать. обратился онъ къ господину:—а вы пойдемте-ка, я вамъ что-то покажу...

И схвативъ городоваго за руку, онъ потащилъ его къ скамейкѣ.

— Вотъ, смотрите, совсѣмъ пьяная. сейчасъ шла по бульвару: кто ее знаетъ изъ какихъ, а не похоже чтобъ по ремеслу. Вѣрнѣе-же всего, гдѣ нибудь напоили и обманули... въ первый разъ... понимаете? да такъ и пустили на улицу. Посмотрите какъ разорвано платье. посмотрите какъ оно надѣто: вѣдь ее одѣвали, а не сама она одѣвалась. да и одѣвали-то неумѣлыя руки, мужскія. Это видно. А вотъ теперь смотрите сюда: этотъ франтъ, съ которымъ я сейчасъ драться хотѣлъ, мнѣ незнакомъ. первый разъ вижу: но онъ ее тоже отмѣтилъ дорогой, сейчасъ, пьяную-то, себя-то непомнящую, и ему ужасно теперь хочется подойти и перехватить ее,—такъ какъ она въ такомъ состояніи, завести куда нибудь... И ужь это навѣрно такъ: ужь повѣрьте, что я не ошибаюсь. Я самъ видѣлъ, какъ онъ за нею наблюдалъ и слѣдилъ, только я ему помѣшалъ, и онъ теперь все ждетъ, когда я уйду. Вонъ онъ теперь отошелъ маленько, стоитъ будто напроску свертываетъ... Какъ-бы намъ ему не дать? Какъ-бы намъ ее домой отправить,—подумайте-ка!

Городовой мигомъ все понялъ и сообразилъ. Толстый господинъ былъ, конечно, понятенъ, оставалась дѣвочка. Служивый нагнулся надъ нею разглядѣть поближе, и искреннее состраданіе изобразилось въ его чертахъ.

— Ахъ, жаль-то какъ! сказалъ онъ, качая головой,—совсѣмъ еще какъ ребенокъ. Обманули, это какъ разъ. Послушайте, сударыня, началъ онъ звать ее,—гдѣ изволите проживать? Дѣвушка открыла усталые и посоловѣлые глаза, тупо посмотрѣла на дожидающихъ и отмахнулась рукой.

— Послушайте, сказалъ Раскольниковъ,—вотъ (онъ пошарилъ въ карманѣ и вытащилъ двадцать копѣекъ; нашелся) вотъ, возьмите извощика и велите ему доставить по адресу. Только-бы адресъ-то намъ узнать!

— Барышня, а барышня! началъ опять городовой, принявъ деньги,—я сейчасъ извощика вамъ возьму и самъ васъ препровожу. Куда прикажете? А? Гдѣ изволите квартировать?

— Пила!.. Пристаютъ!.. пробормотала дѣвочка и опять отмахнулась рукой.

— Ахъ, ахъ, какъ нехорошо! Ахъ, стыдно-то какъ барышня,

стыдъ-то какой! Онъ опять закачалъ головой, стыдя, сожалѣя и негодуя. — Вѣдь вотъ задача! обратился онъ къ Раскольникову и тутъ-же, мелькомъ, опять оглядѣлъ его съ ногъ до головы. Страненъ вѣрно и онъ ему показался: въ такихъ лохмотьяхъ, а самъ деньги выдаетъ!

— Вы далеконь отсюда ихъ нашли? спросилъ онъ его.

— Говорю вамъ: впереди меня шла, шатаясь, тутъ-же на бульваръ. Какъ до скамейки дошла, такъ и повалилась.

— Ахъ, стыдъ-то какой теперь завелся на свѣтѣ, Господи! Этакая немудреная, и ужъ пьяная! Обманули, это какъ есть! Вонъ и платьице ихнее разорвано... Ахъ, какъ развратъ-то нонѣ пошелъ!.. А пожалуй что изъ благородныхъ будетъ, изъ бѣдныхъ какихъ... Нонѣ много такихъ пошло. Но виду-то какъ-бы изъ нѣжныхъ, словно вѣдь барышня, — и онъ опять нагнулся надъ ней.

Можетъ, и у него самого росли такія-же дочки — словно какъ барышни и изъ нѣжныхъ, съ замашками благовоспитанныхъ и со всякимъ перенятымъ уже модничаньемъ...

— Главное, хлопоталъ Раскольниковъ, — вотъ этому подлецу какъ-бы не дать! Ну что-жъ онъ еще надъ ней надругается! Наизусть видно, чего ему хочется: вишь подлецъ, не отходитъ!

Раскольниковъ говорилъ громко и указывалъ на него прямо рукой. Тотъ услышалъ и хотѣлъ было опять разсердиться, но одумался и ограничился однимъ презрительнымъ взглядомъ. Затѣмъ медленно отошелъ еще шаговъ десять и опять остановился.

— Не дать-то имъ это можно-съ, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ въ раздумьи.—Вотъ кабы они сказали куда ихъ предоставить, а то... Барышня, а барышня! нагнулся онъ снова.

Та вдругъ совсѣмъ открыла глаза, посмотрѣла внимательно, какъ будто поняла что-то такое, встала со скамейки и пошла обратно въ ту сторону, откуда пришла. —Фу, безстыдники, пристаютъ! проговорила она, еще разъ отмахнувшись. Пошла она скоро, но по прежнему сильно шатаясь. Франтъ пошелъ за нею, но по другой аллеѣ, не спуская съ нея глазъ.

— Не безпокойтесь, не дамъ-съ! рѣшительно сказалъ усачъ и отправился вслѣдъ за ними.

— Эхъ, развратъ-то какъ нонѣ пошелъ! повторилъ онъ вслухъ, вздыхая.

Въ эту минуту какъ будто что-то ужалило Раскольникова: въ одинъ мигъ его какъ будто перевернуло.

— Послушайте, эй! закричалъ онъ вслѣдъ усачу.

Тотъ оборотился.

— Оставьте! Чего вамъ? Бросьте! Пусть его позабавится (онъ указалъ на франта). Вамъ-то чего?

Городовой не понималъ и смотрѣлъ во всѣ глаза. Раскольниковъ засмѣялся.

— Э-эхъ! проговорилъ служивый, махнулъ рукой, и пошелъ вслѣдъ за франтомъ и за дѣвочкой, вѣроятно, принявъ Раскольникова изъ за помѣшаннаго или за что нибудь еще хуже.

„Двадцать копѣекъ мои унесъ, злобно проговорилъ Раскольниковъ, оставшись одинъ.—Ну, пусть и съ того тоже возьметъ, да и отпуститъ съ нимъ дѣвочку, тѣмъ и кончится... И чего я ввязался тутъ помогать! Ну мнѣ-ль помогать? Имѣю-ль я право помогать? „Да пусть ихъ перегрызутъ другъ друга живьемъ, — мнѣ-то чего? И какъ я смѣлъ отдать эти двадцать копѣекъ. Развѣ онѣ мои?

Не смотря на эти странныя слова, ему стало очень тяжело. Онъ присѣлъ на оставленную скамью. Мысли его были разсѣяны... „Да и вообще тяжело ему было думать въ эту минуту о чемъ-бы то ни было. Онъ-бы хотѣлъ совсѣмъ забыться, все забыть, потомъ проснуться и начать совсѣмъ сызнова...

— Бѣдная дѣвочка! сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ опустѣвшій уголъ скамьи... Очнется, пожалуетъ, потомъ мать узнаетъ... Сначала прибьетъ, а потомъ высѣчетъ, больно и съ позоромъ, пожалуй, и стоитъ... А не стоитъ, такъ все-таки пронюхаютъ „Царь Франновны, и начнетъ шмыгать моя дѣвочка, туда да сюда... Потомъ тотчасъ болѣзнь (и это всегда у тѣхъ, которыя у матерей живутъ очень честныхъ и тихонько отъ нихъ пошаливаютъ), ну а тамъ... а тамъ опять больница... вино... кабаки... и еще больница... года черезъ два-три—калѣка. Итого жизни ея девятнадцать, ль восемнадцать лѣтъ отъ роду всего-съ... Развѣ я такихъ не видалъ? А какъ онѣ дѣлались? „Да вотъ все такъ и дѣлались... Тьфу! А пусть! Это, говорятъ, такъ и слѣдуетъ. Такой процентъ, говорятъ, долженъ уходить каждый годъ... куда-то .. къ черту, должно быть, чтобъ остальныхъ освѣжать и имъ не мѣшать. Процентъ! Славныя, право, у нихъ эти словечки: онъ такія успокоительныя, научныя. Сказано: процентъ, стало быть, и тревожиться нечего. Вотъ еслибы „другое слово. ну тогда... было-бы, можетъ быть, безпокойнѣе... А что коль и „Дунечка какъ нибудь въ процентъ попадетъ!.. Не въ тотъ, такъ въ другой?

А куда-жъ я иду? подумалъ онъ вдругъ. — Странно. Вѣдь я зачѣмъ-то пошелъ. Какъ письмо прочелъ, такъ и пошелъ... На Васильевскій островъ, къ Разумихину я пошелъ, вотъ куда, теперь... помню. „Да зачѣмъ однако-же? И какимъ образомъ мысль идти къ Разумихину залетѣла мнѣ именно теперь въ голову? Это замѣчательно».

Онъ дивился себѣ. Разумихинъ былъ одинъ изъ его прежнихъ

товарищей по университету. Замѣчательно, что Раскольниковъ, бывъ въ университетѣ, почти не имѣлъ товарищей, всѣхъ чуждался, ни къ кому не ходилъ и у себя принималъ тяжело. Впрочемъ, и отъ него скоро всѣ отвернулись. Ни въ общихъ сходкахъ, ни въ разговорахъ, ни въ забавахъ, ни въ чемъ онъ какъ-то не принималъ участія. Занимался онъ усиленно, не жалѣя себя, и за это его уважали, но никто не любилъ. Былъ онъ очень бѣденъ и какъ-то надменно гордъ и несообщителенъ; какъ будто что-то таилъ про себя. Иныхъ товарищамъ его казалось, что онъ смотритъ на нихъ на всѣхъ какъ на дѣтей, свысока, какъ будто онъ всѣхъ ихъ опередилъ и развитіемъ, и знаніемъ, и убѣжденіями, и что на ихъ убѣжденія и интересы онъ смотритъ какъ на что-то низшее.

Съ Разумихинымъ-же онъ почему-то сошелся, то есть не то что сошелся, а былъ съ нимъ сообщительнѣе, откровеннѣе. Впрочемъ, съ Разумихинымъ невозможно было и быть въ другихъ отношеніяхъ. Это былъ необыкновенно веселый и сообщительный парень, добрый до простоты. Впрочемъ подъ этою простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшіе изъ его товарищей понимали это, всѣ любили его. Былъ онъ очень неглупъ, хотя и дѣйствительно иногда простоватъ. Наружность его была выразительная,—высокій, худой, всегда худо выбритый, черноволосый. Иногда онъ буянилъ и слылъ за силача. Однажды ночью, въ компаніи, онъ однимъ ударомъ садилъ одного блюстителя вершковъ двѣнадцати росту. Пить онъ могъ до безконечности, но могъ и совсѣмъ не пить; иногда проказить даже ненозволительно, но могъ и совсѣмъ не проказить. Разумихинъ былъ еще тѣмъ замѣчателенъ, что никакія неудачи его никогда не смущали, и никакія дурныя обстоятельства, казалось, не могли придавить его. Онъ могъ квартировать хоть на крышѣ, терпѣть адскій голодъ и необыкновенный холодъ. Былъ онъ очень бѣденъ и рѣшительно самъ, одинъ, содержалъ себя, добывая кой-какими работами деньги. Онъ зналъ бездну источниковъ, гдѣ могъ почерпнуть, разумѣется, заработкомъ. Однажды онъ цѣлую зиму совсѣмъ не топилъ своей комнаты и утверждалъ, что это даже пріятнѣе, потому что въ холодъ лучше спится. Въ настоящее время онъ тоже принужденъ былъ выйти изъ университета, но не надолго, и изъ всѣхъ силъ спѣшилъ поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать. Раскольниковъ не былъ у него уже мѣсяца четыре, а Разумихинъ и не зналъ даже его квартиры. Разъ какъ-то, мѣсяца два тому назадъ, они было встрѣтились на улицѣ, но Раскольниковъ отвернулся и даже перешелъ на другую сторону, чтобы тотъ его не замѣтилъ. А Разумихинъ хоть и замѣтилъ, но прошелъ мимо, не желая тревожить *пріятеля*.

V.

Дѣйствительно, я у Разумихина недавно еще хотѣлъ было работы просить, чтобъ онъ мнѣ или уроки достать, или что нибудь... додумывался Раскольниковъ, но чѣмъ теперь-то онъ мнѣ можетъ помочь? Положимъ, уроки достанетъ, положимъ, даже послѣднею коп̀йкой подѣлится, если есть у него коп̀йка, такъ что можно даже и сапоги купить, и костюмъ поправить, чтобы на уроки ходить... гм... Ну, а дальше? На пятаки-то что-жь я сдѣлаю? Мнѣ развѣ того теперь надобно? Право смѣшно, что я пошелъ къ Разумихину...»

Вопросъ, почему онъ пошелъ теперь къ Разумихину, тревожилъ его больше чѣмъ даже ему самому казалось: съ безпокойствомъ отыскивалъ онъ какой-то зловѣщій для себя смыслъ въ этомъ, казалось-бы, самомъ обыкновенномъ поступкѣ.

«Что-жь, неужели я все дѣло хотѣлъ поправить однимъ Разумихинымъ, и всему исходъ нашелъ въ Разумихинѣ? спрашивалъ онъ себя съ удивленіемъ.

Онъ думалъ и теръ себѣ лобъ, и, странное дѣло, какъ-то невзначай, вдругъ и почти сама собой, послѣ очень долгаго раздумья, пришла ему въ голову одна престранная мысль.

«Гм... къ Разумихину, проговорилъ онъ вдругъ совершенно спокойно, какъ-бы въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія, — къ Разумихину я пойду, это конечно... но—не теперь... Я къ нему... на другой день послѣ *того* пойду, когда уже *то* будетъ кончено, и когда все по новому пойдетъ...»

И вдругъ онъ опомнился.

«Послѣ *того*, вскрикнулъ онъ, срываясь со скамейки, — да развѣ *то* будетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ будетъ?»

Онъ бросилъ скамейку и пошелъ, почти побѣжалъ: онъ хотѣлъ было повернуть назадъ, къ дому, но домой идти ему стало вдругъ ужасно противно: тамъ-то, въ углу, въ этомъ-то ужасномъ шкафу и созрѣвало все *это* вотъ уже болѣе мѣсяца, и онъ пошелъ куда глаза глядятъ.

Нервная дрожь его перешла въ какую-то лихорадочную; онъ чувствовалъ даже ознобъ; на такой жарѣ ему становилось холодно. Какъ-бы съ усиліемъ началъ онъ, почти безсознательно, но какой-то внутренней необходимости, всматриваться во всѣ встрѣчавшіеся предметы, какъ будто ища усиленно развлеченія, но это

плохо удавалось ему, и онъ поминутно впадалъ въ задумчивость. Когда-же опять, вздрагивая, поднималъ голову и оглядывался кругомъ, то тотчасъ-же забывалъ о чемъ сейчасъ думалъ и даже гдѣ проходилъ. Такимъ образомъ прошелъ онъ весь Васильевскій островъ, вышелъ на Малую Неву, перешелъ мостъ и повернулъ на Острова. Зелень и свѣжесть понравились сначала его усталымъ глазамъ, привыкшимъ къ городской пыли, къ извесгкѣ и къ громаднымъ, тѣснящимъ и давящимъ домамъ. Тутъ не было ни духоты, ни вони, ни расшивочныхъ. Но скоро и эти новыя, пріятныя ощущенія перешли въ болѣзненныя и раздражающія. Иногда онъ останавливался передъ какою нибудь изукрашенною въ зелени дачей, смотрѣлъ въ ограду, видѣлъ вдали, на балконахъ и на террасахъ, разряженныхъ женщинъ и бѣгающихъ въ саду дѣтей. Особенно занимали его цвѣты: онъ на нихъ всего дольше смотрѣлъ. Встрѣчались ему тоже пышныя коляски, наѣздники и наѣздницы: онъ провожалъ ихъ съ любопытствомъ глазами и забывалъ о нихъ прежде, чѣмъ они скрывались изъ глазъ. Разъ онъ остановился и пересчиталъ свои деньги; оказалось около тридцати копѣекъ: «Двадцать городовому, три Настасьѣ за письмо,—значитъ, Мармеладовымъ далъ вчера копѣекъ сорокъ семь, или пятьдесятъ, подумалъ онъ, для чего-то разсчитывая, но скоро забылъ даже для чего и деньги вытащилъ изъ кармана. Онъ вспомнилъ объ этомъ, проходя мимо одного съѣстнаго заведенія, въ родѣ харчевни, и почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Войдя въ харчевню, онъ выпилъ рюмку водки и съѣлъ съ какою-то начинкой пирогъ. Доѣлъ онъ его опять на дорогѣ. Онъ очень давно не пилъ водки, и она мигомъ подѣйствовала, хотя выпита была всего одна рюмка. Ноги его вдругъ отяжелѣли, и онъ началъ чувствовать сильный позывъ ко сну. Онъ пошелъ домой: но дойдя уже до Петровскаго острова, остановился въ полномъ изнеможеніи, сошелъ съ дороги, вошелъ въ кусты, палъ на траву и въ ту-же минуту заснулъ.

Въ болѣзненномъ состояніи сны отличаются часто необыкновенною выпуклостію, яркостью и чрезвычайнымъ сходствомъ съ дѣйствительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процессъ всего представленія бываютъ при этомъ до того вѣроятны и съ такими тонкими, неожиданными, но художественно соотвѣтствующими всей полнотѣ картины подробностями, что ихъ и не выдумать на яву этому-же самому сновидцу, будь онъ такой-же художникъ, какъ Пушкинъ или Тургеневъ. Такіе сны, болѣзненные сны, всегда долго помнятся и производятъ сильное впечатлѣніе на разстроенный и уже возбужденный организмъ человѣка.

Страшный сонъ приснился Раскольникову. Приснилось ему его дѣтство, еще въ ихъ городкѣ. Онъ лѣтъ семи и гуляетъ въ праздничный день, подъ вечеръ, съ своимъ отцомъ за городомъ. Время сѣренькое, день удушливый, мѣстность совершенно такая-же, какъ уцѣлѣла въ его памяти: даже въ памяти его она гораздо болѣе изгладилась, чѣмъ представлялась теперь во снѣ. Городокъ стоитъ открыто какъ на ладони, кругомъ ни ветлы: гдѣ-то очень далеко, на самомъ краю неба, чернѣется лѣсокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго городскаго огорода стоитъ кабакъ, большой кабакъ, всегда производившій на него непріятнѣйшее впечатлѣніе и даже страхъ, когда онъ проходилъ мимо его, гуляя съ отцомъ. Тамъ всегда была такая толпа, такъ орали, хохотали, ругались, такъ безобразно и сипло пѣли и такъ часто дрались; кругомъ кабака шлялись всегда такія пьяныя и страшныя рожи... Встрѣчаясь съ ними, онъ тѣсно прижимался къ отцу и весь дрожалъ. Возлѣ кабака дорога, проселокъ, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая черная. Идетъ она извиваясь далѣе, и шагахъ въ трехстахъ огибаетъ вправо городское кладбище. Среди кладбища каменная церковь съ зеленымъ куполомъ, въ которую онъ раза два въ годъ ходилъ съ отцомъ и съ матерью къ обѣднѣ, когда служились панихиды по его бабушкѣ, умершей уже давно, и которую онъ никогда не видалъ. При этомъ всегда они брали съ собой кутью на бѣломъ блюдѣ, въ салфеткѣ, а кутья была сахарная изъ рису и изюму, вдавленнаго въ рисъ крестомъ. Онъ любилъ эту церковь и старинные въ ней образа, большею частію безъ окладовъ, и стараго священника съ дрожащею головой. Подлѣ бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшаго брата, умершаго шести мѣсяцевъ, и котораго онъ тоже совсѣмъ не зналъ и не могъ помнить; но ему сказали, что у него былъ маленькій братъ, и онъ каждый разъ какъ посѣщалъ кладбище, религіозно и почтительно крестился надъ могилкой, кланялся ей и цѣловалъ ее. И вотъ снится ему: они идутъ съ отцомъ по дорогѣ къ кладбищу и проходятъ мимо кабака; онъ держитъ отца за руку и со страхомъ оглядывается на кабакъ. Особенное обстоятельство привлекаетъ его вниманіе: на этотъ разъ тутъ какъ будто гулянье, толпа разодѣтыхъ мѣщанокъ, бабъ, ихъ мужей и всякаго сброду. Всѣ пьяны, всѣ поютъ пѣсни, а подлѣ кабачнаго крыльца стоитъ телѣга, но странная телѣга. Это одна изъ тѣхъ большихъ телѣгъ, въ которыя впрягаютъ большихъ ломовыхъ лошадей и перевозятъ въ нихъ товары и винныя бочки. Онъ всегда любилъ смотрѣть на этихъ огромныхъ ломовыхъ коней, долгогривыхъ, съ толстыми ногами, идущихъ спокойно, мѣрнымъ шагомъ и везущихъ за собою

какую нибудь цѣлую гору, нисколько не надсаждаясь, какъ будто имъ съ возами даже легче, чѣмъ безъ возовъ. Но теперь, странное дѣло, въ большую такую телѣгу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна изъ тѣхъ, которыя, — онъ часто это видѣлъ,—надрываются иной разъ съ высокимъ какимъ нибудь возомъ дровъ или сѣна, особенно коли возъ застрянетъ въ грязи или въ колеѣ, и при этомъ ихъ такъ больно, такъ больно бьютъ всегда мужики кнутами, иной разъ даже по самой мордѣ и по глазамъ, а ему такъ жалко, такъ жалко на это смотрѣть, что онъ чуть не плачетъ, а мамаша всегда бывало отводитъ его отъ окошка. Но вотъ вдругъ становится очень шумно: изъ кабака выходятъ съ криками, съ пѣснями, съ балалайками, пьяные-препьяные большіе такіе мужики въ красныхъ и синихъ рубашкахъ, съ армяками въ накидку. «Садись, всѣ садись! кричитъ одинъ, еще молодой, съ толстою такою шеей и съ мясистымъ, краснымъ, какъ морковь, лицомъ,—всѣхъ довезу, садись!» Но тотчасъ-же раздается смѣхъ и восклицанья:

— Этака кляча да повезетъ!

— Да ты Миколка въ умѣ что-ли: этаку кобыленку въ таку телѣгу запрегъ!

— А вѣдь савраскѣ-то безпремѣнно лѣтъ двадцать ужь будетъ, братцы!

— Садись, всѣхъ довезу! опять кричитъ Миколка, прыгая первый въ телѣгу, беретъ возжи и становится на передкѣ во весь ростъ.—Гнѣдой даве съ Матвѣемъ ушелъ, кричитъ онъ съ телѣги, а кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрываетъ: такъ-бы кажись ее и убилъ, даромъ хлѣбъ ѣстъ. Говорю садись! Вскачь нущу! Вскачь пойдетъ! И онъ беретъ въ руки кнутъ, съ наслажденіемъ готовясь сѣчь савраску.

— Да садись, чего! хохочутъ въ толпѣ.—Слышь, вскачь пойдетъ!

— Она вскачь-то ужь десять лѣтъ поди не прыгала.

— Запрыгаетъ!

— Не жалѣй, братцы, бери всякъ кнуты, зготовляй!

— И то! Сѣки ее!

Всѣ лѣзутъ въ Миколкину телѣгу съ хохотомъ и остротами. Налѣзло человѣкъ шесть, и еще можно посадить. Берутъ съ собою одну бабу, толстую и румяную. Она въ кумачахъ, въ кичкѣ съ бисеромъ, на ногахъ коты, щелкаетъ орѣшки и посмѣивается. Кругомъ въ толпѣ тоже смѣются, да и вправду, какъ не смѣяться: этака лядащая кобыленка да таку тягость вскачь везти будетъ! Два парня въ телѣгѣ тотчасъ-же берутъ по кнуту, чтобы помогать

Миколкѣ. Раздастся: «ну!» клячонка дергаетъ изо всей силы, но не только вскачь, а даже и шагомъ-то чуть-чуть можетъ справиться, только семенитъ ногами, кряхтитъ и приседаетъ отъ ударовъ трехъ кнутовъ, сыплющихся на нее, какъ горохъ. Смѣхъ въ телѣгѣ и въ толпѣ удвоивается, но Миколка сердится и въ ярости сѣчетъ учащенными ударами кобыленку, точно и впрямь полагаетъ, что она вскачь пойдетъ.

— Пусти и меня, братцы, кричитъ одинъ развакомившійся парень изъ толпы.

— Садись! Всѣ садись! кричитъ Миколка,—всѣхъ повезетъ. Засѣку! И хлещетъ, хлещетъ, и уже не знаетъ чѣмъ и бить отъ остервенѣнія.

— Папочка, папочка, кричитъ онъ отцу, — папочка, что они дѣлаютъ? Папочка, бѣдную лошадку бьютъ!

— Пойдемъ, пойдемъ! говоритъ отецъ, — пьяные, шалятъ, дураки; пойдемъ, не смотри! — и хочетъ увести его, но онъ вырывается изъ его рукъ, и, не помня себя, бѣжитъ къ лошадкѣ. Но ужь бѣдной лошадкѣ плохо. Она задыхается, останавливается, опять дергаетъ, чуть не падаетъ.

— Сѣки до смерти! кричитъ Миколка,—на то пошло. Засѣку!

— Да что на тебѣ креста что-ли нѣтъ, лѣшій! кричитъ одинъ старикъ изъ толпы.

— Видано-ль чтобы така лошаденка таку поклажу везла, прибавляетъ другой.

— Заморишь! кричитъ третій.

— Не трошь! Мое добро! Что хочу то и дѣлаю. Садись еще! Всѣ садись! Хочу, чтобы безпремѣнно вскачь пошла!..

Вдругъ хохотъ раздается залпомъ и покрываетъ все: кобыленка не вынесла учащенныхъ ударовъ и въ безсильи начала лягаться. Даже старикъ не выдержалъ и усмѣхнулся. И впрямь: этака лядащая кобыленка, а еще лягается!

Два парня изъ толпы достаютъ еще по кнуту и бѣгутъ къ лошаденкѣ сѣчь ее съ боковъ. Каждый бѣжитъ съ своей стороны.

— По мордѣ ее, по глазамъ хлещи, по глазамъ! кричитъ Миколка.

— Нѣшто, братцы! кричитъ кто-то съ телѣги, и всѣ въ телѣгѣ подхватываютъ. Раздается разгульная нѣсня, брякаетъ бубенъ, въ припѣвахъ свистъ. Бабенка щелкаетъ орѣшки и посмѣивается.

....Онъ бѣжитъ подлѣ лошадки, онъ забѣгаетъ впередъ, онъ видитъ какъ ее сѣкутъ по глазамъ, по самымъ глазамъ! Онъ плачетъ. Сердце въ немъ поднимается, слезы текутъ. Одинъ изъ сѣ-

кунцихъ задѣваетъ его по лицу; онъ не чувствуетъ, онъ ломаетъ свои руки, кричитъ, бросается къ сѣдому старику съ сѣдою бородой, который качаетъ головой и осуждаетъ все это. Одна баба береть его за руку и хочетъ увесть; но онъ вырывается и опять бѣжитъ къ лошадкѣ. Та уже при послѣднихъ усиліяхъ, но еще разъ начинаетъ лягаться.

— А чтобъ-те лѣшій! вскрикиваетъ въ ярости Миколка. Онъ бросаетъ кнутъ, нагибается и вытаскиваетъ со дна телѣги длинную и толстую оглоблю, береть ее за конецъ въ обѣ руки и съ усиліемъ размахивается надъ савраской.

— Разразитъ! кричатъ кругомъ.

— Убьетъ!

— Мое добро! кричитъ Миколка и со всего размаха опускаетъ оглоблю. Раздается тяжелый ударъ.

— Сѣки ее, сѣки! Что стали! кричатъ голоса изъ толпы.

А Миколка намахивается въ другой разъ, и другой ударъ со всего размаха ложится на спину несчастной клячи. Она вся осѣдаетъ всѣмъ задомъ, но вспрыгиваетъ и дергаетъ, дергаетъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ въ разныя стороны, чтобы вывезти; но со всѣхъ сторонъ принимаютъ ее въ шесть кнутовъ, а оглобля снова вздымается и падаетъ въ третій разъ, потомъ въ четвертый, мѣрно, съ размаха. Миколка въ бѣшенствѣ, что не можетъ съ одного удара убить.

— Живуча! кричатъ кругомъ.

— Сейчасъ безпремѣнно падетъ, братцы, тутъ ей и конецъ! кричитъ изъ толпы одинъ любитель.

— Топоромъ ее, чего! Покончить съ ней разомъ, кричитъ третій.

— Эхъ, тѣшь-те комары! Разступись! неистово вскрикиваетъ Миколка, бросаетъ оглоблю, снова нагибается въ телѣгу и вытаскиваетъ желѣзный ломъ.—Берегись! кричитъ онъ и что есть силы огораживаетъ съ размаха свою бѣдную лошаденку. Ударъ рухнулъ; кобыленка зашаталась, осѣла, хотѣла было дернуть, но ломъ снова со всего размаха ложится ей на спину, и она падаетъ на землю, точно ей подсѣкли всѣ четыре ноги разомъ.

— Добивай! кричитъ Миколка и вскакиваетъ, словно себя не помня, съ телѣги. Нѣсколько парней, тоже красныхъ и пьяныхъ, схватываютъ что попало — кнуты, палки, оглоблю, и бѣгутъ къ издыхающей кобыленкѣ. Миколка становится съ боку и начинаетъ бить ломомъ зря по спинѣ. Кляча протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ.

— Докопалъ! кричатъ въ толпѣ.

— А зачѣмъ вскачь не шла!

— Мое добро! кричитъ Миколка, съ ломомъ въ рукахъ и съ налитыми кровью глазами. Онъ стоитъ будто жалѣя, что ужь некого больше бить.

— Ну и вирямъ знать креста на тебѣ нѣтъ! кричатъ изъ толпы уже многіе голоса.

Но бѣдный мальчикъ уже не помнитъ себя. Съ крикомъ пробивается онъ сквозь толпу къ савраскѣ, обхватываетъ ея мертвую, окровавленную морду и цѣлуетъ ее въ глаза, въ губы... Потомъ вдругъ вскакиваетъ и въ изступленіи бросается съ своими кулачонками на Миколку. Въ этотъ мигъ отецъ, уже долго гонявшійся за нимъ, схватываетъ его наконецъ и выноситъ изъ толпы.

— Пойдемъ! Пойдемъ! говоритъ онъ ему,—домой пойдемъ!

— Папочка! За что они... бѣдную лошадку... убили! всхлипываетъ онъ, но дыханіе ему захватываетъ, и слова криками вырываются изъ его стѣсненной груди.

— Пьяные, шалятъ, не наше дѣло, пойдемъ! говоритъ отецъ. Онъ обхватываетъ отца руками, но грудь ему тѣснитъ, тѣснитъ. Онъ хочетъ перевести дыханіе, вскрикнуть, и просыпается.

Онъ проснулся весь въ поту, съ мокрыми отъ поту волосами, задыхаясь, и приподнялся въ ужасѣ.

— Слава Богу, это только сонъ! сказалъ онъ, садясь подъ деревомъ и глубоко переводя дыханіе. — Но что̀ это? Ужь не горячка-ли во мнѣ начинается: такой безобразный сонъ!

Все тѣло его было какъ-бы разбито; смутно и темно на душѣ. Онъ положилъ локти на колѣна и подперъ обѣими руками голову.

«Боже! воскликнулъ онъ, да неужели-жь, неужели-жь я въ самомъ дѣлѣ возьму топоръ, стану бить по головѣ, размозжу ей черепъ... буду скользить въ липкой, теплой крови, взламывать замокъ, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... съ топоромъ... Господи, неужели?»

Онъ дрожалъ какъ листъ, говоря это.

— Да что̀-же это я! продолжалъ онъ, восклоняясь опять и какъ-бы въ глубокомъ изумленіи,—вѣдь я зналъ-же, что я этого не вынесу, такъ чего-жь я до сихъ поръ себя мучилъ? Вѣдь еще вчера, вчера, когда я пошелъ дѣлать эту... *пробу*, вѣдь я вчера-же понялъ совершенно, что не вытерплю... Чего-жь я теперь-то? Чего-жь я еще до сихъ поръ сомнѣвался? Вѣдь вчера-же сходя съ лѣстницы, я самъ сказалъ, что это подло, гадко, низко, низко... вѣдь меня отъ одной мысли *на яву* стошнило и въ ужасъ бросило...

— Нѣтъ, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже

нѣтъ никакихъ сомнѣній во всѣхъ этихъ разсчетахъ, будь это все, что̀ рѣшено въ этотъ мѣсяцъ, ясно какъ день, справедливо какъ ариѳметика. Господи! Вѣдь я все-же равно не рѣшусь! Я вѣдь не вытерплю, не вытерпло!.. Чего-же, чего-же и до сихъ поръ...

Онъ всталъ на ноги, въ удивленіи осмотрѣлся кругомъ, какъ-бы дивясь и тому что зашелъ сюда, и пошелъ на Т—въ мостъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, изнеможеніе было во всѣхъ его членахъ, но ему вдругъ стало дышать какъ-бы легче. Онъ почувствовалъ, что уже сбросилъ съ себя это страшное бремя, давившее его такъ долго, и на душѣ его стало вдругъ легко и мирно. «Господи! молилъ онъ,—покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой... мечты моей!»

Проходя чрезъ мостъ, онъ тихо и спокойно смотрѣлъ на Неву, на яркій закатъ яркаго, краснаго солнца. Не смотря на слабость свою, онъ даже не ощущалъ въ себѣ усталости. Точно нарывъ на сердцѣ его, нарывавшій весь мѣсяцъ, вдругъ прорвался. Свобода, свобода! Онъ свободенъ теперь отъ этихъ чаръ, отъ колдовства, обаянія, отъ навожденія!

Впослѣдствіи, когда онъ припоминалъ это время и все что̀ случилось съ нимъ въ эти дни, минуту за минутой, пунктъ за пунктомъ, черту за чертой, его до суевѣрія поражало всегда одно обстоятельство, хотя въ сущности и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потомъ какъ-бы какимъ-то предопредѣленіемъ судьбы его.

Именно: онъ никакъ не могъ понять и объяснить себѣ почему онъ, усталый, измученный, которому было-бы всего выгоднѣе возвратиться домой самымъ кратчайшимъ и прямымъ путемъ, воротился домой черезъ Сѣнную площадь, на которую ему было совсѣмъ лишнее идти. Крюкъ былъ небольшой, но очевидный и совершенно ненужный. Конечно, десятки разъ случалось ему возвращаться домой, не помня улицъ, по которымъ онъ шелъ. Но зачѣмъ-же, спрашивалъ онъ всегда, зачѣмъ-же такая важная, такая рѣшительная для него и въ тоже время такая въ высшей степени случайная встрѣча на Сѣнной (по которой даже и идти ему было не зачѣмъ), подошла какъ разъ теперь къ такому часу, къ такой минутѣ въ его жизни, именно къ такому настроенію его духа, и къ такимъ именно обстоятельствамъ, при которыхъ только и могла она, эта встрѣча, произвести самое рѣшительное и самое окончательное дѣйствіе на всю судьбу его? Точно тутъ нарочно поджидала его!

Было около девяти часовъ, когда онъ проходилъ по Сѣнной. Всѣ торговцы на столахъ, на лоткахъ, въ лавкахъ и въ лавоч-

кахъ, запирали свои заведенія, или снимали и прибирали свой товаръ, и расходились по домамъ, равно какъ и ихъ покупатели. Около харчевенъ въ нижнихъ этажахъ, на грязныхъ и вонючихъ дворахъ домовъ Сѣнной площади, а наболѣе у распивочныхъ, толпилось много разнаго и всякаго сорта промышленниковъ и лохмотниковъ. Раскольниковъ преимущественно любилъ эти мѣста, равно какъ и всѣ близь лежащіе переулки, когда выходилъ безъ цѣли на улицу. Тутъ лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомѣрнаго вниманія, и можно было ходить въ какомъ угодно видѣ, никого не скандализируя. У самаго К—наго переулка, на углу, мѣщанинъ и баба, жена его, торговали съ двухъ столовъ товаромъ: нитками, тесемками, платками ситцевыми и т. п. Они тоже подмались домой, но замѣшкались, разговаривая съ подошедшею знакомой. Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, какъ всѣ звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алены Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы, у которой вчера былъ Раскольниковъ, приходившій закладывать ей часы и дѣлать свою *пробу*... Онъ давно уже зналъ все про эту Лизавету, и даже та его знала немного. Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная дѣвка, чуть не идіотка, тридцати пяти лѣтъ, бывшая въ полномъ рабствѣ у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая передъ ней и терпѣвшая отъ нея даже побои. Она стояла въ раздумьи съ узломъ передъ мѣщаниномъ и бабой и внимательно слушала ихъ. Тѣ что-то ей съ особеннымъ жаромъ толковали. Когда Раскольниковъ вдругъ увидѣлъ ее, какое-то странное ощущеніе, похожее на глубочайшее изумленіе, охватило его, хотя во встрѣчѣ этой не было ничего изумительнаго.

— Вы-бы, Лизавета Ивановна, и порѣшили самолично, громко говорилъ мѣщанинъ.—Приходите-тко завтра, часу въ семомъ-съ. И тѣ прибудутъ.

— Завтра? протяжно и задумчиво сказала Лизавета, какъ будто не рѣшаясь.

— Экъ вѣдь вамъ Алена-то Ивановна страху задала! затараторила жена торговца, бойкая бабенка.—Посмотрю я на васъ, совсѣмъ-то вы какъ ребенокъ малый. И сестра она вамъ не родная, а сведеная, а вотъ какую волю взяла.

— Да вы на сей разъ Аленѣ Ивановнѣ ничего и не говорите-съ, перебилъ мужъ,—вотъ мой совѣтъ-съ, а зайдите къ намъ не просясь. Оно дѣло выгодное-съ. Потомъ и сестрица сами могутъ сообразить.

— Аль зайти?

— Въ семомъ часу, завтра; и отъ тѣхъ прибудутъ-съ; самолично и порѣшите-съ.

— И самоварчикъ поставимъ, прибавила жена.

— Хорошо, приду, проговорила Лизавета, все еще раздумывая, и медленно стала съ мѣста трогаться.

Раскольниковъ тутъ уже прошелъ и не слыхалъ больше. Онъ проходилъ тихо, незамѣтно, стараясь не проронить ни единаго слова. Первоначальное изумленіе его мало по малу смѣнилось ужасомъ, какъ будто морозъ прошелъ по спинѣ его. Онъ узналъ, онъ вдругъ, внезапно и совершенно неожиданно узналъ, что завтра, ровно въ семь часовъ вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ея сожительницы, дома не будетъ, и что, стало быть, старуха, ровно въ семь часовъ вечера, *останется дома одна.*

До его квартиры оставалось только нѣсколько шаговъ. Онъ вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно.

Конечно, если-бы даже цѣлые годы приходилось ему ждать удобнаго случая, то и тогда, имѣя замыселъ, нельзя было разсчитывать навѣрное, на болѣе очевидный шагъ къ успѣху этого замысла, какъ тотъ, который представился вдругъ сейчасъ. Во всякомъ случаѣ, трудно было-бы узнать наканунѣ и навѣрно, съ большею точностію и съ наименьшимъ рискомъ, безъ всякихъ опасныхъ разспросовъ и разысканій, что завтра, въ такомъ-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушеніе, будетъ дома одна одинехонька.

VI.

Впослѣдствіи Раскольникову случилось какъ-то узнать, зачѣмъ именно мѣщанинъ и баба приглашали къ себѣ Лизавету. Дѣло было самое обыкновенное и не заключало въ себѣ ничего такого особеннаго. Пріѣзжее и забѣднѣвшее семейство продавало вещи, платье и проч., все женское. Такъ какъ на рынкѣ продавать невыгодно, то и искали торговку, а Лизавета этимъ занималась: брала комиссіи, ходила по дѣламъ и имѣла большую практику, потому что была очень честна и всегда говорила крайнюю цѣну: какую цѣну скажетъ, такъ тому и быть. Говорила-же вообще мало, и какъ уже сказано, была такая смиренная и пугливая...

Но Раскольниковъ въ послѣднее время сталъ суевѣренъ. Слѣды суевѣрія оставались въ немъ еще долго спустя, почти неизгладимо.

И во всемъ этомъ дѣлѣ онъ всегда потомъ наклоненъ былъ видѣть нѣкоторую какъ-бы странность, таинственность, какъ будто присутствіе какихъ-то особыхъ вліяній и совпаденій. Еще зимой, одинъ знакомый ему студентъ, Покоревъ, уѣзжая въ Харьковъ, сообщилъ ему какъ-то въ разговорѣ адресъ старухи Алены Ивановны, еслибы на случай пришлось ему что̀ заложить. Долго онъ не ходилъ къ ней, потому что уроки были, и какъ нибудь да пробивался. Мѣсяца полтора назадъ онъ вспомнилъ про адресъ: у него были двѣ вещи, годныя къ закладу: старые отцовскіе серебряные часы и маленькое золотое колечко съ тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощаніи сестрой, на память. Онъ рѣшилъ отнести колечко; розыскавъ старуху, съ перваго-же взгляда, еще ничего не зная о ней особеннаго, почувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе, взялъ у нея два «билетика» и по дорогѣ зашелъ въ одинъ плохенькій трактиришко. Онъ спросилъ чаю, сѣлъ и крѣпко задумался. Странная мысль наклевывалась въ его головѣ, какъ изъ яйца цыпленокъ, и очень, очень занимала его.

Почти рядомъ съ нимъ на другомъ столикѣ сидѣлъ студентъ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ и не помнилъ, и молодой офицеръ. Они сыграли на билліардѣ и стали пить чай. Вдругъ онъ услышалъ, что студентъ говоритъ офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщаетъ ему ея адресъ. Это уже одно показалось Раскольникову какъ-то страннымъ: онъ сейчасъ оттуда, а тутъ какъ разъ про нее-же. Конечно, случайность, но онъ вотъ не можетъ отвязаться теперь отъ одного весьма необыкновеннаго впечатлѣнія, а тутъ какъ разъ ему какъ будто кто-то подслуживается: студентъ вдругъ начинаетъ сообщать товарищу объ этой Аленѣ Ивановнѣ разныя подробности.

— Славная она, говорилъ онъ, — у ней всегда можно денегъ достать. Богата какъ жидъ, можетъ сразу пять тысячъ выдать, а и рублевымъ закладомъ не брезгаетъ. Нашихъ много у ней перебывало. Только стерва ужасная...

И онъ сталъ разсказывать какая она злая, капризная, что стòитъ только однимъ днемъ просрочить закладъ, и пропала вещь. Дастъ вчетверо меньше чѣмъ стòитъ вещь, а процентовъ по пяти и даже по семи беретъ въ мѣсяцъ, и т. д. Студентъ разболтался и сообщилъ, кромѣ того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьетъ поминутно и держитъ въ совершенномъ порабощеніи какъ маленькаго ребенка, тогда какъ Лизавета, по крайней мѣрѣ, восьми вершковъ росту...

— Вотъ вѣдь тоже феноменъ! вскричалъ студентъ и захохоталъ.

Они стали говорить о Лизаветѣ. Студентъ разсказывалъ о ней съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ и все смѣялся, а офицеръ съ большимъ интересомъ слушалъ и просилъ студента прислать ему эту Лизавету для починки бѣлья. Раскольниковъ не проронилъ ни одного слова и заразъ все узналъ: Лизавета была младшая, сводная (отъ разныхъ матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лѣтъ. Она работала на сестру день и ночь, была въ домѣ вмѣсто кухарки и прачки, и кромѣ того, шила на продажу, даже полы мыть нанималась, и все сестрѣ отдавала. Никакого заказу и никакой работы не смѣла взять на себя безъ позволенія старухи. Старуха-же уже сдѣлала свое завѣщаніе, что̀ извѣстно было самой Лизаветѣ, которой по завѣщанію не доставалось ни гроша, кромѣ движимости, стульевъ и прочаго; деньги-же всѣ назначались въ одинъ монастырь въ Н—й губерніи, на вѣчный поминъ души. Была-же Лизавета мѣщанка, а не чиновница, дѣвица, и собой ужасно нескладная, росту замѣчательно высокаго, съ длинными, какъ будто вывернутыми, ножницами, всегда въ стоптанныхъ козловыхъ башмакахъ, и держала себя чистоплотно. Главное-же, чему удивлялся и смѣялся студентъ, было то, что Лизавета поминутно была беременна...

— Да вѣдь, ты говоришь, она уродъ? замѣтилъ офицеръ.

— Да, смуглая такая, точно солдатъ переряженный, но знаешь, совсѣмъ не уродъ. У нея такое доброе лицо и глаза. Очень даже. Доказательство,—многимъ нравится. Тихая такая, кроткая, безотвѣтная, согласная, на все согласная. А улыбка у ней даже очень хороша.

— Да вѣдь она и тебѣ нравится? засмѣялся офицеръ.

— Изъ страшности. Нѣтъ, вотъ что̀ я тебѣ скажу. Я-бы эту проклятую старуху убилъ и ограбилъ, и увѣряю тебя, что безъ всякаго зазору совѣсти, съ жаромъ прибавилъ студентъ.

Офицеръ опять захохоталъ, а Раскольниковъ вздрогнулъ. Какъ это было странно!

— Позволь, я тебѣ серіозный вопросъ задать хочу, загорячился студентъ. — Я сейчасъ, конечно, пошутилъ, но смотри: съ одной стороны глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная, и напротивъ, всѣмъ вредная. которая сама не знаетъ для чего живетъ, и которая завтра-же сама собой умретъ. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, отвѣчалъ офицеръ, внимательно уставясь въ горячившагося товарища.

— Слушай дальше. Съ другой стороны, молодыя, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду!

Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій направленныхъ на дорогу; десятки семействъ спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата, отъ венерическихъ больницъ,—и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ чтобы съ ихъ помощію посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится-ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь—тысячи жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія. Одна смерть и сто жизней взамѣнъ,—да вѣдь тутъ ариѳметика! Да и что̀ значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не болѣе какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоитъ, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заѣдаетъ: она зла: она намедни Лизаветѣ палецъ со зла укусила: чуть-чуть не отрѣзали!

— Конечно, она недостойна жить, замѣтилъ офицеръ,—но вѣдь тутъ природа.

— Эхъ, братъ, да вѣдь природу поправляютъ и направляютъ. а безъ этого пришлось-бы потонуть въ предразсудкахъ. Безъ этого ни одного-бы великаго человѣка не было. Говорятъ: долгъ, совѣсть -,—я ничего не хочу говорить противъ долга и совѣсти.— но вѣдь какъ мы ихъ понимаемъ? Стой, я тебѣ еще задамъ одинъ вопросъ. Слушай!

— Нѣтъ, ты стой; я тебѣ задамъ вопросъ. Слушай!

— Ну!

— Вотъ ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь ты *сама* старуху, или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости... Не во мнѣ тутъ и дѣло...

— А по моему, коль ты самъ не рѣшаешься, такъ нѣтъ тутъ никакой и справедливости! Пойдемъ еще партію!

Раскольниковъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не разъ уже слышанные имъ, въ другихъ только формахъ и на другія темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговоръ и такія мысли, когда въ собственной головѣ его только что зародились... *такія-же точно мысли?* И почему именно сейчасъ, какъ только онъ вынесъ зародышъ своей мысли отъ старухи, какъ разъ и попадаетъ онъ на разговоръ о старухѣ?.. Страннымъ всегда казалось ему это совпаденіе. Этотъ ничтожный, трактирный разговоръ имѣлъ чрезвычайное на него

вліяніе при дальнѣйшемъ развитіи дѣла: какъ будто дѣйствительно было тутъ какое-то предопредѣленіе, указаніе...

. . . . . .

Возвратясь съ Сѣнной, онъ бросился на диванъ и цѣлый часъ просидѣлъ безъ движенія. Между тѣмъ стемнѣло; свѣчи у него не было, да и въ голову не приходило ему зажигать. Онъ никогда не могъ припомнить: думалъ-ли онъ о чемъ нибудь въ то время? Наконецъ онъ почувствовалъ давешнюю лихорадку, ознобъ, и съ наслажденіемъ догадался, что на диванъ можно и лечь. Скоро крѣпкій, свинцовый сонъ палегъ на него, какъ будто придавилъ.

Онъ спалъ необыкновенно долго и безъ сновъ. Настасья, вошедшая къ нему въ десять часовъ, на другое утро, на силу добилась его. Она принесла ему чаю и хлѣба. Чай былъ опять спитой, и опять въ ея собственномъ чайникѣ.

— Экъ вѣдь спитъ! вскричала она съ негодованіемъ,—и все-то онъ спитъ!

Онъ приподнялся съ усиліемъ. Голова его болѣла: онъ всталъ было на ноги, повернулся въ своей каморкѣ и упалъ опять на диванъ.

— Опять спать! вскричала Настасья,—да ты боленъ что-ль?

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Чаю-то хошь?

— Послѣ,—проговорилъ онъ съ усиліемъ, смыкая опять глаза и оборачиваясь къ стѣнѣ. Настасья постояла надъ нимъ.

— И впрямь можетъ боленъ, сказала она, повернулась и ушла.

Она вошла опять въ два часа, съ супомъ. Онъ лежалъ какъ давеча. Чай стоялъ нетронутый. Настасья даже обидѣлась и съ злостью стала толкать его.

— Чего дрыхнешь! вскричала она, съ отвращеніемъ смотря на него. Онъ приподнялся и сѣлъ, но ничего не сказалъ ей и глядѣлъ въ землю.

— Боленъ, аль нѣтъ? спросила Настасья, и опять не получила отвѣта.

— Ты хошь-бы на улицу вышелъ, сказала она помолчавъ:— тебя хошь-бы вѣтромъ обдуло. Ѣсть-то будешь что-ль.

— Послѣ, слабо проговорилъ онъ.—Ступай! и махнулъ рукой.

Она постояла еще немного, съ состраданіемъ посмотрѣла на него и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ глаза и долго смотрѣлъ на чай и на супъ. Потомъ взялъ хлѣбъ, взялъ ложку и сталъ ѣсть.

Онъ съѣлъ немного, безъ аппетита, ложки три-четыре, какъ-бы машинально. Голова болѣла меньше. Пообѣдавъ, протянулся онъ

опять на диванъ, но заснуть уже не могъ, а лежалъ безъ движенія, ничкомъ, уткнувъ лицо въ подушку. Ему все грезилось, и все странныя такія были грезы: всего чаще представлялось ему, что онъ гдѣ-то въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ какомъ-то оазисѣ. Караванъ отдыхаетъ, смирно лежатъ верблюды; кругомъ пальмы растутъ цѣлымъ кругомъ: всѣ обѣдаютъ. Онъ-же все пьетъ воду, прямо изъ ручья, который тутъ-же, у бока, течетъ и журчитъ. И прохладно такъ, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бѣжитъ по разноцвѣтнымъ камнямъ и по такому чистому съ золотыми блестками песку... Вдругъ онъ ясно услышалъ, что бьютъ часы. Онъ вздрогнулъ, очнулся, приподнялъ голову, посмотрѣлъ въ окно, сообразилъ время и вдругъ вскочилъ совершенно опомнившись, какъ будто кто его сорвалъ съ дивана. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери, пріотворилъ ее тихонько и сталъ прислушиваться внизъ на лѣстницу. Сердце его страшно билось. Но на лѣстницѣ было все тихо, точно всѣ спали... Дико и чудно показалось ему, что онъ могъ проспать въ такомъ забытьи со вчерашняго дня и ничего еще не сдѣлалъ, ничего не приготовилъ... А между тѣмъ, можетъ, и шесть часовъ было... И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдругъ, вмѣсто сна и отупѣнія. Приготовленій, впрочемъ, было немного. Онъ напрягалъ всѣ усилія чтобы все сообразить и ничего не забыть; а сердце все билось, стукало такъ, что ему дышать стало тяжело. Во первыхъ, надо было петлю сдѣлать и къ пальто пришить,—дѣло минуты. Онъ полѣзъ подъ подушку и отыскалъ въ нашихаломъ подъ нее бѣлье одну, совершенно развалившуюся, старую, немытую свою рубашку. Изъ лохмотьевъ ея онъ выдралъ тесьму, въ вершокъ шириной, и вершковъ въ восемь длиной. Эту тесьму сложилъ онъ вдвое, снялъ съ себя свое широкое, крѣпкое, изъ какой-то толстой бумажной матеріи лѣтнее пальто (единственное его верхнее платье) и сталъ пришивать оба конца тесьмы подъ лѣвую мышку изнутри. Руки его тряслись пришивая, но онъ одолѣлъ и такъ, что снаружи ничего не было видно, когда онъ опять надѣлъ пальто. Иголка и нитки были у него уже давно приготовлены и лежали въ столикѣ, въ бумажкѣ. Что-же касается петли, то эта была очень ловкая его собственная выдумка: петля назначалась для топора. Нельзя-же было по улицѣ нести топоръ въ рукахъ. А если подъ пальто спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что̀ было-бы примѣтно. Теперь-же, съ петлей, стоитъ только вложить въ нее лезвее топора, и онъ будетъ висѣть спокойно, подъ мышкой изнутри, всю дорогу. Запустивъ-же руку въ боковой карманъ пальто, онъ могъ и конецъ топорной ручки придерживать, чтобъ она не болталась; а такъ какъ

пальто было очень широкое, настоящій мѣшокъ, то и не могло быть примѣтно снаружи, что онъ что-то рукой, черезъ карманъ, придерживаетъ. Эту петлю онъ тоже уже двѣ недѣли назадъ придумалъ.

Покончивъ съ этимъ, онъ просунулъ пальцы въ маленькую щель, между его турецкимъ диваномъ и поломъ, пошарилъ около лѣваго угла и вытащилъ давно уже приготовленный и спрятанный тамъ *закладъ*. Этотъ закладъ былъ, впрочемъ, вовсе не закладъ, а просто деревянная, гладко обструганная дощечка, величиной и толщиной не болѣе какъ могла-бы быть серебряная папиросочница. Эту дощечку онъ случайно нашелъ, въ одну изъ своихъ прогулокъ, на одномъ дворѣ, гдѣ, во флигелѣ, помѣщалась какая-то мастерская. Потомъ уже онъ прибавилъ къ дощечкѣ гладкую и тоненькую желѣзную полоску, —вѣроятно, отъ чего нибудь отломокъ, —которую тоже нашелъ на улицѣ тогда-же. Сложивъ объ дощечки, изъ коихъ желѣзная была меньше деревянной, онъ связалъ ихъ вмѣстѣ накрѣпко, крестъ на крестъ, ниткой; потомъ аккуратно и щеголевато увертѣлъ ихъ въ чистую бѣлую бумагу и обвязалъ такъ, чтобы помудренѣе было развязать. Это для того чтобы на время отвлечь вниманіе старухи, когда она начнетъ возиться съ узелкомъ, и улучить такимъ образомъ минуту. Желѣзная-же пластинка прибавлена была для вѣсу, чтобы старуха хоть въ первую минуту не догадалась, что «вещь» деревянная. Все это хранилось у него до времени подъ диваномъ. Только что онъ досталъ закладъ, какъ вдругъ гдѣ-то на дворѣ раздался чей-то крикъ:

— Семой часъ давно!

— Давно! Боже мой!

Онъ бросился къ двери, прислушался, схватилъ шляпу и сталъ сходить внизъ свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, какъ кошка. Предстояло самое важное дѣло—украсть изъ кухни топоръ. О томъ, что дѣло надо сдѣлать топоромъ, рѣшено имъ было уже давно. У него былъ еще складной садовый ножикъ; но на ножъ, и особенно на свои силы, онъ не надѣялся, а потому и остановился на топорѣ окончательно. Замѣтимъ кстати одну особенность по поводу всѣхъ окончательныхъ рѣшеній, уже принятыхъ имъ въ этомъ родѣ. Они имѣли одно странное свойство: чѣмъ окончательнѣе они становились, тѣмъ безобразнѣе, нелѣпѣе, тотчасъ-же становились и въ его глазахъ. Не смотря на всю мучительную, внутреннюю борьбу свою, онъ никогда ни на одно мгновеніе не могъ увѣровать въ исполнимость своихъ замысловъ, во все это время.

И еслибы даже случилось когда нибудь такъ, что уже все до послѣдней точки было-бы имъ разобрано и рѣшено окончательно, и сомнѣній не оставалось-бы уже болѣе никакихъ, — то тутъ-то-бы,

кажется, онъ и отказался отъ всего окончательно, какъ отъ нелѣпости, чудовищности и невозможности. Но неразрѣшенныхъ пунктовъ и сомнѣній оставалась еще цѣлая бездна. Что-же касается до того гдѣ достать топоръ, то эта мелочь его нисколько не безпокоила, потому что не было ничего легче. Дѣло въ томъ, что Настасьи, и особенно по вечерамъ, помнутно не бывало дома: или убѣжитъ къ сосѣдямъ, или въ лавочку, а дверь всегда оставляетъ настежь. Хозяйка только изъ за этого съ ней и ссорилась. Итакъ, стоило только потихоньку войти, когда придетъ время, въ кухню и взять топоръ, а потомъ, чрезъ часъ (когда все уже кончится), войти и положить обратно. Но представлялись и сомнѣнія: онъ, положимъ, придетъ черезъ часъ, чтобы положить обратно, а Настасья тутъ какъ тутъ, воротилась. Конечно, надо пройти мимо и выждать пока она опять выйдетъ. А ну какъ тѣмъ временемъ хватится топора, искать начнетъ, раскричится,—вотъ и подозрѣніе, или, по крайней мѣрѣ, случай къ подозрѣнію.

Но это еще были мелочи, о которыхъ онъ и думать не начиналъ, да и некогда было. Онъ думалъ о главномъ, а мелочи откладалъ до тѣхъ поръ когда самъ *во всемъ убѣдится*. Но послѣднее казалось рѣшительно неосуществимымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему самому. Никакъ онъ не могъ, напримѣръ, вообразить себѣ, что когда нибудь онъ кончитъ думать, встанетъ и — просто пойдетъ туда... Даже недавнюю *пробу* свою (то есть визитъ съ намѣреніемъ окончательно осмотрѣть мѣсто) онъ только *попробовалъ* было сдѣлать, но далеко не взаправду, а такъ: „дай-ка, дескать, пойду и опробую, что замечтать-то!" — и тотчасъ не выдержалъ, плюнулъ и убѣжалъ, въ остервенѣніи на самаго себя. А между тѣмъ, казалось-бы, весь анализъ, въ смыслѣ нравственнаго разрѣшенія вопроса, былъ уже имъ покончень; казуистика его выточилась какъ бритва, и самъ въ себѣ онъ уже не находилъ сознательныхъ возраженій. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ просто не вѣрилъ себѣ, и упрямо, рабски, искалъ возраженій по сторонамъ и ощупью, какъ будто кто его принуждалъ и тянулъ къ тому. Послѣдній-же день, такъ нечаянно наступившій и все разомъ порѣшившій, подѣйствовалъ на него почти совсѣмъ механически: какъ будто его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо, слѣпо, съ нестественною силой, безъ возраженій. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать.

Сначала, —впрочемъ давно уже прежде,—его занималъ, между прочимъ, одинъ вопросъ: почему такъ легко отыскиваются и выдаются почти всѣ преступленія, и такъ явно обозначаются слѣды почти всѣхъ пре-

ступниковъ? Онъ пришелъ мало по малу къ многообразнымъ и любопытнымъ заключеніямъ, и, по его мнѣнію, главнѣйшая причина заключается не столько въ матеріальной невозможности скрыть преступленіе, какъ въ самомъ преступникѣ: самъ-же преступникъ, и почти всякій, въ моментъ преступленія подвергается какому-то упадку воли и разсудка, смѣняемыхъ напротивъ того дѣтскимъ феноменальнымъ легкомысліемъ, и именно въ тотъ моментъ, когда наиболѣе необходимы разсудокъ и осторожность. По убѣжденію его, выходило, что это затмѣніе разсудка и упадокъ воли охватываютъ человѣка подобно болѣзни, развиваются постепенно и доходятъ до высшаго своего момента незадолго до совершенія преступленія: продолжаются въ томъ-же видѣ въ самый моментъ преступленія и еще нѣсколько времени послѣ него, судя по индивидууму; затѣмъ проходятъ также какъ проходитъ всякая болѣзнь. Вопросъ-же: болѣзнь-ли порождаетъ самое преступленіе, или само преступленіе, какъ нибудь по особенной натурѣ своей, всегда сопровождается чѣмъ-то въ родѣ болѣзни?—онъ еще не чувствовалъ себя въ силахъ разрѣшить.

Дойдя до такихъ выводовъ, онъ рѣшилъ, что съ нимъ, лично, въ его дѣлѣ, не можетъ быть подобныхъ болѣзненныхъ переворотовъ, что разсудокъ и воля останутся при немъ, неотъемлемо, во все время исполненія задуманнаго, единственно по той причинѣ, что задуманное имъ — «не преступленіе»... Опускаемъ весь тотъ процессъ, посредствомъ котораго онъ дошелъ до послѣдняго рѣшенія: мы и безъ того слишкомъ забѣжали впередъ... Прибавимъ только, что фактическія, чисто матеріальныя затрудненія дѣла вообще играли въ умѣ его самую второстепенную роль. «Стоитъ только сохранить надъ ними всю волю и весь разсудокъ, и они, въ свое время, всѣ будутъ побѣждены, когда придется познакомиться до малѣйшей тонкости со всѣми подробностями дѣла»... Но дѣло не начиналось. Окончательнымъ своимъ рѣшеніямъ онъ продолжалъ всего менѣе вѣрить, и когда пробилъ часъ, все вышло совсѣмъ не такъ, а какъ-то нечаянно, даже почти неожиданно.

Одно ничтожнѣйшее обстоятельство поставило его въ тупикъ, еще прежде чѣмъ онъ сошелъ съ лѣстницы. Поровнявшись съ хозяйскою кухней, какъ и всегда отворенною настежь, онъ осторожно покосился въ нее глазами, чтобъ оглядѣть предварительно: нѣтъ-ли тамъ, въ отсутствіи Настасьи, самой хозяйки, а если нѣтъ, то хорошо-ли заперты двери въ ея комнату, чтобъ она тоже какъ нибудь оттуда не выглянула, когда онъ за топоромъ войдетъ? Но каково-же было его изумленіе, когда онъ вдругъ увидалъ, что Настасья не только на этотъ разъ дома, у себя въ кухнѣ, но еще занята [illegible] дѣломъ: вынимаетъ изъ корзины бѣлье и развѣшиваетъ

на веревкахъ! Увидѣвъ его, она перестала развѣшивать, обернулась къ нему и все время смотрѣла на него, пока онъ проходилъ. Онъ отвелъ глаза и прошелъ какъ будто ничего не замѣчая. Но дѣло было кончено: нѣтъ топора! Онъ былъ пораженъ ужасно.

«И съ чего взялъ я, думалъ онъ сходя подъ ворота,—съ чего взялъ я, что ея непремѣнно въ эту минуту не будетъ дома? Почему, почему, почему я такъ навѣрно это рѣшилъ?» Онъ былъ раздавленъ, даже какъ-то униженъ. Ему хотѣлось смѣяться надъ собою со злости... Тупая, звѣрская злоба закипѣла въ немъ.

Онъ остановился въ раздумьи подъ воротами. Идти на улицу, такъ, для виду, гулять, ему было противно: воротиться домой—еще противнѣе. «И какой случай навсегда потерялъ!» пробормоталъ онъ, безцѣльно стоя подъ воротами, прямо противъ темной каморки дворника, тоже отворенной. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ. Изъ каморки дворника, бывшей отъ него въ двухъ шагахъ, изъ подлавки направо что-то блеснуло ему въ глаза... Онъ осмотрѣлся кругомъ,—никого. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ дворницкой, сошелъ внизъ по двумъ ступенькамъ и слабымъ голосомъ окликнулъ дворника.—«Такъ и есть, нѣтъ дома! Гдѣ нибудь близко, впрочемъ, на дворѣ, потому что дверь отперта настежь». Онъ бросился стремглавъ на топоръ (это былъ топоръ) и вытащилъ его изъ подъ лавки, гдѣ онъ лежалъ между двумя полѣнами; тутъ-же, не выходя, прикрѣпилъ его къ петлѣ, обѣ руки засунулъ въ карманы и вышелъ изъ дворницкой; никто не замѣтилъ! «Не разсудокъ, такъ бѣсъ!» подумалъ онъ, странно усмѣхаясь. Этотъ случай ободрилъ его чрезвычайно.

Онъ шелъ дорогой тихо и *степенно*, не торопясь, чтобы не подать какихъ подозрѣній. Мало глядѣлъ онъ на прохожихъ, даже старался совсѣмъ не глядѣть на лица и быть какъ можно непримѣтнѣе. Тутъ вспомнилась ему его шляпа.—Боже мой! И деньги были третьяго дня, и не могъ перемѣнить на фуражку! Проклятіе вырвалось изъ души его.

Заглянувъ случайно, однимъ глазомъ, въ лавочку, онъ увидѣлъ, что тамъ, на стѣнныхъ часахъ, уже десять минутъ восьмаго. Надо было и торопиться, и въ тоже время сдѣлать крюкъ: подойти къ дому въ обходъ, съ другой стороны...

Прежде, когда случалось ему представлять все это въ воображеніи, онъ иногда думалъ, что очень будетъ бояться. Но онъ не очень теперь боялся, даже не боялся совсѣмъ. Занимали его въ это мгновеніе даже какія-то посторонніяя мысли, только все не надолго. Проходя мимо Юсупова сада, онъ даже очень было занялся мыслію объ устройствѣ высокихъ фонтановъ, и о томъ, какъ-бы они хо-

рошо освѣжали воздухъ на всѣхъ площадяхъ. Мало по малу онъ перешелъ къ убѣжденію, что еслибы распространить Лѣтній садъ на все Марсово поле и даже соединить съ дворцовымъ Михайловскимъ садомъ, то была-бы прекрасная и полезнѣйшая для города вещь. Тутъ заинтересовало его вдругъ: почему именно, во всѣхъ большихъ городахъ, человѣкъ не то что по одной необходимости, но какъ-то особенно наклоненъ жить и селиться именно въ такихъ частяхъ города, гдѣ нѣтъ ни садовъ, ни фонтановъ, гдѣ грязь и вонь, и всякая гадость. Тутъ ему вспомнились его собственныя прогулки по Сѣнной, и онъ на минуту очнулся. «Что за вздоръ», подумалъ онъ. «Нѣтъ, лучше совсѣмъ ничего не думать!

«Такъ вѣрно тѣ, которыхъ ведутъ на казнь, прилѣпливаются мыслями ко всѣмъ предметамъ, которые имъ встрѣчаются на дорогѣ, мелькнуло у него въ головѣ, но только мелькнуло какъ молнія: онъ самъ поскорѣй погасилъ эту мысль... Но вотъ уже и близко, вотъ и домъ, вотъ и ворота. Гдѣ-то вдругъ часы пробили одинъ ударъ. «Что это, неужели половина восьмаго? Быть не можетъ, вѣрно бѣгутъ!»

На счастье его въ воротахъ опять прошло благополучно. Мало того, даже какъ нарочно, въ это самое мгновеніе только что передъ нимъ въѣхалъ въ ворота огромный возъ сѣна, совершенно заслонявшій его все время какъ онъ проходилъ подворотню, и чуть только возъ успѣлъ выѣхать изъ воротъ во дворъ, онъ мигомъ проскользнулъ направо. Тамъ, по ту сторону воза, слышно было, кричали и спорили нѣсколько голосовъ, но его никто не замѣтилъ, и на встрѣчу никто не попался. Много оконъ, выходившихъ на этотъ огромный квадратный дворъ, было отперто въ эту минуту, но онъ не поднялъ головы,—силы не было. Лѣстница къ старухѣ была близко, сейчасъ изъ воротъ направо. Онъ уже былъ на лѣстницѣ...

Переведя духъ и прижавъ рукой стукавшее сердце, тутъ-же нащупавъ и оправивъ еще разъ топоръ, онъ сталъ осторожно и тихо подниматься на лѣстницу, помнутно прислушиваясь. Но и лѣстница на ту пору стояла совсѣмъ пустая: всѣ двери были заперты: никого-то не встрѣтилось. Во второмъ этажѣ одна пустая квартира была, правда, растворена настежь, и въ ней работали маляры, но тѣ и не поглядѣли. Онъ постоялъ, подумалъ и пошелъ дальше.—«Конечно, было-бы лучше, еслибъ ихъ здѣсь совсѣмъ не было, но... надъ ними еще два этажа».

Но вотъ и четвертый этажъ, вотъ и дверь, вотъ и квартира напротивъ: та пустая. Въ третьемъ этажѣ, по всѣмъ примѣтамъ, квартира, что прямо подъ старухиной, тоже пустая: визитный би-

лесть, прибитый къ дверямъ гвоздочками, снять, — выѣхали!.. Онъ задыхался. На одно мгновеніе пронеслась въ умѣ его мысль: не уйти-ли? Но онъ не далъ себѣ отвѣта и сталъ прислушиваться въ старухину квартиру: мертвая тишина. Потомъ еще разъ прислушался внизъ на лѣстницу, слушалъ долго, внимательно... Затѣмъ оглядѣлся въ послѣдній разъ, подобрался, оправился и еще разъ попробовалъ въ петлѣ топоръ. «Не блѣденъ-ли я... очень? думалось ему, — не въ особенномъ-ли я волненіи? Она недовѣрчива... Не подождать-ли еще... пока сердце перестанетъ?...»

Но сердце не переставало. Напротивъ, какъ нарочно, стучало сильнѣй, сильнѣй, сильнѣй... Онъ не выдержалъ, медленно протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ. Черезъ полминуты еще разъ позвонилъ, погромче.

Нѣтъ отвѣта. Звонить зря было нечего, да ему и не къ фигурѣ. Старуха, разумѣется, была дома, но она подозрительна и одна. Онъ отчасти зналъ ея привычки... и еще разъ плотно приложилъ ухо къ двери. Чувства-ли его были такъ изощрены (что вообще трудно предположить), или дѣйствительно было очень слышно, но вдругъ онъ различилъ какъ-бы осторожный шорохъ рукой у замочной ручки и какъ-бы шелесть платья о самую дверь. Кто-то непримѣтно стоялъ у самаго замка и точно такъ же, какъ онъ здѣсь снаружи, прислушивался притаясь изнутри, и, кажется, тоже приложа ухо къ двери...

Онъ нарочно пошевелился и что-то погромче пробормоталъ, чтобъ и виду не подать что прячется: потомъ позвонилъ въ третій разъ, но тихо, солидно и безъ всякаго нетерпѣнія. Вспоминая объ этомъ послѣ, ярко, ясно, эта минута отчеканилась въ немъ на вѣки: онъ понять не могъ, откуда онъ взялъ столько хитрости, тѣмъ болѣе, что умъ его какъ-бы помрачался мгновеніями, а тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ... Мгновеніе спустя послышалось, что снимаютъ запоръ.

VII.

Дверь, какъ и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять два вострые и недовѣрчивые взгляда уставились на него изъ темноты. Тутъ Раскольниковъ потерялся и сдѣлалъ было важную ошибку.

Опасаясь, что старуха испугается того, что онъ одинъ, и не надѣясь, что видъ его ее разувѣритъ, онъ взялся за дверь и потянулъ ее къ себѣ, чтобы старуха какъ ни-

будь не вздумала опять запереться. Увидя это, она не рванула дверь къ себѣ обратно, но не выпустила и ручку замка, такъ что онъ чуть не вытащилъ ее, вмѣстѣ съ дверью, на лѣстницу. Видя-же, что она стоитъ въ дверяхъ поперегъ и не даетъ ему пройти, онъ пошелъ прямо на нее. Та отскочила въ испугѣ, хотѣла было что-то сказать, но какъ будто не смогла и смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Здравствуйте, Алена Ивановна, началъ онъ какъ можно развязнѣе, но голосъ не послушался его, прервался и задрожалъ. — я вамъ... вещь принесъ... да вотъ лучше пойдемте сюда... къ свѣту... И бросивъ ее, онъ, прямо безъ приглашенія, прошелъ въ комнату. Старуха побѣжала за нимъ; языкъ ея развязался.

— Господи! Да чего вамъ?.. Кто такой? Что вамъ угодно?

— Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый вашъ... Раскольниковъ... вотъ, закладъ принесъ, что обѣщался намедни... И онъ протягивалъ ей закладъ.

Старуха взглянула было на закладъ, но тотчасъ-же уставилась опять глазами прямо въ глаза незванному гостю. Она смотрѣла внимательно, злобно и недовѣрчиво. Прошло съ минуту: ему показалось даже въ ея глазахъ что-то въ родѣ насмѣшки, какъ будто она уже обо всемъ догадалась. Онъ чувствовалъ что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что, кажется, смотри она такъ, не говори ни слова еще съ полминуты, то онъ-бы убѣжалъ отъ нея.

— Да что вы такъ смотрите, точно не узнали? проговорилъ онъ вдругъ тоже со злобой. — Хотите берите, а нѣтъ, — я къ другимъ пойду, мнѣ некогда.

Онъ и не думалъ это сказать, а такъ, само вдругъ выговорилось.

Старуха опомнилась, а рѣшительный тонъ гостя ее видимо ободрилъ.

— Да чего-же ты, батюшка, такъ вдругъ... что такое? спросила она, смотря на закладъ.

— Серебряная папиросочница: вѣдь я говорилъ прошлый разъ.

Она протянула руку.

— Да чтой-то вы какой блѣдный? Вотъ и руки дрожатъ! Искупался что-ль, батюшка?

— Лихорадка, отвѣчалъ онъ отрывисто. — Поневолѣ станешь блѣдный... коли Бетъ нечего, прибавилъ онъ, едва выговаривая слова. Силы опять покидали его. Но отвѣтъ показался правдоподобнымъ; старуха взяла закладъ.

Что такое? спросила она, еще разъ пристально оглядѣвъ Раскольникова и взвѣшивая закладъ на рукѣ.

— Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.

— Да чтой-то, какъ будто и не серебряная... Ишь навертѣлъ. Стараясь развязать снурокъ, и оборотясь къ окну, къ свѣту (всѣ окна у нея были заперты, не смотря на духоту), она на нѣсколько секундъ совсѣмъ его оставила и стала къ нему задомъ. Онъ растегнулъ пальто и высвободилъ топоръ изъ петли, но еще не вынулъ совсѣмъ, а только придерживалъ правою рукой подъ одеждой. Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось какъ онѣ, съ каждымъ мгновеніемъ, все болѣе и болѣли и деревенѣли. Онъ боялся что выпуститъ и уронитъ топоръ... вдругъ голова его какъ-бы закружилась.

— Да что онъ тутъ навертѣлъ! съ досадой вскричала старуха и пошевелилась въ его сторону.

Ни одного мига нельзя было терять болѣе. Онъ вынулъ топоръ совсѣмъ, взмахнулъ его обѣими руками, едва себя чувствуя, и почти безъ усилія, почти машинально, опустилъ на голову обухомъ. Силы его тутъ какъ-бы не было. Но какъ только онъ разъ опустилъ топоръ, тутъ и родилась въ немъ сила.

Старуха, какъ и всегда, была простоволосая. Свѣтлые съ просѣдью, жиденькіе волосы ея, по обыкновенію жирно смазанные масломъ, были заплетены въ крысиную косичку и подобраны подъ осколокъ роговой гребенки, торчавшей на ея затылкѣ. Ударъ пришелся въ самое темя, чему способствовалъ ея малый ростъ. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдругъ вся осѣла къ полу, хотя и успѣла еще поднять объ руки къ головѣ. Въ одной рукѣ еще продолжала держать «закладъ». Тутъ онъ изо всей силы ударилъ разъ и другой, все обухомъ, все по темени. Кровь хлынула какъ изъ опрокинутаго стакана, и тѣло повалилось навзничь. Онъ отступилъ, далъ упасть и тотчасъ-же нагнулся къ ея лицу; она была уже мертвая. Глаза были выпучены, какъ будто хотѣли выпрыгнуть, а лобъ и все лицо были сморщены и искажены судорогой.

Онъ положилъ топоръ на полъ, подлѣ мертвой, и тотчасъ-же полѣзъ ей въ карманъ, стараясь не замараться текущею кровью, въ тотъ самый правый карманъ, изъ котораго она въ прошлый разъ вынимала ключи. Онъ былъ въ полномъ умѣ, затмѣній и головокруженій уже не было, но руки все еще дрожали. Онъ вспомнилъ потомъ, что былъ даже очень внимателенъ, остороженъ, старался все не запачкаться... Ключи онъ тотчасъ-же вынулъ; всѣ какъ и тогда были въ одной связкѣ, на одномъ стальномъ обручѣ. Тотчасъ-же онъ побѣжалъ съ ними въ спальню. Это была очень небольшая комната, съ огромнымъ кіотомъ образовъ. У другой стѣны стояла большая постель, весьма чистая, съ шелковымъ, набор-

нымъ изъ лоскутковъ, ватнымъ одѣяломъ. У третьей стѣны былъ комодъ. Странное дѣло, только что онъ началъ прилаживать ключи къ комоду, только что онъ услышалъ ихъ звяканіе, какъ будто судорога прошла по немъ. Ему вдругъ опять захотѣлось бросить все и уйти. Но это было только мгновеніе: уходить было поздно. Онъ даже усмѣхнулся на себя, какъ вдругъ другая, тревожная мысль ударила ему въ голову. Ему вдругъ почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще можетъ очнуться. Бросивъ ключи и комодъ, онъ побѣжалъ назадъ, къ тѣлу, схватилъ топоръ и замахнулся еще разъ надъ старухой, но не опустилъ. Сомнѣнія не было что она мертвая. Нагнувшись и разсматривая ее опять ближе, онъ увидѣлъ ясно, что черепъ былъ раздробленъ и даже свороченъ чуть-чуть на сторону. Онъ было хотѣлъ пощупать пальцемъ, но отдернулъ руку: да и безъ того было видно. Крови между тѣмъ натекла уже цѣлая лужа. Вдругъ онъ замѣтилъ на ея шеѣ снурокъ, дернулъ его, но снурокъ былъ крѣпокъ и не срывался; къ тому-же намокъ въ крови. Онъ попробовалъ было вытащить такъ, изъ-за пазухи. Но что-то мѣшало, застряло. Въ нетерпѣніи онъ взмахнулъ было опять топоромъ, чтобы рубнуть по снурку тутъ-же, по тѣлу, сверху, но не посмѣлъ, и съ трудомъ, перемогая руки и топоръ, послѣ двухминутной возни, разрѣзалъ снурокъ, не касаясь топоромъ тѣла, и снялъ: онъ не ошибся кошелекъ. На снуркѣ были два креста, кипарисный и мѣдный, и кромѣ того финифтяный образокъ: и тутъ-же вмѣстѣ съ ними висѣлъ небольшой, замшевый, засаленный кошелекъ, съ стальнымъ оботкомъ и колечкомъ. Кошелекъ былъ очень туго набитъ. Раскольниковъ сунулъ его въ карманъ не осматривая, кресты сбросилъ старухѣ на грудь, и, захвативъ на этотъ разъ и топоръ, бросился обратно въ спальню.

Онъ спѣшилъ ужасно, схватился за ключи и опять началъ возиться съ ними. Но какъ-то все неудачно: не вкладывались они въ замки. Не то чтобы руки его уже такъ дрожали, но онъ все ошибался: и видитъ, напримѣръ, что ключъ не тотъ, не подходитъ, а все суетъ. Вдругъ онъ припомнилъ и сообразилъ, что этотъ большой ключъ, съ зубчатою бородкой, который тутъ-же болтается съ другими маленькими, непремѣнно долженъ быть вовсе не отъ комода (какъ и въ прошлый разъ ему на умъ пришло), а отъ какой нибудь укладки, и что въ этой-то укладкѣ, можетъ быть, все и припрятано. Онъ бросилъ комодъ и тотчасъ-же полѣзъ подъ кровать, зная, что укладки обыкновенно ставятся у старухъ подъ кроватями. Такъ и есть: стояла значительная укладка, побольше аршина въ длину, съ выпуклою крышей, обитая краснымъ сафьяномъ, съ утыканными

по нем стальными гвоздиками. Зубчатый ключ какъ разъ пришелся и отперъ. Сверху, подъ бѣлою простынею, лежала заячья шубка, крытая краснымъ гарнитуромъ: подъ нею было шелковое платье, затѣмъ шаль, и туда, въ глубь, казалось, все лежало одно тряпье. Прежде всего онъ принялся было вытирать объ красный гарнитуръ свои запачканныя въ крови руки. «Красное, ну а на красномъ кровь непримѣтнѣе», разсудилось было ему, и вдругъ онъ опомнился: «Господи! Съ ума что-ли я схожу?» подумалъ онъ въ испугѣ.

Но только что онъ пошевелилъ это тряпье, какъ вдругъ, изъ подъ шубки, выскользнули золотые часы. Онъ бросился все перевертывать. Дѣйствительно, между тряпьемъ были перемѣшаны золотыя вещи,—вѣроятно, все заклады, выкупленные и невыкупленные,—браслеты, цѣпочки, серьги, булавки и проч. Иныя были въ футлярахъ, другія просто обернуты въ газетную бумагу, но аккуратно и бережно, въ двойные листы, и кругомъ обвязаны тесемками. Ни мало не медля, онъ сталъ набивать ими карманы панталонъ и пальто, не разбирая и не раскрывая сверткова и футляровъ; но онъ не успѣлъ много набрать...

Вдругъ ему послышалось, что въ комнатѣ, гдѣ была старуха, ходятъ. Онъ остановился и притихъ какъ мертвый. Но все было тихо, стало быть, померещилось. Вдругъ явственно послышался легкій крикъ, или какъ будто кто-то тихо и отрывисто простоналъ и замолчалъ. Затѣмъ опять мертвая тишина, съ минуту или съ двѣ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ у сундука и ждалъ едва переводя духъ, но вдругъ вскочилъ, схватилъ топоръ и выбѣжалъ изъ спальни.

Среди комнаты стояла Лизавета, съ большимъ узломъ въ рукахъ, и смотрѣла въ оцѣпенѣніи на убитую сестру, вся бѣлая какъ полотно и какъ-бы не въ силахъ крикнуть. Увидавъ его выбѣжавшаго, она задрожала какъ листъ, мелкою дрожью, и по всему лицу ея побѣжали судороги. Она приподняла руку, раскрыла было ротъ, но все-таки не вскрикнула и медленно, задомъ, стала отодвигаться отъ него въ уголъ, пристально, въ упоръ, смотря на него, но все не крича, точно ей воздуху не доставало чтобы крикнуть. Онъ бросился на нее съ топоромъ: губы ея перекосились такъ жалобно какъ у очень маленькихъ дѣтей, когда они начинаютъ чего нибудь пугаться, пристально смотрятъ на пугающій ихъ предметъ и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана разъ навсегда, что даже руки не подняла защитить себѣ лицо, хотя это былъ самый необходимо-естественный жестъ въ эту минуту, потому что топоръ былъ прямо поднятъ надъ ея лицомъ. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную

лѣвую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее къ нему впередъ, какъ-бы отстраняя его. Ударъ пришелся прямо по черепу, острiемъ, и сразу прорубилъ всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она такъ и рухнулась. Раскольниковъ совсѣмъ было потерялся, схватилъ ея узелъ, бросилъ его опять, и побѣжалъ въ прихожую.

Страхъ охватывалъ его все больше и больше, особенно послѣ этого втораго, совсѣмъ неожиданнаго убійства. Ему хотѣлось поскорѣе убѣжать отсюда. И еслибы въ ту минуту онъ въ состоянiи былъ правильнѣе видѣть и разсуждать; еслибы только могъ сообразить всѣ трудности своего положенія, все отчаяннѣе, все безобразiе и всю нелѣпость его, понять при этомъ сколько затрудненiй, а, можетъ быть, и злодѣйствъ, еще остается ему преодолѣть и совершить чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень можетъ быть, что онъ бросилъ-бы все и тотчасъ пошелъ-бы самъ на себя объявить, и не отъ страху даже за себя, а отъ одного только ужаса и отвращенія къ тому что онъ сдѣлалъ. Отвращенiе особенно поднималось и росло въ немъ съ каждою минутою. Ни за что на свѣтѣ не пошелъ-бы онъ теперь къ сундуку и даже въ комнаты.

Но какая-то разсѣянность, какъ будто даже задумчивость, стала по немногу овладѣвать имъ: минутами онъ какъ будто забывался или, лучше сказать, забывалъ о главномъ и прилѣплялся къ мелочамъ. Впрочемъ, заглянувъ на кухню и увидавъ на лавкѣ ведро, на половину полное воды, онъ догадался вымыть себѣ руки и топоръ. Руки его были въ крови и липли. Топоръ онъ опустилъ лезвеемъ прямо въ воду, схватилъ лежавшiй на окошкѣ, на раскололомъ блюдечкѣ, кусочекъ мыла и сталъ, прямо въ ведрѣ, отмывать себѣ руки. Отмывъ ихъ, онъ вытащилъ и топоръ, вымылъ желѣзо, и долго, минуты съ три, отмывалъ дерево, гдѣ закровенилось, пробуя кровь даже мыломъ. Затѣмъ все оттеръ бѣльемъ, которое тутъ-же сушилось на веревкѣ, протянутой чрезъ кухню, и потомъ долго, со вниманiемъ, осматривалъ топоръ у окна. Слѣдовъ не оставалось, только дерево еще было сырое. Тщательно вложилъ онъ топоръ въ петлю, подъ пальто. Затѣмъ, сколько позволялъ свѣтъ въ тусклой кухнѣ, осмотрѣлъ пальто, панталоны, сапоги. Снаружи, съ перваго взгляда, какъ будто ничего не было: только на сапогахъ были пятна. Онъ намочилъ тряпку и оттеръ сапоги. Онъ зналъ, впрочемъ, что не хорошо разглядывается, что, можетъ быть, есть что нибудь въ глаза бросающееся, чего онъ не замѣчаетъ. Въ раздумьи сталъ онъ среди комнаты. Мучительная, темная мысль поднималась въ немъ,—мысль, что онъ сумасшествуетъ,

и что въ эту минуту не въ силахъ ни разсудить, ни себя защитить, что вовсе, можетъ быть, не то надо дѣлать что онъ теперь дѣлаетъ... «Боже мой! Надо бѣжать, бѣжать!» пробормоталъ онъ, и бросился въ переднюю. Но здѣсь ожидалъ его такой ужасъ, какого, конечно, онъ еще ни разу не испытывалъ.

Онъ стоялъ, смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ: дверь, наружная дверь, изъ прихожей на лѣстницу, та самая, въ которую онъ давеча звонилъ и вошелъ, стояла отпертая, даже на цѣлую ладонь пріотворенная: ни замка, ни запора, все время, во все это время! Старуха не заперла за нимъ, можетъ быть, изъ осторожности. Но Боже! Вѣдь видѣлъ-же онъ потомъ Лизавету! И какъ могъ, какъ могъ онъ не догадаться, что вѣдь вошла-же она откуда нибудь! Не сквозь стѣну-же!

Онъ кинулся къ дверямъ и наложилъ запоръ.

— Но нѣтъ, опять не то! Надо идти, идти...

Онъ снялъ запоръ, отворилъ дверь и сталъ слушать на лѣстницу.

Долго онъ выслушивалъ. Гдѣ-то далеко, внизу, вѣроятно, подъ воротами, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились. Что они?... Онъ ждалъ терпѣливо. Наконецъ, разомъ все утихло, какъ отрѣзало: разошлись. Онъ уже хотѣлъ выйти, но вдругъ этажемъ ниже съ шумомъ растворилась дверь на лѣстницу, и кто-то сталъ сходить внизъ, напѣвая какой-то мотивъ. «Какъ это они такъ все шумятъ!» мелькнуло въ его головѣ. Онъ опять притворилъ за собою дверь и переждалъ. Наконецъ все умолкло, ни души. Онъ уже ступилъ было шагъ на лѣстницу, какъ вдругъ опять послышались чьи-то новые шаги.

Эти шаги послышались очень далеко, еще въ самомъ началѣ лѣстницы, но онъ очень хорошо и отчетливо помнилъ, что съ перваго-же звука, тогда-же сталъ подозрѣвать почему-то что это непремѣнно *свои*, въ четвертый этажъ, къ старухѣ. Почему? Звуки что-ли были такіе особенные, знаменательные? Шаги были тяжелые, ровные, не спѣшные. Вотъ узнъ *онъ* прошелъ первый этажъ, вотъ поднялся еще: все слышнѣй и слышнѣй! Послышалась тяжелая одышка входившаго. Вотъ узнъ и третій этажъ начался... Сюда! И вдругъ показалось ему, что онъ точно окостенѣлъ, что это точно во снѣ, когда снится, что догоняютъ, близко, убить хотятъ, а самъ точно **прирос къ мѣсту, и руками пошевелить нельзя.**

И наконецъ, когда узнъ сталъ подниматься въ четвертый этажъ, тутъ только онъ весь вдругъ встрепенулся, вздрогнулъ и успѣлъ-таки быстро и ловко проскользнуть назадъ изъ сѣней въ квартиру и притворить за собой дверь. Затѣмъ схватилъ запоръ и тихо, неслышно, насадилъ его на петлю. Инстинктъ помогалъ. Кончивъ все,

онъ притаился не дыша, прямо сейчасъ у двери. Незнакомый гость былъ уже тоже у дверей. Они стояли теперь другъ противъ друга, какъ давеча онъ со старухой, когда дверь раздѣляла ихъ, а онъ прислушивался.

Гость нѣсколько разъ тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», подумалъ Раскольниковъ, сжимая топоръ въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, точно все это снилось. Гость схватился за колокольчикъ и крѣпко позвонилъ.

Какъ только звякнулъ жестяной звукъ колокольчика, ему вдругъ какъ будто почудилось, что въ комнатѣ пошевелились. Нѣсколько секундъ онъ даже серьезно прислушивался. Незнакомецъ звякнулъ еще разъ, еще подождалъ, и вдругъ, въ нетерпѣніи, изо всей силы сталъ дергать ручку у дверей. Въ ужасѣ смотрѣлъ Раскольниковъ на прыгавшій въ петлѣ крюкъ запора и съ тупымъ страхомъ ждалъ, что вотъ-вотъ и запоръ сейчасъ выскочитъ. Дѣйствительно, это казалось возможнымъ: такъ сильно дергали. Онъ было вздумалъ придержать запоръ рукой, но *тотъ* могъ догадаться. Онъ терялся, голова его какъ будто опять начинала кружиться. Вотъ упаду! промелькнуло въ немъ, но незнакомецъ заговорилъ, и онъ тотчасъ-же опомнился.

— Да что онъ тамъ дрыхнутъ или передушилъ ихъ кто? Тррреклятыя! заревѣлъ онъ какъ изъ бочки. — Эй, Алена Ивановна, старая вѣдьма! Лизавета Ивановна, красота неописанная! Отворяйте! У, треклятыя, спятъ онѣ что-ли?

И снова, остервенясь, онъ разъ десять сразу, изъ всей мочи, дернулъ въ колокольчикъ. Ужъ, конечно, это былъ человѣкъ властный и короткій въ домѣ.

Въ самую эту минуту вдругъ мелкіе, поспѣшные шаги послышались недалеко на лѣстницѣ. Подходилъ еще кто-то. Раскольниковъ и не разслышалъ сначала.

— Неужели нѣтъ никого? звонко и весело закричалъ подошедшій, прямо обращаясь къ первому посѣтителю, все еще продолжавшему дергать звонокъ. — Здравствуйте, Кохъ!

«Судя по голосу, должно быть очень молодой», подумалъ вдругъ Раскольниковъ.

— Да чортъ ихъ знаетъ. Замокъ чуть не разломалъ, отвѣчалъ Кохъ. — А вы какъ меня изволите знать?

— Ну вотъ! А третьяго-то дня, въ Гамбринусѣ, три партіи сряду взялъ у васъ на бильярдѣ!

— А-а-а...

— Такъ нѣтъ ихъ-то? Странно. Глупо, впрочемъ, ужасно. Куда-бы старухѣ-то уйти? У меня дѣло.

— Да и у меня, батюшка, дѣло!

— Ну, что-же дѣлать? Значитъ назадъ. Э-эхъ! А я было думалъ денегъ достать! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Конечно, назадъ, да зачѣмъ назначать? Сама мнѣ, вѣдьма, часъ назначила. Мнѣ вѣдь крюкъ. Да и куда къ чорту ей плясться, не понимаю? Круглый годъ сидитъ, вѣдьма, киснетъ, ноги болятъ, а тутъ вдругъ и на гулянье!

— У дворника не спросить-ли?

— Чего?

— Куда ушла и когда придетъ?

— Гм... чортъ... спросить... Да вѣдь она-жъ никуда не ходитъ... и онъ еще разъ дернулъ за ручку замка. — Чортъ, нечего дѣлать, идти!

— Стойте! закричалъ вдругъ молодой человѣкъ, — смотрите: видите-какъ дверь отстаетъ, если дергать?

— Ну?

— Значитъ она не на замкѣ, а на запорѣ, на крючкѣ то есть! Слышите какъ запоръ брякаетъ?

— Ну?

— Да какъ-же вы не понимаете? Значитъ кто нибудь изъ нихъ дома. Еслибы всѣ ушли, такъ снаружи-бы ключемъ заперли, а не на запоръ изнутри. А тутъ, — слышите какъ запоръ брякаетъ? А чтобы затвориться на запоръ изнутри, надо быть дома, понимаете? Стало быть дома сидятъ, да не отпираютъ!

— Ба! Да и въ самомъ дѣлѣ! закричалъ удивившійся Кохъ. — Такъ что-жъ онъ тамъ! — И онъ неистово началъ дергать дверь.

— Стойте! закричалъ опять молодой человѣкъ, — не дергайте! Тутъ что нибудь да не такъ... вы вѣдь звонили, дергали, — не отпираютъ; значитъ, или онъ объ въ обморокѣ, или...

— Что?

— А вотъ что: пойдемте-ка за дворникомъ; пусть онъ ихъ самъ разбудитъ.

— Дѣло! Оба двинулись внизъ.

— Стойте! Останьтесь-ка вы здѣсь, а я сбѣгаю внизъ за дворникомъ.

— Зачѣмъ оставаться?

— А мало-ли что?...

— Пожалуй...

— Я вѣдь въ судебные слѣдователи готовлюсь! Тутъ очевидно, оч-че-в-видно что-то не такъ! горячо вскричалъ молодой человѣкъ и бѣгомъ пустился внизъ по лѣстницѣ.

Кохъ остался, поневелилъ еще разъ тихонько звонкомъ, и тотъ звякнулъ одинъ ударъ; потомъ тихо, какъ-бы размышляя и осма-

тривая, сталъ шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтобъ убѣдиться еще разъ, что она на одномъ запорѣ. Потомъ пыхтя нагнулся и сталъ смотрѣть въ замочную скважину: но въ ней изнутри торчалъ ключъ и, стало быть, ничего не могло быть видно.

Раскольниковъ стоялъ и сжималъ топоръ. Онъ былъ точно въ бреду. Онъ готовился даже драться съ ними, когда они войдутъ. Когда они стучались и сговаривались, ему, нѣсколько разъ, вдругъ приходила мысль кончить все разомъ и крикнуть имъ изъ за дверей. Порой хотѣлось ему начать ругаться съ ними, дразнить ихъ, пока-мѣсть не отперли. «Поскорѣй-бы ужь!» мелькнуло въ его головѣ.

— Однако онъ чортъ...

Время проходило, минута, другая, — никто не шелъ. Кохъ сталъ шевелиться.

— Однако чортъ!... закричалъ онъ вдругъ и въ нетерпѣніи, бросивъ свой карауль, отправился тоже внизъ, торопясь и стуча по лѣстницѣ сапогами. Шаги стихли.

— Господи, что̀-же дѣлать!

Раскольниковъ снялъ запоръ, пріотворилъ дверь, ничего не слышно, и вдругъ, совершенно уже не думая, вышелъ, притворилъ какъ могъ плотнѣе дверь за собой и пустился внизъ.

Онъ уже сошелъ три лѣстницы, какъ вдругъ послышался сильный шумъ ниже, — куда дѣваться! Никуда-то нельзя было спрятаться. Онъ побѣжалъ было назадъ, опять въ квартиру.

— Эй, лѣшій, чортъ! Держи!

Съ крикомъ вырвался кто-то внизу изъ какой-то квартиры, и не то что побѣжалъ, а точно упалъ внизъ, по лѣстницѣ, крича во всю глотку:

— Митька! Митька! Митька! Митька! Митька! Шутъ-те дери-и-и!

Крикъ закончился взвизгомъ; послѣдніе звуки послышались уже на дворѣ; все затихло. Но въ тоже самое мгновеніе нѣсколько человѣкъ, громко и часто говорившихъ, стали шумно подниматься на лѣстницу. Ихъ было трое или четверо. Онъ разслышалъ звонкій голосъ молодаго. «Они!»

Въ полномъ отчаяніи пошелъ онъ имъ прямо на встрѣчу: будь что̀ будетъ! Остановятъ, все пропало, пропустятъ, тоже все пропало: запомнятъ. Они уже сходились: между ними оставалась всего она только лѣстница, — и вдругъ, спасеніе! Въ нѣсколькихъ ступенькахъ отъ него, направо, пустая и настежь отпертая квартира, та самая квартира втораго этажа, въ которой красили рабочіе, а теперь, какъ нарочно, ушли. Они-то вѣрно и выбѣжали сейчасъ съ такимъ

крикомъ. Полы только что окрашены, среди комнаты стоятъ кадочка и черепокъ съ краской и съ мазилкой. Въ одно мгновеніе проныгнулъ онъ въ отворенную дверь и притаился за стѣной, и было время: они уже стояли на самой площадкѣ. Затѣмъ повернули вверхъ и прошли мимо, въ четвертый этажъ, громко разговаривая. Онъ выждалъ, вышелъ на цыпочкахъ и побѣжалъ внизъ.

Никого на лѣстницѣ! Подъ воротами тоже. Быстро прошелъ онъ подворотню и повернулъ налѣво по улицѣ.

Онъ очень хорошо зналъ, онъ отлично хорошо зналъ, что они, въ это мгновеніе, уже въ квартирѣ, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда какъ сейчасъ была заперта, что они уже смотрятъ на тѣла, и что пройдетъ не больше минуты какъ они догадаются и совершенно сообразятъ, что тутъ только что былъ убійца и успѣлъ куда нибудь спрятаться, проскользнуть мимо нихъ, убѣжать; догадаются, пожалуй, и о томъ, что онъ въ пустой квартирѣ сидѣлъ, пока они вверхъ проходили. А между тѣмъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ онъ очень прибавить шагу, хотя до перваго поворота шаговъ сто оставалось. Не скользнуть-ли развѣ въ подворотню какую нибудь и переждать гдѣ нибудь на незнакомой лѣстницѣ? Нѣтъ, бѣда! А не забросить-ли куда топоръ? Не взять-ли извощика? Бѣда! Бѣда!»

Мысли его мѣшались. Наконецъ, вотъ и переулокъ; онъ повернулъ въ него полумертвый; тутъ онъ былъ уже на половину спасенъ и понималъ это: меньше подозрѣній, къ тому-же тутъ сильно народъ сновалъ, и онъ стирался въ немъ какъ песчинка. Но всѣ эти мученія до того его обезсилили, что онъ едва двигался. Потъ шелъ изъ него каплями; шея была вся смочена. «Ишь нарѣзался!» крикнулъ кто-то ему, когда онъ вышелъ на канаву.

Онъ плохо теперь помнилъ себя; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Онъ помнилъ, однако, какъ вдругъ, выйдя на канаву, испугался, что мало народу, и что тутъ примѣтнѣе, и хотѣлъ было повернуть назадъ въ переулокъ. Не смотря на то что чуть не падалъ, онъ вскорѣ сдѣлалъ крюку и пришелъ домой съ другой совсѣмъ стороны.

Не въ полной памяти прошелъ онъ и въ ворота своего дома: по крайней мѣрѣ, онъ уже прошелъ на лѣстницу и тогда только вспомнилъ о топорѣ. А между тѣмъ предстояла очень важная задача: положить его обратно и какъ можно незамѣтнѣе. Конечно, онъ уже не въ силахъ былъ сообразить, что, можетъ быть, гораздо лучше было-бы ему совсѣмъ не класть топора на прежнее мѣсто, а подбросить его, хотя потомъ, куда нибудь на чужой дворъ.

Но все обошлось благополучно. Дверь въ дворницкую была при-

творена, но не на замкѣ, стало быть, вѣроятнѣе всего было, что дворникъ дома. Но до того уже онъ потерялъ способность соображать что нибудь, что прямо подошелъ къ дворницкой и растворилъ ее. Еслибы дворникъ спросилъ его: что̀ надо? онъ, можетъ быть, такъ прямо и подалъ-бы ему топоръ. Но дворника опять не было, и онъ успѣлъ уложить топоръ на прежнее мѣсто подъ скамью; даже полѣномъ прикрылъ по прежнему. Никого, ни единой души, не встрѣтилъ онъ потомъ до самой своей комнаты; хозяйкина дверь была заперта. Войдя къ себѣ, онъ бросился на диванъ, такъ какъ былъ. Онъ не спалъ, но былъ въ забытьи. Еслибы кто вошелъ тогда въ его комнату, онъ-бы тотчасъ-же вскочилъ и закричалъ. Клочки и отрывки какихъ-то мыслей такъ и кишили въ его головѣ; но онъ ни одной не могъ схватить, ни на одной не могъ остановиться, не смотря даже на усилія...

Часть вторая.

I.

Такъ пролежалъ онъ очень долго. Случалось, что онъ какъ будто и просыпался, и въ эти минуты замѣчалъ, что уже давно ночь, а встать ему не приходило въ голову. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что уже свѣтло по дневному. Онъ лежалъ на диванѣ навзничь, еще остолбенѣлый отъ недавняго забытья. До него рѣзко доносились страшные, отчаянные вопли съ улицы, которые впрочемъ онъ каждую ночь выслушивалъ подъ своимъ окномъ, въ третьемъ часу. Они-то и разбудили его теперь:— А! Вотъ ужь и изъ распивочныхъ пьяные выходятъ, — подумалъ онъ,— третій часъ,— и вдругъ вскочилъ, точно его сорвалъ кто съ дивана.— Какъ! Третій уже часъ! Онъ сѣлъ на диванѣ,—и тутъ все припомнилъ! Вдругъ, въ одинъ мигъ все припомнилъ!

Въ первое мгновеніе онъ думалъ, что съ ума сойдетъ. Страшный холодъ охватилъ его; но холодъ былъ и отъ лихорадки, которая уже давно началась съ нимъ во снѣ. Теперь-же вдругъ ударилъ такой ознобъ, что чуть зубы не выпрыгнули, и все въ немъ такъ и заходило. Онъ отворилъ дверь и началъ слушать: въ домѣ все совершенно спало. Съ изумленіемъ оглядывалъ онъ себя и все кругомъ въ комнатѣ и не понималъ: какъ это онъ могъ вчера, войдя, не запереть дверей на крючокъ и броситься на диванъ не только не раздѣвшись, но даже въ шляпѣ: она скатилась и тутъ-же лежала на полу, близъ подушки.— Если-бы кто зашелъ, что-бы онъ подумалъ? Что я пьянъ, но...» Онъ бросился къ окошку. Свѣту было довольно, и онъ поскорѣй сталъ себя оглядывать, всего, съ ногъ до головы, все свое платье: нѣтъ-ли слѣдовъ? Но такъ нельзя было: дрожа отъ озноба, сталъ онъ снимать съ себя все и опять осматривать кругомъ. Онъ перевертѣлъ все, до послѣдней нитки и

лоскутка и, не довѣряя себѣ, повторилъ осмотръ раза три. Но не было ничего, кажется, никакихъ слѣдовъ: только на томъ мѣстѣ, гдѣ панталоны внизу осѣклись и висѣли бахромой, на бахромѣ этой оставались густые слѣды запекшейся крови. Онъ схватилъ складной большой ножикъ и обрѣзалъ бахрому. Больше, кажется, ничего не было. Вдругъ онъ вспомнилъ, что кошелекъ и вещи, которыя онъ вытащилъ у старухи изъ сундука, всѣ до сихъ поръ у него по карманамъ лежатъ! Онъ и не подумалъ до сихъ поръ ихъ вынуть и спрятать! Не вспомнилъ о нихъ даже теперь, какъ платье осматривалъ! Что-жъ это?—Мигомъ бросился онъ ихъ вынимать и выбрасывать на столъ. Выбравъ все, даже вывороти въ карманы, чтобъ удостовѣриться не остается-ли еще чего, онъ всю эту кучу перенесъ въ уголъ. Тамъ, въ самомъ углу, внизу, въ одномъ мѣстѣ были разодраны отставшіе отъ стѣны обои: тотчасъ-же началъ онъ все запихивать въ эту дыру, подъ бумагу: — «вошло! Все съ глазъ долой и кошелекъ тоже!» Радостно думалъ онъ, привставъ и тупо смотря въ уголъ, въ оттопырившуюся еще больше дыру. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ отъ ужаса: — «Боже мой,» шепталъ онъ въ отчаяніи,—«что со мною? Развѣ это спрятано? Развѣ такъ прячутъ?» .

Правда, онъ и не разсчитывалъ на вещи; онъ думалъ, что будутъ одни только деньги, а потому и не приготовилъ заранѣе мѣста,— «но теперь-то, теперь чему я радъ?» думалъ онъ. — «Развѣ такъ прячутъ? Подлинно разумъ меня оставляетъ!» Въ изнеможеніи сѣлъ онъ на диванъ, и тотчасъ-же нестерпимый ознобъ снова затрясъ его. Машинально потащилъ онъ лежавшее подлѣ, на стулѣ, бывшее его студенческое зимнее пальто, теплое, но уже почти въ лохмотьяхъ, накрылся имъ, и сонъ, и бредъ опять разомъ охватили его. Онъ забылся.

Не болѣе какъ минуту черезъ пять вскочилъ онъ снова и тотчасъ-же, въ изступленіи, опять кинулся къ своему платью. — «Какъ это могъ я опять заснуть, тогда какъ ничего не сдѣлано! Такъ и есть, такъ и есть: петлю подъ мышкой до сихъ поръ не снялъ! Забылъ, объ такомъ дѣлѣ забылъ! Такая улика!» Онъ сдернулъ петлю и поскорѣй сталъ разрывать ее въ куски, запихивая ихъ подъ подушку въ бѣлье.— Куски рваной холстины ни въ какомъ случаѣ не возбудятъ подозрѣнія; кажется такъ, кажется такъ! повторялъ онъ, стоя среди комнаты, и съ напряженнымъ до боли вниманіемъ сталъ онъ опять высматривать кругомъ, на полу и вездѣ, не забылъ-ли еще чего нибудь? Увѣренность, что все, даже память, даже простое соображеніе оставляютъ его,—начинала нестерпимо его мучить. — «Что, неужели ужъ начинается, неужели это ужъ казнь наступаетъ? Вонъ, вонъ, такъ и есть! Дѣйствительно.

обрѣзки бахромы, которую онъ срѣзалъ съ панталонъ, такъ и валялись на полу, среди комнаты, чтобы первый увидѣлъ! — «Да что̀-же это со мною!» вскричалъ онъ опять какъ потерянный.

Тутъ пришла ему въ голову странная мысль: что, можетъ быть, и все его платье въ крови, что можетъ быть много пятенъ, но что онъ ихъ только не видитъ, не замѣчаетъ, потому что соображеніе его ослабѣло, раздроблено... умъ помраченъ... Вдругъ онъ вспомнилъ, что и на кошелькѣ была кровь.— «Ба! Такъ, стало быть, и въ карманѣ тоже должна быть кровь, потому что я еще мокрый кошелекъ тогда въ карманъ сунулъ!» Мигомъ выворотилъ онъ карманъ и,— такъ и есть—на подкладкѣ кармана есть слѣды, пятна! — «Стало быть, не оставилъ-же еще совсѣмъ разумъ, стало быть, есть-же соображеніе и память, коли самъ спохватился и догадался!» подумалъ онъ съ торжествомъ, глубоко и радостно вздохнувъ всею грудью; — «просто слабосиліе лихорадочное, бредъ на минуту», и онъ вырвалъ всю подкладку изъ лѣваго кармана панталонъ. Въ эту минуту лучъ солнца освѣтилъ его лѣвый сапогъ: на носкѣ, который выглядывалъ изъ сапога, какъ будто показались знаки. Онъ сбросилъ сапогъ:—«дѣйствительно знаки! Весь кончикъ носка пропитанъ кровью»; должно быть, онъ въ ту лужу неосторожно тогда ступилъ... «Но что̀-же теперь съ этимъ дѣлать? Куда дѣвать этотъ носокъ, бахрому, карманъ?»

Онъ сгребъ все это въ руку и стоялъ среди комнаты. — «Въ печку? Но въ печкѣ прежде всего начнутъ рыться. Сжечь? Да и чѣмъ сжечь? Спичекъ даже нѣтъ. Нѣтъ, лучше выйти куда нибудь и все выбросить. Да! Лучше выбросить!» повторялъ онъ, опять садясь на диванъ,— «и сейчасъ, сію минуту, не медля!..» Но вмѣсто того, голова его опять склонилась на подушку; опять оледенилъ его нестерпимый ознобъ; опять онъ потащилъ на себя шинель. И долго, нѣсколько часовъ, ему все еще мерещилось порывами, что «вотъ-бы сейчасъ, не откладывая, пойти куда нибудь и все выбросить, чтобъ ужь съ глазъ долой, поскорѣй, поскорѣй!» Онъ порывался съ дивана нѣсколько разъ, хотѣлъ было встать, но уже не могъ. Окончательно разбудилъ его сильный стукъ въ двери.

— Да отвори, живъ аль нѣтъ? И все-то онъ дрыхнетъ! кричала Настасья, стуча кулакомъ въ дверь:—цѣлые дни-то деньскіе какъ песъ дрыхнетъ! Песъ и есть! Отвори, что-ль! Одинадцатый часъ.

— А може и дома нѣтъ, проговорилъ мужской голосъ.

«Ба! это голосъ дворника... Что̀ ему надо?»

Онъ вскочилъ и сѣлъ на диванѣ. Сердце стучало такъ, что даже больно стало.

— А крюкомъ кто-жь запеpся? возразила Настасья:—нынь, запираться сталъ! Самого что-ль унесутъ? Отвори, голова, проснись!

Что имъ надо? Зачѣмъ дворникъ? Все извѣстно. Сопротивляться или отворить? Пропадай...»

Онъ привсталъ, нагнулся впередъ и снялъ крюкъ.

Вся его комната была такого размѣра, что можно было снять крюкъ не вставая съ постели.

Такъ и есть: стоятъ дворникъ и Настасья.

Настасья какъ-то странно его оглянула. Онъ съ вызывающимъ и отчаяннымъ видомъ взглянулъ на дворника. Тотъ молча протянулъ ему сѣрую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочнымъ сургучомъ.

— Повѣстка, изъ конторы, проговорилъ онъ, подавая бумагу.

— Изъ какой конторы?..

— Въ полицію значитъ зовутъ, въ контору. Извѣстно какая контора.

— Въ полицію!.. Зачѣмъ?..

— А мнѣ почемъ знать. Требуютъ, и иди.—Онъ внимательно посмотрѣлъ на него, осмотрѣлся кругомъ и повернулся уходить.

— Никакъ совсѣмъ разболѣлся? замѣтила Настасья, не спускавшая съ него глазъ. Дворникъ тоже на минуту обернулъ голову.—Со вчерашняго дня въ жару, прибавила она.

Онъ не отвѣчалъ и держалъ въ рукахъ бумагу, не распечатывая.

— Да ужь не вставай, продолжала Настасья, разжалобясь и видя, что онъ спускаетъ съ дивана ноги.—Болень, такъ и не ходи: не сгоритъ. Что у те въ рукахъ-то?

Онъ взглянулъ: въ правой рукѣ у него отрѣзанные куски бахромы, носокъ и лоскутья вырваннаго кармана. Такъ и сталъ съ ними. Потомъ уже, размышляя объ этомъ, вспоминалъ онъ, что и полупросыпаясь въ жару, крѣпко-на-крѣпко стискивалъ все это въ рукѣ и такъ опять засыпалъ.

— Нынь лохмотьевъ какихъ набралъ и спитъ съ ними, ровно съ кладомъ... И Настасья закатилась своимъ болѣзненно-нервическимъ смѣхомъ. Мигомъ сунулъ онъ все подъ шинель и пристально впился въ нее глазами. Хоть и очень мало могъ онъ въ ту минуту вполнѣ толково сообразить, но чувствовалъ, что съ человѣкомъ не такъ обращаться будутъ, когда придутъ его брать. — «Но... полиція?»

— Чаю-бы выпилъ? Хошь, что-ли? Принесу; осталось...

— Нѣтъ... я пойду; я сейчасъ пойду, бормоталъ онъ, становясь на ноги.

— Поди и съ лѣстницы не сойдешь?
— Пойду...
— Какъ хошь.

Она ушла вслѣдъ за дворникомъ. Тотчасъ-же бросился онъ къ свѣту осматривать носокъ и бахрому.—«Пятна есть, но не совсѣмъ примѣтно; все загрязнилось, затерлось и уже выцвѣло. Кто не знаетъ заранѣе—ничего не разглядитъ. Настасья, стало быть, ничего издали не могла примѣтить, слава Богу!» Тогда съ трепетомъ распечаталъ онъ повѣстку и сталъ читать; долго, долго читалъ онъ и наконецъ-то понялъ. Это была обыкновенная повѣстка изъ квартала явиться на сегодняшній день, въ половинѣ десятаго, въ контору квартальнаго надзирателя.

«Да когда-жъ это бывало? Никакихъ я дѣлъ самъ по себѣ не имѣю съ полиціей! И почему какъ разъ сегодня?» думалъ онъ въ мучительномъ недоумѣніи.—«Господи, поскорѣй-бы ужь!» Онъ было бросился на колѣни молиться, но даже самъ разсмѣялся,—не надъ молитвой, а надъ собой. Онъ посѣшно сталъ одѣваться.—«Пропаду такъ пропаду, все равно! Носокъ надѣть!» вздумалось вдругъ ему,—«еще больше затрется въ пыли и слѣды пропадутъ. Но только что онъ надѣлъ, тотчасъ-же и сдернулъ его съ отвращеніемъ и ужасомъ. Сдернулъ, но, сообразивъ что другаго нѣтъ, взялъ и надѣлъ опять—и опять разсмѣялся.—«Все это условно, все относительно, все это одинъ только формы», подумалъ онъ мелькомъ, однимъ только краешкомъ мысли, а самъ дрожа всѣмъ тѣломъ,— вѣдь вотъ надѣлъ-же! Вѣдь кончилъ-же тѣмъ, что надѣлъ!» Смѣхъ впрочемъ тотчасъ-же смѣнился отчаяніемъ.—«Нѣтъ, не по силамъ...» подумалось ему. Ноги его дрожали.—«Отъ страху», пробормоталъ онъ про себя. Голова кружилась и болѣла отъ жару.—«Это хитрость! Это они хотятъ заманить меня хитростью и вдругъ сбить на всемъ», продолжалъ онъ про себя, выходя на лѣстницу.—«Скверно то, что я почти въ бреду... я могу соврать какую нибудь глупость...»

На лѣстницѣ онъ вспомнилъ, что оставляетъ всѣ вещи такъ, въ обойной дырѣ,— а тутъ, пожалуй, нарочно безъ него обыскъ, вспомнилъ и остановился. Но такое отчаяніе и такой, если можно сказать, цинизмъ гибели вдругъ овладѣли имъ, что онъ махнулъ рукой и пошелъ дальше.

«Только-бы поскорѣй!..»

На улицѣ опять жара стояла невыносимая; хоть-бы капля дождя во всѣ эти дни. Опять пыль, кирпичъ и известка, опять вонь изъ лавочекъ и распивочныхъ, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившіеся извощики. Солнце ярко блеснуло ему въ глаза, такъ что больно стало глядѣть и голова его совсѣмъ за-

кружилась, — обыкновенное ощущеніе лихорадочнаго, выходящаго вдругъ на улицу въ яркій солнечный день.

Дойдя до поворота во *вторичную* улицу, онъ съ мучительною тревогой заглянулъ въ нее, на *тотъ* домъ... и тотчасъ-же отвелъ глаза.

«Если спросятъ, я, можетъ быть, и скажу», подумалъ онъ, подходя къ конторѣ.

Контора была отъ него съ четверть версты. Она только-что переѣхала на новую квартиру, въ новый домъ, въ четвертый этажъ. На прежней квартирѣ онъ былъ когда-то мелькомъ, но очень давно. Войдя подъ ворота, онъ увидѣлъ направо лѣстницу, по которой сходилъ мужикъ съ книжкой въ рукахъ: — «дворникъ, значитъ: значитъ, тутъ и есть контора», и онъ сталъ подниматься на верхъ на угадъ. Спрашивать ни у кого ни объ чемъ не хотѣлось.

«Войду, стану на колѣна и все разскажу...» подумалъ онъ, входя въ четвертый этажъ.

Лѣстница была узенькая, крутая и вся въ помояхъ. Всѣ кухни всѣхъ квартиръ во всѣхъ четырехъ этажахъ отворялись на эту лѣстницу и стояли такъ почти цѣлый день. Оттого была страшная духота. Вверхъ и внизъ всходили и сходили дворники съ книжками подъ мышкой, хожалые и разный людъ обоего пола — посѣтители. Дверь въ самую контору была тоже настежь отворена. Онъ вошелъ и остановился въ прихожей. Тутъ все стояли и ждали какіе-то мужики. Здѣсь тоже духота была чрезвычайная и кромѣ того до тошноты было въ носъ свѣжею, еще невыстоявшеюся краской на тухлой олифѣ вновь покрашенныхъ комнатъ. Переждавъ немного, онъ разсудилъ подвинуться еще впередъ, въ слѣдующую комнату. Все крошечныя и низенькія были комнаты. Страшное нетерпѣніе тянуло его все дальше и дальше. Никто не замѣчалъ его. Во второй комнатѣ сидѣли и писали какіе-то писцы, одѣтые развѣ немного его получше, на видъ все страшный какой-то народъ. Онъ обратился къ одному изъ нихъ.

— Чего тебѣ?

Онъ показалъ повѣстку изъ конторы.

— Вы студентъ? спросилъ тотъ, взглянувъ на повѣстку.

— Да, бывшій студентъ.

Писецъ оглядѣлъ его, впрочемъ, безъ всякаго любопытства. Это былъ какой-то особенно взъерошенный человѣкъ съ неподвижною идеей во взглядѣ.

«Отъ этого ничего не узнаешь, потому что ему все равно», подумалъ Раскольниковъ.

— Ступайте туда, къ письмоводителю, сказалъ писецъ, и ткнулъ впередъ пальцемъ, показывая на самую послѣднюю комнату.

Онъ вошелъ въ эту комнату (четвертую по порядку), тѣсную и биткомъ набитую публикой,—народомъ нѣсколько почище одѣтымъ, чѣмъ въ тѣхъ комнатахъ. Между посѣтителями были двѣ дамы. Одна въ трауръ, бѣдно одѣтая, сидѣла за столомъ противъ письмоводителя и что-то писала подъ его диктовку. Другая-же дама, очень полная и багрово-красная, съ пятнами, видная женщина, и что-то ужь очень пышно одѣтая, съ брошкой на груди величиной въ чайное блюдечко, стояла въ сторонѣ и чего-то ждала. Раскольниковъ сунулъ письмоводителю свою повѣстку. Тотъ мелькомъ взглянулъ на нее, сказалъ: «подождите», и продолжалъ заниматься съ траурною дамой.

Онъ перевелъ духъ свободнѣе.—«Навѣрно не то! Мало по малу онъ сталъ ободряться, онъ усовѣщевалъ себя всѣми силами ободриться и опомниться.

«Какая нибудь глупость, какая нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать! Гм... жаль, что здѣсь воздуху нѣтъ, прибавилъ онъ, «духота... Голова еще больше кружится... и умъ тоже»...

Онъ чувствовалъ во всемъ себѣ страшный безпорядокъ. Онъ самъ боялся не совладѣть съ собой. Онъ старался прицѣпиться къ чему нибудь и о чемъ-бы нибудь думать, о совершенно посторонненемъ, но это совсѣмъ не удавалось. Письмоводитель сильно впрочемъ интересовалъ его: ему все хотѣлось что нибудь угадать по его лицу, раскусить его. Это былъ очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ смуглою и подвижною физіономіей, казавшеюся старѣе своихъ лѣтъ, одѣтый по модѣ и фатомъ, съ проборомъ на затылкѣ, расчесанный и напомаженный, со множествомъ перстней и колецъ на бѣлыхъ отчищенныхъ щетками пальцахъ и золотыми цѣпями на жилетѣ. Съ однимъ бывшимъ тутъ иностранцемъ онъ даже сказалъ слова два по французски и очень удовлетворительно.

— Луиза Ивановна, вы бы сѣли, сказалъ онъ мелькомъ разодѣтой багрово-красной дамѣ, которая все стояла какъ будто не смѣя сама сѣсть, хотя стулъ былъ рядомъ.

— Ich danke, сказала та, и тихо, съ шелковымъ шумомъ, опустилась на стулъ. Свѣтлоголубое съ бѣлою кружевною отдѣлкой платье ея, точно воздушный шаръ, распространилось вокругъ стула и заняло чуть не полкомнаты. Пахнуло духами. Но дама, очевидно, робѣла того, что занимаетъ полкомнаты, и что отъ нея такъ несетъ духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вмѣстѣ, но съ явнымъ безпокойствомъ.

Траурная дама наконецъ кончила и стала вставать. Вдругъ, съ нѣкоторымъ шумомъ, весьма молодцовато и какъ-то особенно

повертывая съ каждымъ шагомъ плечами, вошелъ офицеръ, бросилъ фуражку съ кокардой на столъ и сѣлъ въ кресла. Пышная дама такъ и подпрыгнула съ мѣста, его завидя, и съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ принялась присѣдать: но офицеръ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія, а она уже не смѣла больше при немъ садиться. Это былъ помощникъ квартальнаго надзирателя, съ горизонтально торчавшими въ обѣ стороны рыжеватыми усами и съ чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочемъ, особеннаго, кромѣ нѣкотораго нахальства, не выражавшими. Онъ искоса и отчасти съ негодованіемъ посмотрѣлъ на Раскольникова: слишкомъ уже на немъ былъ скверенъ костюмъ, и не смотря на все приниженіе, все еще не по костюму была осанка: Раскольниковъ, по неосторожности, слишкомъ прямо и долго посмотрѣлъ на него, такъ что тотъ даже обидѣлся.

— Тебѣ чего? крикнулъ онъ, вѣроятно, удивляясь, что такой оборванецъ и не думаетъ стушовываться отъ его молніеноснаго взгляда.

— Потребовали... по повѣсткѣ... отвѣчалъ кое-какъ Раскольниковъ.

— Это по дѣлу о взысканіи съ нихъ денегъ, съ *студента*, заторопился письмоводитель, отрываясь отъ бумаги. — Вотъ-съ! и онъ перекинулъ Раскольникову тетрадь, указавъ въ ней мѣсто:— прочтите!

«Денегъ? Какихъ денегъ?» думалъ Раскольниковъ, — «но... стало быть, ужъ навѣрно не то!» И онъ вздрогнулъ отъ радости. Ему стало вдругъ ужасно, невыразимо легко. Все съ плечъ слетѣло.

— А въ которомъ часу вамъ приходить написано, милостисдарь? крикнулъ поручикъ, все болѣе и болѣе неизвѣстно чѣмъ оскорбляясь:—вамъ пишутъ въ девять, а теперь уже двѣнадцатый часъ!

— Мнѣ принесли всего четверть часа назадъ, громко и черезъ плечо отвѣчалъ Раскольниковъ, тоже внезапно и неожиданно для себя разсердившійся и даже находя въ этомъ нѣкоторое удовольствіе.—И того довольно, что я больной въ лихорадкѣ пришелъ.

— Не извольте кричать!

— Я и не кричу, а весьма ровно говорю, а это вы на меня кричите; а я студентъ и кричать на себя не позволю.

Помощникъ до того вспылилъ, что въ первую минуту даже ничего не могъ выговорить, и только какіе-то брызги вылетали изъ устъ его. Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Извольте ма-а-а-лчать! Вы въ присутствіи. Не гр-р-рубіянить, сударь!

— Да и вы въ присутствіи, вскрикнулъ Раскольниковъ, — а кромѣ того что кричите, папироску курите, стало быть, всѣмъ намъ манкируете. Проговоривъ это, Раскольниковъ почувствовалъ невыразимое наслажденіе.

Письмоводитель съ улыбкой смотрѣлъ на нихъ. Горячій поручикъ былъ видимо озадаченъ.

— Это не ваше дѣло-съ! прокричалъ онъ наконецъ какъ-то неестественно громко:—а вотъ извольте-ка подать отзывъ, который съ васъ требуютъ. Покажите ему, Александръ Григорьевичъ. Жалобы на васъ! Денегъ не платите! Ишь какой вылетѣлъ соколъ ясный!

Но Раскольниковъ уже не слушалъ и жадно схватился за бумагу, ища поскорѣй разгадки. Прочелъ разъ, другой, и не понялъ.

— Это что-же? спросилъ онъ письмоводителя.

— Это деньги съ васъ по заемному письму требуютъ, взысканіе. Вы должны или уплатить со всѣми издержками, пенными и проч., или дать письменно отзывъ, когда можете уплатить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательство не выѣзжать до уплаты изъ столицы и не продавать и не скрывать своего имущества. А заимодавецъ воленъ продать ваше имущество, а съ вами поступить по законамъ.

— Да я... никому не долженъ!

— Это ужь не наше дѣло. А къ намъ вотъ поступило ко взысканію просроченное и законопротестованное заемное письмо въ сто пятнадцать рублей, выданное вами вдовѣ, коллежской ассессоршѣ Зарницыной, назадъ тому девять мѣсяцевъ, а отъ вдовы Зарницыной переведенное уплатою къ надворному совѣтнику Чебарову, мы и приглашаемъ васъ посему къ отзыву.

— Да вѣдь она-жь моя хозяйка?

— Ну такъ что-жь, что хозяйка?

Письмоводитель смотрѣлъ на него съ снисходительною улыбкой сожалѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкотораго торжества, какъ на новичка, котораго только что начинаютъ обстрѣливать: «Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?» Но какое, какое было ему теперь дѣло до заемнаго письма, до взысканія! Стоило-ли это теперь хоть какой нибудь тревоги въ свою очередь, хотя какого нибудь даже вниманія! Онъ стоялъ, читалъ, слушалъ, отвѣчалъ, самъ даже спрашивалъ, но все это машинально. Торжество самосохраненія, спасеніе отъ давившей опасности, — вотъ что наполняло въ эту минуту все его существо, безъ предвидѣнія, безъ анализа, безъ будущихъ загадываній и отгадываній, безъ сомнѣній и безъ вопросовъ. Это была минута полной непосредственной, чисто-жи-

вотной радости. Но въ эту самую минуту въ конторѣ произошло нѣчто въ родѣ грома и молніи. Поручикъ, еще весь потрясенный непочтительностію, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицію, набросился всѣми перунами на несчастную «пышную даму», смотрѣвшую на него, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ онъ вошелъ, съ преглупѣйшею улыбкой.

— А ты, такая-сякая и этакая, крикнулъ онъ вдругъ во все горло (траурная дама уже вышла),—у тебя тамъ что̀ прошедшую ночь произошло? А? Опять позоръ, дебошъ на всю улицу производишь. Опять драка и пьянство. Въ смирительный мечтаешь! Вѣдь я ужь тебѣ говорилъ, вѣдь я ужь предупреждалъ тебя десять разъ, что въ одинадцатый не спущу! А ты опять, опять, такая-сякая ты этакая!

Даже бумага выпала изъ рукъ Раскольникова, и онъ дико смотрѣлъ на пышную даму, которую такъ безцеремонно отдѣлывали; но скоро однако-же сообразилъ въ чемъ дѣло, и тотчасъ-же вся эта исторія начала ему очень даже нравиться. Онъ слушалъ съ удовольствіемъ, такъ даже, что хотѣлось хохотать, хохотать, хохотать... Всѣ нервы его такъ и прыгали.

— Илья Петровичъ! началъ-было письмоводитель заботливо, но остановился выждать время, потому что вскипѣвшаго поручика нельзя было удержать иначе какъ за руки, что̀ онъ зналъ по собственному опыту.

Что-же касается пышной дамы, то вначалѣ она такъ и затрепетала отъ грома и молніи; но странное дѣло: чѣмъ многочисленнѣе и крѣпче становились ругательства, тѣмъ видъ ея становился любезнѣе, тѣмъ очаровательнѣе дѣлалась ея улыбка, обращенная къ грозному поручику. Она семенила на мѣстѣ и безпрерывно присѣдала, съ нетерпѣніемъ выжидая, что, наконецъ-то, и ей позволятъ ввернуть свое слово, и дождалась.

— Никакой шумъ и драки у меня не буль, г. капитэнъ, затараторила она вдругъ, точно горохъ просыпали, съ крѣпкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, хотя и бойко по русски,—и никакой, никакой шкандаль, и они пришоль пьянъ, и это я все раскажитъ, г. капитэнъ, а я не виноватъ... у меня благородный домъ, г. капитэнъ, и благородное обращеніе, г. капитэнъ, и я всегда, всегда сама не хотѣль никакой шкандаль. А они совсѣмъ пришоль пьянъ и потомъ опять три путилки спросиль, а потомъ одинъ поднялъ ноги и сталъ но̀гомъ фортепьянъ играль, и это совсѣмъ не хорошо въ благородный домъ, и онъ ганцъ фортепьянъ ломаль и совсѣмъ, совсѣмъ тутъ нѣтъ никакой маниръ, и я сказаль. А онъ путилку взялъ и сталъ всѣхъ сзади путилкой толкаль. И тутъ какъ я сталь скоро дворникъ позваль и Карль пришоль, онъ взялъ Карль и глазъ прибиль, и

Генріэтъ тоже глазъ привязъ, а мнѣ пять разъ щеку билъ. И это такъ не деликатно въ благородный домъ, г. капитэнъ, и я кричалъ. А онъ на канавъ окно отворялъ и сталъ въ окно какъ маленькая свинья визжалъ: и это срамъ. И какъ можно въ окно на улицъ какъ маленькая свинья визжалъ? Фуй-фуй-фуй! И Карлъ сзади его за фракъ отъ окна тащилъ и тутъ, это правда, г. капитэнъ, ему зейнъ рокъ изорвалъ. И тогда онъ кричалъ, что ему пятнадцать цѣлковыхъ манъ мусъ штрафъ платилъ. И я сама, г. капитэнъ, пять цѣлковыхъ ему зейнъ рокъ платилъ. И это неблагородный гостъ, г. капитэнъ, и всякой скандалъ дѣлалъ! Я, говорилъ, на васъ большой сатиръ гедрюкъ будетъ, потому я во всѣхъ газетъ могу про васъ все сочинилъ.

— Изъ сочинителей значитъ?

— Да, г. капитэнъ, и какой-же это неблагородный гостъ, г. капитэнъ, когда въ благородный домъ...

— Ну-ну-ну! Довольно! Я ужъ тебѣ говорилъ, говорилъ, я вѣдь тебѣ говорилъ...

— Илья Петровичъ! снова значительно проговорилъ письмоводитель. Поручикъ быстро взглянулъ на него; письмоводитель слегка кивнулъ головой.

— ...Такъ вотъ-же тебѣ, почтенѣйшая *Луиза* Ивановна, мой послѣдній сказъ и ужъ это въ послѣдній разъ, продолжалъ поручикъ:—Если у тебя еще хоть одинъ только разъ въ твоемъ благородномъ домѣ произойдетъ скандалъ, такъ я тебя самое на цугундеръ, какъ въ высокомъ слогѣ говорится. Слышала? Такъ литераторъ, сочинитель, пять цѣлковыхъ въ благородномъ домѣ за фалду взялъ? Вонъ онъ, сочинитель! и онъ метнулъ презрительный взглядъ на Раскольникова.—Третьяго дня въ трактирѣ тоже исторія: пообѣдалъ, а платить не желаетъ: «я, дескать, васъ въ сатиръ за то оннну. На пароходѣ тоже другой, на прошлой недѣлѣ, почтенное семейство статскаго совѣтника, жену и дочь, подлѣйшими словами обозвалъ. Изъ кондитерской намедни въ толчки одного выгналн. Вотъ они каковы, сочинители, литераторы, студенты, гланатан... тьфу! А ты пошла! Я вотъ самъ къ тебѣ загляну... тогда берегись! Слышала?

Луиза Ивановна съ утроенною любезностью пустилась приседать на всѣ стороны и приседая дошлась до дверей; но въ дверяхъ наскочила задомъ на одного виднаго офицера, съ открытымъ свѣжимъ лицомъ и съ превосходными густѣйшими бѣлокурыми бакенами. Это былъ самъ Никодимъ Фомичъ, квартальный надзиратель. Луиза Ивановна поспѣшила приседъ чуть не до полу и частыми мелкими шагами, подпрыгивая, полетѣла изъ конторы.

— Опять грохотъ, опять громъ и молнія, смерчь, ураганъ! любезно и дружески обратился Никодимъ Ѳомичъ къ Ильѣ Петровичу,—опять растревожили сердце, опять закипѣло! Еще съ лѣстницы слышалъ.

— Да ничто! съ благородною небрежностію проговорилъ Илья Петровичъ (и даже не ничто, а какъ-то: Да-а нита-а!), переходя съ какими-то бумагами къ другому столу и картинно передергивая съ каждымъ шагомъ плечами, куда шагъ туда и плечо:—вотъ-съ, извольте видѣть: господинъ сочинитель, то бишь, студентъ, бывшій то есть, денегъ не платитъ, векселей надаваль, квартиру не очищаетъ, безпрерывныя на нихъ поступаютъ жалобы, а извольте въ претензію войти, что я папироску при нихъ закурилъ! Сами и-и-подличаютъ, а вотъ-съ, извольте взглянуть на нихъ: вотъ они въ самомъ своемъ привлекательномъ теперь видѣ-съ!

— Бѣдность не порокъ, дружище, ну да ужъ что! Извѣстно, порохъ, не могъ обиды перенести. Вы чѣмъ нибудь вѣрно противъ него обидѣлись и сами не удержались, продолжалъ Никодимъ Ѳомичъ, любезно обращаясь къ Раскольникову,—но это вы напрасно: на-и-бла-га-а-ар-р-родивѣйшій, я вамъ скажу, человѣкъ, но порохъ, порохъ! Вспыльчивъ, вскипѣлъ, сгорѣлъ—и нѣтъ! И все прошло! И въ результатѣ одно только золото сердца! Его и въ полку прозвали: «поручикъ-порохъ»...

— И какой еще и-и-полкъ былъ! воскликнулъ Илья Петровичъ, весьма довольный, что его такъ пріятно пощекотали, но все еще будируя.

Раскольникову вдругъ захотѣлось сказать имъ всѣмъ что нибудь необыкновенно пріятное.

— Да помилуйте, капитанъ, началъ онъ весьма развязно, обращаясь вдругъ къ Никодиму Ѳомичу,—вникните и въ мое положеніе... Я готовъ даже просить у нихъ извиненія, если въ чемъ съ своей стороны манкировалъ. Я бѣдный и больной студентъ, удрученный (онъ такъ и сказалъ: «удрученный») бѣдностью. Я бывшій студентъ, потому что теперь не могу содержать себя. Но я получу деньги... У меня мать и сестра въ —й губерніи... Мнѣ пришлютъ и я... заплачу. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что я уроки потерялъ и не плачу уже четвертый мѣсяцъ, что не присылаетъ мнѣ даже обѣдать... И не понимаю совершенно какой это вексель! Теперь она съ меня требуетъ по заемному письму, что-жь я ей заплачу, посудите сами!..

— Но это вѣдь не наше дѣло... опять было замѣтилъ письмоводитель...

— Позвольте, позвольте, я съ вами совершенно согласенъ, но

позвольте и мнѣ разъяснить, подхватилъ опять Раскольниковъ, обращаясь не къ письмоводителю, а все къ Никодиму Ѳомичу, но стараясь всѣми силами обращаться тоже и къ Ильѣ Петровичу, хотя тотъ упорно дѣлалъ видъ, что роется въ бумагахъ и презрительно не обращаетъ на него вниманія,—позвольте и мнѣ съ своей стороны разъяснить, что я живу у неѣ ужъ около трехъ лѣтъ, съ самаго пріѣзда изъ провинціи и прежде... прежде... впрочемъ. отчего-жъ мнѣ и не признаться въ свою очередь, съ самаго начала я далъ обѣщаніе, что женюсь на ея дочери, обѣщаніе словесное, совершенно свободное... Это была дѣвушка... впрочемъ, она мнѣ даже нравилась... хотя я и не былъ влюбленъ... однимъ словомъ, молодость, т. е. я хочу сказать, что хозяйка мнѣ дѣлала тогда много кредиту и я велъ отчасти такую жизнь... я очень былъ легкомысленъ...

— Съ васъ вовсе не требуютъ такихъ интимностей, милостисдарь, да и времени нѣтъ, грубо и съ торжествомъ перебилъ было Илья Петровичъ, но Раскольниковъ съ жаромъ остановилъ его, хотя ему чрезвычайно тяжело стало вдругъ говорить.

— Но позвольте, позвольте-же мнѣ, отчасти, все разсказать... какъ было дѣло и... въ свою очередь... хотя это и лишнее, согласенъ съ вами, разсказывать,—но годъ назадъ эта дѣвица умерла отъ тифа, я-же остался жильцомъ, какъ былъ, и хозяйка, какъ переѣхала на теперешнюю квартиру, сказала мнѣ... и сказала дружески... что она совершенно во мнѣ увѣрена и все... но что не захочу-ли я дать ей это заемное письмо въ сто пятнадцать рублей, всего что она считала за мной долгу. Позвольте-съ: она именно сказала, что какъ только я дамъ эту бумагу, она опять будетъ меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, въ свою очередь, — это ея собственныя слова были, — она не воспользуется этой бумагой, покамѣстъ я самъ заплачу... И вотъ теперь, когда я и уроки потерялъ, и мнѣ ѣсть нечего, она и подастъ ко взысканію... Что-жь я теперь скажу?

— Всѣ эти чувствительныя подробности, милостисдарь, до насъ не касаются,—нагло отрѣзалъ Илья Петровичъ,—вы должны дать отзывъ и обязательство, а что вы тамъ изволили быть влюблены и всѣ эти трагическія мѣста, до этого намъ совсѣмъ дѣла нѣтъ.

— Ну ужъ ты... жестоко... пробормоталъ Никодимъ Ѳомичъ, усаживаясь къ столу и тоже принимаясь подписывать. Ему какъ-то стыдно стало.

— Пишите-же, сказалъ письмоводитель Раскольникову.

— Что писать? спросилъ тотъ какъ-то особенно грубо.

— А я вамъ продиктую.

Раскольникову показалось, что письмоводитель сталъ съ нимъ не-

брезгливое и презрительное послѣ его исповѣди,—но странное дѣло,—ему вдругъ стало самому рѣшительно все равно до чьего-бы то ни было мнѣнія, и перемѣна эта произошла какъ-то въ одинъ мигъ, въ одну минуту. Еслибъ онъ захотѣлъ подумать немного, то, конечно, удивился-бы тому, какъ могъ онъ такъ говорить съ ними, минуту назадъ, и даже навязываться съ своими чувствами? И откуда взялись эти чувства? Напротивъ теперь, еслибы вдругъ комната наполнилась не квартальными, а первѣйшими друзьями его, то и тогда, кажется, не нашлось-бы для нихъ у него ни одного человѣческаго слова, до того вдругъ опустѣло его сердце. Мрачное ощущеніе мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія вдругъ сознательно сказались душѣ его. Не низость его сердечныхъ изліяній передъ Ильей Петровичемъ, не низость и поручикова торжества надъ нимъ повернули вдругъ такъ ему сердце. О, какое ему дѣло теперь до собственной подлости, до всѣхъ этихъ амбицій, поручиковъ, нѣмокъ, взысканій, конторъ и проч. и проч.! Еслибъ его приговорили даже сжечь въ эту минуту, то и тогда онъ не шевельнулся-бы, даже врядъ-ли прослушалъ-бы приговоръ внимательно. Съ нимъ совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда небывалое. Не то чтобъ онъ понималъ, но онъ ясно ощущалъ, всею силою ощущенія, что не только съ чувствительными экспансивностями, какъ давеча, но даже съ чѣмъ-бы то ни было, ему уже нельзя болѣе обращаться къ этимъ людямъ, въ квартальной конторѣ, и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачѣмъ было-бы обращаться къ нимъ и даже ни въ какомъ случаѣ жизни: онъ никогда еще до сей минуты не испытывалъ подобнаго страннаго и ужаснаго ощущенія. И что всего мучительнѣе — это было болѣе ощущеніе чѣмъ сознаніе, чѣмъ понятіе: непосредственное ощущеніе, мучительнѣйшее изъ всѣхъ до сихъ поръ жизнію пережитыхъ имъ ощущеній.

Письмоводитель сталъ диктовать ему форму обыкновеннаго въ такомъ случаѣ отзыва, то есть заплатить не могу, обѣщаюсь тогда-то (когда нибудь), изъ города не выѣду, имущество ни продавать, ни дарить не буду и проч.

— Да вы писать не можете, у васъ перо изъ рукъ валится,— замѣтилъ письмоводитель съ любопытствомъ вглядываясь въ Раскольникова.—Вы больны?

— Да... голова кругомъ... говорите дальше!

— Да все; подпишитесь.

Письмоводитель отобралъ бумагу и занялся съ другими.

Раскольниковъ отдалъ перо, но вмѣсто того чтобъ встать и

уйти, положилъ оба локтя на столъ и стянулъ руками голову. Точно гвоздь ему вбивали въ темя. Странная мысль пришла ему вдругъ: встать сейчасъ, подойти къ Никодиму Ѳомичу и разсказать все вчерашнее, все до послѣдней подробности, затѣмъ пойти вмѣстѣ съ ними на квартиру и указать имъ вещи, въ углу, въ дырѣ. Позывъ былъ до того силенъ, что онъ уже всталъ съ мѣста, для исполненія.— «Не обдумать-ли хоть минуту?» пронеслось въ его головѣ.— «Нѣтъ, лучше не думая, и съ плеча долой!» Но вдругъ онъ остановился какъ вкопаный: Никодимъ Ѳомичъ говорилъ съ жаромъ Ильѣ Петровичу и до него долетѣли слова:

— Быть не можетъ, обоихъ освободятъ! Во первыхъ, все противорѣчитъ; судите: зачѣмъ имъ дворника звать еслибъ это ихъ дѣло? На себя доносить, что-ли? Аль для хитрости? Нѣтъ, ужь было-бы слишкомъ хитро! И наконецъ студента Нестрякова видѣли у самыхъ воротъ оба дворника и мѣщанка, въ самую ту минуту, какъ онъ входилъ: онъ шелъ съ тремя пріятелями и разсталася съ ними у самыхъ воротъ и о жительствѣ у дворниковъ разспрашивалъ, еще при пріятеляхъ. Ну станетъ такой о жительствѣ разспрашивать, если съ такимъ намѣреніемъ шелъ? А Кохъ, такъ тотъ, прежде чѣмъ къ старухѣ заходить, внизу у серебряника полчаса сидѣлъ и ровно безъ четверти восемь отъ него къ старухѣ наверхъ пошелъ. Теперь сообразите...

— Но позвольте, какъ-же у нихъ такое противорѣчіе вышло: сами увѣряютъ что стучались и что дверь была заперта, а черезъ три минуты, когда съ дворникомъ пришли, выходитъ что дверь отперта?

— Въ томъ и штука: убійца непремѣнно тамъ сидѣлъ и запершя на запоръ; и непремѣнно-бы его тамъ накрыли, еслибы не Кохъ сдурилъ, не отправился самъ за дворникомъ. А *они* именно въ этотъ-то промежутокъ и успѣлъ спуститься по лѣстницѣ и проскользнуть мимо ихъ какъ нибудь. Кохъ обѣими руками крестится: Еслибъ я тамъ, говоритъ, остался, онъ-бы выскочилъ и меня убилъ топоромъ.— Русскій молебенъ хочетъ служить,—хе-хе!..

— А убійцу никто и не видалъ?

— Да гдѣ-жь тутъ увидать? Домъ—Ноевъ Ковчегъ, замѣтилъ письмоводитель, прислушивавшійся съ своего мѣста.

— Дѣло ясное, дѣло ясное! горячо повторилъ Никодимъ Ѳомичъ.

— Нѣтъ, дѣло очень неясное, скрѣпилъ Илья Петровичъ.

Раскольниковъ поднялъ свою шляпу и пошелъ къ дверямъ. но до дверей онъ не дошелъ...

Когда онъ очнулся. то увидалъ, что сидитъ на стулѣ, что его поддерживаетъ справа какой-то человѣкъ, что слѣва стоитъ другой

человѣкъ, съ желтымъ стаканомъ, наполненнымъ желтою водою, и что Никодимъ Ѳомичъ стоитъ передъ нимъ и пристально глядитъ на него; онъ всталъ со стула.

— Что это, вы больны? довольно рѣзко спросилъ Никодимъ Ѳомичъ.

— Они и какъ подписывались такъ едва перомъ водили, замѣтилъ письмоводитель, усаживаясь на свое мѣсто и принимаясь опять за бумаги.

— А давно вы больны? крикнулъ Илья Петровичъ съ своего мѣста и тоже перебирая бумаги. Онъ, конечно, тоже разсматривалъ больнаго, когда тотъ былъ въ обморокѣ, но тотчасъ-же отошелъ когда тотъ очнулся.

— Со вчерашняго... пробормоталъ въ отвѣтъ Раскольниковъ.

— А вчера со двора выходили?

— Выходилъ.

— Больной?

— Больной.

— Въ которомъ часу?

— Въ восьмомъ часу вечера.

— А куда, позвольте спросить?

— По улицѣ.

— Коротко и ясно.

Раскольниковъ отвѣчалъ рѣзко, отрывисто, весь блѣдный какъ платокъ и не опуская черныхъ, воспаленныхъ глазъ своихъ передъ взглядомъ Ильи Петровича.

— Онъ едва на ногахъ стоитъ, а ты... замѣтилъ было Никодимъ Ѳомичъ.

— Ни-че-го! какъ-то особенно проговорилъ Илья Петровичъ. Никодимъ Ѳомичъ хотѣлъ было еще что-то присовокупить, но, взглянувъ на письмоводителя, который тоже очень пристально смотрѣлъ на него, замолчалъ. Всѣ вдругъ замолчали. Странно было.

— Ну-съ, хорошо-съ, заключилъ Илья Петровичъ,—мы васъ не задерживаемъ.

Раскольниковъ вышелъ. Онъ еще могъ разслышать какъ по выходѣ его начался вдругъ оживленный разговоръ, въ которомъ слышнѣе всѣхъ отдавался вопросительный голосъ Никодима Ѳомича... На улицѣ онъ совсѣмъ очнулся.

«Обыскъ, обыскъ, сейчасъ обыскъ! повторялъ онъ про себя, торопясь дойти;— разбойники! Подозрѣваютъ! Давешній страхъ опять охватилъ его всего, съ ногъ до головы.

II.

А что̀ если ужь и былъ обыскъ? Что̀ если ихъ какъ разъ у себя и застану?»

Но вотъ и его комната. Ничего и никого; никто не заглядывалъ. Даже Настасья не притрогивалась. Но, Господи! Какъ могъ онъ оставить давеча всѣ эти вещи въ этой дырѣ?

Онъ бросился въ уголъ, запустилъ руку подъ обои и сталъ вытаскивать вещи и нагружать ими карманы. Всего оказалось восемь штукъ: двѣ маленькія коробки, съ серьгами, или съ чѣмъ-то въ этомъ родѣ,—онъ хорошенько не посмотрѣлъ; потомъ четыре небольшіе сафьянные футляра. Одна цѣпочка была просто завернута въ газетную бумагу. Еще что-то въ газетной бумагѣ, кажется, орденъ...

Онъ поклалъ все въ разные карманы, въ пальто и въ оставшійся правый карманъ панталонъ, стараясь чтобъ было непримѣтнѣе. Кошелекъ тоже взялъ за одно съ вещами. Затѣмъ вышелъ изъ комнаты, на этотъ разъ даже оставивъ ее совсѣмъ настежь.

Онъ шелъ скоро и твердо, и хоть чувствовалъ, что весь изломанъ, но сознаніе было при немъ. Боялся онъ погони, боялся, что черезъ полчаса, черезъ четверть часа уже выйдетъ, пожалуй, инструкція слѣдить за нимъ; стало быть, во что-бы ни стало, надо было до времени схоронить концы. Надо было управиться, пока еще оставалось хоть сколько нибудь силъ и хоть какое нибудь разсужденіе... Куда-же идти?

Это было уже давно рѣшено: «бросить все въ канаву, и концы въ воду, и дѣло съ концемъ». Такъ порѣшилъ онъ еще ночью, въ бреду, въ тѣ мгновенія, когда, онъ помнилъ это, нѣсколько разъ порывался встать и идти: «поскорѣй, поскорѣй, и все выбросить». Но выбросить оказалось очень трудно.

Онъ бродилъ по набережной Екатерининскаго канала уже съ полчаса, а, можетъ, и болѣе, и нѣсколько разъ посматривалъ на сходы въ канаву, гдѣ ихъ встрѣчалъ. Но и подумать нельзя было исполнить намѣреніе: или плоты стояли у самыхъ сходовъ и на нихъ прачки мыли бѣлье, или лодки были причалены, и вездѣ люди такъ и кишатъ, да отовсюду съ набережныхъ, со всѣхъ сторонъ, можно видѣть, замѣтить: подозрительно, что человѣкъ нарочно сошелъ, остановился и что-то въ воду бросаетъ. А ну какъ футляры не утонутъ, а поплывутъ? Да и конечно такъ. Всякій увидитъ. И безъ того уже всѣ такъ и смотрятъ встрѣчаясь, оглядываютъ, какъ

будто имъ и дѣло только до него одного.—«Отчего-бы такъ, или мнѣ, можетъ быть, кажется», думалъ онъ.

Наконецъ пришло ему въ голову, что не лучше-ли будетъ пойти куда нибудь на Неву? Тамъ и людей меньше и незамѣтнѣе и во всякомъ случаѣ удобнѣе, а главное,—отъ здѣшнихъ мѣстъ дальше. И удивился онъ вдругъ: какъ это онъ цѣлые полчаса бродитъ въ тоскѣ и тревогѣ, и въ опасныхъ мѣстахъ, а этого не могъ раньше выдумать! И потому только цѣлые полчаса на безразсудное дѣло убилъ, что такъ уже разъ во снѣ, въ бреду, рѣшено было! Онъ становился чрезвычайно разсѣянъ и забывчивъ, и зналъ это. Рѣшительно надо было спѣшить!

Онъ пошелъ къ Невѣ по В—му проспекту: по дорогою ему пришла вдругъ еще мысль: «Зачѣмъ на Неву? Зачѣмъ въ воду? Не лучше-ли уйти куда нибудь очень далеко, опять хоть на острова, и тамъ гдѣ нибудь, въ одинокомъ мѣстѣ, въ лѣсу, подъ кустомъ,—зарыть все это и дерево, пожалуй, замѣтить?» И хотя онъ чувствовалъ, что не въ состояніи всего ясно и здраво обсудить въ эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною.

Но и на острова ему не суждено было попасть, а случилось другое: выходя съ В—го проспекта на площадь, онъ вдругъ увидѣлъ налѣво входъ во дворъ, обставленный совершенно глухими стѣнами. Справа, тотчасъ-же по входѣ въ ворота, далеко во дворъ тянулась глухая небѣленая стѣна сосѣдняго четырех-этажнаго дома. Слѣва, параллельно глухой стѣнѣ и тоже сейчасъ отъ воротъ, шелъ деревянный заборъ, шаговъ на двадцать въ глубь двора, и потомъ уже дѣлалъ переломъ вправо. Это было глухое отгороженное мѣсто, гдѣ лежали какіе-то матеріалы. Далѣе, въ углубленіи двора, выглядывалъ изъ за забора уголъ низкаго, закопченаго, каменнаго сарая, очевидно, часть какой нибудь мастерской. Тутъ вѣрно было какое-то заведеніе, каретное, или слесарное, или что нибудь въ этомъ родѣ; вездѣ, почти отъ самыхъ воротъ, чернѣлось много угольной пыли. «Вотъ-бы куда подбросить и уйти!» вздумалось ему вдругъ. Не замѣчая никого во дворѣ, онъ прошагнулъ въ ворота и какъ разъ увидалъ, сейчасъ-же близъ воротъ, приложенный у забора желобъ (какъ и часто устраивается въ такихъ домахъ гдѣ много фабричныхъ, артельныхъ, извощиковъ и проч.), а надъ желобомъ, тутъ-же на заборѣ, надписана была мѣломъ всегдашняя въ такихъ случаяхъ острота: Сдѣсь становится возъ прещено. Стало быть, ужь и тѣмъ хорошо, что никакого подозрѣнія что зашелъ и остановился. Тутъ все такъ разомъ и сбросить гдѣ нибудь въ кучку и уйти!

Оглядѣвшись еще разъ, онъ уже засунулъ и руку въ карманъ, какъ вдругъ у самой наружной стѣны, между воротами и жело-

бомъ, гдѣ все разстояніе было шириною въ аршинъ, замѣтилъ онъ большой, неотесанный камень, примѣрно, можетъ быть, пуда въ полтора вѣсу, прилегавшій прямо къ каменной уличной стѣнѣ. За этою стѣной была улица, тротуаръ, слышно было какъ шныряли прохожіе, которыхъ здѣсь всегда не мало; но за воротами его никто не могъ увидать, развѣ зашелъ-бы кто съ улицы, что̀, впрочемъ, очень могло случиться, а потому надо было спѣшить.

Онъ нагнулся къ камню, схватился за верхушку его крѣпко, обѣими руками, собралъ всѣ свои силы и перевернулъ камень. Подъ камнемъ образовалось небольшое углубленіе; тотчасъ-же сталъ онъ бросать въ него все изъ кармана. Кошелекъ пришолся на самый верхъ, и все-таки въ углубленіи оставалось еще мѣсто. Затѣмъ онъ снова схватился за камень, однимъ оборотомъ перевернулъ его на прежнюю сторону, и онъ какъ разъ пришелся въ свое прежнее мѣсто, развѣ немного, чуть-чуть казался повыше. Но онъ подгребъ земли и придавилъ по краямъ ногою. Ничего не было замѣтно.

Тогда онъ вышелъ и направился къ площади. Опять сильная, едва выносимая радость, какъ давеча въ конторѣ, овладѣла имъ на мгновеніе. «Схоронены концы! И кому, кому въ голову можетъ придти искать подъ этимъ камнемъ? Онъ тутъ, можетъ быть, съ построенія дома лежитъ и еще столько-же пролежитъ. А хоть-бы и нашли: Кто на меня подумаетъ? Все кончено! Нѣтъ улики!» и онъ засмѣялся. Да, онъ помнилъ потомъ, что онъ засмѣялся нервнымъ, мелкимъ, неслышнымъ, долгимъ смѣхомъ, и все смѣялся, все время какъ проходилъ черезъ площадь. Но когда онъ ступилъ на К—й бульваръ, гдѣ третьяго дня повстрѣчался съ тою дѣвочкой, смѣхъ его вдругъ прошелъ. Другія мысли полѣзли ему въ голову. Показалось ему вдругъ тоже, что ужасно ему теперь отвратительно проходить мимо той скамейки, на которой онъ тогда, по уходѣ дѣвочки, сидѣлъ и раздумывалъ, и ужасно тоже будетъ тяжело встрѣтить опять того усача, которому онъ тогда далъ двугривенный. «Чортъ его возьми!»

Онъ шелъ смотря кругомъ разсѣянно и злобно. Всѣ мысли его кружились теперь около одного какого-то главнаго пункта,—и онъ самъ чувствовалъ, что это дѣйствительно такой главный пунктъ и есть, и что теперь, именно теперь, онъ остался одинъ на одинъ съ этимъ главнымъ пунктомъ, — и что это даже въ первый разъ послѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ.

«А чортъ возьми это все!» подумалъ онъ вдругъ въ припадкѣ неистощимой злобы. «Ну началось, такъ и началось, чортъ съ ней и съ новою жизнію! Какъ это, Господи, глупо!.... А сколько я

налгалъ и наподличалъ сегодня! Какъ мерзко лебезилъ и заигрывалъ давеча съ скверѣйшимъ Ильей Петровичемъ! А, впрочемъ, вздоръ и это! Наплевать мнѣ на нихъ на всѣхъ, да и на то что я лебезилъ и заигрывалъ! Совсѣмъ не то! Совсѣмъ не то!..

Вдругъ онъ остановился; новый, совершенно неожиданный и чрезвычайно простой вопросъ разомъ сбилъ его съ толку и горько его изумилъ:

«Если дѣйствительно все это дѣло сдѣлано было сознательно, а не по дурацки: если у тебя дѣйствительно была опредѣленная и твердая цѣль, то какимъ-же образомъ ты до сихъ поръ даже и не заглянулъ въ кошелекъ, и не знаешь что тебѣ досталось, изъ за чего всѣ муки принялъ и на такое подлое, гадкое, низкое дѣло сознательно шелъ? Да вѣдь ты въ воду его хотѣлъ сейчасъ бросить, кошелекъ-то, вмѣстѣ со всѣми вещами, которыхъ ты тоже еще не видалъ... Это какъ-же?»

Да, это такъ; это все такъ. Онъ, впрочемъ, это и прежде зналъ, и совсѣмъ это не новый вопросъ для него; и когда ночью рѣшено было въ воду кинуть, то рѣшено было безо всякаго колебанія и возраженія, а такъ, какъ будто такъ тому и слѣдуетъ быть, какъ будто иначе и быть невозможно... Да, онъ это все зналъ и все помнилъ; да чуть-ли это уже вчера не было такъ рѣшено, въ ту самую минуту, когда онъ надъ сундукомъ сидѣлъ и футляры изъ него таскалъ... А вѣдь такъ!...

«Это оттого что я очень боленъ, угрюмо рѣшилъ онъ наконецъ, — «я самъ измучилъ и истерзалъ себя, и самъ не знаю что дѣлаю... И вчера, и третьяго дня, и все это время терзалъ себя... Выздоровлю и... не буду терзать себя... А ну какъ совсѣмъ и не выздоровлю? Господи! Какъ это мнѣ все надоѣло!...» Онъ шелъ не останавливаясь. Ему ужасно хотѣлось какъ нибудь разсѣяться, но онъ не зналъ что сдѣлать и что предпринять. Одно новое, непреодолимое ощущеніе овладѣвало имъ все болѣе и болѣе почти съ каждой минутой: это было какое-то безконечное, почти физическое, отвращеніе ко всему встрѣчавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были всѣ встрѣчные,— гадки были даже ихъ лица, походка, движенія. Просто наплевалъ-бы на кого нибудь, укусилъ-бы, кажется, еслибы кто нибудь съ нимъ заговорилъ...

Онъ остановился вдругъ, когда вышелъ на набережную Малой Невы, на Васильевскомъ островѣ, подлѣ моста. «Вотъ тутъ онъ живетъ, въ этомъ домѣ, подумалъ онъ. «Что это, да никакъ я къ Разумихину самъ пришелъ! Опять таже исторія какъ тогда... А очень однакоже любопытно: самъ я пришелъ, или просто шелъ, да

сюда зашелъ? Все равно; сказалъ я... третьяго дня... что къ нему послѣ *того* на другой день пойду, ну чтожь, и пойду! Будто ужь я и не могу теперь зайти...»

Онъ поднялся къ Разумихину въ пятый этажъ.

Тотъ былъ дома, въ своей каморкѣ, и въ эту минуту занимался, писалъ, и самъ ему отперъ. Мѣсяца четыре какъ они не видались. Разумихинъ сидѣлъ у себя въ истрепанномъ до лохмотьевъ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу, всклокоченный, небритый и неумытый. На лицѣ его выразилось удивленіе.

— Что ты? закричалъ онъ, осматривая съ ногъ до головы вошедшаго товарища; затѣмъ помолчалъ и присвистнулъ.

— Неужели ужь такъ плохо? Да ты, братъ, нашего брата перещеголялъ, прибавилъ онъ, глядя на лохмотья Раскольникова.— Да садись-же, усталъ небось! и когда тотъ повалился на клеенчатый, турецкій диванъ, который былъ еще хуже его собственнаго, Разумихинъ разглядѣлъ вдругъ что гость его боленъ.

— Да ты серьезно боленъ, знаешь ты это?—Онъ сталъ щупать его пульсъ; Раскольниковъ вырвалъ руку.

— Не надо, сказалъ онъ, я пришелъ... вотъ что: у меня уроковъ никакихъ... я хотѣлъ было... впрочемъ, мнѣ совсѣмъ не надо уроковъ...

— А знаешь что? Вѣдь ты бредишь! замѣтилъ наблюдавшій его пристально Разумихинъ.

— Нѣтъ, не брежу... Раскольниковъ всталъ съ дивана. Подымаясь къ Разумихину, онъ не подумалъ о томъ, что съ нимъ, стало быть, лицомъ къ лицу сойтись долженъ. Теперь-же, въ одно мгновеніе, догадался онъ, уже на опытѣ, что всего менѣе расположенъ, въ эту минуту, сходиться лицомъ къ лицу съ кѣмъ-бы то ни было въ цѣломъ свѣтѣ. Вся желчь поднялась въ немъ. Онъ чуть не захлебнулся отъ злобы на себя самого, только что переступилъ порогъ Разумихина.

— Прощай! сказалъ онъ вдругъ, и пошелъ къ двери.

— Да ты постой, постой, чудакъ!

— Не надо!... повторилъ тотъ, опять вырывая руку.

— Такъ на кой чортъ ты пришелъ послѣ этого! Очумѣлъ ты, что-ли? Вѣдь это... почти обидно. Я такъ не пущу.

— Ну, слушай: я къ тебѣ пришелъ, потому что кромѣ тебя никого не знаю кто-бы помогъ... начать... потому что ты всѣхъ ихъ добрѣе, т. е. умнѣе, и обсудить можешь... А теперь я вижу, что ничего мнѣ не надо, слышишь, совсѣмъ ничего... ничьихъ услугъ и участій... Я самъ... одинъ... Ну и довольно! Оставьте меня въ покоѣ!

— Да постой на минутку, трубочистъ! Совсѣмъ сумасшедшій! По мнѣ вѣдь какъ хочешь. Видишь-ли: уроковъ и у меня нѣтъ, да и наплевать, а есть на Толкучемъ книгопродавецъ Херувимовъ, это ужь самъ въ своемъ родѣ урокъ. Я его теперь на пять купеческихъ уроковъ не промѣняю. Онъ этакія изданьица дѣлаетъ и естественно-научныя книжонки выпускаетъ,—да какъ расходятся-то! Одни заглавія чего стоятъ! Вотъ ты всегда утверждалъ, что я глупъ: ей Богу, братъ, есть глупѣе меня! Теперь въ направленіе тоже полѣзъ; самъ ни бельмеса не чувствуетъ, ну, а я, разумѣется, поощряю. Вотъ тутъ два слишкомъ листа нѣмецкаго текста, — по моему, глупѣйшаго шарлатанства: однимъ словомъ, разсматривается, человѣкъ-ли женщина или не человѣкъ? Ну и, разумѣется, торжественно доказывается, что человѣкъ. Херувимовъ это по части женскаго вопроса готовитъ; я перевожу: растянетъ онъ эти два съ половиной листа листовъ на шесть, присочинимъ пышнѣйшее заглавіе въ полстраницы и пустимъ по полтиннику. Сойдетъ! За переводъ мнѣ по шести цѣлковыхъ съ листа, значитъ за все рублей пятнадцать достанется, а шесть рублей взялъ я впередъ. Кончимъ это, начнемъ объ китахъ переводить, потомъ изъ второй части *Confessions* какія-то скучнѣйшія сплетни тоже отмѣтили, переводить будемъ; Херувимову кто-то сказалъ, что будто-бы Руссо въ своемъ родѣ Радищевъ. Я, разумѣется, не противорѣчу, чортъ съ нимъ! Ну хочешь второй листъ: *Человѣкъ-ли женщина?* — переводить? Коли хочешь, такъ бери сейчасъ текстъ, перьевъ бери, бумаги—все это казенное—и бери три рубля, такъ какъ я за весь переводъ впередъ взялъ, за первый и за второй листъ, то, стало быть, три рубля прямо на твой наймъ и придутся. А кончишь листъ — еще три цѣлковыхъ получишь. Да вотъ что еще, пожалуйста за услугу какую нибудь не считай съ моей стороны. Напротивъ, только что ты вошелъ, я ужь и разсчиталъ чѣмъ ты мнѣ будешь полезенъ. Во первыхъ, я въ орографіи плохъ, а во вторыхъ, въ нѣмецкомъ иногда просто нвахъ, такъ что все больше отъ себя сочиняю, и только тѣмъ и утѣшаюсь, что отъ этого еще лучше выходитъ. Ну а кто его знаетъ, можетъ быть, оно и не лучше, а хуже выходитъ... Берешь или нѣтъ?

Раскольниковъ молча взялъ нѣмецкіе листки статьи, взялъ три рубля, и, не сказавъ ни слова, вышелъ. Разумихинъ съ удивленіемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Но дойдя уже до первой линіи, Раскольниковъ вдругъ воротился, поднялся опять къ Разумихину, и, положивъ на столъ и нѣмецкіе листы, и три рубля. опять таки ни слова не говоря, пошелъ вонъ.

— Да у тебя бѣлая горячка, что-ль! заревѣлъ взбѣсившійся

наконецъ Разумихинъ. — Чего ты комедіи-то разыгрываешь! Даже меня сбилъ съ толку... Зачѣмъ-же ты приходилъ послѣ этого, чортъ?

— Не надо.... переводовъ.... пробормоталъ Раскольниковъ уже спускаясь съ лѣстницы.

— Такъ какого-же тебѣ чорта надо? закричалъ сверху Разумихинъ. — Тотъ молча продолжалъ спускаться.

— Эй, ты! Гдѣ ты живешь?

Отвѣта не послѣдовало.

— Ну такъ чор-р-ртъ съ тобой!...

Но Раскольниковъ уже выходилъ на улицу. На Николаевскомъ мосту ему пришлось еще разъ вполнѣ очнуться, вслѣдствіе одного весьма непріятнаго для него случая. Его плотно хлестнулъ кнутомъ по спинѣ кучеръ одной коляски за то, что онъ чуть-чуть не попалъ подъ лошадей, не смотря на то, что кучеръ раза три или четыре ему кричалъ. Ударъ кнута такъ разозлилъ его, что онъ отскочилъ къ периламъ (неизвѣстно почему онъ шелъ по самой серединѣ моста, гдѣ ѣздятъ, а не ходятъ), злобно заскрежеталъ и защелкалъ зубами. Кругомъ, разумѣется, раздавался смѣхъ.

— И за дѣло!

— Выжига какая нибудь.

— Извѣстно, пьянымъ представится да нарочно и лѣзетъ подъ колеса; а ты за него отвѣчай.

— Тѣмъ промышляютъ, почтенный, тѣмъ промышляютъ...

Но въ ту минуту какъ онъ стоялъ у перилъ и все еще безсмысленно и злобно смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся коляскѣ, потирая спину, вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то суетъ ему въ руки деньги. Онъ посмотрѣлъ: пожилая купчиха, въ головкѣ и козловыхъ башмакахъ, и съ нею дѣвушка, въ шляпкѣ и съ зеленымъ зонтикомъ, вѣроятно, дочь. — Прими, батюшка, ради Христа. Онъ взялъ, и онѣ прошли мимо. Денегъ двугривенный. По платью и по виду онѣ очень могли принять его за нищаго, за настоящаго собирателя грошей на улицѣ, а подачѣ цѣлаго двугривеннаго онъ навѣрно обязанъ былъ удару кнута, который ихъ разжалобилъ.

Онъ зажалъ двугривенный въ руку, прошелъ шаговъ десять и оборотился лицомъ къ Невѣ, по направленію дворца. Небо было безъ малѣйшаго облачка, а вода почти голубая, что на Невѣ такъ рѣдко бываетъ. Куполъ собора, который ни съ какой точки не обрисовывается лучше, какъ смотря на него отсюда, съ моста, не доходя шаговъ двадцать до часовни, такъ и сіялъ, и сквозь чистый воздухъ можно было отчетливо разглядѣть даже каждое его украшеніе. Боль отъ кнута утихла, и Раскольниковъ забылъ про ударъ; одна безпокойная и не совсѣмъ ясная мысль занимала его теперь исклю-

чительно. Онъ стоялъ и смотрѣлъ вдаль долго и пристально: это мѣсто было ему особенно знакомо. Когда онъ ходилъ въ университетъ, то обыкновенно, — чаще всего возвращаясь домой, — случалось ему, можетъ быть, разъ сто, останавливаться именно на этомъ-же самомъ мѣстѣ, пристально вглядываться въ эту дѣйствительно великолѣпную панораму, и каждый разъ почти удивляться одному неясному и неразрѣшимому своему впечатлѣнію. Необъяснимымъ холодомъ вѣяло на него всегда отъ этой великолѣпной панорамы; духомъ нѣмымъ и глухимъ полна была для него эта пышная картина... Дивился онъ каждый разъ своему угрюмому и загадочному впечатлѣнію и откладывалъ разгадку его, не довѣряя себѣ, въ далекое будущее. Теперь вдругъ рѣзко вспомнилъ онъ про эти прежніе свои вопросы и недоумѣнія, и показалось ему, что не нечаянно онъ вспомнилъ теперь про нихъ. Ужь одно то показалось ему дико и чудно, что онъ на томъ-же самомъ мѣстѣ остановился какъ прежде, какъ будто и дѣйствительно вообразилъ, что можетъ о томъ-же самомъ мыслить теперь, какъ и прежде, и такими-же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался... еще такъ недавно. Даже чуть не смѣшно ему стало, и въ тоже время сдавило грудь до боли. Въ какой-то глубинѣ, внизу, гдѣ-то чуть видно подъ ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое, и прежнія мысли, и прежнія задачи, и прежнія темы, и прежнія впечатлѣнія, и вся эта панорама, и онъ самъ, и все, все... Казалось, онъ улеталъ куда-то вверхъ и все исчезало въ глазахъ его... Сдѣлавъ одно невольное движеніе рукой, онъ вдругъ ощутилъ въ кулакѣ своемъ зажатый двугривенный. Онъ разжалъ руку, пристально поглядѣлъ на монетку, размахнулся и бросилъ ее въ воду; затѣмъ повернулся и пошелъ домой. Ему показалось, что онъ какъ будто ножницами отрѣзалъ себя самъ отъ всѣхъ и всего въ эту минуту.

Онъ пришелъ къ себѣ уже къ вечеру, стало быть, проходилъ всего часовъ шесть. Гдѣ и какъ шелъ обратно, ничего онъ этого не помнилъ. Раздѣвшись и весь дрожа какъ загнанная лошадь, онъ легъ на диванъ, натянулъ на себя шинель и тотчасъ-же забылся...

Онъ очнулся въ полныя сумерки отъ ужаснаго крику. Боже, что это за крикъ! Такихъ нестественныхъ звуковъ, такого воя, вопля, скрежета, слезъ, побой и ругательствъ онъ никогда еще не слыхивалъ и не видывалъ. Онъ и вообразить не могъ себѣ такого звѣрства, такого изступленія. Въ ужасѣ приподнялся онъ и сѣлъ на своей постели, каждое мгновеніе замирая и мучаясь. Но драки, вопли и ругательства становились все сильнѣе и сильнѣе. И вотъ, къ величайшему изумленію, онъ вдругъ разслышалъ голосъ своей хозяйки. Она выла, визжала и причитала, спѣша, торопясь, вы-

пуская слова такъ, что и разобрать нельзя было, о чемъ-то умоляя,— конечно, о томъ, чтобъ ее перестали бить, потому что ее безпощадно били на лѣстницѣ. Голосъ бившаго сталъ до того ужасенъ отъ злобы и бѣшенства, что уже только хрипѣлъ, но все-таки и бившій тоже что-то такое говорилъ, и тоже скоро, не разборчиво, торопясь и захлебываясь. Вдругъ Раскольниковъ затрепеталъ какъ листъ: онъ узналъ этотъ голосъ; это былъ голосъ Ильи Петровича. Илья Петровичъ здѣсь и бьетъ хозяйку! Онъ бьетъ ее ногами, колотитъ ее головою о ступени,—это ясно, это слышно по звукамъ, по воплямъ, по ударамъ! Что̀ это, свѣтъ перевернулся что-ли? Слышно было какъ во всѣхъ этажахъ, по всей лѣстницѣ собиралась толпа, слышались голоса, восклицанія, всходили, стучали, хлопали дверями, сбѣгались. «Но за что̀-же, за что̀-же, и какъ это можно!» повторялъ онъ, серіозно думая, что онъ совсѣмъ помѣшался. Но нѣтъ, онъ слишкомъ ясно слышитъ!.. Но, стало быть, и къ нему сейчасъ придутъ, если такъ, «потому что... вѣрно все это изъ того-же... изъ за вчерашняго... Господи!» Онъ хотѣлъ было запереться на крючокъ, но рука не поднялась... да и безполезно! Страхъ какъ ледъ обложилъ его душу, замучилъ его, окоченилъ его... Но вотъ, наконецъ, весь этотъ гамъ, продолжавшійся вѣрныхъ десять минутъ, сталъ постепенно утихать. Хозяйка стонала и охала, Илья Петровичъ все еще грозилъ и ругался... Но вотъ, наконецъ, кажется, и онъ затихъ: вотъ ужь и не слышно его: «неужели ушелъ! Господи! Да, вотъ уходитъ и хозяйка, все еще со стономъ и плачемъ... вотъ и дверь у ней захлопнулась... Вотъ и толпа расходится съ лѣстницъ по квартирамъ, — ахаютъ, спорятъ, перекликаются, то возвышая рѣчь до крику, то понижая до шепоту. Должно быть, ихъ много было; чуть-ли не весь домъ сбѣжался. Но, Боже, развѣ все это возможно! И зачѣмъ, зачѣмъ онъ приходилъ сюда!»

Раскольниковъ въ безсиліи упалъ на диванъ, но уже не могъ сомкнуть глазъ; онъ пролежалъ такъ съ полчаса, въ такомъ страданіи, въ такомъ нестеримомъ ощущеніи безграничнаго ужаса, какого никогда еще не испытывалъ. Вдругъ яркій свѣтъ озарилъ его комнату: вошла Настасья со свѣчей и съ тарелкой супа. Посмотрѣвъ на него внимательно и разглядѣвъ, что онъ не спитъ, она поставила свѣчку на столъ и начала раскладывать принесенное: хлѣбъ, соль, тарелку, ложку.

— Небось со вчерашняго не ѣлъ. Цѣлый-то день прошлялся, а самаго лихоманка бьетъ.

— Настасья... за что̀ били хозяйку?

Она пристально на него посмотрѣла.

— Кто билъ хозяйку?

— Сейчасъ... полчаса назадъ, Илья Петровичъ, надзирателя помощникъ, на лѣстницѣ... За что онъ такъ ее избилъ? и.... зачѣмъ приходилъ?

Настасья молча и нахмурившись его разсматривала и долго такъ смотрѣла. Ему очень непріятно стало отъ этого разсматриванія, даже страшно.

— Настасья, чтожь ты молчишь? робко проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ.

— Это кровь, отвѣчала она, наконецъ, тихо и какъ будто про себя говоря.

— Кровь!... Какая кровь?.. бормоталъ онъ, блѣдиѣя и отодвигаясь къ стѣнѣ. Настасья продолжала молча смотрѣть на него.

— Никто хозяйку не билъ, проговорила она опять строгимъ и рѣшительнымъ голосомъ. Онъ смотрѣлъ на нее едва дыша.

— Я самъ слышалъ... я не спалъ... я сидѣлъ, еще робче проговорилъ онъ. — Я долго слушалъ... Приходилъ надзирателя помощникъ... На лѣстницу всѣ сбѣжались, изъ всѣхъ квартиръ...

— Никто не приходилъ. А это кровь въ тебѣ кричитъ. Это когда ей выходу нѣтъ и ужь печенками запекаться начнетъ, тутъ и начнетъ мерещиться... Ѣсть-то станешь что-ли?

Онъ не отвѣчалъ. Настасья все стояла надъ нимъ, пристально глядѣла на него и не уходила.

— Пить дай... Настасьюшка.

Она сошла внизъ и минуты черезъ двѣ воротилась съ водой въ бѣлой глиняной кружкѣ; но онъ уже не помнилъ что было дальше. Помнилъ только какъ отхлебнулъ одинъ глотокъ холодной воды и пролилъ изъ кружки на грудь. Затѣмъ наступило безпамятство.

III.

Онъ однакожь не то чтобъ ужь былъ совсѣмъ въ безпамятствѣ во все время болѣзни: это было лихорадочное состояніе, съ бредомъ и полусознаніемъ. Многое онъ потомъ припомнилъ. То казалось ему, что около него собирается много народу и хотятъ его взять и куда-то вынести, очень объ немъ спорятъ и ссорятся. То вдругъ онъ одинъ въ комнатѣ, всѣ ушли и боятся его, и только изрѣдка чуть-чуть отворяютъ дверь посмотрѣть на него, грозятъ ему, сговариваются объ чемъ-то промежъ себя, смѣются и дразнятъ его. Настасью онъ часто помнилъ подлѣ себя: различалъ и

еще одного человѣка, очень будто-бы ему знакомаго, но кого именно—никакъ не могъ догадаться и тосковалъ объ этомъ, даже и плакалъ. Иной разъ казалось ему, что онъ уже съ мѣсяцъ лежитъ: въ другой разъ—что все тотъ-же день идетъ. Но объ *томъ*,—объ *томъ* онъ совершенно забылъ: зато ежеминутно помнилъ, что объ чемъ-то забылъ чего нельзя забывать,—терзался, мучился припоминая, стоналъ, впадалъ въ бѣшенство, или въ ужасный, невыносимый страхъ. Тогда онъ порывался съ мѣста, хотѣлъ бѣжать, но всегда кто нибудь его останавливалъ силой, и онъ опять впадалъ въ безсиліе и безпамятство. Наконецъ, онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

Произошло это утромъ, въ десять часовъ. Въ этотъ часъ утра, въ ясные дни, солнце всегда длинною полосой проходило по его правой стѣнѣ и освѣщало уголъ подлѣ двери. У постели его стояла Настасья и еще одинъ человѣкъ, очень любопытно его разглядывавшій и совершенно ему незнакомый. Это былъ молодой парень въ кафтанѣ, съ бородкой, и съ виду походилъ на артельщика. Изъ полуотворенной двери выглядывала хозяйка. Раскольниковъ приподнялся.

— Это кто, Настасья? спросилъ онъ, указывая на парня.

— Иныь вѣдь, очнулся! сказала она.

— Очнулись, отозвался артельщикъ. Догадавшись, что онъ очнулся, хозяйка, подглядывавшая изъ дверей, тотчасъ-же притворила ихъ и спряталась. Она и всегда была застѣнчива и съ тягостію переносила разговоры и объясненія; ей было лѣтъ сорокъ, и была она толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра отъ толстоты и отъ лѣности; и собою даже очень смазлива. Стыдливаже сверхъ необходимости.

— Вы... кто? продолжалъ онъ допрашивать, обращаясь къ самому артельщику. Но въ эту минуту опять отворилась дверь настежь, и, немного наклонившись, потому что былъ высокъ, вошелъ Разумихинъ.

— Экая морская каюта, закричалъ онъ входя,—всегда лбомъ стукаюсь: тоже вѣдь квартирой называется! А ты, братъ, очнулся? Сейчасъ отъ Пашеньки слышалъ.

— Сейчасъ очнулся, сказала Настасья.

— Сейчасъ очнулись, подхватилъ опять артельщикъ съ улыбочкой.

— А вы кто сами-то изволите быть-съ? спросилъ, вдругъ обращаясь къ нему, Разумихинъ.—Я вотъ, изволите видѣть, Разумихинъ: не Разумихинъ, какъ меня всѣ величаютъ, а Разумихинъ, студентъ, дворянскій сынъ, а онъ мой пріятель. Ну-съ, а вы кто таковы?

— А я въ нашей конторѣ артельщикомъ, отъ купца Шелопаева-съ, и сюда по дѣлу-съ.

— Извольте садиться на этотъ стулъ; самъ Разумихинъ сѣлъ на другой, съ другой стороны столика.—Это ты, братъ, хорошо сдѣлалъ, что очнулся, продолжалъ онъ, обращаясь къ Раскольникову.—Четвертый день едва ѣшь и пьешь. Право, чаю съ ложечки давали. Я къ тебѣ два раза приводилъ Зосимова. Помнишь Зосимова? Осмотрѣлъ тебя внимательно и сразу сказалъ что все пустяки,—въ голову, что-ли, какъ-то ударило. Нервный вздоръ какой-то, паекъ былъ дурной, говоритъ, нива и хрѣну мало отпускали, оттого и болѣзнь, но что ничего, пройдетъ и перемелется. Молодецъ Зосимовъ! Знатно началъ полѣчивать. Ну-съ, такъ я васъ не задерживаю, обратился онъ опять къ артельщику,—угодно вамъ разъяснить вашу надобность? Замѣть себѣ, Родя, изъ ихней конторы ужь второй разъ приходятъ; только прежде не этотъ приходилъ, а другой, и мы съ тѣмъ объяснялись. Это кто прежде васъ-то сюда приходилъ?

— А надо полагать это третьегодни-съ, точно-съ. Это Алексѣй Семеновичъ были; тоже при конторѣ у насъ состоятъ-съ.

— А вѣдь онъ будетъ потолковѣе васъ, какъ вы думаете?

— Да-съ; они точно что посолидѣе-съ.

— Похвально; ну-съ, продолжайте.

— А вотъ черезъ Аѳанасія Ивановича Вахрушина, объ которомъ, почитаю, неоднократно изволили слышать-съ, по просьбѣ вашей мамани, чрезъ нашу контору вамъ переводъ-съ, началъ артельщикъ, прямо обращаясь къ Раскольникову.—Въ случаѣ если уже вы состоите въ понятіи-съ— тридцать пять рублевъ вамъ вручить-съ. такъ какъ Семенъ Семеновичъ отъ Аѳанасія Ивановича. по просьбѣ вашей мамани, по прежнему манеру о томъ увѣдомленіе получили. Изволите знать-съ?

— Да... помню... Вахрушинъ... проговорилъ Раскольниковъ задумчиво.

— Слышите: купца Вахрушина знаетъ! вскричалъ Разумихинъ.—Какъ-же не въ понятіи? А впрочемъ. я теперь замѣчаю, что и вы тоже толковый человѣкъ. Ну-съ! Умныя рѣчи пріятно и слушать.

— Они самые и есть-съ, Вахрушинъ, Аѳанасій Ивановичъ, и по просьбѣ вашей мамани, которая черезъ нихъ такимъ-же манеромъ вамъ уже пересылала однажды, они и на сей разъ не отказали-съ и Семена Семеновича на сихъ дняхъ увѣдомили изъ своихъ мѣстъ, чтобы вамъ тридцать пять рублевъ передать-съ, во ожиданіи лучшаго-съ.

— Вотъ въ «ожиданіи-то лучшаго» у васъ лучше всего и вышло; не дурно тоже и про «вашу маманю». Ну, такъ какъ-же по вашему: въ полной онъ или не въ полной памяти,—а?

— По мнѣ что же-съ. Вотъ только-бы на счетъ росписочки слѣдовало бы-съ.

— Нацарапаетъ! Что у васъ, книга что-ль?

— Книга-съ, вотъ-съ.

— Давайте сюда. Ну, Родя, подымайся. Я тебя попридержу; подмахни-ка ему Раскольникова, бери перо, потому, братъ, деньги намъ теперь пуще патоки.

— Не надо,—сказалъ Раскольниковъ, отстраняя перо.

— Чего это не надо?

— Не стану подписывать.

— Фу, чортъ, да какъ-же безъ росписки-то?

— Не надо... денегъ...

— Это денегъ-то не надо! Ну, это, братъ, врешь, я свидѣтель!—Не безпокойтесь, пожалуйста, это онъ только такъ... опять воображаетъ. Съ нимъ, впрочемъ, это и на яву бываетъ... Вы человѣкъ разсудительный, и мы будемъ его руководить, то есть по проету, его руку водить, онъ и подпишетъ. Принимайтесь-ка...

— А впрочемъ, я и въ другой разъ зайду-съ.

— Нѣтъ, нѣтъ; зачѣмъ-же вамъ безпокоиться. Вы человѣкъ разсудительный... Ну, Родя, не задерживай гостя... видишь ждетъ,— и онъ серьозно приготовился водить рукой Раскольникова.

— Оставь, я самъ... проговорилъ тотъ, взялъ перо и росписался въ книгѣ. Артельщикъ выложилъ деньги и удалился.

— Браво! А теперь, братъ, хочешь ѣсть?

— Хочу, отвѣчалъ Раскольниковъ.

— У васъ супъ?

— Вчерашній, отвѣчала Настасья, все это время стоявшая тутъ-же.

— Съ картофелемъ и съ рисовой крупой?

— Съ картофелемъ и крупой.

— Наизусть знаю. Тащи супъ, да и чаю давай.

— Принесу.

Раскольниковъ смотрѣлъ на все съ глубокимъ удивленіемъ и съ тупымъ безмысленнымъ страхомъ. Онъ рѣшился молчать и ждать: что будетъ дальше? «Кажется, я не въ бреду, думалъ онъ,—кажется, это въ самомъ дѣлѣ...»

Черезъ двѣ минуты Настасья воротилась съ супомъ и объявила что сейчасъ и чай будетъ. Къ супу явились двѣ ложки, двѣ тарелки и весь приборъ: солонка, перечница, горчица для говядины

и прочее, чего прежде, въ такомъ порядкѣ, уже давно не бывало. Скатерть была чистая.

— Не худо, Настасьюшка, чтобы Прасковья Павловна бутылочки двѣ пивца откомандировала. Мы выпьемъ-съ.

— Ну, ужь ты, востроногій! пробормотала Настасья и пошла исполнять повелѣніе.

Дико и съ напряженіемъ продолжалъ приглядываться Раскольниковъ. Тѣмъ временемъ Разумихинъ пересѣлъ къ нему на диванъ, неуклюже, какъ медвѣдь, обхватилъ лѣвою рукой его голову, не смотря на то, что онъ и самъ-бы могъ приподняться, а правою поднесъ къ его рту ложку супу, нѣсколько разъ предварительно подувъ на нее, чтобъ онъ не обжегся. Но супъ былъ только что теплый. Раскольниковъ съ жадностью проглотилъ одну ложку, потомъ другую, третью. Но подпося нѣсколько ложекъ, Разумихинъ вдругъ пріостановился и объявилъ, что на счетъ дальнѣйшаго надо посовѣтоваться съ Зосимовымъ.

Вошла Настасья, неся двѣ бутылки пива.

— А чаю хочешь?

— Хочу.

— Катай скорѣй и чаю, Настасья, потому на счетъ чаю, кажется, можно и безъ факультета. Но вотъ и пивцо!—онъ пересѣлъ на свой стулъ, придвинулъ къ себѣ супъ, говядину и сталъ ѣсть съ такимъ аппетитомъ, какъ будто три дня не ѣлъ.

— Я, братъ Родя, у васъ тутъ теперь каждый день такъ обѣдаю, пробормоталъ онъ, насколько позволялъ набитый полный ротъ говядиной, — и это все Наненька, твоя хозяюшка, хозяйничаетъ, отъ всей души меня чествуетъ. Я, разумѣется, не настаиваю, ну, да и не протестую. А вотъ и Настасья съ чаемъ. Эка проворная! Настенька, хошь пивца?

— И, ну-те къ проказнику!

— А чайку?

— Чайку пожалуй.

— Наливай. Постой, я тебѣ самъ налью: садись за столъ.

Онъ тотчасъ-же распорядился, налилъ, потомъ налилъ еще другую чашку, бросилъ свой завтракъ и пересѣлъ опять на диванъ. По прежнему обхватилъ онъ лѣвою рукой голову больнаго, приподнялъ его и началъ поить съ чайной ложечки чаемъ, опять безпрерывно и особенно усердно подувая на ложку, какъ будто въ этомъ процессѣ подуванія и состоялъ самый главный и спасительный пунктъ выздоровленія. Раскольниковъ молчалъ и не сопротивлялся, не смотря на то что чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ приподняться и усѣсться на диванѣ безо всякой посторонней помощи, и не

только владѣть руками на столько чтобы удержать ложку или чашку, но даже, можетъ быть, и ходить. Но по какой-то странной, чуть не звѣриной хитрости, ему вдругъ пришло въ голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсѣмъ понимающимъ, а между тѣмъ выслушать и вывѣдать что такое тутъ происходитъ? Впрочемъ, онъ не совладалъ съ своимъ отвращеніемъ: схлебнувъ ложекъ десять чаю, онъ вдругъ высвободилъ свою голову, капризно оттолкнулъ ложку и повалился опять на подушку. Подъ головами его дѣйствительно лежали теперь настоящія подушки, — пуховыя и съ чистыми наволочками; онъ это тоже замѣтилъ и взялъ въ соображеніе.

— Надо чтобы Пашенька сегодня-же намъ малиноваго варенья прислала, питье ему сдѣлать, сказалъ Разумихинъ, усаживаясь на свое мѣсто и опять принимаясь за супъ и за пиво.

— А гдѣ она тебѣ малины возьметъ? спросила Настасья, держа на растопыренныхъ пяти пальцахъ блюдечко и процѣживая въ себя чай «черезъ сахаръ».

— Малину, другъ мой, она возьметъ въ лавочкѣ. Видишь, Родя, тутъ безъ тебя цѣлая исторія произошла. Когда ты такимъ мошенническимъ образомъ удралъ отъ меня, и квартиры не сказалъ, меня вдругъ такое зло взяло, что я положилъ тебя розыскать и казнить. Въ тотъ-же день и приступилъ. Ужь я ходилъ, ходилъ, разспрашивалъ, разспрашивалъ! Эту-то, теперешнюю квартиру я забылъ; впрочемъ, я ея никогда и не помнилъ, потому что не зналъ. Ну, а прежнюю квартиру,—помню только, что у Пяти Угловъ,—Харламова домъ. Искалъ, искалъ я этотъ Харламовъ домъ,—а вѣдь вышло потомъ что онъ вовсе и не Харламовъ домъ, а Буха,—какъ иногда въ звукахъ-то сбиваешься! Ну я и разсердился. Разсердился да и пошелъ, была не была, на другой день въ адресный столъ, и представь себѣ: въ двѣ минуты тебя мнѣ тамъ розыскали. Ты тамъ записанъ.

— Записанъ!

— Еще-бы: а вотъ генерала Кобелева никакъ не могли тамъ при мнѣ розыскать. Ну-съ, долго разсказывать. Только какъ я нагрянулъ сюда, тотчасъ-же со всѣми твоими дѣлами познакомился; со всѣми, братецъ, со всѣми, все знаю; вотъ и она видѣла: и съ Никодимомъ Фомичемъ познакомился, и Илью Петровича мнѣ показывали, и съ дворникомъ, и съ господиномъ Заметовымъ, Александромъ Григорьевичемъ, письмоводителемъ въ здѣшней конторѣ, а наконецъ и съ Пашенькой, — это ужь былъ вѣнецъ; вотъ и она знаетъ...

— Усахарилъ, пробормотала Настасья, плутовски усмѣхаясь.

— Да вы-бы въ накладочку, Настасья Никифоровна.

— Ну ты, песъ! вдругъ крикнула Настасья и прыснула со смѣху. — А вѣдь я Петрова, а не Никифорова, прибавила она вдругъ, когда перестала смѣяться.

— Будемъ цѣниться-съ. Ну такъ вотъ, братъ, чтобы лишняго не говорить, я хотѣлъ сначала здѣсь электрическую струю повсемѣстно пустить, такъ чтобы всѣ предразсудки въ здѣшней мѣстности разомъ искоренить; но Пашенька побѣдила. Я, братъ, никакъ и не ожидалъ, чтобъ она была такая... авенантненькая... а? Какъ ты думаешь?

Раскольниковъ молчалъ, хотя ни на минуту не отрывалъ отъ него своего встревженнаго взгляда, и теперь упорно продолжалъ глядѣть на него.

— И очень даже, продолжалъ Разумихинъ, нисколько не смущаясь молчаніемъ и какъ будто поддакивая полученному отвѣту,— и очень даже въ порядкѣ, во всѣхъ статьяхъ.

— Ишь тварь! вскрикнула опять Настасья, которой разговоръ этотъ доставлялъ, повидимому, неизъяснимое блаженство.

— Скверно, братъ, то, что ты съ самаго начала не съумѣлъ взяться за дѣло. Съ ней надо было не такъ. Вѣдь это, такъ сказать, самый неожиданный характеръ! Ну, да объ характерѣ потомъ... А только какъ, напримѣръ, довести до того, чтобъ она тебѣ обѣда смѣла не присылать? Или, напримѣръ, этотъ вексель? Да ты съ ума сошелъ, что-ли, векселя подписывать! Или, напримѣръ, этотъ предполагавшійся бракъ, когда еще дочка, Наталья Егоровна, жива была... Я все знаю! А, впрочемъ, я вижу, что это деликатная струна и что я оселъ: ты меня извини. Но кстати о глупости: какъ ты думаешь, вѣдь Прасковья Павловна совсѣмъ, братъ, не такъ глупа, какъ съ перваго взгляда можно предположить, а?

— Да... процѣдилъ Раскольниковъ, смотря въ сторону, но понимая, что выгоднѣе поддержать разговоръ.

— Не правда-ли? вскричалъ Разумихинъ, видимо обрадовавшись, что ему отвѣтили,— но вѣдь и не умна. а? Совершенно, совершенно неожиданный характеръ! Я, братъ, отчасти теряюсь, увѣряю тебя... Сорокъ-то ей вѣрныхъ будетъ. Она говоритъ тридцать шесть и на это полное право имѣетъ. Впрочемъ, клянусь тебѣ, что сужу объ ней больше умственно, по одной метафизикѣ; тутъ, братъ, у насъ, такая эмблема завязалась, что твоя алгебра! Ничего не понимаю! Ну, да все это вздоръ, а только она, видя что ты уже не студентъ, уроковъ и костюма лишился, и что по смерти барышни ей нечего уже тебя на родственной ногѣ держать, вдругъ испугалась; а такъ какъ ты, съ своей стороны, забился въ уголъ и ни-

чего прежняго не поддерживалъ, она и вздумала тебя съ квартиры согнать. И давно она это намѣреніе питала, да векселя стало жалко. Къ тому-же ты самъ увѣрялъ что маманя заплатитъ...

— Это я по подлости моей говорилъ... Мать у меня сама чуть милостыни не проситъ... а я лгалъ, чтобъ меня на квартирѣ держали и... кормили, проговорилъ громко и отчетливо Раскольниковъ.

— Да, это ты благоразумно. Только вся штука въ томъ, что тутъ и подвернись господинъ Чебаровъ, надворный совѣтникъ и дѣловой человѣкъ. Пашенька безъ него ничего-бы не выдумала, ужь очень стыдлива; ну, а дѣловой человѣкъ не стыдливъ и первымъ дѣломъ, разумѣется, предложилъ вопросъ: есть-ли надежда осуществить векселекъ? Отвѣтъ: есть, потому такая маманя есть, что изъ ста двадцати пяти рублевой своей пенсіи, хоть сама ѣсть не будетъ, а ужь Роденьку выручитъ, да сестрица такая есть, что за братца въ кабалу пойдетъ. На этомъ-то онъ и основался... Что шевелишься-то? Я, братъ, теперь всю твою подноготную разузналъ, не даромъ ты съ Пашенькой откровенничалъ, когда еще на родственной ногѣ состоялъ, а теперь любя говорю... То-то вотъ и есть: честный и чувствительный человѣкъ откровенничаетъ, а дѣловой человѣкъ слушаетъ да ѣстъ, а потомъ и съѣстъ. Вотъ и уступила она сей векселекъ, якобы уплатою, сему Чебарову, а тотъ формально и потребовалъ, не сконфузился. Хотѣлъ было я ему, какъ узналъ это все, такъ, для очистки совѣсти, тоже струю пустить, да на ту пору у насъ съ Пашенькой гармонія вышла, я и повелѣлъ это дѣло все прекратить, въ самомъ то есть источникѣ, поручившись что ты заплатишь. Я, братъ, за тебя поручился, слышишь? Позвали Чебарова, десять цѣлковыхъ ему въ зубы, а бумагу назадъ, и вотъ честь имѣю ее вамъ представить,—на слово вамъ теперь вѣрятъ,—вотъ, возьмите, и надорвана мною какъ слѣдуетъ.

Разумихинъ выложилъ на столъ заемное письмо; Раскольниковъ взглянулъ на него, и, не сказавъ ни слова, отворотился къ стѣнѣ. Даже Разумихина покоробило.

— Вижу, братъ, проговорилъ онъ черезъ минуту,—что опять изъ себя дурака свалялъ. Думалъ было тебя развлечь и болтовней потѣшить, а, кажется, только желчь нагналъ.

— Это тебя я не узналъ въ бреду? спросилъ Раскольниковъ, тоже помолчавъ съ минуту и не оборачивая головы.

— Меня, и даже въ изступленіе входилъ по сему случаю, особенно когда я разъ Заметова приводилъ.

— Заметова?.. Письмоводителя?.. Зачѣмъ? Раскольниковъ быстро оборотился и уперся глазами въ Разумихина.

— Да чего ты такъ... Что встревожился? Познакомиться съ

тобой пожелалъ: самъ пожелалъ, потому что много мы съ нимъ о тебѣ переговорили... Иначе, отъ кого-жь-бы я про тебя-то столько узналъ? Славный, братъ, онъ малый, чудеснѣйшій... въ своемъ родѣ, разумѣется. Теперь пріятели: чуть не ежедневно видимся. Вѣдь я въ эту часть переѣхалъ. Ты не знаешь еще? Только что переѣхалъ. У Лавизы съ нимъ раза два побывали. Лавизу-то помнишь, Лавизу Ивановну?

— Бредилъ я что нибудь?

— Еще-бы! Себѣ не принадлежали-съ.

— О чемъ я бредилъ?

— Эвося! О чемъ бредилъ? Извѣстно о чемъ бредятъ... Ну, братъ, теперь, чтобы времени не терять, за дѣло.

Онъ всталъ со стула и схватился за фуражку.

— О чемъ бредилъ?

— Экъ вѣдь наладитъ! Ужь не за секретъ-ли какой боишься? Не безпокойся: о графинѣ ничего не было сказано. А вотъ о бульдогѣ какомъ-то, да о сережкахъ, да о цѣпочкахъ какихъ-то, да о Крестовскомъ островѣ, да о дворникѣ какомъ-то, да о Никодимѣ Ѳомичѣ, да объ Ильѣ Петровичѣ, надзирателя помощникѣ, много было говорено. Да кромѣ того, собственнымъ вашимъ носкомъ очень даже интересоваться изволили, очень! Жалобились: подайте, дескать, носокъ, да и только. Заметовъ самъ по всѣмъ угламъ твои носки розыскивалъ и собственными, вымытыми въ духахъ, ручками, съ перстнями, вамъ эту дрянь подавалъ. Тогда только и успокоились, и цѣлыя сутки въ рукахъ эту дрянь продержали: вырвать нельзя было. Должно быть, и теперь гдѣ нибудь у тебя подъ одѣяломъ лежитъ. А то еще бахромы на панталоны просилъ, да вѣдь какъ слезно! Мы ужь допытывались: какая тамъ еще бахрома? Да ничего разобрать нельзя было... Ну-съ, такъ за дѣло! Вотъ тутъ тридцать пять рублей; изъ нихъ десять беру, а часика черезъ два въ нихъ отчетъ представлю. Тѣмъ временемъ дамъ знать и Зосимову, хоть и безъ того-бы ему слѣдовало давно здѣсь быть, ибо двѣнадцатый часъ. А вы, Настенька, почаще безъ меня навѣдывайтесь, на счетъ тамъ питья, али чего иного прочаго, что̀ пожелаютъ... А Пашенькѣ я и самъ сейчасъ, что̀ надо, скажу. До свиданія!

— Пашенькой зоветъ! Ахъ ты рожа хитростная! проговорила ему вслѣдъ Настасья: затѣмъ отворила дверь и стала подслушивать, но не вытерпѣла и сама побѣжала внизъ. Очень ужь ей интересно было узнать, о чемъ онъ говоритъ тамъ съ хозяйкой; да и вообще видно было, что она совсѣмъ очарована Разумихинымъ.

Едва только затворилась за ней дверь, больной сбросилъ съ себя одѣяло и какъ полоумный вскочилъ съ постели. Со жгучимъ, судо-

рожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ чтобъ они поскорѣе ушли, чтобы тотчасъ-же безъ нихъ и приняться за дѣло. Но за что̀-же, за какое дѣло?—онъ какъ будто-бы теперь какъ нарочно и забылъ.—«Господи! Скажи Ты мнѣ только одно: знаютъ они обо всемъ или еще не знаютъ? А ну какъ ужь знаютъ и только прикидываются, дразнятъ, покуда лежу, а тамъ вдругъ войдутъ и скажутъ, что все давно ужь извѣстно и что они только такъ... Что̀-же теперь дѣлать? Вотъ и забылъ, какъ нарочно; вдругъ забылъ, сейчасъ помнилъ!..»

Онъ стоялъ среди комнаты и въ мучительномъ недоумѣніи осматривался кругомъ; подошелъ къ двери, отворилъ, прислушался; но это было не то. Вдругъ, какъ-бы вспомнивъ, бросился онъ къ углу, гдѣ въ обояхъ была дыра, началъ все осматривать, запустилъ въ дыру руку, пошарилъ, но и это не то. Онъ пошелъ къ печкѣ, отворилъ ее и началъ шарить въ золѣ: кусочки бахромы отъ панталонъ и лоскутья разорваннаго кармана такъ и валялись, какъ онъ ихъ тогда бросилъ, стало быть, никто не смотрѣлъ! Тутъ вспомнилъ онъ про носокъ, про который Разумихинъ сейчасъ разсказывалъ. Правда, вотъ онъ на диванѣ лежитъ, подъ одѣяломъ, но ужь до того затерся и загрязнился съ тѣхъ поръ, что ужь, конечно, Заметовъ ничего не могъ разсмотрѣть.

«Ба, Заметовъ!.. контора!.. А зачѣмъ меня въ контору зовутъ? Гдѣ повѣстка? Ба!.. я смѣшалъ: это тогда требовали! Я тогда тоже носокъ осматривалъ, а теперь... теперь я былъ боленъ. А зачѣмъ Заметовъ заходилъ? Зачѣмъ приводилъ его Разумихинъ?..» бормоталъ онъ въ безсиліи, садясь опять на диванъ.—«Что̀-жь это? Бредъ-ли это все со мной продолжается, или взаправду? Кажется, взаправду... А, вспомнилъ: бѣжать! Скорѣе бѣжать, непремѣнно, непремѣнно бѣжать! Да... а куда? А гдѣ мое платье? Сапоговъ нѣтъ! Убрали! Спрятали! Понимаю! А, вотъ пальто—проглядѣли! Вотъ и деньги на столѣ, слава Богу! Вотъ и вексель... Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они не сыщутъ!.. Да, а адресный столъ? Найдутъ! Разумихинъ найдетъ. Лучше совсѣмъ бѣжать... далеко... въ Америку, и наплевать на нихъ! И вексель взять... онъ тамъ пригодится. Чего еще-то взять? Они думаютъ, что я боленъ! Они и не знаютъ что я ходить могу, хе-хе-хе!.. Я по глазамъ угадалъ, что они все знаютъ! Только-бы съ лѣстницы сойти! А ну какъ у нихъ тамъ сторожа стоятъ, полицейскіе! Что̀ это, чай? А, вотъ и пиво осталось, полбутылки, холодное!»

Онъ схватилъ бутылку, въ которой еще оставалось пива на цѣлый стаканъ, и съ наслажденіемъ выпилъ залпомъ, какъ будто потушая огонь въ груди. Но не прошло и минуты какъ пиво стук-

нуло ему въ голову, а по спинѣ пошелъ легкій и даже пріятный ознобъ. Онъ легъ и натянулъ на себя одѣяло. Мысли его, и безъ того больныя и безсвязныя, стали мѣшаться все больше и больше, и вскорѣ сонъ, легкій и пріятный, обхватилъ его. Съ наслажденіемъ отыскалъ онъ головой мѣсто на подушкѣ, плотнѣе закутался мягкимъ ватнымъ одѣяломъ, которое было теперь на немъ вмѣсто разорванной прежней шинели, тихо вздохнулъ, и заснулъ глубокимъ, крѣпкимъ, цѣлебнымъ сномъ.

Проснулся онъ услыхавъ что кто-то вошелъ къ нему, открылъ глаза и увидалъ Разумихина, отворившаго дверь настежь и стоявшаго на порогѣ, недоумѣвая: входить или нѣтъ? Раскольниковъ быстро привсталъ на диванѣ и смотрѣлъ на него какъ будто силясь что-то припомнить.

— А, не спишь, ну, вотъ и я! Настасья, тащи сюда узелъ! крикнулъ Разумихинъ внизъ.—Сейчасъ отчетъ получишь...

— Который часъ? спросилъ Раскольниковъ, тревожно озираясь.

— Да лихо, братъ, поспалъ: вечеръ на дворѣ, часовъ шесть будетъ. Часовъ шесть слишкомъ спалъ...

— Господи! Что-жь это я!..

— А чего такого? На здоровье! Куда спѣшишь? На свиданіе, что-ли? Все время теперь наше. Я ужь часа три тебя жду; раза два заходилъ, ты спалъ. Къ Зосимову два раза навѣдывался: нѣтъ дома, да и только! Да ничего, придетъ!.. По своимъ дѣлишкамъ тоже отлучался. Я вѣдь сегодня переѣхалъ, совсѣмъ переѣхалъ, съ дядей. У меня вѣдь теперь дядя... Ну да, къ чорту, за дѣло!.. Давай сюда узелъ, Настенька. Вотъ мы сейчасъ... А какъ, братъ, себя чувствуешь?

— Я здоровъ; я не боленъ... Разумихинъ, ты здѣсь давно?

— Говорю, три часа дожидаюсь.

— Нѣтъ, а прежде?

— Что прежде?

— Съ какого времени сюда ходишь?

— Да вѣдь я-же тебѣ давеча пересказывалъ: аль не помнишь?

Раскольниковъ задумался. Какъ во снѣ ему мерещилось давешнее. Одинъ онъ не могъ припомнить и вопросительно смотрѣлъ на Разумихина.

— Гм! сказалъ тотъ:—забылъ. Мнѣ еще давеча мерещилось, что ты все еще не въ своемъ... Теперь со сна-то поправился... Право, совсѣмъ лучше смотришь. Молодецъ! Ну да, къ дѣлу! Вотъ сейчасъ припомнишь. Смотри-ка сюда, милый человѣкъ.

Онъ сталъ развязывать узелъ, которымъ, видимо, чрезвычайно интересовался.

— Это, братъ, вѣришь-ли, у меня особенно на сердцѣ лежало. Потому, надо-же изъ тебя человѣка сдѣлать. Приступимъ; сверху начнемъ. Видишь-ли ты эту каскетку? началъ онъ, вынимая изъ узла довольно хорошенькую, но въ тоже время очень обыкновенную и дешевую фуражку: Позволь-ка примѣрить?

— Потомъ, послѣ, проговорилъ Раскольниковъ, отмахиваясь брюзгливо.

— Нѣтъ ужь, братъ Родя, не противься, потомъ поздно будетъ; да и я всю ночь не засну, потому безъ мѣрки, наугадъ покупалъ. Какъ-разъ! воскликнулъ онъ торжественно, примѣривъ:— какъ-разъ по мѣркѣ! Головной уборъ, это, братъ, самая первѣйшая вещь въ костюмѣ, своего рода рекомендація. Толстяковъ, мой пріятель, каждый разъ принужденъ снимать свою покрышку, входя куда нибудь въ общее мѣсто, гдѣ всѣ другіе въ шляпахъ и фуражкахъ стоятъ. Всѣ думаютъ, что онъ отъ рабскихъ чувствъ, а онъ просто оттого что своего гнѣзда птичьяго стыдится; стыдливый такой человѣкъ! Ну-съ, Настенька, вотъ вамъ два головные убора: сей пальмерстонъ (онъ досталъ изъ угла исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую, неизвѣстно почему, назвалъ пальмерстономъ) или сія ювелирская вещица? Оцѣни-ка, Родя, какъ думаешь, что̀ заплатилъ? Настасьюшка? обратился онъ къ ней, видя, что тотъ молчитъ.

— Двугривенный, небось, отдалъ, отвѣчала Настасья.

— Двугривенный, дура! крикнулъ онъ обидѣвшись:—нынѣче за двугривенный и тебя не купишь,—восемь гривенъ! Да и то потому что поношенный. Оно правда, съ уговоромъ: этотъ износишь, на будущій годъ другой даромъ дадутъ, ей Богу! Ну-съ, приступимъ теперь къ Соединеннымъ Американскимъ Штатамъ, какъ это въ гимназіи у насъ называли. Предупреждаю, — штанами горжусь! и онъ расправилъ передъ Раскольниковымъ, сѣрые изъ легкой лѣтней шерстяной матеріи панталоны:—ни дырочки, ни пятнышка, а между тѣмъ весьма сносные, хотя и поношенные, таковая-же и жилетка, одноцвѣтъ, какъ мода требуетъ. А что поношенное, такъ это, по правдѣ, и лучше: мягче, нѣжнѣе... Видишь, Родя, чтобы сдѣлать въ свѣтѣ карьеру достаточно, по моему, всегда сезонъ наблюдать: если въ январѣ спаржи не потребуешь, то нѣсколько цѣлковыхъ въ кошелькѣ сохранишь; тоже въ отношеніи и къ сей покупкѣ. Нынѣче лѣтній сезонъ, я и покупку лѣтнюю сдѣлалъ, потому къ осени сезонъ и безъ того болѣе теплой матеріи потребуетъ, такъ придется-жь бросать... тѣмъ болѣе что все это тогда ужь усибетъ само разрушиться, если не отъ усилившейся роскоши, такъ отъ внутреннихъ неустройствъ. Ну, цѣни! Сколько по твоему? — Два

рубля двадцать пять копѣекъ! И помни, опять съ прежнимъ условіемъ: это износишь, на будущій годъ другіе даромъ берешь! Въ лавкѣ Ѳедяева иначе не торгуютъ: разъ заплатилъ и на всю жизнь довольно, потому другой разъ и самъ не пойдешь. Ну-съ, приступимъ теперь къ сапогамъ, — каковы? Вѣдь ужь видно, что поношенные, а вѣдь мѣсяца на два удовлетворятъ, потому что заграничная работа и товаръ заграничный: секретарь англійскаго посольства прошлую недѣлю на толкучемъ спустилъ; всего шесть дней и носилъ, да деньги очень понадобились. Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Удачно?

— Да може не въ пору! замѣтила Настасья.

— Не въ пору! А это что? и онъ вытащилъ изъ кармана старый, закорузлый, весь облѣпленный засохшею грязью, дырявый сапогъ Раскольникова;—я съ запасомъ ходилъ, мнѣ и возстановили по этому чудищу настоящій размѣръ. Все это дѣло сердечно велось. А на счетъ бѣлья съ хозяйкой столковались. Вотъ, во первыхъ, три рубашки, холстинныя, но съ моднымъ верхомъ... Ну-съ, итакъ: восемь гривенъ картузъ, два рубля двадцать пять прочее одѣяніе, итого три рубля пять копѣекъ; рубль пятьдесятъ сапоги — потому что ужь очень хороніе,—итого четыре рубля пятьдесятъ пять копѣекъ, да пять рублей все бѣлье,—оптомъ сторговались,—итого ровно девять рублей пятьдесятъ пять копѣекъ. Сорокъ пять копѣекъ сдачи, мѣдными пятаками, вотъ-съ, извольте принять,—и такимъ образомъ, Родя, ты теперь во всемъ костюмѣ возстановленъ, потому что, по моему мнѣнію, твое пальто не только еще можетъ служить, но даже имѣетъ въ себѣ видъ особеннаго благородства: что значитъ у Шармера-то заказывать! На счетъ носковъ и прочаго остальнаго предоставляю тебѣ самому: денегъ остается намъ двадцать пять рубликовъ, а о Пашенькѣ и объ уплатѣ за квартиру не безпокойся; я говорилъ: кредитъ безграничнѣйшій. А теперь, братъ, позволь тебѣ бѣлье перемѣнить, а то, пожалуй, болѣзнь въ рубашкѣ-то только теперь и сидитъ...

— Оставь! Не хочу! отмахивался Раскольниковъ, съ отвращеніемъ слушавшій напряженно-игривую реляцію Разумихина о покупкѣ платья...

— Это, братъ, невозможно; изъ чего-жь я сапоги тонталъ! настаивалъ Разумихинъ.—Настасьюшка, не стыдитесь, а помогите,— вотъ такъ! и не смотря на сопротивленіе Раскольникова, онъ все таки перемѣнилъ ему бѣлье. Тотъ повалился на изголовье и минуты двѣ не говорилъ ни слова.

«Долго-же не отвяжутся!» думалъ онъ.—Изъ какихъ денегъ это все куплено? спросилъ онъ наконецъ, глядя въ стѣну.

— Денегъ? Вотъ тебѣ на! Да изъ твоихъ-же собственныхъ. Давеча артельщикъ былъ, отъ Вахрушина, мамаша прислала; аль и это забылъ?

— Теперь помню... проговорилъ Раскольниковъ, послѣ долгой и угрюмой задумчивости. Разумихинъ, нахмурясь, съ безпокойствомъ на него посматривалъ.

Дверь отворилась, и вошелъ высокій и плотный человѣкъ, какъ будто тоже уже нѣсколько знакомый съ виду Раскольникову.

— Зосимовъ! Наконецъ-то! крикнулъ Разумихинъ, обрадовавшись.

IV.

Зосимовъ былъ высокій и жирный человѣкъ, съ одутловатымъ и безцвѣтно-блѣднымъ, гладко-выбритымъ лицомъ, съ бѣлобрысыми прямыми волосами, въ очкахъ, и съ большимъ золотымъ перстнемъ на припухшемъ отъ жиру пальцѣ. Было ему лѣтъ двадцать семь. Одѣтъ онъ былъ въ широкомъ щегольскомъ легкомъ пальто, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ брюкахъ, и вообще все было на немъ широко, щегольское и съ иголочки; бѣлье безукоризненное, цѣпь къ часамъ массивная. Манера его была медленная, какъ будто вялая и въ тоже время изученно-развязная; претензія, впрочемъ усиленно скрываемая, проглядывала поминутно. Всѣ его знавшіе находили его человѣкомъ тяжелымъ, но говорили, что свое дѣло знаетъ.

— Я, братъ, два раза къ тебѣ заходилъ... Видишь, очнулся! крикнулъ Разумихинъ.

— Вижу, вижу; ну такъ какъ-же мы теперь себя чувствуемъ, а? обратился Зосимовъ къ Раскольникову, пристально въ него вглядываясь и усаживаясь къ нему на диванъ, въ ногахъ, гдѣ тотчасъ-же и развалился по возможности.

— Да все хандритъ, продолжалъ Разумихинъ,—бѣлье мы ему сейчасъ перемѣнили, такъ чуть не заплакалъ.

— Понятное дѣло; бѣлье можно-бы и послѣ, коль самъ не желаетъ... Пульсъ славный. Голова-то все еще немного болитъ, а?

— Я здоровъ, я совершенно здоровъ! настойчиво и раздражительно проговорилъ Раскольниковъ, приподнявшись вдругъ на диванѣ и сверкнувъ глазами, но тотчасъ-же повалился опять на подушку и оборотился къ стѣнѣ. Зосимовъ пристально наблюдалъ его.

— Очень хорошо... все какъ слѣдуетъ, вяло произнесъ онъ.— Ѣлъ что нибудь?

Ему разсказали и спросили что можно давать.

— Да все можно давать... Супу, чаю... Грибовъ да огурцовъ, разумѣется, не давать, ну и говядины тоже не надо, и... ну, да чего тутъ болтать-то!...—Онъ переглянулся съ Разумихинымъ.— Микстуру прочь, и все прочь; а завтра я посмотрю... Оно-бы и сегодня... ну, да...

— Завтра вечеромъ я его гулять веду! рѣшилъ Разумихинъ:— въ Юсуповъ садъ, а потомъ въ «Пале де Кристаль» зайдемъ.

— Завтра-то я-бы его и шевелить не сталъ, а впрочемъ... немножко... ну, да тамъ увидимъ.

— Эхъ досада, сегодня я какъ разъ новоселье справляю, два шага; вотъ-бы и онъ. Хоть-бы на диванѣ полежалъ между нами! Ты-то будешь? обратился вдругъ Разумихинъ къ Зосимову; — не забудь смотри, обѣщалъ.

— Пожалуй, но позже развѣ. Что ты тамъ устроилъ?

— Да ничего, чай, водка, селедка. Пирогъ подадутъ; свои соберутся.

— Кто именно?

— Да все здѣшніе и все почти новые, право, — кромѣ развѣ стараго дяди, да и тотъ новый: вчера только въ Петербургъ пріѣхалъ, по какимъ-то тамъ дѣлишкамъ; въ пять лѣтъ по разу и видимся.

— Кто такой?

— Да прозябалъ всю жизнь уѣзднымъ почтмейстеромъ... пенсіонишко получаетъ, шестьдесятъ пять лѣтъ, не стоитъ и говорить... Я его, впрочемъ, люблю. Порфирій Семеновичъ придетъ: здѣшній приставъ слѣдственныхъ дѣлъ... правовѣдъ. Да, вѣдь ты знаешь...

— Онъ тоже какой-то твой родственникъ?

— Самый дальній какой-то; да ты что хмуришься? Что вы поругались-то разъ, такъ ты, пожалуй, и не придешь?

— А наплевать мнѣ на него...

— И всего лучше. Ну, а тамъ—студенты, учитель, чиновникъ одинъ, музыкантъ одинъ, офицеръ, Заметовъ...

— Скажи мнѣ пожалуста, что можетъ быть общаго у тебя, или вотъ у него,— Зосимовъ кивнулъ на Раскольникова,—съ какимъ нибудь тамъ Заметовымъ?

— Охъ ужь эти брезгливые? Принципы!.. и весь-то ты на принципахъ, какъ на пружинахъ: повернуться по своей волѣ не смѣетъ; а по моему, хорошъ человѣкъ,—вотъ и принципъ, и знать я ничего не хочу. Заметовъ человѣкъ чудеснѣйшій.

— И руки грѣетъ.

— Ну, и руки грѣетъ, и наплевать! Такъ чтожь что грѣетъ! крикнулъ вдругъ Разумихинъ, какъ-то неестественно раздражаясь:—

я развѣ хвалилъ тебѣ то что онъ руки грѣетъ? Я говорилъ, что онъ въ своемъ родѣ только хорошъ! А прямо-то, во всѣхъ-то родахъ смотрѣть — такъ много-ль людей хорошихъ останется? Да я увѣренъ, что за меня тогда совсѣмъ съ требухой, всего-то одну печеную луковицу дадутъ, да и то если съ тобой въ придачу!..

— Это мало; я за тебя и двѣ дамъ...

— А я за тебя только одну! Остри еще! Заметовъ еще мальчишка, я еще волосенки ему надеру, потому что его надо привлекать, а не отталкивать. Тѣмъ что оттолкнешь человѣка—не исправишь, тѣмъ паче мальчишку. Съ мальчишкой вдвое осторожнѣе надо. Эхъ вы, туши прогрессивныя, ничего-то не понимаете! Человѣка не уважаете, себя обижаете... А коли хочешь знать, такъ у насъ, пожалуй, и дѣло одно общее завязалось.

— Желательно знать.

— Да все по дѣлу о маляръ, то есть о красильщикѣ... Ужь мы его вытащимъ! А впрочемъ, теперь и бѣды никакой. Дѣло совсѣмъ, совсѣмъ теперь очевидное! Мы только пару подадимъ.

— Какой тамъ еще красильщикъ?

— Какъ, развѣ я не разсказывалъ? Аль нѣтъ? Да, вишь, я тебѣ только начало разсказывалъ... вотъ, про убійство старухи-то закладчицы, чиновницы... ну, тутъ и красильщикъ теперь замѣшался...

— Да про убійство это я и прежде твоего слыхалъ, и этимъ дѣломъ даже интересуюсь... отчасти... по одному случаю... и въ газетахъ читалъ! А вотъ...

— Лизавету-то тоже убили! брякнула вдругъ Настасья, обращаясь къ Раскольникову.—Она все время оставалась въ комнатѣ, прижавшись подлѣ двери, и слушала.

— Лизавету? пробормоталъ Раскольниковъ едва слышнымъ голосомъ.

— А Лизавету, торговку-то, аль не знаешь? Она сюда внизъ ходила. Еще тебѣ рубаху чинила.

Раскольниковъ оборотился къ стѣнѣ, гдѣ на грязныхъ желтыхъ обояхъ съ бѣлыми цвѣточками выбралъ одинъ неуклюжій, бѣлый цвѣтокъ, съ какими-то коричневыми черточками, и сталъ разсматривать: сколько въ немъ листиковъ, какія на листикахъ зазубринки и сколько черточекъ? Онъ чувствовалъ, что у него онѣмѣли руки и ноги, точно отнялись, но и не попробовалъ шевельнуться и упорно глядѣлъ на цвѣтокъ.

— Ну такъ что-жь красильщикъ?—съ какимъ-то особеннымъ неудовольствіемъ перебилъ Зосимовъ болтовню Настасьи. Та вздохнула и замолчала.

— А тоже въ убійцы записали! съ жаромъ продолжалъ Разумихинъ.

— Улики, что-ль, какія?

— Кой чортъ улики! А впрочемъ именно по уликѣ, да улика-то эта не улика, вотъ что̀ требуется доказать! Это тотъ-въ-точь какъ сначала они забрали и заподозрили этихъ, какъ бишь ихъ... Коха да Пестрякова. Тьфу! Какъ это все глупо дѣлается, даже вчужѣ гадко становится! Пестряковъ-то, можетъ, сегодня ко мнѣ зайдетъ... Кстати, Родя, ты эту штуку ужъ знаешь, еще до болѣзни случилось, ровно наканунѣ того какъ ты въ обморокъ въ конторѣ упалъ, когда тамъ про это разсказывали...

Зосимовъ любопытно посмотрѣлъ на Раскольникова; тотъ не шевелился.

— А знаешь что̀, Разумихинъ? Посмотрю я на тебя: какой ты однако-же хлопотунъ, замѣтилъ Зосимовъ.

— Это пусть, а все-таки вытащимъ! крикнулъ Разумихинъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Вѣдь тутъ что̀ всего обиднѣе? Вѣдь не то, что они врутъ; вранье всегда простить можно; вранье дѣло милое, потому что къ правдѣ ведетъ. Нѣтъ, то досадно, что врутъ, да еще собственному вранью поклоняются. Я Порфирія уважаю, но... Вѣдь что̀ ихъ, напримѣръ, нерво-на-нерво съ толку сбило? Дверь была заперта, а пришли съ дворникомъ — отперта: ну, значитъ, Кохъ да Пестряковъ и убили! Вотъ вѣдь ихъ логика.

— Да не горячись; ихъ просто задержали; нельзя-же... Кстати: я вѣдь этого Коха встрѣчалъ: онъ вѣдь, оказалось, у старухи вещи просроченныя скупалъ? А?

— Да, мошенникъ какой-то! Онъ и векселя тоже скупаетъ. Промышленникъ. Да чортъ съ нимъ! Я вѣдь на что̀ злюсь-то, понимаешь ты это? На рутину ихъ дряхлую, пошлѣйшую, закоренѣлую злюсь... А тутъ, въ одномъ этомъ дѣлѣ, цѣлый новый путь открыть можно. По однимъ психологическимъ только даннымъ можно показать какъ на истинный слѣдъ попадать должно. «У насъ есть, дескать, факты!» Да вѣдь факты не все; по крайней мѣрѣ, половина дѣла въ томъ какъ съ фактами обращаться умѣешь!

— А ты съ фактами обращаться умѣешь?

— Да, вѣдь, нельзя-же молчать, когда чувствуешь, ощупомъ чувствуешь, что вотъ могъ-бы дѣлу помочь, кабы... Эхъ!.. Ты дѣло-то подробно знаешь?

— Да вотъ про красильщика жду.

— Да, бишь! Ну, слушай исторію: ровно на третій день послѣ убійства, поутру, когда они тамъ няньчались еще съ Кохомъ да Пестряковымъ,—хотя тѣ каждый свой шагъ доказали: очевидность

кричитъ! — объявляется вдругъ самый неожиданный фактъ. Нѣкто крестьянинъ Душкинъ, содержатель распивочной, напротивъ того самаго дома, является въ контору и приноситъ ювелирскій футляръ съ золотыми серьгами, и разсказываетъ цѣлую повѣсть: «Прибѣжалъ-де ко мнѣ по вечеру, третьяго дня, примѣрно въ началѣ девятаго», — день и часъ! вникаешь? — «работникъ красильщикъ, который и до этого ко мнѣ на дню забѣгалъ, Миколай, и принесъ мнѣ ефту коробку, съ золотыми сережками и съ камушками, и просилъ за нихъ подъ закладъ два рубля, а на мой спросъ: гдѣ взялъ?— объявилъ, что на панели поднялъ. Больше я его на томъ не разспрашивалъ», — это Душкинъ-то говоритъ, «а вынесъ ему билетикъ» — рубль то есть, — «потому-де думалъ, что не мнѣ, такъ другому заложитъ, все одно — пропьетъ, а пусть лучше у меня вещь лежитъ: дальше-де положишь, ближе возьмешь, а объявится что̀, аль слухи пойдутъ, тутъ я и преставлю». — Ну, конечно, бабушкинъ сонъ разсказываетъ, вретъ какъ лошадь, потому я этого Душкина знаю, самъ онъ закладчикъ, и краденое прячетъ, и тридцатирублевую вещь не для того чтобъ «преставить» у Миколая подтибрилъ. Просто струсилъ. Ну, да, къ чорту, слушай; продолжаетъ Душкинъ: — «А крестьянина ефтова, Миколая Дементьева, знаю сызмалѣтства, нашей губерніи и уѣзда, Зарайскаго, потому-де мы сами рязанскіе. А Миколай хоть не пьяница, а выпиваетъ, и извѣстно намъ было, что онъ въ ефтомъ самомъ домѣ работаетъ, краситъ, вмѣстѣ съ Митреемъ, а съ Митреемъ они изъ однѣхъ мѣстовъ. И получимши билетикъ, онъ его тотчасъ размѣнялъ, выпилъ за разъ два стаканчика, сдачу взялъ и пошелъ, а Митрея я съ нимъ въ тотъ часъ не видалъ. А на другой день прослышали мы, что Алену Ивановну и сестрицу ихъ Лизавету Ивановну топоромъ убили, а мы ихъ знавали-съ, и взяло меня тутъ сумлѣніе на счетъ серегъ, — потому извѣстно намъ было, что покойница подъ вещи деньги давала. Пошелъ я къ нимъ въ домъ и сталъ осторожно про себя узнавать, тихими стопами, и перво-на-перво спросилъ: тутъ-ли Миколай? И сказывалъ Митрей, что Миколай загулялъ, пришелъ домой на разсвѣтѣ, пьяный, дома пробылъ примѣрно десять минутъ и опять ушелъ, а Митрей ужь его потомъ не видалъ и работу одинъ докапчиваетъ. А работа у нихъ по одной лѣстницѣ съ убитыми, во второмъ этажѣ. Слышамши все это, мы тогда никому ничего не открыли», — это Душкинъ говоритъ, — «а про убійство все что̀ могли разузнали и воротились домой все въ томъ-же нашемъ сумлѣніи. А сегодня по утру, въ восемь часовъ», — то есть это на третій-то день, понимаешь? — «вижу, входитъ ко мнѣ Миколай, не трезвый, да и не то чтобъ очень пьяный, а понимать разговоръ можетъ. Сѣлъ

на лавку, молчитъ. А опричь него въ распивочной на ту пору былъ всего одинъ человѣкъ постороній, да еще спалъ на лавкѣ другой, по знакомству, да двое нашихъ мальчишковъ-съ. — Видѣлъ, спрашиваю, Митрея?—Нѣтъ, говоритъ, не видалъ.—И здѣсь не былъ?—Не былъ, говоритъ, съ третьяго дни. — А ноньѣ гдѣ почевалъ?—А на Пескахъ, говоритъ, у коломенскихъ. — А гдѣ, говорю, тогда серьги взялъ? — А на панели нашелъ, — и говоритъ онъ это такъ, какъ будто-бы неподобно, и не глядя. — А слышалъ, говорю, что вотъ то и то, въ тотъ самый вечеръ и въ томъ часу, по той лѣстницѣ, произошло? Нѣтъ, говоритъ, не слыхалъ, — а самъ слушаетъ, глаза вытараща, и побѣлѣлъ онъ вдругъ, ровно мѣлъ. Я этта ему разсказываю, смотрю, а онъ за шапку и сталъ вставать. Тутъ и захотѣлъ я его задержать: — погоди, Миколай, говорю, аль не выпьешь? А самъ мигнулъ мальчишкѣ чтобы дверь придержалъ, да изъ за стойки-то выхожу: какъ онъ тутъ отъ меня прыснетъ, да на улицу, да бѣгомъ, да въ проулокъ, — только я и видѣлъ его. Тутъ я и сумлѣнія моего рѣшился, потому его грѣхъ, какъ есть»...

— Еще-бы!... проговорилъ Зосимовъ.

— Стой! Конца слушай! Пустились, разумѣется, со всѣхъ ногъ Миколая розыскивать: Душкина задержали и обыскъ произвели, Митрея тоже; нораспотрошили и коломенскихъ,—только вдругъ третьяго дня и приводятъ самого Миколая: задержали его близь —ской заставы, на постояломъ дворѣ. Пришелъ онъ туда, снялъ съ себя крестъ, серебряный, и попросилъ за крестъ шкалику. Дали. Погодя немного минутъ, баба въ коровникъ пошла и видитъ въ щель: онъ рядомъ въ сараѣ къ балкѣ кушакъ привязалъ, петлю сдѣлалъ; сталъ на обрубокъ и хочетъ себѣ петлю на шею надѣть; баба вскрикнула благимъ матомъ, сбѣжались: — «Такъ вотъ ты каковъ!» — «А ведите меня, говоритъ, въ такую-то часть, во всемъ повинюсь». Ну, его съ надлежащими операми и представили въ такую-то часть, сюда то есть. Ну то, се, кто, какъ, сколько лѣтъ — «двадцать два» —и прочее, и прочее. Вопросъ:— «какъ работали съ Митреемъ, не видали-ль кого по лѣстницѣ, вотъ въ такомъ-то и такомъ-то часу?» Отвѣтъ: — «Извѣстно, проходили, можетъ, люди какіе, да намъ не въ примѣту». — А не слыхали-ль чего, шуму какого и прочаго? — «Ничего не слыхали такого особеннаго». — «А было-ль извѣстно тебѣ, Миколаю, въ тотъ самый день, что такую-то вдову въ такой-то день и часъ, съ сестрой ея убили и ограбили?» — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Вверхъ отъ Аѳанасія Павлыча, на третьи сутки, въ распивочной услыхалъ». — «А гдѣ серьги взялъ?» — «На панели нашелъ». — «Почему на другой день не явился съ Митреемъ на работу?» — «Потому этта я загулялъ». —

«А гдѣ гулялъ?» — «А тамъ-то и тамъ-то». — «Почему бѣжалъ отъ Дунькина?» — «Потому ужь испужались мы тогда очинна». — «Чего испужался?» — «А што засудятъ». — «Какъ-же ты могъ испугаться того, коли ты чувствуешь себя ни въ чемъ не виновнымъ?»... Ну вѣришь иль не вѣришь, Зосимовъ, этотъ вопросъ былъ предложенъ, и буквально въ такихъ выраженіяхъ, я положительно знаю, мнѣ вѣрно передали! Каково? Каково?

— Ну, нѣтъ, однако-жь, улики-то существуютъ.

— Да я не про улики теперь, я про вопросъ, про то, какъ они сущность-то свою понимаютъ! Ну, да, чортъ!.. Ну, такъ жали его, жали, нажимали, нажимали, ну и повинился: — «не на панели, дескать, нашелъ, а въ фатерѣ нашелъ, въ которой мы съ Митреемъ мазали». — «Какимъ такимъ манеромъ?» — «А такимъ самымъ манеромъ, что мазали мы этта съ Митреемъ, весь день, до восьми часовъ, и уходить собирались, а Митрей взялъ кисть да мнѣ по рожѣ краской и мазнулъ, мазнулъ этта онъ меня въ рожу краской, да и побѣгъ, а я за нимъ. И бѣгу этта я за нимъ, а самъ кричу благимъ матомъ; а какъ съ лѣстницы въ подворотню выходить,— набѣжалъ я сразмаху на дворника и на господъ, а сколько было съ нимъ господъ не упомню, а дворникъ за то меня обругалъ, а другой дворникъ тоже обругалъ, и дворникова баба выпила, тоже насъ обругала, и господинъ одинъ въ подворотню входилъ, съ дамою, и тоже насъ обругалъ, потому мы съ Митькой поперегъ мѣста легли: я Митьку за волосы схватилъ и повалилъ, и сталъ тузить, а Митька тоже, изъ подъ меня, за волосы меня ухватилъ и сталъ тузить, а дѣлали мы то не по злобѣ, а по всей то есть любви, играючи. А потомъ Митька ослободился да на улицу и побѣгъ, а я за нимъ, да не догналъ и воротился въ фатеру одинъ, —потому прибираться надоть-бы было. Сталъ я собирать и жду Митрея, авось подойдетъ. Да у дверей въ сѣни, за стѣнкой, къ углу, на коробку и наступилъ. Смотрю, лежитъ, въ гумагѣ завернута. Я гумагу-то снялъ, вижу крючочки такіе махочкіе, крючочки-то мы этта поснимали,— анъ въ коробкѣ-то серьги...»

— За дверьми? За дверями лежала? За дверями? вскричалъ вдругъ Раскольниковъ, мутнымъ, испуганнымъ взглядомъ смотря на Разумихина, и медленно приподнялся, опираясь рукой, на диванъ.

— Да... а что? Что съ тобой? Чего ты такъ? — Разумихинъ тоже приподнялся съ мѣста.

— Ничего!... едва слышно отвѣчалъ Раскольниковъ, опускаясь опять на подушку и опять отворачиваясь къ стѣнѣ. Всѣ помолчали немного.

— Задремалъ, должно быть, съ просонья, проговорилъ, наконецъ,

Разумихинъ, вопросительно смотря на Зосимова; тотъ сдѣлалъ легкій, отрицательный знакъ головой.

— Ну, продолжай-же, сказалъ Зосимовъ,—что̀ дальше?

— Да что̀ дальше? Только что онъ увидалъ серьги, какъ тотчасъ-же, забывъ и квартиру, и Митьку, схватилъ шапку и побѣжалъ къ Душкину и, какъ извѣстно, получилъ отъ него рубль, а ему соврадъ, что напелъ на панели, и тотчасъ-же загулялъ. А про убійство подтверждаетъ прежнее: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, только на третій день услыхалъ». — «А зачѣмъ-же ты до сихъ поръ не являлся?» — «Со страху». — «А повѣситься зачѣмъ хотѣлъ?» — «Отъ думы». — «Отъ какой думы?» — «А што засудятъ». — Ну, вотъ и вся исторія. Теперь, какъ думаешь, что̀ они отсюда извлекли?

— Да чего думать-то, слѣдъ есть, хоть какой да есть. Фактъ Не на волю-жь выпустить твоего красильщика?

— Да вѣдь они-жь его прямо въ убійцы теперь записали! У нихъ ужь и сомнѣній нѣтъ никакихъ...

— Да врешь: горячишься. Ну, а серьги? Согласись самъ, что коли въ тотъ самый день и часъ къ Николаю изъ старухина сундука попадаютъ серьги въ руки,—согласись самъ, что они какъ нибудь да должны-же были попасть? Это не мало при такомъ слѣдствіи.

— Какъ попали! Какъ попали? вскричалъ Разумихинъ—и неужели ты, докторъ, ты, который, прежде всего, человѣка изучать обязанъ и имѣешь случай, скорѣй всякаго другаго, натуру человѣческую изучить,—неужели ты не видишь, по всѣмъ этимъ даннымъ, что это за натура, этотъ Николай? Неужели не видишь, съ перваго-же разу, что все что̀ онъ показалъ при допросахъ святѣйшая правда есть? Точнехонько такъ и попали въ руки какъ онъ показалъ. Наступилъ на коробку и поднялъ!

— Святѣйшая правда! Однакожь самъ признался, что съ перваго разу солгалъ?

— Слушай меня, слушай внимательно: и дворникъ, и Кохъ, и Пестряковъ, и другой дворникъ, и жена перваго дворника, и мѣщанка что̀ о ту пору у ней въ дворницкой сидѣла, и надворный совѣтникъ Крюковъ, который въ эту самую минуту съ извощика всталъ и въ подворотню входилъ объ руку съ дамою,—всѣ, то есть восемь или десять свидѣтелей, единогласно показываютъ, что Николай придавилъ Дмитрія къ землѣ, лежалъ на немъ и его тузилъ, а тотъ ему въ волосы вцѣпился и тоже тузилъ. Лежатъ они поперегъ дороги и проходъ загораживаютъ; ихъ ругаютъ со всѣхъ сторонъ, а они, «какъ малые ребята» (буквальное выраженіе свидѣ-

телей), лежатъ другъ на другѣ, визжатъ, дерутся и хохочутъ, оба хохочутъ въ запуски, съ самыми смѣшными рожами, и одинъ другаго догонять, точно дѣти, на улицу выбѣжали. Слышалъ? Теперь строго замѣть себѣ: тѣла на верху еще теплыя, слышишь, теплыя, такъ нашли ихъ! Если убили они, или только одинъ Николай, и при этомъ ограбили сундуки со взломомъ, или только участвовали чѣмъ нибудь въ грабежѣ, то позволь тебѣ задать всего только одинъ вопросъ: сходится-ли подобное душевное настроеніе, то есть взвизги, хохотъ, ребяческая драка подъ воротами,—съ топорами, съ кровью, съ злодѣйскою хитростью, осторожностью, грабежомъ? Тотчасъ-же убили, всего какихъ нибудь пять или десять минутъ назадъ,—потому такъ выходитъ, тѣла еще теплыя,—и вдругъ бросивъ и тѣла, и квартиру отпертую, и зная что сейчасъ туда люди пришли, и добычу бросивъ, они, какъ малые ребята, валяются на дорогѣ, хохочутъ, всеобщее вниманіе на себя привлекаютъ, и этому десять единогласныхъ свидѣтелей есть!

— Конечно странно! Разумѣется невозможно, но...

— Нѣтъ брать не *но*, а если серьги, въ тотъ-же день и часъ очутившіяся у Николая въ рукахъ, дѣйствительно составляютъ важную фактическую противъ него контру — однакожь прямо объясняемую его показаніями, слѣдственно еще *спорную контру*,— то надо-же взять въ соображеніе факты и оправдательные, и тѣмъ паче что они факты *неотразимые*. А какъ ты думаешь, по характеру нашей юриспруденціи, примутъ, или способны-ль они принять такой фактъ,—основанный единственно только на одной психологической невозможности, на одномъ только душевномъ настроеніи,— за фактъ неотразимый и всѣ обвинительные и вещественные факты, каковы-бы они ни были, разрушающій? Нѣтъ, не примутъ, не примутъ ни за что, потому-де коробку нашли и человѣкъ удавиться хотѣлъ, «чего не могло быть, еслибъ не чувствовалъ себя виноватымъ!» Вотъ капитальный вопросъ, вотъ изъ чего горячусь я! Пойми!

— Да я и вижу, что ты горячишься. Постой, забылъ спросить: чѣмъ доказано, что коробка съ серьгами дѣйствительно изъ старухина сундука?

— Это доказано, отвѣчалъ Разумихинъ, нахмурясь и какъ-бы нехотя; — Кохъ узналъ вещь и закладчика указалъ, а тотъ положительно доказалъ, что вещь точно его.

— Плохо. Теперь еще: не видалъ-ли кто нибудь Николая въ то время когда Кохъ да Нестряковъ на верхъ прошли, и нельзя-ли это чѣмъ нибудь доказать?

— То-то и есть что никто не видалъ, отвѣчалъ Разумихинъ съ досадой, — то-то и скверно; даже Кохъ съ Нестряковымъ ихъ

не замѣтили, когда наверхъ проходили, хотя ихъ свидѣтельство и не очень много-бы теперь значило. «Видѣли, говорятъ, что квартира отпертая, что въ ней, должно быть, работали, но проходя вниманія не обратили, и не помнимъ точно, были-ли тамъ въ ту минуту работники, или нѣтъ».

— Гм. Стало быть, всего только и есть оправданія, что тузили другъ друга и хохотали. Положимъ, это сильное доказательство, но... Позволь теперь: какъ-же ты самъ-то весь фактъ объясняешь? Находку серегъ чѣмъ объясняешь, коли дѣйствительно онъ ихъ такъ нашелъ какъ показываетъ?

— Чѣмъ объясняю? Да чего тутъ объяснять: дѣло ясное! По крайней мѣрѣ, дорога, по которой надо дѣло вести, ясна и доказана, и именно коробка доказала ее. Настоящій убійца обронилъ эти серьги. Убійца былъ наверху, когда Кохъ и Пестряковъ стучались, и сидѣлъ на запорѣ. Кохъ сдурилъ и пошелъ внизъ; тутъ убійца выскочилъ и побѣжалъ тоже внизъ, потому никакого другаго у него не было выхода. На лѣстницѣ спрятался онъ отъ Коха, Пестрякова и дворника въ пустую квартиру, именно въ ту минуту, когда Дмитрій и Николай изъ нея выбѣжали, простоялъ за дверью, когда дворникъ и тѣ проходили наверхъ, переждалъ пока затихли шаги, и сошелъ себѣ внизъ преспокойно, ровно въ ту самую минуту, когда Дмитрій съ Николаемъ на улицу выбѣжали, и всѣ разошлись, и никого подъ воротами не осталось. Можетъ, и видѣли его, да не замѣтили: мало-ли народу проходитъ? А коробку онъ выронилъ изъ кармана, когда за дверью стоялъ, и не замѣтилъ что выронилъ, потому не до того ему было. Коробка-же ясно доказываетъ, что онъ именно тамъ стоялъ. Вотъ и вся штука!

— Хитро! Нѣтъ, братъ, это хитро. Это хитрѣе всего!

— Да почему-же, почему-же?

— Да потому что слишкомъ ужъ все удачно сошлось... и сплелось... точно какъ на театрѣ.

— Э-эхъ! вскричалъ было Разумихинъ, но въ эту минуту отворилась дверь, и вошло одно новое, незнакомое ни одному изъ присутствующихъ, лицо.

V.

Это былъ господинъ немолодыхъ уже лѣтъ, чопорный, осанистый, съ осторожною и брюзгливою физіономіей, который началъ тѣмъ, что остановился въ дверяхъ, озираясь кругомъ съ обидно нескрываемымъ удивленіемъ и какъ будто спрашивая взглядами: «куда-жъ это я попалъ?» Недовѣрчиво и даже съ аффектаціей нѣкотораго испуга, чуть-ли даже не оскорбленія, озиралъ онъ тѣсную и низкую «морскую каюту» Раскольникова. Съ тѣмъ-же удивленіемъ перевелъ и уставилъ потомъ глаза на самаго Раскольникова, раздѣтаго, всклокоченнаго, немытаго, лежавшаго на мизерномъ грязномъ своемъ диванѣ и тоже неподвижно его разсматривавшаго. Затѣмъ, съ тою-же медлительностью, сталъ разсматривать растрепанную, небритую и нечесаную фигуру Разумихина, который въ свою очередь дерзко-вопросительно глядѣлъ ему прямо въ глаза, не двигаясь съ мѣста. Напряженное молчаніе длилось съ минуту, и наконецъ, какъ и слѣдовало ожидать, произошла маленькая перемѣна декораціи. Сообразивъ, должно быть, по нѣкоторымъ, весьма впрочемъ рѣзкимъ, даннымъ, что преувеличенно-строгою осанкой здѣсь, въ этой «морской каютѣ», ровно ничего не возьмешь, вошедшій господинъ нѣсколько смягчился и вѣжливо, хотя и не безъ строгости, произнесъ, обращаясь къ Зосимову и отчеканивая каждый слогъ своего вопроса:

— Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, господинъ студентъ или бывшій студентъ?

Зосимовъ медленно шевельнулся и, можетъ быть, и отвѣтилъ-бы, если-бы Разумихинъ, къ которому вовсе не относились, не предупредилъ его тотчасъ-же:

— А вонъ онъ лежитъ на диванѣ! А вамъ что̀ нужно?

Это фамиліарное «а вамъ что̀ нужно?» такъ и подѣйствовало чопорнаго господина; онъ даже чуть было не поворотился къ Разумихину, но успѣлъ таки сдержать себя во время и поскорѣе повернулся опять къ Зосимову.

— Вотъ Раскольниковъ! промямлилъ Зосимовъ, кивнувъ на больнаго, затѣмъ зѣвнулъ, причемъ какъ-то необыкновенно много раскрылъ свой ротъ и необыкновенно долго держалъ его въ такомъ положеніи. Потомъ медленно потащился въ свой жилетный карманъ, вынулъ огромнѣйшіе выпуклые глухіе золотые часы, раскрылъ, посмотрѣлъ и также медленно и лѣнивo потащился опять ихъ укладывать.

Самъ Раскольниковъ все время лежалъ молча, навзничь, и упорно, хотя и безъ всякой мысли, глядѣлъ на вошедшаго. Лицо его, отвернувшееся теперь отъ любопытнаго цвѣтка на обояхъ, было чрезвычайно блѣдно и выражало необыкновенное страданіе, какъ будто онъ только что перенесъ мучительную операцію или выпустили его сейчасъ изъ подъ пытки. Но вошедшій господинъ мало по малу сталъ возбуждать въ немъ все больше и больше вниманія, потомъ недоумѣнія, потомъ недовѣрчивости и даже какъ будто боязни. Когда-же Зосимовъ, указавъ на него, проговорилъ: «вотъ Раскольниковъ», онъ вдругъ быстро приподнявшись, точно привскочивъ, сѣлъ на постели и почти вызывающимъ, но прерывистымъ и слабымъ голосомъ произнесъ:

— Да! Я Раскольниковъ! Что вамъ надо?

Гость внимательно посмотрѣлъ и внушительно произнесъ:

— Петръ Петровичъ Лужинъ. Я въ полной надеждѣ, что имя мое не совсѣмъ уже вамъ безъизвѣстно.

Но Раскольниковъ, ожидавшій чего-то совсѣмъ другаго, тупо и задумчиво посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ, какъ будто имя Петра Петровича слышалъ онъ рѣшительно въ первый разъ.

— Какъ? Неужели вы до сихъ поръ не изволили еще получить никакихъ извѣстій? спросилъ Петръ Петровичъ, нѣсколько коробясь.

Въ отвѣтъ на это Раскольниковъ медленно опустился на подушку, закинулъ руки за голову и сталъ смотрѣть въ потолокъ. Тоска проглянула въ лицѣ Лужина. Зосимовъ и Разумихинъ еще съ бо́льшимъ любопытствомъ принялись его оглядывать, и онъ видимо наконецъ сконфузился.

— Я предполагалъ и разсчитывалъ, замямлилъ онъ, — что письмо, пущенное уже слишкомъ десять дней, даже чуть-ли не двѣ недѣли...

— Послушайте, чтожь вамъ все стоять у дверей-то? перебилъ вдругъ Разумихинъ:—коли имѣете что объяснить, такъ садитесь, а обоимъ вамъ съ Настасьей, тамъ тѣсно. Настасьюшка, посторонись, дай пройти! Проходите, вотъ вамъ стулъ, сюда! Пролѣзайте-же!

Онъ отодвинулъ свой стулъ отъ стола, высвободилъ немного пространства между столомъ и своими колѣнями и ждалъ нѣсколько въ напряженномъ положеніи, чтобы гость «пролѣзъ» въ эту щелочку. Минута была такъ выбрана, что никакъ нельзя было отказаться, и гость полѣзъ черезъ узкое пространство, торопясь и спотыкаясь. Достигнувъ стула, онъ сѣлъ и мнительно поглядѣлъ на Разумихина.

— Вы, впрочемъ, не конфузьтесь, брякнулъ тотъ: — Родя ня-

тый день уже болѣнъ и три дня бредилъ, а теперь очнулся и даже ѣлъ съ аппетитомъ. Это, вотъ, его докторъ сидитъ, только-что его осмотрѣлъ, а я товарищъ Родькинъ, тоже бывшій студентъ, и теперь вотъ съ нимъ няньчусь; такъ вы насъ не считайте и не стѣсняйтесь, а продолжайте что̀ вамъ тамъ надо.

— Благодарю васъ. Не обезпокою-ли я однако больнаго своимъ присутствіемъ и разговоромъ? обратился Петръ Петровичъ къ Зосимову.

— Н-нѣтъ, промямлилъ Зосимовъ, — даже развлечь можете, и опять зѣвнулъ.

— О, онъ давно уже въ памяти, съ утра! продолжалъ Разумихинъ, фамиліарность котораго имѣла видъ такого неподдѣльнаго простодушія, что Петръ Петровичъ подумалъ и сталъ ободряться, можетъ быть, отчасти и потому что этотъ оборванецъ и нахалъ успѣлъ таки отрекомендоваться студентомъ.

— Ваша мамаша... началъ Лужинъ.

— Гм! громко сдѣлалъ Разумихинъ. Лужинъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ничего, я такъ; ступайте...

Лужинъ пожалъ плечами.

— .... Ваша мамаша, еще въ бытность мою при нихъ, начала къ вамъ письмо. Пріѣхавъ сюда, я нарочно пропустилъ нѣсколько дней и не приходилъ къ вамъ, чтобъ ужь быть вполнѣ увѣреннымъ что вы извѣщены обо всемъ; но теперь, къ удивленію моему...

— Знаю, знаю! проговорилъ вдругъ Раскольниковъ, съ выраженіемъ самой нетерпѣливой досады.

— Это вы? Женихъ? Ну, знаю!.. и довольно!...

Петръ Петровичъ рѣшительно обидѣлся, но смолчалъ. Онъ усиленно силился сообразить что̀ все это значитъ? Съ минуту продолжалось молчаніе.

Между тѣмъ Раскольниковъ, слегка было оборотившійся къ нему при отвѣтѣ, принялся вдругъ его снова разсматривать пристально и съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, какъ будто давеча еще не успѣлъ его разсмотрѣть всего или какъ будто что-то новое въ немъ его поразило: даже приподнялся для этого нарочно съ подушки. Дѣйствительно, въ общемъ видѣ Петра Петровича поражало какъ-бы что-то особенное, а именно, нѣчто какъ-бы оправдывавшее названіе «жениха», такъ безцеремонно ему сейчасъ данное. Во первыхъ, было видно и даже слишкомъ замѣтно, что Петръ Петровичъ усиленно поспѣшилъ воспользоваться нѣсколькими днями въ столицѣ чтобъ успѣть принарядиться и прикраситься въ ожиданіи невѣсты, что̀ впрочемъ было весьма невинно и позволи-

тельно. Даже собственное, можетъ быть, даже слишкомъ самодовольное собственное сознаніе своей пріятной перемѣны къ лучшему могло-бы быть прощено для такого случая, ибо Петръ Петровичъ состоялъ на линіи жениха. Все платье его было только что отъ портнаго, и все было хорошо, кромѣ развѣ того только, что все было слишкомъ новое и слишкомъ обличало извѣстную цѣль. Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа объ этой цѣли свидѣтельствовала: Петръ Петровичъ какъ-то ужь слишкомъ почтительно съ ней обращался и слишкомъ осторожно держалъ ее въ рукахъ. Даже прелестная пара сиреневыхъ, настоящихъ Жувеневскихъ, перчатокъ свидѣтельствовала тоже самое, хотя-бы тѣмъ однимъ, что ихъ не надѣвали, а только носили въ рукахъ для параду. Въ одеждѣ-же Петра Петровича преобладали цвѣта свѣтлые и юношественные. На немъ былъ хорошенькій лѣтній пиджакъ свѣтло-коричневаго оттѣнка, свѣтлые легкіе брюки, таковая-же жилетка, только что купленное тонкое бѣлье, батистовый самый легкій галстучекъ съ розовыми полосками, и что̀ всего лучше: все это было даже къ лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свѣжее и даже красивое, и безъ того казалось моложе своихъ сорока пяти лѣтъ. Темные бакенбарды пріятно осѣняли его съ обѣихъ сторонъ, въ видѣ двухъ котлетъ, и весьма красиво сгущались возлѣ свѣтло-выбритаго блестящаго подбородка. Даже волосы, впрочемъ чуть-чуть лишь съ просѣдью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этимъ обстоятельствомъ ничего смѣшнаго или какого нибудь глупаго вида, что̀ обыкновенно всегда бываетъ при завитыхъ волосахъ, ибо придаетъ лицу неизбѣжное сходство съ Нѣмцемъ идущимъ подъ вѣнецъ. Если-же и было что нибудь въ этой довольно красивой и солидной физіономіи дѣйствительно непріятное и отталкивающее, то происходило уже отъ другихъ причинъ. Разсмотрѣвъ безъ церемоніи г. Лужина, Раскольниковъ ядовито улыбнулся, снова опустился на подушку и сталъ по прежнему глядѣть въ потолокъ.

Но господинъ Лужинъ скрѣпился и, кажется, рѣшился не примѣчать до времени всѣхъ этихъ странностей.

— Жалѣю весьма и весьма, что нахожу васъ въ такомъ положеніи, началъ онъ снова, съ усиліемъ прерывая молчаніе. — Еслибъ зналъ о вашемъ нездоровьи, зашелъ-бы раньше. Но, знаете, хлопоты!... Имѣю къ тому-же весьма важное дѣло по моей адвокатской части въ сенатѣ. Не упоминаю уже о тѣхъ заботахъ, которыя и вы угадаете. Вашихъ, то есть маману и сестрицу, жду съ часу на часъ...

Раскольниковъ пошевелился и хотѣлъ было что-то сказать: лицо его выразило нѣкоторое волненіе. Петръ Петровичъ пріостановился,

выждалъ, но такъ какъ ничего не послѣдовало, то и продолжалъ:

— .... Съ часу на часъ. Пріискалъ имъ на первый случай квартиру...

— Гдѣ? слабо выговорилъ Раскольниковъ.

— Весьма не далеко отсюда, домъ Бакалѣева...

— Это на Вознесенскомъ, перебилъ Разумихинъ, — тамъ два этажа подъ нумерами; купецъ Юшинъ содержитъ; бывалъ.

— Да, нумера-съ...

— Скверность ужаснѣйшая: грязь, вонь, да и подозрительное мѣсто; штуки случались; да и чортъ знаетъ кто не живетъ!... Я и самъ-то заходилъ по скандальному случаю. Дешево впрочемъ.

— Я, конечно, не могъ собрать столькихъ свѣдѣній, такъ какъ и самъ человѣкъ новый, щекотливо возразилъ Петръ Петровичъ,— но, впрочемъ, двѣ весьма и весьма чистенькія комнаты, а такъ какъ это на весьма короткій срокъ... Я пріискалъ уже настоящую, то есть будущую нашу квартиру, оборотился онъ къ Раскольникову,—и теперь ее отдѣлываютъ; а покамѣстъ и самъ тѣснюсь въ нумерахъ, два шага отсюда, у г-жи Липпевехзель, въ квартирѣ одного моего молодаго друга, Андрея Семеныча Лебезятникова; онъто мнѣ и домъ Бакалѣева указалъ...

— Лебезятникова? медленно проговорилъ Раскольниковъ, какъбы что-то припоминая.

— Да, Андрей Семенычъ Лебезятниковъ, служащій въ министерствѣ. Изволите знать?

— Да... нѣтъ... отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Извините, мнѣ такъ показалось по вашему вопросу. Я былъ когда-то опекуномъ его... очень милый молодой человѣкъ... и слѣдящій... Я-же радъ встрѣчать молодежь: по ней узнаешь что̀ новаго. — Петръ Петровичъ съ надеждой оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ.

— Это въ какомъ отношеніи? спросилъ Разумихинъ.

— Въ самомъ серіозномъ, такъ сказать въ самой сущности дѣла, подхватилъ Петръ Петровичъ, какъ-бы обрадовавшись вопросу.—Я, видите-ли, уже десять лѣтъ не посѣщалъ Петербурга. Всѣ эти наши новости, реформы, идеи, все это и до насъ прикоснулось въ провинціи; но чтобы видѣть яснѣе и видѣть все, надобно быть въ Петербургѣ. Ну-съ, а моя мысль именно такова, что всего больше замѣтишь и узнаешь, наблюдая молодыя поколѣнія наши. И признаюсь: порадовался...

— Чему именно?

— Вопросъ вашъ обширенъ. Могу ошибаться, но, кажется мнѣ,

нахожу болѣе ясный взглядъ, болѣе, такъ сказать, критики; болѣе дѣловитости...

— Это правда, процѣдилъ Зосимовъ.

— Врешь ты, дѣловитости нѣтъ, вцѣпился Разумихинъ.—Дѣловитость пріобрѣтается трудно, а съ неба даромъ не слетаетъ. А мы чуть не двѣсти лѣтъ какъ отъ всякаго дѣла отучены... Идетто, пожалуй, и бродятъ, обратился онъ къ Петру Петровичу,— и желаніе добра есть, хоть и дѣтское; и честность даже найдется, не смотря на то что тутъ видимо-невидимо привалило мошенниковъ, а дѣловитости все-таки нѣтъ! Дѣловитость въ сапогахъ ходитъ.

— Не соглашусь съ вами, съ видимымъ наслажденіемъ возразилъ Петръ Петровичъ;—конечно, есть увлеченія, неправильности, но надо быть и снисходительнымъ; увлеченія свидѣтельствуютъ о горячности къ дѣлу и о той неправильной внѣшней обстановкѣ, въ которой находится дѣло. Если-же сдѣлано мало, то вѣдь и времени было немного. О средствахъ и не говорю. По моему-же личному взгляду, если хотите, даже нѣчто и сдѣлано: распространены новыя, полезныя мысли, распространены нѣкоторыя новыя, полезныя сочиненія, вмѣсто прежнихъ мечтательныхъ и романическихъ; литература принимаетъ болѣе зрѣлый оттѣнокъ; искоренено и осмѣяно много вредныхъ предубѣжденій... Однимъ словомъ, мы безвозвратно отрѣзали себя отъ прошедшаго, а это, по моему, ужь дѣло-съ...

— Затвердилъ! Рекомендуется, произнесъ вдругъ Раскольниковъ.

— Что-съ? спросилъ Петръ Петровичъ, не разслышавъ, но не получилъ отвѣта.

— Это все справедливо, поспѣшилъ вставить Зосимовъ.

— Не правда-ли-съ? продолжалъ Петръ Петровичъ, пріятно взглянувъ на Зосимова.—Согласитесь сами, продолжалъ онъ, обращаясь къ Разумихину, но уже съ оттѣнкомъ нѣкотораго торжества и превосходства, и чуть было не прибавилъ: «молодой человѣкъ»,—что есть преусиѣяніе, или, какъ говорятъ теперь, прогрессъ, хотя-бы во имя науки и экономической правды...

— Общее мѣсто!

— Нѣтъ, не общее мѣсто-съ! Если мнѣ, напримѣръ, до сихъ поръ говорили: «возлюби» и я возлюблялъ, то что̀ изъ того выходило? продолжалъ Петръ Петровичъ, можетъ быть, съ излишнею поспѣшностью: —выходило то, что я рвалъ кафтанъ пополамъ, дѣлился съ ближнимъ, и оба мы оставались на половину голы, по русской пословицѣ: Пойдешь за нѣсколькими зайцами разомъ и ни одного не достигнешь». Наука-же говоритъ: возлюби, прежде всѣхъ, одного себя, ибо все на свѣтѣ на личномъ интересѣ основано. Воз-

любишь одного себя, то и дѣла свои обдѣлаешь какъ слѣдуетъ, и кафтанъ твой останется цѣлъ. Экономическая-же правда прибавляетъ, что чѣмъ болѣе въ обществѣ устроенныхъ частныхъ дѣлъ и, такъ сказать, цѣлыхъ кафтановъ, тѣмъ болѣе для него твердыхъ основаній и тѣмъ болѣе устраивается въ немъ и общее дѣло. Стало быть, пріобрѣтая единственно и исключительно себѣ, я именно тѣмъ самымъ пріобрѣтаю какъ-бы и всѣмъ, и веду къ тому, чтобы ближній получилъ нѣсколько болѣе рванаго кафтана, и уже не отъ частныхъ, единичныхъ щедротъ, а вслѣдствіе всеобщаго преуспѣянія. Мысль простая, но, къ несчастью, слишкомъ долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностію, а, казалось-бы, немного надо остроумія чтобы догадаться...

— Извините, я тоже неостроуменъ, рѣзко перебилъ Разумихинъ,—а потому перестанемте. Я вѣдь и заговорилъ съ цѣлію, а то мнѣ вся эта болтовня-себятѣшеніе, всѣ эти неумолчныя, безпрерывныя общія мѣста, и все тоже да все тоже, до того въ три года опротивѣли, что ей Богу краснѣю, когда и другіе-то, не то что я, при мнѣ заговорятъ. Вы, разумѣется, сѣвши отрекомендоваться въ своихъ познаніяхъ, это очень простительно, и я не осуждаю. Я-же хотѣлъ только узнать теперь кто вы такой; потому что, видите-ли, къ общему-то дѣлу въ послѣднее время прицѣпилось столько разныхъ промышленниковъ, и до того исказили они все, къ чему ни прикоснулись, въ свой интересъ, что рѣшительно все дѣло испакостили. Ну-съ, и довольно!

— Милостивый государь, началъ было г. Лужинъ, коробясь съ чрезвычайнымъ достоинствомъ,—не хотите-ли вы, столь безцеремонно, изъяснить, что и я...

— О, помилуйте, помилуйте... Могъ-ли я!.. Ну-съ, и довольно! отрѣзалъ Разумихинъ, и круто повернулся съ продолженіемъ давешняго разговора къ Зосимову.

Петръ Петровичъ оказался настолько уменъ чтобы тотчасъ-же объясненію повѣрить. Онъ впрочемъ рѣшилъ черезъ двѣ минуты уйти.

— Надѣюсь, что начатое теперь знакомство наше, обратился онъ къ Раскольникову,—послѣ вашего выздоровленія, и въ виду извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ, укрѣпится еще болѣе... Особенно же желаю вамъ здоровья...

Раскольниковъ даже головы не повернулъ. Петръ Петровичъ началъ вставать со стула.

— Убилъ непремѣнно закладчикъ! утвердительно говорилъ Зосимовъ.

— Непремѣнно закладчикъ! поддакнулъ Разумихинъ.—Порфи-

рій своихъ мыслей не выдастъ, а закладчиковъ все-таки допра-шиваетъ...

— Закладчиковъ допрашиваетъ? громко спросилъ Раскольни-ковъ.

— Да, а что?

— Ничего.

— Откуда онъ ихъ беретъ? спросилъ Зосимовъ.

— Иныхъ Кохъ указалъ; другихъ имена были на оберткахъ вещей записаны, а иные и сами пришли, какъ прослышали...

— Ну, ловкая-же и опытная, должно быть, каналья! Какая смѣ-лость! Какая рѣшимость!

— Вотъ то-то и есть что нѣтъ! прервалъ Разумихинъ.—Это-то васъ всѣхъ и сбиваетъ съ пути. А я говорю—неловкій, не-опытный, и навѣрно это былъ первый шагъ! Предположи раз-счетъ и ловкую каналью, и выйдетъ невѣроятно. Предположи-же неопытнаго, и выйдетъ, что одинъ только случай его изъ бѣды и вынесъ, а случай чего не дѣлаетъ? Помилуй, да онъ и препятствій-то, можетъ быть, не предвидѣлъ! А какъ дѣло ведетъ?—беретъ де-сяти, двадцати-рублевыя вещи, набиваетъ ими карманъ, роется въ бабьей укладкѣ, въ тряпьѣ,—а въ комодѣ, въ верхнемъ ящикѣ, въ шкатулкѣ, одинъ чистыхъ денегъ на полторы тысячи нашли, кромѣ билетовъ! И ограбить-то не умѣлъ, только и съумѣлъ что убить! Первый шагъ, говорю тебѣ, первый шагъ: потерялся! И не раз-счетомъ, а случаемъ вывернулся!

— Это, кажется, о недавнемъ убійствѣ старухи-чиновницы, вмѣшался, обращаясь къ Зосимову, Петръ Петровичъ, уже стоя со шляпой въ рукѣ и перчатками, но передъ уходомъ пожелавъ бро-сить еще нѣсколько умныхъ словъ. Онъ видимо хлопоталъ о вы-годномъ впечатлѣніи, и тщеславіе перебороло благоразуміе.

— Да. Вы слышали?

— Какъ-же-съ, въ сосѣдствѣ...

— Въ подробности знаете?

— Не могу сказать; но меня интересуетъ при этомъ другое обстоятельство, такъ сказать, цѣлый вопросъ. Не говорю уже о томъ, что преступленія въ низшемъ классѣ, въ послѣднія лѣтъ пять, увеличились; не говорю о повсемѣстныхъ и безпрерывныхъ грабе-жахъ и пожарахъ; страннѣе всего то, для меня, что преступленія и въ высшихъ классахъ такимъ-же образомъ увеличиваются и, такъ сказать, параллельно. Тамъ, слышно, бывшій студентъ на большой дорогѣ почту разбилъ; тамъ передовые, по общественному своему положенію, люди—фальшивыя бумажки дѣлаютъ; тамъ, въ Москвѣ, ловятъ цѣлую компанію поддѣлывателей билетовъ послѣд-

няго займа съ лотереей,—и въ главныхъ участникахъ одинъ лекторъ всемірной исторіи; тамъ убиваютъ нашего секретаря за границей, по причинѣ денежной и загадочной... И если теперь эта старуха-процентщица убита однимъ изъ общества болѣе высшаго, ибо мужики не закладываютъ золотыхъ вещей, то чѣмъ-же объяснить эту съ одной стороны распущенность цивилизованной части нашего общества?

— Перемѣнъ экономическихъ много... отозвался Зосимовъ.

— Чѣмъ объяснить? прицѣпился Разумихинъ.—А вотъ именно закоренѣлою слишкомъ недѣловитостью и можно-бы объяснить.

— То есть, какъ это-съ?

— А что отвѣчалъ въ Москвѣ, вотъ лекторъ-то вашъ, на вопросъ зачѣмъ онъ билеты поддѣлывалъ: «Всѣ богатѣютъ разными способами, такъ и мнѣ поскорѣй захотѣлось разбогатѣть». Точныхъ словъ не помню, но смыслъ, что на даровщинку, поскорѣй, безъ труда! На всемъ готовомъ привыкли жить, на чужихъ помочахъ ходить, жеванное ѣсть. Ну, а пробилъ часъ великій, тутъ всякъ и объявился чѣмъ смотритъ...

— Но, однакоже, нравственность? И, такъ сказать, правила...

— Да объ чемъ вы хлопочете? неожиданно вмѣшался Раскольниковъ.—По вашей-же вышло теоріи!

— Какъ такъ по моей теоріи?

— А доведите до послѣдствій что вы давеча проповѣдывали, и выйдетъ что людей можно рѣзать...

— Помилуйте! вскричалъ Лужинъ.

— Нѣтъ, это не такъ! отозвался Зосимовъ.

Раскольниковъ лежалъ блѣдный, съ вздрагивающею верхнею губой и трудно дышалъ.

— На все есть мѣра, высомѣрно продолжалъ Лужинъ;—экономическая идея еще не есть приглашеніе къ убійству, и если только предположить...

— А правда-ль, что вы, перебилъ вдругъ опять Раскольниковъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ, въ которомъ слышалась какая-то радость обиды,—правда-ль, что вы сказали вашей невѣстѣ... въ тотъ самый часъ какъ отъ нея согласіе получили, что всего больше рады тому... что она нищая... потому что выгоднѣе брать жену изъ нищеты, чтобъ потомъ надъ ней властвовать... и попрекать тѣмъ, что она вами облагодѣтельствована?..

— Милостивый государь! злобно и раздражительно вскричалъ Лужинъ, весь вспыхнувъ и смѣшавшись:—милостивый государь... такъ исказить мысль! Извините меня, но я долженъ вамъ высказать, что слухи до васъ дошедшіе, или лучше сказать, до васъ

доведенные, не имѣютъ и тѣни здраваго основанія, и я... подозрѣваю кто... однимъ словомъ... эта стрѣла... однимъ словомъ, ваша мамаша. . Она и безъ того показалась мнѣ, при всѣхъ, впрочемъ, своихъ превосходныхъ качествахъ, нѣсколько восторженнаго и романическаго оттѣнка въ мысляхъ... Но я все-таки былъ въ тысячѣ верстахъ отъ предположенія, что она въ такомъ извращенномъ фантазіей видѣ могла понять и представить дѣло... И наконецъ... наконецъ...

— А знаете что? вскричалъ Раскольниковъ, приподнимаясь на подушкѣ и смотря на него въ упоръ пронзительнымъ, сверкающимъ взглядомъ:—знаете что?

— А что-съ? Лужинъ остановился и ждалъ съ обиженнымъ и вызывающимъ видомъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— А то, что если вы еще разъ... осмѣлитесь упомянуть хоть одно слово... о моей матери... то я васъ съ лѣстницы кувыркомъ спущу!

— Что съ тобой! крикнулъ Разумихинъ.

— А, такъ вотъ оно что-съ!—Лужинъ побѣдилъ и закусилъ губу. — Слушайте, сударь, меня, началъ онъ съ разстановкой и сдерживая себя всѣми силами, но все-таки задыхаясь,—я еще давеча, съ перваго шагу, разгадалъ вашу непріязнь, но нарочно оставался здѣсь чтобъ узнать еще болѣе. Многое я-бы могъ простить больному и родственнику, но теперь... вамъ... никогда-съ...

— Я не боленъ! вскричалъ Раскольниковъ.

— Тѣмъ паче-съ...

— Убирайтесь къ чорту!

Но Лужинъ уже выходилъ самъ, не докончивъ рѣчи, пролѣзая снова между столомъ и стуломъ; Разумихинъ на этотъ разъ всталъ, чтобы пропустить его. Не глядя ни на кого и даже не кивнувъ головой Зосимову, который давно уже кивалъ ему, чтобъ онъ оставилъ въ покоѣ больнаго, Лужинъ вышелъ, приподнявъ изъ осторожности рядомъ съ плечомъ свою шляпу, когда, пригнувшись, проходилъ въ дверь. И даже въ изгибѣ спины его какъ-бы выражалось при этомъ случаѣ, что онъ уноситъ съ собой ужасное оскорбленіе.

— Можно-ли, можно-ли такъ? говорилъ озадаченный Разумихинъ, качая головой.

— Оставьте, оставьте меня всѣ! въ изступленіи вскричалъ Раскольниковъ. — Да оставите-ли вы меня наконецъ, мучители! Я васъ не боюсь! Я никого, никого теперь не боюсь! Прочь отъ меня! Я одинъ хочу быть, одинъ, одинъ, одинъ!

— Пойдемъ! сказалъ Зосимовъ, кивнувъ Разумихину.

— Помилуй, да развѣ можно его такъ оставлять.

— Пойдемъ! настойчиво повторилъ Зосимовъ и вышелъ. Разумихинъ подумалъ и побѣжалъ догонять его.

— Хуже могло быть, еслибы мы его не послушались, сказалъ Зосимовъ, уже на лѣстницѣ.—Раздражать невозможно...

— Что съ нимъ?

— Еслибы только толчокъ ему какой нибудь благопріятный, вотъ-бы чего! Давеча онъ былъ въ силахъ... Знаешь, у него что-то есть на умѣ! Что-то неподвижное, тяготящее... Этого я очень боюсь; непремѣнно!

— Да вотъ этотъ господинъ, можетъ быть, Петръ-то Петровичъ! По разговору видно, что онъ женится на его сестрѣ и что Родя объ этомъ, передъ самой болѣзнью, письмо получилъ...

— Да; чортъ его принесъ теперь; можетъ быть, разстроилъ все дѣло. А замѣтилъ ты, что онъ ко всему равнодушенъ, на все отмалчивается, кромѣ одного пункта, отъ котораго изъ себя выходитъ: это убійство...

— Да, да! подхватилъ Разумихинъ;—очень замѣтилъ! Интересуется, пугается. Это его въ самый день болѣзни напугали, въ конторѣ у надзирателя; въ обморокъ упалъ.

— Ты мнѣ это разскажи подробнѣе вечеромъ, а я тебѣ кое-что потомъ скажу. Интересуетъ онъ меня, очень! Черезъ полчаса зайду навѣдаться... Воспаленія, впрочемъ, не будетъ...

— Спасибо тебѣ! А я у Пашеньки тѣмъ временемъ подожду и буду наблюдать черезъ Настасью...

Раскольниковъ, оставшись одинъ, съ нетерпѣніемъ и тоской поглядѣлъ на Настасью; но та еще медлила уходить.

— Чаю-то теперь выпьешь? спросила она.

— Послѣ! Я спать хочу! Оставь меня...

Онъ судорожно отвернулся къ стѣнѣ; Настасья вышла.

VI.

Но только что она вышла, онъ всталъ, заложилъ крючкомъ дверь, развязалъ принесенный давеча Разумихинымъ и имъ-же снова завязанный узелъ съ платьемъ, и сталъ одѣваться. Странное дѣло: казалось, онъ вдругъ сталъ совершенно спокоенъ; не было ни полоумнаго бреду, какъ давеча, ни паническаго страху, какъ во все послѣднее время. Это была первая минута какого-то страннаго, внезапнаго спокойствія. Движенія его были точны и ясны, въ нихъ

проглядывало твердое намѣреніе. «Сегодня-же, сегодня-же!..» бормоталъ онъ про себя. Онъ понималъ однако, что еще слабъ, но сильнѣйшее душевное напряженіе, дошедшее до спокойствія, до неподвижной идеи, придавало ему силъ и самоувѣренности; онъ впрочемъ надѣялся, что не упадетъ на улицѣ. Одѣвшись совсѣмъ во все новое, онъ взглянулъ на деньги, лежавшія на столѣ, подумалъ и положилъ ихъ въ карманъ. Денегъ было двадцать пять рублей. Взялъ тоже и всѣ мѣдные пятаки, сдачу съ десяти рублей, истраченныхъ Разумихинымъ на платье. Затѣмъ тихо снялъ крючокъ, вышелъ изъ комнаты, спустился по лѣстницѣ и заглянулъ въ отворенную настежь кухню: Настасья стояла къ нему задомъ и нагнувшись раздувала хозяйкинъ самоваръ. Она ничего не слыхала. Да и кто могъ предположить что онъ уйдетъ? Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ.

Было часовъ восемь, солнце заходило. Духота стояла прежняя; но съ жадностью дохнулъ онъ этого вонючаго, пыльнаго, зараженнаго городомъ воздуха. Голова его слегка было начала кружиться; какая-то дикая энергія заблистала вдругъ въ его воспаленныхъ глазахъ и въ его исхудаломъ блѣдно-желтомъ лицѣ. Онъ не зналъ, да и не думалъ о томъ куда идти; онъ зналъ одно: «что все *это* надо кончить сегодня-же, за одинъ разъ, сейчасъ-же; что домой онъ иначе не воротится, потому что *не хочетъ такъ жить*». Какъ кончить? Чѣмъ кончить? Объ этомъ онъ не имѣлъ и понятія, да и думать не хотѣлъ. Онъ отгонялъ мысль: мысль терзала его. Онъ только чувствовалъ и зналъ, что надо чтобы все перемѣнилось, такъ или этакъ, «хоть какъ-бы то ни было», повторялъ онъ съ отчаянною, неподвижною самоувѣренностью и рѣшимостью.

По старой привычкѣ, обыкновеннымъ путемъ своихъ прежнихъ прогулокъ, онъ прямо направился на Сѣнную. Не доходя Сѣнной, на мостовой, передъ мелочною лавкой стоялъ молодой, черноволосый шарманщикъ и вертѣлъ какой-то весьма чувствительный романсъ. Онъ акомпанировалъ стоявшей впереди его на тротуарѣ дѣвушкѣ, лѣтъ пятнадцати, одѣтой какъ барышня, въ кринолинѣ, въ мантилькѣ, въ перчаткахъ и въ соломенной шляпкѣ съ огненнаго цвѣта перомъ; все это было старое и истасканное. Уличнымъ, дребезжащимъ, но довольно пріятнымъ и сильнымъ голосомъ она выпѣвала романсъ, въ ожиданіи двухкопѣечника изъ лавочки. Раскольниковъ пріостановился рядомъ съ двумя-тремя слушателями, послушалъ, вынулъ пятакъ и положилъ въ руку дѣвушкѣ. Та вдругъ пресѣкла пѣніе на самой чувствительной и высокой нотѣ, точно отрѣзала, рѣзко крикнула шарманщику: «будетъ!» и оба поплелись дальше, къ слѣдующей лавочкѣ.

— Любите вы уличное пѣніе? обратился вдругъ Раскольниковъ къ одному, уже не молодому, прохожему, стоявшему рядомъ съ нимъ у шарманки и имѣвшему видъ фланера. Тотъ дико посмотрѣлъ и удивился.—Я люблю, продолжалъ Раскольниковъ, но съ такимъ видомъ, какъ будто вовсе не объ уличномъ пѣніи говорилъ,—я люблю какъ поютъ подъ шарманку въ холодный, темный и сырой осенній вечеръ, непремѣнно въ сырой, когда у всѣхъ прохожихъ блѣдно-зеленыя и больныя лица; или, еще лучше, когда снѣгъ мокрый падаетъ, совсѣмъ прямо, безъ вѣтру, знаете? а сквозь него фонари съ газомъ блистаютъ...

— Не знаю-съ... Извините... пробормоталъ господинъ, испуганный и вопросомъ, и страннымъ видомъ Раскольникова, и перешелъ на другую сторону улицы.

Раскольниковъ пошелъ прямо и вышелъ къ тому углу на Сѣнной гдѣ торговали мѣщанинъ и баба, разговаривавшіе тогда съ Лизаветой; но ихъ теперь не было. Узнавъ мѣсто, онъ остановился, оглядѣлся и оборотился къ молодому парню, въ красной рубахѣ, зѣвавшему у входа въ мучной лабазъ.

— Это мѣщанинъ, вѣдь, торгуетъ тутъ на углу, съ бабой, съ женой, а?

— Всякіе торгуютъ, отвѣчалъ парень, свысока обмѣривая Раскольникова.

— Какъ его зовутъ?

— Какъ крестили, такъ и зовутъ.

— Ужь и ты не зарайскій-ли? Которой губерніи?

Парень снова посмотрѣлъ на Раскольникова.

— У насъ, ваше сіятельство, не губернія, а уѣздъ, а ѣздилъ-то братъ, а я все дома сидѣлъ, такъ и не знаю-съ... Ужь простите, ваше сіятельство, великодушно.

— Это харчевня, на верху-то?

— Это трахтиръ, и бильярдъ имѣется; и прынцесы найдутся... Люли!

Раскольниковъ перешелъ черезъ площадь. Тамъ, на углу, стояла густая толпа народа, все мужиковъ. Онъ залѣзъ въ самую густоту, заглядывая въ лица. Его почему-то тянуло со всѣми заговаривать. Но мужики не обращали вниманія на него, и всѣ что-то галдѣли про себя, сбиваясь кучками. Онъ постоялъ, подумалъ и пошелъ направо, тротуаромъ, по направленію къ В — му. Миновавъ площадь, онъ попалъ въ переулокъ...

Онъ и прежде проходилъ часто этимъ коротенькимъ переулкомъ, дѣлающимъ колѣно и ведущимъ съ площади въ Садовую. Въ послѣднее время его даже тянуло шляться по всѣмъ этимъ мѣстамъ,

когда тонно становилось, «чтобъ еще тошнѣй было». Теперь-же онъ вошелъ ни о чемъ не думая. Тутъ есть большой домъ, весь подъ распивочными и прочими съѣстно-выпивательными заведеніями; изъ нихъ поминутно выбѣгали женщины, одѣтыя какъ ходятъ «по сосѣдству»—простоволосыя и въ одних платьяхъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ онѣ толпились на тротуарѣ группами, преимущественно у сходовъ въ нижній этажъ, куда, по двумъ ступенькамъ, можно было спускаться въ разныя весьма увеселительныя заведенія. Въ одномъ изъ нихъ, въ эту минуту, шелъ стукъ и гамъ на всю улицу, тренькала гитара, пѣли пѣсни, и было очень весело. Большая группа женщинъ толпилась у входа; иныя сидѣли на ступенькахъ, другія на тротуарѣ, третьи стояли и разговаривали. Подлѣ, на мостовой, шлялся, громко ругаясь, пьяный солдатъ съ папироской и, казалось, куда-то хотѣлъ войти, но какъ будто забылъ куда. Одинъ оборванецъ ругался съ другимъ оборванцемъ, и какой-то мертво-пьяный валялся поперегъ улицы. Раскольниковъ остановился у большой группы женщинъ. Онѣ разговаривали спилыми голосами; всѣ были въ ситцевыхъ платьяхъ, въ козловыхъ башмакахъ и простоволосыя. Иныхъ было лѣтъ за сорокъ, но были и лѣтъ по семнадцати, почти всѣ съ глазами подбитыми.

Его почему-то занимало пѣнье и весь этотъ стукъ и гамъ, тамъ, внизу... Оттуда слышно было какъ, среди хохота и взвизговъ, подъ тоненькую фистулу разудалаго пѣвца и подъ гитару, кто-то отчаянно отплясывалъ, выбивая тактъ каблуками. Онъ пристально, мрачно и задумчиво слушалъ, нагнувшись у входа и любопытно заглядывая съ тротура въ сѣни.

„Ты мой бутошникъ прикрасной,
„Ты не бей меня напрасно!“—

разливался тоненькій голосъ пѣвца. Раскольникову ужасно захотѣлось разслушать что поютъ, точно въ этомъ и было все дѣло.

«Не зайти-ли?» подумалъ онъ: «Хохочутъ! Съ пьяну. А что-жъ, не напиться-ли пьянымъ?»

— Не зайдете, милый баринъ? спросила одна изъ женщинъ довольно звонкимъ и не совсѣмъ еще осипшимъ голосомъ. Она была молода и даже не отвратительна—одна изъ всей группы.

— Вишь, хорошенькая! отвѣчалъ онъ, приподнявшись и поглядѣвъ на нее.

Она улыбнулась; комплиментъ ей очень понравился.

— Вы и сами прехорошенькіе, сказала она.

— Какіе худые! замѣтила басомъ другая:—изъ больницы что-ль выписались?

— Кажись и генеральскія дочки, а носы все курносые! пере-

билъ вдругъ подонедшій мужикъ, навеселѣ, въ армякѣ на распашку и съ хитро-смѣющеюся харей.—Винь веселье!

— Проходи коль пришелъ!

— Пройду! Сласть!

И онъ кувыркнулся внизъ.

Раскольниковъ тронулся дальше.

— Послушайте, баринъ! крикнула вслѣдъ дѣвица.

— Что?

Она законфузилась.

— Я, милый баринъ, всегда съ вами рада буду часы раздѣлить, а теперь вотъ какъ-то совѣсти при васъ не соберу. Подарите мнѣ, пріятный кавалеръ, шесть копѣекъ на вышивку!

Раскольниковъ вынулъ сколько вынулось: три пятака.

— Ахъ, какой добрѣющій баринъ!

— Какъ тебя зовутъ?

— А Дуклиду спросите.

— Нѣтъ ужь это что-же, вдругъ замѣтила одна изъ группы, качая головой на Дуклиду.—Это ужь я и не знаю какъ это такъ просить! Я-бы, кажется, отъ одной только совѣсти провалилась...

Раскольниковъ любопытно поглядѣлъ на говорившую. Это была рябая дѣвка, лѣтъ тридцати, вся въ синякахъ, съ припухшею верхнею губой. Говорила и осуждала она спокойно и серіозно.

«Гдѣ это», подумалъ Раскольниковъ, идя далѣе,—«гдѣ это я читалъ, какъ одинъ приговоренный къ смерти, за часъ до смерти, говоритъ или думаетъ, что еслибы пришлось ему жить гдѣ нибудь на высотѣ, на скалѣ, и на такой узенькой площадкѣ, чтобы только двѣ ноги можно было поставить,—а кругомъ будутъ пропасти, океанъ, вѣчный мракъ, вѣчное уединеніе и вѣчная буря,—и оставаться такъ, стоя на аршинѣ пространства, всю жизнь, тысячу лѣтъ, вѣчность,—то лучше такъ жить, чѣмъ сейчасъ умирать! Только-бы жить, жить и жить! Какъ-бы ни жить,—только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлецъ человѣкъ!.. И подлецъ тотъ, кто его за это подлецомъ называетъ», прибавилъ онъ черезъ минуту.

Онъ вышелъ въ другую улицу: «Ба! Хрустальный дворецъ!» Давеча Разумихинъ говорилъ про «Хрустальный дворецъ»! Только, чего-бишь я хотѣлъ-то? Да, прочесть!... Зосимовъ говорилъ, что въ газетахъ читалъ»...

— Газеты есть? спросилъ онъ входя въ весьма просторное и даже опрятное трактирное заведеніе о нѣсколькихъ комнатахъ, впрочемъ довольно пустыхъ. Два-три посѣтителя пили чай, да въ одной дальней комнатѣ сидѣла группа, человѣка въ четыре, и пили

шампанское. Раскольникову показалось, что между ними Заметовъ. Впрочемъ, издали нельзя было хорошо разсмотрѣть.

«А пусть»! подумалъ онъ.

— Водки прикажете-съ? спросилъ половой...

— Чаю подай. Да принеси ты мнѣ газетъ, старыхъ, этакъ дней за пять сряду, а я тебѣ на водку дамъ.

— Слушаю-съ. Вотъ сегодняшнія-съ. И водки прикажете-съ?

Старыя газеты и чай явились. Раскольниковъ усѣлся и сталъ отыскивать: Иллеръ — Иллеръ — Ацтеки — Ацтеки — Иллеръ — Бартола — Массимо — Ацтеки — Иллеръ... фу, чортъ! а, вотъ отмѣтки: провалилась съ лѣстницы — мѣщанинъ сгорѣлъ съ вина — пожаръ на Нескахъ — пожаръ на Петербургской — еще пожаръ на Петербургской — еще пожаръ на Петербургской — Иллеръ — Иллеръ — Иллеръ — Иллеръ — Массимо... А, вотъ»...

Онъ отыскалъ наконецъ то, чего добивался, и сталъ читать; строки прыгали въ его глазахъ, онъ однакожъ дочелъ все извѣстіе, и жадно принялся отыскивать въ слѣдующихъ нумерахъ позднѣйшія прибавленія. Руки его дрожали, перебирая листы, отъ судорожнаго нетерпѣнія. Вдругъ кто-то сѣлъ подлѣ него, за его столомъ. Онъ заглянулъ — Заметовъ, тотъ-же самый Заметовъ и въ томъ-же видѣ, съ перстнями, съ цѣпочками, съ прибором въ черныхъ, вьющихся и напомаженныхъ волосахъ, въ щегольскомъ жилетѣ и въ нѣсколько потертомъ сюртукѣ и несвѣжемъ бѣльѣ. Онъ былъ веселъ, по крайней мѣрѣ, очень весело и добродушно улыбался. Смуглое лицо его немного разгорѣлось отъ выпитаго шампанскаго.

— Какъ! Вы здѣсь? началъ онъ съ недоумѣніемъ и такимъ тономъ какъ-бы вѣкъ былъ знакомъ;—а мнѣ вчера еще говорилъ Разумихинъ, что вы все не въ памяти. Вотъ странно! А вѣдь я былъ у васъ...

Раскольниковъ зналъ, что онъ подойдетъ. Онъ отложилъ газеты и поворотился къ Заметову. На его губахъ была усмѣшка, и какое-то новое раздражительное нетерпѣніе проглядывало въ этой усмѣшкѣ.

— Это я знаю, что вы были, отвѣчалъ онъ,—слышалъ-съ. Носокъ отыскивали... А знаете, Разумихинъ отъ васъ безъ ума, говоритъ, что вы съ нимъ къ Лавизѣ Ивановичѣ ходили, вотъ про которую вы старались-то тогда, поручику-то Пороху мигали, а онъ все не понималъ, помните? Ужъ какъ-бы кажется не понять — дѣло ясное... а?

— А ужъ какой онъ буянъ!

— Порохъ-то?

— Нѣтъ, пріятель вашъ, Разумихинъ...

— А хорошо вамъ жить, господинъ Заметовъ; въ пріятнѣйшія мѣста входъ безпошлинный! Кто это васъ сейчасъ шампанскимъ-то наливалъ?

— А это мы... выпили... Ужь и наливалъ?!

— Гонорарій! Всѣмъ пользуетесь! Раскольниковъ засмѣялся.— Ничего, добрѣющій мальчикъ, ничего! прибавилъ онъ, стукнувъ Заметова по плечу:—я вѣдь не на̀ зло, «а по всей то-есь любови, играючи» говорю, вотъ какъ работникъ-то вашъ говорилъ, когда онъ Митьку тузилъ, вотъ, по старухиному-то дѣлу.

— А вы почемъ знаете?

— Да я, можетъ, больше вашего знаю.

— Что-и-то какой вы странный... Вѣрно еще очень больны. Напрасно вышли...

— А я вамъ страннымъ кажусь?

— Да. Что̀ это вы газеты читаете?

— Газеты.

— Много про пожары пишутъ.

— Нѣтъ, я не про пожары.—Тутъ онъ загадочно посмотрѣлъ на Заметова; насмѣшливая улыбка опять искривила его губы.— Нѣтъ, я не про пожары, продолжалъ онъ, подмигивая Заметову.— А сознайтесь, милый юноша, что вамъ ужасно хочется знать про что̀ я читалъ?

— Вовсе не хочется; я такъ спросилъ. Развѣ нельзя спросить? Что вы все...

— Послушайте, вы человѣкъ образованный, литературный, а?

— Я изъ шестаго класса гимназіи, отвѣчалъ Заметовъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

— Изъ шестаго! Ахъ ты мой воробушекъ! Съ проборомъ, въ перстяхъ—богатый человѣкъ! Фу, какой миленькій мальчикъ! Тутъ Раскольниковъ залился нервнымъ смѣхомъ, прямо въ лицо Заметову. Тотъ отпатнулся, и не то чтобъ обидѣлся, а ужь очень удивился.

— Фу, какой странный! повторилъ Заметовъ очень серіозно.— Мнѣ сдается, что вы все еще бредите.

— Брежу? Врешь, воробушекъ!.. Такъ я странен? Ну, а любопытенъ я вамъ, а? Любопытенъ?

— Любопытенъ.

— Такъ сказать про что̀ я читалъ, что̀ розыскивалъ? Нынь вѣдь сколько нумеровъ велѣлъ натащить! Подозрительно, а?

— Ну, скажите.

— Ушки на макушкѣ?

— Какая еще тамъ макушка?

— Послѣ скажу какая макушка, а теперь, мой милѣйшій, объ-

явлю вамъ... нѣтъ, лучше: «сознаюсь ... Нѣтъ, и это не то: «показаніе даю, а вы снимаете»—вотъ какъ! Такъ даю показаніе, что читалъ, интересовался, отыскивалъ... розыскивалъ...—Раскольниковъ прищурилъ глаза и выждалъ:—розыскивалъ,—и для того и зашелъ сюда,—объ убійствѣ старухи-чиновницы, произнесъ онъ наконецъ, почти шепотомъ, чрезвычайно приблизивъ свое лицо къ лицу Заметова. Заметовъ смотрѣлъ на него прямо въ упоръ, не шевелясь, и не отодвигая своего лица отъ его лица. Страннѣе всего показалось потомъ Заметову, что ровно цѣлую минуту длилось у нихъ молчаніе и ровно цѣлую минуту они такъ другъ на друга глядѣли.

— Ну что-жь, что читали? вскричалъ онъ вдругъ въ недоумѣніи и въ нетерпѣніи.—Мнѣ-то какое дѣло! Что-жь въ томъ?

— Это вотъ та самая старуха, продолжалъ Раскольниковъ, тѣмъ-же шепотомъ и не шевельнувшись отъ восклицанія Заметова,—та самая, про которую, помните, когда стали въ конторѣ разсказывать, а я въ обморокъ-то упалъ. Что, теперь понимаете?

— Да что такое? Что... «понимаете»? произнесъ Заметовъ почти въ тревогѣ.

Неподвижное и серіозное лицо Раскольникова преобразилось въ одно мгновеніе, и вдругъ онъ залился опять тѣмъ-же нервнымъ хохотомъ, какъ давеча, какъ будто самъ совершенно не въ силахъ былъ сдержать себя. И въ одинъ мигъ припомнилось ему до чрезвычайной ясности ощущенія одно недавнее мгновеніе, когда онъ стоялъ за дверью, съ топоромъ, запоръ прыгалъ, они за дверью ругались и ломились, а ему вдругъ захотѣлось закричать имъ, ругаться съ ними, высунуть имъ языкъ, дразнить ихъ, смѣяться, хохотать, хохотать, хохотать!

— Вы или сумасшедшій, или... проговорилъ Заметовъ—и остановился, какъ будто вдругъ пораженный мыслью внезапно промелькнувшею въ умѣ его.

— Или? Что «или»? Ну, что? Ну, скажите-ка!

— Ничего! въ сердцахъ отвѣчалъ Заметовъ:—все вздоръ!

Оба замолчали. Послѣ внезапнаго, припадочнаго взрыва смѣха, Раскольниковъ сталъ вдругъ задумчивъ и грустенъ. Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Казалось, онъ совершенно забылъ про Заметова. Молчаніе длилось довольно долго.

— Что вы чай-то не пьете? Остынетъ, сказалъ Заметовъ.

— А? Что? Чай?.. Пожалуй... Раскольниковъ глотнулъ изъ стакана, положилъ въ ротъ кусочекъ хлѣба и вдругъ, посмотрѣвъ на Заметова, казалось все припомнилъ и какъ будто встряхнулся: лицо его приняло въ ту-же минуту первоначальное насмѣшливое выраженіе. Онъ продолжалъ пить чай.

— Нынче много этихъ мошенничествъ развелось, сказалъ Заметовъ. — Вотъ недавно еще я читалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что въ Москвѣ цѣлую шайку фальшивыхъ монетчиковъ изловили. Цѣлое общество было. Поддѣлывали билеты.

— О, это уже давно! Я еще мѣсяцъ назадъ читалъ, отвѣчалъ спокойно Раскольниковъ.—Такъ это-то по вашему мошенники? прибавилъ онъ, усмѣхаясь.

— Какъ-же не мошенники?

— Это? Это дѣти, бланбеки, а не мошенники! Цѣлая полсотня людей для этой цѣли собирается! Развѣ это возможно? Тутъ и трехъ много будетъ, да и то чтобы другъ въ другѣ каждый какъ себя самого былъ увѣренъ! А то стоитъ одному съ ньяну проболтаться, и все прахомъ пошло! Бланбеки! Нанимаютъ ненадежныхъ людей размѣнивать билеты въ конторахъ: этакое-то дѣло да повѣрить первому встрѣчному? Ну, положимъ, удалось и съ бланбеками, положимъ, каждый себѣ по милліону намѣнялъ, ну, а потомъ? Всю-то жизнь? Каждый одинъ отъ другаго зависнть на всю свою жизнь! Да лучше удавиться! А они и размѣнять-то не умѣли: сталъ въ конторѣ мѣнять, получилъ пять тысячъ, и руки дрогнули. Четыре пересчиталъ, а пятую принялъ не считая, на вѣру, чтобы только въ карманъ, да убѣжать поскорѣе. Ну, и возбудилъ подозрѣніе. И лопнуло все изъ за одного дурака! Да развѣ этакъ возможно?

— Что руки-то дрогнули? подхватилъ Заметовъ, — нѣтъ, это возможно-съ. Нѣтъ, это я совершенно увѣренъ, что это возможно. Иной разъ не выдержишь.

— Этого-то?

— А вы, небось, выдержите? Нѣтъ, я-бы не выдержалъ! За сто рублей награжденія идти на этакій ужасъ! Идти съ фальшивымъ билетомъ—куда-же!—въ банкирскую контору, гдѣ на этомъ собаку съѣли, — нѣтъ, я-бы сконфузился. А вы не сконфузитесь?

Раскольникову ужасно вдругъ захотѣлось опять «языкъ высунуть». Ознобъ, минутами, проходилъ по спинѣ его.

— Я-бы не такъ сдѣлалъ, началъ онъ издалека.—Я-бы вотъ какъ сталъ мѣнять: пересчиталъ-бы первую тысячу, этакъ, раза четыре со всѣхъ концовъ, въ каждую бумажку всматриваясь, и принялся-бы за другую тысячу; началъ-бы ее считать, досчиталъ-бы до средины, да и вынулъ-бы какую нибудь пятидесяти рублевую, да на свѣтъ, да переворотилъ-бы ее и опять на свѣтъ—не фальшивая-ли? Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей такимъ образомъ, намедни, потеряла: и исторію-бы тутъ разсказалъ. А какъ сталъ-бы третью тысячу считать—нѣтъ, позвольте: я, кажется, тамъ во второй тысячѣ, седьмую сотню не-

вѣрно сосчиталъ, сомнѣніе беретъ, да бросилъ-бы третью, да опять за вторую, — да этакъ-бы всѣ-то пять. А какъ кончилъ-бы, изъ пятой да изъ второй вынулъ-бы по кредиткѣ, да опять на свѣтъ, да опять сомнительно, «перемѣните, пожалуйста»,—да до седьмаго поту конторщика-бы довелъ, такъ что онъ меня какъ и съ рукъ-то сбыть ужь не зналъ-бы! Кончилъ-бы все наконецъ, пошелъ, двери-бы отворилъ — да, нѣтъ, извините, опять воротился, спросить о чемъ нибудь, объясненіе какое нибудь получить, — вотъ я-бы какъ сдѣлалъ!

— Фу, какія вы страшныя вещи говорите! сказалъ, смѣясь, Заметовъ.—Только все это одинъ разговоръ, а на дѣлѣ, навѣрно, споткнулись-бы. Тутъ, я вамъ скажу, по моему, не только намъ съ вами, даже натертому, отчаянному человѣку за себя поручиться нельзя. Да чего ходить — вотъ примѣръ: въ нашей-то части, старуху-то убили. Вѣдь ужь, кажется, отчаянная башка, среди бѣла дня на всѣ риски рискнулъ, однимъ чудомъ спасся, — а руки-то все-таки дрогнули; обокрасть не съумѣлъ, не выдержалъ; по дѣлу видно...

Раскольниковъ какъ будто обидѣлся.

— Видно! А вотъ поймайте-ка его, поди-те, теперь! вскрикнулъ онъ, злорадно подзадоривая Заметова.

— Что-жь, и поймаютъ.

— Кто? Вы? Вамъ поймать? Упрыгаетесь! Вотъ вѣдь что у васъ главное: тратитъ-ли человѣкъ деньги или нѣтъ? То денегъ не было, а тутъ вдругъ тратить начнетъ,—ну какъ-же не онъ? Такъ васъ вотъ этакій ребенокъ надуетъ на этомъ, коли захочетъ!

— То-то и есть что они всѣ такъ дѣлаютъ, отвѣчалъ Заметовъ:—убьетъ-то хитро, жизнь отважитъ, а потомъ тотчасъ въ кабакѣ и попался. На тратѣ-то ихъ и ловятъ. Не все-же такіе какъ вы хитрецы. Вы-бы въ кабакъ не пошли, разумѣется?

Раскольниковъ нахмурилъ брови и пристально посмотрѣлъ на Заметова.

— Вы, кажется, разлакомились и хотите узнать какъ-бы я и тутъ поступилъ? спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Хотѣлось-бы, твердо и серіозно отвѣтилъ тотъ. Слишкомъ что-то серіозно сталъ онъ говорить и смотрѣть.

— Очень?

— Очень.

— Хорошо. Я вотъ-бы какъ поступилъ, началъ Раскольниковъ, опять вдругъ приближая свое лицо къ лицу Заметова, опять въ упоръ смотря на него и говоря опять шепотомъ, такъ что тотъ даже вздрогнулъ на этотъ разъ.—Я-бы вотъ какъ сдѣлалъ: я-бы

взялъ деньги и вещи и какъ ушелъ-бы оттуда, тотчасъ, не заходя никуда, пошелъ-бы куда нибудь гдѣ мѣсто глухое и только заборы одни, и почти нѣтъ никого,—огородъ какой нибудь, или въ этомъ родѣ. Наглядѣлъ-бы я тамъ еще прежде, на этомъ дворѣ, какой нибудь такой камень, этакъ въ пудъ или полтора вѣсу, гдѣ нибудь въ углу, у забора, что̀ съ постройки дома, можетъ, лежитъ; приподнялъ-бы этотъ камень — подъ нимъ должна ямка быть,—да въ ямку-то эту всѣ-бы вещи и деньги и сложилъ. Сложилъ-бы, да и навалилъ-бы камнемъ, въ томъ видѣ какъ онъ прежде лежалъ, придавилъ-бы ногой, да и пошелъ-бы прочь. Да годъ-бы, два-бы не бралъ, три-бы не бралъ,—ну, и ищите! Былъ да весь вышелъ!

— Вы сумасшедшій, выговорилъ почему-то Заметовъ тоже чуть не шепотомъ, и почему-то отодвинулся вдругъ отъ Раскольникова. У того вдругъ засверкали глаза; онъ ужасно побѣдѣлъ; верхняя губа его дрогнула и запрыгала. Онъ склонился къ Заметову какъ можно ближе, и сталъ шевелить губами, ничего не произнося; такъ длилось съ полминуты; онъ зналъ что̀ дѣлалъ, но не могъ сдержать себя. Страшное слово, какъ тогдашній запоръ въ дверяхъ, такъ и прыгало на его губахъ: вотъ-вотъ сорвется; вотъ-вотъ только спустить его, вотъ-вотъ только выговорить!

— А что̀ если это я старуху и Лизавету убилъ? проговорилъ онъ вдругъ и—опомнился.

Заметовъ дико поглядѣлъ на него и побѣдѣлъ какъ скатерть. Лицо его искривилось улыбкой.

— Да развѣ это возможно? проговорилъ онъ едва слышно.

Раскольниковъ злобно взглянулъ на него.

— Признайтесь, что вы повѣрили? сказалъ онъ наконецъ холодно и насмѣшливо.—Да? Вѣдь да?

— Совсѣмъ нѣтъ! Теперь больше чѣмъ когда нибудь не вѣрю! торопливо сказалъ Заметовъ.

— Попался наконецъ! Поймали воробушка. Стало быть, вѣрили-же прежде, когда теперь больше чѣмъ когда нибудь не вѣрите?

— Да совсѣмъ-же нѣтъ! воскликалъ Заметовъ, видимо сконфуженный.—Это вы для того-то и пугали меня, чтобъ къ этому подвести?

— Такъ не вѣрите? А объ чемъ вы безъ меня заговорили, когда я тогда изъ конторы вышелъ? А зачѣмъ меня поручикъ Порохъ допрашивалъ послѣ обморока? Эй ты, крикнулъ онъ половому, вставая и взявъ фуражку:—сколько съ меня?

— Тридцать копѣекъ всего-съ, отвѣчалъ тотъ подбѣгая.

— Да вотъ тебѣ еще двадцать копѣекъ на водку. Ишь сколько денегъ! протянулъ онъ Заметову свою дрожащую руку съ кредит-

ками:—красненькія, синенькія, двадцать пять рублей. Откудова? А откудова платье новое явилось? Вѣдь знаете-же что копѣйки не было! Хозяйку-то, небось, ужь опрашивали... Ну, довольно! Assez causé! До свиданія... пріятнѣйшаго!..

Онъ вышелъ весь дрожа отъ какого дикаго истерическаго ощущенія, въ которомъ между тѣмъ была часть нестерпимаго наслажденія,—впрочемъ мрачный, ужасно усталый. Лицо его было искривлено, какъ-бы послѣ какого-то припадка. Утомленіе его быстро увеличивалось. Силы его возбуждались и приходили теперь вдругъ, съ первымъ толчкомъ, съ первымъ раздражающимъ ощущеніемъ, и также быстро ослабѣвали, по мѣрѣ того какъ ослабѣвало ощущеніе.

А Заметовъ, оставшись одинъ, сидѣлъ еще долго на томъ-же мѣстѣ, въ раздумьи. Раскольниковъ невзначай перевернулъ всѣ его мысли, на счетъ извѣстнаго пункта, и окончательно установилъ его мнѣніе.

«Илья Петровичъ—болванъ!» рѣшилъ онъ окончательно.

Только что Раскольниковъ отворилъ дверь на улицу, какъ вдругъ, на самомъ крыльцѣ, столкнулся съ входившимъ Разумихинымъ. Оба, даже за шагъ еще, не видали другъ друга, такъ что почти головами столкнулись. Нѣсколько времени обмѣривали они одинъ другаго взглядомъ. Разумихинъ былъ въ величайшемъ изумленіи, но вдругъ гнѣвъ, настоящій гнѣвъ, грозно засверкалъ въ его глазахъ.

— Такъ вотъ ты гдѣ! крикнулъ онъ во все горло.—Съ постели сбѣжалъ! А я его тамъ подъ диваномъ даже искалъ! На чердакъ вѣдь ходили! Настасью чуть не прибилъ за тебя... А онъ вонъ гдѣ! Родька! Что это значитъ? Говори всю правду! Признавайся! Слышишь?

— А то значитъ, что вы всѣ надоѣли мнѣ смертельно, и я хочу быть одинъ, спокойно отвѣчалъ Раскольниковъ.

— Одинъ? Когда еще ходить не можешь, когда еще рожа какъ полотно блѣдна, и задыхаешься. Дуракъ!.. Что ты въ «Хрустальномъ дворцѣ» дѣлалъ? Признавайся немедленно!

— Пусти! сказалъ Раскольниковъ и хотѣлъ пройти мимо.—Это ужь вывело Разумихина изъ себя; онъ крѣпко схватилъ его за плечо.

— Пусти? Ты смѣешь говорить: «пусти?» послѣ того что ты сдѣлалъ! Да знаешь-ли что я сейчасъ съ тобой сдѣлаю? Возьму въ охапку, завяжу узломъ да и отнесу подъ мышкой домой, подъ замокъ!

— Слушай, Разумихинъ, началъ тихо и повидимому совершенно спокойно Раскольниковъ,—неужель ты не видишь, что я не хочу твоихъ благодѣяній? И что за охота благодѣтельствовать тѣмъ, которые... плюютъ на это? Тѣмъ, наконецъ, которымъ это серьезно тяжело выносить? Ну, для чего ты отыскалъ меня въ началѣ бо-

лѣзни? Я, можетъ быть, очень былъ-бы радъ умереть? Ну, неужели я не достаточно выказалъ тебѣ сегодня, что ты меня мучаешь, что ты мнѣ... надоѣлъ! Охота-же въ самомъ дѣлѣ мучить людей! Увѣряю-же тебя, что все это мѣшаетъ моему выздоровленію серіозно, потому что безпрерывно раздражаетъ меня. Вѣдь ушелъ-же давеча Зосимовъ чтобы не раздражать меня! Отстань-же ради Бога и ты! И какое право, наконецъ, имѣешь ты удерживать меня силой? Да неужель ты не видишь, что я совершенно въ полномъ умѣ теперь говорю? Чѣмъ, чѣмъ, научи, умолить мнѣ тебя наконецъ, чтобы ты не приставалъ ко мнѣ и не благодѣтельствовалъ? Пусть я неблагодаренъ, пусть я низокъ, только отстаньте вы всѣ, ради Бога, отстаньте! Отстаньте! Отстаньте!

Онъ началъ спокойно, заранѣе радуясь всему яду, который готовился вылить, а кончилъ въ изступленіи и задыхаясь, какъ давеча съ Лужинымъ.

Разумихинъ постоялъ, подумалъ и выпустилъ его руку.

— Убирайся-же къ чорту! сказалъ онъ тихо и почти задумчиво.—Стой! заревѣлъ онъ внезапно, когда Раскольниковъ тронулся было съ мѣста:—слушай меня. Объявляю тебѣ, что всѣ вы, до единаго,—болтуншики и фанфаронщики! Заведется у васъ страданьице,—вы съ нимъ какъ курица съ яйцомъ носитесь! Даже и тутъ воруете чужихъ авторовъ. Ни признака жизни въ васъ самостоятельной! Изъ спермацетной мази вы сдѣланы, а вмѣсто крови сыворотка! Никому-то изъ васъ я не вѣрю! Первое дѣло у васъ, во всѣхъ обстоятельствахъ,—какъ-бы на человѣка не походить! Сто-о-ой!—крикнулъ онъ съ удвоеннымъ бѣшенствомъ, замѣтивъ, что Раскольниковъ опять трогается уходить:—слушай до конца! Ты знаешь, у меня сегодня собираются на новоселье, можетъ быть, ужь и пришли теперь, да я тамъ дядю оставилъ,—забѣгалъ сейчасъ,—принимать приходящихъ. Такъ вотъ, еслибъ ты не былъ дуракъ, не пошлый дуракъ, не набитый дуракъ, не переводъ съ иностраннаго... видишь, Родя, я сознаюсь, ты малый умный, но ты дуракъ!—такъ вотъ, еслибъ ты не былъ дуракъ, ты-бы лучше ко мнѣ запилъ сегодня, вечерокъ посидѣть, чѣмъ даромъ-то сапоги тонтать. Ужь вышелъ, такъ ужь нечего дѣлать! Я-бъ тебѣ кресла такія мягкія подкатилъ, у хозяевъ есть... Чаишко, компанія... А нѣтъ,—такъ и на кушеткѣ уложу,—все-таки, между нами полежишь... И Зосимовъ будетъ. Зайдешь что-ли?

— Нѣтъ.

— Вр-р-решь! истерическивъ вскрикнулъ Разумихинъ:—почему ты знаешь? Ты не можешь отвѣчать за себя! Да и ничего ты въ этомъ не понимаешь... Я тысячу разъ точно также съ людьми рас-

плевывался и опять назадъ прибѣгалъ... Станетъ стыдно—и воротишься къ человѣку! Такъ помни-же домъ Починкова, третій этажъ...

— Да вѣдь этакъ вы себя, пожалуй, кому нибудь бить позволите, господинъ Разумихинъ, изъ удовольствія благодѣтельствовать.

— Кого? Меня! За одну фантазію поѣсть отвинчу! Домъ Починкова, № 47, въ квартирѣ чиновника Бабушкина...

— Не приду, Разумихинъ!—Раскольниковъ повернулся и пошелъ прочь.

— Объ закладъ что придешь! крикнулъ ему въ догонку Разумихинъ.—Иначе ты... иначе знать тебя не хочу! Постой, гей! Заметовъ тамъ?

— Тамъ.

— Видѣлъ?

— Видѣлъ.

— И говорилъ?

— Говорилъ.

— Объ чемъ? Ну, да чортъ съ тобой, пожалуй, не сказывай. Починкова, 47, Бабушкина, помни!

Раскольниковъ дошелъ до Садовой и повернулъ за уголъ. Разумихинъ смотрѣлъ ему вслѣдъ задумавшись. Наконецъ, махнувъ рукой, вошелъ въ домъ, но остановился на срединѣ лѣстницы:

«Чортъ возьми! продолжалъ онъ почти вслухъ:— говоритъ со смысломъ, а какъ будто... Вѣдь и я дуракъ! Да развѣ помѣшанные не говорятъ со смысломъ? А Зосимовъ-то, показалось мнѣ, этого-то и побаивается!» Онъ стукнулъ пальцемъ по лбу. — Ну что если... ну какъ его одного теперь пускать? Пожалуй, утонется... Эхъ, маху я далъ! Нельзя! и онъ побѣжалъ назадъ, въ догонку за Раскольниковымъ, но того ужъ слѣдъ простылъ. Онъ плюнулъ и скорыми шагами воротился въ «Хрустальный дворецъ» допросить поскорѣе Заметова.

Раскольниковъ прошелъ прямо на — кій мостъ, сталъ на срединѣ, у перилъ, облокотился на нихъ обоими локтями и принялся глядѣть вдаль. Простившись съ Разумихинымъ, онъ до того ослабѣлъ, что едва добрался сюда. Ему захотѣлось гдѣ нибудь сѣсть или лечь, на улицѣ. Склонившись надъ водою, машинально смотрѣлъ онъ на послѣдній, розовый отблескъ заката, на рядъ домовъ, темнѣвшихъ въ сгущавшихся сумеркахъ, на одно отдаленное окошко, гдѣ-то въ мансардѣ, по лѣвой набережной, блиставшее точно въ пламени отъ послѣдняго солнечнаго луча, ударившаго въ него на мгновеніе, на темнѣвшую воду канавы и, казалось, съ вниманіемъ всматривался въ эту воду. Наконецъ, въ глазахъ его завертѣлись какіе-то красные круги, дома заходили, проходіе, набе-

режныя, экипажи,—все это завертѣлось и заплясало кругомъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ, можетъ быть, спасенный вновь отъ обморока однимъ дикимъ и безобразнымъ видѣніемъ. Онъ почувствовалъ, что кто-то сталъ подлѣ него, справа, рядомъ; онъ взглянулъ—и увидѣлъ женщину, высокую, съ платкомъ на головѣ, съ желтымъ, продолговатымъ, испитымъ лицомъ и съ красноватыми, впавшими глазами. Она глядѣла на него прямо, но, очевидно, ничего не видала и никого не различала. Вдругъ она облокотилась правою рукой о перила, подняла правую ногу и замахнула ее за рѣшетку, затѣмъ лѣвую, и бросилась въ канаву. Грязная вода раздалась, поглотила на мгновеніе жертву, но черезъ минуту утопленница всплыла, и ее тихо понесло внизъ по теченію, головой и ногами въ водѣ, спиной по верхъ, со сбившеюся и вспухшею надъ водой, какъ подушка, юбкой.

— Утопилась! Утопилась! кричали десятки голосовъ; люди сбѣгались, обѣ набережныя унизывались зрителями, на мосту, кругомъ Раскольникова, столпился народъ, напирая и придавливая его сзади.

— Батюшки, да вѣдь это наша Афросиньюшка! послышался гдѣ-то недалеко плачевный женскій крикъ.—Батюшки, спасите! Отцы родные, вытащите!

— Лодку! Лодку! кричали въ толпѣ.

Но лодки было ужь не надо: городовой сбѣжалъ по ступенькамъ схода къ канавѣ, сбросилъ съ себя шинель, сапоги, и кинулся въ воду. Работы было немного: утопленницу несло водой въ двухъ шагахъ отъ схода, онъ схватилъ ее за одежду правою рукою, лѣвою успѣлъ схватиться за шестъ, который протянулъ ему товарищъ, и тотчасъ-же утопленница была вытащена. Ее положили на гранитныя плиты схода. Она очнулась скоро, приподнялась, сѣла, стала чихать и фыркать, безсмысленно обтирая мокрое платье руками. Она ничего не говорила.

— До чортиковъ допилась, батюшки, до чортиковъ, выль тотъ-же женскій голосъ, уже подлѣ Афросиньюшки,— знамнясь удавиться тоже хотѣла, съ веревки сняли. Пошла я теперь въ лавочку, дѣвчоночку при ней глядѣть оставила,—ань вотъ и грѣхъ вышелъ! Мѣщаночка, батюшка, наша мѣщаночка, подлѣ живетъ, второй домъ съ краю, вотъ тутъ...

Народъ расходился, полицейскіе возились еще съ утопленницей, кто-то крикнулъ про контору... Раскольниковъ смотрѣлъ на все съ страннымъ ощущеніемъ равнодушія и безучастія. Ему стало противно.—«Нѣтъ гадко... вода... не стоитъ», бормоталъ онъ про себя.—«Ничего не будетъ», прибавилъ онъ,—«нечего ждать. Что это контора... А зачѣмъ Заметовъ не въ конторѣ? Контора въ де-

сятомъ часу отперта»... Онъ оборотился спиной къ перилямъ и поглядѣлъ кругомъ себя.

«Ну такъ что-жь! И пожалуй!» проговорилъ онъ рѣшительно, двинулся съ моста и направился въ ту сторону гдѣ была контора. Сердце его было пусто и глухо. Мыслить онъ не хотѣлъ. Даже тоска прошла, ни слѣда давешней энергіи, когда онъ изъ дому вышелъ, съ тѣмъ «чтобы все кончить!» Полная апатія заступила ея мѣсто.

«Чтожь, и это исходъ! думалъ онъ, тихо и вяло идя по набережной канавы.— Всетаки кончу, потому что хочу... Исходъ-ли, однако? А все равно! Аршинъ пространства будетъ, — хе! Какой, однако-жь, конецъ! Неужели конецъ? Скажу я имъ или не скажу? Э... чортъ! Да и усталъ я: гдѣ нибудь лечь или сѣсть-бы поскорѣй! Всего стыднѣе, что очень ужь глупо. Да наплевать и на это. Фу, какія глупости въ голову приходятъ...»

Въ контору надо было идти все прямо и при второмъ поворотѣ взять влѣво: она была тутъ въ двухъ шагахъ. Но дойдя до перваго поворота, онъ остановился, подумалъ, поворотилъ въ переулокъ, и пошелъ обходомъ, черезъ двѣ улицы,—можетъ быть, безо всякой цѣли, а, можетъ быть, чтобы хоть минуту еще протянуть и выиграть время. Онъ шелъ и смотрѣлъ въ землю. Вдругъ, какъ будто кто шепнулъ ему что-то на ухо. Онъ поднялъ голову и увидалъ, что стоитъ у *того* дома, у самыхъ воротъ. Съ *того* вечера онъ здѣсь не былъ и мимо не проходилъ.

Неотразимое и необъяснимое желаніе повлекло его. Онъ вошелъ въ домъ, прошелъ всю подворотню, потомъ въ первый входъ справа и сталъ подниматься по знакомой лѣстницѣ, въ четвертый этажъ. На узенькой и крутой лѣстницѣ было очень темно. Онъ останавливался на каждой площадкѣ и осматривался съ любопытствомъ. На площадкѣ перваго этажа въ окнѣ была совсѣмъ выставлена рама: «Этого тогда не было», подумалъ онъ. Вотъ и квартира втораго этажа, гдѣ работали Николашка и Митька: Заперта; и дверь окрашена за-ново; отдается, значитъ, въ наемъ . Вотъ и третій этажъ... и четвертый... Здѣсь! Недоумѣніе взяло его: дверь въ эту квартиру была отворена настежь, тамъ были люди, слышны были голоса; онъ этого никакъ не ожидалъ. Поколебавшись немного, онъ поднялся по послѣднимъ ступенькамъ и вошелъ въ квартиру.

Ее тоже отдѣлывали за-ново; въ ней были работники: это его какъ будто поразило. Ему представлялось почему-то, что онъ все встрѣтитъ точно такъ-же, какъ оставилъ тогда, даже, можетъ быть, трупы на тѣхъ-же мѣстахъ на полу. А теперь: голыя стѣны, ни-

какой мебели; странно какъ-то! Онъ прошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ.

Всего было двое работниковъ, оба молодые парня, одинъ постарше, а другой гораздо моложе. Они оклеивали стѣны новыми обоями, бѣлыми, съ лиловыми цвѣточками, вмѣсто прежнихъ желтыхъ, истрепанныхъ и истасканныхъ. Раскольникову это почему-то ужасно не понравилось: онъ смотрѣлъ на эти новые обои враждебно, точно жаль было что все такъ измѣнили.

Работники, очевидно, замѣшкались, и теперь наскоро свертывали свою бумагу и собирались домой. Появленіе Раскольникова почти не обратило на себя ихъ вниманія. Они о чемъ-то разговаривали. Раскольниковъ скрестилъ руки и сталъ вслушиваться.

— Приходитъ она, этта, ко мнѣ по утру, говоритъ старшій младшему, — ранымъ-ранешенько, вся разодѣтая. И что ты, говорю, передо мной лимонничаешь, чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь? — Я хочу, говоритъ, Титъ Васильичъ, отнынѣ, впредь въ полной вашей волѣ состоять . Такъ вотъ оно какъ! А ужъ какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ!

— А что это, дядьнка, журналъ? спросилъ молодой. Онъ, очевидно, поучался у «дядьнки».

— А журналъ, это есть, братецъ ты мой, такія картинки, раненыя, и идутъ онѣ сюда къ здѣшнимъ портнымъ каждую субботу, по почтѣ, изъ заграницы, съ тѣмъ то-есь, какъ кому одѣваться, какъ мужскому, равномѣрно и женскому полу. Рисунокъ, значитъ. Мужской полъ все больше въ бекешахъ шпнется, а ужъ по женскому отдѣленію такіе, братъ, суфлёры, что отдай ты мнѣ все, да и мало!

— И чего-чего въ ефтомъ Питерѣ нѣтъ! съ увлеченіемъ крикнулъ младшій: — окромя отца-матери все есть!

— Окромѣ ефтова, братецъ ты мой, все находится, наставительно порѣшилъ старшій.

Раскольниковъ всталъ и пошелъ въ другую комнату, гдѣ прежде стояли укладка, постель и комодъ; комната показалась ему ужасно маленькою безъ мебели. Обои были все тѣже: въ углу на обояхъ рѣзко обозначено было мѣсто гдѣ стоялъ кіотъ съ образами. Онъ поглядѣлъ и воротился на свое окошко. Старшій работникъ искоса приглядывался.

— Вамъ чего-съ? спросилъ онъ вдругъ, обращаясь къ нему.

Вмѣсто отвѣта, Раскольниковъ всталъ, вышелъ въ сѣни, взялся за колокольчикъ и дернулъ. Тотъ-же колокольчикъ, тотъ-же жестяной звукъ! Онъ дернулъ второй, третій разъ; онъ вслушивался и припоминалъ. Прежнее, мучительно-странное, безобразное ощущеніе на-

чинало все ярче и живѣе припоминаться ему, онъ вздрагивалъ съ каждымъ ударомъ, и ему все пріятнѣе и пріятнѣе становилось.

— Да что-те надо? Кто таковъ? крикнулъ работникъ, выходя къ нему. Раскольниковъ вошелъ опять въ дверь.

— Квартиру хочу нанять, сказалъ онъ, — осматриваю.

— Фатеру по ночамъ не нанимаютъ; а къ тому-же вы должны съ дворникомъ придти.

— Полъ-то вымыли; красить будутъ? продолжалъ Раскольниковъ.—Крови-то нѣтъ?

— Какой крови?

— А старуху-то вотъ убили съ сестрой. Тутъ цѣлая лужа была.

— Да что ты за человѣкъ? крикнулъ въ безпокойствѣ работникъ.

— Я?

— Да.

— А тебѣ хочется знать?.. Пойдемъ въ контору, тамъ скажу. Работники съ недоумѣніемъ посмотрѣли на него.

— Намъ выходить пора-съ, замѣшкали. Идемъ, Алешка. Запирать надо, сказалъ старшій работникъ.

— Ну, пойдемъ! отвѣчалъ Раскольниковъ равнодушно, и вышелъ впередъ, медленно спускаясь съ лѣстницы. — Эй, дворникъ, крикнулъ онъ, выходя подъ ворота.

Нѣсколько людей стояло при самомъ входѣ въ домъ съ улицы, глазѣя на прохожихъ; оба дворника, баба, мѣщанинъ въ халатѣ и еще кое-кто. Раскольниковъ пошелъ прямо къ нимъ.

— Чего вамъ? отозвался одинъ изъ дворниковъ.

— Въ контору ходилъ?

— Сейчасъ былъ. Вамъ чего?

— Тамъ сидятъ?

— Сидятъ.

— И помощникъ тамъ?

— Былъ время. Чего вамъ?

Раскольниковъ не отвѣчалъ и сталъ съ ними рядомъ, задумавшись.

— Фатеру смотрѣть приходилъ, сказалъ, подходя, старшій работникъ.

— Какую фатеру?

— А гдѣ работаемъ. Зачѣмъ, дескать, кровь отмыли? Тутъ, говоритъ, убивство случилось, а я пришелъ нанимать-. И въ колокольчикъ сталъ звонить, мало не оборвалъ. А пойдемъ, говоритъ, въ контору, тамъ все докажу. Навязался.

Дворникъ съ недоумѣніемъ и нахмурясь разглядывалъ Раскольникова.

— Да вы кто таковъ? крикнулъ онъ погрознѣе.

— Я Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, бывшій студентъ, а живу въ домѣ Шиля, здѣсь въ переулкѣ, отсюда недалеко, въ квартирѣ № 14. У дворника спроси... меня знаетъ. — Раскольниковъ проговорилъ все это какъ-то лѣниво и задумчиво, не оборачиваясь, и пристально смотря на потемнѣвшую улицу.

— Да вы зачѣмъ въ фатеру-то приходили?

— Смотрѣть.

— Чего тамъ смотрѣть?

— А вотъ взять, да свести въ контору? ввязался вдругъ мѣщанинъ, и замолчалъ.

Раскольниковъ черезъ плечо скосилъ на него глаза, посмотрѣлъ внимательно и сказалъ также тихо и лѣниво:

— Пойдемъ!

— Да и свести! подхватилъ ободрившійся мѣщанинъ.—Зачѣмъ онъ объ *томъ* доходилъ, у него что̀ на умѣ, а?

— Пьянъ, не пьянъ, а Богъ ихъ знаетъ, пробормоталъ работникъ.

— Да вамъ чего? крикнулъ опять дворникъ, начинавшій серіозно сердиться: — ты чего присталъ?

— Струсилъ въ контору-то? съ насмѣшкой проговорилъ ему Раскольниковъ.

— Чего струсилъ? Ты чего присталъ?

— Выжига! крикнула баба.

— Да чего съ нимъ толковать, крикнулъ другой дворникъ, огромный мужикъ, въ армякѣ на распашку и съ ключами за поясомъ.—Пшолъ!.. И впрямь выжига... Пшолъ!

И схвативъ за плечо Раскольникова, онъ бросилъ его на улицу. Тотъ кувыркнулся было, но не упалъ, выправился, молча посмотрѣлъ на всѣхъ зрителей, и пошелъ далѣе.

— Чудёнъ человѣкъ, проговорилъ работникъ.

— Чудёнъ нынче сталъ народъ, сказала баба.

— А все-бы свести въ контору, прибавилъ мѣщанинъ.

— Нечего связываться, рѣшилъ большой дворникъ.—Какъ есть выжига! Самъ на то лѣзетъ, извѣстно, а свяжись, не развяженься... Знаемъ!

«Такъ идти что-ль, или нѣтъ?», думалъ Раскольниковъ, остановясь посреди мостовой на перекресткѣ и осматриваясь кругомъ, какъ будто ожидая отъ кого-то послѣдняго слова. Но ничто не отозвалось ни откуда; все было глухо и мертво, какъ камни, по которымъ онъ ступалъ, для него мертво, для него одного... Вдругъ, далеко, шаговъ за двѣсти отъ него, въ концѣ улицы, въ сгущав-

шейся темнотѣ различилъ онъ толпу, говоръ, крики... Среди толпы стоялъ какой-то экипажъ... Замелькалъ среди улицы огонекъ. «Что такое?» Раскольниковъ поворотилъ вправо и пошелъ на толпу. Онъ точно цѣпялся за все, и холодно усмѣхнулся, подумавъ это, потому что ужъ навѣрно рѣшилъ про контору и твердо зналъ, что сейчасъ все кончится.

VII.

Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячихъ сѣрыхъ лошадей; сѣдоковъ не было, и самъ кучеръ, слѣзши съ козелъ, стоялъ подлѣ; лошадей держали подъ-устцы. Кругомъ тѣснилось множество народу, впереди всѣхъ полицейскіе. У одного изъ нихъ былъ въ рукахъ зажженный фонарикъ, которымъ онъ, нагибаясь, освѣщалъ что-то на мостовой, у самыхъ колесъ. Всѣ говорили, кричали, ахали; кучеръ казался въ недоумѣніи и изрѣдка повторялъ:

— Экой грѣхъ! Господи, грѣхъ-то какой!

Раскольниковъ протѣснился, по возможности, и увидалъ, наконецъ, предметъ всей этой суеты и любопытства. На землѣ лежалъ только что раздавленный лошадьми человѣкъ, безъ чувствъ, повидимому очень худо одѣтый, но въ «благородномъ» платьѣ, весь въ крови. Съ лица, съ головы текла кровь; лицо было все избито, ободрано, искорежено. Видно было, что раздавили не на шутку.

— Батюшки! причиталъ кучеръ:—какъ тутъ усмотрѣть! Коли-бъ я гналъ, али-бъ не кричалъ ему а то ѣхалъ не поспѣшно, равномѣрно. Всѣ видѣли: люди ложь и я тожь. Пьяный свѣчки не поставитъ—извѣстно!.. Вижу его, улицу переходитъ, шатается, чуть не валится,—крикнулъ одноважды, да въ другой, да въ третій, да и придержалъ лошадей; а онъ прямехонько имъ подъ ноги такъ и палъ! Ужь нарочно что-ль онъ, али ужь очень былъ нетверезъ... Лошади-то молодыя, пужливыя,—дернули, а онъ вскричалъ—они пуще... вотъ и бѣда.

— Это такъ какъ есть! раздался чей-то свидѣтельскій отзывъ въ толпѣ.

— Кричалъ-то онъ, это правда, три раза ему прокричалъ, отозвался другой голосъ.

— Въ акуратъ три раза, всѣ слышали! крикнулъ третій.

Впрочемъ, кучеръ былъ не очень уныль и испуганъ. Видно было, что экипажъ принадлежалъ богатому и значительному вла-

дѣльцу, ожидавшему гдѣ нибудь его прибытія; полицейскіе ужь конечно не мало заботились какъ уладить это послѣднее обстоятельство. Раздавленнаго предстояло прибрать въ часть и въ больницу. Никто не зналъ его имени.

Между тѣмъ Раскольниковъ протѣснился и нагнулся еще ближе. Вдругъ фонарикъ ярко освѣтилъ лицо несчастнаго: онъ узналъ его.

— Я его знаю, знаю! закричалъ онъ, протискиваясь совсѣмъ впередъ:—это чиновникъ, отставной, титулярный совѣтникъ, Мармеладовъ! Онъ здѣсь живетъ, подлѣ, въ домѣ Козеля... Доктора поскорѣе! Я заплачу, вотъ!—Онъ вытащилъ изъ кармана деньги и показывалъ полицейскому. Онъ былъ въ удивительномъ волненіи.

Полицейскіе были довольны, что узнали кто раздавленный. Раскольниковъ назвалъ и себя, далъ свой адресъ, и всѣми силами, какъ будто дѣло шло о родномъ отцѣ, уговаривалъ перенести поскорѣе безчувственнаго Мармеладова въ его квартиру.

— Вотъ тутъ, черезъ три дома, хлопоталъ онъ,—домъ Козеля, нѣмца, богатаго... Онъ теперь, вѣрно, пьяный, домой пробирался. Я его знаю... Онъ пьяница... Тамъ у него семейство, жена, дѣти, дочь одна есть. Пока еще въ больницу тащить, а тутъ вѣрно въ домѣ-же докторъ есть! Я заплачу, заплачу!.. Все-таки уходъ будетъ свой, помогутъ сейчасъ, а то онъ умретъ до больницы-то...

Онъ даже успѣлъ сунуть непримѣтно въ руку; дѣло, впрочемъ, было ясное и законное, и во всякомъ случаѣ тутъ помощь ближе была. Раздавленнаго подняли и понесли; нашлись помощники. Домъ Козеля былъ въ шагахъ тридцати. Раскольниковъ шелъ сзади, осторожно поддерживалъ голову и показывалъ дорогу.

— Сюда, сюда! На лѣстницу надо вверхъ головой вносить; оборачивайте... вотъ такъ! Я заплачу, я поблагодарю, бормоталъ онъ.

Катерина Ивановна, какъ и всегда, чуть только выпадала свободная минута, тотчасъ-же принималась ходить взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, отъ окна до печки и обратно, плотно скрестивъ руки на груди, говоря сама съ собой и кашляя. Въ послѣднее время она стала все чаще и больше разговаривать съ своею старшею дѣвочкой, десятилѣтнею Поленькой, которая хотя и многаго еще не понимала, но зато очень хорошо поняла, что нужна матери, и потому всегда слѣдила за ней своими большими умными глазками и всѣми силами хитрила, чтобы представиться все понимающею. Въ этотъ разъ Поленька раздѣвала маленькаго брата, которому весь день нездоровилось, чтобъ уложить его спать. Въ ожиданіи, пока ему перемѣнятъ рубашку, которую предстояло ночью-же вымыть, мальчикъ сидѣлъ на стулѣ молча, съ серіозною миной, прямо и недвижимо, съ протянутыми впередъ

ножками, плотно вмѣстѣ сжатыми, пяточками къ публикѣ, а носками врозь. Онъ слушалъ что̀ говорила мамаша съ сестрицей, надувъ губки, выпучивъ глазки и не шевелясь, точь въ точь какъ обыкновенно должны сидѣть всѣ умные мальчики, когда ихъ раздѣваютъ, чтобъ идти спать. Еще меньше его дѣвочка, въ совершенныхъ лохмотьяхъ, стояла у ширмъ и ждала своей очереди. Дверь на лѣстницу была отворена, чтобы хоть сколько нибудь защититься отъ волнъ табачнаго дыма, врывавшихся изъ другихъ комнатъ и поминутно заставлявшихъ долго и мучительно кашлять бѣдную чахоточную. Катерина Ивановна какъ будто еще больше похудѣла въ эту недѣлю, и красныя пятна на щекахъ ея горѣли еще ярче чѣмъ прежде.

— Ты не повѣришь, ты и вообразить себѣ не можешь, Поленька, говорила она, ходя по комнатѣ,—до какой степени мы весело и пышно жили въ домѣ у папеньки, и какъ этотъ пьяница погубилъ меня и васъ всѣхъ погубитъ! Папаша былъ статскій полковникъ и уже почти губернаторъ; ему только оставался всего одинъ какой нибудь шагъ, такъ что всѣ къ нему ѣздили и говорили: «Мы васъ ужь такъ и считаемъ, Иванъ Михайлычъ, за нашего губернатора . Когда я... кхе! когда я... кхе-кхе-кхе... о, треклятая жизнь! вскрикнула она, отхаркивая мокроту и схватившись за грудь:— когда я... ахъ, когда на послѣднемъ балѣ... у предводителя... меня увидала княгиня Безземельная,—которая меня потомъ благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля,—то тотчасъ спросила: «Не та-ли это милая дѣвица, которая съ шалью танцовала при выпускѣ? ... (Прорѣху-то зашить надо; вотъ взяла-бы иглу да сейчасъ-бы и заштопала, какъ я тебя учила, а то завтра... кхе! завтра... кхе-кхе-кхе! пуще разо-рветъ! крикнула она, надрываясь)... —Тогда еще изъ Петербурга только что пріѣхалъ камеръ-юнкеръ князь Щегольской... протанцовалъ со мной мазурку и на другой-же день хотѣлъ пріѣхать съ предложеніемъ; но я сама отблагодарила въ лестныхъ выраженіяхъ и сказала, что сердце мое принадлежитъ давно другому. Этотъ другой былъ твой отецъ, Поля; папенька ужасно сердился... А вода готова? Ну, давай рубашечку; а чулочки?.. Лида, обратилась она къ маленькой дочери, —ты ужь такъ безъ рубашки эту ночь поспи; какъ нибудь... да чулочки выложи подлѣ... Заодно вымыть... Что̀ этотъ лохмотникъ нейдетъ, пьяница! Рубашку заносилъ какъ обтирку какую нибудь, изорвалъ всю... Все-бы ужь заодно, чтобы сряду двухъ ночей не мучиться! Господи! Кхе-кхе-кхе-кхе! Опять! Что̀ это? вскрикнула она, взглянувъ на толпу въ сѣняхъ и на людей, протѣснявшихся съ какою-то ношей въ ея комнату.—Что̀ это? Что̀ это несутъ? Господи!

— Куда-жь тутъ положить? спрашивалъ полицейскій, осматриваясь кругомъ, когда уже втащили въ комнату окровавленнаго и безчувственнаго Мармеладова.

— На диванъ! Кладите прямо на диванъ, вотъ сюда головой, показывалъ Раскольниковъ.

— Раздавили на улицѣ! Пьянаго! крикнулъ кто-то изъ сѣней.

Катерина Ивановна стояла вся блѣдная и трудно дышала. Дѣти перепугались. Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась къ Поленькѣ, обхватила ее и вся затряслась.

Уложивъ Мармеладова, Раскольниковъ бросился къ Катеринѣ Ивановнѣ:

— Ради Бога, успокойтесь, не пугайтесь! говорилъ онъ скороговоркой;—онъ переходилъ улицу, его раздавила коляска, не безпокойтесь, онъ очнется, я велѣлъ сюда нести... я у васъ былъ, помните... Онъ очнется, я заплачу!

— Добился! отчаянно вскрикнула Катерина Ивановна и бросилась къ мужу.

Раскольниковъ скоро замѣтилъ, что эта женщина не изъ тѣхъ, которыя тотчасъ-же падаютъ въ обмороки. Мигомъ подъ головою несчастнаго очутилась подушка, о которой никто еще не подумалъ; Катерина Ивановна стала раздѣвать его, осматривать, суетилась и не терялась, забывъ о себѣ самой, закусивъ свои дрожавшія губы и подавляя крики, готовые вырваться изъ груди...

Раскольниковъ уговорилъ между тѣмъ кого-то сбѣгать за докторомъ. Докторъ, какъ оказалось, жилъ черезъ домъ.

— Я послалъ за докторомъ, твердилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ: — не безпокойтесь, я заплачу. Нѣтъ-ли воды?.. и дайте салфетку, полотенце, что нибудь поскорѣе; неизвѣстно еще какъ онъ раненъ... Онъ раненъ, а не убитъ, будьте увѣрены... Что скажетъ докторъ!

Катерина Ивановна бросилась къ окну: тамъ, на продавленномъ стулѣ, въ углу, установленъ былъ большой глиняный тазъ съ водой, приготовленной для ночнаго мытья дѣтскаго и мужниnаго бѣлья. Это ночное мытье производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что перемѣннаго бѣлья уже совсѣмъ почти не было, и было у каждаго члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночамъ и не по силамъ, когда всѣ спятъ, чтобъ успѣть къ утру просушить мокрое бѣлье на протянутой веревкѣ и подать чистое, чѣмъ видѣть грязь въ домѣ. Она схватилась было за тазъ, чтобы нести его по требованію Раскольн-

никова, но чуть не упала съ ногъ. Но тотъ уже успѣлъ найти полотенце, намочилъ его водою и сталъ обмывать залитое кровью лицо Мармеладова. Катерина Ивановна стояла тутъ-же, съ болью переводя духъ и держась руками за грудь. Ей самой нужна была помощь. Раскольниковъ началъ понимать, что онъ, можетъ быть, плохо сдѣлалъ, уговоривъ перенести сюда раздавленнаго. Городовой тоже стоялъ въ недоумѣніи.

— Поля! крикнула Катерина Ивановна, — бѣги къ Сонѣ, скорѣе. Если не застанешь дома, все равно, скажи, что отца лошади раздавили и чтобъ она тотчасъ-же шла сюда... какъ воротится. Скорѣй, Поля! На, закройся платкомъ!

— Сто есь духу бѣги! крикнулъ вдругъ мальчикъ со стула и, сказавъ это, погрузился опять въ прежнее безмолвное прямое сидѣнье на стулѣ, выпуча глазки, пятками впередъ и носками врозь.

Между тѣмъ комната наполнилась такъ что яблоку упасть было негдѣ. Полицейскіе ушли, кромѣ одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся съ лѣстницы, опять обратно на лѣстницу. Зато изъ внутреннихъ комнатъ высыпали чуть не всѣ жильцы г-жи Липпевехзель, и сначала было тѣснились только въ дверяхъ, но потомъ гурьбой хлынули въ самую комнату. Катерина Ивановна пришла въ изступленіе:

— Хоть-бы умереть-то дали спокойно! закричала она на всю толпу:—что за спектакль нашли! Съ папиросами! Кхе-кхе-кхе! Въ пьяныхъ войдите еще!.. И то въ пьянѣ одинъ... Вонъ! Къ мертвому тѣлу хоть уваженіе имѣйте!

Кашель задушилъ ее, но острастка пригодилась. Катерины Ивановны, очевидно, даже побаивались; жильцы, одинъ за другимъ, протѣснились обратно къ двери съ тѣмъ страннымъ внутреннимъ ощущеніемъ довольства, которое всегда замѣчается, даже въ самыхъ близкихъ людяхъ, при внезапномъ несчастіи съ ихъ ближнимъ, и отъ котораго не избавленъ ни одинъ человѣкъ, безъ исключенія, не смотря даже на самое искреннее чувство сожалѣнія и участія.

За дверью послышались, впрочемъ, голоса про больницу и что здѣсь не слѣдъ безпокоить напрасно.

— Умирать-то не слѣдъ! крикнула Катерина Ивановна, и уже бросилась было растворить дверь, чтобы разразиться на нихъ цѣлымъ громомъ, но столкнулась въ дверяхъ съ самою г-жой Липпевехзель, которая только что успѣла прослышать о несчастіи и прибѣжала производить распорядокъ. Это была чрезвычайно вздорная и безпорядочная Нѣмка.

— Ахъ Богъ мой! вплеснула она руками:—вашъ мужъ пьянъ лошадь изтопталь. Въ больницъ его! Я хозяйка!

— Амалія Людвиговна! Прошу васъ вспомнить о томъ что вы говорите, высокомѣрно начала было Катерина Ивановна (съ хозяйкой она всегда говорила высокомѣрнымъ тономъ, чтобы та «помнила свое мѣсто», и даже теперь не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи), Амалія Людвиговна...

— Я вамъ сказалъ разъ-на-прежде, что вы никогда не смѣли говорить мнѣ Амаль Людвиговна; я Амаль-Иванъ!

— Вы не Амаль-Иванъ, а Амалія Людвиговна, и такъ какъ я не принадлежу къ вашимъ подлымъ льстецамъ, какъ господинъ Лебезятниковъ, который смѣется теперь за дверью (за дверью дѣйствительно раздался смѣхъ и крикъ: «сцѣпились!»), то и буду всегда называть васъ Амаліей Людвиговной, хотя рѣшительно не могу понять почему вамъ это названіе не нравится. Вы видите сами что случилось съ Семеномъ Захаровичемъ; онъ умираетъ. Прошу васъ сейчасъ-же запереть эту дверь и не впускать сюда никого. Дайте хоть умереть спокойно! Иначе, увѣряю васъ, завтра-же поступокъ вашъ будетъ извѣстенъ самому генералъ-губернатору. Князь зналъ меня еще въ дѣвицахъ и очень хорошо помнитъ Семена Захаровича, которому много разъ благодѣтельствовалъ. Всѣмъ извѣстно, что у Семена Захаровича было много друзей и покровителей, которыхъ онъ самъ оставилъ изъ благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость, но теперь (она указала на Раскольникова) — намъ помогаетъ одинъ великодушный молодой человѣкъ, имѣющій средства и связи, и котораго Семенъ Захаровичъ зналъ еще въ дѣтствѣ, и будьте увѣрены, Амалія Людвиговна...

Все это произнесено было чрезвычайною скороговоркой, чѣмъ дальше тѣмъ быстрѣй, но кашель разомъ перервалъ краснорѣчіе Катерины Ивановны. Въ эту минуту умирающій очнулся и простоналъ, и она побѣжала къ нему. Больной открылъ глаза, и еще не узнавая и не понимая, сталъ вглядываться въ стоявшаго надъ нимъ Раскольникова. Онъ дышалъ тяжело, глубоко и рѣдко; на окраинахъ губъ выдавилась кровь; потъ выступилъ на лбу. Не узнавъ Раскольникова, онъ безпокойно началъ обводить глазами. Катерина Ивановна смотрѣла на него грустнымъ, но строгимъ взглядомъ, а изъ глазъ ея текли слезы.

— Боже мой! У него вся грудь раздавлена! Крови-то, крови! проговорила она въ отчаяніи.—Надо снять съ него все верхнее платье! Повернись немного, Семенъ Захаровичъ, если можешь, крикнула она ему.

Мармеладовъ узналъ ее.

— Священника! проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Катерина Ивановна отошла къ окну, прислонилась лбомъ къ оконной рамѣ и съ отчаяніемъ воскликнула:

— О треклятая жизнь!

— Священника! проговорилъ опять умирающій, послѣ минутнаго молчанія.

— Поплн-и-и! крикнула на него Катерина Ивановна; онъ послушался окрика и замолчалъ. Робкимъ, тоскливымъ взглядомъ отыскивалъ онъ ее глазами; она опять воротилась къ нему и стала у изголовья. Онъ нѣсколько успокоился, но не надолго. Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочкѣ (его любимицѣ), дрожавшей въ углу, какъ въ припадкѣ, и смотрѣвшей на него своими удивленными, дѣтски-пристальными глазами.

— А... а... указывалъ онъ на нее съ безпокойствомъ. Ему что-то хотѣлось сказать.

— Чего еще? крикнула Катерина Ивановна.

— Босенькая! Босенькая! бормоталъ онъ, полоумнымъ взглядомъ указывая на босыя ножки дѣвочки.

— Молчи-и-и! раздражительно крикнула Катерина Ивановна:— самъ знаешь почему босенькая!

— Славу Богу, докторъ! крикнулъ обрадованный Раскольникова.

Вошелъ докторъ, аккуратный старичокъ, Нѣмецъ, озираясь съ недовѣрчивымъ видомъ: подошелъ къ больному, взялъ пульсъ, внимательно ощупалъ голову и съ помощію Катерины Ивановны отстегнулъ всю смоченную кровью рубашку и обнажилъ грудь больнаго. Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана: нѣсколько реберъ съ правой стороны изломано. Съ лѣвой стороны, на самомъ сердцѣ, было зловѣщее, большое, желтовато-черное пятно, жестокій ударъ копытомъ. Докторъ нахмурился. Полицейскій разсказалъ ему, что раздавленнаго захватило въ колесо и тащило, вертя, шаговъ тридцать по мостовой.

— Удивительно какъ онъ еще очнулся, шепнулъ потихоньку докторъ Раскольникову.

— Что вы скажете? спросилъ тотъ.

— Сейчасъ умретъ.

— Неужели никакой надежды?

— Ни малѣйшей! При послѣднемъ издыханіи... Къ тому-же голова очень опасно ранена... Гм. Пожалуй, можно кровь отворить... но... это будетъ безполезно. Черезъ пять или десять минутъ умретъ непремѣнно.

— Такъ ужь отворите лучше кровь!

— Пожалуй... Впрочемъ, я васъ предупреждаю, это будетъ совершенно безполезно.

Въ это время послышались еще шаги, толпа въ сѣняхъ раз-

двинулась, и на порогѣ появился священникъ съ запасными дарами, сѣдой старичокъ. За нимъ ходилъ полицейскій, еще съ улицы. Докторъ тотчасъ-же уступилъ ему мѣсто и обмѣнялся съ нимъ значительнымъ взглядомъ. Раскольниковъ упросилъ доктора подождать хоть немножко. Тотъ пожалъ плечами и остался.

Всѣ отступили. Исповѣдь длилась очень недолго. Умирающій врядъ-ли хорошо понималъ что нибудь: произносить-же могъ только отрывистые, неясные звуки. Катерина Ивановна взяла Лидочку, сняла со стула мальчика, и, отойдя въ уголъ къ печкѣ, стала на колѣни, а дѣтей поставила на колѣни передъ собой. Дѣвочка только дрожала; мальчикъ-же, стоя на голыхъ колѣночкахъ, размѣренно подымалъ ручонку, крестился полнымъ крестомъ и кланялся въ землю, стукаясь лбомъ, что, повидимому, доставляло ему особенное удовольствіе. Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы; она тоже молилась, изрѣдка оправляя рубашечку на ребенкѣ, и успѣвъ набросить на слишкомъ обнаженныя плечи дѣвочки косынку, которую достала съ комода, не вставая съ колѣнъ и молясь. Между тѣмъ двери изъ внутреннихъ комнатъ стали опять отворяться любопытными. Въ сѣняхъ-же все плотнѣе и плотнѣе стѣснялись зрители, жильцы со всей лѣстницы, не переступая впрочемъ за порогъ комнаты. Одинъ только огарокъ освѣщалъ всю сцену.

Въ эту минуту изъ сѣней, сквозь толпу, быстро протѣснилась Поленька, бѣгавшая за сестрой. Она вошла едва переводя духъ отъ скораго бѣга, сняла съ себя платокъ, отыскала глазами мать, подошла къ ней и сказала: «идетъ! на улицѣ встрѣтила»! Мать пригнула ее на колѣни и поставила подлѣ себя. Изъ толпы, неслышно и робко, протѣснилась дѣвушка, и странно было ея внезапное появленіе въ этой комнатѣ, среди нищеты, лохмотьевъ, смерти и отчаянія. Она была тоже въ лохмотьяхъ; нарядъ ея былъ грошовый, но разукрашенный по уличному, подъ вкусъ и правила, сложившіяся въ своемъ особомъ мірѣ, съ ярко и позорно выдающеюся цѣлью. Соня остановилась въ сѣняхъ у самаго порога, но не переходила за порогъ и глядѣла какъ потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забывъ и о своемъ перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, шелковомъ, неприличномъ здѣсь, цвѣтномъ платьѣ съ длиннѣйшимъ и смѣшнымъ хвостомъ, и о необъятномъ кринолинѣ, загородившемъ всю дверь, и о свѣтлыхъ ботинкахъ, и объ омбрелькѣ, ненужной ночью, но которую она взяла съ собой, и о смѣшной соломенной круглой шляпкѣ съ яркимъ огненнаго цвѣта перомъ. Изъ подъ этой надѣтой мальчишески на бекрень шляпки выглядывало худое, блѣдное и испуганное личико, съ раскрытымъ ртомъ и съ неподвижными отъ ужаса глазами. Соня была малаго роста, лѣтъ

восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, съ замѣчательными голубыми глазами. Она пристально смотрѣла на постель, на священника; она тоже задыхалась отъ скорой ходьбы. Наконецъ, шушуканье, нѣкоторыя слова въ толпѣ, вѣроятно, до нея долетѣли. Она потупилась, переступила шагъ черезъ порогъ и стала въ комнатѣ, но опять-таки въ самыхъ дверяхъ.

Исповѣдь и причащеніе кончились. Катерина Ивановна снова подошла къ постели мужа. Священникъ отступилъ, и, уходя, обратился было сказать два слова въ напутствіе и утѣшеніе Катеринѣ Ивановнѣ.

— А куда я этихъ-то дѣну? рѣзко и раздражительно перебила она, указывая на малютокъ.

— Богъ милостивъ; надѣйтесь на помощь Всевышняго, началъ было священникъ.

— Э-эхъ! Милостивъ да не до насъ!

— Это грѣхъ, грѣхъ, сударыня, замѣтилъ священникъ качая головой.

— А это не грѣхъ? крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающаго.

— Быть можетъ тѣ, которые были невольною причиной, согласятся вознаградить васъ, хотя-бы въ потерѣ доходовъ...

— Не понимаете вы меня! раздражительно крикнула Катерина Ивановна, махнувъ рукой.—Да и за что вознаграждать-то? Вѣдь онъ самъ, пьяный, подъ лошадей полѣзъ! Какихъ доходовъ? Отъ него не доходы, а только мука была. Вѣдь онъ, пьяница, все пропивалъ! Насъ обкрадывалъ, да въ кабакъ носилъ, нашею да мою жизнь въ кабакѣ извелъ! И слава Богу, что умираетъ! Убытку меньше!

— Простить-бы надо въ предсмертный часъ, а это грѣхъ, сударыня, таковыя чувства большой грѣхъ!

Катерина Ивановна суетилась около больнаго, подавала ему пить, обтирала потъ и кровь съ головы, оправляла подушки и разговаривала съ священникомъ, изрѣдка успѣвая обернуться къ нему, между дѣломъ. Теперь-же она вдругъ набросилась на него почти въ изступленіи.

— Эхъ, батюшка! Слова да слова одни! Простить! Вотъ онъ пришелъ-бы сегодня пьяный, какъ-бы не раздавили-то, рубашка-то на немъ одна, вся заношенная, да въ лохмотьяхъ, такъ онъ-бы завалился дрыхнуть, а я-бы до разсвѣта въ водѣ полоскалась, обноски-бы его да дѣтскіе мыла, да потомъ высушила-бы за окномъ, да тутъ-же, какъ разсвѣтетъ, и штопать-бы сѣла,—вотъ моя и ночь!.. Такъ чего ужъ тутъ по прощеніи говорить! И то простила!

Глубокій, страшный кашель прервалъ ея слова. Она отхаркнулась въ платокъ и сунула его на показъ священнику, съ болью придерживая другою рукой грудь. Платокъ былъ весь въ крови...

Священникъ поникъ головой и не сказалъ ничего.

Мармеладовъ былъ въ послѣдней агоніи; онъ не отводилъ своихъ глазъ отъ лица Катерины Ивановны, склонившейся снова надъ нимъ. Ему все хотѣлось что-то ей сказать; онъ было и началъ, съ усиліемъ шевеля языкомъ и неясно выговаривая слова, но Катерина Ивановна, поняв̀шая, что онъ хочетъ просить у ней прощенія, тотчасъ-же повелительно крикнула на него:

— Молчи-и-и! Не надо!.. Знаю что̀ хочешь сказать!.. И больной умолкъ; но въ тоже минуту блуждающій взглядъ его упалъ на дверь, и онъ увидалъ Соню...

До сихъ поръ онъ не замѣчалъ ея: она стояла въ углу и въ тѣни.

— Кто это? Кто это? проговорилъ онъ вдругъ хриплымъ задыхающимся голосомъ, весь въ тревогѣ, съ ужасомъ указывая глазами на дверь, гдѣ стояла дочь, и усиливаясь приподняться.

— Лежи! Лежи-и-и! крикнула было Катерина Ивановна.

Но онъ съ несвойственнымъ усиліемъ успѣлъ опереться на руку. Онъ дико и неподвижно смотрѣлъ нѣкоторое время на дочь, какъ-бы не узнавая ее. Да и ни разу еще онъ не видалъ ея въ такомъ костюмѣ. Вдругъ онъ узналъ ее приниженную, убитую, развращенную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься съ умирающимъ отцомъ. Безконечное страданіе изобразилось въ лицѣ его.

— Соня! Дочь! Прости! крикнулъ онъ и хотѣлъ было протянуть къ ней руку, но, потерявъ опору, сорвался и грохнулся съ дивана, прямо лицомъ на земь; бросились поднимать его, положили, но онъ уже отходилъ. Соня слабо вскрикнула, подбѣжала, обняла его и такъ и замерла въ этомъ объятіи. Онъ умеръ у нея въ рукахъ.

— Добился своего! крикнула Катерина Ивановна, увидавъ трупъ мужа:—ну, что̀ теперь дѣлать! Чѣмъ я похороню его! А чѣмъ ихъ-то, ихъ-то завтра чѣмъ накормлю?

Раскольниковъ подошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Катерина Ивановна, началъ онъ ей,—на прошлой недѣлѣ вашъ покойный мужъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и всѣ обстоятельства... Будьте увѣрены, что онъ говорилъ объ васъ съ восторженнымъ уваженіемъ. Съ этого вечера, когда я узналъ какъ онъ всѣмъ вамъ былъ преданъ, и какъ особенно васъ, Катерина Ивановна, уважалъ и любилъ, не смотря на свою несчастную сла-

бость, съ этого вечера мы и стали друзьями... Позвольте-же мнѣ теперь... способствовать... къ отданію долга моему покойному другу. Вотъ тутъ... двадцать рублей, кажется,—и если это можетъ послужить вамъ въ помощь, то... я... однимъ словомъ, я зайду,—я непремѣнно зайду... я, можетъ быть, еще завтра зайду... Прощайте!

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты, поскорѣй протѣсняясь черезъ толпу на лѣстницу; но въ толпѣ вдругъ столкнулся съ Никодимомъ Ѳомичемъ, узнавшимъ о несчастіи и пожелавшимъ распорядиться лично. Со времени сцены въ конторѣ они не видались, но Никодимъ Ѳомичъ мигомъ узналъ его.

— А, это вы? спросилъ онъ его.

— Умеръ, отвѣчалъ Раскольниковъ.—Былъ докторъ, былъ священникъ, все въ порядкѣ. Не безпокойте очень бѣдную женщину, она и безъ того въ чахоткѣ. Ободрите ее, если чѣмъ можете... Вѣдь вы добрый человѣкъ, я знаю... прибавилъ онъ съ усмѣшкой, смотря ему прямо въ глаза.

— А какъ вы однакожъ кровью замочились, замѣтилъ Никодимъ Ѳомичъ, разглядѣвъ при свѣтѣ фонаря нѣсколько свѣжихъ пятенъ на жилетѣ Раскольникова.

— Да, замочился... я весь въ крови! проговорилъ съ какимъ-то особеннымъ видомъ Раскольниковъ, затѣмъ улыбнулся, кивнулъ головой и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Онъ сходилъ тихо, не торопясь, весь въ лихорадкѣ, и не сознавая того, полный одного, новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущеніе могло походить на ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прощеніе. На половинѣ лѣстницы нагналъ его возвращавшійся домой священникъ; Раскольниковъ молча пропустилъ его впередъ, размѣнявшись съ нимъ безмолвнымъ поклономъ. Но уже сходя послѣднія ступени, онъ услышалъ вдругъ послѣшные шаги за собою. Кто-то догонялъ его. Это была Поленька; она бѣжала за нимъ и звала его: «Послушайте! Послушайте»!

Онъ обернулся къ ней. Та сбѣжала послѣднюю лѣстницу и остановилась внизъ передъ нимъ, ступенькой выше его. Тусклый свѣтъ проходилъ со двора. Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбавшееся ему и весело, но дѣтски, на него смотрѣвшее. Она прибѣжала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось.

— Послушайте, какъ васъ зовутъ?.. а еще: гдѣ вы живете? спросила она торопясь, задыхающимся голоскомъ.

Онъ положилъ ей обѣ руки на плечи и съ какимъ-то счастьемъ

глядѣлъ на нее. Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть,—онъ самъ не зналъ почему.

— А кто васъ прислалъ?

— А меня прислала сестрица Соня, отвѣчала дѣвочка, еще веселѣе улыбаясь.

— Я такъ и зналъ что васъ прислала сестрица Соня.

— Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала посылать, мамаша тоже подошла и сказала: «Поскорѣй бѣги, Поленька!»

— Любите вы сестрицу Соню?

— Я ее больше всѣхъ люблю! съ какою-то особенною твердостію проговорила Поленька, и улыбка ея стала вдругъ серіозиѣе.

— А меня любить будете?

Вмѣсто отвѣта, онъ увидѣлъ приближающееся къ нему личико дѣвочки и пухленькія губки наивно протянувшіяся поцѣловать его. Вдругъ тоненькія, какъ спички, руки ея обхватили его крѣпко-крѣпко, голова склонилась къ его плечу, и дѣвочка тихо заплакала, прижимаясь лицомъ къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Папочку жалко! проговорила она черезъ минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы:—все такія теперь несчастія пошли, прибавила она неожиданно, съ тѣмъ особенно солиднымъ видомъ, который усиленно принимаютъ дѣти, когда захотятъ вдругъ говорить какъ «большіе».

— А папаша васъ любилъ?

— Онъ Лидочку больше всѣхъ насъ любилъ, продолжала она очень серіозно и не улыбаясь, уже совершенно какъ говорятъ большіе,—потому любилъ, что она маленькая и отъ того еще что больная, и ей всегда гостинцу носилъ, а насъ онъ читать училъ, а меня грамматикѣ и Закону Божію, прибавила она съ достоинствомъ, — а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любитъ, и папочка зналъ, а мамочка меня хочетъ по французски учить, потому что мнѣ уже пора получить образованіе.

— А молиться вы умѣете?

— О, какъ-же, умѣемъ! Давно уже; я, какъ ужъ большая, то молюсь сама про себя, а Коля съ Лидочкой вмѣстѣ съ маманей вслухъ; сперва «Богородицу» прочитаютъ, а потомъ еще одну молитву: «Боже, прости и благослови сестрицу Соню», а потомъ еще: «Боже, прости и благослови нашего другаго папашу», потому что нашъ старшій папаша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ томъ тоже молимся.

— Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда нибудь и обо мнѣ, «и раба Родіона»—больше ничего.

— Всю мою будущую жизнь буду объ васъ молиться, горячо проговорила дѣвочка, и вдругъ опять засмѣялась, бросилась къ нему и крѣпко опять обняла его.

Раскольниковъ сказалъ ей свое имя, далъ адресъ и обѣщался завтра-же непремѣнно зайти. Дѣвочка ушла въ совершенномъ отъ него восторгѣ. Былъ часъ одиннадцатый, когда онъ вышелъ на улицу. Черезъ пять минутъ онъ стоялъ на мосту, ровно на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго давеча бросилась женщина.

«Довольно!» произнесъ онъ рѣшительно и торжественно,—«прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидѣнія!... Есть жизнь! Развѣ я сейчасъ не жилъ? Не умерла еще моя жизнь вмѣстѣ съ старою старухой! Царство ей небесное и,—довольно, матушка, пора на покой! Царство разсудка и свѣта теперь! и... и воли, и силы... и посмотримъ теперь! Помѣряемся теперь!» прибавилъ онъ заносчиво, какъ-бы обращаясь къ какой-то темной силѣ и вызывая ее. «А вѣдь я уже согласился жить на аршинѣ пространства!»

«.... Слабъ я очень въ эту минуту, но.... кажется, вся болѣзнь прошла. Я и зналъ что пройдетъ, когда вышелъ давеча. Кстати: домъ Починкова, это два шага. Ужь непремѣнно къ Разумихину, хоть-бы и не два шага.... пусть выиграетъ закладъ!... Пусть и онъ нотѣшится, — ничего, пусть!... Сила, сила нужна: безъ силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой-же, вотъ этого-то они и не знаютъ», прибавилъ онъ гордо и самоувѣренно и пошелъ, едва переводя ноги, съ моста. Гордость и самоувѣренность наростали въ немъ каждую минуту; уже въ слѣдующую минуту это становился не тотъ человѣкъ что̀ былъ въ предыдущую. Что̀-же однако случилось такого особеннаго, что̀ такъ перевернуло его? Да онъ и самъ не зналъ; ему, какъ хватавшемуся за соломенку, вдругъ показалось что и ему «можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вмѣстѣ съ старою старухой». Можетъ быть, онъ слишкомъ поспѣшилъ заключеніемъ, но онъ объ этомъ не думалъ.

«А раба-то Родіона попросилъ однако помянуть», мелькнуло вдругъ въ его головѣ:—«ну да это... на всякій случай!» прибавилъ онъ, и самъ тутъ-же засмѣялся надъ своею мальчишескою выходкой. Онъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

Онъ легко отыскалъ Разумихина; въ домъ Починкова новаго жильца уже знали, и дворникъ тотчасъ указалъ ему дорогу. Уже съ половины лѣстницы можно было различить шумъ и оживленный говоръ большаго собранія. Дверь на лѣстницу была отворена настежь; слышались крики и споры. Комната Разумихина была довольно большая, собраніе-же было человѣкъ въ пятнадцать. Ра-

сольниковъ остановился въ прихожей. Тутъ, за перегородкой, двѣ хозяйскія служанки хлопотали около двухъ большихъ самоваровъ, около бутылокъ, тарелокъ и блюдъ съ пирогомъ и закусками, принесенныхъ съ хозяйской кухни. Раскольниковъ послалъ за Разумихинымъ. Тотъ прибѣжалъ въ восторгѣ. Съ перваго взгляда замѣтно было, что онъ необыкновенно много выпилъ, и хотя Разумихинъ почти никогда не могъ напиться до-пьяна, но на этотъ разъ что-то было замѣтно.

— Слушай, поспѣшилъ Раскольниковъ, — я пришелъ только сказать, что ты закладъ выигралъ и что дѣйствительно никто не знаетъ что̀ съ нимъ можетъ случиться. Войти-же я не могу: я такъ слабъ, что сейчасъ упаду. И потому здравствуй и прощай! А завтра ко мнѣ приходи...

— Знаешь что̀, провожу я тебя домой! Ужь когда ты самъ говоришь что слабъ, то...

— А гости? Кто этотъ курчавый, вотъ что̀ сейчасъ сюда заглянулъ?

— Этотъ? А чортъ его знаетъ! Дядинъ знакомый, должно быть, а, можетъ, и самъ пришелъ... Съ ними я оставлю дядю; это драгоцѣннѣйшій человѣкъ; жаль, что ты не можешь теперь познакомиться. А впрочемъ, чортъ съ ними со всѣми! Имъ теперь не до меня, да и мнѣ надо освѣжиться, потому, братъ, ты кстати пришелъ: еще двѣ минуты, и я-бы тамъ подрался, ей Богу! Врутъ такую дичь... Ты представить себѣ не можешь до какой степени можетъ извратиться наконецъ человѣкъ! Впрочемъ, какъ не представить? Мы-то сами развѣ не времъ? Да и пусть врутъ: зато погомъ врать не будутъ... Посиди минутку, я приведу Зосимова.

Зосимовъ съ какою-то даже жадностію накинулся на Раскольникова; въ немъ замѣтно было какое-то особенное любопытство; скоро лицо его прояснилось.

— Немедленно спать, рѣшилъ онъ, осмотрѣвъ, по возможности, паціента, — а на ночь принять-бы одну штучку. Примете? Я еще давеча заготовилъ... порошечекъ одинъ.

— Хоть два, отвѣчалъ Раскольниковъ.

Порошекъ былъ тутъ-же принятъ.

— Это очень хорошо, что ты самъ его поведешь, замѣтилъ Зосимовъ Разумихину; — что̀ завтра будетъ, увидимъ, а сегодня очень даже не дурно: значительная перемѣна съ давешняго. Вѣкъ живи, вѣкъ учись...

— Знаешь что̀ мнѣ сейчасъ Зосимовъ шепнулъ, какъ мы выходили, брякнулъ Разумихинъ, только что они вышли на улицу. — Я, братъ, тебѣ все прямо скажу, потому что они дураки. Зо-

симовъ велѣлъ мнѣ болтать съ тобою дорогой и тебя заставить болтать, и потомъ ему разсказать, потому что у него идея... что ты... сумасшедшій, или близокъ къ тому. Вообрази ты это себѣ! Во первыхъ, ты втрое его умнѣе, во вторыхъ, если ты не помѣшанный, такъ тебѣ наплевать на то что у него такая дичь въ головѣ, а въ третьихъ, этотъ кусокъ мяса, и по спеціальности своей — хирургъ, помѣшался теперь на душевныхъ болѣзняхъ, а на счетъ тебя повернулъ его окончательно сегодняшній разговоръ твой съ Заметовымъ.

— Заметовъ все тебѣ разсказалъ?

— Все, и отлично сдѣлалъ. Я теперь всю подноготную понялъ, и Заметовъ понялъ... Ну, да, однимъ словомъ, Родя... дѣло въ томъ... Я теперь пьянъ капельку... Но это ничего... дѣло въ томъ, что эта мысль... понимаешь? дѣйствительно, у нихъ наклевывалась... понимаешь? То есть они никто не смѣли ее вслухъ высказывать, потому дичь нелѣпѣйшая, и особенно когда этого красильщика взяли, все это лопнуло и погасло на вѣки. Но зачѣмъ-же они дураки? Я тогда Заметова немного поколотилъ, — это между нами, братъ; пожалуйста, и намека не подавай что знаешь; я замѣтилъ, что онъ щекотливъ: у Лавизы было,—но сегодня, сегодня все стало ясно. Главное, этотъ Илья Петровичъ! Онъ тогда воспользовался твоимъ обморокомъ въ конторѣ, да и самому потомъ стыдно стало: я вѣдь знаю...

Раскольниковъ жадно слушалъ. Разумихинъ сильно пробалтывался.

— Я въ обморокъ оттого тогда упалъ, что было душно и краской масляною пахло, сказалъ Раскольниковъ.

— Еще объясняетъ! Да и не одна краска: воспаленіе весь мѣсяцъ приготовлялось; Зосимовъ-то на лицо! А только какъ этотъ мальчишка теперь убитъ, такъ ты себѣ представить не можешь! «Низшіе, говоритъ, этого человѣка не стою! Твоего, то есть. У него иногда, братъ, добрыя чувства. Но урокъ, урокъ ему сегодняшній въ Хрустальномъ Дворцѣ, это верхъ совершенства! Вѣдь ты его испугалъ сначала, до судорогъ довелъ! Ты вѣдь почти заставилъ его опять убѣдиться во всей этой безобразной безсмыслицѣ и потомъ, вдругъ—языкъ ему выставилъ: На, дескать, что взялъ! Совершенство! Раздавленъ, уничтоженъ теперь! Мастеръ ты, ей Богу, такъ ихъ и надо! Эхъ, не было меня тамъ! Ждалъ онъ тебя теперь ужасно. Порфирій тоже желаетъ съ тобой познакомиться...

— А... ужъ и этотъ... А въ сумасшедшіе-то меня почему записали?

— То есть не въ сумасшедшіе. Я, братъ, кажется, слишкомъ тебѣ разболтался... Поразило, видишь-ли, его давеча то, что тебя одинъ только этотъ пунктъ интересуетъ... Теперь ясно почему интересуетъ; зная всѣ обстоятельства... и какъ это тебя раздражило тогда и вмѣстѣ съ болѣзнью сплелось... Я, братъ, пьянъ немного, только, чортъ его знаетъ, у него какая-то есть своя идея... Я тебѣ говорю: на душевныхъ болѣзняхъ помѣшался. А только ты плюнь...

Съ полминуты оба помолчали.

— Слушай, Разумихинъ, заговорилъ Раскольниковъ,—я тебѣ хочу сказать прямо: я сейчасъ у мертваго былъ, одинъ чиновникъ умеръ... я тамъ всѣ мои деньги отдалъ... и кромѣ того, меня цѣловало сейчасъ одно существо, которое, если-бъ я и убилъ кого нибудь, тоже-бы... однимъ словомъ, я тамъ видѣлъ еще другое одно существо... съ огненнымъ перомъ... а впрочемъ, я завираюсь: я очень слабъ, поддержи меня... сейчасъ вѣдь и лѣстница...

— Что съ тобой? Что съ тобой? спрашивалъ встревоженный Разумихинъ.

— Голова немного кружится, только не въ томъ дѣло, а въ томъ, что мнѣ такъ грустно, такъ грустно! точно женщинѣ... право! Смотри, это что? Смотри! Смотри!

— Что такое?

— Развѣ не видишь? Свѣтъ въ моей комнатѣ, видишь? Въ щель...

Они уже стояли передъ послѣднею лѣстницей, рядомъ съ хозяйскою дверью, и дѣйствительно, замѣтно было снизу, что въ каморкѣ Раскольникова свѣтъ.

— Странно! Настасья, можетъ быть, замѣтилъ Разумихинъ.

— Никогда ея въ это время у меня не бываетъ, да и спитъ она давно, но... мнѣ все равно! Прощай!

— Что ты? Да я провожу тебя, вмѣстѣ войдемъ!

— Знаю что вмѣстѣ войдемъ, но мнѣ хочется здѣсь пожать тебѣ руку и здѣсь съ тобой проститься. Ну, давай руку, прощай!

— Что съ тобой, Родя?

— Ничего; пойдемъ; ты будешь свидѣтелемъ...

Они стали взбираться на лѣстницу, и у Разумихина мелькнула мысль, что Зосимовъ-то, можетъ быть, правъ. «Эхъ! Разстроилъ я его моей болтовней!» пробормоталъ онъ про себя. Вдругъ, подходя къ двери, они услышали въ комнатѣ голоса.

— Да что тутъ такое? вскричалъ Разумихинъ.

Раскольниковъ первый взялся за дверь и отворилъ ее настежь, отворилъ и сталъ на порогѣ какъ вкопаный.

Мать и сестра его сидѣли у него на диванѣ и ждали уже полтора часа. Почему-же онъ всего менѣе ихъ ожидалъ и всего менѣе о нихъ думалъ, не смотря на повторившееся даже сегодня извѣстіе, что онѣ выѣзжаютъ, ѣдутъ, сейчасъ прибудутъ? Всѣ эти полтора часа онѣ на перебивъ разспрашивали Настасью, стоявшую и теперь передъ ними и уже успѣвшую разсказать имъ всю подноготную. Онѣ себя не помнили отъ испуга, когда услышали, что онъ «сегодня сбѣжалъ», больной и, какъ видно изъ разсказа, непремѣнно въ бреду! — Боже, что съ нимъ!» Обѣ плакали, обѣ вынесли крестную муку въ эти полтора часа ожиданія.

Радостный, восторженный крикъ встрѣтилъ появленіе Раскольникова. Обѣ бросились къ нему. Но онъ стоялъ какъ мертвый: невыносимое внезапное сознаніе ударило въ него какъ громомъ. Да и руки его не поднимались обнять ихъ: не могли. Мать и сестра сжимали его въ объятіяхъ, цѣловали его, смѣялись, плакали... Онъ ступилъ шагъ, покачнулся и рухнулся на полъ въ обморокѣ.

Тревога, крики ужаса, стоны... Разумихинъ, стоявшій на порогѣ, влетѣлъ въ комнату, схватилъ больнаго въ свои мощныя руки, и тотъ мигомъ очутился на диванѣ.

— Ничего, ничего! кричалъ онъ матери и сестрѣ,—это обморокъ, это дрянь! Сейчасъ только докторъ сказалъ, что ему гораздо лучше, что онъ совершенно здоровъ! Воды! Ну, вотъ ужъ онъ и приходитъ въ себя, ну, вотъ и очнулся!..

И схвативъ за руку Дунечку такъ, что чуть не вывернулъ ей руки, онъ принудилъ ее посмотрѣть на то, что «вотъ ужъ онъ и очнулся». И мать и сестра смотрѣли на Разумихина какъ на провидѣніе, съ умиленіемъ и благодарностью: онѣ уже слышали отъ Настасьи чѣмъ былъ для ихъ Роди, во все время болѣзни, этотъ «расторопный молодой человѣкъ», какъ назвала его, въ тотъ-же вечеръ, въ интимномъ разговорѣ съ Дуней, сама Пульхерія Александровна Раскольникова.

Часть третья.

I.

Раскольниковъ приподнялся и сѣлъ на диванѣ.

Онъ слабо махнулъ Разумихину, чтобы прекратить цѣлый потокъ его безсвязныхъ и горячихъ утѣшеній, обращенныхъ къ матери и сестрѣ, взялъ ихъ обѣихъ за руки и минуты двѣ молча всматривался то въ ту, то въ другую. Мать испугалась его взгляда. Въ этомъ взглядѣ просвѣчивалось сильное до страданія чувство, но въ тоже время было что-то неподвижное, даже какъ будто безумное. Пульхерія Александровна заплакала.

Авдотья Романовна была блѣдна; рука ея дрожала въ рукѣ брата.

— Ступайте домой... съ нимъ, проговорилъ онъ прерывистымъ голосомъ, указывая на Разумихина,—до завтра; завтра все... Давно вы пріѣхали?

— Вечеромъ, Родя, отвѣчала Пульхерія Александровна:—поѣздъ ужасно опоздалъ. Но, Родя, я ни за что не уйду теперь отъ тебя! Я почую здѣсь подлѣ...

— Не мучьте меня! проговорилъ онъ, раздражительно махнувъ рукой.

— Я останусь при немъ! вскричалъ Разумихинъ,—ни на минуту его не покину, и къ чорту тамъ всѣхъ моихъ, пусть на стѣны лѣзутъ! Тамъ у меня дядя президентомъ.

— Чѣмъ, чѣмъ я возблагодарю васъ! начала было Пульхерія Александровна, снова сжимая руки Разумихина, но Раскольниковъ опять прервалъ ее:

— Я не могу. не могу, раздражительно повторялъ онъ,—не мучьте! Довольно, уйдите... Не могу!..

— Пойдемте, маменька, хоть изъ комнаты выйдемъ на минуту, шепнула испуганная Дуня,—мы его убиваемъ, это видно.

— Да неужели-жь я и не погляжу на него, послѣ трехъ-то лѣтъ! заплакала Пульхерія Александровна.

— Постойте! остановилъ онъ ихъ снова,—вы все перебиваете, а у меня мысли мѣшаются... Видѣли Лужина?

— Нѣтъ, Родя, но онъ уже знаетъ о нашемъ пріѣздѣ. Мы слышали, Родя, что Петръ Петровичъ былъ такъ добръ, навѣстилъ тебя сегодня, съ нѣкоторою робостію прибавила Пульхерія Александровна.

— Да... былъ такъ добръ... Дуня, я давеча Лужину сказалъ, что его съ лѣстницы спущу и прогналъ его къ чорту...

— Родя, что ты! Ты вѣрно... ты не хочешь сказать, начала было въ испугѣ Пульхерія Александровна, но остановилась, смотря на Дуню.

Авдотья Романовна пристально вглядывалась въ брата и ждала дальше. Объ уже были предувѣдомлены о ссорѣ Настасьей, насколько та могла понять и передать, и извстрадались въ недоумѣніи и ожиданіи.

— Дуня, съ усиліемъ продолжалъ Раскольниковъ, — я этого брака не желаю, а потому ты и должна, завтра-же, при первомъ словѣ, Лужину отказать, чтобъ и духу его не пахло.

— Боже мой! вскричала Пульхерія Александровна.

— Братъ, подумай что ты говоришь! вспыльчиво начала было Авдотья Романовна, но тотчасъ-же удержалась. Ты, можетъ быть, теперь не въ состояніи, ты усталъ, кротко сказала она.

— Въ бреду? Нѣтъ... Ты выходишь за Лужина *для меня*. А я жертвы не принимаю. И потому, къ завтраму, напиши письмо... съ отказомъ... Утромъ дай мнѣ прочесть, и конецъ!

— Я этого не могу сдѣлать! вскричала обиженная дѣвушка.— По какому праву...

— Дунечка, ты тоже вспыльчива, перестань, завтра... Развѣ ты не видишь... перепугалась мать, бросаясь къ Дунѣ. — Ахъ, уйдемте ужь лучше!

— Бредитъ! закричалъ хмѣльной Разумихинъ: — а то какъ-бы онъ смѣлъ! Завтра вся эта дурь выскочитъ... А сегодня онъ дѣйствительно его выгналъ. Это такъ и было. Ну, а тотъ разсердился... Ораторствовалъ здѣсь, знанія свои выставлять, да и ушелъ, хвостъ поджавъ...

— Такъ это правда? вскричала Пульхерія Александровна.

— До завтра, братъ, съ состраданіемъ сказала Дуня, — пойдемте, маменька... Прощай, Родя!

— Слышишь, сестра, повторилъ онъ вслѣдъ, собравъ послѣднія усилія,—я не въ бреду; этотъ бракъ—подлость. Пусть я подлецъ,

а ты не должна... одинъ кто нибудь... а я хоть и подлецъ, но такую сестру сестрой считать не буду. Или я, или Лужинъ! Ступайте...

— Да ты съ ума сошелъ! Деспотъ! заревѣлъ Разумихинъ, но Раскольниковъ уже не отвѣчалъ, а, можетъ быть, и не въ силахъ былъ отвѣчать. Онъ легъ на диванъ и отвернулся къ стѣнѣ въ полномъ изнеможеніи. Авдотья Романовна любопытно поглядѣла на Разумихина; черные глаза ея сверкнули; Разумихинъ даже вздрогнулъ подъ этимъ взглядомъ. Пульхерія Александровна стояла какъ пораженная.

— Я ни за что не могу уйти! шептала она Разумихину, чуть не въ отчаяніи,—я останусь здѣсь, гдѣ нибудь... проводите Дуню.

— И все дѣло испортите! тоже прошепталъ, изъ себя выходя, Разумихинъ:—выйдемте хоть на лѣстницу. Настасья, свѣти! Клянусь вамъ, продолжалъ онъ полушепотомъ, уже на лѣстницѣ,—что давеча насъ, меня и доктора, чуть не прибилъ! Понимаете вы это! Самого доктора! И тотъ уступилъ, чтобы не раздражать, и ушелъ, а я внизу остался стеречь, а онъ тутъ одѣлся и улизнулъ. И теперь улизнетъ, коли раздражать будете, ночью-то, да что нибудь и сдѣлаетъ надъ собой...

— Ахъ, что̀ вы говорите!

— Да и Авдотьѣ Романовнѣ невозможно въ нумерахъ безъ васъ одной! Подумайте, гдѣ вы стоите! Вѣдь этотъ подлецъ, Петръ Петровичъ, не могъ развѣ лучше вамъ квартиру... А впрочемъ, знаете, я немного пьянъ и потому... обругалъ; не обращайте...

— Но я пойду къ здѣшней хозяйкѣ, настаивала Пульхерія Александровна, — я умолю ее, чтобъ она дала мнѣ и Дунѣ уголъ на эту ночь. Я не могу оставить его такъ, не могу!

Говоря это, они стояли на лѣстницѣ, на площадкѣ, передъ самою хозяйкиною дверью. Настасья свѣтила имъ съ нижней ступеньки. Разумихинъ былъ въ необыкновенномъ возбужденіи. Еще полчаса тому, провожая домой Раскольникова, онъ былъ хоть и изрядно болтливъ, что̀ и сознавалъ, но совершенно бодръ и почти свѣжъ, не смотря на ужасное количество выпитаго въ этотъ вечеръ вина. Теперь-же состояніе его походило на какой-то даже восторгъ, и въ тоже время какъ будто все выпитое вино вновь, разомъ и съ удвоенною силой, бросилось ему въ голову. Онъ стоялъ съ обѣими дамами, схвативъ ихъ обѣихъ за руки, уговаривая ихъ и представляя имъ резоны съ изумительною откровенностью и, вѣроятно, для большаго убѣжденія, почти при каждомъ словѣ своемъ, крѣпко на крѣпко, какъ въ тискахъ сжималъ имъ обѣимъ руки до боли, и, казалось, пожиралъ глазами Авдотью Романовну, нисколько этимъ не стѣсняясь. Отъ боли онѣ иногда вырывали свои руки изъ его огромной

и костлявой ручищи, но онъ не только не замѣчалъ въ чемъ дѣло, но еще крѣпче притягивалъ ихъ къ себѣ. Еслибъ онъ велѣли ему сейчасъ, для своей услуги, броситься съ лѣстницы внизъ головой, то онъ тотчасъ-же-бы это исполнилъ, не разсуждая и не сомнѣваясь. Пульхерія Александровна, вся встревоженная мыслію о своемъ Родѣ, хоть и чувствовала, что молодой человѣкъ очень ужь эксцентриченъ и слишкомъ ужь больно жметъ ей руку, но такъ какъ въ тоже время онъ былъ для нея провидѣніемъ, то и не хотѣла замѣчать всѣхъ этихъ эксцентрическихъ подробностей. Но не смотря на ту-же тревогу, Авдотья Романовна, хоть и не пугливаго была характера, но съ изумленіемъ и почти даже съ испугомъ встрѣчала сверкающіе дикимъ огнемъ взгляды друга своего брата, и только безпредѣльная довѣренность, внушенная разсказами Настасьи объ этомъ страшномъ человѣкѣ, удержала ее отъ покушенія убѣжать отъ него и утащить за собою свою мать. Она понимала тоже, что, пожалуй, имъ и убѣжать-то отъ него теперь ужь нельзя. Впрочемъ, минуть черезъ десять она значительно успокоилась: Разумихинъ имѣлъ свойство мигомъ весь высказываться, въ какомъ-бы онъ ни былъ настроеніи, такъ что всѣ очень скоро узнавали съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

— Невозможно къ хозяйкѣ, и вздоръ ужаснѣйшій! вскричалъ онъ, убѣждая Пульхерію Александровну.—Хоть вы и мать, а если останетесь, то доведете его до бѣшенства, и тогда чортъ знаетъ что будетъ! Слушайте, вотъ что я сдѣлаю: теперь у него Настасья посидитъ, а я васъ обѣихъ отведу къ вамъ, потому что вамъ однѣмъ нельзя по улицамъ; у насъ въ Петербургѣ на этотъ счетъ... Ну, наплевать!.. Потомъ отъ васъ тотчасъ-же бѣгу сюда и черезъ четверть часа, мое честнѣйшее слово, принесу вамъ донесеніе: каковъ онъ? спитъ или нѣтъ? и все прочее. Потомъ, слушайте! Потомъ отъ васъ мигомъ къ себѣ, — тамъ у меня гости, всѣ пьяные, — беру Зосимова — это докторъ, который его лечитъ, онъ теперь у меня сидитъ, не пьянъ; этотъ не пьянъ, этотъ никогда не пьянъ! Тащу его къ Родькѣ и потомъ тотчасъ къ вамъ, значитъ, въ часъ вы получите о немъ два извѣстія,—и отъ доктора, понимаете, отъ самого доктора: это ужь не то что отъ меня! Коль худо, клянусь, я васъ самъ сюда приведу, а хорошо, такъ и ложитесь спать. А я всю ночь здѣсь ночую, въ сѣняхъ, онъ и не услышитъ, а Зосимову велю ночевать у хозяйки, чтобы быть подъ рукой. Ну что для него теперь лучше, вы или докторъ? Вѣдь докторъ полезнѣе, полезнѣе. Ну, такъ и идите домой! А къ хозяйкѣ невозможно: мнѣ возможно, а вамъ невозможно: не пуститъ, потому... потому что она дура. Она меня приревнуетъ къ Авдотьѣ Романовнѣ, хотите

знать, да и къ вамъ тоже... А ужь къ Авдотьѣ Романовнѣ непремѣнно. Это совершенно, совершенно неожиданный характеръ! Впрочемъ, я тоже дуракъ... Наплевать! Пойдемте! Вѣрите вы мнѣ? Ну, вѣрите вы мнѣ или нѣтъ?

— Пойдемте, маменька, сказала Авдотья Романовна,—онъ вѣрно такъ сдѣлаетъ какъ обѣщаетъ. Онъ воскресилъ уже брата, а если правда, что докторъ согласится здѣсь ночевать, такъ чего-же лучше?

— Вотъ вы... вы... вы меня понимаете, потому что вы—ангелъ! въ восторгѣ вскричалъ Разумихинъ.—Идемъ! Настасья! Мигомъ наверхъ и сиди тамъ при немъ, съ огнемъ; я черезъ четверть часа приду...

Пульхерія Александровна хоть и не убѣдилась совершенно, но и не сопротивлялась болѣе. Разумихинъ принялъ ихъ обѣихъ подъ руки и потащилъ съ лѣстницы. Впрочемъ и онъ ее безпокоилъ: «хоть и разторопный, и добрый, да въ состояніи-ли исполнить что̀ обѣщаетъ? Въ такомъ вѣдь онъ видѣ!..»

— А, понимаю, вы думаете, что я въ такомъ видѣ! перебилъ ея мысли Разумихинъ, угадавъ ихъ и шагая своими огромнѣйшими шажищами по тротуару, такъ что обѣ дамы едва могли за нимъ слѣдовать, чего, впрочемъ, онъ не замѣчалъ.—Вздоръ! то есть... я пьянъ, какъ олухъ, но не въ томъ дѣло; я пьянъ не отъ вина. А это, какъ я васъ увидалъ, мнѣ въ голову и ударило... Да наплевать на меня! Не обращайте вниманія; я вру; я васъ недостоинъ... Я васъ въ высшей степени недостоинъ!... А какъ отведу васъ, мигомъ, здѣсь-же въ канавѣ, вылью себѣ на голову два ушата воды, и готовъ... Еслибы вы только знали какъ я васъ обѣихъ люблю!.. Не смѣйтесь и не сердитесь!.. На всѣхъ сердитесь, а на меня не сердитесь! Я его другъ, а, стало быть, и вашъ другъ. Я такъ хочу... Я это предчувствовалъ... прошлаго года, одно мгновеніе такое было... Впрочемъ, вовсе не предчувствовалъ, потому что вы какъ съ неба упали. А я, пожалуй, и всю ночь не буду спать... Этотъ Зосимовъ давеча боялся, чтобъ онъ не сошелъ съ ума... Вотъ отчего его раздражать не надо...

— Что̀ вы говорите! вскричала мать.

— Неужели самъ докторъ такъ говорилъ? спросила Авдотья Романовна, испугавшись.

— Говорилъ, но это не то, совсѣмъ не то. Онъ и лекарство такое далъ, порошокъ, я видѣлъ, а вы тутъ и пріѣхали... Эхъ!.. Вамъ-бы завтра лучше пріѣхать! Это хорошо что мы ушли. А черезъ часъ вамъ обо всемъ самъ Зосимовъ отрапортуетъ. Вотъ тотъ такъ не пьянъ! И я буду не пьянъ... А отчего я такъ нахлестался? А оттого что въ споръ ввели, проклятые! Заклятье вѣдь далъ не

спорить!.. Такую чушь городятъ! Чуть не подрался! Я тамъ дядю оставилъ, предсѣдателемъ... Ну, вѣрите-ли: полной безличности требуютъ, и въ этомъ самый смакъ находятъ! Какъ-бы только самимъ собой не быть, какъ-бы всего менѣе на себя походить! Это-то у нихъ самымъ высочайшимъ прогрессомъ и считается. И хоть-бы врали-то они по своему, а то...

— Послушайте, робко перебила Пульхерія Александровна, но это только подлило жару.

— Да вы что думаете? кричалъ Разумихинъ, еще болѣе возвышая голосъ: — вы думаете я за то что они врутъ? Вздоръ! Я люблю когда врутъ! Вранье есть единственная человѣческая привилегія передъ всѣми организмами. Соврешь — до правды дойдешь! Потому я и человѣкъ что вру. Ни до одной правды не добрались не совравъ напередъ разъ четырнадцать, а, можетъ, и сто четырнадцать, а это почетно въ своемъ родѣ; ну, а мы и соврать-то своимъ умомъ не умѣемъ! Ты мнѣ ври, да ври по своему, и я тебя тогда поцѣлую. Соврать по своему вѣдь это почти лучше чѣмъ правда по одному по чужому; въ первомъ случаѣ ты человѣкъ, а во второмъ ты только что птица! Правда не уйдетъ, а жизнь-то заколотить можно; примѣры были. Ну, что мы теперь? Всѣ-то мы, всѣ безъ исключенія, по части науки, развитія, мышленія, изобрѣтеній, идеаловъ, желаній, либерализма, разсудка, опыта и всего, всего, всего, всего, еще въ первомъ предуготовительномъ классѣ гимназіи сидимъ! Понравилось чужимъ умомъ пробавляться,—въѣлись! Такъ-ли? Такъ-ли я говорю! кричалъ Разумихинъ, потрясая и сжимая руки обѣихъ дамъ,—такъ-ли?

— О, Боже мой, я не знаю, проговорила бѣдная Пульхерія Александровна.

— Такъ, такъ... хоть я и не во всемъ съ вами согласна, серіозно прибавила Авдотья Романовна и тутъ-же вскрикнула, до того больно на этотъ разъ стиснулъ онъ ей руку.

— Такъ? Вы говорите, такъ? Ну такъ послѣ этого вы... вы... закричалъ онъ въ восторгѣ.—вы источникъ доброты, чистоты, разума, и... совершенства! Дайте вашу руку, дайте... вы тоже дайте вашу, я хочу поцѣловать ваши руки здѣсь, сейчасъ, на колѣнахъ!

И онъ сталъ на колѣни середи тротуара, къ счастью, на этотъ разъ пустыннаго.

— Перестаньте, прошу васъ, что вы дѣлаете? вскричала встревоженная до крайности Пульхерія Александровна.

— Встаньте, встаньте! смѣялась и тревожилась тоже Дуня.

— Ни за что, прежде чѣмъ не дадите руки! Вотъ такъ, и довольно, и всталъ, и пойдемте! Я несчастный олухъ, я васъ не-

достоинъ и пьянъ, и стыжусь... Любить я васъ недостоинъ, но преклониться предъ вами—это обязанность каждаго, если только онъ не совершенный скотъ! Я и преклонился... Вотъ и ваши нумера, и ужь тѣмъ однимъ правъ Родіонъ, что давеча вашего Петра Петровича выгналъ! Какъ онъ смѣлъ васъ въ такіе нумера помѣстить? Это скандалъ! Знаете-ли кого сюда пускаютъ? А вѣдь вы невѣста! Вы невѣста, да? Ну такъ я вамъ скажу, что вашъ женихъ подлецъ послѣ этого!

— Послушайте, господинъ Разумихинъ, вы забылись... начала было Пульхерія Александровна.

— Да, да, вы правы, я забылся, стыжусь! спохватился Разумихинъ,—но... но... вы не можете на меня сердиться за то что я такъ говорю! Потому я некрепко говорю, а не оттого что... гм! это было-бы подло; однимъ словомъ, не оттого что я въ васъ... гм!.. ну, такъ и быть, не надо, не скажу отчего, не смѣю!.. А мы всѣ давеча поняли, какъ онъ вошелъ, что этотъ человѣкъ не нашего общества. Не потому что онъ вошелъ завитой у парикмахера, не потому что онъ свой умъ спѣшилъ выставлять, а потому что онъ соглядатай и спекулянтъ; потому что онъ жидъ и фигляръ, и это видно. Вы думаете, онъ уменъ? Нѣтъ, онъ дуракъ, дуракъ! Ну, пара-ли онъ вамъ? О, Боже мой! Видите, барыни, остановился онъ вдругъ, уже поднимаясь на лѣстницу въ нумера,—хоть они у меня тамъ всѣ пьяные, но зато всѣ честные, и хоть мы и времъ, потому вѣдь и я тоже вру, да довремся-же наконецъ и до правды, потому что на благородной дорогѣ стоимъ, а Петръ Петровичъ... не на благородной дорогѣ стоитъ. Я хотя ихъ сейчасъ и ругалъ ругательски, но я вѣдь ихъ всѣхъ уважаю; даже Заметова хоть не уважаю, такъ люблю, потому—щенокъ! Даже этого скота Зосимова, потому—честенъ и дѣло знаетъ... Но, довольно, все сказано и прощено. Прощено? Такъ-ли? Ну, пойдемте. Знаю я этотъ коридоръ, бывалъ: вотъ тутъ, въ третьемъ нумерѣ, былъ скандалъ... Ну, гдѣ вы здѣсь? Который нумеръ? Восьмой? Ну, такъ на ночь запритесь, никого не пускайте. Черезъ четверть часа ворочусь съ извѣстіемъ, а потомъ еще черезъ полчаса съ Зосимовымъ, увидите! Прощайте, бѣгу!

— Боже мой, Дунечка, что это будетъ? сказала Пульхерія Александровна, тревожно и пугливо обращаясь къ дочери.

— Успокойтесь, маменька, отвѣчала Дуня, снимая съ себя шляпку и мантильку,—намъ самъ Богъ послалъ этого господина, хоть онъ и прямо съ какой-то попойки. На него можно положиться, увѣряю васъ. И все что онъ уже сдѣлалъ для брата...

— Ахъ, Дунечка, Богъ его знаетъ, придетъ-ли! И какъ я могла рѣшиться оставить Родю!.. И совсѣмъ, совсѣмъ не такъ во-

оборажала его найти! Какъ онъ былъ суровъ, точно онъ намъ не радъ...

Слезы показались на глазахъ ея.

— Нѣтъ, это не такъ, маменька. Вы не вглядѣлись, вы все плакали. Онъ очень разстроенъ отъ большой болѣзни,—вотъ всему и причина.

— Ахъ, эта болѣзнь! Что-то будетъ, что-то будетъ! И какъ онъ говорилъ съ тобою, Дуня! сказала мать, робко заглядывая въ глаза дочери, чтобы прочитать всю ея мысль, и уже вполовину утѣшенная тѣмъ, что Дуня-же и защищаетъ Родю, а, стало быть, простила его.—Я увѣрена, что онъ завтра одумается, прибавила она, выпытывая до конца.

— А я такъ увѣрена, что онъ и завтра будетъ тоже говорить... объ этомъ, отрѣзала Авдотья Романовна, и ужь конечно это была загвоздка, потому что тутъ былъ пунктъ, о которомъ Пульхерія Александровна слишкомъ боялась теперь заговаривать. Дуня подошла и поцѣловала мать. Та крѣпко молча обняла ее. Затѣмъ сѣла въ тревожномъ ожиданіи возвращенія Разумихина, и робко стала слѣдить за дочерью, которая, скрестивъ руки и тоже въ ожиданіи, стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая про себя. Такая ходьба изъ угла въ уголъ, въ раздумьи, была обыкновенною привычкою Авдотьи Романовны, и мать всегда какъ-то боялась нарушать въ такое время ея задумчивость.

Разумихинъ, разумѣется, былъ смѣлый съ своею внезапною, сильну загорѣвшеюся страстью къ Авдотьѣ Романовнѣ: но посмотрѣвъ на Авдотью Романовну, особенно теперь, когда она ходила скрестивъ руки по комнатѣ, грустная и задумчивая, можетъ быть, многіе извинили-бы его, не говоря уже объ эксцентрическомъ его состояніи. Авдотья Романовна была замѣчательно хороша собою,—высокая, удивительно стройная, сильная, самоувѣренная,—что высказывалось во всякомъ жестѣ ея, и что, впрочемъ, нисколько не отнимало у нея движеній мягкости и граціозности. Лицомъ она была похожа на брата, но ее даже можно было назвать красавицей. Волосы у ея были темнорусые, немного свѣтлѣй чѣмъ у брата; глаза почти черные, сверкающіе, гордые и въ тоже время иногда, минутами, необыкновенно добрые. Она была блѣдна, но не болѣзненно блѣдна: лицо ея сіяло свѣжестью и здоровьемъ. Ротъ у ней былъ немного малъ, нижняя-же губка, свѣжая и алая, чуть-чуть выдавалась впередъ, вмѣстѣ съ подбородкомъ,—единственная неправильность въ этомъ прекрасномъ лицѣ, но придававшая ему особенную характерность и, между прочимъ, какъ будто надменность. Выраженіе лица ея всегда было болѣе серіозное чѣмъ веселое, вдумчивое:

зато какъ-же шла улыбка къ этому лицу, какъ-же шелъ къ ней смѣхъ, веселый, молодой, беззавѣтный! Понятно, что горячій, откровенный, простоватый, честный, сильный какъ богатырь и пьяный Разумихинъ, никогда не видавшій ничего подобнаго, съ перваго взгляда потерялъ голову. Къ тому-же случай, какъ нарочно, въ первый разъ показалъ ему Дуню, въ прекрасный моментъ любви и радости свиданія съ братомъ. Онъ видѣлъ потомъ какъ дрогнула у ней въ негодованіи нижняя губка въ отвѣтъ на дерзкія и неблагодарно-жестокія приказанія брата, — и не могъ устоять.

Онъ, впрочемъ, правду сказалъ, когда ворвался давеча сънизу на лѣстницѣ, что эксцентрическая хозяйка Раскольникова, Прасковья Павловна, приревнуетъ его не только къ Авдотьѣ Романовнѣ, но, пожалуй, и къ самой Пульхеріи Александровнѣ. Не смотря на то что Пульхеріи Александровнѣ было уже сорокъ три года, лицо ея все еще сохраняло въ себѣ остатки прежней красоты, и къ тому-же она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ, что бываетъ почти всегда съ женщинами, сохранившими ясность духа, свѣжесть впечатлѣній и честный, чистый жаръ сердца до старости. Скажемъ въ скобкахъ, что сохранить все это есть единственное средство не потерять красоты своей даже въ старости. Волосы ея уже начинали сѣдѣть и рѣдѣть, маленькія лучистыя морщинки уже давно появились около глазъ, щеки впали и высохли отъ заботы и горя, и все-таки это лицо было прекрасно. Это былъ портретъ Дуничкинова лица, только двадцать лѣтъ спустя, да кромѣ еще выраженія нижней губки, которая у ней не выдавалась впередъ. Пульхерія Александровна была чувствительна, впрочемъ, не до приторности, робка и уступчива, но до извѣстной черты: она многое могла уступить, на многое могла согласиться, даже изъ того что противорѣчило ея убѣжденію, но всегда была такая черта честности, правилъ и крайнихъ убѣжденій, за которую никакія обстоятельства не могли заставить ее переступить.

Ровно черезъ двадцать минутъ по уходѣ Разумихина раздались два не громкіе, но спѣшные удара въ дверь; онъ воротился.

— Не войду, некогда! заторопился онъ, когда отворили дверь:— спитъ во всю ивановскую, отлично, спокойно, и дай Богъ чтобы часовъ десять проспалъ. У него Настасья; велѣлъ не выходить до меня. Теперь притащу Зосимова, онъ вамъ отрапортуетъ, а затѣмъ и вы на боковую; изморились, я вижу, до нельзя....

И онъ пустился отъ нихъ по корридору.

— Какой расторопный и... преданный молодой человѣкъ! воскликнула чрезвычайно обрадованная Пульхерія Александровна.

— Кажется, славная личность! съ нѣкоторымъ жаромъ отвѣ-

тила Авдотья Романовна, начиная опять ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Почти черезъ часъ раздались шаги въ корридорѣ и другой стукъ въ дверь. Обѣ женщины ждали, на этотъ разъ, вполнѣ вѣруя обѣщанію Разумихина; и дѣйствительно онъ успѣлъ притащить Зосимова. Зосимовъ тотчасъ-же согласился бросить пиръ и идти посмотрѣть на Раскольникова, но къ дамамъ пошелъ нехотя и съ большою недовѣрчивостью, не довѣряя пьяному Разумихину. Но самолюбіе его было тотчасъ-же успокоено и даже польщено: онъ понялъ, что его дѣйствительно ждали какъ оракула. Онъ просидѣлъ ровно десять минутъ и совершенно успѣлъ убѣдить и успокоить Пульхерію Александровну. Говорилъ онъ съ необыкновеннымъ участіемъ, но сдержанно и какъ-то усиленно серіозно, совершенно какъ двадцатисемилѣтній докторъ на важной консультаціи, и ни единымъ словомъ не уклонился отъ предмета и не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія войти въ болѣе личныя и частныя отношенія съ обѣими дамами. Замѣтивъ еще при входѣ какъ ослѣпительно хороша собою Авдотья Романовна, онъ тотчасъ-же постарался даже не примѣчать ее вовсе, во все время визита, и обращался единственно къ Пульхеріи Александровнѣ. Все это доставляло ему чрезвычайное внутреннее удовлетвореніе. Собственно о больномъ онъ выразился, что находитъ его въ настоящую минуту въ весьма удовлетворительномъ состояніи. По наблюденіямъ-же его, болѣзнь паціента, кромѣ дурной матеріальной обстановки послѣднихъ мѣсяцевъ жизни, имѣетъ еще нѣкоторыя нравственныя причины, «есть такъ сказать продуктъ многихъ сложныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ вліяній, тревогъ, опасеній, заботъ, нѣкоторыхъ идей... и прочаго». Замѣтивъ вскользь, что Авдотья Романовна стала особенно внимательно вслушиваться, Зосимовъ нѣсколько болѣе распространился на эту тему. На тревожный-же и робкій вопросъ Пульхеріи Александровны, на счетъ будто-бы нѣкоторыхъ подозрѣній въ помѣшательствѣ, онъ отвѣчалъ съ спокойною и откровенною усмѣшкой, что слова его слишкомъ преувеличены; что, конечно, въ больномъ замѣтна какая-то исподвижная мысль, что-то обличающее монманію, — такъ какъ онъ, Зосимовъ, особенно слѣдитъ теперь за этимъ чрезвычайно интереснымъ отдѣломъ медицины, — но вѣдь надо-же вспомнить, что почти вплоть до сегодня больной былъ въ бреду, и... и, конечно, пріѣздъ родныхъ его укрѣпитъ, разсѣетъ и подѣйствуетъ спасительно, — если только можно будетъ избѣгнуть новыхъ особенныхъ потрясеній, прибавилъ онъ значительно. Затѣмъ всталъ, солидно и радушно откланялся, сопровождаемый благословеніями, горячею благодарностію, мольбами и даже протянув-

шеюся къ нему для пожатія, безъ его искапія, ручкой Авдотьи Романовны, и вышелъ чрезвычайно довольный своимъ посѣщеніемъ и еще болѣе самимъ собою.

— А говорить будемъ завтра; ложитесь, сейчасъ, непремѣнно! скрѣпилъ Разумихинъ, уходя съ Зосимовымъ.—Завтра, какъ можно раньше, я у васъ съ рапортомъ.

— Однако, какая восхитительная дѣвочка эта Авдотья Романовна! замѣтилъ Зосимовъ, чуть не облизываясь, когда оба вышли на улицу.

— Восхитительная? Ты сказалъ восхитительная! заревѣлъ Разумихинъ, и вдругъ бросился на Зосимова и схватилъ его за горло.—Если ты когда нибудь осмѣлишься... Понимаешь? Понимаешь? кричалъ онъ потрясая его за воротникъ и прижавъ къ стѣнѣ:—слышалъ?

— Да пусти, пьяный чортъ! отбивался Зосимовъ, и потомъ, когда уже тотъ его выпустилъ, посмотрѣлъ на него пристально и вдругъ покатился со смѣху. Разумихинъ стоялъ передъ нимъ опустивъ руки, въ мрачномъ и серіозномъ раздумьи.

— Разумѣется, я оселъ, проговорилъ онъ, мрачный какъ туча,— но вѣдь... и ты тоже.

— Ну нѣтъ, братъ, совсѣмъ не тоже. Я о глупостяхъ не мечтаю.

Они шли молча, и только подходя къ квартирѣ Раскольникова, Разумихинъ, сильно озабоченный, прервалъ молчаніе.

— Слушай, сказалъ онъ Зосимову,—ты малый славный, но ты, кромѣ всѣхъ твоихъ скверныхъ качествъ, еще и потаскунъ, это я знаю, да еще изъ грязныхъ. Ты первая, слабая дрянь, ты блажной, ты зажирѣлъ, и ни въ чемъ себѣ отказать не можешь,— а это ужь я называю грязью, потому что прямо доводитъ до грязи. Ты до того себя разнѣжилъ, что, признаюсь, я всего менѣе понимаю, какъ ты можешь быть при всемъ этомъ хорошимъ и даже самоотверженнымъ лекаремъ. На перинѣ спитъ (докторъ-то!), а по ночамъ встаетъ для больнаго! Года черезъ три ты ужь не будешь вставать для больнаго... Ну да, чортъ, не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ: ты сегодня въ хозяйкиной квартирѣ ночуешь (насилу уговорилъ ее!), а я въ кухнѣ: вотъ вамъ случай познакомиться покороче! Не то, что ты думаешь! Тутъ, братъ, и тѣни этого нѣтъ...

— Да я вовсе и не думаю.

— Тутъ, братъ, стыдливость, молчаливость, застѣнчивость, цѣломудріе окаменѣлое, и при всемъ этомъ—вздохи, и таетъ какъ воскъ, такъ и таетъ! Избавь ты меня отъ нея, ради всѣхъ чертей въ мірѣ! Преавенантненькая!.. Заслужу, головой заслужу!

Зосимовъ захохоталъ пуще прежняго.

— Ишь тебя разобрало! Да зачѣмъ мнѣ ее?

— Увѣряю, заботы немного, только говори бурду, какую хочешь, только подлѣ сядь и говори. Къ тому-же ты докторъ, начни лечить отъ чего нибудь. Клянусь, не раскаешься. У ней клавикорды стоятъ; я вѣдь, ты знаешь, брянчу маленько; у меня тамъ одна пѣсенка есть, русская, настоящая: «Зальюсь слезьми горючими»... Она настоящія любитъ,—ну, съ пѣсенки и началось; а вѣдь ты на фортепіанахъ-то виртуозъ, метръ, Рубинштейнъ... Увѣряю, не раскаешься!

— Да что ты ей обѣщаній какихъ надавалъ что-ли? Подписку по формѣ? Жениться обѣщалъ, можетъ быть...

— Ничего, ничего, ровно ничего этого нѣтъ! Да она и не такая совсѣмъ; къ ней было Чебаровъ...

— Ну, такъ брось ее!

— Да нельзя такъ бросить!

— Да почему-же нельзя?

— Ну, да какъ-то такъ нельзя, да и только! Тутъ, братъ, втягивающее начало есть.

— Такъ зачѣмъ-же ты ее завлекалъ?

— Да я вовсе не завлекалъ, я, можетъ, даже самъ завлеченъ, по глупости моей, а ей рѣшительно все равно будетъ, ты или я, только-бы подлѣ кто нибудь сидѣлъ и вздыхалъ. Тутъ, братъ... Не могу я это тебѣ выразить, тутъ,—ну вотъ ты математику знаешь хорошо, и теперь еще занимаешься, я знаю... ну, начни проходить ей интегральное исчисленіе, ей Богу не шучу, серіозно говорю, ей рѣшительно все равно будетъ: она будетъ на тебя смотрѣть и вздыхать, и такъ цѣлый годъ сряду. Я ей, между прочимъ, очень долго, дня два сряду, про прусскую палату господ говорилъ (потому что о чемъ-же съ ней говорить?),—только вздыхала да прѣла! О любви только не заговаривай,—застѣнчива до судорогъ,—но и видъ показывай, что отойти не можешь,—ну, и довольно. Комфортно ужасно; совершенно какъ дома,—читай, сиди, лежи, пиши... Поцѣловать даже можно, съ осторожностью...

— Да на что мнѣ она?

— Эхъ, не могу я тебѣ разъяснить никакъ! Видишь: вы оба совершенно другъ къ другу подходите! Я и прежде о тебѣ думалъ... Вѣдь ты кончишь-же этимъ! Такъ не все-ли тебѣ равно — раньше ль позже? Тутъ, братъ, этакое перинное начало лежитъ, — эхъ, да и не одно перинное! Тутъ втягиваетъ: тутъ конецъ свѣту, якорь, тихое пристанище, пупъ земли, трехрыбное основаніе міра, эссенція блиновъ, жирныхъ кулебякъ, вечерняго самовара, тихихъ воз-

дыханій и теплыхъ кацавѣекъ, натопленныхъ лежанокъ,—ну, вотъ точно ты умеръ, а въ тоже время и живъ, объ выгоды разомъ! Ну, братъ, чортъ, заврался, пора спать! Слушай; я ночью иногда просыпаюсь, ну, и схожу къ нему посмотрѣть. Только ничего, вздоръ, все хорошо. Не тревожься и ты особенно, а если хочешь, сходи тоже разикъ. Но чуть что̀ примѣтишь, бредъ, напримѣръ, али жаръ, али что̀, тотчасъ-же разбуди меня. Впрочемъ, быть не можетъ...

II.

забоченный и серіозный проснулся Разумихинъ на другой день въ восьмомъ часу. Много новыхъ и непредвидѣнныхъ недоумѣній очутилось вдругъ у него въ это утро. Онъ и не воображалъ прежде, что когда нибудь такъ проснется. Онъ помнилъ до послѣднихъ подробностей все вчерашнее и понималъ, что съ нимъ совершилось что-то необыденное, что онъ принялъ въ себѣ одно, доселѣ совсѣмъ неизвѣстное ему впечатлѣніе и не похожее на всѣ прежнія. Въ тоже время онъ ясно сознавалъ, что мечта, загорѣвшаяся въ головѣ его, въ высшей степени неосуществима,—до того неосуществима, что ему даже стало стыдно ея и онъ поскорѣй перешелъ къ другимъ, болѣе насущнымъ заботамъ и недоумѣніямъ, оставшимся ему въ наслѣдство послѣ «разтреклятаго вчерашняго дня».

Самымъ ужаснѣйшимъ воспоминаніемъ его было то, какъ онъ оказался вчера «низокъ и гадокъ», не потому одному что былъ пьянъ, а потому, что ругалъ передъ дѣвушкой, пользуясь ея положеніемъ, изъ глупо-носнѣйшей ревности, ея жениха, не зная не только ихъ взаимныхъ между собой отношеній и обязательствъ, но даже и человѣка-то не зная порядочно. Да и какое право имѣлъ онъ судить о немъ такъ носнѣйшно и опрометчиво? И кто звалъ его въ судьи? И развѣ можетъ такое существо какъ Авдотья Романовна отдаваться недостойному человѣку за деньги? Стало быть, есть-же и въ немъ достоинства. Шумера? Да почему-же онъ въ самомъ дѣлѣ могъ узнать что это такіе шумера? Вѣдь готовитъ-же онъ квартиру... фу, какъ это все низко! И что̀ за оправданіе что онъ былъ пьянъ? Глупая отговорка, еще болѣе его унижающая! Въ винѣ — правда, и правда-то вотъ вся и высказалась, «то есть вся-то грязь его завистливаго грубаго сердца высказалась»! И развѣ позволительна хоть сколько нибудь такая мечта ему, Разумихину? Кто онъ сравнительно съ такою дѣвушкой,—онъ, пьяный

буянъ и вчерашній хвастунъ? «Развѣ возможно такое циническое и смѣшное сопоставленіе»? Разумихинъ отчаянно покраснѣлъ при этой мысли, и вдругъ, какъ нарочно, въ это-же самое мгновеніе, ясно припомнилось ему, какъ онъ говорилъ имъ вчера, стоя на лѣстницѣ, что хозяйка приревнуетъ его къ Авдотьѣ Романовнѣ... это ужъ было невыносимо. Со всего размаху ударилъ онъ кулакомъ по кухонной печкѣ, повредилъ себѣ руку и выпихъ одинъ кирпичъ.

«Конечно, пробормоталъ онъ про себя черезъ минуту, съ какимъ-то чувствомъ самоуниженія,—конечно, всѣхъ этихъ пакостей не закрасить и не загладить теперь никогда... а, стало быть, и думать объ этомъ нечего, а потому явиться молча и... исполнять свои обязанности... тоже молча, и... и не просить извиненія, и ничего не говорить, и... и ужъ конечно теперь все погибло!

И однако-жъ, одѣваясь, онъ осмотрѣлъ свой костюмъ тщательнѣе обыкновеннаго. Другаго платья у него не было, а еслибъ и было, онъ быть можетъ и не надѣлъ-бы его,— «такъ, нарочно-бы не надѣлъ». Но во всякомъ случаѣ щипкомъ и грязною неряхой нельзя оставаться: онъ не имѣетъ права оскорблять чувства другихъ, тѣмъ болѣе что тѣ, другіе, сами въ немъ нуждаются и сами зовутъ къ себѣ. Платье свое онъ тщательно очистилъ щеткой. Бѣлье-же было на немъ всегда сносное; на этотъ счетъ онъ былъ особенно чистоплотенъ.

Вымылся онъ въ это утро рачительно, — у Настасьи нашлось мыло,—вымылъ волосы, шею и особенно руки. Когда-же дошло до вопроса: брить-ли свою щетину или нѣтъ (у Прасковьи Павловны имѣлись отличныя бритвы, сохранившіяся еще послѣ покойнаго господина Зарницына), то вопросъ, съ ожесточеніемъ даже, былъ рѣшенъ отрицательно: «Пусть такъ и остается! Ну, какъ подумаютъ, что я выбрился для... да непремѣнно-же подумаютъ! Да ни за что-же на свѣтѣ»!

«И... и главное, онъ такой грубый, грязный, обращеніе у него трактирное; и... и, положимъ, онъ знаетъ, что и онъ, ну хоть немного, да порядочный-же человѣкъ.. ну, такъ чѣмъ-же тутъ гордиться что порядочный человѣкъ? Всякій долженъ быть порядочный человѣкъ, да еще почище, и... и вестаки (онъ помнитъ это) были и за нимъ такія дѣлишки... не то чтобъ ужъ безчестныя, ну да однакожъ!.. А какія помышленія-то бывали! гм... и это все поставить рядомъ съ Авдотьей Романовной! Ну да, чортъ! А пусть! Ну, и нарочно буду такой грязный, сальный, трактирный, и наплевать! Еще больше буду!...

На такихъ монологахъ засталъ его Зосимовъ, ночевавшій въ залѣ у Прасковьи Павловны.

Онъ шелъ домой и, уходя, сѣ̀шилъ заглянуть на больнаго. Разумихинъ донесъ ему, что тотъ спитъ какъ сурокъ. Зосимовъ распорядился не будить пока проснется. Самъ-же обѣщалъ зайти часу въ одиннадцатомъ.

— Если только онъ будетъ дома, прибавилъ онъ.—Фу, чортъ! Въ своемъ больномъ не властенъ, лечи поди! Не знаешь, *онѣ* къ тѣмъ пойдетъ, али *тѣ* сюда придутъ?

— Тѣ. я думаю, отвѣчалъ Разумихинъ, поняв цѣль вопроса,— и будутъ, конечно, про свои семейныя дѣла говорить. Я уйду. Ты, какъ докторъ, разумѣется, больше меня правъ имѣешь.

— Не духовникъ-же и я; приду и уйду; и безъ нихъ много дѣла.

— Безпокоитъ меня одно, перебилъ, нахмурясь, Разумихинъ; — вчера я, спьяну, проболтался ему, дорогой идучи, о разныхъ глупостяхъ... о разныхъ... между прочимъ, что ты боишься, будто онъ... наклоненъ къ помѣшательству...

— Ты и дамамъ о томъ-же вчера проболтался.

— Знаю что глупо! Хошь бей! А что̀, вправду была у тебя какая нибудь твердая мысль?

— Да вздоръ-же, говорю; какая твердая мысль! Самъ ты описалъ его какъ мономана, когда меня къ нему привелъ... Ну, а мы вчера еще жару поддали, ты то есть, этими разсказами-то... о малярѣ-то; хорошъ разговоръ, когда онъ, можетъ, самъ на этомъ съ ума сошелъ! Кабы зналъ я въ точности что̀ тогда въ конторѣ произошло, и что тамъ его какая-то каналья этимъ подозрѣніемъ... обидѣла! Гм... не допустилъ-бы я вчера такого разговора. Вѣдь эти мономаны изъ капли океанъ сдѣлаютъ, небылицу въ лицахъ на яву видятъ... Сколько я помню, вчера, изъ этого разсказа Заметова, мнѣ половина дѣла выяснилась. Да что̀! Я одинъ случай знаю, какъ одинъ ипохондрикъ, сорокалѣтній, не въ состояніи будучи переносить ежедневныхъ насмѣшекъ, за столомъ, восьмилѣтняго мальчишки, зарѣзалъ его! А тутъ, весь въ лохмотьяхъ, нахалъ квартальный, начинавшаяся болѣзнь, и этакое подозрѣніе! Изступленному-то ипохондрику! При тщеславіи бѣшеномъ, исключительномъ! Да тутъ, можетъ, вся-то точка отправленія болѣзни и сидитъ! Ну да, чортъ!.. А кстати, этотъ Заметовъ и въ самомъ дѣлѣ милый мальчишка, только гм... напрасно онъ это все вчера разсказалъ. Болтушка ужасная!

— Да кому-жь разсказалъ? Мнѣ да тебѣ?

— И Порфирію.

— Такъ что̀-жь что Порфирію?

— Кстати, имѣешь ты какое нибудь вліяніе на тѣхъ-то, на мать да сестру? Осторожнѣе-бы съ нимъ сегодня...

— Сговорятся! неохотно отвѣтилъ Разумихинъ.

— И чего онъ такъ на этого Лужина? Человѣкъ съ деньгами, ей, кажется, не противенъ... а вѣдь у нихъ ни шиша? а?

— Да чего ты-то выпытываешь? раздражительно крикнулъ Разумихинъ: — почемъ я знаю шишъ или не шиша? Спроси самъ, можетъ, и узнаешь...

— Фу, какъ ты глупъ иногда! Вчерашній хмѣль сидитъ... До свиданія; поблагодари отъ меня Прасковью Павловну свою за ночлегъ. Заперлась, на мой бонжуръ сквозь двери не отвѣтила, а сама въ семь часовъ поднялась, самоваръ ей черезъ корридоръ изъ кухни проносили... Я и не удостоился лицезрѣть...

Ровно въ девять часовъ Разумихинъ явился въ нумера Бакалѣева. Обѣ дамы ждали его давнымъ давно съ истерическимъ нетерпѣніемъ. Поднялись онѣ часовъ съ семи или даже раньше. Онъ вошелъ пасмурный какъ ночь, откланялся неловко, за что тотчасъ-же разсердился — на себя, разумѣется. Онъ разсчиталъ безъ хозяина: Пульхерія Александровна такъ и бросилась къ нему, схватила его за обѣ руки и чуть не поцѣловала ихъ. Онъ робко глянулъ на Авдотью Романовну; но и въ этомъ надменномъ лицѣ было въ эту минуту такое выраженіе признательности и дружества, такое полное и неожиданное имъ уваженіе (вмѣсто насмѣшливыхъ-то взглядовъ и невольнаго, худо скрываемаго презрѣнія!), что ему уже право было-бы легче если бы встрѣтили бранью, а то уже слишкомъ стало конфузливо. Къ счастью, была готовая тема для разговора, и онъ поскорѣй за нее уцѣпился.

Услышавъ, что «еще не просыпался», но «все отлично», Пульхерія Александровна объявила, что это и къ лучшему, «потому что ей очень, очень, очень надо предварительно переговорить». Послѣдовалъ вопросъ о чаѣ и приглашеніе пить вмѣстѣ; сами онѣ еще не пили въ ожиданіи Разумихина. Авдотья Романовна позвонила, на зовъ явился грязный оборванецъ, и ему приказанъ былъ чай, который и былъ, наконецъ, сервированъ, но такъ грязно и такъ неприлично, что дамамъ стало совѣстно. Разумихинъ энергически ругнулъ было нумеръ, но, вспомнивъ про Лужина, замолчалъ, сконфузился и ужасно обрадовался, когда вопросы Пульхеріи Александровны посыпались наконецъ сряду безъ перерыву.

Отвѣчая на нихъ, онъ проговорилъ три четверти часа, безпрестанно прерываемый и разспрашиваемый, и успѣлъ передать всѣ главнѣйшіе и необходимѣйшіе факты, какіе только зналъ изъ послѣдняго года жизни Родіона Романовича, заключивъ обстоятельнымъ разсказомъ о болѣзни его. Онъ многое впрочемъ пропустилъ, что и надо было пропустить, между прочимъ, и о сценѣ въ кон-

торѣ со всѣми послѣдствіями. Разсказъ его жадно слушали; но когда онъ думалъ, что уже кончилъ и удовлетворилъ своихъ слушательницъ, то оказалось, что для нихъ онъ какъ будто еще и не начиналъ.

— Скажите, скажите мнѣ, какъ вы думаете... ахъ, извините, я еще до сихъ поръ не знаю вашего имени? торопилась Пульхерія Александровна.

— Дмитрій Прокофьичъ.

— Тамъ вотъ, Дмитрій Прокофьичъ, я-бы очень, очень хотѣла узнать... какъ вообще... онъ глядитъ теперь на предметы, то есть, поймите меня, какъ-бы это вамъ сказать, то есть лучше сказать: что онъ любитъ и что не любитъ? Всегда-ли онъ такой раздражительный? Какія у него желанія и, такъ сказать, мечты, если можно? Что именно теперь имѣетъ на него особенное вліяніе? Однимъ словомъ, я-бы желала...

— Ахъ, маменька, какъ-же можно на это все такъ вдругъ отвѣчать! замѣтила Дуня.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь я совсѣмъ, совсѣмъ не такимъ его ожидала встрѣтить, Дмитрій Прокофьичъ.

— Это ужъ очень естественно-съ, отвѣчалъ Дмитрій Прокофьичъ. — Матери у меня нѣтъ, ну, а дядя каждый годъ сюда пріѣзжаетъ и почти каждый разъ меня не узнаетъ, даже снаружи, а человѣкъ умный; ну, а въ три года вашей разлуки много воды утекло. Да и что вамъ сказать? Полтора года я Родіона знаю: угрюмъ, мраченъ, надменъ и горделъ; въ послѣднее время (а, можетъ, гораздо прежде) мнителенъ и ипохондрикъ. Великодушенъ и добръ. Чувствъ своихъ не любитъ высказывать, и скорѣй жестокость сдѣлаетъ чѣмъ словами выскажетъ сердце. Иногда впрочемъ вовсе не ипохондрикъ, а просто холоденъ и безчувственъ до безчеловѣчія, право, точно въ немъ два противоположные характера по очередно смѣняются. Ужасно иногда не разговорчивъ! Все ему некогда; все ему мѣшаютъ, а самъ лежитъ, ничего не дѣлаетъ. Не насмѣшливъ, и не потому чтобъ остроты не хватало, а точно времени у него на такіе пустяки не хватаетъ. Не дослушиваетъ что говорятъ. Никогда не интересуется тѣмъ чѣмъ всѣ въ данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя цѣнитъ и, кажется, не безъ нѣкотораго права на то. Ну, что еще?... Мнѣ кажется, вашъ пріѣздъ будетъ имѣть на него спасительнѣйшее вліяніе.

— Ахъ, дай-то Богъ! вскричала Пульхерія Александровна, измученная отзывомъ Разумихина объ ея Родѣ.

А Разумихинъ глянулъ наконецъ по бодрѣе на Авдотью Романовну. Онъ часто взглядывалъ на нее во время разговора, но бѣгло,

на одинъ только мигъ, и тотчасъ-же отводилъ глаза. Авдотья Романовна то садилась къ столу и внимательно вслушивалась, то вставала опять и начинала ходить, по обыкновенію своему, изъ угла въ уголъ, скрестивъ руки, сжавъ губы, изрѣдка дѣлая свой вопросъ, не прерывая ходьбы, задумываясь. Она тоже имѣла обыкновеніе не дослушивать что̀ говорятъ. Одѣта она была въ какое-то темненькое изъ легкой матеріи платье, а на шеѣ былъ повязанъ бѣлый прозрачный шарфикъ. По многимъ признакамъ Разумихинъ тотчасъ-же замѣтилъ, что обстановка обѣихъ женщинъ до крайности бѣдная. Будь Авдотья Романовна одѣта какъ королева, то, кажется, онъ-бы ея совсѣмъ не боялся; теперь-же, можетъ именно потому, что она такъ бѣдно одѣта, и что онъ замѣтилъ всю эту скаредную обстановку, въ сердце его вселился страхъ, и онъ сталъ бояться за каждое слово свое, за каждый жестъ, что̀ было, конечно, стѣснительно для человѣка и безъ того себѣ не довѣрявшаго.

— Вы много сказали любопытнаго о характерѣ брата и... сказали безпристрастно. Это хорошо; я думала, вы передъ нимъ благоговѣете, замѣтила Авдотья Романовна съ улыбкой.—Кажется, и то вѣрно, что возлѣ него должна находиться женщина, прибавила она въ раздумьи.

— Я этого не говорилъ, а впрочемъ, можетъ быть, вы и въ этомъ правы, только...

— Что̀?

— Вѣдь онъ никого не любитъ; можетъ, и никогда не полюбитъ, отрѣзалъ Разумихинъ.

— То есть неспособенъ полюбить?

— А знаете, Авдотья Романовна, вы сами ужасно какъ похожи на вашего брата, даже во всемъ! брякнулъ онъ вдругъ, для себя самого неожиданно, но тотчасъ-же вспомнивъ о томъ что̀ сейчасъ говорилъ ей-же про брата, покраснѣлъ какъ ракъ и ужасно сконфузился. Авдотья Романовна не могла не разсмѣяться на него глядя.

— На счетъ Роди вы оба можете ошибаться, подхватила нѣсколько никированная Пульхерія Александровна.—Я не про теперешнее говорю, Дунечка. То, что̀ пишетъ Петръ Петровичъ въ этомъ письмѣ... и что̀ мы предполагали съ тобой,—можетъ быть неправда, но вы вообразить не можете, Дмитрій Прокофьичъ, какъ онъ фантастиченъ и, какъ-бы это сказать, капризенъ. Его характеру я никогда не могла довѣриться, даже когда ему было только пятнадцать лѣтъ. Я увѣрена, что онъ и теперь вдругъ что нибудь можетъ сдѣлать съ собой такое, чего ни одинъ человѣкъ никогда и не подумаетъ сдѣлать... Да не далеко ходить: извѣстно-ли вамъ

какъ онъ, полтора года назадъ, меня изумилъ, потрясъ и чуть совсѣмъ не уморилъ, когда вздумалъ было жениться на этой, какъ ее—на дочери этой Зарницыной, хозяйки его?

— Знаете вы что нибудь подробно объ этой исторіи? спросила Авдотья Романовна.

— Вы думаете, съ жаромъ продолжала Пульхерія Александровна, его-бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болѣзнь, моя смерть, можетъ быть, съ тоски, наша нищета? Преспокойно-бы перешагнулъ черезъ всѣ препятствія. А неужели онъ, неужели-жъ онъ насъ не любитъ?

— Онъ ничего и никогда самъ объ этой исторіи со мною не говорилъ, осторожно отвѣчалъ Разумихинъ,—но я кой что слышалъ отъ самой госпожи Зарницыной, которая тоже, въ своемъ родѣ, не изъ разсказницъ, и что слышалъ, то, пожалуй, нѣсколько даже и странно...

— А что, что вы слышали? спросили разомъ объ женщины.

— Впрочемъ, ничего такого слишкомъ ужъ особеннаго. Узналъ я только, что бракъ этотъ, совсѣмъ ужъ слаженный и несостоявшійся лишь за смертію невѣсты, былъ самой госпожѣ Зарницыной очень не по душѣ... Кромѣ того, говорятъ, невѣста была собой даже не хороша, то есть говорятъ даже дурна... и такая хворая, и... и странная... а впрочемъ, кажется, съ нѣкоторыми достоинствами. Непремѣнно должны были быть какія нибудь достоинства; иначе понять ничего нельзя... Приданаго тоже никакого, да онъ на приданое и не сталъ-бы разсчитывать... Вообще въ такомъ дѣлѣ трудно судить.

— Я увѣрена, что она достойная была дѣвушка, коротко замѣтила Авдотья Романовна.

— Богъ меня проститъ, а я таки порадовалась тогда ея смерти, хоть и не знаю кто изъ нихъ одинъ другого погубилъ-бы: онъ-ли ее, или она его? заключила Пульхерія Александровна; затѣмъ осторожно, съ задержками и съ безпрерывными взглядываніями на Дуню, что было той очевидно непріятно, принялась опять разспрашивать о вчерашней сценѣ между Родей и Лужинымъ. Это происшествіе, какъ видно, безпокоило ее болѣе всего, до страха и трепета. Разумихинъ пересказалъ все снова, въ подробности, но на этотъ разъ прибавилъ и свое заключеніе: онъ прямо обвинилъ Раскольникова въ предумышленномъ оскорбленіи Петра Петровича, на этотъ разъ весьма мало извиняя его болѣзнію.

— Онъ еще до болѣзни это придумалъ, прибавилъ онъ.

— Я тоже такъ думаю, сказала Пульхерія Александровна, съ убитымъ видомъ. Но ее очень поразило, что о Петрѣ Петровичѣ

Разумихинъ выразился на этотъ разъ такъ осторожно и даже какъ будто и съ уваженіемъ. Поразило это и Авдотью Романовну.

— Такъ вы вотъ какого мнѣнія о Петрѣ Петровичѣ? не утерпѣла не спросить Пульхерія Александровна.

— О будущемъ мужѣ вашей дочери я и не могу быть другаго мнѣнія, твердо и съ жаромъ отвѣчалъ Разумихинъ, —и не изъ одной пошлой вѣжливости это говорю, а потому... потому... ну хоть потому одному, что Авдотья Романовна сама, добровольно, удостоила выбрать этого человѣка. Если-же я такъ поносилъ его вчера, то это потому что вчера я былъ грязно пьянъ и еще... безумецъ; да, безумецъ, безъ головы, сошелъ съ ума, совершенно... и сегодня стыжусь того!.. Онъ покраснѣлъ и замолчалъ. Авдотья Романовна вспыхнула, но не прервала молчанія. Она не промолвила ни одного слова съ той самой минуты какъ заговорили о Лужинѣ.

А между тѣмъ Пульхерія Александровна, безъ ея поддержки, видимо находилась въ нерѣшимости. Наконецъ, запинаясь и безпрерывно посматривая на дочь, объявила, что ее чрезвычайно заботитъ теперь одно обстоятельство.

— Видите, Дмитрій Прокофьичъ, начала она...—Я буду совершенно откровенна съ Дмитріемъ Прокофьичемъ, Дунечка?

— Ужь конечно, маменька, внушительно замѣтила Авдотья Романовна.

— Вотъ въ чемъ дѣло, заторопилась та, какъ будто съ нея гору сняли позволеніемъ сообщить свое горе.—Сегодня, очень рано, мы получили отъ Петра Петровича записку, въ отвѣтъ на наше вчерашнее извѣщеніе о пріѣздѣ. Видите, вчера онъ долженъ былъ встрѣтить насъ, какъ и обѣщалъ, въ самомъ вокзалѣ. Вмѣсто того, въ вокзалъ былъ присланъ на встрѣчу намъ какой-то лакей, съ адресомъ этихъ нумеровъ и чтобы намъ показать дорогу, а Петръ Петровичъ приказывалъ передать, что онъ прибудетъ къ намъ сюда самъ, сегодня поутру. Вмѣсто того пришла сегодня поутру отъ него вотъ эта записка... Лучше всего, прочтите ее сами; тутъ есть пунктъ, который очень меня безпокоитъ... вы сейчасъ увидите сами какой это пунктъ, и... скажите мнѣ ваше откровенное мнѣніе, Дмитрій Прокофьичъ! Вы лучше всѣхъ знаете характеръ Роди и лучше всѣхъ можете посовѣтовать. Предупреждаю васъ, что Дунечка уже все разрѣшила, съ перваго шагу, но я, я еще не знаю какъ поступить и... и все ждала васъ.

Разумихинъ развернулъ записку, помѣченную вчерашнимъ числомъ и прочелъ слѣдующее:

«Милостивая государыня, Пульхерія Александровна, имѣю честь

васъ увѣдомить, что по происшедшимъ внезапнымъ задержкамъ, встрѣтить васъ у дебаркадера не могъ, пославъ съ тою цѣлью человѣка, весьма расторопнаго. Равномѣрно лишу себя чести свиданія съ вами и завтра поутру, по неотлагательнымъ сенатскимъ дѣламъ и чтобы не помѣшать родственному свиданію вашему съ вашимъ сыномъ и Авдотьи Романовны съ ея братомъ. Буду-же имѣть честь посѣтить васъ и откланяться вамъ въ вашей квартирѣ не иначе какъ завтрашній день, ровно въ восемь часовъ пополудни, причемъ осмѣливаюсь присовокупить убѣдительную и, прибавлю къ тому, настоятельную просьбу мою, чтобы при общемъ свиданіи нашемъ Родіонъ Романовичъ уже не присутствовалъ, такъ какъ онъ безпримѣрно и неучтиво обидѣлъ меня при вчерашнемъ посѣщеніи его въ болѣзни и, кромѣ того, имѣя лично къ вамъ необходимое и обстоятельное объясненіе по извѣстному пункту, на счетъ коего желаю узнать ваше собственное истолкованіе. Имѣю честь при семъ заранѣе предувѣдомить, что если, вопреки просьбѣ, встрѣчу Родіона Романовича, то принужденъ буду немедленно удалиться, и тогда пеняйте уже на себя. Пишу-же въ томъ предположеніи, что Родіонъ Романовичъ, казавшійся при посѣщеніи моемъ столь больнымъ, черезъ два часа вдругъ выздоровѣлъ, а, стало быть, выходя со двора, можетъ и къ вамъ прибыть. Утвержденъ-же въ томъ собственными моими глазами, въ квартирѣ одного, разбитаго лошадьми, пьяницы, отъ сего умершаго, дочери котораго, дѣвицѣ огъявленнаго поведенія, выдалъ вчера до двадцати пяти рублей, подъ предлогомъ похоронъ, что̀ весьма меня удивило, зная при какихъ хлопотахъ собирали вы сію сумму. При чемъ свидѣтельствуя мое особое почтеніе уважаемой Авдотьѣ Романовнѣ, прошу принять чувства почтительной преданности

вашего покорнаго слуги
П. Лужина».

— Что̀ мнѣ теперь дѣлать, Дмитрій Прокофьичъ? заговорила Пульхерія Александровна, чуть не плача. — Ну какъ я предложу Родѣ не приходить? Онъ такъ настойчиво требовалъ вчера отказа Петру Петровичу, а тутъ и его самого велять не принимать! Да онъ нарочно придетъ, какъ узнаетъ, и... что̀ тогда будетъ?

— Постуните такъ, какъ рѣшила Авдотья Романовна, спокойно и тотчасъ-же отвѣчалъ Разумихинъ.

— Ахъ, Боже мой! Она говоритъ... она Богъ знаетъ что̀ говоритъ и не объясняетъ мнѣ цѣли! Она говоритъ, что лучше будетъ, то есть не то что лучше, а для чего-то непремѣнно будто-бы надо, чтобъ и Родя тоже нарочно пришелъ сегодня въ восемь часовъ, и чтобъ они непремѣнно встрѣтились... А я такъ и письма-то не хо-

тѣла ему показывать, и какъ нибудь хитростью сдѣлать, посредствомъ васъ, чтобъ онъ не приходилъ... потому онъ такой раздражительный... Да и ничего я не понимаю, какой тамъ пьяница умеръ и какая тамъ дочь, и какимъ образомъ могъ онъ отдать этой дочери всѣ послѣднія деньги... которыя...

— Которыя такъ дорого вамъ достались, маменька, прибавила Авдотья Романовна.

— Онъ былъ не въ себѣ вчера, задумчиво проговорилъ Разумихинъ.—Еслибы вы знали, что онъ тамъ натворилъ вчера въ трактирѣ, хоть и умно... гм! О какомъ-то покойникѣ и о какой-то дѣвицѣ онъ дѣйствительно мнѣ что-то говорилъ вчера, когда мы шли домой, но я не понялъ ни слова... А впрочемъ, я и самъ вчера...

— Лучше всего, маменька, пойдемте къ нему сами и тамъ, увѣряю васъ, сразу увидимъ что дѣлать. Да къ тому-же пора,— Господи! Одиннадцатый часъ! вскрикнула она, взглянувъ на свои великолѣпные золотые часы съ эмалью, висѣвшіе у ней на шеѣ на тоненькой венеціанской цѣпочкѣ, и ужасно негармонировавшіе съ остальнымъ нарядомъ. «Жениховъ подарокъ», подумалъ Разумихинъ.

— Ахъ, пора!.. Пора, Дунечка, пора! тревожно засуетилась Пульхерія Александровна:—еще подумаетъ, что мы со вчерашняго сердимся, что такъ долго нейдемъ. Ахъ, Боже мой!

Говоря это, она суетливо набрасывала на себя мантилью и надѣвала шляпку: Дунечка тоже одѣлась. Перчатки на ней были не только запыленныя, но даже изодранныя, что замѣтилъ Разумихинъ, а между тѣмъ эта явная бѣдность костюма даже придавала обѣимъ дамамъ видъ какого-то особеннаго достоинства, что всегда бываетъ съ тѣми, кто умѣетъ носить бѣдное платье. Разумихинъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Дунечку и гордился что поведетъ ее. «Та королева, думалъ онъ про себя, которая чинила свои чулки въ тюрьмѣ, ужь конечно въ ту минуту смотрѣла настоящею королевой и даже болѣе чѣмъ во время самыхъ пышныхъ торжествъ и выходовъ».

— Боже мой! воскликнула Пульхерія Александровна:—думала-ли я, что буду бояться свиданія съ сыномъ, съ моимъ милымъ, милымъ Родей, какъ теперь боюсь!.. Я боюсь, Дмитрій Прокофьичъ! прибавила она, робко взглянувъ на него.

— Не бойтесь, маменька, сказала Дуня, цѣлуя ее,—лучше вѣрьте въ него. Я вѣрю.

— Ахъ, Боже мой! Я вѣрю тоже, а всю ночь не спала! вскричала бѣдная женщина.

Они вышли на улицу.

— Знаешь, Дунечка, какъ только я къ утру немного заснула, мнѣ вдругъ приснилась покойница Марѳа Петровна... и вся въ бѣ-

ломъ... подошла ко мнѣ, взяла за руку, а сама головой качаетъ на меня, и такъ строго, строго, какъ будто осуждаетъ... Къ добру-ли это? Ахъ, Боже мой, Дмитрій Прокофьичъ, вы еще не знаете: Марѳа Петровна умерла!

— Нѣтъ не знаю; какая Марѳа Петровна?

— Скоропостижно! И представьте себѣ...

— Послѣ, маменька, вмѣшалась Дуня, — вѣдь они еще не знаютъ кто такая Марѳа Петровна.

— Ахъ, не знаете? А я думала вамъ все ужъ извѣстно. Вы мнѣ простите, Дмитрій Прокофьичъ, у меня въ эти дни просто умъ за разумъ заходитъ. Право, я васъ считаю какъ-бы за провидѣніе наше, а потому такъ и убѣждена была, что вамъ уже все извѣстно. Я васъ какъ за роднаго считаю... Не сердитесь что такъ говорю. Ахъ, Боже мой, что это у васъ правая рука! Ушибли?

— Да, ушибъ, пробормоталъ осчастливленный Разумихинъ.

— Я иногда слишкомъ ужъ отъ сердца говорю, такъ что Дуня меня поправляетъ... Но, Боже мой, въ какой онъ каморкѣ живетъ! Проснулся-ли онъ однако? И эта женщина, хозяйка его, считаетъ это за комнату? Послушайте, вы говорите, онъ не любитъ сердца выказывать, такъ что я, можетъ быть, ему и надѣлаю моими... слабостями?.. Не научите-ли вы меня, Дмитрій Прокофьичъ? Какъ мнѣ съ нимъ? Я, знаете, совсѣмъ какъ потерянная хожу.

— Не разспрашивайте его очень объ чемъ нибудь, если увидите, что онъ морщится; особенно про здоровье очень не спрашивайте: не любитъ.

— Ахъ, Дмитрій Прокофьичъ, какъ тяжело быть матерью!

— Но вотъ и эта лѣстница... Какая ужасная лѣстница!

— Маманя, вы даже блѣдны, успокойтесь, голубчикъ мой, сказала Дуня, ласкаясь къ ней; — онъ еще долженъ быть счастливъ, что васъ видитъ, а вы такъ себя мучаете, прибавила она, сверкнувъ глазами.

— Постойте, я загляну впередъ, проснулся-ли?

Дамы потихоньку пошли за отправившимся по лѣстницѣ впередъ Разумихинымъ, и когда уже поравнялись въ четвертомъ этажѣ съ хозяйкиною дверью, то замѣтили, что хозяйкина дверь отворена на маленькую щелочку и что два быстрые черные глаза разсматриваютъ ихъ обѣихъ изъ темноты. Когда-же взгляды встрѣтились, то дверь вдругъ захлопнулась, и съ такимъ стукомъ, что Пульхерія Александровна чуть не вскрикнула отъ испуга.

III.

Здоровъ, здоровъ! весело крикнулъ на встрѣчу входящимъ Зосимовъ. Онъ уже минутъ съ десять какъ пришелъ и сидѣлъ во вчерашнемъ своемъ углу на диванѣ. Раскольниковъ сидѣлъ въ углу напротивъ, совсѣмъ одѣтый, и даже тщательно вымытый и причесанный, чего уже давно съ нимъ не случалось. Комната разомъ наполнилась, но Настасья все-таки успѣла пройти вслѣдъ за посѣтителями и стала слушать.

Дѣйствительно, Раскольниковъ былъ почти здоровъ, особенно въ сравненіи со вчерашнимъ, только былъ очень блѣденъ, разсѣянъ и угрюмъ. Снаружи онъ походилъ какъ-бы на раненаго человѣка, или вытерпѣвающаго какую нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взглядъ воспаленный. Говорилъ онъ мало и неохотно, какъ-бы черезъ силу или исполняя обязанность, и какое-то безпокойство изрѣдка появлялось въ его движеніяхъ.

Не доставало какой нибудь повязки на рукѣ или чехла изъ тафты на пальцѣ для полнаго сходства съ человѣкомъ, у котораго, напримѣръ, очень больно нарываетъ палецъ, или ушибленa рука, или что нибудь въ этомъ родѣ.

Впрочемъ, и это блѣдное и угрюмое лицо озарилось на мгновеніе какъ-бы свѣтомъ, когда вошли мать и сестра, но это приписано только къ выраженію его, вмѣсто прежней тоскливой разсѣянности, какъ-бы болѣе сосредоточенной муки. Свѣтъ померкъ скоро, но мука осталась, и Зосимовъ, наблюдавшій и изучавшій своего паціента со всѣмъ молодымъ жаромъ только что начинающаго лечивать доктора, съ удивленіемъ замѣтилъ въ немъ, съ приходомъ родныхъ, вмѣсто радости, какъ-бы тяжелую скрытую рѣшимость перенесть часъ—другой пытки, которой нельзя уже избѣгнуть. Онъ видѣлъ потомъ, какъ почти каждое слово послѣдовавшаго разговора точно прикасалось къ какой нибудь ранѣ его паціента и бередило ее: но въ тоже время онъ и подивился отчасти сегодняшнему умѣнію владѣть собой и скрывать свои чувства вчерашняго монomана, изъ за малѣйшаго слова, видавшаго вчера чуть не въ бѣшенство.

— Да. я теперь самъ вижу, что почти здоровъ, сказалъ Раскольниковъ, привѣтливо кивая мать и сестру, отчего Пульхерія Александровна тотчасъ-же просіяла. — и уже не *по вчерашнему!*

это говорю, прибавилъ онъ, обращаясь къ Разумихину и дружески пожимая ему руку.

— А я такъ даже подивился на него сегодня, началъ Зосимовъ, очень обрадовавшись пришедшимъ, потому что въ десять минутъ уже успѣлъ потерять нитку разговора съ своимъ больнымъ.— Дня черезъ три—четыре, если такъ пойдетъ, совсѣмъ будетъ какъ прежде, то есть какъ было назадъ тому мѣсяцъ, али два... али, пожалуй, и три? Вѣдь это издалека началось да подготовлялось... а? Сознаетесь теперь, что, можетъ, и сами виноваты были? прибавилъ онъ съ осторожною улыбкой, какъ-бы все еще боясь его чѣмъ нибудь раздражить.

— Очень можетъ быть, холодно отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Я къ тому говорю, продолжалъ Зосимовъ, развлекшись,— что ваше совершенное выздоровленіе, въ главномъ, зависитъ теперь единственно отъ васъ самихъ. Теперь, когда уже съ вами можно разговаривать, мнѣ хотѣлось-бы вамъ внушить, что необходимо устранить первоначальныя, такъ сказать, коренныя причины, вліявшія на зарожденіе вашего болѣзненнаго состоянія, тогда и вылечитесь, не то будетъ даже и хуже. Этихъ первоначальныхъ причинъ я не знаю, но вамъ они должны быть извѣстны. Вы человѣкъ умный и ужь конечно надъ собой наблюдали. Мнѣ кажется, начало вашего разстройства совпадаетъ отчасти съ выходомъ вашимъ изъ университета. Вамъ безъ занятій оставаться нельзя, а потому трудъ и твердо поставленная передъ собою цѣль, мнѣ кажется, очень-бы могли вамъ помочь.

— Да, да, вы совершенно правы... вотъ я поскорѣй поступлю въ университетъ, и тогда все пойдетъ... какъ по маслу...

Зосимовъ, начавшій свои умные совѣты отчасти и для эффекта передъ дамами, былъ конечно нѣсколько озадаченъ, когда, кончивъ рѣчь и взглянувъ на своего слушателя, замѣтилъ въ лицѣ его рѣзкую насмѣшку. Впрочемъ, это продолжалось мгновеніе. Пульхерія Александровна тотчасъ-же принялась благодарить Зосимова, въ особенности за вчерашнее ночное посѣщеніе ихъ въ гостинницѣ.

— Какъ, онъ у васъ былъ и ночью? спросилъ Раскольниковъ, какъ будто встревожившись. — Стало быть, и вы тоже не спали послѣ дороги?

— Ахъ, Родя, вѣдь это все только до двухъ часовъ было. Мы съ Дуней и дома-то раньше двухъ никогда не ложились.

— Я тоже не знаю, чѣмъ его благодарить, продолжалъ Раскольниковъ, вдругъ нахмурясь и потупясь. —Отклонивъ вопросъ денежный —вы извините, что я объ этомъ упомянулъ (обратился онъ къ Зосимову), — я ужь и не знаю чѣмъ это я заслужилъ отъ васъ

такое особенное вниманіе? Просто не понимаю... и... и оно мнѣ даже тяжело, потому что непонятно: я вамъ откровенно высказываю.

— Да вы не раздражайтесь, засмѣялся черезъ силу Зосимовъ,— предположите, что вы мои первый паціентъ, ну, а нашъ братъ, только что начинающій практиковать, своихъ первыхъ паціентовъ какъ собственныхъ дѣтей любитъ, а иные почти въ нихъ влюбляются. А я вѣдь паціентами-то не богатъ.

— Я ужь не говорю про него, прибавилъ Раскольниковъ, указывая на Разумихина,—а тоже, кромѣ оскорбленій и хлопотъ, ничего отъ меня не видалъ.

— Экъ вѣдь вретъ! Да ты въ чувствительномъ настроеніи что-ли сегодня? крикнулъ Разумихинъ.

Онъ увидалъ-бы, еслибъ былъ проницательнѣе, что чувствительнаго настроенія тутъ отнюдь не было, а было даже нѣчто совсѣмъ напротивъ. Но Авдотья Романовна это замѣтила. Она пристально и съ безпокойствомъ слѣдила за братомъ.

— Про васъ-же, маменька, я и говорить не смѣю, продолжалъ онъ, будто заученный съ утра урокъ;—сегодня только могъ я сообразить сколько нибудь, какъ должны были вы здѣсь, вчера, измучиться въ ожиданіи моего возвращенія. Сказавъ это, онъ вдругъ, молча и съ улыбкой, протянулъ руку сестрѣ. Но въ улыбкѣ этой мелькнуло на этотъ разъ настоящее неподдѣльное чувство. Дуня тотчасъ-же схватила и горячо пожала протянутую ей руку, обрадованная и благодарная. Въ первый разъ обращался онъ къ ней послѣ вчерашней размолвки. Лицо матери освѣтилось восторгомъ и счастьемъ при видѣ этого окончательнаго и безусловнаго примиренія брата съ сестрой.

- Вотъ за это-то я его и люблю! пропищалъ все преувеличивающій Разумихинъ, энергически повернувшись на стулѣ.—Есть у него эти движенія!..

И какъ это у него все хорошо выходитъ, думала мать про себя;—какіе у него благородные порывы, и какъ онъ просто, деликатно кончилъ все это вчерашнее недоумѣніе съ сестрой—тѣмъ только, что руку протянулъ въ такую минуту, да поглядѣлъ хорошо... И какіе у него глаза прекрасные, и какое все лицо прекрасное!... Онъ собой даже лучше Дунечки... Но, Боже мой, какой у него костюмъ, какъ онъ ужасно одѣтъ! У Лоанасія Ивановича въ лавкѣ Вася, разсыльный, лучше одѣтъ!... И такъ-бы вотъ, такъ-бы, кажется, и бросилась къ нему, и обняла его, и... заплакала,—а боюсь, боюсь... какой-то онъ, Господи! Вотъ вѣдь и ласково говоритъ, а боюсь! Ну чего я боюсь?...»

— Ахъ, Родя, ты не повѣришь, подхватила она вдругъ, сидѣла

отвѣтить на его замѣчаніе, — какъ мы съ Дунечкой вчера были... несчастны! Теперь какъ ужь все прошло и кончилось, и всѣ мы опять счастливы, — можно разсказать. Вообрази, бѣжимъ сюда, чтобъ обнять тебя, чуть не прямо изъ вагона, а эта женщина,— а, да вотъ она! Здравствуй Настасья!... Говоритъ она намъ вдругъ, что ты лежишь въ бѣлой горячкѣ и только что убѣжалъ тихонько отъ доктора, въ бреду, на улицу, и что тебя побѣжали отыскивать. Ты не повѣришь что̀ съ нами было! Мнѣ какъ разъ представилось, какъ трагически погибъ поручикъ Потанчиковъ, нашъ знакомый, другъ твоего отца, — ты его не помнишь, Родя, — тоже въ бѣлой горячкѣ и такимъ-же образомъ выбѣжалъ и на дворъ въ колодезь упалъ, на другой только день могли вытащить. А мы, конечно, еще болѣе преувеличили. Хотѣли было броситься отыскивать Петра Петровича, чтобы хоть съ его помощію... потому что вѣдь мы были одинѣ, совершенно одинѣ, протянула она жалобнымъ голосомъ и вдругъ совсѣмъ осѣклась, вспомнивъ, что заговаривать о Петрѣ Петровичѣ еще довольно опасно, не смотря на то «что всѣ уже опять совершенно счастливы».

— Да, да... все это, конечно... досадно... пробормоталъ въ отвѣтъ Раскольниковъ, но съ такимъ разсѣяннымъ и почти невнимательнымъ видомъ, что Дунечка въ изумленіи на него посмотрѣла.

— Что̀ бишь я еще хотѣлъ, продолжалъ онъ, съ усиліемъ припоминая, — да: пожалуйста, маменька и ты Дунечка, не подумайте, что я не хотѣлъ къ вамъ сегодня первый придти и ждалъ васъ первыхъ.

— Да что̀ это ты, Родя! вскричала Пульхерія Александровна, тоже удивляясь.

«Что̀ онъ, по обязанности, что-ли, намъ отвѣчаетъ? подумала Дунечка,—и мирится, и прощенія проситъ, точно службу служитъ, али урокъ затвердилъ».

— Я только что проснулся и хотѣлъ было идти, да меня платье задержало; забылъ вчера сказать ей... Настасьѣ... замыть эту кровь... Только что теперь успѣлъ одѣться.

— Кровь! Какую кровь? встревожилась Пульхерія Александровна.

— Это такъ... не безпокойтесь, маменька. Это кровь оттого что вчера, когда я шатался нѣсколько въ бреду, я наткнулся на одного раздавленнаго человѣка... чиновника одного...

— Въ бреду? Но вѣдь ты все помнишь, прервалъ Разумихинъ.

— Это правда, какъ-то особенно заботливо отвѣтилъ на это Раскольниковъ,—помню все, до малѣйшей даже подробности, а вотъ поди: зачѣмъ я то дѣлалъ, да туда ходилъ, да то говорилъ? ужь и не могу хорошо объяснить.

— Слишкомъ извѣстный феноменъ, ввязался Зосимовъ,—исполненіе дѣла иногда мастерское, прехитрѣйшее, а управленіе поступками, начало поступковъ, разстроено и зависитъ отъ разныхъ болѣзненныхъ впечатлѣній. Похоже на сонъ.

«А вѣдь это пожалуй и хорошо, что онъ меня почти за сумасшедшаго считаетъ», подумалъ Раскольниковъ.

— Да вѣдь этакъ, пожалуй. и здоровые также, замѣтила Дунечка, съ безпокойствомъ смотря на Зосимова.

— Довольно вѣрное замѣчаніе, отвѣтилъ тотъ: — въ этомъ смыслѣ дѣйствительно всѣ мы, и весьма часто, почти какъ помѣшанные, съ маленькою только разницей, что больные нѣсколько больше нашего помѣшаны, потому тутъ необходимо различать черту. А гармоническаго человѣка, это правда, совсѣмъ почти нѣтъ; на десятки, а, можетъ, и на многія сотни тысячъ по одному встрѣчается, да и то въ довольно слабыхъ экземплярахъ...

При словѣ помѣшанный», неосторожно вырвавшемся у заболтавшагося на любимую тему Зосимова, всѣ поморщились. Раскольниковъ сидѣлъ какъ-бы не обращая вниманія, въ задумчивости и съ странною улыбкой на блѣдныхъ губахъ. Онъ что-то продолжалъ соображать.

— Ну, такъ чтожъ этотъ раздавленный? Я тебя перебилъ! крикнулъ поскорѣй Разумихинъ.

— Что? какъ-бы проснулся тотъ:—да... ну и запачкался въ крови, когда помогалъ его переносить въ квартиру... Кстати. маменька, я одну непростительную вещь вчера сдѣлалъ; подлинно не въ своемъ былъ умѣ. Я вчера всѣ деньги, которыя вы мнѣ прислали, отдалъ... его женѣ... на похороны. Теперь вдова, чахоточная, жалкая женщина... трое маленькихъ сиротъ, голодные... въ домѣ пусто... и еще одна дочь есть... Можетъ быть, вы-бы и сами отдали кабы видѣли... Я, впрочемъ, права не имѣлъ никакого, сознаюсь, особенно зная какъ вамъ самимъ эти деньги достались. Чтобы помогать, надо сначала право такое имѣть, не то: Crevez chiens, si vous n'êtes pas contents! Онъ разсмѣялся. — Такъ-ли, Дуня?

— Нѣтъ, не такъ, твердо отвѣтила Дуня.

— Ба! Да и ты... съ намѣреніями!... пробормоталъ онъ, посмотрѣвъ на нее чуть не съ ненавистью и насмѣшливо улыбнувшись.—Я-бы долженъ былъ это сообразить... Чтожъ, и похвально: тебѣ-же лучше... и дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее — несчастна будешь, а перешагнешь,— можетъ, еще несчастнѣе будешь... А впрочемъ, все это вздоръ! прибавилъ онъ раздражительно, досадуя на свое невольное увлеченіе. — Я хотѣлъ только

сказать, что у васъ, маменька, я прощенія прошу, заключилъ онъ рѣзко и отрывисто.

— Полно, Родя, я увѣрена, все что̀ ты дѣлаешь, все прекрасно!—сказала обрадованная мать.

— Не будьте увѣрены, отвѣтилъ онъ, скрививъ ротъ въ улыбку. Послѣдовало молчаніе. Что-то было напряженное во всемъ этомъ разговорѣ, и въ молчаніи, и въ примиреніи, и въ прощеніи, и всѣ это чувствовали.

«А вѣдь точно они боятся меня:, думалъ самъ про себя Раскольниковъ, изподлобья глядя на мать и сестру. Пульхерія Александровна, дѣйствительно, чѣмъ больше молчала, тѣмъ больше и робѣла.

«Заочно, кажется, такъ вѣдь любилъ ихъ», промелькнуло въ его головѣ.

— Знаешь, Родя, Марѳа Петровна умерла! вдругъ выскочила Пульхерія Александровна.

— Какая это Марѳа Петровна?

— Ахъ, Боже мой, да Марѳа Петровна, Свидригайлова! Я еще такъ много объ ней писала тебѣ.

— А-а-а, да, помню... такъ умерла? Ахъ, въ самомъ дѣлѣ?— вдругъ встрепенулся онъ, точно проснувшись.—Неужели умерла? Отчего-же?

— Представь себѣ, скоропостижно! заторопилась Пульхерія Александровна, ободренная его любопытствомъ, — и какъ разъ въ то самое время какъ я тебѣ письмо тогда отправила, въ тотъ самый даже день! Вообрази, этотъ ужасный человѣкъ, кажется, и былъ причиной ея смерти. Говорятъ, онъ ее ужасно избилъ!

— Развѣ они такъ жили? спросилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Нѣтъ, напротивъ даже. Съ ней онъ всегда былъ очень терпѣливъ, даже вѣжливъ. Во многихъ случаяхъ даже слишкомъ былъ снисходителенъ къ ея характеру, цѣлыя семь лѣтъ... Какъ-то вдругъ потерялъ терпѣніе.

— Стало быть, онъ вовсе не такъ ужасенъ, коли семь лѣтъ крѣпился? Ты, Дунечка, кажется, его оправдываешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, это ужасный человѣкъ! Ужаснѣе я ничего и представить не могу, чуть не съ содроганіемъ отвѣтила Дуня, нахмурила брови и задумалась.

— Случилось это у нихъ утромъ, продолжала торопясь Пульхерія Александровна. — Послѣ того она тотчасъ-же приказала заложить лошадей, чтобъ сейчасъ-же послѣ обѣда и ѣхать въ городъ, потому что она всегда въ такихъ случаяхъ въ городъ ѣздила: кушала за обѣдомъ, говорятъ, съ большимъ аппетитомъ...

— Избитая-то?

— ... У ней, впрочемъ, и всегда была эта... привычка, и какъ только пообѣдала, чтобы не запоздать ѣхать, тотчасъ-же отправилась въ купальню... Видишь, она какъ-то тамъ лечилась купаньемъ: у нихъ тамъ ключъ холодный есть, и она купалась въ немъ регулярно каждый день, и какъ только вошла въ воду, вдругъ съ ней ударъ!

— Еще-бы! сказалъ Зосимовъ.

— И больно онъ ее избилъ?

— Вѣдь это все равно, отозвалась Дуня.

— Гм! А впрочемъ, охота вамъ, маменька, о такомъ вздорѣ разсказывать, раздражительно и какъ-бы нечаянно проговорилъ вдругъ Раскольниковъ.

— Ахъ, другъ мой, да я не знала о чемъ ужь и заговорить, вырвалось у Пульхеріи Александровны.

— Да что вы, боитесь что-ль меня всѣ? сказалъ онъ съ искривившеюся улыбкою.

— Это дѣйствительно правда, сказала Дуня, прямо и строго смотря на брата.—Маменька, входя на лѣстницу, даже крестилась отъ страху.

Лицо его перекосилось какъ-бы отъ судороги.

— Ахъ, что ты Дуня! Не сердись, пожалуйста, Родя... Зачѣмъ ты, Дуня! заговорила въ смущеніи Пульхерія Александровна;—это я, вправду, ѣхала сюда, всю дорогу мечтала, въ вагонѣ: какъ мы увидимся, какъ мы обо всемъ сообщимъ другъ другу... и такъ была счастлива, что и дороги не видала! Да что я! Я и теперь счастлива... Напрасно ты, Дуня! Я ужь тѣмъ только счастлива, что тебя вижу, Родя...

— Полноте, маменька, съ смущеніемъ пробормоталъ онъ, не глядя на нее и сжавъ ея руку,—успѣемъ наговориться!

Сказавъ это, онъ вдругъ смутился и побѣдѣлъ: опять одно недавнее ужасное ощущеніе мертвымъ холодомъ прошло по душѣ его; опять ему вдругъ стало совершенно ясно и понятно, что онъ сказалъ сейчасъ ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успѣть наговориться, но уже ни объ чемъ больше, никогда и ни съ кѣмъ, нельзя ему теперь *говорить*. Впечатлѣніе этой мучительной мысли было такъ сильно, что онъ, на мгновеніе, почти совсѣмъ забылся, всталъ съ мѣста и, не глядя ни на кого, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Что ты? крикнулъ Разумихинъ, хватая его за руку.

Онъ сѣлъ опять и сталъ молча осматриваться: всѣ глядѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Да что вы всѣ такіе скучные! вскрикнулъ онъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно:—скажите что нибудь! Что въ самомъ дѣлѣ такъ сидѣть-то! Ну, говорите-же! Станемъ разговаривать... Собрались и молчимъ... Ну, что нибудь!

— Слава Богу! А я думала съ нимъ что нибудь вчераннее начинается, сказала перекрестившись Пульхерія Александровна.

— Чего ты, Родя? недовѣрчиво спросила Авдотья Романовна.

— Такъ, ничего, одну штуку вспомнилъ, отвѣчалъ онъ и вдругъ засмѣялся.

— Ну, коль штуку, такъ и хорошо! А то и я самъ было подумалъ... пробормоталъ Зосимовъ, подымаясь съ дивана. —Мнѣ однакожь пора; я еще зайду, можетъ быть... если застану...

Онъ откланялся и вышелъ.

— Какой прекрасный человѣкъ! замѣтила Пульхерія Александровна.

— Да, прекрасный, превосходный, образованный, умный... заговорилъ вдругъ Раскольниковъ какою-то неожиданною скороговоркой и съ какимъ-то необыкновеннымъ до сихъ поръ оживленіемъ,—ужь не помню гдѣ я его прежде до болѣзни встрѣчалъ... Кажется, гдѣ-то встрѣчалъ... Вотъ и этотъ тоже хорошій человѣкъ! кивнулъ онъ на Разумихина:—нравится онъ тебѣ, Дуня? спросилъ онъ ее и вдругъ, неизвѣстно чему, разсмѣялся.

— Очень, отвѣтила Дуня.

— Фу, какой ты... свинтусъ! произнесъ странно сконфузившійся и покраснѣвшій Разумихинъ и всталъ со стула. Пульхерія Александровна слегка улыбнулась, а Раскольниковъ громко расхохотался.

— Да куда ты?

— Я тоже... мнѣ надо.

— Совсѣмъ тебѣ не надо, оставайся! Зосимовъ ушелъ, такъ и тебѣ надо. Не ходи... А который часъ? Есть двѣнадцать? Какіе у тебя миленькіе часы. Дуня! Да что вы опять замолчали? Все только я, да я говорю!..

— Это подарокъ Марфы Петровны, отвѣтила Дуня.

— И предорогіе, прибавила Пульхерія Александровна.

— А-а-а! Какіе большіе, почти не дамскіе.

— Я такіе люблю, сказала Дуня.

«Стало быть не жениховъ подарокъ, подумалъ Разумихинъ и неизвѣстно чему обрадовался.

— А я думалъ это Лужина подарокъ, замѣтилъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ, онъ еще ничего не дарилъ Дунечкѣ.

— А-а-а! А помните, маменька, я влюбленъ-то былъ и же-

ниться хотѣлъ, вдругъ сказалъ онъ, смотря на мать, пораженную неожиданнымъ оборотомъ и тономъ, съ которымъ онъ объ этомъ заговорилъ.

— Ахъ, другъ мой, да! Пульхерія Александровна переглянулась съ Дунечкой и Разумихинымъ.

— Гм! Да! А что мнѣ вамъ разсказать? Даже мало помню. Она больная такая дѣвочка была—продолжалъ онъ, какъ-бы опять вдругъ задумываясь и потупившись,—совсѣмъ хворая: нищимъ любила подавать и о монастырѣ все мечтала, и разъ заплакась слезами, когда мнѣ объ этомъ стала говорить; да, да... помню... очень помню. Дурнушка такая... собой. Право не знаю за что я къ ней тогда привязался, кажется, за то что всегда больная... Будь она еще хромая, аль горбатая, я-бы, кажется, еще больше ее полюбилъ... (Онъ задумчиво улыбнулся). Такъ... какой-то бредъ весенній былъ...

— Нѣтъ, тутъ не одинъ бредъ весенній, съ одушевленіемъ сказала Дунечка.

Онъ внимательно и съ напряженіемъ посмотрѣлъ на сестру, но не разслышалъ, или даже не понялъ ея словъ. Потомъ, съ глубокой задумчивости, всталъ, подошелъ къ матери, поцѣловалъ ее, воротился на мѣсто и сѣлъ.

— Ты и теперь ее любишь! проговорила растроганная Пульхерія Александровна.

— Ее-то? Теперь? Ахъ, да... вы про нее! Нѣтъ. Это все теперь точно на томъ свѣтѣ... и такъ давно. Да и все-то кругомъ точно не здѣсь дѣлается...

Онъ со вниманіемъ посмотрѣлъ на нихъ.

— Вотъ и васъ... точно я изъ за тысячи верстъ на васъ смотрю... Да и чортъ знаетъ зачѣмъ мы объ этомъ говоримъ! И къ чему разспрашивать? прибавилъ онъ съ досадой и замолчалъ, кусая себѣ ногти и вновь задумываясь.

— Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гробъ,—сказала вдругъ Пульхерія Александровна, прерывая тягостное молчаніе;—я увѣрена, что ты на половину отъ квартиры сталъ такой меланхоликъ.

— Квартира?... отвѣчалъ онъ разсѣянно.—Да, квартира много способствовала... я объ этомъ тоже думалъ... А еслибъ вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчасъ сказали, маменька, прибавилъ онъ вдругъ, странно усмѣхнувшись.

Еще немного, и это общество, эти родные, послѣ трехлѣтней разлуки, этотъ родственный тонъ разговора при полной невозможности хоть объ чемъ нибудь говорить,—стали-бы наконецъ ему рѣшительно невыносимы. Было однакожъ одно неотлагательное дѣло,

которое такъ или этакъ, а надо было непремѣнно рѣшить сегодня,— такъ рѣшилъ онъ еще давеча, когда проснулся. Теперь онъ обрадовался *дылу*, какъ выходу.

— Вотъ что̀, Дуня, началъ онъ серіозно и сухо,—я конечно прошу у тебя за вчерашнее прощенія, но я долгомъ считаю опять тебѣ напомнить, что отъ главнаго моего я не отступаюсь. Или я, или Лужинъ. Пусть я подлецъ, а ты не должна. Одинъ кто нибудь. Если-же ты выйдешь за Лужина, я тотчасъ-же перестаю тебя сестрой считать.

— Родя, Родя! Да вѣдь это все тоже самое, что̀ и вчера, горестно воскликнула Пульхерія Александровна, — и почему ты все подлецомъ себя называешь, не могу я этого выносить! И вчера тоже самое...

— Братъ, — твердо и тоже сухо отвѣчала Дуня, — во всемъ этомъ есть ошибка съ твоей стороны. Я за ночь обдумала и отыскала ошибку. Все въ томъ, что ты, кажется, предполагаешь будто я кому-то и для кого-то приношу себя въ жертву. Совсѣмъ это не такъ. Я просто для себя выхожу, потому что мнѣ самой тяжело; а затѣмъ конечно буду рада, если удастся быть полезною роднымъ, но въ моей рѣшимости это не самое главное побужденіе...

«Лжетъ! думалъ онъ про себя, кусая ногти со злости. — Гордячка! Сознаться не хочетъ, что хочется благодѣтельствовать! О, низкіе характеры! Они и любятъ точно ненавидятъ... О, какъ я... ненавижу ихъ всѣхъ!»

— Однимъ словомъ, я выхожу за Петра Петровича, продолжала Дунечка, — потому что изъ двухъ золъ выбираю меньшее. Я намѣрена честно исполнить все, чего онъ отъ меня ожидаетъ, а, стало быть, его не обманываю... Зачѣмъ ты такъ сейчасъ улыбнулся?

Она тоже вспыхнула, и въ глазахъ ея мелькнулъ гнѣвъ.

— Все исполнишь? спросилъ онъ, ядовито усмѣхаясь.

— До извѣстнаго предѣла. И манера, и форма сватовства Петра Петровича показали мнѣ тотчасъ-же, чего ему надобно. Онъ, конечно, себя цѣнитъ, можетъ быть, слишкомъ высоко, но я надѣюсь, что онъ и меня цѣнитъ... Чего ты опять смѣешься?

— А чего ты опять краснѣешь? Ты лжешь, сестра, ты нарочно лжешь, по одному только женскому упрямству, чтобы только на своемъ поставить передо мной... Ты не можешь уважать Лужина: я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ. Стало быть, продаешь себя за деньги и, стало быть, во всякомъ случаѣ поступаешь низко, и я радъ, что ты, по крайней мѣрѣ, краснѣть можешь!

— Неправда, не лгу!.. вскричала Дунечка, теряя все хладнокровіе;—я не выйду за него, не бывъ убѣждена, что онъ цѣнитъ

меня и дорожить мной; не выйду за него, не бывъ твердо убѣждена, что сама могу уважать его. Къ счастію, я могу въ этомъ убѣдиться навѣрно и даже сегодня-же. А такой бракъ не есть подлость, какъ ты говоришь! А еслибы ты былъ и правъ, еслибъ я дѣйствительно рѣшилась на подлость, — развѣ не безжалостно съ твоей стороны такъ со мной говорить? Зачѣмъ ты требуешь отъ меня геройства, котораго и въ тебѣ-то, можетъ быть, нѣтъ? Это деспотизмъ, это насиліе! Если я погублю кого, такъ только себя одну... Я еще никого не зарѣзала!... Что ты такъ смотришь на меня? Что ты такъ побѣлѣлъ? Родя, что съ тобой? Родя, милый!..

— Господи! До обморока довела! вскричала Пульхерія Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ... вздоръ... ничего!.. Немного голова закружилась. Совсѣмъ не обморокъ... Дались вамъ эти обмороки!... Гм! да... что бишь я хотѣлъ? Да: какимъ образомъ ты сегодня-же убѣдишься, что можешь уважать его и что онъ... цѣнитъ, что-ли, какъ ты сказала? Ты, кажется, сказала, что сегодня? Или я ослышался?

— Маменька, покажите брату письмо Петра Петровича, сказала Дунечка.

Пульхерія Александровна дрожащими руками передала письмо. Онъ съ большимъ любопытствомъ взялъ его. Но прежде чѣмъ развернуть, онъ вдругъ какъ-то съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Дунечку.

— Странно, проговорилъ онъ медленно, какъ-бы вдругъ пораженный новою мыслію, — да изъ чего я такъ хлопочу? Изъ чего весь крикъ? Да выходи за кого хочешь!

Онъ говорилъ какъ-бы для себя, но выговорилъ вслухъ и нѣсколько времени смотрѣлъ на сестру, какъ-бы озадаченный.

Онъ развернулъ, наконецъ, письмо, все еще сохраняя видъ какого-то страннаго удивленія; потомъ медленно и внимательно началъ читать и прочелъ два раза. Пульхерія Александровна была въ особенномъ безпокойствѣ: да и всѣ ждали чего-то особеннаго.

— Это мнѣ удивительно, началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья и передавая письмо матери, но не обращаясь ни къ кому въ частности, — вѣдь онъ по дѣламъ ходитъ, адвокатъ. И разговоръ даже у него такой... съ замашкой, — а вѣдь какъ безграмотно пишетъ.

Всѣ пошевелились; совсѣмъ не того ожидали.

— Да вѣдь они и всѣ такъ пишутъ, отрывисто замѣтилъ Разумихинъ.

— Ты развѣ читалъ?

— Да.

— Мы показывали, Родя, мы... совѣтовались давеча, начала сконфузившаяся Пульхерія Александровна.

— Это собственно судейскій слогъ, перебилъ Разумихинъ;— судейскія бумаги до сихъ поръ такъ пишутся.

— Судейскій? Да, именно судейскій, дѣловой... Не то чтобъ ужь очень безграмотно, да и не то чтобъ ужь очень литературно; дѣловой!

— Петръ Петровичъ и не скрываетъ, что учился на мѣдныя деньги и даже хвалится тѣмъ, что самъ себѣ дорогу проложилъ, замѣтила Авдотья Романовна, нѣсколько обиженная новымъ тономъ брата.

— Чтожь, если хвалится, такъ и есть чѣмъ,—я не противорѣчу. Ты, сестра, кажется, обидѣлась, что я изъ всего письма такое фривольное замѣчаніе извлекъ, и думаешь, что я нарочно о такихъ пустякахъ заговорилъ, чтобы поломаться надъ тобой съ досады. Напротивъ, мнѣ, по поводу слога, пришло въ голову одно совсѣмъ не лишнее, въ настоящемъ случаѣ, замѣчаніе. Тамъ есть одно выраженіе: «сценяйте на себя», поставленное очень знаменательно и ясно, и кромѣ того есть угроза, что онъ тотчасъ уйдетъ, если я приду. Эта угроза уйти—все равно что угроза васъ обѣихъ бросить, если будете непослушны, и бросить теперь, когда уже въ Петербургъ вызвалъ. Ну, какъ ты думаешь: можно-ли такимъ выраженіемъ отъ Лужина также точно обидѣться, какъ еслибы вотъ онъ написалъ (онъ указалъ на Разумихина), али Зосимовъ, али изъ насъ кто нибудь?

— Н-нѣтъ, отвѣчала Дунечка, оживляясь,—я очень поняла, что это слишкомъ наивно выражено и что онъ, можетъ быть, только не мастеръ писать... Это ты хорошо разсудилъ, братъ. Я даже не ожидала...

— Это по судейски выражено, а по судейски иначе написать нельзя, и вышло грубѣе чѣмъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ. Впрочемъ, я должень тебя нѣсколько разочаровать: въ этомъ письмѣ есть еще одно выраженіе, одна клевета на мой счетъ, и довольно подленькая. Я деньги отдалъ вчера вдовѣ, чахоточной и убитой, и не «подъ предлогомъ похоронъ», а прямо на похороны, и не въ руки дочери,—дѣвицы, какъ онъ пишетъ, «отъявленнаго поведенія» (и которую я вчера въ первый разъ въ жизни видѣлъ), а именно вдовѣ. Во всемъ этомъ я вижу слишкомъ поспѣшное желаніе меня размарать и съ вами поссорить. Выражено-же опять по судейски, то есть съ слишкомъ явнымъ обнаруженіемъ цѣли и съ поспѣшностью весьма наивною. Человѣкъ онъ умный, но чтобъ умно поступать—одного ума мало. Все это рисуетъ человѣка и... не ду-

маю, чтобъ онъ тебя много цѣнилъ. Сообщаю-же тебѣ единственно для назиданія, потому что искренно желаю тебѣ добра...

Дунечка не отвѣчала; рѣшеніе ея было еще давеча сдѣлано, она ждала только вечера.

— Такъ какъ-же ты рѣшаешься, Родя? спросила Пульхерія Александровна, еще болѣе давешняго обезпокоенная его внезапнымъ, новымъ, *дѣловымъ* тономъ рѣчи.

— Что это: «рѣшаешься?»

— Да вотъ Петръ Петровичъ-то пишетъ, чтобы тебя не было у насъ вечеромъ и что онъ уйдетъ... коли ты придешь. Такъ какъ-же ты... будешь?

— Это ужь, конечно, не мнѣ рѣшать, а, во первыхъ вамъ, если такое требованіе Петра Петровича васъ не обижаетъ, а во вторыхъ Дунѣ, если она тоже не обижается. А я сдѣлаю какъ вамъ лучше, прибавилъ онъ сухо.

— Дунечка уже рѣшилась, и я вполнѣ съ ней согласна, поспѣшила вставить Пульхерія Александровна.

— Я рѣшила просить тебя, Родя, настоятельно просить непремѣнно быть у насъ на этомъ свиданіи, сказала Дуня:—придешь?

— Приду.

— Я и васъ тоже попрошу быть у насъ въ восемь часовъ, обратилась она къ Разумихину.—Маменька, я ихъ тоже приглашаю.

— И прекрасно, Дунечка. Ну, ужь какъ вы тамъ рѣшили, прибавила Пульхерія Александровна,—такъ ужь пусть и будетъ. А мнѣ и самой легче: не люблю притворяться и лгать; лучше будемъ всю правду говорить... Сердись, не сердись теперь Петръ Петровичъ!

IV.

Въ эту минуту дверь тихо отворилась, и въ комнату, робко озираясь, вошла одна дѣвушка. Всѣ обратились къ ней съ удивленіемъ и любопытствомъ. Раскольниковъ не узналъ ея съ перваго взгляда. Это была Софья Семеновна Мармеладова. Вчера видѣлъ онъ ее въ первый разъ, но въ такую минуту, при такой обстановкѣ и въ такомъ костюмѣ, что въ памяти его отразился образъ совсѣмъ другаго лица. Теперь это была скромно и даже бѣдно одѣтая дѣвушка, очень еще молоденькая, почти похожая на дѣвочку, съ скромною и приличною манерой, съ яснымъ, но какъ будто нѣсколько запуганнымъ лицомъ. На ней было очень простенькое до-

машнее платьице, на головѣ старая, прежняго фасона шляпка; только въ рукахъ былъ, по вчерашнему, зонтикъ. Увидавъ неожиданно полную комнату людей, она не то что сконфузилась, но совсѣмъ потерялась, оробѣла какъ маленькій ребенокъ, и даже сдѣлала было движеніе уйти назадъ.

— Ахъ... это вы?.. сказалъ Раскольниковъ въ чрезвычайномъ удивленіи, и вдругъ самъ смутился.

Ему тотчасъ-же представилось, что мать и сестра знаютъ уже вскользь, по письму Лужина, о нѣкоторой дѣвицѣ «отъявленнаго» поведенія. Сейчасъ только онъ протестовалъ противъ клеветы Лужина и упомянулъ, что видѣлъ эту дѣвицу въ первый разъ, и вдругъ она входитъ сама. Вспомнилъ тоже, что нисколько не протестовалъ противъ выраженія: «отъявленнаго поведенія». Все это неясно и мигомъ скользнуло въ его головѣ. Но взглянувъ пристальнѣе, онъ вдругъ увидалъ, что это приниженное существо до того уже принижено, что ему вдругъ стало жалко. Когда-же она сдѣлала было движеніе убѣжать отъ страху, — въ немъ что̀-то какъ-бы перевернулось.

— Я васъ совсѣмъ не ожидалъ, заторопился онъ, останавливая ее взглядомъ. — Сдѣлайте одолженіе, садитесь. Вы, вѣрно, отъ Катерины Ивановны. Позвольте, не сюда, вотъ тутъ сядьте...

При входѣ Сони Разумихинъ, сидѣвшій на одномъ изъ трехъ стульевъ Раскольникова, сейчасъ подлѣ двери, привсталъ, чтобы дать ей войти. Сначала Раскольниковъ указалъ было ей мѣсто въ углу дивана, гдѣ сидѣлъ Зосимовъ, но вспомнивъ, что этотъ диванъ былъ слишкомъ *фамильярное* мѣсто и служитъ ему постелью, поспѣшилъ указать ей на стулъ Разумихина.

— А ты садись здѣсь, сказалъ онъ Разумихину, сажая его въ уголъ, гдѣ сидѣлъ Зосимовъ.

Соня сѣла, чуть не дрожа отъ страху, и робко взглянула на обѣихъ дамъ. Видно было, что она и сама не понимала, какъ могла она сѣсть съ ними рядомъ. Сообразивъ это, она до того испугалась, что вдругъ опять встала и въ совершенномъ смущеніи обратилась къ Раскольникову.

— Я... я... зашла на одну минуту, простите, что васъ обезпокоила, заговорила она, запинаясь.— Я отъ Катерины Ивановны, а ей послать было некого... А Катерина Ивановна приказала васъ очень просить быть завтра на отпѣваніи, утромъ... за обѣдней... на Митрофаніевскомъ, а потомъ у насъ... у ней... откушать... Честь ей сдѣлать... Она велѣла просить.

Соня запнулась и замолчала.

— Постараюсь непремѣнно.. непремѣнно... отвѣчалъ Расколь-

никовъ, привставъ тоже, и тоже запинаясь и не договаривая... Сдѣлайте одолженіе, садитесь, сказалъ онъ вдругъ; мнѣ надо съ вами поговорить. Пожалуйста,—вы, можетъ быть, торопитесь,—сдѣлайте одолженіе, подарите мнѣ двѣ минуты...

И онъ подвинулъ ей стулъ. Соня опять сѣла и опять робко, потерянно, поскорѣй взглянула на обѣихъ дамъ и вдругъ потупилась.

Блѣдное лицо Раскольникова вспыхнуло; его какъ будто всего передернуло; глаза загорѣлись.

— Маменька, сказалъ онъ твердо и настойчиво, — это Софья Семеновна Мармеладова, дочь того самаго несчастнаго господина Мармеладова, котораго вчера въ моихъ глазахъ раздавили лошади и о которомъ я уже вамъ говорилъ...

Пульхерія Александровна взглянула на Соню и слегка прищурилась. Не смотря на все свое замѣшательство передъ настойчивымъ и вызывающимъ взглядомъ Роди, она никакъ не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Дунечка серіозно, пристально уставилась прямо въ лицо бѣдной дѣвушки и съ недоумѣніемъ ее разсматривала. Соня, услышавъ рекомендацію, подняла было глаза опять, но смутилась еще болѣе прежняго.

— Я хотѣлъ васъ спросить, обратился къ ней поскорѣй Раскольниковъ, — какъ это у васъ сегодня устроилось? Не обезпокоили-ли васъ?.. напримѣръ отъ полиціи.

— Нѣтъ-съ, все прошло... Вѣдь ужь слишкомъ видно отчего смерть была; не безпокоили: только вотъ жильцы сердятся.

— Отчего?

— Что тѣло долго стоитъ... вѣдь теперь жарко, духъ... такъ что сегодня, къ вечерни, на кладбище перенесутъ, до завтра, въ часовню. Катерина Ивановна сперва не хотѣла, а теперь и сама видитъ что нельзя...

— Такъ сегодня?

— Она проситъ васъ сдѣлать намъ честь на отпѣваніи въ церкви быть завтра, а потомъ ужь къ ней прибыть, на поминки.

— Она поминки устроиваетъ?

— Да-съ, закуску; она васъ очень велѣла благодарить, что вы вчера помогли намъ... безъ васъ совсѣмъ-бы нечѣмъ похоронить.— И губы и подбородокъ ея вдругъ запрыгали, но она скрѣпилась и удержалась, поскорѣй опять опустивъ глаза въ землю.

Между разговоромъ Раскольниковъ пристально ее разглядывалъ. Это было худенькое, совсѣмъ худенькое и блѣдное личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, съ востренькимъ маленькимъ носомъ и подбородкомъ. Ее даже нельзя было назвать и хорошенькою,

но зато голубые глаза ея были такіе ясные, и, когда оживлялись они, выраженіе лица ея становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало къ ней. Въ лицѣ ея, да и во всей ея фигурѣ, была сверхъ того одна особенная характерная черта: не смотря на свои восемнадцать лѣтъ, она казалась почти еще дѣвочкой, гораздо моложе своихъ лѣтъ, совсѣмъ почти ребенкомъ, и это иногда даже смѣшно проявлялось въ нѣкоторыхъ ея движеніяхъ.

— Но неужели Катерина Ивановна могла обойтись такими малыми средствами, даже еще закуску намѣрена?.. спросилъ Раскольниковъ, настойчиво продолжая разговоръ.

— Гробъ вѣдь простой будетъ-съ... и все будетъ просто, такъ что не дорого... мы давеча съ Катериной Ивановной все разсчитали, такъ что и останется чтобы помянуть... а Катеринѣ Ивановнѣ очень хочется чтобы такъ было. Вѣдь нельзя-же-съ... ей утѣшеніе... она такая, вѣдь вы знаете...

— Понимаю, понимаю... Конечно... Что это вы мою комнату разглядываете? Вотъ маменька говоритъ тоже, что на гробъ похожа.

— Вы намъ все вчера отдали! проговорила вдругъ въ отвѣтъ Сонечка, какимъ-то сильнымъ и скорымъ шепотомъ, вдругъ опять сильно потупившись. Губы и подбородокъ ея опять запрыгали. Она давно уже поражена была бѣдною обстановкой Раскольникова, и теперь слова эти вдругъ вырвались сами собой. Послѣдовало молчаніе. Глаза Дунечки какъ-то прояснѣли, а Пульхерія Александровна даже привѣтливо посмотрѣла на Соню.

Родя, сказала она, вставая,—мы, разумѣется, вмѣстѣ обѣдаемъ. Дунечка, пойдемъ... А ты-бы, Родя, пошелъ, погулялъ немного, а потомъ отдохнулъ, полежалъ, а тамъ и приходи скорѣе... А то мы тебя утомили, боюсь я...

— Да, да, приду, отвѣчалъ онъ, вставая и заторопившись... У меня, впрочемъ, дѣло...

Да неужели-жь вы будете и обѣдать розно? закричалъ Разумихинъ, съ удивленіемъ смотря на Раскольникова:—что ты это?

— Да, да, приду, конечно, конечно... А ты останься на минуту. Вѣдь онъ вамъ сейчасъ не нуженъ, маменька? Или я, можетъ, отнимаю его?

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! А вы, Дмитрій Прокофьичъ, придете обѣдать, будете такъ добры?

— Пожалуйста придите, попросила Дуня.

Разумихинъ откланялся и весь засіялъ. На одно мгновеніе всѣ какъ-то странно вдругъ законфузились.

— Прощай, Родя, то есть до свиданія; не люблю говорить «прощай». Прощай, Настасья... ахъ, опять «прощай» сказала!..

Пульхерія Александровна хотѣла было и Сонечкѣ поклониться, но какъ-то не удалось, и заторопившись вышла изъ комнаты.

Но Авдотья Романовна какъ будто ждала очереди, и, проходя вслѣдъ за матерью мимо Сони, откланялась ей внимательнымъ, вѣжливымъ и полнымъ поклономъ. Сонечка смутилась, поклонилась какъ-то утопленно и испуганно, и какое-то даже болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ ея, какъ будто вѣжливость и вниманіе Авдотьи Романовны были ей тягостны и мучительны.

— Дуня, прощай-же! крикнулъ Раскольниковъ уже въ сѣни: — дай-же руку-то!

— Да вѣдь я-же подавала, забылъ? отвѣчала Дуня, ласково и неловко оборачиваясь къ нему.

— Ну чтожь, еще дай!

И онъ крѣпко стиснулъ ея пальчики. Дунечка улыбнулась ему, закраснѣлась, поскорѣе вырвала свою руку и ушла за матерью, тоже почему-то вся счастливая.

— Ну вотъ и славно! сказалъ онъ Сонѣ, возвращаясь къ себѣ, и ясно посмотрѣвъ на нее, упокой Господь мертвыхъ, а живымъ еще жить! Такъ-ли? Такъ-ли? Вѣдь такъ?

Соня даже съ удивленіемъ смотрѣла на внезапно просвѣтлѣвшее лицо его; онъ нѣсколько мгновеній молча и пристально въ нее вглядывался; весь разсказъ о ней покойника отца ея пронесся въ эту минуту вдругъ въ его памяти...

— Господи, Дунечка! заговорила тотчасъ-же Пульхерія Александровна какъ вышли на улицу: — вотъ вѣдь теперь сама точно рада, что мы ушли; легче какъ-то. Ну, думала-ли я вчера, въ вагонѣ, что даже этому буду радоваться!

— Опять говорю вамъ, маменька, онъ еще очень боленъ. Неужели вы не видите? Можетъ быть, страдая по насъ, и разстроилъ себя. Надо быть снисходительнымъ и многое, многое можно простить.

— А вотъ ты не была снисходительна! горячо и ревниво перебила тотчасъ-же Пульхерія Александровна. — Знаешь, Дуня, смотрѣла я на васъ обоихъ, совершенный ты его портретъ и не столько лицомъ сколько душою: оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба высокомѣрные и оба великодушные... Вѣдь не можетъ быть чтобъ онъ эгоистъ былъ, Дунечка? а?... А какъ подумаю, что у насъ вечеромъ будетъ сегодня, такъ все сердце и отнимется!

— Не безпокойтесь, маменька, будетъ то что должно быть.

— Дунечка! Да подумай только въ какомъ мы теперь положеніи! Ну что если Петръ Петровичъ откажется? неосторожно высказала вдругъ бѣдная Пульхерія Александровна.

— Такъ чего-жь онъ будетъ стоить послѣ того! рѣзко и презрительно отвѣтила Дунечка.

— Это мы хорошо сдѣлали что теперь ушли, заторопилась, перебивая, Пульхерія Александровна, — онъ куда-то по дѣлу снѣшилъ; пусть пройдется, воздухомъ хоть подышетъ... ужасъ у него душно... а гдѣ тутъ воздухомъ-то дышать? Здѣсь и на улицахъ какъ въ комнатахъ безъ форточекъ. Господи, что̀ за городъ!... Постой, посторонись, задавятъ, несутъ что-то! Вѣдь это фортепіано пронесли, право... какъ толкаются... Этой дѣвицы я тоже очень боюсь...

— Какой дѣвицы, маменька?

— Да вотъ этой, Софьи-то Семеновны, что̀ сейчасъ была...

— Чего-же?

— Предчувствіе у меня такое, Дуня. Ну, вѣрнѣ или нѣтъ, какъ вошла она, я въ ту-же минуту и подумала, что тутъ-то вотъ главное-то и сидитъ...

— Совсѣмъ ничего не сидитъ! съ досадой вскрикнула Дуня.— И какія вы съ вашими предчувствіями, маманя! Онъ только со вчерашняго дня съ ней знакомъ, а теперь, какъ вошла, не узналъ.

— Ну, вотъ и увидишь!.. Смущаетъ она меня, вотъ увидишь, увидишь! И такъ я испугалась: глядитъ она на меня, глядитъ, глаза такіе, я едва на стулѣ усидѣла, помнишь, какъ рекомендовать началъ? И странно мнѣ: Петръ Петровичъ такъ объ ней пишетъ, а онъ ее намъ рекомендуетъ, да еще тебѣ! Стало быть, ему дорога!

— Мало-ли что̀ пишетъ! Объ насъ тоже говорили, да и писали, забыли что-ль? А я увѣрена что она... прекрасная, и что все это— вздоръ!

— Дай ей Богъ!

— А Петръ Петровичъ негодный сплетникъ, вдругъ отрѣзала Дунечка.

Пульхерія Александровна такъ и приникла. Разговоръ прервался.

— Вотъ что̀, вотъ какое у меня до тебя дѣло... сказалъ Раскольниковъ, отводя Разумихина къ окошку...

— Такъ я скажу Катеринѣ Ивановнѣ, что вы придете... заторопилась Соня, откланиваясь чтобъ уйти.

— Сейчасъ, Софья Семеновна, у насъ нѣтъ секретовъ, вы не мѣшаете... Я-бы хотѣлъ вамъ еще два слова сказать... Вотъ что̀, обратился онъ вдругъ, не докончивъ, точно сорвалъ, къ Разумихину. — Ты вѣдь знаешь этого... Какъ его!... Порфирія Петровича?

— Еще-бы? Родственникъ. А что такое? прибавилъ тотъ съ какимъ-то взрывомъ любопытства.

— Вѣдь онъ теперь это дѣло... ну, вотъ, по этому убійству... вотъ вчера-то вы говорили... ведетъ?

— Да... ну? Разумихинъ вдругъ выпучилъ глаза.

— Онъ закладчиковъ спрашивалъ, а тамъ у меня тоже заклады есть, такъ дрянцо, однакожъ сестрино колечко, которое она мнѣ на память подарила, когда я сюда уѣзжалъ, да отцовскіе серебряные часы. Все стоитъ рублей пять-шесть, но мнѣ дорого, память. Такъ что мнѣ теперь дѣлать? Не хочу я чтобъ вещи пропали, особенно часы. Я трепеталъ давеча, что мать спроситъ взглянуть на нихъ, когда про Дунечкины часы заговорили. Единственная вещь что послѣ отца уцѣлѣла. Она больна сдѣлается, если они пропадутъ! Женщины! Такъ вотъ какъ быть, научи! Знаю, что надо-бы въ часть заявить. А не лучше-ли самому Порфирію, а? Какъ ты думаешь? Дѣло-то поскорѣе-бы обдѣлать. Увидишь, что еще до обѣда маменька спроситъ!

— Отнюдь не въ часть и непремѣнно къ Порфирію! крикнулъ въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи Разумихинъ.—Ну, какъ я радъ! Да чего тутъ, идемъ сейчасъ, два шага, навѣрно застанемъ!

— Пожалуй... идемъ...

— А онъ очень, очень, очень, очень будетъ радъ съ тобой познакомиться! Я много говорилъ ему о тебѣ, въ разное время... И вчера говорилъ. Идемъ!.. Такъ ты зналъ старуху? То-то! . Вели-ко-лѣпно это все обернулось!.. Ахъ, да... Софья Ивановна...

— Софья Семеновна, поправилъ Раскольниковъ.—Софья Семеновна, это пріятель мой, Разумихинъ, и человѣкъ онъ хорошій...

— Если вамъ теперь надо идти... начала было Соня, совсѣмъ и не посмотрѣвъ на Разумихина, а отъ этого еще болѣе сконфузившись.

— И пойдемте! рѣшилъ Раскольниковъ: — я къ вамъ зайду сегодня-же, Софья Семеновна, скажите мнѣ только гдѣ вы живете?

Онъ не то что сбивался, а такъ, какъ будто торопился и избѣгалъ ея взглядовъ. Соня дала свой адресъ и при этомъ покраснѣла. Всѣ вмѣстѣ вышли.

— Не запрешь развѣ? спросилъ Разумихинъ, сходя по лѣстницѣ вслѣдъ за ними.

— Никогда!.. Впрочемъ, вотъ ужь два года хочу все замокъ купить, прибавилъ онъ небрежно. — Счастливые вѣдь люди, которымъ запирать нечего? обратился онъ смѣясь къ Сонѣ.

На улицѣ стали въ воротахъ.

— Вамъ направо, Софья Семеновна? Кстати: какъ вы меня отыскали? спросилъ онъ, какъ будто желая сказать ей что-то совсѣмъ другое. Ему все хотѣлось смотрѣть въ ея тихіе, ясные глаза, и какъ-то это все не такъ удавалось...

— Да вѣдь вы Полечкѣ вчера адресъ сказали.

— Поля? Ахъ да... Полечка! Это... маленькая... это ваша сестра? Такъ я ей адресъ далъ?

— Да развѣ вы забыли?

— Нѣтъ... помню...

— А я объ васъ еще отъ покойника тогда-же слышала... Только не знала тогда еще вашей фамиліи, да и онъ самъ не зналъ... А теперь пришла... и какъ узнала вчера вашу фамилію... то и спросила сегодня: тутъ господинъ Раскольниковъ гдѣ живетъ?.. И не знала что вы тоже отъ жильцовъ живете... Прощайте-съ... Я Катеринѣ Ивановнѣ...

Она ужасно рада была, что наконецъ ушла; пошла потупясь, торопясь, чтобы поскорѣй какъ нибудь уйти у нихъ изъ виду, чтобы пройти какъ нибудь поскорѣй эти двадцать шаговъ до поворота направо въ улицу и остаться наконецъ одной, и тамъ, идя, спѣша, ни на кого не глядя, ничего не замѣчая, думать, вспоминать, соображать каждое сказанное слово, каждое обстоятельство. Никогда, никогда она не ощущала ничего подобнаго. Цѣлый новый міръ невѣдомо и смутно совлекъ въ ея душу. Она припомнила вдругъ, что Раскольниковъ самъ хотѣлъ къ ней сегодня зайти, можетъ, еще утромъ, можетъ, сейчасъ!

— Только ужъ не сегодня, пожалуйста не сегодня! бормотала она съ замираніемъ сердца, точно кого-то упрашивая, какъ ребенокъ въ испугѣ.—Господи! Ко мнѣ... въ эту комнату... онъ увидитъ... о Господи!

И ужъ конечно она не могла замѣтить въ эту минуту одного незнакомаго ей господина, прилежно слѣдившаго за ней и провожавшаго ее по пятамъ. Онъ провожалъ ее съ самаго выхода изъ воротъ. Въ ту минуту когда всѣ трое, Разумихинъ, Раскольниковъ и она, остановились на два слова на тротуарѣ, этотъ прохожій, обходя ихъ, вдругъ какъ-бы вздрогнулъ, нечаянно на лету поймавъ слова Сони: «и спросила: господинъ Раскольниковъ гдѣ живетъ?» Онъ быстро, но внимательно оглядѣлъ всѣхъ троихъ, въ особенности-же Раскольникова, къ которому обращалась Соня; потомъ посмотрѣлъ на домъ и замѣтилъ его. Все это сдѣлано было въ мгновеніе, на ходу, и прохожій, стараясь не показать даже виду, понесъ далѣе, убавивъ шагу и какъ-бы въ ожиданіи. Онъ поджидалъ Соню: онъ видѣлъ, что они прощались и что Соня пойдетъ сейчасъ куда-то къ себѣ.

«Такъ куда-же къ себѣ? Видѣлъ гдѣ-то это лицо, думалъ онъ, припоминая лицо Сони... надо узнать».

Дойдя до поворота, онъ перешелъ на противоположную сторону улицы, обернулся и увидѣлъ, что Соня уже идетъ вслѣдъ за нимъ,

по той-же дорогѣ, и ничего не замѣчая. Дойдя до поворота, какъ разъ и она повернула въ эту-же улицу. Онъ пошелъ вслѣдъ, не спуская съ нея глазъ съ противоположнаго тротуара; пройдя шаговъ пятьдесятъ, перешелъ опять на ту сторону, по которой шла Соня, догналъ ее и пошелъ за ней, оставаясь въ пяти шагахъ разстоянія.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, росту повыше средняго, дородный, съ широкими и крутыми плечами, что придавало ему нѣсколько сутуловатый видъ. Былъ онъ щегольски и комфортно одѣтъ и смотрѣлъ осанистымъ барином. Въ рукахъ его была красивая трость, которою онъ постукивалъ, съ каждымъ шагомъ, по тротуару, а руки были въ свѣжихъ перчаткахъ. Широкое, скулистое лицо его было довольно пріятно, и цвѣтъ лица былъ свѣжій, не петербургскій. Волосы его, очень еще густые, были совсѣмъ бѣлокурые и чуть-чуть развѣ съ просѣдью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще свѣтлѣе головныхъ волосъ. Глаза его были голубые и смотрѣли холодно, пристально и вдумчиво; губы алыя. Вообще это былъ отлично сохранившійся человѣкъ и казавшійся гораздо моложе своихъ лѣтъ.

Когда Соня вышла на канаву, они очутились вдвоемъ на тротуарѣ. Наблюдая ее, онъ успѣлъ замѣтить ея задумчивость и разсѣянность. Дойдя до своего дома, Соня повернула въ ворота, онъ за ней и какъ-бы нѣсколько удивившись. Войдя во дворъ, она взяла вправо, въ уголъ, гдѣ была лѣстница въ ея квартиру. «Ба!» пробормоталъ незнакомый баринъ и началъ взбираться вслѣдъ за ней по ступенямъ. Тутъ только Соня замѣтила его. Она прошла въ третій этажъ, повернула въ галлерею и позвонила въ 9 нумеръ, на дверяхъ котораго было написано мѣломъ: *Капернаумова портниха*. «Ба!» повторилъ опять незнакомецъ, удивленный страннымъ совпаденіемъ, и позвонилъ рядомъ въ 8 нумеръ. Объ двери были шагахъ въ шести одна отъ другой.

— Вы у Капернаумова стоите! сказалъ онъ, смотря на Соню и смѣясь.—Онъ мнѣ жилетъ вчера перешивалъ. А я здѣсь, рядомъ съ вами, у мадамъ Реслихъ, Гертруды Карловны. Какъ пришлось-то!

Соня посмотрѣла на него внимательно.

— Сосѣди, продолжалъ онъ какъ-то особенно весело.—Я вѣдь всего третій день въ городѣ. Ну-съ, пока до свиданія.

Соня не отвѣтила: дверь отворили, и она проскользнула къ себѣ. Ей стало отъ чего-то стыдно, и какъ будто она оробѣла...

Разумихинъ дорогою къ Порфирію былъ въ особенно возбужденномъ состояніи.

— Это, братъ, славно, повторялъ онъ нѣсколько разъ, — и я радъ! Я радъ!

«Да чему ты радъ?» думалъ про себя Раскольниковъ.

— Я вѣдь и не зналъ, что ты тоже у старухи закладывалъ. И... и... давно это было? То есть давно ты былъ у ней?

«Экой вѣдь наивный дуракъ!»

— Когда?... пріостановился Раскольниковъ, припоминая: — да дня за три до ея смерти я былъ у ней, кажется. Впрочемъ, я вѣдь не выкупить теперь вещи иду,—подхватилъ онъ съ какою-то торопливою и особенною заботой о вещахъ; — вѣдь у меня опять всего только рубль серебромъ... изъ за этого вчерашняго проклятаго бреду!...

О бредѣ онъ произнесъ особенно внушительно.

— Ну да, да, да, торопливо и неизвѣстно чему поддакивалъ Разумихинъ,—такъ вотъ почему тебя тогда... поразило отчасти... а знаешь, ты и въ бреду объ какихъ-то колечкахъ и цѣпочкахъ все поминалъ!... Ну да, да... Это ясно, все теперь ясно.

«Вона! Экъ вѣдь расползлась у нихъ эта мысль! Вѣдь вотъ этотъ человѣкъ за меня на распятіе пойдетъ, а вѣдь очень радъ, что *разъяснилось* почему я о колечкахъ въ бреду поминалъ! Экъ вѣдь утвердилось у нихъ у всѣхъ!...»

— А застанемъ мы его? спросилъ онъ вслухъ.

— Застанемъ, застанемъ, торопился Разумихинъ.—Это, братъ, славный парень, увидишь! Неуклюжъ немного, то есть онъ человѣкъ и свѣтскій, но я въ другомъ отношеніи говорю неуклюжъ. Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то складъ мыслей особенный... Недовѣрчивъ, скептикъ, циникъ... надувать любитъ, то есть не надувать, а дурачить... Ну и матеріальный старый методъ... А дѣло знаетъ, знаетъ... Онъ одно дѣло, прошлаго года, такое объ убійствѣ розыскалъ, въ которомъ почти всѣ слѣды были потеряны! Очень, очень, очень желаетъ съ тобой познакомиться!

— Да съ какой-же стати очень-то?

— То есть не то чтобы... видишь, въ послѣднее время, вотъ какъ ты заболѣлъ, мнѣ часто и много приходилось объ тебѣ поминать... Ну, онъ слушалъ... и какъ узналъ, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствамъ, то сказалъ: какъ жаль! Я и заключилъ... то есть все это вмѣстѣ, не одно вѣдь это; вчера Заметовъ... Видишь, Родя, я тебѣ что-то вчера болталъ въ пьяномъ видѣ, какъ домой-то шли... такъ я, братъ, боюсь, чтобы ты не преувеличилъ, видишь...

— Что это? Что меня сумасшедшимъ-то считаютъ? Да, можетъ, и правда.

Онъ напряженно усмѣхнулся.

— Да, да... то есть тьфу, нѣтъ!... Ну, да все что̀ я говорилъ... (и про другое тутъ-же), это все было вздоръ и съ похмѣлья.

— Да чего ты извиняешься! Какъ это мнѣ все надоѣло! крикнулъ Раскольниковъ съ преувеличенною раздражительностію. Онъ, впрочемъ, отчасти притворился.

— Знаю, знаю, понимаю. Будь увѣренъ, что понимаю. Стыдно и говорить даже...

— А коль стыдно, такъ и не говори!

Оба замолчали. Разумихинъ былъ болѣе чѣмъ въ восторгѣ, и Раскольниковъ съ отвращеніемъ это чувствовалъ. Тревожило его и то, что̀ Разумихинъ сейчасъ говорилъ о Порфиріѣ.

Этому тоже надо Лазаря нѣть, думалъ онъ, блѣдиѣя и съ постукивающимъ сердцемъ, — и натуральнѣе нѣтъ. Натуральнѣе всего ничего-бы не нѣть. Успѣшно ничего не нѣтъ! Нѣтъ *успѣшно* было-бы опять не натурально... Ну да, тамъ какъ обернется... посмотримъ... сейчасъ... хорошо иль не хорошо что я иду? Бабочка сама на свѣчку летитъ. Сердце стучитъ, вотъ что̀ не хорошо!... »

— Въ этомъ сѣромъ домѣ, сказалъ Разумихинъ.

«Важнѣе всего, знаетъ Порфирій иль не знаетъ что я вчера у этой вѣдьмы на квартирѣ былъ... и про кровь спрашивалъ? Въ одинъ мигъ надо это узнать, съ перваго шагу, какъ войду, по лицу узнать; п-па-че... хоть пропаду, да узнаю!»

— А знаешь что̀? вдругъ обратился онъ къ Разумихину съ плутоватою улыбкой: — я, братъ, сегодня замѣтилъ, что ты съ утра, въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи состоишь? Правда?

— Въ какомъ волненіи? Вовсе ни въ какомъ не въ волненіи, передернуло Разумихина.

— Нѣтъ, братъ, право замѣтно. На стулѣ ты давеча сидѣлъ такъ, какъ никогда не сидишь, какъ-то на кончикѣ, и все тебя судорога дергала. Вскакивалъ ни съ того, ни съ сего. То сердитый, а то вдругъ рожа какъ сладчайшій леденецъ отчего-то сдѣлается. Краснѣлъ даже; особенно когда тебя пригласили обѣдать, ты ужасно покраснѣлъ.

— Да ничего я; врешь!... Ты про что̀ это?

— Да что ты точно школьникъ юлишь! Фу, чортъ, да онъ опять покраснѣлъ!

— Какая ты свинья однакожъ!

— Да ты чего конфузишься? Ромео! Постой. я это кое-гдѣ перескажу сегодня, ха-ха-ха! Вотъ маменькѣ-то посмѣшу... да и еще кой-кого...

— Послушай, послушай, послушай, вѣдь это серіозно, вѣдь

это... Чтожъ это послѣ этого, чортъ! сбился окончательно Разумихинъ, холодѣя отъ ужаса.—Что ты имъ разскажешь? Я, братъ... Фу, какая-же ты свинья!

— Просто роза весенняя! И какъ это къ тебѣ идетъ, еслибъ ты зналъ; Ромео десяти вершковъ росту! Да какъ ты вымылся сегодня, ногти вѣдь отчистилъ, а? Когда это бывало? Да ей Богуже ты напомадился! Нагнись-ка!

— Свинья!!!

Раскольниковъ до того смѣялся, что, казалось, ужъ и сдержать себя не могъ, такъ со смѣхомъ и вступили въ квартиру Порфирія Петровича. Того и надо было Раскольникову: изъ комнатъ можно было услышать, что они вошли смѣясь и все еще хохочутъ въ прихожей.

— Ни слова тутъ или я тебя... размозжу! прошепталъ въ бѣшенствѣ Разумихинъ, хватая за плечо Раскольникова.

V.

Тотъ уже входилъ въ комнаты. Онъ вошелъ съ такимъ видомъ, какъ будто изо всей силы сдерживался, чтобы не прыснуть какъ нибудь со смѣху. За нимъ, съ совершенно опрокинутою и свирѣпою физіономіей, красный какъ піонъ, долговязо и неловко, вошелъ стыдящійся Разумихинъ. Лицо его и вся фигура дѣйствительно были въ эту минуту смѣшны и оправдывали смѣхъ Раскольникова. Раскольниковъ, еще не представленный, поклонился стоявшему посреди комнаты и вопросительно глядѣвшему на нихъ хозяину, протянулъ и пожалъ ему руку все еще съ видимымъ чрезвычайнымъ усиліемъ подавить свою веселость и, по крайней мѣрѣ, хоть два-три слова выговорить, чтобъ отрекомендовать себя. Но едва только онъ успѣлъ принять серіозный видъ и что-то пробормотать—вдругъ, какъ-бы невольно, взглянулъ опять на Разумихина и тутъ уже не могъ выдержать: подавленный смѣхъ прорвался тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ сильнѣе до сихъ поръ сдерживался. Необыкновенная свирѣпость, съ которою принималъ этотъ «задушевный» смѣхъ Разумихинъ, придавала всей этой сценѣ видъ самой искренней веселости и, главное, натуральности. Разумихинъ, какъ нарочно, еще помогъ дѣлу:

— Фу, чортъ! заревѣлъ онъ, махнувъ рукой, и какъ разъ ударилъ ею объ маленькій круглый столикъ, на которомъ стоялъ допитый стаканъ чаю. Все полетѣло и зазвенѣло.

— Да зачѣмъ-же стулья-то ломать, господа, казнь вѣдь убытокъ! весело закричалъ Порфирій Петровичъ.

Сцена представлялась такимъ образомъ: Раскольниковъ досмѣивался, забывъ свою руку въ рукѣ хозяина, но, зная мѣрку, выжидалъ мгновенія поскорѣе и натуральнѣе кончить. Разумихинъ, сконфуженный окончательно паденіемъ столика и разбившимся стаканомъ, мрачно поглядѣлъ на осколки, плюнулъ и круто повернулъ къ окну, гдѣ и сталъ спиной къ публикѣ, съ страшно-нахмуреннымъ лицомъ, смотря въ окно и ничего не видя. Порфирій Петровичъ смѣялся и желалъ смѣяться, но очевидно было, что ему надо объясненій. Въ углу на стулѣ сидѣлъ Заметовъ, приставшій при входѣ гостей и стоявшій въ ожиданіи, раздвинувъ въ улыбку ротъ, но съ недоумѣніемъ и даже какъ будто съ недовѣрчивостью смотря на всю сцену, а на Раскольникова даже съ какимъ-то замѣшательствомъ. Неожиданное присутствіе Заметова непріятно поразило Раскольникова.

«Это еще надо сообразить!» подумалъ онъ.

— Извините пожалуйста, началъ онъ усиленно конфузившись,—Раскольниковъ...

— Помилуйте, очень пріятно-съ, да и пріятно вы такъ вошли... Что-жь, онъ и здороваться ужь не хочетъ? кивнулъ Порфирій Петровичъ на Разумихина.

— Ей Богу не знаю чего онъ на меня взбѣсился. Я сказалъ ему только дорогой, что онъ на Ромео похожъ, и... и доказалъ, и больше ничего, кажется, не было.

— Свинья! отозвался не оборачиваясь Разумихинъ.

— Значитъ очень серіозныя причины имѣлъ, чтобы за одно словечко такъ разсердиться, разсмѣялся Порфирій.

— Ну, ты! Слѣдователь!.. Ну, да чортъ съ вами со всѣми! отрѣзалъ Разумихинъ и вдругъ, разсмѣявшись самъ, съ повеселѣвшимъ лицомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ Порфирію Петровичу.

— Шабашъ! Всѣ дураки; къ дѣлу: вотъ пріятель, Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, во первыхъ, наслышанъ и познакомиться пожелалъ, а во вторыхъ, дѣльце малое до тебя имѣетъ. Ба! Заметовъ! Ты здѣсь какимъ образомъ? Да развѣ вы знакомы? Давно-ль сошлись?

«Это что̀ еще!» тревожно подумалъ Раскольниковъ.

Заметовъ какъ будто законфузился, но не очень.

— Вчера у тебя-же познакомились, сказалъ онъ развязно.

— Значитъ, отъ убытка Богъ избавилъ: на прошлой недѣлѣ ужасно просилъ меня, чтобы какъ нибудь тебѣ, Порфирій, отре-

комендоваться, а вы и безъ меня снюхались... Гдѣ у тебя табакъ?

Порфирій Петровичъ былъ по домашнему, въ халатѣ, въ весьма чистомъ бѣльѣ и въ стоптанныхъ туфляхъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, росту ниже средняго, полный и даже съ брюшкомъ, выбритый, безъ усовъ и безъ бакенбардъ, съ плотно выстриженными волосами на большой круглой головѣ, какъ-то особенно выпукло закругленной на затылкѣ. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвѣта больнаго, темно-желтаго, но довольно бодрое и даже насмѣшливое. Оно было-бы даже и добродушное, еслибы не мѣшало выраженіе глазъ, съ какимъ-то жидкимъ годяшистымъ блескомъ, прикрытыхъ почти бѣлыми, моргающими, точно подмигивая кому, рѣсницами. Взглядъ этихъ глазъ какъ-то странно не гармонировалъ со всею фигурой, имѣвшею въ себѣ даже что-то бабье, и придавалъ ей нѣчто гораздо болѣе серіозное чѣмъ съ перваго взгляда можно было отъ нея ожидать.

Порфирій Петровичъ, какъ только услышалъ, что гость имѣетъ до него дѣло, тотчасъ-же попросилъ его сѣсть на диванъ, самъ усѣлся на другомъ концѣ и уставился въ гостя, въ немедленномъ ожиданіи изложенія дѣла, съ тѣмъ усиленнымъ и ужь слишкомъ серіознымъ вниманіемъ, которое даже тяготитъ и смущаетъ съ перваго раза, особенно по незнакомству, и особенно если то, что̀ вы излагаете, по собственному вашему мнѣнію, далеко не въ пропорціи съ такимъ необыкновенно важнымъ, оказываемымъ вамъ вниманіемъ. Но Раскольниковъ въ короткихъ и связныхъ словахъ, ясно и точно изъяснилъ свое дѣло, и собой остался доволенъ такъ, что даже успѣлъ довольно хорошо осмотрѣть Порфирія. Порфирій Петровичъ тоже ни разу не свелъ съ него глазъ во все время. Разумихинъ, помѣстившись напротивъ, за тѣмъ-же столомъ, горячо и нетерпѣливо слѣдилъ за изложеніемъ дѣла, поминутно переводя глаза съ того на другаго и обратно, что̀ ужь выходило немного изъ мѣрки.

«Дуракъ!» ругнулъ про себя Раскольниковъ.

— Вамъ слѣдуетъ подать объявленіе въ полицію,—съ самымъ дѣловымъ видомъ отвѣчалъ Порфирій,—о томъ-съ, что извѣстившись о такомъ-то происшествіи, то есть объ этомъ убійствѣ,—вы просите, въ свою очередь, увѣдомить слѣдователя, которому поручено дѣло, что такія-то вещи принадлежатъ вамъ, и что вы желаете ихъ выкупить... или тамъ... да вамъ, впрочемъ, напишутъ.

— То-то и дѣло, что я, въ настоящую минуту,—какъ можно больше постарался законфузиться Раскольниковъ,—не совсѣмъ при деньгахъ... и даже такой мелочи не могу... я, вотъ видите ли, же-

лалъ-бы теперь только заявить, что эти вещи мои, но что когда будутъ деньги...

— Это все равно-съ, отвѣтилъ Порфирій Петровичъ, холодно принимая разъясненіе о финансахъ; — а впрочемъ можно вамъ и прямо, если захотите, написать ко мнѣ, въ томъ-же смыслѣ, что вотъ извѣстясь о томъ-то, и объявляя о такихъ-то моихъ вещахъ, прошу...

— Это вѣдь на простой бумагѣ? поспѣшилъ перебить Раскольниковъ, опять интересуясь финансовой частью дѣла.

— О, на самой простѣйшей-съ! и вдругъ Порфирій Петровичъ какъ-то явно насмѣшливо посмотрѣлъ на него, прищурившись и какъ-бы ему подмигнувъ. Впрочемъ это, можетъ быть, только такъ показалось Раскольникову, потому что продолжалось одно мгновеніе. По крайней мѣрѣ, что-то такое было. Раскольниковъ побоялся-бы что онъ ему подмигнулъ, чортъ знаетъ для чего.

«Знаетъ!» промелькнуло въ немъ какъ молнія.

— Извините, что такими пустяками безпокоилъ, продолжалъ онъ нѣсколько сбившись,—вещи мои стоятъ всего пять рублей, но онѣ мнѣ особенно дороги, какъ память тѣхъ, отъ кого достались и, признаюсь, я какъ узналъ, очень испугался...

— То-то ты такъ вспорхнулся вчера, когда я Зосимову сболтнулъ, что Порфирій закладчиковъ опрашивать! вмѣшался Разумихинъ, съ видимымъ намѣреніемъ.

Это уже было невыносимо. Раскольниковъ не вытерпѣлъ и злобно сверкнулъ на него загорѣвшимися гнѣвомъ черными своими глазами. Тотчасъ-же и опомнился.

— Ты, братъ, кажется, надо мной подсмѣиваешься? обратился онъ къ нему, съ ловко выдѣланнымъ раздраженіемъ.—Я согласенъ, что, можетъ быть, уже слишкомъ забочусь объ этакой дряни на твои глаза; но нельзя-же считать меня за это ни эгоистомъ, ни жаднымъ, и на мои глаза эти двѣ ничтожныя вещицы могутъ быть вовсе не дрянь. Я тебѣ уже говорилъ сейчасъ, что эти серебряные часы, которымъ грошъ цѣна, единственная вещь, что̀ послѣ отца осталась. Надо мной смѣйся, но ко мнѣ мать пріѣхала, повернулся онъ вдругъ къ Порфирію,—и еслѝъ она узнала, отвернулся онъ опять поскорѣй къ Разумихину, стараясь особенно, чтобы задрожалъ голосъ,—что эти часы пропали, то, клянусь, она была-бы въ отчаяніи! Женщины!

— Да вовсе-же нѣтъ! Я вовсе не въ томъ смыслѣ! Я совершенно напротивъ! кричалъ огорченный Разумихинъ.

«Хорошо-ли? Натурально-ли? Не преувеличилъ-ли?» трепеталъ про себя Раскольниковъ. «Зачѣмъ сказалъ: женщины?»

— А къ вамъ матушка пріѣхала? освѣдомился для чего-то Порфирій Петровичъ.

— Да.

— Когда-же это-съ?

— Вчера вечеромъ.

Порфирій помолчалъ, какъ-бы соображая.

— Вещи ваши ни въ какомъ случаѣ и не могли пропасть, спокойно и холодно продолжалъ онъ.—Вѣдь я уже давно васъ здѣсь поджидаю.

И какъ ни въ чемъ не бывало, онъ заботливо сталъ подставлять пепельницу Разумихину, безпощадно сорившему на коверъ папироской. Раскольниковъ вздрогнулъ, но Порфирій какъ будто и не глядѣлъ, все еще озабоченный папироской Разумихина.

— Что-о? Поджидалъ! Да ты развѣ зналъ, что и онъ *тамъ* закладывалъ? крикнулъ Разумихинъ.

Порфирій Петровичъ прямо обратился къ Раскольникову.

— Ваши обѣ вещи, кольцо и часы, были у *нея* подъ одну бумажку завернуты, а на бумажкѣ ваше имя карандашомъ четко обозначено, равно какъ и число мѣсяца, когда она ихъ отъ васъ получила...

— Какъ это вы такъ замѣтливы?.. неловко усмѣхнулся было Раскольниковъ, особенно стараясь смотрѣть ему прямо въ глаза; но не смогъ утерпѣть и вдругъ прибавилъ:

— Я потому такъ замѣтилъ сейчасъ, что вѣроятно очень много было закладчиковъ... такъ что вамъ трудно было-бы ихъ всѣхъ помнить... А вы, напротивъ, такъ отчетливо всѣхъ ихъ помните, и... и...

«Глупо! Слабо! Зачѣмъ я это прибавилъ!»

— А почти всѣ закладчики теперь ужъ извѣстны, такъ что вы только одни и не изволили пожаловать, отвѣтилъ Порфирій съ чуть примѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшливости.

— Я не совсѣмъ былъ здоровъ.

— И объ этомъ слышалъ-съ. Слышалъ даже, что ужъ очень были чѣмъ-то разстроены. Вы и теперь какъ будто блѣдны?

— Совсѣмъ не блѣденъ... напротивъ, совсѣмъ здоровъ! грубо и злобно отрѣзалъ Раскольниковъ, вдругъ перемѣняя тонъ. Злоба въ немъ накипала, и онъ не могъ подавить ее. «А въ злобѣ-то и проговорюсь!» промелькнуло въ немъ опять. «А зачѣмъ они меня мучаютъ!..»

— Не совсѣмъ здоровъ! подхватилъ Разумихинъ.—Эвона смерозилъ! До вчерашняго дня чуть не безъ памяти бредилъ... Ну, вѣрнишь, Порфирій, самъ едва на ногахъ, а чуть только мы, я да

Зосимовъ, вчера отвернулись—одѣлся и удралъ потихоньку и кураженъ гдѣ-то чуть не до полночи, и это въ совершенѣйшемъ, я тебѣ скажу, бреду, можешь ты это представить! Замѣчательнѣйшій случай!

— И неужели въ *совершеннѣйшемъ бреду?* Скажите пожалуйста! съ какимъ-то бабьимъ жестомъ покачалъ головою Порфирій.

— Э, вздоръ! Не вѣрьте! А впрочемъ, вѣдь вы и безъ того не вѣрите! слишкомъ ужь со зла сорвалось у Раскольникова. Но Порфирій Петровичъ какъ будто не разслышалъ этихъ странныхъ словъ.

— Да какъ-же могъ ты выйти, коли не въ бреду? разгорячился вдругъ Разумихинъ.—Зачѣмъ вышелъ? Для чего?.. И почему именно тайкомъ? Ну былъ-ли въ тебѣ тогда здравый смыслъ? Теперь, когда вся опасность прошла, я ужь прямо тебѣ говорю!

— Надоѣли они мнѣ очень вчера, обратился вдругъ Раскольниковъ къ Порфирію съ нахально-вызывающею усмѣшкой,—я и убѣжалъ отъ нихъ квартиру нанять, чтобъ они меня не сыскали, и денегъ кучу съ собой захватилъ. Вонъ господинъ Заметовъ видѣлъ деньги-то. А что, господинъ Заметовъ, уменъ я былъ вчера, али въ бреду, разрѣшите-ка споръ?

Онъ-бы, кажется, такъ и задушилъ въ эту минуту Заметова. Слишкомъ ужь взглядъ его и молчаніе ему не нравились.

— По моему, вы говорили весьма разумно-съ и даже хитро-съ, только раздражительны были ужь слишкомъ, сухо заявилъ Заметовъ.

— А сегодня сказывалъ мнѣ Никодимъ Ѳомичъ, ввернулъ Порфирій Петровичъ, — что встрѣтилъ васъ вчера ужь очень поздно, въ квартирѣ одного, раздавленнаго лошадьми, чиновника...

— Но вотъ хоть-бы этотъ чиновникъ! подхватилъ Разумихинъ: — ну, не сумасшедшій-ли былъ ты у чиновника? Послѣднія деньги на похороны вдовѣ отдалъ! Ну, захотѣлъ помочь—дай пятнадцать, дай двадцать, ну, да хоть три цѣлковыхъ себѣ оставь, а то всѣ двадцать пять такъ и отвалилъ!

— А можетъ, я гдѣ нибудь кладъ нашелъ, а ты не знаешь? Вотъ я вчера и расщедрился... Вонъ господинъ Заметовъ знаетъ, что я кладъ нашелъ!.. Вы извините, пожалуйста, обратился онъ со вздрагивающими губами къ Порфирію, — что мы васъ пустяшнымъ такимъ переборомъ полчаса безпокоимъ. Надоѣли вѣдь, а?

— Помилуйте-съ, напротивъ, на-а-противъ! Еслибы вы знали какъ вы меня интересуете! Любопытно и смотрѣть, и слушать... и я, признаюсь, такъ радъ, что вы изволили, наконецъ, пожаловать...

— Да дай хоть чаю-то! Горло пересохло! вскричалъ Разумихинъ.

— Прекрасная идея! Можетъ, и всѣ компанію сдѣлаютъ. А не хочешь-ли... посущественнѣе, передъ чаемъ-то?

— Убирайся!

Порфирій Петровичъ вышелъ приказать чаю.

Мысли крутились какъ вихрь въ головѣ Раскольникова. Онъ былъ ужасно раздраженъ.

«Главное, даже и не скрываются, и церемониться не хотятъ! А по какому случаю, коль меня совсѣмъ не знаешь, говорилъ ты обо мнѣ съ Никодимомъ Ѳомичемъ? Стало быть ужь и скрывать не хотятъ, что слѣдятъ за мной какъ стая собакъ! Такъ откровенно въ рожу и плюютъ!—дрожалъ онъ отъ бѣшенства.—Ну, бейте прямо, а не играйте какъ кошка съ мышью. Это вѣдь невѣжливо, Порфирій Петровичъ, вѣдь я еще, можетъ быть, не позволю-съ!.. Встану, да и брякну всѣмъ въ рожу всю правду; и увидите какъ я васъ презираю!.. — Онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе. — А что, если мнѣ такъ только кажется? Что, если это миражъ, и я во всемъ ошибаюсь, по неопытности злюсь, подлой роли моей не выдерживаю? Можетъ быть, это все безъ намѣренія? Всѣ слова ихъ обыкновенныя, но что-то въ нихъ есть... Все это всегда можно сказать, но что-то есть. Почему онъ сказалъ прямо «у нея?» Почему Заметовъ прибавилъ, что я *хитро* говорилъ? Почему они говорятъ такимъ тономъ? Да... тонъ.. Разумихинъ тутъ-же сидѣлъ, почему-жь ему ничего не кажется? Этому невинному болвану никогда ничего не кажется! Опять лихорадка!.. Подмигнулъ мнѣ давеча Порфирій, аль нѣтъ? Вѣрно вздоръ; для чего-бы подмигивать? Нервы что-ль хотятъ мои раздражить, али дразнятъ меня? Или все миражъ, или *знаютъ!*... Даже Заметовъ дерзокъ... Дерзокъ-ли Заметовъ? Заметовъ передумалъ за ночь. Я и предчувствовалъ, что передумаетъ! Онъ здѣсь какъ свой, а самъ въ первый разъ. Порфирій его за гостя не считаетъ, къ нему задомъ сидитъ. Снюхались! Непремѣнно *изъ за меня* снюхались! Непремѣнно до насъ обо мнѣ говорили!.. Знаютъ-ли про квартиру-то? Поскорѣй-бы ужь!.. Когда я сказалъ, что квартиру нанять вчера убѣжалъ, онъ пропустилъ, не поднялъ... А это я ловко про квартиру ввернулъ: потомъ пригодится!.. Въ бреду, дескать!.. Ха, ха, ха! Онъ про весь вечеръ вчерашній знаетъ! Про пріѣздъ матери не зналъ!.. А вѣдьма и число прописала карандашомъ!.. Врете, не дамся! Вѣдь это еще не факты, это только миражъ! Нѣтъ, вы давайте-ка фактовъ! И квартира не фактъ, а бредъ; я знаю что имъ говорить... Знаютъ-ли про квартиру-то? Не уйду не узнавъ! Зачѣмъ я пришелъ? А вотъ что я злюсь теперь, такъ это, пожалуй, и фактъ! Фу, какъ я раздражителенъ! А можетъ, и хорошо; болѣзненная роль... Онъ меня ощупываетъ. Сбивать будетъ. Зачѣмъ я пришелъ?»

Все это какъ молнія пронеслось въ его головѣ.

Порфирій Петровичъ мигомъ воротился. Онъ вдругъ какъ-то повеселѣлъ.

— У меня, братъ, со вчерашняго твоего голова... Да и весь я какъ-то развинтился, началъ онъ совсѣмъ другимъ топомъ, смѣясь, къ Разумихину.

— А что, интересно было? Я вѣдь васъ вчера на самомъ интересномъ пунктѣ бросилъ? Кто побѣдилъ?

— Да никто, разумѣется. На вѣковѣчные вопросы съѣхали, на воздусѣхъ парили.

— Вообрази, Родя, на что вчера съѣхали: есть или нѣтъ преступленіе? Говорилъ, что до чертиковъ доврались!

— Чтожь удивительнаго? Обыкновенный соціальный вопросъ, разсѣянно отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Вопросъ былъ не такъ формулированъ, замѣтилъ Порфирій.

— Не совсѣмъ такъ, это правда,—тотчасъ-же согласился Разумихинъ, торопясь и разгорячаясь по обыкновенію.—Видишь, Родіонъ: слушай, и скажи свое мнѣніе. Я хочу. Я изъ кожи лѣзъ вчера съ ними и тебя поджидалъ; я и имъ про тебя говорилъ, что придешь... Началось съ воззрѣнія соціалистовъ. Извѣстно воззрѣніе: преступленіе есть протестъ противъ ненормальности соціальнаго устройства,—и только, и ничего больше, и никакихъ причинъ больше не допускается,—и ничего!..

— Вотъ и совралъ! крикнулъ Порфирій Петровичъ. Онъ видимо оживлялся, и поминутно смѣялся, смотря на Разумихина, чѣмъ еще болѣе поджигалъ его.

— Н-ничего не допускается! съ жаромъ перебилъ Разумихинъ,—не вру!.. Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому что «среда заѣла»—и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разомъ и всѣ преступленія исчезнутъ, такъ какъ не для чего будетъ протестовать и всѣ въ одинъ мигъ станутъ праведными. Натура не берется въ разсчетъ, натура изгоняется, натуры не полагается! У нихъ не человѣчество, развившись историческимъ, *живымъ* путемъ до конца, само собою обратится наконецъ въ нормальное общество, а напротивъ, соціальная система, выйдя изъ какой нибудь математической головы, тотчасъ-же и устроитъ все человѣчество и въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живаго процесса, безъ всякаго историческаго и живаго пути! Оттого-то они такъ инстинктивно и не любятъ исторію: «безобразія одни въ ней, да глупости»—и все одною только глупостью объясняется! Оттого такъ и не любятъ *живого* процесса жизни:

не надо *живой души*! Живая душа жизни потребуетъ, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тутъ хоть и мертвечиной припахиваетъ, изъ каучука сдѣлать можно,—зато не живая, зато безъ воли, зато рабская, не взбунтуется! И выходитъ въ результатѣ, что все на одну только кладку кирпичиковъ, да на расположеніе коридоровъ и комнатъ въ фаланстерѣ свели! Фаланстера-то и готова, да натура-то у васъ для фаланстеры еще не готова, жизни хочетъ, жизненнаго процесса еще не завершила, рано на кладбище! Съ одной логикой нельзя черезъ натуру перескочить! Логика предугадаетъ три случая, а ихъ милліонъ! Отрѣзать весь милліонъ и все на одинъ вопросъ о комфортѣ свести! Самое легкое разрѣшеніе задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное—думать не надо! Вся жизненная тайна на двухъ печатныхъ листкахъ умѣщается!

— Вѣдь вотъ прорвался, барабанитъ! За руки держать надо, смѣялся Порфирій.—Вообразите, обернулся онъ къ Раскольникову;— вотъ также вчера вечеромъ, въ одной комнатѣ, въ шесть голосовъ, да еще пуншемъ напоилъ предварительно,— можете себѣ представить?—Нѣтъ, братъ, ты врешь: «среда» многое въ преступленіи значитъ; это я тебѣ подтвержу.

— И самъ знаю, что много, да ты вотъ что̀ скажи: сорокалѣтній безчеститъ десятилѣтнюю дѣвочку,—среда что-ль его на это понудила?

— А чтожь, оно въ строгомъ смыслѣ, пожалуй, что и среда, съ удивительною важностью замѣтилъ Порфирій;—преступленіе надъ дѣвочкой очень и очень даже можно «средой» объяснить.

Разумихинъ чуть въ бѣшенство не пришелъ:

— Ну, да хочешь я тебѣ сейчасъ *выведу*, заревѣлъ онъ,— что у тебя бѣлыя рѣсницы единственно оттого только, что въ Иванѣ Великомъ тридцать пять сажень высоты, и выведу ясно, точно, прогрессивно, и даже съ либеральнымъ оттѣнкомъ? Берусь! Ну, хочешь пари!

— Принимаю! Послушаемъ пожалуйста, какъ онъ выведетъ!

— Да вѣдь все притворяется, чортъ! вскричалъ Разумихинъ, вскочилъ и махнулъ рукой.—Ну сто̀итъ-ли съ тобой говорить! Вѣдь онъ это все нарочно, ты еще не знаешь его, Родіонъ! И вчера ихъ сторону принялъ, только чтобы всѣхъ одурачить. И что̀жь онъ говорилъ вчера, Господи! А они-то ему обрадовались!.. Вѣдь онъ по двѣ недѣли такимъ образомъ выдерживаетъ. Прошлаго года увѣрилъ насъ для чего-то, что въ монахи идетъ: два мѣсяца стоялъ на своемъ! Недавно вздумалъ увѣрять, что женится, что

все ужь готово къ вѣнцу. Платье даже новое сшилъ. Мы ужь стали его поздравлять. Ни невѣсты, ничего не бывало: все миражъ!

- А вотъ совралъ! Я платье сшилъ прежде. Мнѣ по поводу новаго платья и пришло въ голову васъ всѣхъ поднадуть.

— Въ самомъ дѣлѣ вы такой притворщикъ? спросилъ небрежно Раскольниковъ.

— А вы думали нѣтъ? Подождите, я и васъ проведу—ха-ха-ха! Нѣтъ, видите-ли-съ, я вамъ всю правду скажу. По поводу всѣхъ этихъ вопросовъ, преступленій, среды, дѣвочекъ, мнѣ вспомнилась теперь,—а впрочемъ и всегда интересовала меня,—одна ваша статейка: *О преступленіи*... или какъ тамъ у васъ, забылъ названіе, не помню. Два мѣсяца назадъ имѣлъ удовольствіе въ *Періодической Рѣчи* прочесть.

— Моя статья? Въ *Періодической Рѣчи?* съ удивленіемъ спросилъ Раскольниковъ; я дѣйствительно написалъ, полгода назадъ, когда изъ университета вышелъ, по поводу одной книги, одну статью, но я снесъ ее тогда въ газету *Еженедѣльная Рѣчь*, а не въ *Періодическую*

— А попала въ *Періодическую*.

— Да вѣдь *Еженедѣльная Рѣчь* перестала существовать, потому тогда и не напечатали...

— Это правда-съ; но переставая существовать, *Еженедѣльная Рѣчь* соединилась съ *Періодическою Рѣчью*, а потому и статейка ваша, два мѣсяца назадъ, явилась въ *Періодической Рѣчи*. А вы не знали?

Раскольниковъ дѣйствительно ничего не зналъ.

— Помилуйте, да вы деньги можете съ нихъ спросить за статью! Какой однакожь у васъ характеръ! Живете такъ уединенно, что такихъ вещей, до васъ прямо касающихся, не вѣдаете. Это вѣдь фактъ-съ.

— Браво, Родька! И я тоже не зналъ! вскричалъ Разумихинъ.—Сегодня-же въ читальню забѣгу и умеръ спрошу! Два мѣсяца назадъ? Котораго числа? Все равно, разыщу! Вотъ штука-то! И не скажетъ!

— А вы почему узнали что статья моя? Она буквой подписана.

— А случайно, и то на дняхъ. Черезъ редактора; я знакомъ... Весьма заинтересовался.

— Я разсматривалъ, помнится, психологическое состояніе преступника въ продолженіе всего хода преступленія.

— Да-съ, и настаиваете, что актъ исполненія преступленія сопровождается всегда болѣзнію. Очень, очень оригинально, но... меня собственно не эта часть вашей статейки заинтересовала, а

нѣкоторая мысль, пропущенная въ концѣ статьи, но которую вы, къ сожалѣнію, проводите только намекомъ, не ясно... Однимъ словомъ, если припомните, проводится нѣкоторый намекъ на то, что существуютъ на свѣтѣ, будто-бы, нѣкоторыя такія лица, которыя могутъ... то есть не то что могутъ, а полное право имѣютъ совершать всякія безчинства и преступленія, и что для нихъ, будто-бы, и законъ не писанъ.

Раскольниковъ усмѣхнулся усиленному и умышленному искаженію своей идеи.

— Какъ? Что такое? Право на преступленіе? Но вѣдь не потому что «завѣла среда?» съ какимъ-то даже испугомъ освѣдомился Разумихинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не совсѣмъ потому, отвѣтилъ Порфирій.—Все дѣло въ томъ, что въ нихней статьѣ, всѣ люди какъ-то раздѣляются на «обыкновенныхъ» и «необыкновенныхъ». Обыкновенные должны жить въ послушаніи и не имѣютъ права переступать закона, потому что они, видите-ли, обыкновенные. А необыкновенные—имѣютъ право дѣлать всякія преступленія и всячески преступать законъ, собственно потому что они необыкновенные. Такъ у васъ, кажется, если только не ошибаюсь?

— Да какъ-же это? Быть не можетъ, чтобы такъ! въ недоумѣніи бормоталъ Разумихинъ.

Раскольниковъ усмѣхнулся опять. Онъ разомъ понялъ въ чемъ дѣло и на что его хотятъ натолкнуть; онъ помнилъ свою статью. Онъ рѣшился принять вызовъ.

— Это не совсѣмъ такъ у меня, началъ онъ просто и скромно.— Впрочемъ, признаюсь, вы почти вѣрно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно вѣрно... (Ему точно пріятно было согласиться, что совершенно вѣрно). Разница единственно въ томъ, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непремѣнно должны и обязаны были творить всегда всякія безчинства, какъ вы говорите. Мнѣ кажется даже, что такую статью и въ печать-бы не пропустили. Я просто-за-просто намекнулъ, что «необыкновенный» человѣкъ имѣетъ право... то есть не официальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ. Вы изволите говорить, что статья моя не ясна; я готовъ ее вамъ разъяснить, по возможности. Я, можетъ быть, не ошибусь, предполагая, что вамъ, кажется, того и хочется; извольте-съ. По моему, если-бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли-бы

стать извѣстными людямъ иначе какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ-бы этому открытію, или ставшихъ-бы на пути какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ-бы право, и даже былъ-бы обязанъ... *устранить* этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать кого вздумается, встрѣчныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ... ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до единаго были преступники, уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ переходящій, и ужъ конечно не останавливались и передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то что великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что нибудь новенькое, должны, по природѣ своей, быть непремѣнно преступниками,—болѣе или менѣе, разумѣется. Иначе трудно имъ выйти изъ колеи, а оставаться въ колеѣ они, конечно, не могутъ согласиться, опять-таки по природѣ своей, а по моему такъ даже и обязаны не соглашаться. Однимъ словомъ, вы видите, что до сихъ поръ, тутъ нѣтъ ничего особенно новаго. Это тысячу разъ было напечатано и прочитано. Что-же касается до моего дѣленія людей на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, то я согласенъ, что оно нѣсколько произвольно, но вѣдь я-же на точныхъ цифрахъ и не настаиваю. Я только въ главную мысль мою вѣрю. Она именно состоитъ въ томъ, что люди, по закону природы, раздѣляются, *вообще*, на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), то есть, такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, то есть имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей *новое слово*. Подраздѣленія тутъ, разумѣется, безконечныя, но отличительныя черты обоихъ разрядовъ довольно рѣзкія: первый разрядъ, то есть матеріалъ, говоря вообще, люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными. По моему, они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе, и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ унизительнаго. Второй разрядъ, всѣ преступаютъ законъ, разрушп-

тели, или склонны къ тому, судя по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многоразличны; большею частію они требуютъ, въ весьма разнообразныхъ заявленіяхъ, разрушенія настоящаго во имя лучшаго. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя-бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь,—смотря впрочемъ по идеѣ и по размѣрамъ ея,— это замѣтьте. Въ этомъ только смыслѣ я и говорю въ моей статьѣ объ ихъ правѣ на преступленіе. (Вы припомните, у насъ вѣдь съ юридическаго вопроса началось). Впрочемъ, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признаетъ за ними этого права, казнитъ ихъ и вѣшаетъ (болѣе или менѣе) и тѣмъ, совершенно справедливо, исполняетъ консервативное свое назначеніе, съ тѣмъ однакожь, что въ слѣдующихъ поколѣніяхъ эта-же масса ставитъ казненныхъ на пьедесталъ и имъ поклоняется (болѣе или менѣе). Первый разрядъ всегда — господинъ настоящаго, второй разрядъ—господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ и пріумножаютъ его численно; вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. И тѣ, и другіе имѣютъ совершенно одинаковое право существовать. Однимъ словомъ, у меня всѣ равносильное право имѣютъ, и—vive la guerre éternelle,—до Новаго Іерусалима, разумѣется!

— Такъ вы все-таки вѣрите-же въ Новый Іерусалимъ?

— Вѣрую, твердо отвѣчалъ Раскольниковъ; говоря это, и въ продолженіе всей длинной тирады своей, онъ смотрѣлъ въ землю, выбравъ себѣ точку на коврѣ.

— И-и-и въ Бога вѣруете? Извините, что такъ любопытствую.

— Вѣрую, повторилъ Раскольниковъ, поднимая глаза на Порфирія.

— И-и въ воскресеніе Лазаря вѣруете?

— Вѣ-вѣрую. Зачѣмъ вамъ все это?

— Буквально вѣруете?

— Буквально.

— Вотъ какъ-съ... такъ полюбопытствовалъ. Извините-съ. Но позвольте, — обращаюсь къ давешнему, — вѣдь ихъ не всегда-же казнятъ; иные напротивъ...

— Торжествуютъ при жизни? О да, иные достигаютъ и при жизни, и тогда...

— Сами начинаютъ казнить?

— Если надо и, знаете, даже большею частію. Вообще замѣчаніе ваше остроумно.

— Благодарю-съ. Но вотъ что̀ скажите: чѣмъ-же-бы отличить

этихъ необыкновенныхъ-то отъ обыкновенныхъ? При рожденіи что-ль знаки такіе есть? Я въ томъ смыслѣ, что тутъ надо-бы побольше точности, такъ сказать болѣе наружной опредѣленности: извините во мнѣ естественное безпокойство практическаго и благонамѣреннаго человѣка, но нельзя-ли тутъ одежду, напримѣръ, особую завести, носить что нибудь, клеймы тамъ, что-ли, какія?.. Потому, согласитесь, если произойдетъ путаница, и одинъ изъ одного разряда вообразитъ, что онъ принадлежитъ къ другому разряду, и начнетъ «устранять всѣ препятствія», какъ вы весьма счастливо выразились, такъ вѣдь тутъ...

— О, это весьма часто бываетъ! Это замѣчаніе ваше еще даже остроумнѣе давешняго...

— Благодарю-съ...

— Не стоитъ-съ; но примите въ соображеніе, что ошибка возможна вѣдь только со стороны перваго разряда, то есть «обыкновенныхъ» людей (какъ я, можетъ быть, очень неудачно, ихъ назвалъ). Не смотря на врожденную склонность ихъ къ послушанію, по нѣкоторой игривости природы, въ которой не отказано даже и коровѣ, весьма многіе изъ нихъ любятъ воображать себя передовыми людьми, «разрушителями» и лѣзть въ «новое слово», и это совершенно искренно-съ. Дѣйствительно-же *новыхъ* они въ тоже время весьма часто не замѣчаютъ и даже презираютъ, какъ отсталыхъ и унизительно думающихъ людей. Но, по моему, тутъ не можетъ быть значительной опасности, и вамъ, право, нечего безпокоиться, потому что они никогда далеко не шагаютъ. За увлеченіе, конечно, ихъ можно иногда-бы посѣчь, что-бы напомнить имъ свое мѣсто, но не болѣе; тутъ и исполнителя даже не надо: они сами себя посѣкутъ, потому что очень благонравны: иные другъ дружкѣ эту услугу оказываютъ, а другіе сами себя собственноручно... Покаянія разныя публичныя при семъ на себя налагаютъ,—выходитъ красиво и назидательно, однимъ словомъ, вамъ безпокоиться нечего... Такой законъ есть.

— Ну, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны вы меня хоть нѣсколько успокоили; но вотъ вѣдь опять бѣда-съ: скажите пожалуйста, много-ли такихъ людей, которые другихъ-то рѣзать право имѣютъ, необыкновенныхъ-то этихъ? Я, конечно, готовъ преклониться, но вѣдь согласитесь, жутко-съ, если ужь очень-то много ихъ будетъ, а?

— О, не безпокойтесь и въ этомъ, тѣмъ-же тономъ продолжалъ Раскольниковъ.—Вообще, людей съ новою мыслію, даже чуть-чуть только способныхъ сказать хоть что нибудь *новое*, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно,

что порядокъ зарожденія людей, всѣхъ этихъ разрядовъ и подраздѣленій, должно быть весьма вѣрно и точно опредѣленъ какимъ нибудь закономъ природы. Законъ этотъ, разумѣется, теперь неизвѣстенъ, но я вѣрю, что онъ существуетъ и впослѣдствіи можетъ стать и извѣстнымъ. Огромная масса людей, матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы наконецъ чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить наконецъ на свѣтъ, ну хоть изъ тысячи одного, хотя сколько нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностію рождается, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ (я говорю примѣрно, наглядно). Еще съ болѣе широкою, изъ ста тысячъ одинъ. Геніальные люди изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершители человѣчества, можетъ быть, по истеченіи многихъ тысячей милліоновъ людей на землѣ. Однимъ словомъ, въ реторту, въ которой все это происходитъ, я не заглядывалъ. Но опредѣленный законъ непремѣнно есть и долженъ быть; тутъ не можетъ быть случая.

— Да что вы оба, шутите что-ль?—вскричалъ, наконецъ, Разумихинъ.—Морочите вы другъ друга иль нѣтъ? Сидятъ и одинъ надъ другимъ подшучиваютъ! Ты серіозно, Родя?

Раскольниковъ молча поднялъ на него свое блѣдное и почти грустное лицо и ничего не отвѣтилъ. И странною показалась Разумихину, рядомъ съ этимъ тихимъ и грустнымъ лицомъ, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и *невыжливая* язвительность Порфирія.

— Ну, братъ, если дѣйствительно это серіозно, то... Ты, конечно, правъ, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу разъ читали и слышали; но что, дѣйствительно, *оригинально* во всемъ этомъ,—и дѣйствительно принадлежитъ одному тебѣ, къ моему ужасу, это то, что все таки кровь *по совѣсти* разрѣшаешь, и, извини меня, съ такимъ фанатизмомъ даже... Въ этомъ, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Вѣдь это разрѣшеніе крови *по совѣсти*, это... это по моему страшнѣе чѣмъ-бы официальное разрѣшеніе кровь проливать, законное...

— Совершенно справедливо,—страшнѣе-съ, отозвался Порфирій.

— Нѣтъ, ты какъ нибудь да увлекся! Тутъ ошибка. Я прочту... Ты увлекся! Ты не можешь такъ думать... Прочту.

— Въ статьѣ всего этого нѣтъ, тамъ только намеки, проговорилъ Раскольниковъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, не сидѣлось Порфирію,—мнѣ почти стало

ясно теперь какъ вы на преступленіе изволите смотрѣть-съ, но... ужь извините меня за мою назойливость (безпокою ужь очень васъ, самому совѣстно!)—видите ли-съ: успокоили вы меня давеча очень-съ на счетъ ошибочныхъ-то случаевъ смѣшенія обоихъ разрядовъ, но... меня все тутъ практическіе разные случаи опять безпокоятъ! Ну какъ иной какой нибудь мужъ, али юноша, вообразитъ, что онъ Ликургъ али Магометъ...—будущій, разумѣется,—да и давай устранять къ тому всѣ препятствія... Предстоитъ, дескать, далекій походъ, а въ походъ деньги нужны... ну, и начнетъ добывать себѣ для похода... знаете?

Заметовъ вдругъ фыркнулъ изъ своего угла. Раскольниковъ даже глазъ на него не поднялъ.

— Я должень согласиться, спокойно отвѣчалъ онъ —что такіе случаи дѣйствительно должны быть. Глупенькіе и тщеславные особенно на эту удочку попадаются; молодежь въ особенности.

— Вотъ видите-съ. Ну такъ какже-съ?

— Да и также, усмѣхнулся Раскольниковъ,— не я въ этомъ виноватъ. Такъ есть и будетъ всегда. Вотъ онъ (онъ кивнулъ на Разумихина) говорилъ сейчасъ, что я кровь разрѣшаю. Такъ что-же? Общество вѣдь слишкомъ обезпечено ссылками, тюрьмами, судебными слѣдователями, каторгами,—чего-же безпокоиться? И ищите вора!..

— Ну, а коль сыщемъ?

— Туда ему и дорога.

— Вы таки логичны. Ну-съ, а на счетъ его совѣсти-то?

— Да какое вамъ до нея дѣло?

— Да такъ ужь, по гуманности-съ.

— У кого есть она, тотъ страдай, коль сознаетъ ошибку. Это и наказаніе ему,—опричь каторги.

— Ну, а дѣйствительно-то геніальные, нахмурясь спросилъ Разумихинъ, — вотъ тѣ-то, которымъ рѣзать-то право дано, тѣ такъ ужь и должны не страдать совсѣмъ, даже на кровь пролитую?

— Зачѣмъ тутъ слово *должны*? Тутъ нѣтъ ни позволенія, ни запрещенія. Пусть страдаетъ, если жаль жертву... Страданіе и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца. Истинно великіе люди, мнѣ кажется, должны ощущать на свѣтѣ великую грусть, прибавилъ онъ вдругъ задумчиво, даже не въ тонъ разговора.

Онъ поднялъ глаза, вдумчиво посмотрѣлъ на всѣхъ, улыбнулся и взялъ фуражку. Онъ былъ слишкомъ спокоенъ сравнительно съ тѣмъ какъ вошелъ давеча, и чувствовалъ это. Всѣ встали.

— Ну-съ, браните меня или нѣтъ, сердитесь или нѣтъ, а я не могу утерпѣть, заключилъ опять Порфирій Петровичъ,— позвольте еще вопросикъ одинъ (очень ужь я васъ безпокою-съ!),

одну только маленькую идейку хотѣлъ пропустить, единственно только чтобы не забыть-съ...

— Хорошо, скажите вашу идейку, серіозный и блѣдный стоялъ передъ нимъ въ ожиданіи Раскольниковъ.

— Вѣдь вотъ-съ... право не знаю какъ-бы удачнѣе выразиться... идейка-то ужь слишкомъ игривенькая... психологическая-съ... Вѣдь вотъ-съ, когда вы вашу статейку-то сочиняли, — вѣдь ужь быть того не можетъ, хе, хе! чтобы вы сами себя не считали, — ну хоть на капельку, — тоже человѣкомъ «необыкновеннымъ» и говорящимъ *новое слово*, — въ вашемъ то есть смыслѣ-съ... Вѣдь такъ-съ?

— Очень можетъ быть, презрительно отвѣтилъ Раскольниковъ. Разумихинъ сдѣлалъ движеніе.

— А коль такъ-съ, то неужели вы-бы сами рѣшились, — ну тамъ, въ виду житейскихъ какихъ нибудь неудачъ и стѣсненій, или для споспѣшествованія какъ нибудь всему человѣчеству, — перешагнуть черезъ препятствіе-то?.. Ну, напримѣръ, убить и ограбить?..

И онъ какъ-то вдругъ онять подмигнулъ ему лѣвымъ глазомъ и разсмѣялся неслышно, — точь въ точь какъ давеча.

— Еслибъ я и перешагнулъ, то ужь конечно-бы вамъ не сказалъ, съ вызывающимъ, надменнымъ презрѣніемъ отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ-съ, это вѣдь я такъ только интересуюсь, собственно для уразумѣнія вашей статьи, въ литературномъ только одномъ отношеніи-съ...

«Фу, какъ это явно и нагло!» съ отвращеніемъ подумалъ Раскольниковъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, отвѣчалъ онъ сухо, — что Магометомъ или Наполеономъ я себя не считаю... ни кѣмъ-бы то ни было изъ подобныхъ лицъ, слѣдственно и не могу, не бывъ ими, дать вамъ удовлетворительнаго объясненія о томъ какъ-бы я поступилъ.

— Ну, полноте, кто-жь у насъ на Руси себя Наполеономъ теперь не считаетъ? съ странною фамильярностію произнесъ вдругъ Порфирій. Даже въ интонаціи его голоса было на этотъ разъ нѣчто ужь особенно ясное.

— Ужь не Наполеонъ-ли какой будущій и нашу Алену Ивановну на прошлой недѣлѣ топоромъ укокошилъ? брякнулъ вдругъ изъ угла Заметовъ.

Раскольниковъ молчалъ и пристально, твердо смотрѣлъ на Порфирія. Разумихинъ мрачно нахмурился. Ему ужь и прежде стало какъ будто что-то казаться. Онъ гнѣвно посмотрѣлъ кругомъ. Прошла минута мрачнаго молчанія. Раскольниковъ повернулся уходить.

— Вы ужь уходите! ласково проговорилъ Порфирій, чрезвычайно любезно протягивая руку. — Очень, очень радъ знакомству. А на счетъ вашей просьбы не имѣйте и сомнѣнія. Такъ-таки и напишите, какъ я вамъ говорилъ. Да лучше всего зайдите ко мнѣ туда сами... какъ нибудь на дняхъ... да хоть завтра. Я буду тамъ часовъ этакъ въ одиннадцать, навѣрно. Все и устроимъ... поговоримъ... Вы-же какъ одинъ изъ послѣднихъ, *тамъ* бывшихъ, можетъ что нибудь и сказать-бы намъ могли... прибавилъ онъ съ добродушнѣйшимъ видомъ.

— Вы хотите меня официально допрашивать, со всею обстановкой? рѣзко спросилъ Раскольниковъ.

— Зачѣмъ-же-съ? Покамѣсть это вовсе не требуется. Вы не такъ поняли. Я, видите-ли, не упускаю случая и... и со всѣми закладчиками уже разговаривалъ... отъ иныхъ отбиралъ показанія... а вы, какъ послѣдній... Да вотъ, кстати-же! вскрикнулъ онъ чему-то внезапно обрадовавшись: — кстати вспомнилъ, чтожъ это я!.. повернулся онъ къ Разумихину, — вотъ вѣдь ты объ этомъ Николашкѣ мнѣ тогда уши промозолилъ... ну, вѣдь и самъ знаю, самъ знаю, повернулся онъ къ Раскольникову, — что парень чистъ, да вѣдь чтожь дѣлать, и Митьку вотъ пришлось обезпокоить... вотъ въ чемъ дѣло-съ, вся-то суть-съ: проходя тогда по лѣстницѣ... позвольте: вѣдь вы въ восьмомъ часу были-съ?

— Въ восьмомъ, отвѣчалъ Раскольниковъ, непріятно почувствовавъ въ ту-же секунду, что могъ-бы этого и не говорить.

— Такъ проходя-то въ восьмомъ часу-съ, по лѣстницѣ-то, не видали-ль хоть вы, во второмъ-то этажѣ, въ квартирѣ-то отворенной — помните? двухъ работниковъ, или хоть одного изъ нихъ? Они красили тамъ, не замѣтили-ли? Это очень, очень важно для нихъ!..

— Красильщиковъ? Нѣтъ, не видалъ... медленно и какъ-бы роясь въ воспоминаніяхъ отвѣчалъ Раскольниковъ, въ тотъ-же мигъ напрягаясь всѣмъ существомъ своимъ и замирая отъ муки поскорѣй-бы отгадать въ чемъ именно ловушка и не просмотрѣть-бы чего?—Нѣтъ, не видалъ, да и квартиры такой, отпертой, что-то не замѣтилъ... а вотъ въ четвертомъ этажѣ (онъ уже вполнѣ овладѣлъ ловушкой и торжествовалъ) — такъ помню, что чиновникъ одинъ переѣзжалъ изъ квартиры... напротивъ Алены Ивановны... помню... это я ясно помню... солдаты диванъ какой-то выносили и меня къ стѣнѣ прижали... а красильщиковъ нѣтъ, не помню чтобы красильщики были... да и квартиры отпертой нигдѣ кажется не было. Да; не было...

— Да ты что-же! крикнулъ вдругъ Разумихинъ, какъ-бы опомнившись и сообразивъ: — да вѣдь красильщики мазали въ самый

день убійства, а вѣдь онъ за три дня тамъ былъ? Ты что̀ спрашиваешь-то?

— Фу! Перемѣшалъ! хлопнулъ себя по лбу Порфирій.—Чортъ возьми, у меня съ этимъ дѣломъ умъ за разумъ заходитъ! обратился онъ, какъ-бы даже извиняясь, къ Раскольникову;—намъ вѣдь такъ-бы важно узнать не видалъ-ли кто ихъ, въ восьмомъ-то часу, въ квартирѣ-то, что мнѣ и вообразись сейчасъ, что вы тоже могли-бы сказать... совсѣмъ перемѣшалъ!

— Такъ надо быть внимательнѣе, угрюмо замѣтилъ Разумихинъ.

Послѣднія слова были сказаны уже въ передней. Порфирій Петровичъ проводилъ ихъ до самой двери чрезвычайно любезно. Оба вышли мрачные и хмурые на улицу и нѣсколько шаговъ не говорили ни слова. Раскольниковъ глубоко перевелъ дыханіе...

VI.

Не вѣрю! Не могу вѣрить! повторялъ озадаченный Разумихинъ, стараясь всѣми силами опровергнуть доводы Раскольникова. Они подходили уже къ нумерамъ Бакалѣева, гдѣ Пульхерія Александровна и Дуня давно поджидали ихъ. Разумихинъ поминутно останавливался дорогою въ жару разговора, смущенный и взволнованный уже тѣмъ однимъ, что они въ первый разъ заговорили объ *этомъ* ясно.

— Не вѣрь! отвѣчалъ Раскольниковъ съ холодною и небрежною усмѣшкой: — ты, по своему обычаю, не замѣчалъ ничего, а я взвѣшивалъ каждое слово.

— Ты мнителенъ, потому и взвѣшивалъ... Гм... дѣйствительно, я согласенъ, тонъ Порфирія былъ довольно странный, и особенно этотъ подлецъ Заметовъ!.. Ты правъ, въ немъ что-то было, — но почему? Почему?

— За ночь передумалъ.

— Но напротивъ-же, напротивъ! Еслибъ у нихъ была эта безмозглая мысль, такъ они-бы всѣми силами постарались ее припрятать и скрыть свои карты, чтобы потомъ поймать... А теперь — это нагло и неосторожно!

— Еслибъ у нихъ были факты, то есть настоящіе факты, или хоть сколько нибудь основательныя подозрѣнія, тогда-бы они дѣйствительно постарались скрыть игру, въ надеждѣ еще болѣе выиграть (а впрочемъ, давно-бы ужь обыскъ сдѣлали!) Но у нихъ нѣтъ факта, ни одного, — все миражъ, все о двухъ концахъ, одна

идея летучая — вотъ они и стараются наглостью сбить. А можетъ, и самъ озлился, что фактовъ нѣтъ, съ досады прорвался. А можетъ, и намѣреніе какое имѣетъ... Онъ человѣкъ, кажется, умный... Можетъ, напугать меня хотѣлъ тѣмъ что знаетъ... Тутъ, братъ, своя психологія... А впрочемъ, гадко это все объяснять. Оставь!

— И оскорбительно, оскорбительно! Я понимаю тебя! Но... такъ какъ мы уже теперь заговорили ясно (а это отлично, что заговорили наконецъ ясно, я радъ!) — то ужь я тебѣ прямо теперь признаюсь, что давно это въ нихъ замѣчалъ, эту мысль, во все это время, разумѣется, въ чуть-чутошномъ только видѣ, въ ползучемъ, но зачѣмъ-же хоть и въ ползучемъ! Какъ они смѣютъ? Гдѣ, гдѣ у нихъ эти корни таятся? Еслибъ ты зналъ, какъ я объѣлся! Какъ: изъ-за того, что обѣдный студентъ, изуродованный нищетой и ипохондріей, наканунѣ жестокой болѣзни съ бредомъ, уже можетъ быть начинавшейся въ немъ (замѣть себѣ!), мнительный, самолюбивый, знающій себѣ цѣну, и шесть мѣсяцевъ у себя въ углу никого не видавшій: въ рубищѣ и въ сапогахъ безъ подметокъ,— стоитъ передъ какими-то квартанками и терпитъ ихъ надругательство: а тутъ неожиданный долгъ передъ носомъ, просроченный вексель съ надворнымъ совѣтникомъ Чебаровымъ, тухлая краска, тридцать градусовъ Реомюра, спертый воздухъ, куча людей, разсказъ объ убійствѣ лица, у котораго былъ наканунѣ, и все это—на голодное брюхо! Да какъ тутъ не случиться обмороку! И на этомъ-то, на этомъ все основать! Чортъ возьми! Я понимаю, что это досадно, но, на твоемъ мѣстѣ, Родька, я-бы захохоталъ всѣмъ въ глаза, или лучше: на-пле-вать бы всѣмъ въ рожу, да погуще, да раскидать-бы на всѣ стороны десятка два плюхъ, умненько, какъ и всегда ихъ надо давать, да тѣмъ-бы и покончить. Плюнь! Ободрись! Стыдно!

«Онъ, однакожь, это хорошо изложилъ», подумалъ Раскольниковъ.

— Плюнь? А завтра опять допросъ!—проговорилъ онъ съ горечью;—неужели-жь мнѣ съ ними въ объясненіе войти? Мнѣ и то досадно, что вчера я унизился въ трактирѣ до Заметова...

— Чортъ возьми! Пойду самъ къ Порфирію! И ужь принужь я его, *по родственному*; пусть выложитъ мнѣ все до корней! А ужь Заметова...

«Наконецъ-то догадался!» подумалъ Раскольниковъ.

— Стой! закричалъ Разумихинъ, хватая вдругъ его за плечо, стой! Ты навралъ! Я надумался: ты навралъ! Ну какой это подвохъ? Ты говоришь, что вопросъ о работникахъ былъ подвохъ? Раскуси: ну еслибъ *это* ты сдѣлалъ, могъ-ли-бъ ты проговориться, что видѣлъ какъ мазали квартиру... и работниковъ? Напротивъ:

ничего не видалъ, еслибы даже и видѣлъ! Кто-жъ сознается противъ себя?

— Еслибъ я *то дѣло* сдѣлалъ, то ужъ непремѣнно-бы сказалъ, что видѣлъ и работниковъ и квартиру, съ неохотою и съ видимымъ отвращеніемъ продолжалъ отвѣчать Раскольниковъ.

— Да зачѣмъ-же противъ себя говорить?

— А потому что только одни мужики, или ужъ самые неопытные новички, на допросахъ, прямо и сряду во всемъ запираются! Чуть-чуть-же человѣкъ развитой и бывалый, непремѣнно и по возможности, старается сознаться во всѣхъ внѣшнихъ и неустранимыхъ фактахъ: только причины имъ другія подыскиваетъ, черту такую свою, особенную и неожиданную вверитъ, которая совершенно имъ другое значеніе придастъ и въ другомъ свѣтѣ ихъ выставитъ. Порфирій могъ именно разсчитывать, что я непремѣнно буду такъ отвѣчать и непремѣнно скажу что видѣлъ, для правдоподобія, и при этомъ вверху что нибудь въ объясненіе...

— Да вѣдь онъ-бы тебѣ тотчасъ и сказалъ, что за два дня работниковъ тамъ и быть не могло, и что, стало быть, ты именно былъ въ день убійства, въ восьмомъ часу. На пустомъ-бы и сбился!

— Да на это-то онъ разсчитывалъ, что я не успѣю сообразить, и именно поспѣшу отвѣчать правдоподобіе, да и забуду, что за два дня работниковъ быть не могло.

— Да какъ-же это забыть?

— Всего легче! На такихъ-то пустѣйшихъ вещахъ всего легче и сбиваются хитрые-то люди. Чѣмъ хитрѣй человѣкъ, тѣмъ онъ меньше подозрѣваетъ что его на простомъ собьютъ. Хитрѣйшаго человѣка именно на простѣйшемъ надо сбивать. Порфирій совсѣмъ не такъ глупъ какъ ты думаешь...

— Подлецъ-же онъ послѣ этого!

Раскольниковъ не могъ не засмѣяться. Но въ ту-же минуту страшными показались ему его собственное одушевленіе и охота, съ которыми онъ проговорилъ послѣднее объясненіе, тогда какъ весь предыдущій разговоръ онъ поддерживалъ съ угрюмымъ отвращеніемъ, видимо изъ цѣлей, по необходимости.

Во вкусъ вхожу въ иныхъ пунктахъ! подумалъ онъ про себя.

Но почти въ ту-же минуту онъ какъ-то вдругъ сталъ безпокоенъ, какъ будто неожиданная и тревожная мысль поразила его. Безпокойство его увеличивалось. Они дошли уже до входа въ нумера Бакалѣева.

Ступай одинъ, сказалъ вдругъ Раскольниковъ,—я сейчасъ ворочусь.

— Куда ты? Да мы ужъ пришли!

— Мнѣ надо, надо; дѣло.... приду черезъ полчаса.... Скажи тамъ.

— Воля твоя, я пойду за тобой!

— Чтожь, и ты меня хочешь замучить! вскричалъ онъ съ такимъ горькимъ раздраженіемъ, съ такимъ отчаяніемъ во взглядѣ, что у Разумихина руки опустились. Нѣсколько времени онъ стоялъ на крыльцѣ и угрюмо смотрѣлъ какъ тотъ быстро шагалъ по направленію къ своему переулку. Наконецъ, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки, тутъ-же поклявшись, что сегодня-же выжметъ всего Порфирія какъ лимонъ, поднялся на верхъ успокоивать уже встревоженную долгимъ ихъ отсутствіемъ Пульхерію Александровну.

Когда Раскольниковъ пришелъ къ своему дому, — виски его были смочены потомъ, и дышалъ онъ тяжело. Поспѣшно поднялся онъ по лѣстницѣ, вошелъ въ незапертую квартиру свою и тотчасъ-же заперся на крюкъ. Затѣмъ, испуганно и безумно, бросился къ углу, къ той самой дырѣ въ обояхъ, въ которой тогда лежали вещи, засунулъ въ нее руку и нѣсколько минутъ тщательно обшаривалъ дыру, перебирая всѣ закоулки и всѣ складки обоя. Не найдя ничего, онъ всталъ и глубоко перевелъ дыханіе. Подходя давеча уже къ крыльцу Бакалѣева, ему вдругъ вообразилось, что какая нибудь вещь, какая нибудь цѣпочка, запонка, или даже бумажка, въ которую они были завернуты, съ отмѣткою старухиною рукой, могла какъ нибудь тогда проскользнуть и затеряться въ какой нибудь щелочкѣ, а потомъ вдругъ выступить передъ нимъ неожиданною и неотразимою уликой.

Онъ стоялъ какъ-бы въ задумчивости, и страшная, приниженная, полубезсмысленная улыбка бродила на губахъ его. Онъ взялъ, наконецъ, фуражку и тихо вышелъ изъ комнаты. Мысли его путались. Задумчиво сошелъ онъ подъ ворота.

— Да вотъ они сами! крикнулъ громкій голосъ: онъ поднялъ голову.

Дворникъ стоялъ у дверей своей каморки и указывалъ прямо на него какому-то невысокому человѣку, съ виду похожему на мѣщанина, одѣтому въ чемъ-то въ родѣ халата, въ жилеткѣ и очень походившему издали на бабу. Голова его, въ засаленной фуражкѣ, свѣшивалась внизъ, да и весь онъ былъ точно сгорбленный. Дряблое, морщинистое лицо его показывало за пятьдесятъ; маленькіе, заплывшіе глазки глядѣли угрюмо, строго и съ неудовольствіемъ.

— Что такое? спросилъ Раскольниковъ, подходя къ дворнику.

Мѣщанинъ скосилъ на него глаза изъ подлобья и оглядѣлъ его пристально и внимательно, не спѣша: потомъ медленно повер-

нулся, и ни слова не сказавъ, вышелъ изъ воротъ дома на улицу.

— Да что такое! вскричалъ Раскольниковъ.

— Да вотъ какой-то спрашивалъ здѣсь-ли студентъ живетъ, васъ называлъ, у кого проживаете. Вы тутъ сошли, я показалъ, а онъ и пошелъ. Вишь вѣдь.

Дворникъ тоже былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи, а впрочемъ не очень, и канельку подумавъ еще, повернулся и полѣзъ обратно въ свою каморку.

Раскольниковъ бросился вслѣдъ за мѣщаниномъ и тотчасъ-же увидѣлъ его идущаго по другой сторонѣ улицы, прежнимъ ровнымъ и неспѣшнымъ шагомъ, уткнувъ глаза въ землю и какъ бы что-то обдумывая. Онъ скоро догналъ его, но нѣкоторое время шелъ сзади: наконецъ поровнялся съ нимъ и заглянулъ ему сбоку въ лицо. Тотъ тотчасъ-же замѣтилъ его, быстро оглядѣлъ, но опять опустилъ глаза, и такъ шли они съ минуту, одинъ подлѣ другаго и не говоря ни слова.

— Вы меня спрашивали... у дворника? проговорилъ, наконецъ, Раскольниковъ, но какъ-то очень не громко.

Мѣщанинъ не далъ никакого отвѣта и даже не поглядѣлъ. Опять помолчали.

— Да что вы... приходите спрашивать... и молчите... да что-же это такое? Голосъ Раскольникова прерывался, и слова какъ-то не хотѣли ясно выговариваться.

Мѣщанинъ на этотъ разъ поднялъ глаза и зловѣщимъ мрачнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Раскольникова.

— Убивецъ! проговорилъ онъ вдругъ тихимъ, но яснымъ и отчетливымъ голосомъ...

Раскольниковъ шелъ подлѣ него. Ноги его ужасно вдругъ ослабѣли, на спинѣ похолодѣло, и сердце на мгновеніе какъ будто замерло; потомъ вдругъ застукало, точно съ крючка сорвалось. Такъ прошли они шаговъ сотню, рядомъ и опять совсѣмъ молча.

Мѣщанинъ не глядѣлъ на него.

— Да что вы... что... кто убійца? пробормоталъ Раскольниковъ едва слышно.

— *Ты* убивецъ, произнесъ тотъ, еще раздѣльнѣе и внушительнѣе и какъ-бы съ улыбкой какого-то ненавистнаго торжества, и опять прямо глянулъ въ блѣдное лицо Раскольникова и въ его помертвѣвшіе глаза. Оба подошли тогда къ перекрестку. Мѣщанинъ повернулъ въ улицу налѣво и пошелъ не оглядываясь. Раскольниковъ остался на мѣстѣ и долго глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ видѣлъ какъ тотъ, пройдя уже шаговъ съ пятьдесятъ, обернулся и посмотрѣлъ на него, все еще стоявшаго неподвижно на томъ-же

мѣстѣ. Разглядѣть нельзя было, но Раскольникову показалось, что тотъ и въ этотъ разъ улыбнулся своею холодно-ненавистною и торжествующею улыбкой.

Тихимъ, ослабѣвшимъ шагомъ, съ дрожащими колѣнами и какъ-бы ужасно озябшій, воротился Раскольниковъ назадъ и поднялся въ свою каморку. Онъ снялъ и положилъ фуражку на столъ и минутъ десять стоялъ подлѣ, неподвижно. Затѣмъ въ безсиліи легъ на диванъ и болѣзненно, съ слабымъ стономъ, протянулся на немъ: глаза его были закрыты. Такъ пролежалъ онъ съ полчаса.

Онъ ни о чемъ не думалъ. Такъ, были какія-то мысли или обрывки мыслей, какія-то представленія, безъ порядка и связи,— лица людей, видѣнныхъ имъ еще въ дѣтствѣ, или встрѣченныхъ гдѣ-нибудь одинъ только разъ, и объ которыхъ онъ никогда-бы и не вспомнилъ; колокольня В—й церкви; бильіардъ въ одномъ трактирѣ и какой-то офицеръ у бильіарда, запахъ сигаръ въ какой-то подвальной табачной лавочкѣ, распивочная, черная лѣстница, совсѣмъ темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами, а откуда-то доносится воскресный звонъ колоколовъ... Предметы смѣнялись и крутились какъ вихрь. Иные ему даже нравились, и онъ цѣплялся за нихъ, но они погасали, и вообще что-то давило его, внутри, но не очень. Иногда даже было хорошо... Легкій озноб не проходилъ и это тоже было почти хорошо ощущать.

Онъ услышалъ поспѣшные шаги Разумихина и голосъ его, закрылъ глаза и притворился спящимъ. Разумихинъ отворилъ дверь и нѣкоторое время стоялъ на порогѣ, какъ-бы раздумывая. Потомъ тихо шагнулъ въ комнату и осторожно подошелъ къ дивану. Послышался шепотъ Настасьи:

— Не замай; пущай выспится; опосля поѣстъ.

— И впрямь, отвѣчалъ Разумихинъ.

Оба осторожно вышли и притворили дверь. Прошло еще съ полчаса. Раскольниковъ открылъ глаза и вскинулся опять навзничь, заломивъ руки за голову...

«Кто онъ? Кто этотъ выходецъ изъ подъ земли человѣкъ? Гдѣ былъ онъ и что видѣлъ? Онъ видѣлъ все, это несомнѣнно. Гдѣ-жъ онъ тогда стоялъ и откуда смотрѣлъ? Почему онъ только теперь выходитъ изъ подъ полу? И какъ могъ онъ видѣть, —развѣ это возможно?.. Гм... продолжалъ Раскольниковъ, холодѣя и вздрагивая,— а футляръ, который нашелъ Николай за дверью: развѣ это тоже возможно? Улики? Сто-тысячную черточку просмотрѣлъ, — вотъ и улика въ пирамиду египетскую! Муха летала, она видѣла! Развѣ этакъ возможно?

И онъ съ омерзѣніемъ почувствовалъ вдругъ какъ онъ ослабѣлъ, физически ослабѣлъ:

«Я это долженъ былъ знать, думалъ онъ съ горькою усмѣшкою:— и какъ смѣлъ я, зная себя, *предчувствуя* себя, брать топоръ и кровавиться. Я обязанъ былъ заранѣе знать... Э! Да вѣдь я-же заранѣе и зналъ!..» прошепталъ онъ въ отчаяніи.

Порою онъ останавливался неподвижно передъ какою нибудь мыслію:

«Нѣтъ, тѣ люди не такъ сдѣланы; настоящій *властелинъ*, кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, *забываетъ* армію въ Египтѣ, *тратитъ* полмилліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильнѣ: и ему-же, по смерти, ставятъ кумиры,—а, стало быть, и *все* разрѣшается. Нѣтъ, на этакихъ людяхъ, видно, не тѣло, а бронза!

Одна внезапная посторонняя мысль вдругъ почти разсмѣшила его:

«Наполеонъ, пирамиды, Ватерлоо,—и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица, съ красною укладкою подъ кроватью,—ну каково это переварить хоть-бы Порфирію Петровичу!.. Гдѣ-жъ имъ переварить!.. Эстетика помѣшаетъ: «ползъть-ли, дескать, Наполеонъ подъ кровать къ старушонкѣ!» Эхъ, дрянь!..»

Минутами онъ чувствовалъ что какъ-бы бредитъ; онъ впадалъ въ лихорадочно-восторженное настроеніе.

«Старушонка вздоръ! думалъ онъ горячо и порывисто.—Старуха пожалуй что и ошибка, не въ ней и дѣло! Старуха была только болѣзнь... я переступить поскорѣе хотѣлъ... я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ! Принципъ-то я и убилъ, а переступить-то не переступилъ, на этой сторонѣ остался... Только и съумѣлъ что убить. Да и того не съумѣлъ, оказывается... Принципъ? За что давеча дурачокъ Разумихинъ соціалистовъ бранилъ? Трудолюбивый народъ и торговый; общимъ счастіемъ заниматся... Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ: я не хочу дожидаться «всеобщаго счастья». Я и самъ хочу жить, а то лучше ужъ и не жить. Чтожъ? Я только не захотѣлъ проходить мимо голодной матери, зажимая въ карманѣ свой рубль, въ ожиданіи всеобщаго счастія». Несу, дескать, кирпичикъ на всеобщее счастіе и оттого ощущаю спокойствіе сердца. Ха-ха! Зачѣмъ-же вы меня-то пропустили? Я вѣдь всего однажды живу, я вѣдь тоже хочу... Эхъ, эстетическая я вошь, и больше ничего, прибавилъ онъ вдругъ разсмѣявшись, какъ помѣшанный.—Да, я дѣйствительно вошь, продолжалъ онъ, съ злорадствомъ прицѣпившись къ мысли, роясь въ ней, играя и потѣшаясь ею, и ужъ потому одному, что, во первыхъ, теперь разсуждаю про то что я вошь:

потому, во вторыхъ, что цѣлый мѣсяцъ всеблагое Провидѣніе безпокоилъ, призывая въ свидѣтели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имѣя въ виду великолѣпную и пріятную цѣль, — ха-ха! Потому, въ третьихъ, что возможную справедливость положилъ наблюдать въ исполненіи, вѣсъ и мѣру, и ариѳметику: изъ всѣхъ вшей выбралъ самую наибезполезнѣйшую, и убивъ ее, положилъ взять у ней ровно столько, сколько мнѣ надо для перваго шага и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, такъ и пошло-бы на монастырь, по духовному завѣщанію — ха-ха!) .. Потому, потому я окончательно вошь, прибавилъ онъ скрежеща зубами, — потому, что самъ-то я, можетъ быть, еще сквернѣе и гаже чѣмъ убитая вошь и заранѣе *предчувствовалъ*, что скажу себѣ это уже *послѣ* того какъ убью! Да развѣ съ этакимъ ужасомъ что нибудь можетъ сравниться! О, пошлость! О, подлость!.. О, какъ я понимаю «пророка», съ саблей, на конѣ: Велитъ Аллахъ, и повинуйся дрожащая тварь! Правъ, правъ пророкъ, когда ставитъ гдѣ нибудь поперегъ улицы хор-р-рошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь и — *не желай*, потому, — не твое это дѣло!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонкѣ!»

Волосы его были смочены потомъ, вздрагивавшія губы запеклись, неподвижный взглядъ былъ устремленъ въ потолокъ:

Мать, сестра, какъ любилъ я ихъ! Отчего теперь я ихъ ненавижу? Да, я ихъ ненавижу, физически ненавижу, подлѣ себя не могу выносить... Давеча я подошелъ и поцѣловалъ мать, я помню... Обнимать и думать что селибъ она узнала, то... развѣ сказать ей тогда? Отъ меня это станется... Гм! *она* должна быть такая-же какъ и я, — прибавилъ онъ, думая съ усиліемъ, какъ будто борясь съ охватывавшимъ его бредомъ. — О, какъ я ненавижу теперь старушонку! Кажется-бы другой разъ убилъ, еслибъ очнулась! Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась!.. Странно однакожъ, почему я объ ней почти и не думаю, точно и не убивалъ!.. Лизавета! Соня! Бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими... Милыя!.. Зачѣмъ онѣ не плачутъ? Зачѣмъ онѣ не стонутъ?.. Онѣ все отдаютъ... глядятъ кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!..»

Онъ забылся: страннымъ показалось ему, что онъ не помнитъ какъ могъ онъ очутиться на улицѣ. Былъ уже поздній вечеръ. Сумерки сгущались, полная луна свѣтила все ярче и ярче: но какъ-то особенно душно было въ воздухѣ. Люди толпой шли по улицамъ: ремесленники и занятые люди расходились по домамъ, другіе гуляли; пахло известью, пылью, стоячею водой. Раскольниковъ шелъ

грустный и озабоченный: онъ очень хорошо помнилъ, что вышелъ изъ дому съ какимъ-то намѣреніемъ, что надо было что-то сдѣлать и поспѣшить, но что̀ именно—онъ позабылъ. Вдругъ онъ остановился и увидѣлъ, что на другой сторонѣ улицы, на тротуарѣ, стоитъ человѣкъ и машетъ ему рукой. Онъ пошелъ къ нему черезъ улицу, но вдругъ, этотъ человѣкъ повернулся и пошелъ какъ ни въ чемъ не бывало, опустивъ голову, не оборачиваясь и не подавая вида что звалъ его. «Да полно звалъ-ли онъ?» подумалъ Раскольниковъ, однакожъ сталъ догонять. Не доходя шаговъ десяти, онъ вдругъ узналъ его и — испугался: это былъ давешній мѣщанинъ, въ такомъ-же халатѣ и такке сгорбленный. Раскольниковъ шелъ издали; сердце его стукало; повернули въ переулокъ,—тотъ все не оборачивался. «Знаетъ-ли онъ, что я за нимъ иду?» думалъ Раскольниковъ. Мѣщанинъ вошелъ въ ворота одного большаго дома. Раскольниковъ поскорѣй подошелъ къ воротамъ и сталъ глядѣть: не оглянется-ли онъ и не позоветъ-ли его? Въ самомъ дѣлѣ, пройдя всю подворотню и уже выходя во дворъ, тотъ вдругъ обернулся и опять точно какъ будто махнулъ ему. Раскольниковъ тотчасъ-же прошелъ подворотню, но во дворѣ мѣщанина уже не было. Стало быть, онъ вошелъ тутъ сейчасъ на первую лѣстницу. Раскольниковъ бросился за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, двумя лѣстницами выше, слышались еще чьи-то мѣрные неспѣшные шаги. Странно, лѣстница была какъ будто знакомая! Вонъ окно въ первомъ этажѣ; грустно и таинственно проходилъ сквозь стекла лунный свѣтъ; вотъ и второй этажъ. Ба! Это та самая квартира, въ которой работники мазали... Какъ-же онъ не узналъ тотчасъ? Шаги впереди идущаго человѣка затихли: «стало быть, онъ остановился, или гдѣ нибудь спрятался». Вотъ и третій этажъ; идти-ли дальше? И какая тамъ тишина, даже страшно... Но онъ пошелъ. Шумъ его собственныхъ шаговъ его пугалъ и тревожилъ. Боже, какъ темно! Мѣщанинъ вѣрно тутъ гдѣ нибудь притаился въ углу. А! квартира отворена настежь на лѣстницу; онъ подумалъ и вошелъ. Въ передней было очень темно и пусто, ни души, какъ будто все вынесли: тихонько, на цыпочкахъ прошелъ онъ въ гостиную: вся комната была ярко облита лунным свѣтомъ: все тутъ по прежнему: стулья, зеркало, желтый диванъ и картинки въ рамкахъ. Огромный, круглый, мѣдно-красный мѣсяцъ глядѣлъ прямо въ окна. «Это отъ мѣсяца такая тишина, подумалъ Раскольниковъ, — онъ вѣрно теперь загадку загадываетъ». Онъ стоялъ и ждалъ, долго ждалъ, и чѣмъ тише былъ мѣсяцъ, тѣмъ сильнѣе стукало его сердце, даже больно становилось. И все тишина. Вдругъ послышался мгновенный сухой трескъ, какъ будто сломали лучинку, и все опять замерло. Проснув-

шаяся муха вдругъ съ налета ударилась объ стекло и жалобно зажужжала. Въ самую эту минуту, въ углу, между маленькимъ шкапомъ и окномъ, онъ разглядѣлъ какъ будто висящій на стѣнѣ салопъ.—«Зачѣмъ тутъ салопъ, подумалъ онъ:—вѣдь его прежде не было...» Онъ подошелъ потихоньку и догадался, что за салопомъ какъ будто кто-то прячется. Осторожно отвелъ онъ рукою салопъ и увидалъ, что тутъ стоитъ стулъ, а на стулѣ въ уголку сидитъ старушонка, вся скрючившись и наклонивъ голову, такъ что онъ никакъ не могъ разглядѣть лица, но это была она. Онъ постоялъ надъ ней: «боится!» подумалъ онъ, тихонько высвободилъ изъ петли топоръ и ударилъ старуху по темени, разъ и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась отъ ударовъ, точно деревянная. Онъ испугался, нагнулся ближе и сталъ ее разглядывать; но и она еще ниже нагнула голову. Онъ пригнулся тогда совсѣмъ къ полу, и заглянулъ ей снизу въ лицо, заглянулъ и помертвѣлъ: старушонка сидѣла и смѣялась,—такъ и заливалась тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, изъ всѣхъ силъ крѣпясь, чтобъ онъ ея не услышалъ. Вдругъ ему показалось, что дверь изъ спальни чуть-чуть пріотворилась и что тамъ тоже какъ будто засмѣялись и шепчутся. Бѣшенство одолѣло его: изо всей силы началъ онъ бить старуху по головѣ, но съ каждымъ ударомъ топора смѣхъ и шепотъ изъ спальни раздавались все сильнѣе и слышнѣе, а старушонка такъ вся и колыхалась отъ хохота. Онъ бросился бѣжать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лѣстницѣ отворены настежь, и на площадкѣ, на лѣстницѣ и туда внизъ—все люди, голова съ головой. всѣ смотрятъ,—но всѣ притаились и ждутъ, молчатъ!.. Сердце его стѣснилось, ноги не движутся, приросли... Онъ хотѣлъ вскрикнуть и—проснулся.

Онъ тяжело перевелъ дыханіе,—но странно, сонъ какъ будто все еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на порогѣ стоялъ совсѣмъ незнакомый ему человѣкъ и пристально его разглядывалъ.

Раскольниковъ не успѣлъ еще совсѣмъ раскрыть глаза и мигомъ закрылъ ихъ опять. Онъ лежалъ навзничь и не шевельнулся. «Сонъ это продолжается, или нѣтъ», думалъ онъ, и чуть-чуть непримѣтно, опять приподнялъ рѣсницы поглядѣть: незнакомый стоялъ на томъ-же мѣстѣ и продолжалъ въ него вглядываться. Вдругъ онъ переступилъ осторожно черезъ порогъ, бережно притворилъ за собой дверь, подошелъ къ столу, подождалъ съ минуту,— все это время не спуская съ него глазъ, и тихо, безъ шуму, сѣлъ на стулъ подлѣ дивана: шляпу поставилъ сбоку, на полу, а обѣими руками опершя на трость, опустивъ на руки подбородокъ. Видно было, что онъ приготовился долго ждать. Сколько можно было разглядѣть сквозь

мигавшія рѣсницы, человѣкъ этотъ былъ уже не молодой, плотный, и съ густою, свѣтлою, почти бѣлою бородой...

Прошло минутъ съ десять. Было еще свѣтло, но уже вечерѣло. Въ комнатѣ была совершенная тишина. Даже съ лѣстницы не приносилось ни одного звука. Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь съ налета объ стекло. Наконецъ, это стало невыносимо: Раскольниковъ вдругъ приподнялся и сѣлъ на диванѣ.

— Ну, говорите, чего вамъ надо?

— А вѣдь я такъ и зналъ, что вы не спите, а только видъ показываете, странно отвѣтилъ незнакомый, спокойно разсѣявшись.— Аркадій Ивановичъ Свидригайловъ, позвольте отрекомендоваться....

Часть четвертая.

I.

Неужели это продолженіе сна?» подумалось еще разъ Раскольникову. Осторожно и недовѣрчиво всматривался онъ въ неожиданнаго гостя.

— Свидригайловъ? Какой вздоръ! Быть не можетъ! проговорилъ онъ, наконецъ, вслухъ, въ недоумѣніи.

Казалось, гость совсѣмъ не удивился этому восклицанію.

— Вслѣдствіе двухъ причинъ къ вамъ зашелъ, во первыхъ, лично познакомиться пожелалъ, такъ какъ давно уже наслышанъ съ весьма любопытной и выгодной для васъ точки; а во вторыхъ, мечтаю, что не уклонитесь, можетъ быть, мнѣ помочь въ одномъ предпріятіи, прямо касающемся интереса сестрицы вашей, Авдотьи Романовны. Одного-то меня, безъ рекомендаціи, она, можетъ, и на дворъ къ себѣ теперь не пуститъ, вслѣдствіе предубѣжденія, ну, а съ вашей помощью я, напротивъ, разсчитываю...

— Плохо разсчитываете, перебилъ Раскольниковъ.

— Онъ вѣдь только вчера прибылъ, позвольте спросить?

Раскольниковъ не отвѣтилъ.

— Вчера, я знаю. Я вѣдь самъ прибылъ всего только третьяго дня. Ну-съ, вотъ что я скажу вамъ, на этотъ счетъ, Родіонъ Романовичъ; оправдывать себя считаю излишнимъ, но позвольте-же и мнѣ заявить: что-жь тутъ, во всемъ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, такого особеннаго преступнаго съ моей стороны, то есть безъ предразсудковъ-то, а здраво судя?

Раскольниковъ продолжалъ молча его разсматривать.

— То, что въ своемъ домѣ преслѣдовалъ беззащитную дѣвицу и «оскорблялъ ее своими гнусными предложеніями, — такъ-ли-съ? (Самъ впередъ забѣгаю!)—Да вѣдь предположите только, что и я

человѣкъ есмь, et nihil humanum... однимъ словомъ, что и я способенъ прельститься и полюбить (что̀ ужъ конечно не по нашему велѣнію творится), тогда все самымъ естественнымъ образомъ объясняется. Тутъ весь вопросъ: извергъ-ли я, или самъ жертва? Ну, а какъ жертва? Вѣдь предлагая моему предмету бѣжать со мною въ Америку, или въ Швейцарію, я, можетъ, самыя почтительнѣйшія чувства при семъ питалъ, да еще думалъ обоюдное счастіе устроить!.. Разумъ-то, вѣдь, страсти служитъ; я, пожалуй, себя еще больше губилъ, помилуйте!..

— Да совсѣмъ не въ томъ дѣло, съ отвращеніемъ перебилъ Раскольниковъ,—просто за просто вы противны, правы-ль вы или неправы, ну, вотъ съ вами и не хотятъ знаться, и гонятъ васъ, и ступайте!..

Свидригайловъ вдругъ расхохотался.

— Однакожъ вы... однакожъ васъ не собьешь! проговорилъ онъ, смѣясь откровеннѣйшимъ образомъ:—я было думалъ схитрить, да нѣтъ, вы какъ разъ на самую настоящую точку стали!

— Да вы и въ эту минуту хитрить продолжаете.

— Такъ что-жъ? Такъ что-жъ? повторялъ Свидригайловъ, смѣясь на распашку:—вѣдь это bonne guerre, что̀ называется, и самая позволительная хитрость!.. Но все таки вы меня перебили: такъ или этакъ, подтверждаю опять: никакихъ непріятностей не было-бы, еслибы не случай въ саду. Марѳа Петровна...

— Марѳу-то Петровну вы тоже, говорятъ, уходили? грубо перебилъ Раскольниковъ.

— А вы и объ этомъ слышали? Какъ впрочемъ не слыхать... Ну, на счетъ этого вашего вопроса право не знаю какъ вамъ сказать, хотя моя собственная совѣсть въ высшей степени спокойна на этотъ счетъ. То есть не подумайте, чтобъ я опасался чего-нибудь тамъ этакого: все это произведено было въ совершенномъ порядкѣ и въ полной точности: медицинское слѣдствіе обнаружило апоплексію, происшедшую отъ купанія сейчасъ послѣ плотнаго обѣда, съ выпитою чуть не бутылкой вина, да и ничего другаго и обнаружить оно не могло... Нѣтъ-съ, я вотъ что̀ про себя думалъ нѣкоторое время, вотъ особенно въ дорогѣ, въ вагонѣ сидя: не способствовалъ-ли я всему этому... несчастью, какъ нибудь тамъ раздраженіемъ нравственно или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ? Но заключилъ, что и этого положительно быть не могло.

Раскольниковъ засмѣялся.

— Охота-же такъ безпокоиться!

— Да вы чему смѣетесь? Вы сообразите: я ударилъ всего только два раза хлыстикомъ, даже знаковъ не оказалось... Не

считайте меня, пожалуйста, циникомъ: я вѣдь въ точности знаю, какъ это гнусно съ моей стороны, ну и такъ далѣе; но вѣдь я тоже навѣрно знаю, что Марѳа Петровна, пожалуй, что и рада была этому моему, такъ сказать, увлеченію. Исторія по поводу вашей сестрицы истощилась до ижицы. Марѳа Петровна уже третій день принуждена была дома сидѣть; не съ чѣмъ въ городишко показаться, да и надоѣла она тамъ всѣмъ съ своимъ этимъ письмомъ (про чтеніе письма-то слышали?). И вдругъ эти два хлыста какъ съ неба падаютъ! Первымъ дѣломъ карету велѣла закладывать!.. Я ужь о томъ и не говорю, что у женщинъ случаи такіе есть, когда очень и очень пріятно быть оскорбленною, не смотря на все видимое негодованіе. Они у всѣхъ есть, эти случаи-то: человѣкъ вообще очень и очень даже любитъ быть оскорбленнымъ, замѣчали вы это? Но у женщинъ это въ особенности. Даже можно сказать, что тѣмъ только и пробавляются.

Одно время Раскольниковъ думалъ было встать и уйти и тѣмъ покончить свиданіе. Но нѣкоторое любопытство и даже какъ-бы разсчетъ удержали его на мгновеніе.

— Вы любите драться? спросилъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, не весьма, спокойно отвѣчалъ Свидригайловъ.—А съ Марѳой Петровной почти никогда не дирались. Мы весьма согласно жили, и она мной всегда довольна оставалась. Хлыстъ я употребилъ, во всѣ наши семь лѣтъ, всего только два раза (если не считать еще одного третьяго случая, весьма, впрочемъ, двусмысленнаго): въ первый разъ—два мѣсяца спустя послѣ нашего брака, тотчасъ-же по пріѣздѣ въ деревню, и вотъ теперешній послѣдній случай.—А вы ужь думали я такой извергъ, ретроградъ, крѣпостникъ? хе-хе... А кстати: не припомните-ли вы, Родіонъ Романовичъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще во времена благодѣтельной гласности, осрамили у насъ всенародно и вселитературно одного дворянина—забылъ фамилію!—вотъ еще Нѣмку-то отхлесталъ въ вагонѣ, помните? Тогда еще, въ тотъ-же самый годъ, кажется, и «Безобразный поступокъ *Вѣка*» случился (ну, *Египетскія-то ночи*, чтеніе-то публичное, помните? Черные-то глаза! О, гдѣ ты золотое время нашей юности!). Ну-съ, такъ вотъ мое мнѣніе: господину, отхлеставшему Нѣмку, глубоко не сочувствую, потому что и въ самомъ дѣлѣ оно... что-же сочувствовать! Но при семъ не могу не заявить, что случаются иногда такія подстрекательныя «Нѣмки», что, мнѣ кажется, нѣтъ ни единаго прогрессиста, который-бы совершенно могъ за себя поручиться. Съ этой точки никто не посмотрѣлъ тогда на предметъ, а между тѣмъ эта точка-то и есть настоящая гуманная, право-съ такъ!

Проговоривъ это, Свидригайловъ вдругъ опять разсмѣялся. Раскольникову ясно было, что это на что-то твердо рѣшившійся человѣкъ и себѣ на умѣ.

— Вы должно быть нѣсколько дней сряду ни съ кѣмъ не говорили? спросилъ онъ.

— Почти такъ. А что: вѣрно дивитесь, что я такой складной человѣкъ?

— Нѣтъ, я тому дивлюсь, что ужь слишкомъ вы складной человѣкъ.

— Оттого что грубостію вашихъ вопросовъ не обижался?— Такъ, что-ли? Да... чего-жь обижаться? Какъ спрашивали, такъ и отвѣчалъ, прибавилъ онъ съ удивительнымъ выраженіемъ простодушія. —Вѣдь я особенно-то ничѣмъ почти не интересуюсь, ей Богу, продолжалъ онъ какъ-то вдумчиво.—Особенно теперь, ничѣмъ таки не занять... Впрочемъ, вамъ позволительно думать, что я изъ видовъ занекиваю, тѣмъ болѣе, что имѣю дѣло до вашей сестрицы, самъ объявилъ. Но я вамъ откровенно скажу: очень скучно! Особенно эти три дня, такъ что я вамъ даже обрадовался.. Не разсердитесь, Родіонъ Романовичъ, но вы мнѣ сами почему-то кажетесь ужасно какъ страннымъ. Какъ хотите, а что-то въ васъ есть: и именно теперь, то есть не собственно въ эту минуту, а вообще теперь... Ну, ну, не буду, не буду, не хмурьтесь! Я вѣдь не такой медвѣдь какъ вы думаете.

Раскольниковъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Вы даже, можетъ быть, и совсѣмъ не медвѣдь, сказалъ онъ.— Мнѣ даже кажется, что вы очень хорошаго общества, или по крайней мѣрѣ умѣете при случаѣ быть и порядочнымъ человѣкомъ.

— Да вѣдь я ничѣмъ мнѣніемъ особенно не интересуюсь, сухо и какъ-бы даже съ оттѣнкомъ высокомѣрія отвѣтилъ Свидригайловъ, —а потому отчего-же и не побывать пошляком. Когда это платье въ нашемъ климатѣ такъ удобно носить и... и особенно, если къ тому и натуральную склонность имѣешь, прибавилъ онъ опять засмѣявшись.

— Я слышалъ однако, что у васъ здѣсь много знакомыхъ. Вы вѣдь то, что называется «не безъ связей». Зачѣмъ-же вамъ я-то, въ такомъ случаѣ, какъ не для цѣлей?

— Это вы правду сказали, что у меня есть знакомые, подхватилъ Свидригайловъ, не отвѣчая на главный пунктъ,—я ужь встрѣчалъ; третій вѣдь день слоняюсь: и самъ узнаю, и меня, кажется, узнаютъ. Оно, конечно, одѣть прилично и числюсь человѣкомъ не бѣднымъ: пасъ, вѣдь, и крестьянская реформа обошла: лѣса да луга заливные, доходъ-то и не теряется: но... не пойду

я туда; и прежде надоѣло: хожу третій день и не признаюсь никому... А тутъ еще городъ! То есть какъ это онъ сочинился у насъ, скажите пожалуйста! Городъ канцеляристовъ и всевозможныхъ семинаристовъ! Право, я многаго здѣсь прежде не примѣчалъ, лѣтъ восемь-то назадъ, когда тутъ валандался... На одну только анатомію теперь и надѣюсь, ей Богу!

— На какую анатомію?

— А на счетъ этихъ клубовъ, Дюссотовъ, нуантовъ этихъ ванныхъ, или, пожалуй, вотъ еще прогрессу, — ну, это пусть будетъ безъ насъ, продолжалъ онъ, не замѣтивъ опять вопроса. — Да и охота шулеромъ-то быть?

— А вы были и шулеромъ?

— Какъ-же безъ этого? Цѣлая компанія насъ была, напринципіальная, лѣтъ восемь назадъ: проводили время; и всѣ, знаете, люди съ манерами, поэты были, капиталисты были. Да и вообще у насъ, въ русскомъ обществѣ, самыя лучшія манеры у тѣхъ, которые биты бывали, — замѣтили вы это? Это, вѣдь, я въ деревнѣ теперь опустился. А все-таки посадили было меня тогда въ тюрьму за долги, Гречонка одинъ нѣмчикъ. Тутъ и подвернулась Мароа Петровна, поторговалась и выкупила меня за тридцать тысячъ серебренниковъ. (Всего-то я 70,000 былъ долженъ). Сочетались мы съ ней законнымъ бракомъ, и увезла она меня тотчасъ-же къ себѣ въ деревню, какъ какое сокровище. Она вѣдь старше меня пятью годами. Очень любила. Семь лѣтъ изъ деревни не выѣзжалъ. И замѣтьте, все-то жизнь документъ противъ меня, на чужое имя, въ этихъ тридцати тысячахъ дерекала, такъ что задумай я въ чемъ нибудь взбунтоваться, — тотчасъ-же въ кандалы! И сдѣлала-бы! У женщинъ, вѣдь, это все вмѣстѣ уживается.

— А еслибы не документъ, дали-бы тягу?

— Не знаю какъ вамъ сказать. Меня этотъ документъ почти не стѣснялъ. Никуда мнѣ не хотѣлось, а за границу Мароа Петровна и сама меня раза два приглашала, видя что я скучалъ. Да что! За границу я прежде ѣздилъ, и всегда мнѣ тамъ тошно бывало. Не то чтобъ, а вотъ заря занимается, заливъ Неаполитанскій, море, смотришь, и какъ-то грустно. Всего противнѣе, что вѣдь дѣйствительно о чемъ-то грустишь? Нѣтъ, на родинѣ лучше: тутъ, по крайней мѣрѣ, во всемъ другихъ винишь, а себя оправдываешь. Я-бы, можетъ, теперь въ экспедицію на сѣверный полюсъ поѣхалъ, потому j'ai le vin mauvais, и пить мнѣ противно, а кромѣ вина ничего больше не остается. Пробовалъ. А что, говорятъ, Бергъ въ воскресенье въ Юсуповомъ саду на огромномъ шарѣ полетитъ, попутчиковъ за извѣстную плату приглашаетъ. правда?

— Что-жь, вы полетѣли-бы?

— Я? Нѣтъ... такъ... пробормоталъ Свидригайловъ, дѣйствительно какъ-бы задумавшись.

«Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, что-ли?» подумалъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ, документъ меня не стѣснялъ, продолжалъ Свидригайловъ раздумчиво;—это я самъ изъ деревни не выѣзжалъ. Да и ужь съ годъ будетъ, какъ Марѳа Петровна въ именины мои мнѣ и документъ этотъ возвратила, да еще въ добавокъ примѣчательную сумму подарила. У ней вѣдь былъ капиталъ. Видите какъ я вамъ довѣряю, Аркадій Ивановичъ»,—право, такъ и выразилась! Вы не вѣрите, что такъ выразилась? А знаете: вѣдь я хозяиномъ порядочнымъ въ деревнѣ сталъ; меня въ околодкѣ знаютъ. Книги тоже выписывалъ. Марѳа Петровна сперва одобряла, а потомъ все боялась, что я заучусь.

— Вы по Марѳѣ Петровнѣ, кажется, очень скучаете?

— Я? Можетъ быть. Право, можетъ быть. А кстати, вѣрите вы въ привидѣнія?

— Въ какія привидѣнія?

— Въ обыкновенныя привидѣнія, въ какія!

— А вы вѣрите?

— Да пожалуй и нѣтъ, pour vous plaire... То есть не то что нѣтъ...

— Являются, что-ли?

Свидригайловъ какъ-то странно посмотрѣлъ на него.

— Марѳа Петровна посѣщать изволитъ, — проговорилъ онъ скривя ротъ въ какую-то странную улыбку.

— Какъ это посѣщать изволитъ?

— Да ужь три раза приходила. Впервой я ее увидалъ въ самый день похоронъ, часъ спустя послѣ кладбища. Это было наканунѣ моего отъѣзда сюда. Второй разъ третьяго дня, въ дорогѣ, на развѣтѣ, на станціи Малой-Вишеръ; а въ третій разъ, два часа тому назадъ, на квартирѣ гдѣ я стою, въ комнатѣ; я былъ одинъ.

— На яву?

— Совершенно. Всѣ три раза на яву. Придетъ, поговоритъ съ минуту и уйдетъ въ дверь; всегда въ дверь. Даже, какъ будто, слышно.

— Отчего я такъ и думалъ, что съ вами непремѣнно что нибудь въ этомъ родѣ случается! проговорилъ вдругъ Раскольниковъ, и въ ту-же минуту удивился что это сказалъ. Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Во-отъ? Вы это подумали? съ удивленіемъ спросилъ Свидригайловъ: — да неужели? Ну, не сказалъ-ли я, что между нами есть какая-то точка общая, а?

— Никогда вы этого не говорили! рѣзко и съ азартомъ отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Не говорилъ?

— Нѣтъ!

— Мнѣ показалось, что говорилъ. Давеча, какъ я вошелъ и увидѣлъ, что вы съ закрытыми глазами лежите, а сами дѣлаете видъ,— тутъ-же и сказалъ себѣ: это тотъ самый и есть !

— Что это такое: тотъ самый? Про что вы это? вскричалъ Раскольниковъ.

— Про что? А право не знаю про что... чистосердечно, и какъ-то самъ запутавшись, пробормоталъ Свидригайловъ.

Съ минуту помолчали. Оба глядѣли другъ на друга во всѣ глаза.

— Все это вздоръ! съ досадой вскрикнулъ Раскольниковъ.— Что-жъ она вамъ говоритъ, когда приходитъ?

— Она-то? Вообразите себѣ, о самыхъ ничтожныхъ пустякахъ, и подивитесь человѣку: меня, вѣдь, это-то и сердитъ. Въ первый разъ вошла (я, знаете, усталъ: похоронная служба, со святыми упокой, потомъ литія, закуска, наконецъ-то въ кабинетѣ одинъ остался, закурилъ сигару, задумался), вошла въ дверь: «А вы, говоритъ, Аркадій Ивановичъ, сегодня за хлопотами и забыли въ столовой часы завести . А часы эти я, дѣйствительно, всѣ семь лѣтъ, каждую недѣлю самъ заводилъ, а забуду—такъ всегда, бывало, напомнитъ. На другой день я ужь ѣду сюда. Вошелъ, на развѣтъ, на станцію,—за ночь вздремнулъ, изломанъ, глаза заспаны,—взялъ кофею: смотрю—Марѳа Петровна вдругъ садится подлѣ меня, въ рукахъ колода картъ: Не загадать-ли вамъ, Аркадій Ивановичъ, на дорогу-то? А она мастерица гадать была. Ну, и не прощу-же себѣ, что не загадалъ. Убѣжалъ, испугавшись, а тутъ, правда, и колокольчикъ. Сижу сегодня послѣ дрянного обѣда изъ кухмистерской, съ тяжелымъ желудкомъ,—сижу, курю— вдругъ опять Марѳа Петровна, входитъ вся разодѣтая, въ новомъ шелковомъ зеленомъ платьѣ, съ длиннѣйшимъ хвостомъ: «Здравствуйте, Аркадій Ивановичъ! Какъ на вашъ вкусъ мое платье? Аниська такъ не сошьетъ . (Аниська—это мастерица у насъ въ деревнѣ, изъ прежнихъ крѣпостныхъ, въ ученьи въ Москвѣ была— хорошенькая дѣвчонка). Стоитъ, вертится передо мной. Я осмотрѣлъ платье, потомъ внимательно ей въ лицо посмотрѣлъ: «Охота вамъ, говорю, Марѳа Петровна, изъ такихъ пустяковъ ко мнѣ ходить, безпокоиться».— Ахъ, Богъ мой, батюшка, ужь и потревожить тебя нельзя!» Я ей говорю, чтобы подразнить ее: «Я, Марѳа Петровна, жениться хочу».— «Отъ васъ это станется, Аркадій Ива-

новичъ; не много чести вамъ, что вы, не успѣвъ жену схоронить, тотчасъ и жениться поѣхали. И хоть-бы выбрали-то хорошо, а то вѣдь, я знаю,—ни ей, ни себѣ, только добрыхъ людей насмѣшите . Взяла да и вышла, и хвостомъ точно какъ будто шумитъ. Экой вѣдь вздоръ, а?

— Да вы, впрочемъ, можетъ быть, все лжете? отозвался Раскольниковъ.

— Я рѣдко лгу, отвѣчалъ Свидригайловъ, задумчиво, и какъ-бы совсѣмъ не замѣтивъ грубости вопроса.

— А прежде, до этого, вы никогда привидѣній не видывали?

— И...нѣтъ, видѣлъ, одинъ только разъ въ жизни, шесть лѣтъ тому. Филька, человѣкъ дворовый у меня былъ; только что его похоронили, я крикнулъ, забывшись: Филька, трубку!—вошелъ, и прямо къ горкѣ, гдѣ стоятъ у меня трубки. Я сижу, думаю: Это онъ мнѣ отомститъ , потому что передъ самою смертью мы крѣпко поссорились.—«Какъ ты смѣешь, говорю, съ продраннымъ локтемъ ко мнѣ входить,—вонъ, негодяй!» Повернулся, вышелъ и больше не приходилъ. Я Марѣ Петровнѣ тогда не сказалъ. Хотѣлъ было панихиду по немъ отслужить, да посовѣстился.

— Сходите къ доктору.

— Это-то я и безъ васъ понимаю, что нездоровъ, хотя, право, не знаю чѣмъ; по моему, я, навѣрно, здоровѣе васъ вмятеро. Я васъ не про то спросилъ,—вѣрите вы или нѣтъ, что привидѣнія являются? Я васъ спросилъ: вѣрите-ли вы, что есть привидѣнія?

— Нѣтъ, ни за что не повѣрю! съ какою-то даже злобой вскричалъ Раскольниковъ.

— Вѣдь обыкновенно какъ говорятъ? бормоталъ Свидригайловъ, какъ-бы про себя, смотря въ сторону и наклонивъ нѣсколько голову. - Они говорятъ: «ты боленъ, стало быть, то, что тебѣ представляется, есть одинъ только не существующій бредъ». А вѣдь тутъ нѣтъ строгой логики. Я согласенъ, что привидѣнія являются только больнымъ: но вѣдь это только доказываетъ, что привидѣнія могутъ являться не иначе какъ больнымъ, а не то, что ихъ нѣтъ, самихъ по себѣ.

— Конечно, нѣтъ! раздражительно настаивалъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ? Вы такъ думаете? продолжалъ Свидригайловъ, медленно посмотрѣвъ на него. - Ну, а что, если такъ разсудить (вотъ помогите-ка): «Привидѣнія — это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ начало. Здоровому человѣку, разумѣется, ихъ не зачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ, а, стало быть, долженъ жить одною здѣшнею

жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣль, чуть нарушился нормальный земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность другаго міра, и чѣмъ больше болѣнь, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше, такъ что, когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ». Я объ этомъ давно разсуждалъ. Если въ будущую жизнь вѣрите, то и этому разсужденію можно повѣрить.

— Я не вѣрю въ будущую жизнь, сказалъ Раскольниковъ. Свидригайловъ сидѣлъ въ задумчивости.

— А что, если тамъ одни науки или что нибудь въ этомъ родѣ, сказалъ онъ вдругъ.

«Это помѣшанный», подумалъ Раскольниковъ.

— Намъ вотъ все представляется вѣчность, какъ идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему-же непремѣнно огромное? И вдругъ, вмѣсто всего этого, представьте себѣ, будетъ тамъ одна комнатка, эдакъ въ родѣ деревенской бани, закоптѣлая, а по всѣмъ угламъ паутина, и вотъ и вся вѣчность. Мнѣ, знаете, въ этомъ родѣ иногда мерещится.

— И неужели, неужели вамъ ничего не представляется утѣшительнѣе и справедливѣе этого! съ болѣзненнымъ чувствомъ вскрикнулъ Раскольниковъ.

— Справедливѣе? А почемъ знать, можетъ быть, это и есть справедливое, и знаете, я-бы такъ непремѣнно нарочно сдѣлалъ! отвѣтилъ Свидригайловъ, неопредѣленно улыбаясь.

Какимъ-то холодомъ охватило вдругъ Раскольникова при этомъ безобразномъ отвѣтѣ. Свидригайловъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на него и вдругъ расхохотался.

— Нѣтъ, вы вотъ что сообразите, закричалъ онъ, — назадъ тому полчаса, мы другъ друга еще и не видывали, считаемся врагами, между нами нерѣшенное дѣло есть; мы дѣло-то бросили и эвона въ какую литературу забхали! Ну, не правду я сказалъ, что мы одного поля ягоды?

— Сдѣлайте-же одолженіе, раздражительно продолжалъ Раскольниковъ,—позвольте васъ просить поскорѣе объясниться и сообщить мнѣ, почему вы удостоили меня чести вашего посѣщенія... и... и... я тороплюсь, мнѣ некогда, я хочу со двора идти...

— Извольте, извольте. Ваша сестрица, Авдотья Романовна, за господина Лужина выходитъ, Петра Петровича?

— Нельзя-ли какъ нибудь обойти всякій вопросъ о моей сестрѣ и не упоминать ея имени. Я даже не понимаю, какъ вы смѣете при мнѣ выговаривать ея имя, если только вы дѣйствительно Свидригайловъ?

— Да вѣдь я-же объ ней и пришелъ говорить, какъ-же не упоминать-то?

— Хорошо; говорите, но скорѣе!

— Я увѣренъ, что вы объ этомъ господинѣ Лужинѣ, моемъ по женѣ родственникѣ, уже составили ваше мнѣніе, если его хоть полчаса видѣли или хоть что нибудь объ немъ вѣрно и точно слышали. Авдотьѣ Романовнѣ онъ не пара. По моему, Авдотья Романовна въ этомъ дѣлѣ жертвуетъ собою весьма великодушно и нерасчетливо, для... для своего семейства. Мнѣ показалось, вслѣдствіе всего что̀ я объ васъ слышалъ, что вы, съ своей стороны, очень-бы довольны были, еслибъ этотъ бракъ могъ разстроиться безъ нарушенія интересовъ. Теперь-же, узнавъ васъ лично, я даже въ этомъ увѣренъ.

— Съ вашей стороны все это очень наивно; извините меня, я хотѣлъ сказать: нахально, сказалъ Раскольниковъ.

— То есть вы этимъ выражаете, что я хлопочу въ свой карманъ. Не безпокойтесь, Родіонъ Романовичъ, еслибъ я хлопоталъ въ свою выгоду, то не сталъ-бы такъ прямо высказываться, не дуракъ-же вѣдь я совсѣмъ. На этотъ счетъ открою вамъ одну психологическую странность. Давеча я, оправдывая свою любовь къ Авдотьѣ Романовнѣ, говорилъ, что былъ самъ жертвой. Ну, такъ знайте-же, что никакой я теперь любви не ощущаю, и-никакой, такъ что мнѣ самому даже странно это, потому что я вѣдь дѣйствительно нѣчто ощущалъ...

— Отъ праздности и разврата, перебилъ Раскольниковъ.

— Дѣйствительно, я человѣкъ развратный и праздный. А впрочемъ ваша сестрица имѣетъ столько преимуществъ, что не могъ-же и я не поддаться нѣкоторому впечатлѣнію. Но все это вздоръ, какъ теперь и самъ вижу.

— Давно-ли увидѣли?

— Замѣчать сталъ еще прежде, окончательно-же убѣдился третьяго дня, почти въ самую минуту пріѣзда въ Петербургъ. Впрочемъ еще въ Москвѣ воображалъ, что ѣду добиваться руки Авдотьи Романовны и соперничать съ господиномъ Лужинымъ.

— Извините, что васъ перерву, сдѣлайте одолженіе: нельзя-ли сократить и перейти прямо къ цѣли вашего посѣщенія. Я тороплюсь, мнѣ надо идти со двора...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Прибывъ сюда и рѣшившись теперь предпринять нѣкоторый... вояжъ, я пожелалъ сдѣлать необходимыя предварительныя распоряженія. Дѣти мои остались у тетки; они богаты, а я имъ лично не надобенъ. Да и какой я отецъ! Себѣ я взялъ только то, что̀ подарила мнѣ годъ назадъ

Марѳа Петровна. Съ меня достаточно. Извините, сейчасъ перехожу къ самому дѣлу. Передъ воякемъ, который, можетъ быть, и сбудется, я хочу и съ господиномъ Лужинымъ покончить. Не то чтобъ ужь я его очень терпѣть не могъ, но черезъ него однако и вышла эта ссора моя съ Марѳой Петровной, когда я узналъ, что она эту свадьбу состряпала. Я желаю теперь повидаться съ Авдотьей Романовной, черезъ ваше посредство, и, пожалуй, въ вашемъ-же присутствіи, объяснить ей, во первыхъ, что отъ господина Лужина не только не будетъ ей ни малѣйшей выгоды, но даже навѣрно будетъ явный ущербъ. Затѣмъ, испросивъ у ней извиненія въ недавнихъ этихъ всѣхъ непріятностяхъ, я попросилъ-бы позволенія предложить ей десять тысячъ рублей и такимъ образомъ облегчить разрывъ съ господиномъ Лужинымъ, разрывъ, отъ котораго, я увѣренъ, она и сама была-бы не прочь, явилась-бы только возможность.

— Но вы дѣйствительно, дѣйствительно сумасшедшій! вскричалъ Раскольниковъ, не столько даже разсерженный, сколько удивленный.—Какъ смѣете вы такъ говорить!

— Я такъ и зналъ, что вы закричите; но, во первыхъ, я хоть и небогатъ, но эти десять тысячъ рублей у меня свободны, то есть совершенно, совершенно мнѣ ненадобны. Не приметъ Авдотья Романовна, такъ я, пожалуй, еще глупѣе ихъ употреблю. Это разъ. Второе: совѣсть моя совершенно покойна: я безъ всякихъ разсчетовъ предлагаю. Вѣрьте не вѣрьте, а впослѣдствіи узнаете и вы, и Авдотья Романовна. Все въ томъ, что я дѣйствительно принесъ нѣсколько хлопотъ и непріятностей многоуважаемой вашей сестрицѣ; стало быть, чувствуя искреннее раскаяніе, сердечно желаю, — не откупиться, не заплатить за непріятности, а просто за просто сдѣлать для нея что нибудь выгодное, на томъ основаніи, что не привыкши-же въ самомъ дѣлѣ взять и дѣлать одно только злое. Если-бы въ моемъ предложеніи была хотя милліонная доля разсчета, то не сталъ-бы я предлагать всего только десять тысячъ, тогда какъ всего пять недѣль назадъ предлагалъ ей больше. Кромѣ того, я, можетъ быть, весьма и весьма скоро женюсь на одной дѣвицѣ, а слѣдственно всѣ подозрѣнія въ какихъ нибудь покушеніяхъ противъ Авдотьи Романовны тѣмъ самымъ должны уничтожиться. Въ заключеніе скажу, что, выходя за господина Лужина, Авдотья Романовна тѣже самыя деньги беретъ, только съ другой стороны... Да вы не сердитесь, Родіонъ Романовичъ, разсудите спокойно и хладнокровно.

Говоря это, Свидригайловъ былъ самъ чрезвычайно хладнокровенъ и спокоенъ.

— Прошу васъ кончить, сказалъ Раскольниковъ.—Во всякомъ случаѣ, это непростительно дерзко.

— Ни мало. Послѣ этого человѣкъ человѣку на семъ свѣтѣ можетъ дѣлать одно только зло, и напротивъ, не имѣетъ права сдѣлать ни крошки добра, изъ за пустыхъ принятыхъ формальностей. Это нелѣпо. Вѣдь еслибъ я, напримѣръ, померъ и оставилъ-бы эту сумму сестрицѣ вашей по духовному завѣщанію, неужели-бъ она и тогда принять отказалась?

— Весьма можетъ быть.

— Ну ужь это нѣтъ-съ. А впрочемъ нѣтъ, такъ и нѣтъ, такъ пусть и будетъ. А только десять тысячъ—прекрасная штука, при случаѣ. Во всякомъ случаѣ попрошу передать сказанное Авдотьѣ Романовнѣ.

— Нѣтъ, не передамъ.

— Въ такомъ случаѣ, Родіонъ Романовичъ, я самъ принужденъ буду добиваться свиданія личнаго, а, стало быть, безпокоить.

— А если я передамъ, вы не будете добиваться свиданія личнаго?

— Не знаю, право, какъ вамъ сказать. Видѣться одинъ разъ я-бы очень желалъ.

— Не надѣйтесь.

— Жаль. Впрочемъ вы меня не знаете. Вотъ, можетъ, сойдемся поближе.

— Вы думаете, что мы сойдемся поближе?

— А почему-жь-бы и нѣтъ? улыбнувшись сказалъ Свидригайловъ, всталъ и взялъ шляпу:—я вѣдь не то чтобы такъ ужь очень желалъ васъ безпокоить, и идя сюда даже не очень разсчитывалъ, хотя, впрочемъ, физіономія ваша еще давеча утромъ меня поразила...

— Гдѣ вы меня давеча утромъ видѣли? съ безпокойствомъ спросилъ Раскольниковъ.

— Случайно-съ... Мнѣ все кажется, что въ васъ есть что-то къ моему подходящее... Да не безпокойтесь, я не надоѣдливъ: и съ шулерами ужился, и князю Свирбею, моему дальнему родственнику и вельможѣ, не надоѣлъ, и объ Рафаэлевой Мадоннѣ г-жѣ Прилуковой въ альбомъ съумѣлъ написать, и съ Марфой Петровной семь лѣтъ безвыѣздно прожилъ, и въ домѣ Вяземскаго на Сѣнной въ старину почевывалъ, и на шарѣ съ Бергомъ, можетъ быть, полечу.

— Ну, хорошо-съ. Позвольте спросить, вы скоро въ путешествіе отправитесь?

— Въ какое путешествіе?

— Ну да въ «воякъ»-то этотъ... Вы вѣдь сами сказали.

— Въ воякъ? Ахъ, да!.. въ самомъ дѣлѣ, я вамъ говорилъ про воякъ... Ну, это вопросъ обширный... А еслибъ знали вы,

однакожь, объ чемъ спрашиваете! прибавилъ онъ и вдругъ громко и коротко разсмѣялся. — Я, можетъ быть, вмѣсто воякa-то женюсь: мнѣ невѣсту сватаютъ.

— Здѣсь?

— Да.

— Когда это вы успѣли?

— Но съ Авдотьей Романовной однажды повидаться весьма желаю. Серіозно прошу. Ну, до свиданія... ахъ, да! Вѣдь вотъ что̀ забылъ! Передайте, Родіонъ Романовичъ, вашей сестрицѣ, что въ завѣщаніи Мароы Петровны она упомянута въ трехъ тысячахъ. Это положительно вѣрно. Марoа Петровна распорядилась за недѣлю до смерти, и при мнѣ дѣло было. Недѣли черезъ двѣ—три Авдотья Романовна можетъ и деньги получить.

— Вы правду говорите?

— Правду. Передайте. Ну-съ, вашъ слуга. Я вѣдь отъ васъ очень не далеко стою.

Выходя, Свидригайловъ столкнулся въ дверяхъ съ Разумихинымъ.

II.

Было уже почти восемь часовъ; оба спѣшили къ Бакалѣеву, чтобы придти раньше Лужина.

— Ну, кто-жь это былъ? спросилъ Разумихинъ, только что вышли на улицу.

— Это былъ Свидригайловъ, тотъ самый помѣщикъ, въ домѣ котораго была обижена сестра, когда служила у нихъ гувернанткой. Черезъ его любовныя преслѣдованія она отъ нихъ вышла, выгнанная его женой, Мароой Петровной. Эта Марoа Петровна просила потомъ у Дуни прощенія, а теперь вдругъ умерла. Это про нее давеча говорили. Не знаю почему, я этого человѣка очень боюсь. Онъ пріѣхалъ тотчасъ послѣ похоронъ жены. Онъ очень страшный и на что-то рѣшился... Онъ какъ будто что-то знаетъ... Отъ него надо Дуню оберегать... вотъ это я и хотѣлъ сказать тебѣ, слышишь?

— Оберегать! Что-жь онъ можетъ противъ Авдотьи Романовны? Ну, спасибо тебѣ, Родя, что мнѣ такъ говоришь... Будемъ, будемъ оберегать!... Гдѣ живетъ?

— Не знаю.

— Зачѣмъ не спросилъ? Эхъ, жаль! Впрочемъ, узнаю!

— Ты его видѣлъ? спросилъ Раскольниковъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Ну да, замѣтилъ; твердо замѣтилъ.

— Ты его точно видѣлъ? Ясно видѣлъ? настаивалъ Раскольниковъ.

— Ну да, ясно помню; изъ тысячи узнаю, я памятливъ на лица.

Опять помолчали.

— Гм... то-то... пробормоталъ Раскольниковъ.—А то знаешь... мнѣ подумалось... мнѣ все кажется...: что это можетъ быть и фантазія.

— Да про что ты? Я тебя не совсѣмъ хорошо понимаю.

— Вотъ вы всѣ говорите, продолжалъ Раскольниковъ, скрививъ ротъ въ улыбку,—что я помѣшанный: мнѣ и показалось теперь, что можетъ быть я въ самомъ дѣлѣ помѣшанный и только призракъ видѣлъ?

— Да что ты это?

— А вѣдь кто знаетъ! Можетъ, я и впрямь помѣшанный, и все, что во всѣ эти дни было, все, можетъ быть, такъ только въ воображеніи...

— Эхъ, Родя! Разстроили тебя опять!.. Да что онъ говорилъ, съ чѣмъ приходилъ?

Раскольниковъ не отвѣтилъ, Разумихинъ подумалъ съ минуту.

— Ну, слушай-же мой отчетъ, началъ онъ.—Я къ тебѣ заходилъ, ты спалъ. Потомъ обѣдали, а потомъ я пошелъ къ Порфирію. Заметовъ все у него. Я было хотѣлъ начать, и ничего не вышло. Все не могъ заговорить настоящимъ образомъ. Они точно не понимаютъ и понять не могутъ, но вовсе не конфузятся. Отвелъ я Порфирія къ окну и сталъ говорить, но опять отчего-то не такъ вышло: онъ смотритъ въ сторону, и я смотрю въ сторону. Я, наконецъ, поднесъ къ его рожѣ кулакъ и сказалъ, что разможу его, по родственному. Онъ только посмотрѣлъ на меня. Я плюнулъ и ушелъ, вотъ и все. Очень глупо. Съ Заметовымъ я ни слова. Только видишь: я думалъ что подгадилъ, а мнѣ, сходя съ лѣстницы, мысль одна пришла, такъ и осѣнила меня: изъ чего мы съ тобой хлопочемъ? Вѣдь если-бъ тебѣ опасность была, или тамъ что нибудь, ну, конечно. А вѣдь тебѣ что! Вѣдь ты тутъ не при чемъ, такъ наплевать на нихъ; мы-же надъ ними насмѣемся потомъ, а я-бы на твоемъ мѣстѣ ихъ еще мистифировать сталъ. Вѣдь какъ имъ стыдно-то потомъ будетъ! Плонь; потомъ и поколотить можно будетъ, а теперь посмѣемся!

— Разумѣется такъ! отвѣтилъ Раскольниковъ. «А что-то ты завтра скажешь?» подумалъ онъ про себя. Странное дѣло, до сихъ поръ еще ни разу не приходило ему въ голову: что подумаетъ

Разумихинъ, когда узнаетъ?» Подумавъ это, Раскольниковъ пристально поглядѣлъ на него. Тепереннимъ-же отчетомъ Разумихина о посѣщеніи Порфирія онъ очень немного былъ заинтересованъ: такъ много убыло съ тѣхъ поръ и прибавилось!...

Въ корридорѣ они столкнулись съ Лужинымъ: онъ явился ровно въ восемь часовъ и отыскивалъ нумеръ, такъ что всѣ трое вошли вмѣстѣ, но не глядя другъ на друга и не кланяясь. Молодые люди прошли впередъ, а Петръ Петровичъ, для приличія, замѣшкался нѣсколько въ прихожей, снимая пальто. Пульхерія Александровна тотчасъ-же вышла встрѣтить его на порогъ. Дуня здоровалась съ братомъ.

Петръ Петровичъ вошелъ и довольно любезно, хотя и съ удвоенною солидностью, раскланялся съ дамами. Впрочемъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто немного сбился и еще не нашелся. Пульхерія Александровна, тоже какъ будто сконфузившаяся, тотчасъ-же поспѣшила разсадить всѣхъ за круглымъ столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дуня и Лужинъ помѣстились напротивъ другъ друга по обоимъ концамъ стола. Разумихинъ и Раскольниковъ примлись напротивъ Пульхеріи Александровны,—Разумихинъ ближе къ Лужину, а Раскольниковъ подлѣ сестры.

Наступило мгновенное молчаніе. Петръ Петровичъ не спѣша вынулъ батистовый платокъ, отъ котораго понесло духами, и высморкался съ видомъ хотя и добродѣтельнаго, но все-же нѣсколько оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ человѣка, и притомъ твердо рѣшившагося потребовать объясненій. Ему еще въ передней пришла было мысль: не снимать пальто и уѣхать и тѣмъ строго и внушительно наказать обѣихъ дамъ, такъ чтобы разомъ дать все почувствовать. Но онъ не рѣшился. Притомъ этотъ человѣкъ не любилъ неизвѣстности, а тутъ надо было разъяснить: если такъ явно нарушено его приказаніе, значитъ что нибудь да есть, а, стало быть, лучше напередъ узнать: наказать-же всегда будетъ время, да и въ его рукахъ.

— Надѣюсь, путешествіе прошло благополучно? офиціально обратился онъ къ Пульхеріи Александровнѣ.

— Слава Богу, Петръ Петровичъ.

— Весьма пріятно-съ. И Авдотья Романовна тоже не устали?

— Я-то молода и сильна, не устану, а маменьѣ такъ очень тяжело было, отвѣтила Дунечка.

— Что дѣлать-съ: наши національныя дороги весьма длинны. Велика такъ называемая матушка Россія... Я-же, при всемъ желаніи, никакъ не могъ вчера поспѣшить къ встрѣчѣ. Надѣюсь однако, что все произошло безъ особыхъ хлопотъ?

— Ахъ, нѣтъ. Петръ Петровичъ, мы были очень обезкуражены, съ особой интонаціей поспѣшила заявить Пульхерія Александровна,—и еслибъ самъ Богъ, кажется, не послалъ намъ вчера Дмитрія Прокофьича, то мы просто-бы такъ и пропали. Вотъ онъ, Дмитрій Прокофьичъ Разумихинъ, прибавила она, рекомендуя его Лужину.

— Какъ-же, имѣть удовольствіе... вчера, пробормоталъ Лужинъ, непріязненно покосившись на Разумихина, затѣмъ нахмурился и примолкъ. Да и вообще Петръ Петровичъ принадлежалъ къ разряду людей, повидимому, чрезвычайно любезныхъ въ обществѣ и особенно претендующихъ на любезность, но которые, чуть что не по нихъ, тотчасъ-же и теряютъ всѣ свои средства и становятся похожими скорѣе на мѣшки съ мукой, чѣмъ на развязныхъ и оживляющихъ общество кавалеровъ. Всѣ опять примолкли: Раскольниковъ упорно молчалъ, Авдотья Романовна до времени не хотѣла прерывать молчанія, Разумихину нечего было говорить, такъ что Пульхерія Александровна опять затревожилась.

— Марѳа Петровна умерла, вы слышали, начала она, прибѣгая къ своему капитальному средству.

— Какъ-же, слышалъ-съ. По первому слуху былъ увѣдомленъ и даже пріѣхалъ вамъ теперь сообщить, что Аркадій Ивановичъ Свидригайловъ, немедленно послѣ похоронъ супруги, отправился поспѣшно въ Петербургъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, по точнѣйшимъ извѣстіямъ, которыя я получилъ.

- Въ Петербургъ? Сюда? тревожно спросила Дунечка и переглянулась съ матерью.

— Точно такъ-съ, и ужь, разумѣется, не безъ цѣлей, принявъ во вниманіе поспѣшность выѣзда и, вообще, предшествовавшія обстоятельства.

— Господи! Да неужели онъ и тутъ не оставитъ Дунечку въ покоѣ? вскрикнула Пульхерія Александровна.

— Мнѣ кажется, особенно тревожиться нечего, ни вамъ, ни Авдотьѣ Романовнѣ, конечно, если сами не пожелаете входить въ какія-бы то ни было съ нимъ отношенія. Что до меня касается, я слѣжу, и теперь разыскиваю гдѣ онъ остановился...

— Ахъ, Петръ Петровичъ, вы не повѣрите до какой степени вы меня теперь испугали! продолжала Пульхерія Александровна.— Я его всего только два раза видѣла и онъ мнѣ показался ужасенъ, ужасенъ! Я увѣрена, что онъ былъ причиною смерти покойницы Марѳы Петровны.

На счетъ этого нельзя заключить. Я имѣю извѣстія точныя. Не спорю, можетъ быть, онъ способствовалъ ускоренному ходу вещей

такъ сказать нравственнымъ вліяніемъ обиды; но что касается поведенія и, вообще, нравственной характеристики лица, то я съ вами согласенъ. — Не знаю богатъ-ли онъ теперь, и что̀ именно оставила ему Марѳа Петровна; объ этомъ мнѣ будетъ извѣстно въ самый непродолжительный срокъ; но ужъ, конечно, здѣсь въ Петербургѣ, имѣя хотя-бы нѣкоторыя денежныя средства, онъ приметъ тотчасъ за старое. Это самый развращенный и погибшій въ пороках человѣкъ, изъ всѣхъ подобнаго рода людей! Я имѣю значительное основаніе предполагать, что Марѳа Петровна, имѣвшая несчастіе столь полюбить его и выкупить изъ долговъ, восемь лѣтъ назадъ, послужила ему еще и въ другомъ отношеніи: единственно ея стараніемъ и жертвами затушено было, въ самомъ началѣ, уголовное дѣло, съ примѣсью звѣрскаго и, такъ сказать, фантастическаго душегубства, за которое онъ весьма и весьма могъ-бы прогуляться въ Сибирь. Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, если хотите узнать.

— Ахъ, Господи! вскричала Пульхерія Александровна. Раскольниковъ внимательно слушалъ.

— Вы правду говорите, что имѣете объ этомъ точныя свѣдѣнія? спросила Дуня, строго и внушительно.

— Я говорю только то, что̀ слышалъ самъ, по секрету, отъ покойницы Марѳы Петровны. Надо замѣтить, что съ юридической точки зрѣнія, дѣло это весьма темное. Здѣсь жила да и теперь, кажется, проживаетъ, нѣкоторая Ресслихъ, иностранка и сверхъ того мелкая процентщица, занимающаяся и другими дѣлами. Съ этою-то Ресслихъ, господинъ Свидригайловъ находился издавна въ нѣкоторыхъ весьма близкихъ и таинственныхъ отношеніяхъ. У ней жила дальняя родственница, племянница, кажется, глухонѣмая, дѣвочка лѣтъ пятнадцати и даже четырнадцати, которую эта Ресслихъ безпредѣльно ненавидѣла и каждымъ кускомъ попрекала: даже безчеловѣчно била. Разъ она найдена была на чердакѣ удавившеюся. Присуждено, что отъ самоубійства. Послѣ обыкновенныхъ процедуръ тѣмъ дѣло и кончилось, но впослѣдствіи явился однако доносъ, что ребенокъ былъ... жестоко оскорбленъ Свидригайловымъ. Правда, все это было темно, доносъ былъ отъ другой-же нѣмки, отъявленной женщины и не имѣвшей довѣрія; наконецъ, въ сущности и доноса не было, благодаря стараніямъ и деньгамъ Марѳы Петровны; все ограничилось слухомъ. Но однако этотъ слухъ былъ многознаменателенъ. Вы, конечно, Авдотья Романовна, слышали тоже у нихъ объ исторіи съ человѣкомъ Филиппомъ, умершемъ отъ истязаній, лѣтъ шесть назадъ, еще во время крѣпостнаго права.

— Я слышала напротивъ, что этотъ Филиппъ самъ удавился.

— Точно такъ-съ, но принудила, или лучше сказать склонила

его къ насильственной смерти, безпрерывная система гоненій и взысканій господина Свидригайлова.

— Я не знаю этого, сухо отвѣтила Дуня,—я слышала только какую-то очень странную исторію, что этотъ Филиппъ былъ какой-то ипохондрикъ, какой-то домашній философъ, люди говорили, «зачитался», и что удавился онъ болѣе отъ насмѣшекъ, а не отъ побой господина Свидригайлова. А онъ при мнѣ хорошо обходился съ людьми, и люди его даже любили, хотя и дѣйствительно тоже винили его въ смерти Филиппа.

— Я вижу, что вы, Авдотья Романовна, какъ-то стали вдругъ наклонны къ его оправданію, замѣтилъ Лужинъ, скривя ротъ въ двухсмысленную улыбку.—Дѣйствительно, онъ человѣкъ хитрый и обольстительный на счетъ дамъ, чему плачевнымъ примѣромъ служитъ Марѳа Петровна, такъ странно умершая. Я только хотѣлъ послужить вамъ и вашей маманѣ своимъ совѣтомъ, въ виду его новыхъ и несомнѣнно предстоящихъ попытокъ. Что-же до меня касается, то я твердо увѣренъ, что этотъ человѣкъ несомнѣнно исчезнетъ опять въ долговомъ отдѣленіи. Марѳа Петровна отнюдь никогда не имѣла намѣренія что нибудь за нимъ закрѣпить, имѣя въ виду дѣтей, и если оставила ему нѣчто, то развѣ нѣчто самое необходимое, малостоящее, эфемерное, чего и на годъ не хватитъ человѣку съ его привычками.

Петръ Петровичъ, прошу васъ, сказала Дуня, - перестаньте о господинѣ Свидригайловѣ. На меня это наводитъ тоску.

— Онъ сейчасъ приходилъ ко мнѣ, сказалъ вдругъ Раскольниковъ, въ первый разъ прерывая молчаніе.

Со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, всѣ обратились къ нему. Даже Петръ Петровичъ взволновался.

— Часа полтора назадъ, когда я спалъ, онъ вошелъ, разбудилъ меня и отрекомендовался, продолжалъ Раскольниковъ. — Онъ былъ довольно развязенъ и веселъ и совершенно надѣется, что я съ нимъ сойдусь. Между прочимъ онъ очень проситъ и ищетъ свиданія съ тобою, Дуня, а меня просилъ быть посредникомъ при этомъ свиданіи. У него есть къ тебѣ одно предложеніе: въ чемъ оно, онъ мнѣ сообщилъ. Кромѣ того, онъ положительно увѣдомилъ меня, что Марѳа Петровна, за недѣлю до смерти, успѣла оставить тебѣ, Дуня, по завѣщанію три тысячи рублей, и деньги эти ты можешь теперь получить въ самомъ скоромъ времени.

— Слава Богу! вскричала Пульхерія Александровна и перекрестилась.—Молись за нее, Дуня, молись!

— Это дѣйствительная правда, сорвалось у Лужина.

— Ну-ну, что-же дальше? торопила Дунечка.

— Потомъ онъ сказалъ, что онъ самъ не богатъ и все имѣніе достается его дѣтямъ, которыя теперь у тетки. Потомъ, что остановился гдѣ-то не далеко отъ меня, а гдѣ? — не знаю, не спросилъ...

— Но, что-же, что-же онъ хочетъ предложить Дунечкѣ? спросила перепуганная Пульхерія Александровна.—Сказалъ онъ тебѣ?

— Да, сказалъ.

— Что-же?

— Потомъ скажу. Раскольниковъ замолчалъ и обратился къ своему чаю.

Петръ Петровичъ вынулъ часы и посмотрѣлъ.

— Необходимо отправиться по дѣлу, и такимъ образомъ не помѣшаю, прибавилъ онъ съ нѣсколько никкированнымъ видомъ и сталъ вставать со стула.

— Останьтесь, Петръ Петровичъ, сказала Дуня,—вѣдь вы намѣрены были просидѣть вечеръ. Къ тому-же вы сами писали, что желаете объ чемъ-то объясниться съ маменькой.

— Точно такъ-съ, Авдотья Романовна, внушительно проговорилъ Петръ Петровичъ, присѣвъ опять на стулъ, но все еще сохраняя шляпу въ рукахъ: — я дѣйствительно желалъ объясниться и съ вами, и съ многоуважаемою вашею маменькой, и даже о весьма важныхъ пунктахъ. Но, какъ и брать вашъ не можетъ при мнѣ объясниться на счетъ нѣкоторыхъ предложеній господина Свидригайлова, такъ и я не желаю и не могу объясниться... при другихъ... на счетъ нѣкоторыхъ, весьма и весьма важныхъ пунктовъ. Къ тому-же капитальная и убѣдительнѣйшая просьба моя не была исполнена...

Лужинъ сдѣлалъ горькій видъ и осанисто примолкъ.

— Просьба ваша, чтобы брата не было при нашемъ свиданіи, не исполнена единственно по моему настоянію, сказала Дуня. — Вы писали, что были братомъ оскорблены: я думаю, что это надо немедленно разъяснить, и вы должны помириться. И если Родя васъ дѣйствительно оскорбилъ, то онъ *должна* и *будетъ* просить у васъ извиненія.

Петръ Петровичъ тотчасъ-же закуражился.

— Есть нѣкоторыя оскорбленія, Авдотья Романовна, которыя, при всей доброй волѣ, забыть нельзя-съ. Во всемъ есть черта, за которую перейти опасно: ибо разъ переступивъ, воротиться назадъ невозможно.

— Я вамъ не про то собственно говорила, Петръ Петровичъ, немного съ нетерпѣніемъ перебила Дуня:—поймите хорошенько, что все наше будущее зависитъ теперь отъ того, разъяснится-ли и уладится-ли

все это какъ можно скорѣй, или нѣтъ? Я прямо, съ перваго слова говорю, что иначе не могу смотрѣть, и если вы хоть сколько нибудь мною дорожите, то, хоть и трудно, а вся эта исторія должна сегодня-же кончиться. Повторяю вамъ, если брать виноватъ, онъ будетъ просить прощенія.

— Удивляюсь, что вы ставите такъ вопросъ, Авдотья Романовна, раздражался все болѣе и болѣе Лужинъ:—цѣнія и такъ сказать обожая васъ, я въ тоже время весьма и весьма могу не любить кого нибудь изъ вашихъ домашнихъ. Претендуя на счастье вашей руки, не могу въ тоже время принять на себя обязательствъ несогласимыхъ...

— Ахъ, оставьте всю эту обидчивость, Петръ Петровичъ, съ чувствомъ перебила Дуня, и будьте тѣмъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, какимъ я васъ всегда считала и считать хочу. Я вамъ дала велікое обѣщаніе, я ваша невѣста: довѣрьтесь-же мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и повѣрьте, я въ силахъ буду разсудить безпристрастно. То, что я беру на себя роль судьи, это такой-же сюрпризъ моему брату, какъ и вамъ. Когда я пригласила его сегодня, послѣ письма вашего, непремѣнно придти на наше свиданіе, я ничего ему не сообщила изъ моихъ намѣреній. Поймите, что если вы не помиритесь, то я должна-же выбирать между вами: или вы, или онъ. Такъ сталъ вопросъ и съ вашей и съ его стороны. Я не хочу и не должна ошибиться въ выборѣ. Для васъ я должна разорвать съ братомъ: для брата я должна разорвать съ вами. Я хочу и могу узнать теперь навѣрно: братъ-ли онъ мнѣ? А про васъ: дорога-ли я вамъ, цѣните-ли вы меня: мужъ-ли вы мнѣ?

— Авдотья Романовна, закоробившись произнесъ Лужинъ, — ваши слова слишкомъ многозначительны для меня, скажу болѣе, даже обидны, въ виду того положенія, которое я имѣю честь занимать въ отношеніи къ вамъ. Не говоря уже ни слова объ обидномъ странномъ сопоставленіи, на одну доску, между мной и... заносчивымъ юношей, словами вашими вы допускаете возможность нарушенія даннаго мнѣ обѣщанія. Вы говорите: «или вы, или онъ?» стало быть, тѣмъ самымъ показываете мнѣ какъ немного я для васъ значу... я не могу допустить этого при отношеніяхъ и... обязательствахъ, существующихъ между нами.

— Какъ! вспыхнула Дуня:—я ставлю вашъ интересъ рядомъ со всѣмъ что до сихъ поръ было мнѣ драгоцѣнно въ жизни, что до сихъ поръ составляло *все* мою жизнь, и вдругъ вы обижаетесь за то, что я даю вамъ *мало* цѣны!

Раскольниковъ молча и язвительно улыбнулся, Разумихина всего передернуло: но Петръ Петровичъ не принялъ возраженія; напро-

тивъ, съ каждымъ словомъ становился онъ все привязчивѣе и раздражительнѣе, точно во вкусъ входилъ.

— Любовь къ будущему спутнику жизни, къ мужу, должна превышать любовь къ брату, произнесъ онъ сентенціозно, — а во всякомъ случаѣ, я не могу стоять на одной доскѣ... Хоть я и настаивалъ давеча, что въ присутствіи вашего брата не желаю и не могу изъяснить всего, съ чѣмъ пришелъ, тѣмъ не менѣе я теперь-же намѣренъ обратиться къ многоуважаемой вашей маманѣ для необходимаго объясненія по одному весьма капитальному и для меня обидному пункту. Сынъ вашъ, обратился онъ къ Пульхеріи Александровнѣ, — вчера, въ присутствіи господина Разсудкина (или... кажется такъ? извините, запамятовалъ вашу фамилію, любезно поклонился онъ Разумихину), обидѣлъ меня искаженіемъ мысли моей, которую я сообщилъ вамъ тогда въ разговорѣ частномъ, за кофеемъ, именно, что женитьба на бѣдной дѣвицѣ, уже испытавшей жизненное горе, по моему, выгоднѣе въ супружескомъ отношеніи чѣмъ на испытавшей довольство, ибо полезнѣе для нравственности. Вашъ сынъ умышленно преувеличилъ значеніе словъ до нелѣпаго, обвинивъ меня въ злостныхъ намѣреніяхъ, и, по моему взгляду, основываясь на вашей собственной корреспонденціи. Почту себя счастливымъ, если вамъ, Пульхерія Александровна, возможно будетъ разубѣдить меня въ противномъ отношеніи и тѣмъ значительно успокоить. Сообщите-же мнѣ, въ какихъ именно терминахъ передали вы слова мои въ вашемъ письмѣ къ Родіону Романовичу?

— Я не помню, сбилась Пульхерія Александровна, — я передала какъ сама поняла. Не знаю какъ передалъ вамъ Родя... Можетъ, онъ что нибудь и преувеличилъ.

— Безъ вашего внушенія онъ преувеличить не могъ.

— Петръ Петровичъ, съ достоинствомъ произнесла Пульхерія Александровна, —доказательство тому, что мы съ Дуней не приняли вашихъ словъ въ очень дурную сторону, это то, что мы *зовемъ*.

— Хорошо, маменька! одобрительно сказала Дуня.

— Стало быть, я и тутъ виноватъ! обидѣлся Лужинъ.

— Вотъ, Петръ Петровичъ, вы все Родіона вините, а вы и сами объ немъ давеча неправду написали въ письмѣ, прибавила, ободрившись, Пульхерія Александровна.

— Я не помню, чтобы написалъ какую нибудь неправду-съ.

— Вы написали, рѣзко проговорилъ Раскольниковъ, не оборачиваясь къ Лужину,— что я вчера отдалъ деньги не вдовѣ разглавленнаго, какъ это дѣйствительно было, а его дочери (которой до вчерашняго дня никогда не видалъ). Вы написали это, чтобы поссорить меня съ родными, и для того прибавили, въ гнусныхъ вы-

раженіяхъ, о поведеніи дѣвушки, которой вы не знаете. Все это сплетня и низость.

— Извините, сударь, дрожа со злости отвѣтилъ Лужинъ,—въ письмѣ моемъ я распространился о вашихъ качествахъ и поступкахъ единственно въ исполненіе тѣмъ самымъ просьбы вашей сестрицы и маманн описать имъ: какъ я васъ нашелъ, и какое вы на меня произвели впечатлѣніе? Что-же касается до означеннаго въ письмѣ моемъ, то найдите хоть строчку несправедливую, то есть, что вы не истратили денегъ и что въ семействѣ томъ, хотя-бы и несчастномъ, не находилось недостойныхъ лицъ?

— А по моему, такъ вы, со всѣми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной дѣвушки, въ которую вы камень бросаете.

— Стало быть, вы рѣшились-бы и ввести ее въ общество вашей матери и сестры?

— Я это ужь и сдѣлалъ, если вамъ хочется знать. Я посадилъ ее сегодня рядомъ съ маменькой и съ Дуней.

— Родя! вскричала Пульхерія Александровна.

Дунечка покраснѣла; Разумихинъ сдвинулъ брови. Лужинъ язвительно и высокомѣрно улыбался.

— Сами изволите видѣть, Авдотья Романовна, сказалъ онъ,— возможно-ли тутъ соглашеніе? Надѣюсь теперь, что дѣло это кончено и разъяснено, разъ навсегда. Я-же удалюсь, чтобы не мѣшать дальнѣйшей пріятности родственнаго свиданія и сообщенію секретовъ (онъ всталъ со стула и взялъ шляпу). Но уходя, осмѣлюсь замѣтить, что впредь надѣюсь быть избавленъ отъ подобныхъ встрѣчъ и, такъ сказать, компромиссовъ. Васъ-же особенно буду просить, многоуважаемая Пульхерія Александровна, на эту-же тему, тѣмъ паче, что и письмо мое было адресовано вамъ, а не кому иначе.

Пульхерія Александровна немного обидѣлась.

— Что-то вы ужь совсѣмъ насъ во власть свою берете, Петръ Петровичъ. Дуня вамъ разсказала причину, почему не исполнено ваше желаніе: она хорошія намѣренія имѣла. Да и пишете вы мнѣ точно приказываете. Неужели-жь намъ каждое желаніе ваше за приказаніе считать? А я такъ вамъ напротивъ скажу, что вамъ слѣдуетъ теперь къ намъ быть особенно деликатнымъ и снисходительнымъ, потому что мы все бросили, и вамъ довѣрясь, сюда пріѣхали, а, стало быть, и безъ того ужь почти въ вашей власти состоимъ.

— Это не совсѣмъ справедливо, Пульхерія Александровна, и особенно въ настоящій моментъ, когда возвѣщено о завѣщанныхъ

Марфой Петровной трехъ тысячахъ, что, кажется, очень кстати, судя по новому тону, которымъ заговорили со мной, прибавилъ онъ язвительно.

— Судя по этому замѣчанію, можно дѣйствительно предположить, что вы разсчитывали на нашу безпомощность, раздражительно замѣтила Дуня.

— Но теперь, по крайней мѣрѣ, не могу такъ разсчитывать, и особенно не желаю помѣшать сообщенію секретныхъ предложеній Аркадія Ивановича Свидригайлова, которыми онъ уполномочилъ вашего брата, и которыя, какъ я вижу, имѣютъ для васъ капитальное, а, можетъ быть, и весьма пріятное значеніе.

— Ахъ Боже мой! вскрикнула Пульхерія Александровна.

Разумихину не сидѣлось на стулѣ.

— И тебѣ не стыдно теперь, сестра? спросилъ Раскольниковъ.

— Стыдно, Родя, сказала Дуня.—Петръ Петровичъ, поди вонъ! обратилась она къ нему, побѣдивъ отъ гнѣва.

Петръ Петровичъ, кажется, совсѣмъ не ожидалъ такого конца. Онъ слишкомъ надѣялся на себя, на власть свою и на безпомощность своихъ жертвъ. Не повѣрилъ и теперь. Онъ побѣдѣлъ, и губы его затряслись.

— Авдотья Романовна, если я выйду теперь въ эту дверь, при такомъ напутствіи, то—разсчитайте это—я ужь не ворочусь никогда. Обдумайте хорошенько! Мое слово твердо.

— Что за наглость! вскричала Дуня, быстро подымаясь съ мѣста:—да я и не хочу, чтобы вы возвращались назадъ!

— Какъ? Такъ вотъ ка-а-къ-съ! вскричалъ Лужинъ, совершенно не вѣровавшій, до послѣдняго мгновенія, такой развязкѣ, а потому совсѣмъ потерявшій теперь нитку:—такъ такъ-то-съ! Но знаете-ли, Авдотья Романовна, что я могъ-бы и протестовать-съ.

— Какое право вы имѣете такъ говорить съ ней! горячо вступилась Пульхерія Александровна:—чѣмъ вы можете протестовать? И какія это ваши права? Ну, отдамъ я вамъ, такому, мою Дуню? Поди-те, оставьте насъ совсѣмъ! Мы сами виноваты, что на несправедливое дѣло пошли, а всѣхъ больше я...

— Однакожь, Пульхерія Александровна, горячился въ бѣшенствѣ Лужинъ,—вы связали меня данными словомъ, отъ котораго теперь отрекаетесь... и наконецъ... наконецъ, я вовлеченъ былъ, такъ сказать, черезъ то въ издержки...

Эта послѣдняя претензія до того была въ характерѣ Петра Петровича, что Раскольниковъ, бѣдѣвшій отъ гнѣва и отъ усилій сдержать его, вдругъ не выдержалъ и расхохотался. Но Пульхерія Александровна вышла изъ себя:

— Въ издержки? Въ какія-же это издержки? Ужь не про сундукъ-ли нашъ вы говорите? Да вѣдь вамъ его кондукторъ за-даромъ перевезъ. Господи, мы-же васъ и связали! Да вы опомнитесь, Петръ Петровичъ, это вы насъ по рукамъ и по ногамъ связали, а не мы васъ!

— Довольно, маменька, пожалуйста, довольно! упрашивала Авдотья Романовна. —Петръ Петровичъ, сдѣлайте милость, уйдите!

— Уйду-съ, но одно только послѣднее слово! проговорилъ онъ, уже почти совсѣмъ не владѣя собою: —ваша маманя, кажется, совершенно забыла, что я рѣшился васъ взять такъ сказать послѣ городской молвы, разнесшейся по всему околотку на счетъ репутаціи вашей. Пренебрегая для васъ общественнымъ мнѣніемъ и возстановляя репутацію вашу, ужь конечно, могъ-бы я, весьма и весьма, понадѣяться на возмездіе и даже потребовать благодарности вашей... И только теперь открылись глаза мои! Вижу самъ, что, можетъ быть, весьма и весьма поступилъ опрометчиво, пренебрегая общественнымъ голосомъ...

- Да онъ о двухъ головахъ что-ли! крикнулъ Разумихинъ, вскакивая со стула и уже готовясь расправиться.

— Низкій вы и злой человѣкъ! сказала Дуня.

— Ни слова! Ни жеста! вскрикнулъ Раскольниковъ, удерживая Разумихина: затѣмъ, подойдя чуть не въ упоръ къ Дуняшу:

– Извольте выйти вонъ! сказалъ онъ тихо и раздѣльно: – и ни слова болѣе, иначе...

Петръ Петровичъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него съ блѣднымъ и искривленнымъ отъ злости лицомъ, затѣмъ повернулся, вышелъ, и ужь конечно, рѣдко кто нибудь уносилъ на кого въ своемъ сердцѣ столько злобной ненависти, какъ этотъ человѣкъ на Раскольникова. Его и его одного онъ обвинялъ во всемъ. Замѣчательно, что уже спускаясь съ лѣстницы, онъ все еще воображалъ, что дѣло еще, можетъ быть, совсѣмъ не потеряно и, что̀ касается однѣхъ дамъ, даже «весьма и весьма» поправимое.

III.

Главное дѣло было въ томъ, что онъ, до самой послѣдней минуты, никакъ не ожидалъ подобной развязки. Онъ куражился до послѣдней черты, не предполагая даже возможности, что двѣ нищія и беззащитныя женщины могутъ выйти изъ подъ его власти. Убѣжденію этому много помогли тщеславіе и та сте-

ленъ самоувѣренности, которую лучше всего назвать самовлюбленностію. Петръ Петровичъ, пробившись изъ ничтожества, болѣзненно привыкъ любоваться собою, высоко цѣнилъ свои умъ и способности и даже иногда, наединѣ, любовался своимъ лицомъ въ зеркалѣ. Но болѣе всего на свѣтѣ любилъ и цѣнилъ онъ, добытыя трудомъ и всякими средствами, свои деньги: онѣ равняли его со всѣмъ, что было выше его.

Напомнивъ теперь съ горечью Дунѣ о томъ, что онъ рѣшился взять ее, не смотря на худую о ней молву, Петръ Петровичъ говорилъ вполнѣ искренно и даже чувствовалъ глубокое негодованіе противъ такой «черной неблагодарности». А между тѣмъ, сватаясь тогда за Дуню, онъ совершенно уже былъ убѣжденъ въ нелѣпости всѣхъ этихъ сплетенъ, опровергнутыхъ всенародно самой Марфой Петровной, и давно уже оставленныхъ всѣмъ городишкомъ, горячо оправдывавшимъ Дуню. Да онъ и самъ не отрекся-бы теперь отъ того, что все это уже зналъ и тогда. И тѣмъ не менѣе, онъ все-таки высоко цѣнилъ свою рѣшимость возвысить Дуню до себя и считалъ это подвигомъ. Выговаривая объ этомъ сейчасъ Дунѣ, онъ выговаривалъ свою тайную, возлелѣянную имъ мысль, на которую онъ уже не разъ любовался, и понять не могъ какъ другіе могли не любоваться на его подвигъ. Явившись тогда съ визитомъ къ Раскольникову, онъ вошелъ съ чувствомъ благодѣтеля, готовящагося пожать плоды и выслушать весьма сладкіе комплименты. И ужь конечно, теперь, сходя съ лѣстницы, онъ считалъ себя въ высочайшей степени обиженнымъ и непризнаннымъ.

Дуня-же была ему просто необходима; отказаться отъ нея для него было немыслимо. Давно уже, уже нѣсколько лѣтъ, со сладостію мечталъ онъ о женитьбѣ, но все приканчивалъ денегъ и ждалъ. Онъ съ упоеніемъ помышлялъ, въ глубочайшемъ секретѣ, о тѣмъ благонравной и бѣдной (непремѣнно бѣдной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастій, и вполнѣ передъ нимъ приниженной, такой, которая-бы всю жизнь считала его -спасеніемъ своимъ, благоговѣла передъ нимъ, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному. Сколько сценъ, сколько сладостныхъ эпизодовъ создалъ онъ, въ воображеніи, на эту соблазнительную и игривую тему, отдыхая въ тиши отъ дѣлъ! И вотъ, мечта стольких лѣтъ почти уже осуществлялась: красота и образованіе Авдотьи Романовны поразили его: безпомощное положеніе ея развратило его до крайности. Тутъ являлось даже нѣсколько болѣе того, о чемъ онъ мечталъ: явилась дѣвушка гордая, характерная, добродѣтельная, воспитаніемъ и развитіемъ выше его (онъ чувствовалъ это), и такое-то

существо будетъ рабски благодарно ему всю жизнь за его подвигъ и благоговѣйно уничтожится передъ нимъ, а онъ-то будетъ безгранично и всецѣло владычествовать!.. Какъ нарочно, незадолго передъ тѣмъ, послѣ долгихъ соображеній и ожиданій, онъ рѣшилъ наконецъ окончательно перемѣнить карьеру и вступить въ болѣе обширный кругъ дѣятельности, а съ тѣмъ вмѣстѣ, мало по малу, перейти и въ болѣе высшее общество, о которомъ онъ давно уже съ сладострастіемъ подумывалъ... Однимъ словомъ, онъ рѣшился попробовать Петербурга. Онъ зналъ, что женщинами можно весьма и весьма много выиграть. Обаяніе прелестной, добродѣтельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь къ нему, создать ореолъ... и вотъ, все рушилось! Этотъ теперешній внезапный, безобразный разрывъ, подѣйствовалъ на него какъ ударъ грома. Это была какая-то безобразная шутка, нелѣпость! Онъ только капельку покуражился; онъ даже не успѣлъ и высказаться! Онъ просто пошутилъ, увлекся, а кончилось такъ серіозно! Наконецъ, вѣдь онъ уже даже любилъ по своему Дуню, онъ уже владычествовалъ надъ нею въ мечтахъ своихъ — и вдругъ!.. Нѣтъ! Завтра-же, завтра-же все это надо возстановить, залечить, исправить, а главное — уничтожить этого заносчиваго молокососа мальчишку, который былъ всему причиной. Съ болѣзненнымъ ощущеніемъ припомнился ему, тоже какъ-то невольно, Разумихинъ... но, впрочемъ, онъ скоро съ этой стороны успокоился: «Еще-бы и этого-то поставить съ нимъ рядомъ!» Но кого онъ въ самомъ дѣлѣ серіозно боялся,—такъ это Свидригайлова... Однимъ словомъ, предстояло много хлопотъ.

. . . . . .

— Нѣтъ я, я болѣе всѣхъ виновата! говорила Дунечка, обнимая и цалуя мать:—я польстилась на его деньги, но, клянусь, брать,— я и не воображала, чтобъ это былъ такой недостойный человѣкъ. Еслибъ я разглядѣла его раньше, я-бы ни на что не польстилась! Не вини меня, братъ!

— Богъ избавилъ! Богъ избавилъ! бормотала Пульхерія Александровна, но какъ-то безсознательно, какъ будто еще не совсѣмъ взявъ въ толкъ все что случилось.

Всѣ радовались, черезъ пять минутъ даже смѣялись. Иногда только Дунечка вздрагивала и сдвигала брови, припоминая случившееся. Пульхерія Александровна и воображать не могла, что она тоже будетъ рада: разрывъ съ Лужинымъ представлялся ей еще утромъ страшною бѣдой. Но Разумихинъ былъ въ восторгѣ. Онъ не смѣлъ еще вполнѣ его выразить, но весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, какъ будто пятипудовая гиря свалилась съ его сердца. Теперь онъ имѣетъ

право отдать имъ всю свою жизнь, служить имъ... Да мало ли что теперь! А впрочемъ, онъ еще пугливѣе гналъ дальнѣйшія мысли и боялся своего воображенія. Одинъ только Раскольниковъ сидѣлъ все на томъ-же мѣстѣ, почти угрюмый и даже разсѣянный. Онъ, всего больше настаивавшій на удаленіи Лужина, какъ будто всѣхъ меньше интересовался теперь случившимся. Дуня невольно подумала, что онъ все еще очень на нее сердится, а Пульхерія Александровна приглядывалась къ нему боязливо.

— Что-же сказалъ тебѣ Свидригайловъ? подошла къ нему Дуня.

— Ахъ да, да! вскричала Пульхерія Александровна.

Раскольниковъ поднялъ голову:

— Онъ хочетъ непремѣнно подарить тебѣ десять тысячъ рублей и при этомъ заявляетъ желаніе тебя однажды видѣть въ моемъ присутствіи.

— Видѣть! Ни за что на свѣтѣ! вскричала Пульхерія Александровна:—и какъ онъ смѣетъ ей деньги предлагать!

Затѣмъ Раскольниковъ передалъ (довольно сухо) разговоръ свой съ Свидригайловымъ, пропустивъ о призракахъ Марфы Петровны, чтобы не вдаваться въ излишнюю матерію и чувствуя отвращеніе заводить какой-бы то ни было разговоръ, кромѣ самого необходимаго.

— Что-же ты ему отвѣчалъ? спросила Дуня.

— Сперва сказалъ, что не передамъ тебѣ ничего. Тогда онъ объявилъ, что будетъ самъ, всѣми средствами, доискиваться свиданія. Онъ увѣрялъ, что страсть его къ тебѣ была блажью и что онъ теперь ничего къ тебѣ не чувствуетъ... Онъ не хочетъ чтобы ты вышла за Лужина... Вообще-же говорилъ сбивчиво.

— Какъ ты самъ его объясняешь себѣ, Родя? Какъ онъ тебѣ показался?

— Признаюсь, ничего хорошо не понимаю. Предлагаетъ десять тысячъ, а самъ говорилъ что не богатъ. Объявляетъ, что хочетъ куда-то уѣхать и черезъ десять минутъ забываетъ, что объ этомъ говорилъ. Вдругъ тоже говоритъ, что хочетъ жениться и что ему ужь невѣсту сватаютъ... Конечно, у него есть цѣли, и всего вѣроятнѣе—дурныя. Но опять какъ-то странно предполагать, чтобъ онъ такъ глупо приступилъ къ дѣлу, еслибъ имѣлъ на тебя дурныя намѣренія... Я, разумѣется, отказалъ ему, за тебя, въ этихъ деньгахъ, разъ навсегда. Вообще онъ мнѣ очень страннымъ показался, и... даже... съ признаками какъ будто помѣшательства. Но я могъ и ошибиться; тутъ просто, можетъ быть, надуваніе своего рода. Смерть Марфы Петровны, кажется, производитъ на него впечатлѣніе ..

— Упокой Господи ея душу! воскликнула Пульхерія Александровна:—вѣчно, вѣчно за нее Бога буду молить! Ну что-бы съ нами было теперь, Дуня, безъ этихъ трехъ тысячъ! Господи, точно съ неба упали! Ахъ, Родя, вѣдь у насъ утромъ всего три цѣлковыхъ за душой оставалось, и мы, съ Дуничкой, только и разсчитывали какъ-бы часы гдѣ нибудь поскорѣй заложить, чтобы не брать только у этого, пока самъ не догадается.

Дуню какъ-то ужь слишкомъ поразило предложеніе Свидригайлова. Она все стояла задумавшись.

Онъ что нибудь ужасное задумалъ! проговорила она почти шепотомъ про себя, чуть не содрагаясь.

Раскольниковъ примѣтилъ этотъ чрезмѣрный страхъ.

— Кажется, придется мнѣ не разъ еще его увидать, сказалъ онъ Дунѣ.

— Будемъ слѣдить! Я его выслѣжу! энергически крикнулъ Разумихинъ.—Глазъ не спущу! Мнѣ Родя позволилъ. Онъ мнѣ самъ сказалъ давеча: «береги сестру». А вы позволите, Авдотья Романовна?

Дуня улыбнулась и протянула ему руку, но забота не сходила съ ея лица. Пульхерія Александровна робко на нее поглядывала: впрочемъ, три тысячи ее видимо успокоивали.

Черезъ четверть часа всѣ были въ самомъ оживленномъ разговорѣ. Даже Раскольниковъ, хоть и не разговаривалъ, но нѣкоторое время внимательно слушалъ. Ораторствовалъ Разумихинъ.

— И зачѣмъ, зачѣмъ вамъ уѣзжать! съ упоеніемъ разливался онъ восторженною рѣчью: -и что вы будете дѣлать въ городишкѣ? А главное, вы здѣсь всѣ вмѣстѣ и одинъ другому нужны,—ужь какъ нужны, поймите меня! Ну, хоть нѣкоторое время... Меня-же возьмите въ друзья, въ компаньоны, и ужь увѣряю, что затѣмъ отличное предпріятіе. Слушайте, я вамъ въ подробности это все растолкую,—весь проэктъ! У меня еще утромъ, когда ничего еще не случилось, въ головѣ ужь мелькало... Вотъ въ чемъ дѣло: есть у меня дядя (я васъ познакомлю; прескладной и преточтенный старичонка!) а у этого дяди есть тысяча рублей капиталу, а самъ живетъ пенсіономъ и не нуждается. Второй годъ какъ онъ пристаетъ ко мнѣ, чтобъ я взялъ у него эту тысячу, а ему-бы по шести процентовъ платить. Я нитуку вижу: ему просто хочется мнѣ помочь: по прошлаго года мнѣ было не надо, а нынѣшній годъ я только пріѣзда его поджидалъ и рѣшился взять. Затѣмъ вы дадите другую тысячу, изъ вашихъ трехъ, и вотъ и довольно на первый случай, вотъ мы и соединимся. Что-жь мы будемъ дѣлать?

Тутъ Разумихинъ принялся развивать свой проэктъ и много толковалъ о томъ, какъ почти всѣ наши книгопродавцы и издатели мало знаютъ толку въ своемъ товарѣ, а потому обыкновенно и плохіе издатели, между тѣмъ какъ порядочныя изданія вообще окупаются и даютъ процентъ, иногда значительный. Объ издательской-то дѣятельности и мечталъ Разумихинъ, уже два года работавшій на другихъ и не дурно знавшій три европейскіе языка, не смотря на то, что дней шесть назадъ сказалъ было Раскольникову, что въ нѣмецкомъ «силахъ», съ цѣлью уговорить его взять на себя половину переводной работы и три рубля задатку: и онъ тогда совралъ, и Раскольниковъ зналъ, что онъ вретъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ-же намъ свое упускать, когда у насъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ очутилось — собственныя деньги? горячился Разумихинъ. — Конечно, нужно много труда. Но мы будемъ трудиться, вы Авдотья Романовна, я, Родіонъ... иныя изданія даютъ теперь славный процентъ! А главная основа предпріятія въ томъ, что будемъ знать, что именно надо переводить. Будемъ и переводить, и издавать, и учиться, все вмѣстѣ. Теперь я могу быть полезенъ, потому что опытъ имѣю. Вотъ уже два года сюро по издателямъ шныряю, и всю ихъ подноготную знаю: не святые горшки лѣпятъ, повѣрьте! И зачѣмъ, зачѣмъ мимо рта кусокъ проносить! Да я самъ знаю, и въ тайнѣ храню, сочиненія два-три такихъ, что за одну только мысль перевесть и издать ихъ, можно рублей по сту взять за каждую книгу, а за одну изъ нихъ я и пятисотъ рублей за мысль не возьму. И что вы думаете, сообщи я кому, пожалуй, еще усумнится, такое дубье! А ужь на счетъ собственно хлопотъ по дѣламъ, типографіи, бумаги, продажи, это вы мнѣ поручите! Всѣ закоулки знаю! Помаленьку начнемъ, до большаго дойдемъ, по крайней мѣрѣ, прокормиться чѣмъ будетъ, и ужь во всякомъ случаѣ свое вернемъ.

У Дуни глаза блестѣли.

— То, что вы говорите, мнѣ очень нравится, Дмитрій Прокофьичъ, сказала она.

— Я тутъ, конечно, ничего не знаю, отозвалась Пульхерія Александровна,—можетъ, оно и хорошо, да опять вѣдь и Богъ знаетъ. Ново какъ-то, неизвѣстно. Конечно, намъ остаться здѣсь необходимо, хоть на нѣкоторое время...

Она посмотрѣла на Родю.

— Какъ ты думаешь, братъ? сказала Дуня.

— Я думаю, что у него очень хорошая мысль, отвѣтилъ онъ. — О фирмѣ, разумѣется, мечтать заранѣе не надо, но пять-шесть книгъ дѣйствительно можно издать съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Я и самъ

знаю одно сочиненіе, которое непремѣнно пойдетъ. А что касается до того, что онъ съумѣетъ повести дѣло, такъ въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія: дѣло смыслитъ... Впрочемъ, будетъ еще время вамъ сговориться...

— Ура! закричалъ Разумихинъ: — теперь стойте, здѣсь есть одна квартира, въ этомъ-же домѣ, отъ тѣхъ-же хозяевъ. Она особая, отдѣльная, съ этими нумерами не сообщается, и меблированная, цѣна умѣренная, три горенки. Вотъ на первый разъ и займите. Часы я вамъ завтра заложу и принесу деньги, а тамъ все уладится. А главное, можете всѣ трое вмѣстѣ жить, и Родя съ вами... Да куда-жь ты, Родя?

— Какъ, Родя, ты ужь уходишь? даже съ испугомъ спросила Пульхерія Александровна.

— Въ такую-то минуту! крикнулъ Разумихинъ.

Дуня смотрѣла на брата съ недовѣрчивымъ удивленіемъ. Въ рукахъ его была фуражка; онъ готовился выйти.

— Чтой-то вы точно погребаете меня, али на вѣки прощаетесь, какъ-то странно проговорилъ онъ.

Онъ какъ будто улыбнулся, но какъ будто это была и не улыбка.

— А вѣдь кто знаетъ, можетъ, и послѣдній разъ видимся, прибавилъ онъ нечаянно.

Онъ было подумалъ это про себя, но какъ-то само проговорилось вслухъ.

— Да что̀ съ тобой! вскрикнула мать.

— Куда идешь ты, Родя? какъ-то странно спросила Дуня.

— Такъ, мнѣ очень надо, отвѣтилъ онъ смутно, какъ-бы колеблясь въ томъ что̀ хотѣлъ сказать. Но въ блѣдномъ лицѣ его была какая-то рѣзкая рѣшимость.

— Я хотѣлъ сказать... идя сюда... я хотѣлъ сказать вамъ, маменька... и тебѣ, Дуня, что намъ лучше-бы на нѣкоторое время разойтись. Я себя не хорошо чувствую, я не спокоенъ... я послѣ приду, самъ приду, когда... можно будетъ. Я васъ помню и люблю... Оставьте меня! Оставьте меня одного! Я такъ рѣшилъ, еще прежде... Я это навѣрно рѣшилъ... Что̀-бы со мною ни было, погибну я или нѣтъ, я хочу быть одинъ. Забудьте меня совсѣмъ. Это лучше... Не справляйтесь обо мнѣ. Когда надо, я самъ приду или... васъ позову. Можетъ быть, все воскреснетъ!.. А теперь, когда любите меня, откажитесь... Иначе, я васъ возненавижу, я чувствую... Прощайте!

— Господи! вскрикнула Пульхерія Александровна.

И мать, и сестра были въ страшномъ испугѣ; Разумихинъ тоже.

— Родя, Родя! Помирись съ нами, будемъ по прежнему! воскликнула бѣдная мать.

Онъ медленно повернулся къ дверямъ и медленно пошелъ изъ комнаты. Дуня догнала его.

— Братъ! Что ты съ матерью дѣлаешь! прошептала она со взглядомъ горѣвшимъ отъ негодованія.

Онъ тяжело посмотрѣлъ на нее.

Ничего, я приду, я буду ходить! пробормоталъ онъ вполголоса, точно не вполнѣ сознавая о чемъ хочетъ сказать, и вышелъ изъ комнаты.

— Безчувственный, злобный эгоистъ! вскрикнула Дуня.

— Онъ су-ма-сшедшій, а не безчувственный! Онъ помѣшанный! Неужели вы этого не видите? Вы безчувственная послѣ этого!.. горячо прошепталъ Разумихинъ надъ самымъ ея ухомъ, крѣпко стиснувъ ей руку.

— Я сейчасъ приду! крикнулъ онъ, обращаясь къ помертвѣвшей Пульхеріи Александровнѣ, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Раскольниковъ поджидалъ его въ концѣ коридора.

— Я такъ и зналъ, что ты выбѣжишь, сказалъ онъ. Воротись къ нимъ и будь съ ними... Будь и завтра у нихъ... и всегда. Я... можетъ, приду... если можно. Прощай!

И не протягивая руки, онъ пошелъ отъ него.

— Да куда ты? Что ты? Да что съ тобой? Да развѣ можно такъ!.. бормоталъ совсѣмъ потерявшійся Разумихинъ.

Раскольниковъ остановился еще разъ.

— Разъ навсегда: никогда ни о чемъ меня не спрашивай. Нечего мнѣ тебѣ отвѣчать... Не приходи ко мнѣ. Можетъ, я и приду сюда... Оставь меня, а ихъ... *не оставь*. Понимаешь меня?

Въ коридорѣ было темно; они стояли возлѣ лампы. Съ минуту они смотрѣли другъ на друга, молча. Разумихинъ всю жизнь помнилъ эту минуту. Горѣвшій и пристальный взглядъ Раскольникова какъ будто усиливался съ каждымъ мгновеніемъ, проницалъ въ его душу, въ сознаніе. Вдругъ Разумихинъ вздрогнулъ. Что-то странное какъ будто прошло между ними... Какая-то идея проскользнула, какъ будто намекъ: что-то ужасное, безобразное и вдругъ понятое съ обѣихъ сторонъ... Разумихинъ побѣлѣлъ какъ мертвецъ.

— Понимаешь теперь? сказалъ вдругъ Раскольниковъ съ болѣзненно искривившимся лицомъ... — Воротись, ступай къ нимъ, прибавилъ онъ вдругъ, и быстро повернувшись, пошелъ изъ дому...

Не стану теперь описывать что было въ тотъ вечеръ у Пульхеріи Александровны, какъ воротился къ нимъ Разумихинъ, какъ ихъ успокоивалъ, какъ клялся, что надо дать отдохнуть Родѣ въ

болѣзни. клялся, что Родя придетъ непремѣнно, будетъ ходить каждый день, что онъ очень, очень разстроенъ, что не надо раздражать его: какъ онъ, Разумихинъ, будетъ слѣдить за нимъ, достанетъ ему доктора хорошаго, лучшаго, цѣлый консиліумъ... Однимъ словомъ, съ этого вечера Разумихинъ сталъ у нихъ сыномъ и братомъ.

IV.

Раскольниковъ пошелъ прямо къ дому на канавѣ, гдѣ жила Соня. Домъ былъ трехъэтажный, старый и зеленаго цвѣта. Онъ доискался дворника и получилъ отъ него неопредѣленныя указанія гдѣ живетъ Капернаумовъ портной. Отыскавъ въ углу на дворѣ входъ на узкую и темную лѣстницу, онъ поднялся, наконецъ, во второй этажъ и вышелъ на галлерею обходившую его со стороны двора. Покамѣстъ онъ бродилъ въ темнотѣ и въ недоумѣніи гдѣ-бы могъ быть входъ къ Капернаумова, вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ него, отворилась какая-то дверь; онъ схватился за нее машинально.

— Кто тутъ? тревожно спросилъ женскій голосъ.

— Это я... къ вамъ, отвѣтилъ Раскольниковъ, и вошелъ въ крошечную переднюю. Тутъ, на продавленномъ стулѣ, въ искривленномъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, стояла свѣча.

— Это вы! Господи! слабо вскрикнула Соня, и стала какъ вкопаная.

— Куда къ вамъ? Сюда?

И Раскольниковъ, стараясь не глядѣть на нее, поскорѣй прошелъ въ комнату.

Черезъ минуту вошла со свѣчой и Соня, поставила свѣчку и стала сама передъ нимъ, совсѣмъ растерявшаяся, вся въ невыразимомъ волненіи и видимо испуганная его неожиданнымъ посѣщеніемъ. Вдругъ краска бросилась въ ея блѣдное лицо, и даже слезы выступили на глазахъ... Ей было и тошно, и стыдно, и сладко... Раскольниковъ быстро отвернулся и сѣлъ на стулъ къ столу. Мелькомъ успѣлъ онъ охватить взглядомъ комнату.

Это была большая комната, но чрезвычайно низкая, единственная отдававшаяся отъ Капернаумовыхъ, запертая дверь къ которымъ находилась въ стѣнѣ слѣва. На противоположной сторонѣ, въ стѣнѣ справа, была еще другая дверь, всегда запертая наглухо. Тамъ уже была другая, совсѣмъ своя квартира, подъ другимъ нумеромъ. Сонина комната походила какъ будто на сарай, имѣла видъ

весьма неправильнаго четыреугольника, и это придавало ей что-то уродливое. Стѣна съ тремя окнами, выходившая на канаву, пересѣкала комнату какъ-то вкось, отчего одинъ уголъ, ужасно острый, убѣгалъ куда-то въ глубь, такъ что его, при слабомъ освѣщеніи, даже и разглядѣть нельзя было хорошенько: другой-же уголъ былъ уже слишкомъ безобразно тупой. Во всей этой большой комнатѣ почти совсѣмъ не было мебели. Въ углу, направо, находилась кровать: подлѣ нея, ближе къ двери, стулъ. Но той-же стѣнѣ, гдѣ была кровать, у самыхъ дверей въ чужую квартиру, стоялъ простой тесовый столъ, покрытый синенькою скатертью: около стола два плетеныхъ стула. Затѣмъ, у противоположной стѣны, по близости отъ остраго угла, стоялъ небольшой простаго дерева комодъ, какъ-бы затерявшійся въ пустотѣ. Вотъ все что было въ комнатѣ. Желтоватые, обмызганные и истасканные обои почернѣли по всѣмъ угламъ; должно быть, здѣсь бывало сыро и угарно зимой. Бѣдность была видимая; даже у кровати не было занавѣсокъ.

Соня молча смотрѣла на своего гостя, такъ внимательно и безцеремонно осматривавшаго ея комнату, и даже начала, наконецъ, дрожать въ страхѣ, точно стояла передъ судьей и рѣшителемъ своей участи.

— Я поздно... Одиннадцать часовъ есть? спросилъ онъ, все еще не подымая на нее глазъ.

— Есть, пробормотала Соня.—Ахъ да, есть! заторопилась она вдругъ, какъ будто въ этомъ былъ для нея весь исходъ: —сейчасъ у хозяевъ часы пробили... и я сама слышала... Есть.

— Я къ вамъ въ послѣдній разъ пришелъ, угрюмо продолжалъ Раскольниковъ, хотя и теперь былъ только въ первый, я можетъ быть васъ не увижу больше...

— Вы... ѣдете?

— Не знаю... все завтра...

— Такъ вы не будете завтра у Екатерины Ивановны? дрогнулъ голосъ у Сони.

— Не знаю. Все завтра утромъ... Не въ томъ дѣло: я пришелъ одно слово сказать...

Онъ поднялъ на нее свой задумчивый взглядъ, и вдругъ замѣтилъ, что онъ сидитъ, а она все еще стоитъ передъ нимъ.

— Что-жъ вы стоите? Сядьте, проговорилъ онъ вдругъ перемѣнившимся, тихимъ и ласковымъ голосомъ.

Она сѣла. Онъ привѣтливо и почти съ состраданіемъ посмотрѣлъ на нее съ минуту.

— Какая вы худенькая! Вонъ какая у васъ рука! Совсѣмъ прозрачная. Пальцы какъ у мертвой.

Онъ взялъ ея руку. Соня слабо улыбнулась.

— Я и всегда такая была, сказала она.

— Когда и дома жили?

— Да.

— Ну, да ужь конечно! произнесъ онъ отрывисто, и выраженіе лица его, и звукъ голоса опять вдругъ перемѣнились. Онъ еще разъ оглядѣлся кругомъ.

— Это вы отъ Капернаумова нанимаете?

— Да-съ...

— Они тамъ, за дверью?

— Да... У нихъ тоже, такая-же комната.

— Всѣ въ одной?

— Въ одной-съ.

— Я-бы въ вашей комнатѣ по ночамъ боялся, угрюмо замѣтилъ онъ.

— Хозяева очень хорошіе, очень ласковые, отвѣчала Соня, все еще какъ-бы не оомнившись и не сообразившись, и вся мебель, и все... все хозяйское. И они очень добрые, и дѣти тоже ко мнѣ часто ходятъ...

— Это косноязычные-то?

— Да-съ... Онъ заикается и хромъ тоже. И жена тоже... Не то что заикается, а какъ будто не все выговариваетъ. Она добрая, очень. А онъ бывшій дворовый человѣкъ. А дѣтей семь человѣкъ .. и только старшій одинъ заикается, а другіе, просто, больные... а не заикаются... А вы откуда про нихъ знаете? прибавила она съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Мнѣ вашъ отецъ все тогда разсказалъ. Онъ мнѣ все про васъ разсказалъ... И про то, какъ вы въ шесть часовъ пошли, а въ девятомъ назадъ пришли, и про то, какъ Катерина Ивановна у вашей постели на колѣнахъ стояла.

Соня смутилась.

— Я его точно сегодня видѣла, прошептала она нерѣшительно.

— Кого?

— Отца. Я по улицѣ шла, тамъ подлѣ, на углу, въ десятомъ часу, а онъ будто впереди идетъ. И точно какъ будто онъ. Я хотѣла ужь зайти къ Катеринѣ Ивановнѣ...

— Вы гуляли?

— Да, отрывисто прошептала Соня, опять смутившись и потупившись.

— Катерина Ивановна вѣдь васъ чуть не била, у отца-то?

— Ахъ нѣтъ, что̀ вы, что̀ вы это, нѣтъ! Съ какимъ-то даже испугомъ посмотрѣла на него Соня.

— Такъ вы ее любите?

— Ее? Да ка-а-акже! протянула Соня жалобно, и съ страданіемъ сложивъ вдругъ руки. — Ахъ! вы ее... Еслибъ вы только знали. Вѣдь она совсѣмъ какъ ребенокъ... Вѣдь у ней умъ совсѣмъ какъ помѣшанъ... отъ горя. А какая она умная была... какая великодушная... какая добрая! Вы ничего, ничего не знаете... ахъ!

Соня проговорила это точно въ отчаяніи, волнуясь и страдая, и ломая руки. Блѣдныя щеки ея опять вспыхнули, въ глазахъ выразилась мука. Видно было, что въ ней ужасно много затронули, что ей ужасно хотѣлось что-то выразить, сказать, заступиться. Какое-то *ненасытимое* состраданіе, если можно такъ выразиться, изобразилось вдругъ во всѣхъ чертахъ лица ея.

— Била! Да что̀ вы это! Господи, била! А хоть-бы и била, такъ чтожь! Ну такъ чтожь? Вы ничего, ничего не знаете... Это такая несчастная, ахъ, какая несчастная! И больная... Она справедливости ищетъ... Она чистая. Она такъ вѣритъ, что во всемъ справедливость должна быть, и требуетъ... И хоть мучайте ее, а она несправедливаго не сдѣлаетъ. Она сама не замѣчаетъ какъ это все нельзя чтобы справедливо было въ людяхъ, и раздражается... Какъ ребенокъ, какъ ребенокъ! Она справедливая, справедливая!

— А съ вами что̀ будетъ?

Соня посмотрѣла вопросительно.

— Они вѣдь на васъ остались. Оно, правда, и прежде все было на васъ, и покойникъ на похмѣлье къ вамъ-же ходилъ просить. Ну, а теперь вотъ что̀ будетъ?

— Не знаю, грустно произнесла Соня.

— Они тамъ останутся?

— Не знаю, они на той квартирѣ должны; только хозяйка, слышно, говорила сегодня, что отказать хочетъ, а Катерина Ивановна говоритъ, что и сама ни минуты не останется.

— Съ чего-жь это она такъ храбрится? На васъ надѣется?

— Ахъ, нѣтъ, не говорите такъ!.. Мы одно, заодно живемъ, вдругъ опять взволновалась и даже раздражилась Соня, точь въ точь какъ если-бы разсердилась канарейка или какая другая маленькая птичка. — Да и какъ-же ей быть? Ну какъ-же, какъ-же быть? спрашивала она, горячась и волнуясь. — А сколько, сколько она сегодня плакала! У ней умъ мѣшается, вы этого не замѣтили? Мѣшается; то тревожится какъ маленькая о томъ, чтобы завтра все прилично было, закуски были и все... то руки ломаетъ, кровью харкаетъ, плачетъ, вдругъ стучать начнетъ головой объ стѣну, какъ въ отчаяніи. А потомъ опять утѣшится, на васъ она все надѣется: говоритъ, что вы теперь ей помощникъ и что она гдѣ нибудь немного денегъ зай-

метъ и поѣдетъ въ свой городъ, со мною, и наспіонъ для благородныхъ дѣвицъ заведетъ, а меня возьметъ надзирательницей, и начнется у насъ совсѣмъ новая, прекрасная жизнь, и цалуетъ меня, обнимаетъ, утѣшаетъ, и вѣдь такъ вѣритъ! такъ вѣритъ фантазіямъ-то! Ну развѣ можно ей противорѣчить? А сама-то весь-то день сегодня моетъ, чиститъ, чинитъ, корыто сама, съ своею слабенькою-то силой, въ комнату втащила, запыхалась, такъ и упала на постель; а то мы въ ряды еще съ ней утромъ ходили, башмачки Полечкѣ и Ленѣ купить, потому у нихъ всѣ развалились, только у насъ денегъ-то и не достало по расчету, очень много не достало, а она такія маленькія ботиночки выбрала, потому у ней вкусъ есть, вы не знаете... Тутъ-же въ лавкѣ такъ и заплакала, при купцахъ-то, что не достало... Ахъ, какъ было жалко смотрѣть.

— Ну и понятно послѣ того, что вы... такъ живете, сказалъ съ горькою усмѣшкой Раскольниковъ.

— А вамъ развѣ не жалко? Не жалко? вскинулась опять Соня:— вѣдь вы, я знаю, вы послѣднее сами отдали, еще ничего не видя. А если-бы вы все-то видѣли, о, Господи! А сколько, сколько разъ я ее въ слезы вводила! Да на прошлой еще недѣлѣ! Охъ, я! Всего за недѣлю до его смерти. Я жестоко поступила! И сколько, сколько разъ я это дѣлала. Ахъ, какъ теперь, цѣлый день вспоминать было больно!

Соня даже руки ломала говоря, отъ боли воспоминанія.

— Это вы-то жестокая?

— Да я, я! Я прошла тогда, продолжала она плача,—а покойникъ и говоритъ: прочти мнѣ говоритъ Соня, у меня голова что-то болитъ, прочти мнѣ... вотъ книжка, какая-то книжка у него, у Андрея Семеныча достали, у Лебезятникова, тутъ живетъ, онъ такія смѣшныя книжки все доставалъ. А я говорю: мнѣ идти пора, такъ и не хотѣла прочесть, а запала я къ нимъ, главное, чтобъ воротнички показать Катеринѣ Ивановнѣ: мнѣ Лизавета, торговка, воротнички и нарукавнички дешево принесла, хорошенькіе, новенькіе и съ узоромъ. А Катеринѣ Ивановнѣ очень понравились, она надѣла и въ зеркало посмотрѣла на себя, и очень, очень ей понравились: подари мнѣ, говоритъ, ихъ, Соня, пожалуйста. *Пожалуйста* попросила, и ужь такъ ей хотѣлось. А куда ей надѣвать? Такъ: прежнее, счастливое время только вспомнилось! Смотрится на себя въ зеркало, любуется, и никакихъ-то, никакихъ-то у ней платьевъ нѣтъ, никакихъ-то вещей, вотъ ужь сколько лѣтъ! И ничего-то она никогда ни у кого не попроситъ: гордая, сама скорѣй отдастъ послѣднее, а тутъ вотъ попросила,—такъ ужь ей понравились! А я и отдать пожалѣла, на что вамъ говорю, Катерина Ивановна? Такъ и ска-

зала, на что. Ужь этого-то не надо было-бы ей говорить! Она такъ на меня посмотрѣла, и такъ ей тяжело-тяжело стало, что я отказала, и такъ это было жалко смотрѣть... И не за воротнички тяжело, а за то что я отказала, я видѣла. Ахъ, такъ-бы какается, теперь все воротила, все передѣлала, всѣ эти прежнія слова... Охъ, я... да что!.. вамъ вѣдь все равно!

— Эту Лизавету торговку вы знали?

— Да... А вы развѣ знали? съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросила Соня.

— Катерина Ивановна въ чахоткѣ, въ злой: она скоро умретъ, сказалъ Раскольниковъ, помолчавъ и не отвѣтивъ на вопросъ.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И Соня, безсознательнымъ жестомъ схватила его за обѣ руки, какъ-бы упрашивая чтобы нѣтъ.

— Да вѣдь это-жь лучше, коль умретъ.

— Нѣтъ, не лучше, не лучше, совсѣмъ не лучше! испуганно и безотчетно повторяла она.

— А дѣти-то? Куда-жь вы тогда возьмете ихъ, коль не къ вамъ?

— Охъ, ужь не знаю! вскрикнула Соня почти въ отчаяніи и схватилась за голову. Видно было, что эта мысль ужь много-много разъ въ ней самой мелькала, и онъ только вспугнулъ опять эту мысль.

— Ну, а коль вы, еще при Катеринѣ Ивановнѣ, теперь, заболѣете и васъ въ больницу свезутъ, ну что тогда будетъ? безжалостно настаивалъ онъ.

— Ахъ, что вы, что вы! Этого-то ужь не можетъ быть! и лицо Сони искривилось страшнымъ испугомъ.

— Какъ не можетъ быть? продолжалъ Раскольниковъ съ жестокой усмѣшкой: — не застрахованы-же вы? Тогда что съ ними статется? На улицу всею гурьбой пойдутъ, она будетъ кашлять и просить, и объ стѣну гдѣ нибудь головой стучать, какъ сегодня, а дѣти плакать... А гамъ упадетъ, въ часть свезутъ, въ больницу, умретъ, а дѣти...

— Охъ, нѣтъ!.. Богъ этого не допуститъ! вырвалось наконецъ изъ стѣсненной груди у Сони. Она слушала съ мольбой, смотря на него и складывая въ нѣмой просьбѣ руки, точно отъ него все и зависѣло.

Раскольниковъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Прошло съ минуту. Соня стояла, опустивъ руки и голову, въ страшной тоскѣ.

— А копить нельзя? На черный день откладывать? спросилъ онъ, вдругъ останавливаясь передъ ней.

— Нѣтъ, прошептала Соня.

— Разумѣется нѣтъ! А пробовали? прибавилъ онъ чуть не съ насмѣшкой.

— Пробовала.

— И сорвалось! Ну, да разумѣется! Что и спрашивать!

И опять онъ пошелъ по комнатѣ. Еще прошло съ минуту.

— Не каждый день получаете-то?

Соня больше прежняго смутилась, и краска ударила ей опять въ лицо.

— Нѣтъ, прошептала она съ мучительнымъ усиліемъ.

Съ Полечкой навѣрно тоже самое будетъ, сказалъ онъ вдругъ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть, нѣтъ! какъ отчаянная, громко вскрикнула Соня, какъ будто ее вдругъ ножомъ ранили. Богъ, Богъ такого ужаса не допуститъ!..

— Другихъ допускаетъ-же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ее Богъ защититъ, Богъ!.. повторяла она, не помня себя.

— Да можетъ и Бога-то совсѣмъ нѣтъ, съ какимъ-то даже злорадствомъ отвѣтилъ Раскольниковъ, засмѣялся, и посмотрѣлъ на нее.

Лицо Сони вдругъ страшно измѣнилось: по немъ пробѣжали судороги. Съ невыразимымъ укоромъ взглянула она на него, хотѣла было что-то сказать, но ничего не могла выговорить, и только вдругъ горько-горько зарыдала, закрывъ руками лицо.

— Вы говорите, у Катерины Ивановны умъ мѣшается: у васъ самой умъ мѣшается, проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Прошло минутъ пять. Онъ все ходилъ взадъ и впередъ, молча и не взглядывая на нее. Наконецъ подошелъ къ ней: глаза его сверкали. Онъ взялъ ее обѣими руками за плечи и прямо посмотрѣлъ въ ея плачущее лицо. Взглядъ его былъ сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали... Вдругъ онъ весь быстро наклонился, и припавъ къ полу, поцаловалъ ея ногу. Соня въ ужасѣ отъ него отпрянула, какъ отъ сумасшедшаго. И дѣйствительно онъ смотрѣлъ какъ совсѣмъ сумасшедшій.

— Что вы, что вы это? Передо мной! пробормотала она побѣдивъ, и больно-больно сжало вдругъ ей сердце.

Онъ тотчасъ-же всталъ.

— Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился. Какъ-то дико произнесъ онъ и отошелъ къ окну. — Слушай, прибавилъ онъ, воротившись къ ней черезъ минуту,— я давеча сказалъ одному обидчику, что онъ не стоитъ одного твоего мизинца... и что я моей сестрѣ сдѣлалъ сегодня честь, посадивъ ее рядомъ съ тобою.

— Ахъ, что̀ вы это имъ сказали! И при ней? испуганно вскрикнула Соня:—сидѣть со мной! Честь! Да вѣдь я... безчестная... Ахъ, что̀ вы это сказали!

— Не за безчестіе и грѣхъ я сказалъ это про тебя, а за великое страданіе твое. А что ты великая грѣшница, то это такъ. прибавилъ онъ почти восторженно,—а пуще всего, тѣмъ ты грѣшница, что *напрасно* умертвила и предала себя. Еще-бы это не ужасъ! Еще-бы не ужасъ, что ты живешь въ этой грязи, которую такъ ненавидишь и въ тоже время знаешь сама (только стòитъ глаза раскрыть), что никому ты этимъ не помогаешь и никого ни отъ чего не спасешь! Да скажи-же мнѣ наконецъ, проговорилъ онъ, почти въ изступленіи, какъ этакой позоръ и такая низость въ тебѣ рядомъ съ другими противоположными и святыми чувствами совмѣщаются? Вѣдь справедливѣе, тысячу разъ справедливѣе и разумнѣе было-бы прямо головой въ воду и разомъ покончить!

— А съ ними-то что̀ будетъ? слабо спросила Соня, страдальчески взглянувъ на него, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы вовсе и не удивившись его предложенію. Раскольниковъ странно посмотрѣлъ на нее.

Онъ все прочелъ въ одномъ ея взглядѣ. Стало быть, дѣйствительно у ней самой была уже эта мысль. Можетъ быть, много разъ и серіозно обдумывала она въ отчаяніи какъ-бы разомъ покончить, и до того серіозно, что теперь почти и не удивилась предложенію его. Даже жестокости словъ его не замѣтила (смысла укоровъ его и особеннаго взгляда его на ея позоръ, она, конечно, тоже не замѣтила, и это было видимо для него). Но онъ понялъ вполнѣ до какой чудовищной боли истерзала ее, и уже давно, мысль о безчестномъ и позорномъ ея положеніи. Что-же, что-же-бы могло, думалъ онъ, но сихъ поръ останавливать рѣшимость ея покончить разомъ? И тутъ только понялъ онъ вполнѣ, что̀ значили для нея эти бѣдныя, маленькія дѣти-сироты, и эта жалкая, полусумасшедшая Катерина Ивановна, съ своею чахоткой и со стуканіемъ объ стѣну головою.

Но тѣмъ не менѣе, ему опять-таки было ясно, что Соня съ своимъ характеромъ и съ тѣмъ все-таки развитіемъ, которое она получила, ни въ какомъ случаѣ не могла такъ оставаться. Все-таки для него составляло вопросъ: почему она такъ слишкомъ уже долго могла оставаться въ такомъ положеніи и не сошла съ ума, если ужь не въ силахъ была броситься въ воду? Конечно, онъ понималъ, что положеніе Сони есть явленіе случайное въ обществѣ, хотя, къ несчастію, далеко не одиночное и не исключительное. Но

эта-то самая случайность, эта нѣкоторая развитость и вся предыдущая жизнь ея могли-бы, кажется, сразу убить ее при первомъ шагѣ на отвратительной дорогѣ этой. Что-же поддерживало ее? Не развратъ-же? Весь этотъ позоръ, очевидно, коснулся ея только механически; настоящій развратъ еще не проникъ ни одною каплей въ ея сердце: онъ это видѣлъ; она стояла передъ нимъ на яву...

Ей три дороги, думалъ онъ: броситься въ канаву, попасть въ сумасшедшій домъ, или... или, наконецъ, броситься въ развратъ одурманивающій умъ и окаменяющій сердце. Послѣдняя мысль была ему всего отвратительнѣе; но онъ былъ уже скептикъ, онъ былъ молодъ, отвлеченъ и, стало быть, жестокъ, а потому и не могъ не вѣрить, что послѣдній выходъ, то есть развратъ, былъ всего вѣроятнѣе.

«Но неужели-жъ это правда, воскликнулъ онъ про себя, неужели-жъ и это созданіе, еще сохранившее чистоту духа, сознательно втянется наконецъ въ эту мерзкую, смрадную яму! Неужели это втягиваніе уже началось, и неужели потому только она и могла вытерпѣть до сихъ поръ, что порокъ уже не кажется ей такъ отвратительнымъ? Нѣтъ, нѣтъ, быть того не можетъ! восклицалъ онъ, какъ давеча Соня;—нѣтъ, отъ канавы удерживала ее до сихъ поръ мысль о грѣхѣ, и *они, тѣ*... Если-же она до сихъ поръ еще не сошла съ ума... Но кто-же сказалъ, что она не сошла уже съ ума? Развѣ она въ здравомъ разсудкѣ? Развѣ такъ можно говорить какъ она? Развѣ въ здравомъ разсудкѣ такъ можно разсуждать какъ она? Развѣ такъ можно сидѣть надъ погибелью, прямо надъ смрадною ямой, въ которую уже ее втягиваетъ, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорятъ объ опасности? Что она, ужъ не чуда-ли ждетъ? И навѣрно такъ. Развѣ все это не признаки помѣшательства?»

Онъ съ упорствомъ остановился на этой мысли. Этотъ исходъ ему даже болѣе нравился чѣмъ всякій другой. Онъ началъ пристальнѣе всматриваться въ нее.

— Такъ ты очень молишься Богу-то, Соня? спросилъ онъ ее.

Соня молчала, онъ стоялъ подлѣ нея и ждалъ отвѣта.

— Что-жь-бы я безъ Бога-то была? быстро, энергически прошептала она, мелькомъ вскинувъ на него вдругъ засверкавшими глазами, и крѣпко стиснула рукой его руку.

«Ну, такъ и есть!» подумалъ онъ.

— А тебѣ Богъ что за это дѣлаетъ? спросилъ онъ, выпытывая дальше.

Соня долго молчала, какъ-бы не могла отвѣчать. Слабенькая грудь ея вся колыхалась отъ волненія.

— Молчите! Не спрашивайте! Вы не стѣсните!.. вскрикнула она вдругъ, строго и гнѣвно смотря на него.

«Такъ и есть! Такъ и есть!» повторялъ онъ настойчиво про себя.

— Все дѣлаетъ! быстро прошептала она, опять потупившись.

«Вотъ и исходъ! Вотъ и объясненіе исхода!» рѣшилъ онъ про себя, съ жадным любопытствомъ разсматривая ее.

Съ новымъ, страннымъ, почти болѣзненнымъ, чувствомъ всматривался онъ въ это блѣдное, худое и неправильное угловатое личико, въ эти кроткіе, голубые глаза, могущіе сверкать такимъ огнемъ, такимъ суровымъ энергическимъ чувствомъ, въ это маленькое тѣло, еще дрожавшее отъ негодованія и гнѣва, и все это казалось ему болѣе и болѣе страннымъ, почти невозможнымъ. «Юродивая! Юродивая!» твердилъ онъ про себя.

На комодѣ лежала какая-то книга. Онъ каждый разъ, проходя взадъ и впередъ, замѣчалъ ее; теперь-же взялъ и посмотрѣлъ. Это былъ Новый Завѣтъ въ русскомъ переводѣ. Книга была старая, подержанная, въ кожаномъ переплетѣ.

— Это откуда? крикнулъ онъ ей черезъ комнату. Она стояла все на томъ-же мѣстѣ, въ трехъ шагахъ отъ стола.

— Мнѣ принесли, отвѣтила она, будто нехотя и не взглядывая на него.

— Кто принесъ?

— Лизавета принесла, я просила.

«Лизавета! Странно!» подумалъ онъ. Все у Сони становилось для него какъ-то страннѣе и чудеснѣе, съ каждою минутой. Онъ перенесъ книгу къ свѣчѣ и сталъ перелистывать.

— Гдѣ тутъ про Лазаря? спросилъ онъ вдругъ.

Соня упорно глядѣла въ землю и не отвѣчала. Она стояла немного бокомъ къ столу.

— Про воскресеніе Лазаря гдѣ? Отыщи мнѣ, Соня.

Она искоса глянула на него.

— Не тамъ смотрите... въ четвертомъ Евангеліи... сурово прошептала она, не подвигаясь къ нему.

— Найди и прочти мнѣ, сказалъ онъ, сѣлъ, облокотился на столъ, подперъ рукой голову и угрюмо уставился въ сторону, приготовившись слушать.

«Недѣли черезъ три на седьмую версту, милости просимъ! Я, кажется, самъ тамъ буду, если еще хуже не будетъ», бормоталъ онъ про себя.

Соня нерѣшительно ступила къ столу, недовѣрчиво выслушавъ странное желаніе Раскольникова. Впрочемъ, взяла книгу.

— Развѣ вы не читали? спросила она, глянувъ на него че-

резъ столъ, изъ подлобья. Голосъ ея становился все суровѣе и суровѣе.

— Давно... Когда учился. Читай!

— А въ церкви не слыхалъ?

— Я... не ходилъ. А ты часто ходишь?

— И-иѣтъ, прошептала Соня.

Раскольниковъ усмѣхнулся.

— Понимаю... И отца, стало быть, завтра не пойдешь хоронить?

— Пойду. Я и на прошлой недѣлѣ была... панихиду служила.

— По комъ?

— По Лизаветѣ. Ее топоромъ убили.

Нервы его раздражались все болѣе и болѣе. Голова начинала кружиться.

— Ты съ Лизаветой дружна была?

— Да... Она была справедливая... она приходила... рѣдко... нельзя было. Мы съ ней читали и... говорили. Она Бога узритъ.

Странно звучали для него эти книжныя слова, и опять новость: какія-то таинственныя сходки съ Лизаветой, и объ—юродивыя.

«Тутъ и самъ станешь юродивымъ! Заразительно!» подумалъ онъ.—Читай! воскликнулъ онъ вдругъ настойчиво и раздражительно.

Соня все колебалась. Сердце ея стучало. Не смѣла, какъ-то, она ему читать. Почти съ мученіемъ смотрѣлъ онъ на «несчастную помѣшанную».

— Зачѣмъ вамъ? Вѣдь вы не вѣруете?.. прошептала она тихо и какъ-то задыхаясь.

— Читай! Я такъ хочу! настаивалъ онъ:—читала-же Лизаветѣ.

Соня развернула книгу и отыскала мѣсто. Руки ея дрожали, голосу не хватало. Два раза начинала она и все не выговаривалось перваго слога.

«Былъ-же боленъ нѣкто Лазарь, изъ Виѳаніи ... произнесла она, наконецъ, съ усиліемъ, но вдругъ, съ третьяго слова, голосъ зазвенѣлъ и порвался, какъ слишкомъ натянутая струна. Духъ перехватило и въ груди стѣснилось.

Раскольниковъ понималъ отчасти, почему Соня не рѣшалась ему читать, и чѣмъ болѣе понималъ это, тѣмъ какъ-бы грубѣе и раздражительнѣе настаивалъ на чтеніи. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, какъ тяжело было ей теперь выдавать и обличать все *свое*. Онъ понялъ, что чувства эти дѣйствительно какъ-бы составляли настоящую и уже давнишнюю, можетъ быть, *тайну* ея, можетъ быть, еще съ самаго отрочества, еще въ семьѣ, подлѣ несчастнаго отца и сумасшедшей отъ горя мачихи, среди голодныхъ дѣтей, безобразныхъ криковъ и попрековъ. Но въ тоже время онъ узналъ

теперь, и узналъ навѣрно, что хоть и тосковала она, и боялась чего-то ужасно, принимаясь теперь читать, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ей мучительно самой хотѣлось прочесть, не смотря на всю тоску и на всѣ опасенія, и именно *ему*, чтобъ онъ слышалъ, и непремѣнно *теперь*,—«что-бы тамъ ни вышло потомъ!»... Онъ прочелъ это въ ея глазахъ, понялъ изъ ея восторженнаго волненія... Она пересилила себя, подавила горловую спазму, пресѣкшую въ началѣ стиха ея голосъ, и продолжала чтеніе одинадцатой главы Евангелія Іоаннова. Такъ дочла она до 19-го стиха:

«И многіе изъ Іудеевъ пришли къ Маѳѣ и Маріи утѣшать «ихъ въ печали о братѣ ихъ. Маѳа услышa, что идетъ Іисусъ, «пошла на встрѣчу Ему; Марія-же сидѣла дома. Тогда Маѳа ска-«зала Іисусу: Господи! если-бы Ты былъ здѣсь, не умеръ-бы братъ «мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, дастъ «Тебѣ Богъ».

Тутъ она остановилась опять, стыдливо предчувствуя, что дрогнетъ и порвется опять ея голосъ...

«Іисусъ говоритъ ей: воскреснетъ братъ твой. Маѳа сказала «Ему: знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день. «Іисусъ сказалъ ей: *Я есмь воскресеніе и жизнь*; вѣрующій въ «Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій «въ Меня, не умретъ во вѣкъ. Вѣришь-ли сему? Она говоритъ Ему:

(и какъ-бы съ болью переведя духъ, Соня раздѣльно и съ силою прочла, точно сама во всеуслышаніе исповѣдовала):

«Такъ, Господи! Я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, гря-«дущій въ міръ».

Она было остановилась, быстро подняла было на *него* глаза, но поскорѣй пересилила себя и стала читать далѣе. Раскольниковъ сидѣлъ и слушалъ неподвижно, не оборачиваясь, облокотясь на столъ и смотря въ сторону. Дочли до 32-го стиха.

«Марія-же, пришедши туда гдѣ былъ Іисусъ и увидѣвъ Его, «пала къ ногамъ Его: и сказала Ему: Господи! если-бы Ты былъ «здѣсь, не умеръ-бы братъ мой. Іисусъ, когда увидѣлъ ее плачу-«щую, и пришедшихъ съ нею Іудеевъ плачущихъ, Самъ возскор-«бѣлъ духомъ и возмутился. И сказалъ: гдѣ вы положили его? «Говорятъ Ему: Господи! поди и посмотри. Іисусъ прослезился. «Тогда Іудеи говорили: смотри, какъ Онъ любилъ его. А нѣкото-«рые изъ нихъ сказали: не могъ-ли Сей, отверзшій очи слѣпому, «сдѣлать чтобъ и этотъ не умеръ»?

Раскольниковъ обернулся къ ней, и съ волненіемъ смотрѣлъ на нее: да такъ и есть! Она уже вся дрожала въ дѣйствительной, настоящей лихорадкѣ. Онъ ожидалъ этого. Она приближалась къ

слову о величайшемъ и неслыханномъ чудѣ, и чувство великаго торжества охватило ее. Голосъ ея сталъ звонокъ какъ металлъ; торжество и радость звучали въ немъ и крѣпили его. Строчки мѣшались передъ ней, потому что въ глазахъ темнѣло, но она знала наизусть что̀ читала. При послѣднемъ стихѣ: «не могъ-ли Сей, отверзшій очи слѣпому ...—она, понизивъ голосъ, горячо и страстно передала сомнѣніе, укоръ и хулу невѣрующихъ, слѣпыхъ Іудеевъ, которые сейчасъ, черезъ минуту, какъ громомъ пораженные, падутъ, зарыдаютъ и увѣруютъ... «И *онъ̀, онъ̀*—тоже ослѣпленный и невѣрующій, онъ тоже сейчасъ услышитъ, онъ тоже увѣруетъ, да, да! сейчасъ-же, теперь-же, мечталось ей, и она дрожала отъ радостнаго ожиданія.

«Іисусъ-же, опять скорбя внутренно, приходитъ ко гробу. То «была пещера, и камень лежалъ на ней. Іисусъ говоритъ: Отни«мите камень. Сестра умершаго Марѳа говоритъ Ему: Господи! «уже смердитъ; ибо *четыре* дни, какъ онъ во гробѣ».

Она энергично ударила на слово: *четыре*.

«Іисусъ говоритъ ей: не сказалъ-ли Я тебѣ, что если будешь «вѣровать, увидишь славу Божію? Итакъ отняли камень отъ пе«щеры, гдѣ лежалъ умершій. Іисусъ-же возвелъ очи къ небу и «сказалъ: Отче, благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, «что Ты всегда услышишь Меня: но сказалъ сіе для народа здѣсь «стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ меня. Сказавъ сіе, воз«звалъ громкимъ голосомъ: Лазарь! иди вонъ. *И вышелъ умершій*.

(Громко и восторженно прочла она, дрожа и холодѣя, какъ-бы въ очію сама видѣла):

«обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами; и лице «его обвязано было платкомъ. Іисусъ говоритъ имъ: развяжите «его; пусть идетъ».

Тогда многіе изъ Іудеевъ, пришедшихъ къ Маріи и видѣвшихъ что сотворилъ Іисусъ, увѣровали въ Него.

Далѣе она не читала и не могла читать, закрыла книгу и быстро встала со стула.

— Все объ воскресеніи Лазаря, отрывисто и сурово произнесла она и стала неподвижно, отвернувшись въ сторону, не смѣя и какъ-бы стыдясь поднять на него глаза. Лихорадочная дрожь ея еще продолжалась. Огарокъ уже давно догасалъ въ кривомъ подсвѣчникѣ, тускло освѣщая въ этой нищенской комнатѣ убійцу и блудницу, странно сошедшихся за чтеніемъ вѣчной книги. Прошло минутъ пять или болѣе.

— Я о дѣлѣ пришелъ говорить,—громко и нахмурившись проговорилъ вдругъ Раскольниковъ, всталъ и подошелъ къ Сонѣ. Та

молча подняла на него глаза. Взглядъ его былъ особенно суровъ и какая-то дикая рѣшимость выражалась въ немъ.

— Я сегодня родныхъ бросилъ, сказалъ онъ, — мать и сестру. Я не пойду къ нимъ теперь. Я тамъ все разорвалъ.

— Зачѣмъ? какъ ошеломленная спросила Соня. Давешняя встрѣча съ его матерью и сестрой оставила въ ней необыкновенное впечатлѣніе, хотя и самой ей неясное. Извѣстіе о разрывѣ выслушала она почти съ ужасомъ.

— У меня теперь одна ты, прибавилъ онъ. —Пойдемъ вмѣстѣ... Я пришелъ къ тебѣ. Мы вмѣстѣ прокляты, вмѣстѣ и пойдемъ!

Глаза его сверкали. «Какъ полоумный!» подумала въ свою очередь Соня.

— Куда идти? въ страхѣ спросила она, и невольно отступила назадъ.

— Почему-жъ я знаю? Знаю только, что по одной дорогѣ, навѣрно знаю, — и только. Одна цѣль!

Она смотрѣла на него, и ничего не понимала. Она понимала только, что онъ ужасно, безконечно несчастенъ.

— Никто ничего не пойметъ изъ нихъ, если ты будешь говорить имъ, продолжалъ онъ,—а я понялъ. Ты мнѣ нужна, потому я къ тебѣ и пришелъ.

— Не понимаю... прошептала Соня.

— Потомъ поймешь. Развѣ ты не то-же сдѣлала. Ты то-же переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... *свою*, (это все равно!). Ты могла-бы жить духомъ и разумомъ, а кончишь на Сѣнной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься *одна*, сойдешь съ ума, какъ и я. Ты ужъ и теперь какъ помѣшанная; стало быть, намъ вмѣстѣ идти, по одной дорогѣ! Пойдемъ!

— Зачѣмъ? Зачѣмъ вы это! проговорила Соня, страшно и мятежно взволнованная его словами.

— Зачѣмъ? Потому что такъ нельзя оставаться—вотъ зачѣмъ! Надо-же наконецъ разсудить серіозно и прямо, а не по дѣтски плакать и кричать, что Богъ не допуститъ! Ну что будетъ, если въ самомъ дѣлѣ тебя завтра въ больницу свезутъ? Та не въ умъ и чахоточная, умретъ скоро, а дѣти? Развѣ Полечка не погибнетъ? Неужели не видала ты здѣсь дѣтей, по угламъ, которыхъ матери милостыню высылаютъ просить? Я узналъ гдѣ живутъ эти матери и въ какой обстановкѣ. Тамъ дѣтямъ нельзя оставаться дѣтьми. Тамъ семилѣтній развратенъ и воръ. А вѣдь дѣти — образъ Христовъ: «Сихъ есть царствіе Божіе.» Онъ велѣлъ ихъ чтить и любить, они будущее человѣчество...

— Что-же, что-же дѣлать? — истерически плача и ломая руки повторяла Соня.

— Что дѣлать? Сломать что надо, разъ навсегда, да и только: и страданіе взять на себя! Что? Не понимаешь? Послѣ поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Надъ всею дрожащею тварью и надъ всѣмъ муравейникомъ!.. Вотъ цѣль! Помни это! Это мое тебѣ напутствіе! Можетъ, я съ тобой въ послѣдній разъ говорю. Если не приду завтра, услышишь про все сама, и тогда припомни эти теперешнія слова. И когда нибудь, потомъ, черезъ годы, съ жизнію, можетъ, и поймешь что они значили. Если-же приду завтра, то скажу тебѣ, кто убилъ Лизавету. Прощай!

Соня вся вздрогнула отъ испуга.

— Да развѣ вы знаете, кто убилъ? спросила она, леденѣя отъ ужаса и дико смотря на него.

— Знаю и скажу... Тебѣ, одной тебѣ! Я тебя выбралъ. Я не прощенія приду просить къ тебѣ, я просто скажу. Я тебя давно выбралъ, чтобъ это сказать тебѣ, еще тогда когда отецъ про тебя говорилъ, и когда Лизавета была жива, я это подумалъ. Прощай. Руки не давай. Завтра!

Онъ вышелъ. Соня смотрѣла на него какъ на помѣшаннаго; но она и сама была какъ безумная и чувствовала это. Голова у ней кружилась. «Господи! Какъ онъ знаетъ кто убилъ Лизавету? Что значили эти слова? Страшно это!» Но въ тоже время *мысль* не приходила ей въ голову. Никакъ! Никакъ!.. «О, онъ долженъ быть ужасно несчастенъ!.. Онъ бросилъ мать и сестру. Зачѣмъ? Что было? И что у него въ намѣреніяхъ? Что это онъ ей говорилъ? Онъ ей поцаловалъ ногу и говорилъ... говорилъ (да, онъ ясно это сказалъ), что безъ нея уже жить не можетъ... О Господи!

Въ лихорадкѣ и въ бреду провела всю ночь Соня. Она вскакивала иногда, плакала, руки ломала, то забывалась опять лихорадочнымъ сномъ, и ей снились Полечка, Катерина Ивановна, Лизавета, чтеніе Евангелія и онъ... онъ, съ его блѣднымъ лицомъ, съ горящими глазами... Онъ цалуетъ ей ноги, плачетъ... О Господи!

За дверью справа, за тою самою дверью, которая отдѣляла квартиру Сони отъ квартиры Гертруды Карловны Ресслихъ, была комната промежуточная, давно уже пустая, принадлежавшая къ квартирѣ г-жи Ресслихъ и отдававшаяся отъ нея въ наемъ, о чемъ и выставлены были ярлычки на воротахъ и наклеены бумажечки на стеклахъ оконъ, выходившихъ на канаву. Соня издавна привыкла считать эту комнату необитаемою. А между тѣмъ, все это время, у двери въ пустой комнатѣ, простоялъ господинъ Свидригайловъ, и притаившись подслушивалъ. Когда Раскольниковъ вышелъ, онъ

постоялъ, подумалъ, сходилъ на цыпочкахъ въ свою комнату, смежную съ пустою комнатой, досталъ стулъ и нелышно перенесъ его къ самымъ дверямъ ведущимъ въ комнату Сони. Разговоръ показался ему занимательнымъ и знаменательнымъ, и очень, очень понравился,—до того понравился, что онъ и стулъ перенесъ, чтобы на будущее время, хоть завтра напримѣръ, не подвергаться опять непріятности простоять цѣлый часъ на ногахъ, а устроиться покомфортнѣе, чтобъ ужь во всѣхъ отношеніяхъ получить полное удовольствіе.

V.

Когда на другое утро, ровно въ одиннадцать часовъ Раскольниковъ вошелъ въ домъ—й части, въ отдѣленіе пристава слѣдственныхъ дѣлъ, и попросилъ доложить о себѣ Порфирію Петровичу, то онъ даже удивился тому какъ долго не принимали его: прошло, по крайней мѣрѣ, десять минутъ, пока его позвали. А по его разсчету должны-бы были, кажется, такъ сразу на него и наброситься. Между тѣмъ онъ стоялъ въ пріемной, а мимо него ходили и проходили люди, которымъ, повидимому, никакого до него не было дѣла. Въ слѣдующей комнатѣ, похожей на канцелярію, сидѣло и писало нѣсколько писцовъ, и очевидно было, что никто изъ нихъ даже понятія не имѣлъ: кто и что такое Раскольниковъ? Безпокойнымъ и подозрительнымъ взглядомъ слѣдилъ онъ кругомъ себя, высматривая: нѣтъ-ли около него хоть какого нибудь конвойнаго, какого нибудь таинственнаго взгляда, назначеннаго его стеречь, чтобъ онъ куда не ушелъ? Но ничего подобнаго не было: онъ видѣлъ только одинъ канцелярскія, мелко-озабоченныя лица, потомъ еще какихъ-то людей, и никому-то не было до него никакой надобности: хоть иди онъ сейчасъ-же на всѣ четыре стороны. Все тверже и тверже укоренялась въ немъ мысль, что еслибы дѣйствительно этотъ загадочный вчерашній человѣкъ, этотъ призракъ, явившійся изъ подъ земли, все зналъ и все видѣлъ,—такъ развѣ дали-бы ему, Раскольникову, такъ стоять теперь и спокойно ждать? И развѣ ждали-бы его здѣсь до одиннадцати часовъ, пока ему самому заблагоразсудилось пожаловать? Выходило, что или тотъ человѣкъ еще ничего не донесъ, или... или просто онъ ничего тоже не знаетъ и самъ, своими глазами, ничего не видалъ (да и какъ онъ могъ видѣть?). а. стало быть, все это, вчерашнее, случившееся съ нимъ, Раскольниковымъ, опять-таки было призракъ. Преувеличенный раздраженнымъ и больнымъ воображеніемъ его. Эта догадка,

еще даже вчера, во время самыхъ сильныхъ тревогъ и отчаянія, начала укрѣпляться въ немъ. Передумавъ все это теперь, и готовясь къ новому бою, онъ почувствовалъ вдругъ что дрожитъ, — и даже негодованіе закипѣло въ немъ при мысли, что онъ дрожитъ отъ страха передъ ненавистнымъ Порфиріемъ Петровичемъ. Всего ужаснѣе было для него встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ опять: онъ ненавидѣлъ его безъ мѣры, безконечно, и даже боялся своею ненавистью какъ нибудь обнаружить себя. И такъ сильно было его негодованіе, что тотчасъ-же прекратило дрожь; онъ приготовился войти съ холоднымъ и дерзкимъ видомъ и далъ себѣ слово какъ можно больше молчать, вглядываться и вслушиваться и, хоть на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, во что бы то ни стало, побѣдить болѣзненно раздраженную натуру свою. Въ это самое время его позвали къ Порфирію Петровичу.

Оказалось, что въ эту минуту Порфирій Петровичъ былъ у себя въ кабинетѣ одинъ. Кабинетъ его была комната ни большая, ни маленькая; стояли въ ней: большой письменный столъ передъ диваномъ, обитымъ клеенкой, бюро, шкафъ въ углу и нѣсколько стульевъ,—все казенной мебели, изъ желтаго отполированнаго дерева. Въ углу, въ задней стѣнѣ, или лучше сказать въ перегородкѣ, была запертая дверь: тамъ далѣе, за перегородкой, должны были, стало быть, находиться еще какія-то комнаты. При входѣ Раскольникова, Порфирій Петровичъ тотчасъ-же притворилъ дверь, въ которую тотъ вошелъ, и они остались наединѣ. Онъ встрѣтилъ своего гостя, повидимому, съ самымъ веселымъ и привѣтливымъ видомъ, и только уже нѣсколько минутъ спустя, Раскольниковъ, по нѣкоторымъ признакамъ, замѣтилъ въ немъ какъ-бы замѣшательство,—точно его вдругъ сбили съ толку или застали на чемъ нибудь очень уединенномъ и скрытномъ.

— А, почтеннѣйшій! Вотъ и вы... въ нашихъ краяхъ... началъ Порфирій, протянувъ ему обѣ руки.—Ну, садитесь-ка, батюшка! Али вы, можетъ, не любите, чтобы васъ называли почтеннѣйшимъ и... батюшкой,—этакъ tout court? За фамильярность, пожалуйста, не сочтите... Вотъ сюда-съ, на диванчикъ.

Раскольниковъ сѣлъ, не сводя съ него глазъ.

«Въ нашихъ краяхъ», извиненія въ фамильярности, французское словцо tout court и проч. и проч. все это были признаки характерные. — Онъ однакожь мнѣ обѣ руки-то протянулъ, а ни одной вѣдь не далъ, отнялъ во время»—мелькнуло въ немъ подозрительно. Оба сѣдѣли другъ за другомъ, но только что взгляды ихъ встрѣчались, оба, съ быстротою молніи, отводили ихъ одинъ отъ другаго.

— Я вамъ принесъ эту бумажку... объ часахъ-то... вотъ-съ. Такъ-ли написано, или опять переписывать?

— Что? Бумажка? Такъ, такъ... не безпокойтесь, такъ точно-съ, проговорилъ, какъ-бы сѣвша куда-то Порфирій Петровичъ, и, уже проговоривъ это, взялъ бумагу и просмотрѣлъ ее.—,Да, точно такъ-съ. Больше ничего и не надо, подтвердилъ онъ тою-же скороговоркой и положилъ бумагу на столъ. Потомъ, черезъ минуту, уже говоря о другомъ, взялъ ее опять со стола и переложилъ къ себѣ на бюро.

— Вы, кажется, говорили вчера, что желали-бы спросить меня... формально... о моемъ знакомствѣ съ этой... убійцей? началъ было опять Раскольниковъ, — ну зачѣмъ я вставилъ *кажется?* промелькнуло въ немъ какъ молнія. «Ну зачѣмъ я такъ безпокоюсь о томъ, что вставилъ это *кажется?*» мелькнула въ немъ тотчасъ-же другая мысль, какъ молнія.

И онъ вдругъ ощутилъ, что мнительность его, отъ одного соприкосновенія съ Порфиріемъ, отъ двухъ только словъ, отъ двухъ только взглядовъ, уже разрослась въ одно мгновеніе въ чудовищные размѣры... и что это страшно опасно: нервы раздражаются, волненіе увеличивается. «Бѣда! Бѣда!.. Опять проговорюсь».

— ,Да-да-да! Не безпокойтесь! Время терпитъ, время терпитъ-съ, бормоталъ Порфирій Петровичъ, похаживая взадъ и впередъ около стола, но какъ-то безъ всякой цѣли, какъ-бы кидаясь то къ окну, то къ бюро, то опять къ столу, то избѣгая подозрительнаго взгляда Раскольникова, то вдругъ самъ останавливаясь на мѣстѣ и глядя на него прямо въ упоръ. Чрезвычайно странною казалась при этомъ его маленькая, толстенькая и круглая фигурка, какъ будто мячикъ, катавшійся въ разныя стороны и тотчасъ отскакивавшій отъ всѣхъ стѣнъ и угловъ.

— Успѣемъ-съ, успѣемъ-съ!.. А вы курите? Есть у васъ? Вотъ-съ, папиросочка-съ, продолжалъ онъ, подавая гостю папироску...—Знаете, я принимаю васъ здѣсь, а вѣдь квартира-то моя вотъ тутъ-же, за перегородкой... казенная-съ, а я теперь на вольной, на время. Неправочки надо было здѣсь кой-какія устроить. Теперь почти готово... казенная квартира, знаете, это славная вещь,—а? Какъ вы думаете?

,Да, славная вещь, отвѣтилъ Раскольниковъ, почти съ насмѣшкой смотря на него.

— Славная вещь, славная вещь... повторялъ Порфирій Петровичъ, какъ будто задумавшись вдругъ о чемъ-то совсѣмъ другомъ.—да! славная вещь! чуть не вскрикнулъ онъ подъ конецъ, вдругъ вскинувъ глаза на Раскольникова, и останавливаясь въ двухъ шагахъ отъ него. Это многократное глупенькое повтореніе, что ка-

зеная квартира славная вещь, слишкомъ, по пошлости своей, противорѣчило съ серіознымъ, мыслящимъ и загадочнымъ взглядомъ, который онъ устремилъ теперь на своего гостя.

Но это еще болѣе подкинятило злобу Раскольникова, и онъ уже никакъ не могъ удержаться отъ насмѣшливаго и довольно неосторожнаго вызова:

— А знаете что, спросилъ онъ вдругъ, почти дерзко смотря на него и какъ-бы ощущая отъ своей дерзости наслажденіе,—вѣдь это существуетъ, кажется, такое юридическое правило, такой пріемъ юридическій—для всѣхъ возможныхъ слѣдователей—сперва начать издалека, съ пустячковъ, или даже съ серьезнаго, но только совсѣмъ постороняяго, чтобы такъ сказать ободрить, или лучше сказать развлечь допрашиваемаго, усынить его осторожность, и потомъ вдругъ, неожиданнѣйшимъ образомъ огорошить его въ самое темя какимъ нибудь самымъ роковымъ и опаснымъ вопросомъ: такъ-ли? Объ этомъ, кажется, во всѣхъ правилахъ и наставленіяхъ до сихъ поръ свято упоминается?

— Такъ, такъ... что-жъ, вы думаете, это я васъ казенной-то квартирой того... а?—И сказавъ это, Порфирій Петровичъ прищурился, подмигнулъ: что-то веселое и хитрое пробѣжало по лицу его, морщинки на его лбу разгладились, глазки съузились, черты лица растянулись, и онъ вдругъ залился первымъ, продолжительнымъ смѣхомъ, волнуясь и колыхаясь всѣмъ тѣломъ и прямо смотря въ глаза Раскольникову. Тотъ засмѣялся было самъ, нѣсколько принудивъ себя; но когда Порфирій, увидя, что и онъ тоже смѣется, закатился уже такимъ смѣхомъ, что почти побагровѣлъ, то отвращеніе Раскольникова вдругъ перешло всю осторожность: онъ пересталъ смѣяться, нахмурился, и долго и ненавистно смотрѣлъ на Порфирія, не спуская съ него глазъ, во все время его длиннаго и какъ-бы съ намѣреніемъ непрекращавшагося смѣха. Неосторожность была впрочемъ явная съ обѣихъ сторонъ: выходило, что Порфирій Петровичъ какъ будто смѣется въ глаза надъ своимъ гостемъ, принимающимъ этотъ смѣхъ съ ненавистью, и очень мало конфузится отъ этого обстоятельства. Послѣднее было очень знаменательно для Раскольникова: онъ понялъ, что вѣрно Порфирій Петровичъ и давеча совсѣмъ не конфузился, а напротивъ самъ онъ, Раскольниковъ, попался, пожалуй, въ капканъ; что тутъ явно существуетъ что-то, чего онъ не знаетъ, какая-то цѣль; что, можетъ, все уже подготовлено и сейчасъ, сію минуту обнаружится и обрушится...

Онъ тотчасъ-же пошелъ прямо къ дѣлу, всталъ съ мѣста и взялъ фуражку:

— Порфирій Петровичъ, началъ онъ рѣшительно, но съ до-

вольно сильною раздражительностію:—вы вчера изъявили желаніе, чтобъ я пришелъ для какихъ-то допросовъ. (Онъ особенно уперъ на слово: *допросовъ*). Я пришелъ, и если вамъ надо что, такъ спрашивайте, не то, позвольте ужъ мнѣ удалиться. Мнѣ некогда, у меня дѣло... Мнѣ надо быть на похоронахъ того самаго раздавленнаго лошадьми чиновника, про котораго вы... тоже знаете... прибавилъ онъ, тотчасъ-же разсердившись за это прибавленіе, а потомъ тотчасъ-же еще болѣе раздражившись:—мнѣ это все надоѣло-съ, слышите-ли, и давно уже... я отчасти отъ этого и боленъ былъ... однимъ словомъ, почти вскрикнулъ онъ, почувствовавъ, что фраза о болѣзни еще болѣе некстати, —однимъ словомъ: извольте или спрашивать меня, или отпустить, сейчасъ-же... а если спрашивать, то не иначе какъ по формѣ-съ! Иначе не дозволю: а потому покамѣстъ прощайте, такъ какъ намъ вдвоемъ теперь нечего дѣлать.

— Господи! Да что вы это! Да объ чемъ васъ спрашивать, закудахталъ вдругъ Порфирій Петровичъ, тотчасъ-же измѣняя и тонъ, и видъ и мигомъ переставъ смѣяться,— да не безпокойтесь пожалуста,—хлопоталъ онъ, то опять бросаясь во всѣ стороны, то вдругъ принимаясь усаживать Раскольникова,—время терпитъ, время терпитъ-съ, и все это одни пустяки-съ! Я, напротивъ, такъ радъ, что вы наконецъ-то къ намъ пріѣхали... Я какъ гостя васъ принимаю. А за этотъ смѣхъ проклятый вы, батюшка, Родіонъ Романовичъ, меня извините. —Родіонъ Романовичъ? Вѣдь такъ, кажется, васъ по батюшкѣ-то?.. Нервный человѣкъ-съ, разсмѣшили вы меня очень остротою вашего замѣчанія: иной разъ, право, затрясусь, какъ гумиластикъ, да этакъ на полчаса... Смѣшливъ-съ. Но комплекціи моей даже паралича боюсь. Да садитесь-же, что вы?.. Пожалуйста, батюшка, а то подумаю, что вы разсердились...

Раскольниковъ молчалъ, слушалъ и наблюдалъ, все еще гнѣвно нахмурившись. Онъ, впрочемъ, сѣлъ, но не выпуская изъ рукъ фуражки.

— Я вамъ одну вещь, батюшка, Родіонъ Романовичъ, скажу про себя, такъ сказать въ объясненіе характеристики, продолжалъ, суетясь по комнатѣ, Порфирій Петровичъ и, по прежнему, какъ-бы избѣгая встрѣтиться глазами съ своимъ гостемъ.—Я, знаете, человѣкъ холостой, этакъ несвѣтскій и неизвѣстный, и къ тому-же законченный человѣкъ, закоченѣлый человѣкъ-съ, въ сѣмя попелъ и... и... и замѣтили-ль вы, Родіонъ Романовичъ, что у насъ, то есть у насъ въ Россіи-съ, и всего болѣе въ нашихъ петербургскихъ кружкахъ, если два умные человѣка, не слишкомъ еще между собою знакомые, но такъ сказать взаимно другъ друга уважающіе, вотъ какъ мы теперь съ вами-съ, сойдутся вмѣстѣ, то нѣтъ ихъ

полчаса никакъ не могутъ найти темы для разговора,—кочевѣютъ другъ передъ другомъ, сидятъ и взаимно конфузятся. У всѣхъ есть тема для разговора, у дамъ, напримѣръ... у свѣтскихъ, напримѣръ, людей, высшаго тона, всегда есть разговорная тема, c'est de rigueur. а средняго рода люди, какъ мы—всѣ конфузливы и не разговорчивы... мыслящіе то есть. Отчего это, батюшка, происходитъ-съ? Интересовъ общественныхъ что-ли нѣтъ-съ, али честны ужь мы очень и другъ друга обманывать не желаемъ, не знаю-съ. А? Какъ вы думаете? Да фуражечку-то отложите-съ, точно уйти сейчасъ собираетесь, право неловко смотрѣть... Я напротивъ такъ радъ-съ...

Раскольниковъ положилъ фуражку, продолжая молчать и серіозно, нахмуренно вслушиваться въ пустую и сбивчивую болтовню Порфирія. «Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ что-ли хочетъ вниманіе мое развлечь глупою своей болтовней?»

— Кофеемъ васъ не прошу-съ, не мѣсто; но минутокъ пять времени почему не посидѣть съ пріятелемъ, для развлеченія, не умолкая сыпалъ Порфирій,—и знаете-съ, всѣ эти служебныя обязанности... да вы, батюшка, не обижайтесь, что я вотъ все хожу-съ, взадъ да впередъ; извините, батюшка, обидѣть васъ ужь очень боюсь, а моціонъ такъ мнѣ просто необходимъ-съ. Все сижу и ужь такъ радъ походить минутъ пять... геммороя-съ... все гимнастикой собираюсь лечиться; тамъ, говорятъ, статскіе, дѣйствительные статскіе и даже тайные совѣтники охотно черезъ веревочку прыгаютъ-съ: вонъ оно какъ, наука-то, въ нашемъ вѣкѣ-съ... такъ-съ... А на счетъ этихъ здѣшнихъ обязанностей, допросовъ и всей этой формалистики... вотъ вы, батюшка, сейчасъ упомянуть изволили сами о допросахъ-съ... такъ, знаете, дѣйствительно, батюшка, Родіонъ Романовичъ, эти допросы иной разъ самого допрощика больше чѣмъ допрашиваемаго съ толку сбиваютъ... Объ этомъ вы, батюшка, съ совершенною справедливостью и остроуміемъ сейчасъ замѣтить изволили. (Раскольниковъ не замѣчалъ ничего подобнаго). Запутаешься-съ! Право запутаешься! и все-то одно и тоже, все-то одно и тоже, какъ барабанъ! Вонъ реформа идетъ, и мы хоть въ названіи-то будемъ переименованы. хе! хе! хе! А ужь про пріемы-то наши юридическіе, — какъ остроумно изволили выразиться, — такъ ужь совершенно вполнѣ съ вами согласенъ-съ. Ну кто-же, скажите, изъ всѣхъ подсудимыхъ, даже изъ самаго посконнаго мужичья, не знаетъ, что его, напримѣръ, сначала начнутъ посторонними вопросами усыплять (по счастливому выраженію вашему), а потомъ вдругъ и огорошатъ въ самое темя, обухомъ-то-съ. хе! хе! хе! въ самое-то темя, по счастливому уподобленію вашему! хе! хе! такъ вы это въ самомъ

дѣлѣ подумали, что я квартирой-то васъ хотѣлъ... хе! хе! Прошическій-же вы человѣкъ. Ну, не буду! Ахъ да, кстати, одно словцо другое зоветъ, одна мысль другую вызываетъ,—вотъ вы о формѣ тоже давеча изволили упомянуть, на счетъ, знаете, допросика-то-съ... Да чтожь по формѣ! Форма, знаете, во многихъ случахъ, вздоръ-съ. Иной разъ только по дружески поговоришь, анъ и выгодиѣе. Форма никогда не уйдетъ-съ, въ этомъ позвольте мнѣ васъ успокоить-съ; да что такое въ сущности форма, я васъ спрошу? Формой нельзя на всякомъ шагу стѣснять слѣдователя. Дѣло слѣдователя, вѣдь это, такъ сказать, свободное художество, въ своемъ родѣ-съ, или въ родѣ того... хе! хе! хе!..

Порфирій Петровичъ перевелъ на минутку духъ. Онъ такъ и сыналъ, не уставая, то безсмысленно пустыя фразы, то вдругъ пропускалъ какія-то загадочныя словечки и тотчасъ-же опять сбивался на безсмыслицу. Но комнатъ онъ уже почти бѣгалъ, все быстрѣй и быстрѣй передвигая свои жирныя ножки, все смотря въ землю, засунувъ правую руку за спину, а лѣвою безпрерывно помахивая и выдѣлывая разные жесты, каждый разъ удивительно не подходившіе къ его словамъ. Раскольниковъ вдругъ замѣтилъ, что, бѣгая по комнатѣ, онъ раза два точно какъ будто останавливался подлѣ дверей, на одно мгновеніе, и какъ будто прислушивался... «Ждетъ онъ что-ли чего нибудь?»

— А это вы дѣйствительно совершенно правы-съ, опять подхватилъ Порфирій, весело, съ необыкновеннымъ простодушіемъ смотря на Раскольникова (отчего тотъ такъ и вздрогнулъ и мигомъ приготовился),—дѣйствительно правы-съ, что надъ формами-то юридическими съ такимъ остроуміемъ изволили посмѣяться, хе-хе! Ужь эти (нѣкоторые, конечно) глубокомысленно-психологическіе пріемы-то наши крайне смѣшны-съ, да, пожалуй, и безполезны-съ, въ случаѣ если формой-то очень стѣснены-съ. Да-съ... опять-таки я про форму: ну, признавай, или лучше сказать, подозрѣвай я кого нибудь того, другаго, третьяго, такъ сказать за преступника-съ, по какому нибудь дѣльцу, мнѣ порученному... Вы вѣдь въ юристы готовитесь, Родіонъ Романовичъ?

— Да, готовился...

— Ну, такъ вотъ вамъ, такъ сказать, и примѣрчикъ на будущее,—то есть не подумайте, чтобъ я васъ учить осмѣлился; эвона вѣдь вы какія статьи о преступленіяхъ печатаете! Нѣтъ-съ, а такъ, въ видѣ факта, примѣрчикъ осмѣлюсь представить.—Такъ вотъ считай я, напримѣръ, того, другаго, третьяго за преступника, ну зачѣмъ, спрошу, буду я его раньше срока безпокоить, хотя-бы я и улики противъ него имѣлъ-съ? Иного я и обязанъ, напримѣръ,

заарестовать поскорѣе, а другой вѣдь не такого характера, право-съ; такъ отчего-жь-бы и не дать ему погулять по городу, хе-хе-съ! Нѣтъ, вы, я вижу, не совсѣмъ понимаете, такъ я вамъ по яснѣе изображу-съ: посади я его, напримѣръ, слишкомъ рано, такъ вѣдь этимъ я ему, пожалуй, нравственную такъ сказать опору придамъ, хе-хе! вы смѣетесь? (Раскольниковъ и не думалъ смѣяться: онъ сидѣлъ стиснувъ губы, не спуская своего воспаленнаго взгляда съ глазъ Порфирія Петровича.) А между тѣмъ вѣдь это такъ-съ, съ инымъ субъектомъ особенно, потому люди многоразличны, и надъ всѣмъ одна практика-съ. Вы вотъ изволите теперича говорить: улики; да вѣдь оно, положимъ, улики-съ, да вѣдь улики-то, батюшка, о двухъ концахъ, большею-то частію-съ, а вѣдь я слѣдователь, стало быть, слабый человѣкъ, каюсь: хотѣлось-бы слѣдствіе, такъ сказать, математически ясно представить, хотѣлось-бы такую улику достать, чтобы на дважды-два четыре походило! На прямое и безспорное доказательство походило-бы! А вѣдь засади его не во-время,—хотя-бы я былъ и увѣренъ, что это *онъ*,—такъ вѣдь я, пожалуй, самъ у себя средства отниму къ дальнѣйшему его обличенію, а почему? А потому что я ему такъ сказать опредѣленное положеніе дамъ, такъ сказать психологически его опредѣлю и успокою, вотъ онъ и уйдетъ отъ меня въ свою скорлупу: пойметъ наконецъ, что онъ арестантъ. Говорятъ вонъ, въ Севастополѣ, сейчасъ послѣ Альмы, умные-то люди ухъ какъ боялись, что вотъ-вотъ атакуетъ непріятель открытою силой и сразу возьметъ Севастополь: а какъ увидѣли, что непріятель правильную осаду предпочелъ и первую параллель открываетъ, такъ куды, говорятъ, обрадовались и успокоились умные-то люди-съ: по крайности на два мѣсяца, значитъ, дѣло затянулось, потому, когда-то правильной-то осадой возьмутъ! Опять смѣетесь, опять не вѣрите? Оно, конечно, правы и вы. Правы-съ, правы-съ! Это все частные случаи, согласенъ съ вами: представленный случай дѣйствительно частный-съ! Но вѣдь вотъ что, при этомъ, добрѣйшій Родіонъ Романовичъ, наблюдать слѣдуетъ: вѣдь общаго-то случая-съ, того самаго, на который всѣ юридическія формы и правила примѣрены и съ котораго они разсчитаны и въ книжки записаны, вовсе не существуетъ-съ, по тому самому, что всякое дѣло, всякое, хоть, напримѣръ, преступленіе, какъ только оно случится въ дѣйствительности, тотчасъ-же и обращается въ совершенно частный случай-съ; да иногда вѣдь въ какой: таки-таки ни на что прежнее не похожій-съ. Прекомическіе иногда случаи случаются въ этомъ родѣ-съ. Да оставь я иного-то господина совсѣмъ одного: не бери я его и не безпокой, но чтобъ зналъ онъ каждый часъ и каждую минуту, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ, что я все знаю, всю

подноготную, и денно и нощно слѣжу за нимъ, неусыпно его стерегу, и будь онъ у меня сознательно подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ и страхомъ, такъ вѣдь ей Богу закружится, право-съ, самъ придетъ, да, пожалуй, еще и надѣлаетъ чего нибудь, что̀ уже на дважды-два походить будетъ, такъ сказать, математическій видъ будетъ имѣть, —оно и пріятно-съ. Это и съ мужикомъ сволочнымъ можетъ произойти, а ужь съ нашимъ братомъ, современно-умнымъ человѣкомъ, да еще въ извѣстную сторону развитымъ, и подавно! Потому, голубчикъ, что весьма важная штука понять въ которую сторону развить человѣкъ. А нервы-то-съ, нервы-то-съ, вы ихъ-то такъ и забыли-съ! Вѣдь все это нынѣ больное, да худое, да раздраженное!.. А желчи-то, желчи въ нихъ во всѣхъ сколько! Да вѣдь это, я вамъ скажу, при случаѣ своего рода рудникъ-съ! И какое мнѣ въ томъ безпокойство, что онъ несвязанный ходитъ по городу! Да пусть, пусть, его погуляетъ пока, пусть; я вѣдь и безъ того знаю, что онъ моя жертвочка и никуда не убѣжитъ отъ меня! Да и куда ему убѣжать, хе-хе! За границу что-ли? За границу Полякъ убѣжитъ, а не *онъ*, тѣмъ паче, что я слѣжу, да и мѣры принялъ. Въ глубину отечества убѣжитъ что-ли? Да вѣдь тамъ мужики живутъ, настоящіе, посконные, Русскіе; этакъ вѣдь современно-то развитый человѣкъ скорѣе острогъ предпочтетъ, чѣмъ съ такими иностранцами, какъ мужички наши, жить, хе-хе! Но это все вздоръ и наружное. Что̀ такое: убѣжитъ! это форменное; а главное-то не то; не по этому одному онъ не убѣжитъ отъ меня, что некуда убѣжать: онъ у меня *психологически* не убѣжитъ, хе-хе! Каково выраженьице-то! Онъ по закону природы у меня не убѣжитъ, хотя-бы даже и было куда убѣжать. Видали бабочку передъ свѣчкой? Ну, такъ вотъ онъ все будетъ, все будетъ около меня, какъ около свѣчки, кружиться; свобода не мила станетъ, станетъ задумываться, запутываться, самъ себя кругомъ запутаетъ, какъ въ сѣтяхъ, затревожитъ себя на смерть!.. Мало того: самъ мнѣ какую нибудь математическую штучку, въ родѣ дважды-двухъ приготовитъ,—лишь дай я ему только антрактъ подлиннѣе... И все будетъ, все будетъ около меня-же круги давать, все сужывая, да сужывая радіусъ, и — хлопъ! Прямо мнѣ въ ротъ и влетитъ, я его и проглочу-съ, а это ужь очень пріятно, хе-хе-хе! Вы не вѣрите?

Раскольниковъ не отвѣчалъ, онъ сидѣлъ блѣдный и неподвижный, все съ тѣмъ-же напряженіемъ всматриваясь въ лицо Порфирія.

«Урокъ хорошъ!» думалъ онъ, холодѣя. «Это даже ужь и не кошка съ мышью, какъ вчера было. И не силу-же онъ свою мнѣ

безполезно выказывать и... подсказывать: онъ гораздо для этого умнѣе... Тутъ цѣль другая, какая-же? Эй, вздоръ, братъ, шутишь ты меня и хитришь! Нѣтъ у тебя доказательствъ и не существуетъ вчерашній человѣкъ! А ты просто съ толку сбить хочешь, раздражить меня хочешь преждевременно, да въ этомъ состояніи и прихлопнуть, только врешь, оборвешься, оборвешься! Но зачѣмъ-же, зачѣмъ-же до такой степени мнѣ подсказывать?.. На больные что-ли нервы мои онъ разсчитываетъ!.. Нѣтъ, братъ, врешь, оборвешься, хотя ты что-то и приготовилъ... Ну, вотъ и посмотримъ, что̀ такое ты тамъ приготовилъ».

И онъ скрѣпился изо всѣхъ силъ, приготовляясь къ страшной и невѣдомой катастрофѣ. Но временамъ ему хотѣлось кинуться и тутъ-же на мѣстѣ задушить Порфирія. Онъ еще входя сюда этой злобы боялся. Онъ чувствовалъ, что пересохли его губы, сердце колотится, нѣна запеклась на губахъ. Но онъ все-таки рѣшился молчать и не промолвить слова до времени. Онъ понялъ, что это самая лучшая тактика въ его положеніи, потому что не только онъ не проговорится, но, напротивъ, раздражитъ молчаніемъ самого врага, и, пожалуй, еще тотъ ему-же проговорится. Но крайней мѣрѣ, онъ на это надѣялся.

— Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите-съ, думаете все, что я вамъ шуточки невинныя подвожу, подхватилъ Порфирій, все болѣе и болѣе веселѣя и безпрерывно хихикая отъ удовольствія, и опять начиная кружить по комнатѣ, — оно, конечно, вы правы-съ; у меня и фигура ужь такъ самимъ Богомъ устроена, что только комическія мысли въ другихъ возбуждаетъ; буфонъ-съ: но я вамъ вотъ что̀ скажу, и опять повторю-съ, что вы, батюшка, Родіонъ Романовичъ, ужь извините меня, старика, человѣкъ еще молодой-съ, такъ сказать, первой молодости, а потому выше всего умъ человѣческій цѣните, по примѣру всей молодежи. Игривая острота ума и отвлеченные доводы разсудка васъ соблазняютъ-съ. И это точь-въ-точь какъ прежній австрійскій гофъ-кригсратъ, напримѣръ, насколько то есть я могу судить о военныхъ событіяхъ: на бумагѣ-то они и Наполеона разбили и въ полонъ взяли, и ужь какъ тамъ, у себя въ кабинетѣ, все остроумнѣйшимъ образомъ разсчитали и подвели, а смотришь, генералъ-то Макъ и сдается со всей своей арміей, хе-хе-хе! Вижу, вижу, батюшка, Родіонъ Романовичъ, смѣетесь вы надо мною, что я, такой статскій человѣкъ, все изъ военной исторіи примѣрчики подбираю. Да что дѣлать, слабость, люблю военное дѣло, и ужь такъ люблю я читать всѣ эти военныя реляціи... рѣшительно я моей карьерой манкировалъ. Мнѣ-бы въ военной служить-съ, право-съ. Наполеономъ-то, можетъ быть, и не

сдѣлался-бы, ну, а майоромъ-бы быть-съ, хе-хе-хе! Ну-съ, такъ я вамъ теперь, родимый мой, всю подробную правду скажу на счетъ того то есть *частнаго случая-то:* дѣйствительность и натура, сударь вы мой, есть важная вещь, и ухъ какъ иногда самый прозорливѣйшій разсчетъ подсѣкаютъ! Эй, послушайте старика, серіозно говорю, Родіонъ Романовичъ (говоря это, едва-ли тридцати-пятилѣтній Порфирій Петровичъ дѣйствительно какъ будто вдругъ весь состарился: даже голосъ его измѣнился, и какъ-то весь онъ скрючился),—къ тому-же я человѣкъ откровенный-съ... Откровенный я человѣкъ или нѣтъ? Какъ по вашему? Ужь кажется что вполнѣ: этакія-то вещи вамъ задаромъ сообщаю, да еще награжденія за это не требую, хе-хе! Ну, такъ вотъ-съ, продолжаю-съ: остроуміе, по моему, великолѣпная вещь-съ: это, такъ сказать, краса природы и утѣшеніе жизни, и ужь какіе, кажется, фокусы можетъ оно задавать, такъ что гдѣ ужь, кажется, иной разъ угадать какому нибудь обѣденькому слѣдователю, который притомъ и самъ своей фантазіей увлеченъ, какъ и всегда бываетъ, потому, тоже вѣдь человѣкъ-съ! Да натура-то обѣденькаго слѣдователя выручаетъ-съ, вотъ бѣда! А объ этомъ и не подумаетъ увлекающаяся остроуміемъ молодежь, шагающая черезъ всѣ препятствія (какъ вы остроумнѣйшимъ и хитрѣйшимъ образомъ изволили вчера выразиться). Онъ-то, положимъ, и солжетъ, то есть человѣкъ-то-съ, *частный-то случай-съ*, incognito-то-съ, и солжетъ отлично, пахитрѣйшимъ манеромъ: тутъ-бы, кажется, и тріумфъ, и наслаждайся плодами своего остроумія, а онъ хлопъ! да въ самомъ-то интересномъ, въ самомъ скандалезнѣйшемъ мѣстѣ и упадетъ въ обморокъ. Ово, положимъ, болѣзнь, духота тоже иной разъ въ комнатахъ бываетъ, да вестаки-съ! Вестаки мысль подалъ! Солгалъ-то онъ безподобно, а на натуру-то и не съумѣлъ разсчитать. Вонъ оно, коварство-то гдѣ-съ! Другой разъ, увлекаясь игривостію своего остроумія, начнетъ дурачить подозрѣваемаго его человѣка, побѣдитъ какъ-бы нарочно, какъ-бы въ игрѣ, да *слишкомъ ужь натурально* побѣдитъ-то, слишкомъ ужь на правду похоже, анъ и опять подалъ мысль! Хоть и надуетъ съ перваго раза, да за ночь-то тотъ и надумается, коли самъ малый не промахъ. Да вѣдь на каждомъ шагу этакъ-то-съ! Да чего: самъ впередъ начнетъ забѣгать, соваться начнетъ куда и не спрашиваютъ, заговаривать начнетъ безпрерывно о томъ, о чемъ-бы надо, напротивъ, молчать, различныя аллегоріи начнетъ пущать. Хе-хе! самъ придетъ и спрашивать начнетъ: зачѣмъ-де меня долго не берутъ? Хе-хе-хе! и это вѣдь съ самымъ остроумнѣйшимъ человѣкомъ можетъ случиться, съ психологомъ и литераторомъ-съ! Зер-

кало натура, зеркало-съ, самое прозрачное-съ! Смотри въ него и любуйся, вотъ что-съ! Да что это вы такъ побѣдѣли, Родіонъ Романовичъ, не душно-ли вамъ, не растворить-ли окошечко?

— О, не безпокойтесь, пожалуйста, вскричалъ Раскольниковъ и вдругъ захохоталъ:—пожалуйста не безпокойтесь!

Порфирій остановился противъ него, подождалъ, и вдругъ самъ захохоталъ, вслѣдъ за нимъ. Раскольниковъ всталъ съ дивана, вдругъ рѣзко прекративъ свой, совершенно припадочный, смѣхъ.

— Порфирій Петровичъ! проговорилъ онъ громко и отчетливо, хотя едва стоялъ на дрожавшихъ ногахъ:—я, наконецъ, вижу ясно, что вы положительно подозрѣваете меня въ убійствѣ этой старухи и ея сестры Лизаветы. Съ своей стороны объявляю вамъ, что все это мнѣ давно уже надоѣло. Если находите, что имѣете право меня законно преслѣдовать, то преслѣдуйте; арестовать, то арестуйте. Но смѣяться себѣ въ глаза и мучить себя я не позволю...

Вдругъ губы его задрожали, глаза загорѣлись бѣшенствомъ, и сдержанный до-сихъ поръ голосъ зазвучалъ.

— Не позволю-съ! крикнулъ онъ вдругъ, изо всей силы стукнувъ кулакомъ по столу:—слышите вы это, Порфирій Петровичъ? Не позволю!

— Ахъ, Господи, да что это опять! вскрикнулъ, повидимому, въ совершенномъ испугѣ Порфирій Петровичъ:—батюшка! Родіонъ Романовичъ! Родименькій! Отецъ! Да что съ вами?

— Не позволю! крикнулъ было другой разъ Раскольниковъ.

— Батюшка, потише! Вѣдь услышатъ, придутъ! Ну что тогда мы имъ скажемъ, подумайте! прошепталъ въ ужасѣ Порфирій Петровичъ, приближая свое лицо къ самому лицу Раскольникова.

— Не позволю, не позволю! машинально повторилъ Раскольниковъ, но тоже вдругъ совершеннымъ шепотомъ.

Порфирій быстро отвернулся и побѣжалъ отворить окно.

— Воздуху пропустить, свѣжаго! Да водицы-бы вамъ, голубчикъ, испить, вѣдь это припадокъ-съ! И онъ бросился было къ дверямъ приказать воды, но тутъ-же въ углу, кстати, нашелся графинъ съ водой.

— Батюшка, испейте, шепталъ онъ, бросаясь къ нему съ графиномъ, — авось поможетъ... Испугъ и самое участіе Порфирія Петровича были до того натуральны, что Раскольниковъ умолкъ и съ дикимъ любопытствомъ сталъ его разсматривать. Воды, впрочемъ, онъ не принялъ.

— Родіонъ Романовичъ! Миленькій! Да вы этакъ себя съ ума сведете, увѣряю васъ, э-эхъ! А-хъ! Выпейте-ка! Да выпейте хоть немножечко!

Опъ-таки заставилъ его взять стаканъ съ водой въ руки. Тотъ машинально поднесъ было его къ губамъ, но, опомнившись, съ отвращеніемъ поставилъ на столъ.

— Да-съ, припадочекъ у насъ былъ-съ! Этакъ вы опять, голубчикъ, прежнюю болѣзнь себѣ возвратите, закудахталъ съ дружественнымъ участіемъ Порфирій Петровичъ, впрочемъ все еще съ какимъ-то растерявшимся видомъ. — Господи! Да какъ-же этакъ себя не беречь? Вотъ и Дмитрій Прокофьичъ ко мнѣ вчера приходилъ,— согласенъ, согласенъ-съ, у меня характеръ язвительный, скверный, а они вотъ что изъ этого вывели!.. Господи! Пришелъ вчера, послѣ васъ, мы обѣдали, говорилъ-говорилъ, я только руки разставилъ; ну, думаю... ахъ ты, Господи! Отъ васъ, что-ли, онъ приходилъ? Да садитесь-же, батюшка, присядьте ради Христа!

— Нѣтъ, не отъ меня! Но я зналъ, что онъ къ вамъ пошелъ и зачѣмъ пошелъ, рѣзко отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Знали?

— Зналъ. Ну что-же изъ этого?

— Да тоже, батюшка, Родіонъ Романовичъ, что я не такіе еще ваши подвиги знаю; обо всемъ извѣстенъ-съ! Вѣдь я знаю какъ вы *квартиру-то нанимать* ходили, подъ самую ночь, когда смерклось, да въ колокольчикъ стали звонить, да про кровь спрашивали, да работниковъ и дворниковъ съ толку сбили. Вѣдь и понимаю настроеніе-то ваше душевное, тогдашнее-то... да вѣдь все-таки этакъ вы себя просто съ ума сведете, ей Богу-съ! Закружитесь! Негодованіе-то въ васъ ужь очень сильно кипитъ-съ, благородное-съ, отъ полученныхъ обидъ, сперва отъ судьбы, а потомъ отъ квартальныхъ, вотъ вы и мечетесь туда и сюда, чтобы, такъ сказать, поскорѣе заговорить всѣхъ заставить и тѣмъ все разомъ покончить, потому что надоѣли вамъ эти глупости, и всѣ подозрѣнія эти. Вѣдь такъ? Угадалъ-съ настроеніе-то?.. Только вы этакъ не только себя, да и Разумихина у меня закружите; вѣдь слишкомъ ужь онъ *добрый* человѣкъ для этого, сами знаете. У васъ-то болѣзнь, а у него добродѣтель, болѣзнь-то и выходитъ къ нему прилипчивая... Я вамъ, батюшка, вотъ когда успокоитесь, разскажу... да садитесь-же, батюшка, ради Христа! Пожалуйста отдохните, лица на васъ нѣтъ; да присядьте-же.

Раскольниковъ сѣлъ; дрожь его проходила, и жаръ выступалъ во всемъ тѣлѣ. Въ глубокомъ изумленіи, напряженно слушалъ онъ испуганнаго и дружески ухаживавшаго за нимъ Порфирія Петровича. Но онъ не вѣрилъ ни единому его слову, хотя ощущалъ какую-то странную наклонность повѣрить. Неожиданныя слова Порфирія о квартирѣ совершенно его поразили: «Какъ-же это, онъ,

стало быть, знаетъ про квартиру-то? подумалось ему вдругъ, — и самъ-же мнѣ и разсказываетъ!».

— Да-съ, былъ такой почти точно случай, психологическій, въ судебной практикѣ нашей-съ, болѣзненный такой случай-съ, продолжалъ скороговоркой Порфирій. — Тоже накеналъ одинъ на себя убійство-съ, да еще какъ накеналъ-то: цѣлую галлюцинацію подвелъ, факты представилъ, обстоятельства разсказалъ, спуталъ, сбилъ всѣхъ и каждаго, а чего? Самъ онъ, совершенно неумышленно, отчасти, причиной убійства былъ, но только отчасти, и какъ узналъ про то, что онъ убійцамъ далъ поводъ, затосковалъ, задурманился, стало ему представляться, повихнулся совсѣмъ, да и увѣрилъ самъ себя, что онъ-то и есть убійца! Да правительствующій сенатъ, наконецъ, дѣло-то разобралъ, и несчастный былъ оправданъ и подъ призрѣніе отданъ. Спасибо правительствующему сенату! Эхъ-ма, ай-ай-ай! Да этакъ что-же, батюшка? Этакъ можно и горячку нажить, когда ужъ этакія поползновенія нервы свои раздражать являются, по ночамъ въ колокольчики ходить звонить, да про кровь разспрашивать! Эту вѣдь я психологію-то изучилъ всю на практикѣ-съ. Этакъ вѣдь иногда человѣка изъ окна или съ колокольни соскочить тянетъ, и ощущеніе-то такое соблазнительное. Тоже и колокольчики-съ... Болѣзнь, Родіонъ Романовичъ, болѣзнь! Болѣзнію своей пренебрегать слишкомъ начали-съ. Посовѣтовались-бы вы съ опытнымъ медикомъ, а то что у васъ этотъ толстый-то!.. Бредъ у васъ! Это все у васъ просто въ бреду одномъ дѣлается!..

На мгновеніе все такъ и завертѣлось кругомъ Раскольникова.

«Неужели, неужели, мелькало въ немъ.—онъ лжетъ и теперь? Невозможно, невозможно?» отталкивалъ онъ отъ себя эту мысль, чувствуя заранѣе до какой степени бѣшенства и ярости можетъ она довести его, чувствуя, что отъ бѣшенства съ ума сойти можетъ.

— Это было не въ бреду, это было на яву! вскричалъ онъ, напрягая всѣ силы своего разсудка проникнуть въ игру Порфирія.— На яву, на яву! Слышите-ли?

— Да, понимаю и слышу-съ! Вы и вчера говорили, что не въ бреду, особенно даже напирали, что не въ бреду! Все, что вы можете сказать, понимаю-съ! Э-эхъ!.. Да послушайте-же, Родіонъ Романовичъ, благодѣтель вы мой, ну, вотъ хоть-бы это-то обстоятельство. Вѣдь вотъ будь вы дѣйствительно, на самомъ-то дѣлѣ преступны, или тамъ какъ нибудь замѣшаны въ это проклятое дѣло, ну стали-бы вы, помилуйте, сами напирать, что не въ бреду вы все это дѣлали, а напротивъ въ полной памяти? Да еще осо-

бенно напирать, съ упорствомъ такимъ, особеннымъ, напирать,— ну могло-ли быть, ну могло-ли быть это, помилуйте? Да вѣдь совершенно-же напротивъ, по моему. Вѣдь еслибъ вы за собой что-либо чувствовали, такъ вамъ именно слѣдовало-бы напирать: что непремѣнно, дескать, въ бреду! Такъ-ли? Вѣдь такъ?

Что-то лукавое послышалось въ этомъ вопросѣ. Раскольниковъ отшатнулся къ самой спинкѣ дивана отъ наклонившагося къ нему Порфирія, и молча, въ упоръ, въ недоумѣніи его разсматривалъ.

Али вотъ на счетъ господина Разумихина, на счетъ того то есть, отъ себя-ли онъ вчера приходилъ говорить, или съ вашего наущенія? Да вамъ именно должно-бы говорить, что отъ себя приходилъ, и скрыть, что съ вашего наущенія! А вѣдь вотъ вы не скрываете-же! Вы именно упираете на то, что съ вашего наущенія!

Раскольниковъ никогда не упиралъ на это. Холодъ прошелъ по спинѣ его.

— Вы все лжете, проговорилъ онъ медленно и слабо, съ искривившимися въ болѣзненную улыбку губами,—вы мнѣ опять хотите показать, что всю игру мою знаете, всѣ отвѣты мои заранѣе знаете, говорилъ онъ, самъ почти чувствуя, что уже не взвѣшиваетъ какъ должно словъ,—запугать меня хотите... или просто смѣетесь надо мной...

Онъ продолжалъ въ упоръ смотрѣть на него, говоря это, и вдругъ опять безпредѣльная злоба блеснула въ глазахъ его.

— Лжете вы все! вскричалъ онъ.— Вы сами отлично знаете, что самая лучшая увертка преступнику по возможности не скрывать чего можно не скрыть. Не вѣрю я вамъ!

— Экой-же вы вертунъ! захихикалъ Порфиріи:—да съ вами, батюшка, и не сладишь: мономанія какая-то въ васъ засѣла. Такъ не вѣрите мнѣ? А я вамъ скажу, что ужь вѣрите, ужь на четверть аршина повѣрили, а я сдѣлаю, что повѣрите и на весь аршинъ, потому истинно васъ люблю и искренно добра вамъ желаю.

Губы Раскольникова задрожали.

Да-съ, желаю-съ, окончательно вамъ скажу-съ, продолжалъ онъ, слегка, дружески, взявши за руку Раскольникова, немного повыше локтя,—окончательно скажу-съ: наблюдайте вашу болѣзнь. Къ тому-же вотъ къ вамъ и фамилія теперь пріѣхала: объ ней-то попомните. Покоить вамъ и нѣжить ихъ слѣдуетъ, а вы ихъ только пугаете...

— Какое вамъ дѣло? Почемъ это вы знаете? Къ чему такъ

интересуетесь? Вы слѣдите, стало быть, за мной и хотите мнѣ это показать?

— Батюшка! Да вѣдь отъ васъ-же, отъ васъ-же самихъ все узналъ! Вы и не замѣчаете, что въ волненіи своемъ, все впередъ сами высказываете, и мнѣ, и другимъ. Отъ господина Разумихина, Дмитрія Прокофьича, тоже вчера много интересныхъ подробностей узналъ. Нѣтъ-съ, вотъ вы меня прервали, а я скажу, что черезъ мнительность вашу, при всемъ остроуміи вашемъ, вы даже здравый взглядъ на вещи изволили потерять. Ну вотъ, напримѣръ, хоть на ту-же опять тему, на счетъ колокольчиковъ-то: да этакую-то драгоцѣнность, этакой фактъ (цѣлый вѣдь фактъ-съ!) я вамъ такъ, съ руками и съ ногами, и выдалъ, я-то, слѣдователь! И вы ничего въ этомъ не видите? Да подозрѣвай я васъ хоть немножко, такъ-ли слѣдовало мнѣ поступить? Мнѣ, напротивъ, слѣдовало-бы сначала усыпить подозрѣнія ваши, и виду не подать, что я объ этомъ фактѣ уже извѣстенъ; отвлечь, этакъ, васъ въ противоположную сторону, да вдругъ, какъ обухомъ по темени (по вашему-же выраженію) и огорошить: «А что, дескать, сударь, изволили вы въ квартирѣ убитой дѣлать въ десять часовъ вечера, да чуть-ли еще и не въ одиннадцать? А зачѣмъ въ колокольчикъ звонили? А зачѣмъ про кровь разспрашивали? А зачѣмъ дворниковъ сбивали и въ часть, къ квартальному поручику, подзывали?» Вотъ какъ-бы слѣдовало мнѣ поступить, еслибъ я хоть капельку на васъ подозрѣнія имѣлъ. Слѣдовало-бы по всей формѣ отъ васъ показаніе-то отобрать, обыскъ сдѣлать, да, пожалуй, еще васъ и заарестовать... Стало быть, я на васъ не питаю подозрѣній, коли иначе поступилъ! А вы здравый взглядъ потеряли, да и не видите ничего, повторяю-съ!

Раскольниковъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, такъ что Порфирій Петровичъ слишкомъ ясно замѣтилъ это.

— Лжете вы все! вскричалъ онъ:—я не знаю вашихъ цѣлей, но вы все лжете... Давеча вы не въ этомъ смыслѣ говорили, и ошибиться нельзя мнѣ... Вы лжете!

— Я лгу? подхватилъ Порфирій, повидимому горячась, но сохраняя самый веселый и насмѣшливый видъ, и, кажется, ни мало не тревожась тѣмъ, какое мнѣніе имѣетъ о немъ г. Раскольниковъ.—Я лгу?.. Ну, а какъ я съ вами давеча поступилъ (я-то, слѣдователь), самъ вамъ подсказывая и выдавая всѣ средства къ защитѣ, самъ-же вамъ всю эту психологію подводя: «Болѣзнь, дескать, бредъ, разобиженъ былъ; меланхолія, да квартальные-, и все это прочее? А? Хе-хе-хе! Хотя оно, впрочемъ,—кстати скажу,—всѣ эти психологическія средства къ защитѣ, отговорки, да увертки,

крайне несостоятельны, да и о двухъ концахъ: «Болѣзнь, дескать, бредъ, грезы, мерещилось, не помню», все это такъ-съ, да зачѣмъ-же, батюшка, въ болѣзни-то, да въ бреду все такія именно грезы мерещутся, а не прочія? Могли вѣдь быть и прочія-съ? Такъ-ли? Хе-хе-хе-хе!

Раскольниковъ гордо и съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Однимъ словомъ, настойчиво и громко сказалъ онъ, вставая и немного отталкивъ при этомъ Порфирія,—однимъ словомъ, я хочу знать: признаете-ли вы меня окончательно свободнымъ отъ подозрѣній или *нѣтъ?* Говорите, Порфирій Петровичъ, говорите положительно и окончательно, и скорѣе, сейчасъ!

— Экъ вѣдь коммисія! Ну, ужь коммисія-же съ вами, вскричалъ Порфирій съ совершенно веселымъ, лукавымъ и нисколько не встревоженнымъ видомъ.—Да и къ чему вамъ знать, къ чему вамъ такъ много знать, коли васъ еще и не начинали безпокоить нисколько! Вѣдь вы какъ ребенокъ: дай да подай огонь въ руки! И зачѣмъ вы такъ безпокоитесь? Зачѣмъ сами-то вы такъ къ намъ напрашиваетесь, изъ какихъ причинъ? А? Хе-хе-хе!

— Повторяю вамъ, вскричалъ въ ярости Раскольниковъ,—что не могу дольше переносить...

— Чего-съ? Неизвѣстности-то? перебилъ Порфирій.

— Не язвите меня! Я не хочу!.. Говорю вамъ, что не хочу!.. Не могу и не хочу!.. Слышите! Слышите! крикнулъ онъ, стукнувъ опять кулакомъ по столу.

— Да тише-же, тише! Вѣдь услышатъ! серіозно предупреждаю: побеpегите себя. Я не шучу-съ! проговорилъ шепотомъ Порфирій, но на этотъ разъ въ лицѣ его уже не было давешняго бабьи-добродушнаго и испуганнаго выраженія: напротивъ, теперь онъ прямо *приказывалъ*, строго, нахмуривъ брови и какъ будто разомъ нарушая всѣ тайны и двусмысленности. Но это было только на мгновеніе. Озадаченный былъ Раскольниковъ вдругъ впалъ въ настоящее изступленіе: но страшно: онъ опять послушался приказанія говорить тише, хотя и былъ въ самомъ сильномъ пароксизмѣ бѣшенства.

— Я не дамъ себя мучить! зашепталъ онъ вдругъ по давешнему, съ болью и съ ненавистію мгновенно сознавая въ себѣ, что не можетъ не подчиниться приказанію, и приходя отъ этой мысли еще въ бо́льшее бѣшенство,—арестуйте, меня, обыскивайте меня, но извольте дѣйствовать по формѣ, а не играть со мной-съ! Не смѣйте...

— Да не безпокойтесь-же о формѣ, перебилъ Порфирій съ прежнею лукавою усмѣшкой и какъ-бы даже съ наслажденіемъ ло-

буясь Раскольниковымъ,—я васъ, батюшка, пригласилъ теперь по домашнему, совершенно этакъ по дружески!

— Не хочу я вашей дружбы и плюю на нее! Слышите-ли? И вотъ-же: беру фуражку и иду. Нут-ка, что теперь скажешь, коли намѣренъ арестовать?

Онъ схватилъ фуражку и пошелъ къ дверямъ.

— А сюрпризикъ-то не хотите развѣ посмотрѣть? захихикалъ Порфирій, опять схватывая его немного повыше локтя и останавливая у дверей. Онъ, видимо, становился все веселѣе и игривѣе, что окончательно выводило изъ себя Раскольникова.

— Какой сюрпризикъ? Что такое? спросилъ онъ, вдругъ останавливаясь и съ испугомъ смотря на Порфирія.

— Сюрпризикъ-съ, вотъ тутъ, за дверью у меня сидитъ, хе-хе-хе! (Онъ указалъ пальцемъ на запертую дверь въ перегородкѣ, которая вела въ казенную квартиру его). — Я и на замокъ заперъ, чтобы не убѣжалъ.

— Что такое? Гдѣ? Что?.. Раскольниковъ подошелъ было къ двери и хотѣлъ отворить, но она была заперта.

— Заперта-съ, вотъ и ключъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ показалъ ему ключъ, вынувъ изъ кармана.

— Лжешь ты все! завопилъ Раскольниковъ, уже не удерживаясь:—лжешь, подлинишель проклятый! и бросился на ретировавшагося къ дверямъ, но нисколько не струсившаго Порфирія.

— Я все, все понимаю! подскочилъ онъ къ нему.—Ты лжешь и дразнишь меня, чтобъ я себя выдалъ...

— Да ужъ больше и нельзя себя выдать, батюшка, Родіонъ Романычъ. Вѣдь вы въ изступленіе пришли. Не кричите, вѣдь я людей позову-съ.

— Лжешь, ничего не будетъ! Зови людей! Ты зналъ, что я боленъ и раздражить меня хотѣлъ, до бѣшенства, чтобъ я себя выдалъ, вотъ твоя цѣль! Нѣтъ, ты фактовъ подавай! Я все понялъ! У тебя фактовъ нѣтъ, у тебя одни только дрянныя, ничтожныя догадки, Заметовскія!.. Ты зналъ мой характеръ, до изступленія меня довести хотѣлъ, а потомъ и огорошить вдругъ понами, да депутатами... Ты ихъ ждешь? а? Чего ждешь? Гдѣ? Подавай!

— Ну какіе тутъ депутаты-съ, батенька! Вообразитея-же человѣку! Да этакъ по формѣ и дѣйствовать-то нельзя, какъ вы говорите, дѣла вы, родимый, не знаете... А форма не уйдетъ-съ, сами увидите!.. бормоталъ Порфирій, прислушиваясь къ дверямъ.

Дѣйствительно, въ это время у самыхъ дверей въ другой комнатѣ послышался какъ-бы шумъ.

— А, идутъ, вскричалъ Раскольниковъ:—ты за ними послалъ!.. Ты ихъ ждалъ! Ты разсчиталъ... Ну, подавай сюда всѣхъ: депутатовъ, свидѣтелей, чего хочешь... давай! Я готовъ! Готовъ!

Но тутъ случилось странное происшествіе, нѣчто до того неожиданное, при обыкновенномъ ходѣ вещей, что уже, конечно, ни Раскольниковъ, ни Порфирій Петровичъ на такую развязку и не могли разсчитывать.

VI.

Отомъ, при воспоминаніи объ этой минутѣ, Раскольникову представлялось все въ такомъ видѣ:

Послышавшійся за дверью шумъ вдругъ быстро увеличился и дверь немного пріотворилась.

— Что такое? крикнулъ съ досадой Порфирій Петровичъ.—Вѣдь я предупредилъ...

На мгновеніе отвѣта не было, но видно было, что за дверью находилось нѣсколько человѣкъ и какъ будто кого-то отталкивали.

— Да что тамъ такое? встревоженно повторилъ Порфирій Петровичъ.

— Арестанта привели, Николая, послышался чей-то голосъ.

— Не надо! Прочь! Подождать!.. Зачѣмъ онъ сюда залѣзъ! Что за безпорядокъ! закричалъ Порфирій, бросаясь къ дверямъ.

— Да онъ... началъ было опять тотъ-же голосъ и вдругъ осѣкся.

Секунды двѣ не болѣе происходила настоящая борьба: потомъ вдругъ какъ-бы кто-то кого-то съ силою оттолкнулъ, и вслѣдъ затѣмъ какой-то очень блѣдный человѣкъ шагнулъ прямо въ кабинетъ Порфирія Петровича.

Видъ этого человѣка съ перваго взгляда былъ очень странный. Онъ глядѣлъ прямо передъ собою, но какъ-бы никого не видя. Въ глазахъ его сверкала рѣшимость, но въ тоже время смертная блѣдность покрывала лицо его, точно его привели на казнь. Совсѣмъ побѣлѣвшія губы его слегка вздрагивали.

Онъ былъ еще очень молодъ, одѣтъ какъ простолюдинъ, роста средняго, худощавый, съ волосами обстриженными въ кружокъ, съ тонкими, какъ-бы сухими чертами лица. Неожиданно оттолкнутый имъ человѣкъ, первый бросился было за нимъ въ комнату и успѣлъ схватить его за плечо: это былъ конвойный; но Николай дернулъ руку и вырвался отъ него еще разъ.

Въ дверяхъ заголпилось нѣсколько любопытныхъ. Иные изъ нихъ порывались войти. Все описанное произошло почти въ одно мгновеніе.

— Прочь, рано еще! Подожди пока позовутъ!.. Зачѣмъ его раньше привели? бормоталъ въ крайней досадѣ, какъ-бы сбитый съ толку Порфирій Петровичъ. Но Николай вдругъ сталъ на колѣни.

— Чего ты? крикнулъ Порфирій въ изумленіи.

— Виноватъ! Мой грѣхъ! Я убивецъ! вдругъ произнесъ Николай, какъ будто нѣсколько задыхаясь, но довольно громкимъ голосомъ.

Секундъ десять продолжалось молчаніе, точно столбнякъ нашелъ на всѣхъ; даже конвойный отпатунлся и уже не подходилъ къ Николаю, а отретировался машинально къ дверямъ и сталъ неподвиженъ.

— Что такое? вскричалъ Порфирій Петровичъ, выходя изъ мгновеннаго оцѣпенѣнія.

— Я... убивецъ... повторилъ Николай, помолчавъ капельку.

— Какъ... ты... Какъ... Кого ты убилъ?

Порфирій Петровичъ, видимо, потерялся.

Николай опять помолчалъ капельку.

— Алену Ивановну и сестрицу ихнюю, Лизавету Ивановну, я... убилъ... топоромъ. Омраченіе нашло... прибавилъ онъ вдругъ и опять замолчалъ. Онъ все стоялъ на колѣняхъ.

Порфирій Петровичъ нѣсколько мгновеній стоялъ, какъ-бы вдумываясь, но вдругъ опять вспорхнулся и замахалъ руками на непрошенныхъ свидѣтелей. Тѣ мигомъ скрылись, и дверь притворилась. Затѣмъ онъ поглядѣлъ на стоявшаго въ углу Раскольникова, дико смотрѣвшаго на Николая, и направился было къ нему, но вдругъ остановился, посмотрѣлъ на него, перевелъ тотчасъ-же свой взглядъ на Николая, потомъ опять на Раскольникова, потомъ опять на Николая, и вдругъ, какъ-бы увлеченный, опять набросился на Николая.

— Ты мнѣ что съ своимъ омраченіемъ-то впередъ забѣгаешь? крикнулъ онъ на него почти со злобой.—Я тебя еще не спрашивалъ: находило или нѣтъ на тебя омраченіе... говори: ты убилъ?

— Я убивецъ... показаніе даю... произнесъ Николай.

— Э-эхъ! Чѣмъ ты убилъ?

— Топоромъ. Припасъ.

— Эхъ, спѣшитъ! Одинъ?

Николай не понялъ вопроса.

— Одинъ убилъ?

— Одинъ. А Митька неповиненъ и всему тому непричастенъ.

— Да не спѣши съ Митькой-то! Э-эхъ!..

— Какъ-же ты, ну, какъ-же ты съ лѣстницы-то тогда сбѣжалъ? Вѣдь дворники васъ обоихъ встрѣтили?

— Это я для отводу... тогда... бѣжалъ съ Митькой, какъ-бы заторопясь и заранѣе приготовившись, отвѣтилъ Николай.

— Ну, такъ и есть! злобно вскрикнулъ Порфирій: — не свои

слова говорить! пробормоталъ онъ какъ-бы про себя и вдругъ опять увидалъ Раскольникова.

Онъ, видимо, до того увлекся съ Николаемъ, что на одно мгновеніе даже забылъ о Раскольниковѣ. Теперь онъ вдругъ опомнился, даже смутился...

— Родіонъ Романовичъ, батюшка! Извините-съ,— кинулся онъ къ нему,— этакъ нельзя-съ... пожалуйте-съ... вамъ тутъ нечего... я и самъ... видите, какіе сюрпризы!.. Пожалуйте-съ!..

И взявъ его за руку, онъ показалъ ему на дверь.

— Вы кажется этого не ожидали? проговорилъ Раскольниковъ, конечно, ничего еще не понимавшій ясно, но уже успѣвшій сильно ободриться.

— Да и вы, батюшка, не ожидали. Вишь ручка-то какъ дрожитъ! Хе-хе!

— Да и вы дрожите, Порфирій Петровичъ.

— И я дрожу-съ; не ожидалъ-съ!..

Они уже стояли въ дверяхъ. Порфирій нетерпѣливо ждалъ, чтобы прошелъ Раскольниковъ.

— А сюрпризикъ-то такъ и не покажете? проговорилъ вдругъ Раскольниковъ.

— Говоритъ, а у самого еще зубки во рту одинъ о другой колотятся, хе-хе! Ироническій вы человѣкъ! Ну-съ, до свиданія-съ.

— По моему такъ *прощайте!*

— Какъ Богъ приведетъ-съ, какъ Богъ приведетъ-съ! пробормоталъ Порфирій съ искривившеюся какъ-то улыбкой.

Проходя канцелярію, Раскольниковъ замѣтилъ, что многіе на него пристально посмотрѣли. Въ прихожей, въ толпѣ, онъ успѣлъ разглядѣть обоихъ дворниковъ изъ *того* дома, которыхъ онъ подзывалъ тогда ночью къ квартальному. Они стояли и чего-то ждали. Но только что онъ вышелъ на лѣстницу, вдругъ услышалъ за собой опять голосъ Порфирія Петровича. Обернувшись, онъ увидѣлъ, что тотъ догонялъ его, весь запыхавшись.

— Одно словцо-съ, Родіонъ Романовичъ; тамъ на счетъ всего этого прочаго какъ Богъ приведетъ, а все-таки по формѣ кой о чемъ придется спросить-съ... такъ мы еще увидимся, такъ-съ!

И Порфирій остановился передъ нимъ съ улыбкой.

— Такъ-съ, прибавилъ онъ еще разъ.

Можно было предположить, что ему еще что-то хотѣлось сказать, но какъ-то не выговаривалось.

— А вы меня, Порфирій Петровичъ, извините на счетъ давешняго... я погорячился, началъ было совершенно уже ободрившійся, до неотразимаго желанія поюрить, Раскольниковъ.

— Ничего-съ, ничего-съ, почти радостно подхватилъ Порфирій... —Я и самъ-то-съ... Ядовитый характеръ у меня, каюсь, каюсь! Да вотъ мы увидимся-съ. Если Богъ приведетъ, такъ и очень, и очень увидимся-съ!..

— И окончательно познаемъ другъ друга? подхватилъ Раскольниковъ.

— И окончательно познаемъ другъ друга, поддакнулъ Порфирій Петровичъ, и, прищурившись, весьма серіозно посмотрѣлъ на него.—Теперь на именины-съ?

— На похороны-съ.

— Да, вишь, на похороны! Здоровье-то свое берегите, здоровье-то-съ...

— А ужъ и не знаю чего вамъ пожелать съ своей стороны! подхватилъ Раскольниковъ, уже начинавшій спускаться съ лѣстницы, но вдругъ опять оборачиваясь къ Порфирію:—пожелалъ-бы большихъ успѣховъ, да вѣдь видите, какая ваша должность комическая!

— Почему-же комическая-съ? тотчасъ навострилъ уши Порфирій Петровичъ, тоже повернувшійся было уйти.

— Да какъ-же, вотъ этого бѣднаго Миколку, вы вѣдь какъ, должно быть, терзали и мучили, психологически-то, на свой манеръ, покамѣстъ онъ не сознался; день и ночь, должно быть, доказывали ему: «ты убійца, ты убійца... ну, а теперь, какъ онъ ужъ сознался, вы его опять по косточкамъ разминать начнете: «Врешь, дескать, не ты убійца! Не могъ ты имъ быть! Не свои ты слова говоришь! Ну, такъ какъ-же послѣ этого должность не комическая?

— Хе-хе-хе! А таки замѣтилъ, что я сказалъ сейчасъ Николаю, что онъ «не свои слова говоритъ?»

— Какъ не замѣтить?

— Хе-хе! Остроумны, остроумны-съ. Все-то замѣчаете! Настоящій игривый умъ-съ! И самую-то комическую струну и зацѣпите... хе-хе! Это вѣдь у Гоголя, изъ писателей, говорятъ, эта черта была въ высшей-то степени?

— Да, у Гоголя.

— Да-съ, у Гоголя-съ... до пріятнѣйшаго свиданія-съ.

— До пріятнѣйшаго свиданія...

Раскольниковъ прошелъ прямо домой. Онъ до того былъ сбитъ и спутанъ, что, уже придя домой и бросившись на диванъ, съ четверть часа сидѣлъ только отдыхая и стараясь хоть сколько нибудь собраться съ мыслями. Про Николая онъ и разсуждать не бралея: онъ чувствовалъ, что пораженъ: что въ признаніи Нико-

лая есть что-то необъяснимое, удивительное, чего теперь ему не понять ни за что. Но признаніе Николая былъ фактъ дѣйствительный. Послѣдствія этого факта ему тотчасъ-же стали ясны: ложь не могла не обнаружиться, и тогда примутся опять за него. Но, по крайней мѣрѣ, до того времени онъ свободенъ и долженъ непремѣнно что нибудь для себя сдѣлать, потому что опасность неминуемая.

Но, однакожь, въ какой степени? Положеніе начало выясняться. Припоминая, *внутри*, въ общей связи, всю свою давешнюю сцену съ Порфиріемъ, онъ не могъ еще разъ не содрогнуться отъ ужаса. Конечно, онъ не зналъ еще всѣхъ цѣлей Порфирія, не могъ постигнуть всѣхъ давешнихъ разсчетовъ его. Но часть игры была обнаружена, и ужь, конечно, никто лучше его не могъ понять, какъ страненъ былъ для него этотъ ходъ въ игрѣ Порфирія. Еще немного и онъ *могъ* выдать себя совершенно, уже фактически. Зная болѣзненность его характера и, съ перваго взгляда, вѣрно схвативъ и проникнувъ его, Порфирій дѣйствовалъ, хотя слишкомъ рѣшительно, но почти навѣрное. Спору нѣтъ, Раскольниковъ успѣлъ уже себя и давеча слишкомъ скомпрометтировать, но до *фактовъ* все-таки еще не дошло: все еще это только относительно. Но такъ-ли, однако-же, такъ-ли онъ это все теперь понимаетъ? Не ошибается-ли онъ? Къ какому именно результату клонилъ сегодня Порфирій? Дѣйствительно-ли было у него что нибудь приготовлено сегодня? Да и что̀ именно? Дѣйствительно-ли онъ ждалъ чего или нѣтъ? Какъ именно разсталисъ-бы они сегодня, если-бы не подошла неожиданная катастрофа, черезъ Николая?

Порфирій почти всю игру свою показалъ; конечно, рискнулъ, но показалъ, и (все казалось Раскольникову) если-бы дѣйствительно у Порфирія было что нибудь болѣе, то онъ показалъ-бы и то. Что̀ такое этотъ сюрпризъ? Насмѣшка, что-ли? Значило это что нибудь или нѣтъ? Могло-ли подъ этимъ скрываться хоть что нибудь похожее на фактъ, на положительное обвиненіе? Вчерашній человѣкъ? Куда-же онъ провалился? Гдѣ онъ былъ сегодня? Вѣдь если только есть что нибудь у Порфирія положительнаго, то ужь, конечно, оно въ связи со вчерашнимъ человѣкомъ...

Онъ сидѣлъ на диванѣ, свѣсивъ внизъ голову, облокотясь на колѣни и закрывъ руками лицо. Нервная дрожь продолжалась еще во всемъ его тѣлѣ. Наконецъ онъ всталъ, взялъ фуражку, подумалъ и направился къ дверямъ.

Ему какъ-то предчувствовалось, что, по крайней мѣрѣ, на сегодняшній день онъ почти навѣрное можетъ считать себя безопаснымъ. Вдругъ въ сердцѣ своемъ онъ ощутилъ почти радость: ему

захотѣлось поскорѣе къ Катеринѣ Ивановнѣ. На похороны онъ, разумѣется, опоздалъ, но на помнки поспѣетъ, и тамъ, сейчасъ, онъ увидитъ Соню.

Онъ остановился, подумалъ, и болѣзненная улыбка выдавилась на губахъ его.

— Сегодня! Сегодня! повторилъ онъ про себя:—да, сегодня-же! Такъ должно...

Только что онъ хотѣлъ отворить дверь, какъ вдругъ она стала отворяться сама. Онъ задрожалъ и отскочилъ назадъ. Дверь отворялась медленно и тихо, и вдругъ показалась фигура—вчерашняго человѣка *изъ подъ земли.*

Человѣкъ остановился на порогѣ, посмотрѣлъ молча на Раскольникова и ступилъ шагъ въ комнату. Онъ былъ точь-въ-точь какъ и вчера, такая-же фигура, такое одѣтъ, но въ лицѣ и во взглядѣ его произошло сильное измѣненіе: онъ смотрѣлъ теперь какъ-то пригорюнившись и, постоявъ немного, глубоко вздохнулъ. Недоставало только чтобъ онъ приложилъ при этомъ ладонь къ щекѣ, а голову скривилъ на сторону, чтобъ ужъ совершенно походить на бабу.

— Что вамъ? спросилъ помертвѣвшій Раскольниковъ.

Человѣкъ помолчалъ и вдругъ глубоко, чуть не до земли, поклонился ему. По крайней мѣрѣ, тронулъ землю перстомъ правой руки.

— Что вы? вскричалъ Раскольниковъ.

— Виноватъ, тихо произнесъ человѣкъ.

— Въ чемъ?

— Въ злобныхъ мысляхъ.

Оба смотрѣли другъ на друга.

— Обидно стало. Какъ вы изволили тогда приходить, можетъ, во хмѣлю, и дворниковъ въ кварталъ звали и про кровь спрашивали, обидно мнѣ стало, что втунѣ оставили и за пьянаго васъ почли. И такъ обидно, что сна рѣшился. А запомнивши адресъ, мы вчера сюда приходили и спрашивали...

— Кто приходилъ? перебилъ Раскольниковъ, мгновенно начиная припоминать.

— Я, то есть, васъ обидѣлъ.

— Такъ вы изъ того дома?

— Да я тамъ-же, тогда-же въ воротахъ съ ними стоялъ, али запамятовали? Мы и рукомесло свое тамъ имѣемъ, искони. Скорняки мы, мѣщане, на домъ работу беремъ... а паче всего обидно стало...

И вдругъ Раскольникову ясно припомнилась вся сцена третьяго дня подъ воротами; онъ сообразилъ, что кромѣ дворниковъ тамъ

стояло тогда еще нѣсколько человѣкъ, стоялъ и женщины. Онъ припомнилъ одинъ голосъ, предлагавшій вести его прямо въ квартиру. Лицо говорившаго не могъ онъ вспомнить и даже теперь не призналъ, но ему памятно было, что онъ даже что-то отвѣтилъ ему тогда, обернулся къ нему...

Такъ вотъ, стало быть, чѣмъ разрѣшился весь этотъ вчерашній ужасъ. Всего ужаснѣе было подумать, что онъ дѣйствительно чуть не погибъ, чуть не погубилъ себя изъ за такого *пустого* обстоятельства. Стало быть, кромѣ найма квартиры и разговоровъ о крови, этотъ человѣкъ ничего не можетъ разсказать. Стало быть, и у Порфирія тоже нѣтъ ничего, ничего кромѣ этого *бреда*, никакихъ фактовъ, кромѣ этой *психологіи*, которая *о двухъ концахъ*, ничего положительнаго. Стало быть, если не явится никакихъ больше фактовъ (а они не должны уже болѣе явиться, не должны, не должны!) то... то что-же могутъ съ нимъ сдѣлать? Чѣмъ-же могутъ его обличить окончательно, хоть и арестуютъ. И, стало быть, Порфирій только теперь, только сейчасъ узналъ о квартирѣ, а до сихъ поръ и не зналъ.

— Это вы сказали сегодня Порфирію... о томъ, что я приходилъ? вскричалъ онъ, пораженный внезапною идеей.

— Какому Порфирію?

— Приставу слѣдственныхъ дѣлъ.

— Я сказалъ. Дворники не пошли тогда, я и пошелъ.

— Сегодня?

— Передъ вами за минуточку былъ. И все слышалъ, все, какъ онъ васъ истязалъ.

— Гдѣ? Что? Когда?

— Да тутъ-же, у него за перегородкой, все время просидѣлъ.

— Какъ? Такъ это вы-то были сюрпризъ? Да какъ-же это могло случиться? Помилуйте!

— Видѣлись я, началъ мѣщанинъ, — что дворники съ моихъ словъ идти не хотятъ, потому, говорятъ, уже поздно, а, пожалуй, еще осерчаетъ, что тѣмъ часомъ не пришли, стало мнѣ обидно, и сна рѣшился, и сталъ узнавать. А разузнавши вчера, сегодня пошелъ. Въ первой пришелъ — его не было. Часомъ помедля пришелъ—не принялъ. въ третій пришелъ— допустили. Сталъ я ему докладывать все какъ было, и сталъ онъ по комнатѣ сигать и себя въ грудь кулакомъ бить: Что вы, говоритъ, со мной, разбойники, дѣлаете? Зналъ-бы я этакое дѣло, я-бъ его съ конвоемъ потребовалъ! Потомъ выбѣжалъ, какого-то позвалъ и сталъ съ нимъ въ углу говорить, а потомъ опять ко мнѣ и сталъ спрашивать и ругать. И много поперекалъ; а донесъ я ему обо всемъ, и говорилъ,

что съ моихъ вчерашнихъ словъ ничего вы не посмѣли мнѣ отвѣчать, и что вы меня не признали. И сталъ онъ тутъ опять бѣгать и все бить себя въ грудь, и серчалъ, и бѣгалъ, а какъ объ васъ доложили, — ну, говоритъ, ползай за перегородку, сиди пока, не шевелись, что-бы ты ни услышалъ, и стулъ мнѣ туда самъ принесъ, и меня заперъ; можетъ, говоритъ, я тебя и спрошу. А какъ привели Николая, тутъ онъ меня, послѣ васъ, и вывелъ: я тебя еще, говоритъ, потребую и еще спрашивать буду...

— А Николая при тебѣ спрашивалъ?

— Какъ васъ вывелъ, и меня тотчасъ вывелъ, а Николая допрашивать началъ.

Мѣщанинъ остановился и вдругъ опять положилъ поклонъ, коснувшись перстомъ пола.

— За оговоръ и за злобу мою простите.

— Богъ проститъ, отвѣтилъ Раскольниковъ, и какъ только произнесъ это, мѣщанинъ поклонился ему, но уже не земно, а въ поясъ, медленно повернулся и вышелъ изъ комнаты. «Все о двухъ концахъ, теперь все о двухъ концахъ», твердилъ Раскольниковъ и болѣе чѣмъ когда нибудь бодро вышелъ изъ комнаты.

«Теперь мы еще поборемся», съ злобною усмѣшкой проговорилъ онъ, сходя съ лѣстницы. Злоба-же относилась къ нему самому: онъ съ презрѣніемъ и стыдомъ вспоминалъ о своемъ «малодушіи».

Часть пятая.

I.

Утро, послѣдовавшее за роковымъ для Петра Петровича объясненіемъ съ Дунечкой и съ Пульхеріей Александровной, принесло свое отрезвляющее дѣйствіе и на Петра Петровича. Онъ, къ величайшей своей непріятности, принужденъ былъ мало по малу принять за фактъ, совершившійся и невозвратимый. то, что вчера еще казалось ему пророчествіемъ почти фантастическимъ, и хотя и сбывшимся, но все-таки какъ будто еще невозможнымъ. Черный змѣй ужаленнаго самолюбія всю ночь сосалъ его сердце. Встав съ постели, Петръ Петровичъ тотчасъ-же посмотрѣлся въ зеркало. Онъ опасался, не разлилась-ли въ немъ за ночь желчь? Однако, съ этой стороны все было, покамѣстъ, благополучно, и, посмотрѣвъ на свой благородный, бѣлый и немного ожирѣвшій въ послѣднее время обликъ, Петръ Петровичъ даже на мгновеніе утѣшился, въ полнѣйшемъ убѣжденіи сыскать себѣ невѣсту гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, да. пожалуй. еще и почище: но тотчасъ-же опомнился и энергически плюнулъ въ сторону, чѣмъ вызвалъ молчаливую, но саркастическую улыбку въ молодомъ своемъ другѣ и сожителѣ Андреѣ Семеновичѣ Лебезятниковѣ. Улыбку эту Петръ Петровичъ замѣтилъ и про себя тотчасъ-же поставилъ ее молодому своему другу на счетъ. Онъ уже много успѣлъ поставить ему въ послѣднее время на счетъ. Злоба его удвоилась, когда онъ вдругъ сообразилъ, что не слѣдовало-бы сообщать вчера о вчерашнихъ результатахъ Андрею Семеновичу. Это была вторая вчерашняя ошибка, сдѣланная имъ сгоряча, отъ излишней экспансивности, въ раздраженіи... Затѣмъ, во все это утро, какъ нарочно, слѣдовала непріятность за непріятностію. Даже въ сенатѣ ждала его какая-то неудача по дѣлу, о которомъ онъ тамъ хлопоталъ. Особенно-же раздражилъ его хозяинъ квартиры, нанятой имъ въ видахъ скорой женитьбы и отдѣлываемой на собственный счетъ: этотъ хозяинъ, какой-то разбогатѣвшій нѣмчикъ

ремесленникъ, ни за что не согласился нарушить только что совершенный контрактъ и требовалъ полной прописанной въ контрактѣ неустойки, не смотря на то, что Петръ Петровичъ возвращалъ ему квартиру почти заново отдѣланную. Точно также и въ мебельномъ магазинѣ ни за что не хотѣли возвратить ни одного рубля изъ задатка за купленную, но еще не перевезенную въ квартиру мебель. «Не нарочно-же мнѣ жениться для мебели!» скрежеталъ про себя Петръ Петровичъ, и въ тоже время еще разъ мелькнула въ немъ отчаянная надежда: «Да неужели-же въ самомъ дѣлѣ все это такъ безвозвратно пропало и кончилось? Неужели нельзя еще разъ попытаться?» Мысль о Дунечкѣ еще разъ соблазнительно заползла его сердце. Съ мученіемъ перенесъ онъ эту минуту и ужь, конечно, еслибы можно было сейчасъ, однимъ только желаніемъ, умертвить Раскольникова, то Петръ Петровичъ немедленно произнесъ-бы это желаніе.

«Ошибка была еще кромѣ того и въ томъ, что я имъ денегъ совсѣмъ не давалъ, думалъ онъ, грустно возвращаясь въ каморку Лебезятникова, — и съ чего, чортъ возьми, я такъ окидовѣлъ? Тутъ даже и разсчета никакого не было! Я думалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ попридержать и довести ихъ, чтобъ они на меня какъ на Провидѣніе смотрѣли, а они вонъ!.. Тьфу!.. Нѣтъ, еслибъ я выдалъ имъ за все это время, напримѣръ, тысячи полторы на приданое, да на подарки, на коробочки тамъ разныя, несессеры, сердоликн, матеріи и на всю эту дрянь, отъ Кнона, да изъ англійскаго магазина, такъ было-бы дѣло почище и... покрѣпче! Не такъ-бы легко мнѣ теперь отказали! Это народъ такого склада, что непремѣнно почли-бы за обязанность возвратить въ случаѣ отказа и подарки, и деньги; а возвращать-то было-бы тяжеленько и жалко! Да и совѣсть-бы щекотала: какъ, дескать, такъ вдругъ прогнать человѣка, который до сихъ поръ былъ такъ щедръ и довольно деликатенъ?.. Гм! Далъ маху!» И заскрежетавъ еще разъ, Петръ Петровичъ тутъ-же назвалъ себя дуракомъ—про себя, разумѣется.

Придя къ этому заключенію, онъ вернулся домой вдвое злѣе и раздражительнѣе чѣмъ вышелъ. Приготовленія къ поминкамъ въ комнатѣ Катерины Ивановны завлекли отчасти его любопытство. Онъ кой что и вчера еще слышалъ объ этихъ поминкахъ; даже помнилось, какъ будто и его приглашали: но за собственными хлопотами, онъ все это остальное пропустилъ безъ вниманія. Поспѣшивъ освѣдомиться у г-жи Липпевехзель, хлопотавшей въ отсутствіи Катерины Ивановны (находившейся на кладбищѣ) около накрываемаго стола, онъ узналъ, что поминки будутъ торжественныя, что приглашены почти всѣ жильцы, изъ нихъ даже и незнакомые по-

кóйному, что приглашенъ даже Андрей Семеновичъ Лебезятниковъ, не смотря на бывшую его ссору съ Катериной Ивановной и, наконецъ, онъ самъ, Петръ Петровичъ, не только приглашенъ, но даже съ больнимъ нетерпѣніемъ ожидается, такъ какъ онъ почти самый важный гость изъ всѣхъ жильцовъ. Сама Амалія Ивановна приглашена была тоже съ больнимъ почетомъ, не смотря на всѣ бывшія непріятности, а потому хозяйничала и хлопотала теперь, почти чувствуя отъ этого наслажденіе, а сверхъ того, была вся разодѣта, хоть и въ трауръ, но во все новое, въ шелковое, въ пухъ и прахъ, и гордилась этимъ. Всѣ эти факты и свѣдѣнія подали Петру Петровичу нѣкоторую мысль, и онъ прошелъ въ свою комнату, то есть въ комнату Андрея Семеновича Лебезятникова, въ нѣкоторой задумчивости. Дѣло въ томъ, что онъ узналъ тоже, что въ числѣ приглашенныхъ находится и Раскольниковъ.

Андрей Семеновичъ сидѣлъ почему-то все это утро дома. Съ этимъ господиномъ у Петра Петровича установились какія-то странныя, впрочемъ, отчасти и естественныя отношенія: Петръ Петровичъ презиралъ и ненавидѣлъ его даже сверхъ мѣры, почти съ того самаго дня, какъ у него поселился, но въ тоже время какъ будто нѣсколько опасался его. Онъ остановился у него по пріѣздѣ въ Петербургъ не изъ одной только скаредной экономіи, хотя это и было почти главною причиной, но была тутъ и другая причина. Еще въ провинціи слышалъ онъ объ Андреѣ Семеновичѣ, своемъ бывшемъ питомцѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ передовыхъ молодыхъ прогрессистовъ и даже какъ объ играющемъ значительную роль въ иныхъ любопытныхъ и баснословныхъ кружкахъ. Это поразило Петра Петровича. Вотъ эти-то мощные, всезнающіе, всѣхъ презирающіе и всѣхъ обличающіе кружки уже давно пугали Петра Петровича какимъ-то особеннымъ страхомъ, совершенно, впрочемъ, непредъявленнымъ. Умъ, конечно, самъ онъ, да еще въ провинціи, не могъ ни о чемъ *въ этомъ родѣ* составить себѣ, хотя приблизительно, точное понятіе. Слышалъ онъ, какъ и всѣ, что существуютъ, особенно въ Петербургѣ, какіе-то прогрессисты, нигилисты, обличители и проч. и проч., но, подобно многимъ преувеличивалъ и искажалъ смыслъ и значеніе этихъ названій до нелѣпаго. Пуще всего боялся онъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, *обличенія*, и это было главнѣйшимъ основаніемъ его постояннаго, преувеличеннаго безпокойства, особенно при мечтахъ о перенесеніи дѣятельности своей въ Петербургъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, какъ говорится, *испуганъ*, какъ бываютъ иногда *испуганы* маленькія дѣти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ провинціи, еще начиная только устраивать свою карьеру, онъ встрѣтилъ два случая жестоко обли-

ченныхъ губернскихъ довольно значительныхъ лицъ, за которыхъ онъ долгъ цѣнился и которыя ему покровительствовали. Одинъ случай кончился для обличеннаго лица какъ-то особенно скандально, а другой чуть-чуть было не кончился даже и весьма хлопотливо. Вотъ почему Петръ Петровичъ положилъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, немедленно разузнать въ чемъ дѣло, и если надо, то на всякій случай забѣжать впередъ и заискать у «молодыхъ поколѣній нашихъ». Въ этомъ случаѣ надѣялся онъ на Андрея Семеновича и при посвященіи, напримѣръ, Раскольникова уже научился кое какъ округлять извѣстныя фразы съ чужаго голоса...

Конечно, онъ быстро успѣлъ разглядѣть въ Андреѣ Семеновичѣ чрезвычайно попленькаго и простоватаго человѣчка. Но это нисколько не разувѣрило и не ободрило Петра Петровича. Еслибы даже онъ увѣрился, что и всѣ прогрессисты такіе-же дурачки, то и тогда-бы не утихло его безпокойство. Собственно до всѣхъ этихъ ученій, мыслей, системъ (съ которыми Андрей Семеновичъ такъ на него и накинулся), ему никакого не было дѣла. У него была своя собственная цѣль. Ему надо было поскорѣй немедленно разузнать: что и какъ *тутъ* случилось? Въ силѣ *эти люди* или не въ силѣ? Есть-ли чего бояться собственно ему, или нѣтъ? Обличать его, если онъ вотъ то-то предприметъ, или не обличать? А если обличать, то за что именно, и за что собственно теперь обличаютъ? Мало того: нельзя-ли какъ нибудь къ нимъ подѣлаться и тутъ-же ихъ подпадуть, если они и въ самомъ дѣлѣ сильны? Надо или не надо это? Нельзя-ли, напримѣръ, что нибудь подустроить въ своей карьерѣ именно черезъ ихъ-же посредство? Однимъ словомъ, предстояли сотни вопросовъ.

Этотъ Андрей Семеновичъ былъ худосочный и золотушный человѣчекъ, малаго роста, гдѣ-то служившій и до странности бѣлокурый, съ бакенбардами, въ видѣ котлетъ, которыми онъ очень гордился. Сверхъ того, у него почти постоянно болѣли глаза. Сердце у него было довольно мягкое, но рѣчь весьма самоувѣренная, а иной разъ чрезвычайно даже заносчивая, — что, въ сравненіи съ фигуркой его, почти всегда выходило смѣшно. У Амаліи Ивановны онъ считался впрочемъ въ числѣ довольно почетныхъ жильцовъ, то есть не пьянствовалъ и за квартиру платилъ исправно. Не смотря на всѣ эти качества, Андрей Семеновичъ дѣйствительно былъ глуповатъ. Прикомандировался-же онъ къ прогрессу и къ молодымъ поколѣніямъ нашимъ — по страсти. Это былъ одинъ изъ того безчисленнаго и разноличнаго легіона полуяковъ, дохленькихъ недоносковъ и всему недоучившихся самодуровъ, которые многимъ пристаютъ непремѣнно къ самой модной ходячей идеѣ, чтобы тотчасъ-же опо-

пить ее, чтобы мигомъ окарикатурить все, чему онъ-же иногда самымъ искреннимъ образомъ служатъ.

Впрочемъ, Лебезятниковъ, не смотря даже на то, что былъ очень добренькій, тоже начиналъ отчасти не терпѣть своего сожителя и бывшаго опекуна Петра Петровича. Сдѣлалось это съ обѣихъ сторонъ какъ-то невзначай и взаимно. Какъ ни былъ простоватъ Андрей Семеновичъ, но все-таки началъ понемногу разглядывать, что Петръ Петровичъ его надуваетъ и втайнѣ презираетъ, и что «не такой совсѣмъ этотъ человѣкъ». Онъ было попробовалъ ему излагать систему Фурье и теорію Дарвина, но Петръ Петровичъ, особенно въ послѣднее время, началъ слушать какъ-то ужь слишкомъ саркастически, а въ самое послѣднее время, —такъ даже сталъ браниться. Дѣло въ томъ, что онъ, по инстинкту, начиналъ проникать, что Лебезятниковъ не только попленькій и глуповатый человѣчекъ, но, можетъ быть, и лгунишка, и что никакихъ вовсе не имѣетъ онъ связей позначительнѣе даже въ своемъ кружкѣ, а только слышалъ что нибудь съ третьяго голоса: мало того: и дѣла-то своего, **, можетъ, не знаетъ порядочно, потому что-то ужь слишкомъ сбивается, и что ужь куда ему быть обличителемъ! — Кстати, замѣтимъ мимоходомъ, что Петръ Петровичъ, въ эти полторы недѣли, охотно принималъ (особенно въ началѣ) отъ Андрея Семеновича даже весьма странныя похвалы, то есть не возражалъ, напримѣръ, и промалчивалъ, если Андрей Семеновичъ приписывалъ ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой „*коммуны*“, гдѣ нибудь въ Мѣщанской улицѣ: или, напримѣръ, не мѣшать Дунечкѣ, если той, съ первымъ-же мѣсяцемъ брака, вздумается завести любовника: или не крестить своихъ будущихъ дѣтей и проч. и проч.—все въ этомъ родѣ. Петръ Петровичъ, по обыкновенію своему, не возражалъ на такія приписываемыя ему качества, и допускалъ хвалить себя даже этакъ, — до того пріятна была ему всякая похвала.

Петръ Петровичъ, размѣнявшій для какихъ-то причинъ въ это утро нѣсколько пятипроцентныхъ билетовъ, сидѣлъ за столомъ и пересчитывалъ пачки кредитокъ и серій. Андрей Семеновичъ, у котораго никогда почти не бывало денегъ, ходилъ по комнатѣ и дѣлалъ самъ себѣ видъ, что смотритъ на всѣ эти пачки равнодушно и даже съ пренебреженіемъ. Петръ Петровичъ ни за что-бы, напримѣръ, не повѣрилъ, что и дѣйствительно Андрей Семеновичъ можетъ смотрѣть на такія деньги равнодушно; Андрей-же Семеновичъ, въ свою очередь, съ горечью подумывалъ, что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ Петръ Петровичъ, можетъ быть, способенъ про него такъ думать, да еще и радъ, пожалуй, случаю пощекотать и подразнить своего молодаго

друга разложенными пачками кредитокъ, напомнивъ ему его ничтожество и всю существующую, будто-бы, между ними обоими разницу.

Онъ находилъ его, въ этотъ разъ, до небывалаго раздражительнымъ и невнимательнымъ, не смотря на то что онъ, Андрей Семеновичъ, пустился было развивать передъ нимъ свою любимую тему о заведеніи новой, особой «коммуны». Краткія возраженія и замѣчанія, вырывавшіяся у Петра Петровича въ промежуткахъ между чиканіемъ костяшекъ на счетахъ, дышали самою явною и съ намѣреніемъ невѣжливою насмѣшкой. Но «гуманный» Андрей Семеновичъ приписывалъ расположеніе духа Петра Петровича внечатлѣнію вчерашняго разрыва съ Дунечкой и горѣлъ желаніемъ поскорѣй заговорить на эту тему: у него было кой что сказать на этотъ счетъ прогрессивнаго и пропагандная, что̀ могло-бы утѣшить его почтеннаго друга и «несомнѣнно» принести пользу его дальнѣйшему развитію.

— Какія это тамъ поминки устраиваются у этой... у вдовы-то?— спросилъ вдругъ Петръ Петровичъ, перерывая Андрея Семеновича на самомъ интереснѣйшемъ мѣстѣ.

— Будто не знаете; я вѣдь вчера-же говорилъ съ вами на эту-же тему и развивалъ мысль обо всѣхъ этихъ обрядахъ... Да она вѣдь и васъ тоже пригласила, я слышалъ. Вы сами съ ней вчера говорили...

— Я никакъ не ждалъ, что эта нищая дура усадитъ на поминки всѣ деньги, которыя получила отъ этого другаго дурака... Раскольникова. Даже подивился сейчасъ, проходя: такія тамъ приготовленія, вина!.. Позвано нѣсколько человѣкъ,—чортъ знаетъ что такое!—продолжалъ Петръ Петровичъ, разспрашивая и наводя на этотъ разговоръ какъ-бы съ какою-то цѣлью.—Что̀? Вы говорите, что и меня приглашали? — вдругъ прибавилъ онъ, поднимая голову: — Когда-же это? Не помню-съ. Впрочемъ я не пойду. Что̀ я тамъ? Я вчера говорилъ только съ нею, мимоходомъ, о возможности ей получить, какъ нищей вдовѣ чиновника, годовой окладъ, въ видѣ единовременнаго пособія. Такъ ужъ не за это-ли она меня приглашаетъ? Хе-хе!

— Я тоже не намѣренъ идти, сказалъ Лебезятниковъ.

— Еще-бы! Собственноручно откалотили. Понятно что совѣстно, хе-хе-хе!

— Кто откалотилъ? Кого? вдругъ вспылилъ и даже покраснѣлъ Лебезятниковъ.

— Да вы-то, Катерину-то Ивановну, съ мѣсяцъ назадъ, что-ли! Я вѣдь слышалъ-съ, вчера-съ... То-то вотъ они убѣжденія-то!.. Да и женскій вопросъ подгулялъ. Хе-хе-хе!

И Петръ Петровичъ, какъ-бы утѣшенный, принялся опять щелкать на счетахъ.

— Это все вздоръ и клевета! вспыхнулъ Лебезятниковъ, который постоянно трусилъ напоминанія объ этой исторіи:—и совсѣмъ это не такъ было! Это было другое... Вы не такъ слышали; спустя! Я просто тогда защищался. Она сама первая бросилась на меня съ когтями... Она мнѣ весь бакенбардъ выщипала... Всякому человѣку позволительно, надѣюсь, защищать свою личность. Къ тому-же я никому не позволю съ собой насилія... По принципу. Потому это ужъ почти деспотизмъ. Что-жъ мнѣ было: такъ и стоять передъ ней? Я ее только отпихнулъ.

— Хе-хе-хе! продолжалъ злобно подсмѣиваться Лужинъ.

— Это вы потому задираете, что сами разсержены и злитесь... А это вздоръ и совсѣмъ, совсѣмъ не касается женскаго вопроса! Вы не такъ понимаете: я даже думалъ, что если ужъ принято, что женщина равна мущинѣ во всемъ, даже въ силѣ (что уже утверждаютъ), то, стало быть, и тутъ должно быть равенство. Конечно, я разсудилъ потомъ, что такого вопроса въ сущности быть не должно, потому что драки и быть не должно, и что случаи драки въ будущемъ обществѣ немыслимы... и что странно, конечно, искать равенства въ дракѣ. Я не такъ глупъ... хотя драка, впрочемъ, и есть... то есть послѣ не будетъ, а теперь-то вотъ еще есть... тфу! чортъ! Съ вами собьешься! Я не потому не пойду на поминки, что была эта непріятность. Я, просто, по принципу не пойду, чтобы не участвовать въ гнусномъ предразсудкѣ поминокъ, вотъ что! Впрочемъ, оно и можно-бы было пойти, такъ только, чтобы посмѣяться... Но жаль что поповъ не будетъ. А тобы непремѣнно пошелъ.

— То есть съѣсть за чужую хлѣбъ-соль и тутъ-же наплевать на нее, равномѣрно и на тѣхъ, которые васъ пригласили. Такъ что-ли?

— Совсѣмъ не наплевать, а протестовать. Я съ полезною цѣлью. Я могу косвенно способствовать развитію и пропагандѣ. Всякій человѣкъ обязанъ развивать и пропагандировать, и, можетъ быть, чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше. Я могу закинуть идею, зерно... Изъ этого зерна вырастетъ фактъ. Чѣмъ я ихъ обижаю? Сперва обидятся, а потомъ сами увидятъ, что я имъ пользу принесъ. Вотъ у насъ обвиняли было Теребьеву (вотъ что теперь въ коммунѣ), что когда она вышла изъ семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочетъ жить среди предразсудковъ и вступаетъ въ гражданскій бракъ, и что будто-бы это было слишкомъ грубо, съ отцами-то, что можно было-бы ихъ поощадить, написать мягче. Но

моему, все это вздоръ, и совѣмъ не нужно мягче, напротивъ, напротивъ тутъ-то и протестовать. Вонъ, Варенцъ семь лѣтъ съ мужемъ прожила, двухъ дѣтей бросила, разомъ отрѣзала мужу въ письмѣ: «Я сознала, что съ вами не могу быть счастлива. Никогда не прощу вамъ, что вы меня обманывали, скрывъ отъ меня, что существуетъ другое устройство общества, посредствомъ коммунъ. Я недавно все это узнала отъ одного великодушнаго человѣка, которому и отдалась, и вмѣстѣ съ нимъ завожу коммуну. Говорю прямо, потому что считаю безчестнымъ васъ обманывать. Оставайтесь какъ вамъ угодно. Не надѣйтесь вернуть меня, вы слишкомъ опоздали. Желаю быть счастливымъ». Вотъ какъ пишутся подобнаго рода письма!

— А эта Теребьева, вѣдь это та самая, про которую вы тогда говорили, что въ третьемъ гражданскомъ бракѣ состоитъ.

— Всего только во второмъ, если судить по настоящему! Да хоть-бы и въ четвертомъ, хоть-бы въ пятнадцатомъ, все это вздоръ! И если я когда сожалѣлъ, что у меня отецъ и мать умерли, то ужь конечно теперь. Я нѣсколько разъ мечталъ даже о томъ, что еслибъ они еще были живы, какъ-бы я ихъ огрѣлъ протестомъ! Нарочно подвелъ-бы такъ... Это что какой нибудь тамъ «отрѣзанный ломоть», тьфу! Я-бы имъ показалъ! Я-бы ихъ удивилъ! Право, жаль что нѣтъ никого!

Чтобъ удивить-то? Хе-хе! Ну, это пускай будетъ какъ вамъ угодно, перебилъ Петръ Петровичъ,—а вы вотъ что скажите-ка: вѣдь вы знаете эту дочь покойника-то, цуцелькая такая! Вѣдь это правда совершенная, что про нее говорятъ, а?

— Что-жь такое? По моему, то есть по моему личному убѣжденію, это самое нормальное состояніе женщины и есть. Почему-же нѣтъ? То есть distinguons. Въ нынѣшемъ обществѣ оно, конечно, не совсѣмъ нормально, потому что вынужденное, а въ будущемъ совершенно нормально, потому что свободное. Да и теперь она имѣла право: она страдала, а это былъ ея фондъ, такъ сказать, капиталъ, которымъ она имѣла полное право располагать. Разумѣется, въ будущемъ обществѣ фондовъ не надо будетъ; но ея роль будетъ обозначена въ другомъ значеніи, обусловлена строго и раціонально. Что-же касается до Софьи Семеновны лично, то въ настоящее время я смотрю на ея дѣйствія какъ на энергическій и олицетворенный протестъ противъ устройства общества, и глубоко уважаю ее за это; даже радуюсь на нее глядя!

А мнѣ-же разсказывали, что вы-то и выжили ее отсюда изъ нумеровъ!

Лебезятниковъ даже разсвирѣпѣлъ.

— Это другая сплетня! завопилъ онъ.—Совѣмъ, совѣмъ не такъ дѣло было! Вотъ ужь это-то не такъ! Это все Катерина Ивановна тогда наврала, потому что ничего не поняла! И совѣмъ я не подбивался къ Софьѣ Семеновнѣ? Я просто за просто развивалъ ее, совершенно безкорыстно, стараясь возбудить въ ней протестъ... Мнѣ только протестъ и былъ нуженъ, да и сама по себѣ Софья Семеновна уже не могла оставаться здѣсь въ нумерахъ!

— Въ коммуну что-ль звали?

— Вы все смѣетесь и очень неудачно, позвольте вамъ это замѣтить. Вы ничего не понимаете! Въ коммунѣ такихъ ролей нѣтъ. Коммуна и устраивается для того чтобы такихъ ролей не было. Въ коммунѣ эта роль измѣнитъ всю теперешнюю свою сущность, и что здѣсь глупо, то тамъ станетъ умно, что здѣсь, при теперешнихъ обстоятельствахъ, неестественно, то тамъ станетъ совершенно естественно. Все зависитъ, въ какой обстановкѣ и въ какой средѣ человѣкъ. Все отъ среды, а самъ человѣкъ есть ничто. А съ Софьей Семеновной я въ ладахъ и теперь, что можетъ вамъ послужить доказательствомъ, что никогда она не считала меня своимъ врагомъ и обидчикомъ. Да! Я соблазняю ее теперь въ коммуну, но только совсѣмъ, совсѣмъ на другихъ основаніяхъ! Чего вамъ смѣшно? Мы хотимъ завести свою коммуну, особенную, но только на болѣе широкихъ основаніяхъ чѣмъ прежнія. Мы пошли дальше въ своихъ убѣжденіяхъ. Мы больше отрицаемъ! Еслибы всталъ изъ гроба Добролюбовъ, я-бы съ нимъ поспорилъ. А ужь Бѣлинскаго закаталъ-бы! А покамѣстъ, я продолжаю развивать Софью Семеновну. Это прекрасная, прекрасная натура!

— Ну, а прекрасною-то натурой и пользуетесь, а? Хе-хе!

— Нѣтъ, нѣтъ! О нѣтъ! Напротивъ!

— Ну, ужь и напротивъ! Хе-хе-хе! Экъ сказалъ!

— Да повѣрьте-же! Да изъ за какихъ причинъ я-бы сталъ скрывать передъ вами, скажите пожалуста? Напротивъ, мнѣ даже самому это странно: со мной она какъ-то усиленно, какъ-то болѣзненно цѣломудренна и стыдлива!

— И вы, разумѣется, развиваете... хе-хе! доказываете ей, что всѣ эти стыдливости вздоръ?

— Совсѣмъ нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ! О, какъ вы грубо, какъ даже глупо—простите меня—понимаете слово: развитіе! И-ничего-то вы не понимаете! О, Боже, какъ вы еще... не готовы! Мы ищемъ свободы женщины, а у васъ одно на умѣ... Обходя совершенно вопросъ о цѣломудріи и о женской стыдливости, какъ о вещахъ самихъ по себѣ безполезныхъ и даже предразсудочныхъ. я вполнѣ, вполнѣ допускаю ея цѣломудренность со мною, потому

что въ этомъ—вся ея воля, все ея право. Разумѣется, если-бъ она мнѣ сама сказала: «Я хочу тебя имѣть», то я-бы почелъ себя въ большой удачѣ, потому что дѣвушка мнѣ очень нравится; но теперь, теперь, по крайней мѣрѣ, ужь конечно, никто и никогда не обращался съ ней болѣе вѣжливо и учтиво чѣмъ я, болѣе съ уваженіемъ къ ея достоинству... я жду и надѣюсь—и только!

— А вы подарите-ка ей лучше что нибудь. Бьюсь объ закладъ, что объ этомъ-то вотъ вы и не подумали.

— И-ничего-то вы не понимаете, я вамъ сказалъ! Оно, конечно, таково ея положеніе, но тутъ другой вопросъ! Совсѣмъ другой! Вы просто ее презираете. Видя фактъ, который, по ошибкѣ, считаете достойнымъ презрѣнія, вы уже отказываете человѣческому существу въ гуманномъ на него взглядѣ. Вы еще не знаете какая это натура! Мнѣ только очень досадно, что она, въ послѣднее время, какъ-то совсѣмъ перестала читать и уже не береть у меня больше книгъ. А прежде брала. Жаль тоже, что при всей своей энергіи и рѣшимости протестовать,—которую она уже разъ доказала,—у ней все еще какъ будто мало самостоятельности, такъ сказать, независимости, мало отрицанія, чтобы совершенно оторваться отъ иныхъ предразсудковъ и... глупостей. Не смотря на то, она отлично понимаетъ иные вопросы. Она великолѣпно, напримѣръ, поняла вопросъ о цалованіи рукъ, то есть, что мущина оскорбляетъ женщину неравенствомъ, если цалуетъ у ней руку. Этотъ вопросъ у насъ дебатировали, и я тотчасъ-же ей передалъ. Объ ассоціаціяхъ рабочихъ во Франціи она тоже слушала внимательно. Теперь я толкую ей вопросъ свободнаго входа въ комнаты въ будущемъ обществѣ.

— Это еще что такое?

— Дебатировали былъ въ послѣднее время вопросъ: имѣетъ-ли право членъ коммуны входить къ другому члену въ комнату, къ мущинѣ или женщинѣ, во всякое время... ну и рѣшено, что имѣетъ...

— Ну, а какъ тотъ или та заняты въ ту минуту необходимыми потребностями, хе-хе!

Андрей Семеновичъ даже разсердился.

— А вы все объ этомъ, объ этихъ проклятыхъ «потребностяхъ»! вскричалъ онъ съ ненавистью; -тьфу, какъ я злюсь и досадую, что, излагая систему, упомянулъ вамъ тогда преждевременно объ этихъ проклятыхъ потребностяхъ! Чортъ возьми! Это камень преткновенія для всѣхъ вамъ подобныхъ, а пуще всего — поднимаютъ на зубокъ, прежде чѣмъ узнаютъ въ чемъ дѣло! И точно вѣдь правы! Точно вѣдь гордятся чѣмъ-то! Тьфу! Я нѣсколько

разъ утверждать, что весь этотъ вопросъ возможно излагать по-вичкамъ не иначе какъ въ самомъ концѣ, когда ужь онъ убѣжденъ въ системѣ, когда уже развитъ и направленъ человѣкъ. Да и что, скажите пожалуйста, что вы находите такого постыднаго и презрѣннаго хоть-бы въ помойныхъ ямахъ? Я первый, я, готовъ вычистить какія хотите помойныя ямы! Тутъ даже нѣтъ никакого самоножертвованія! Тутъ просто работа, благородная, полезная обществу дѣятельность, которая стоитъ всякой другой, и уже гораздо выше, напримѣръ, дѣятельности какого нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнѣе.

— И благороднѣе, благороднѣе,—хе-хе-хе!

— Что такое благороднѣе? Я не понимаю такихъ выраженій въ смыслѣ опредѣленія человѣческой дѣятельности. Благороднѣе, великодушнѣе,—все это вздоръ, нелѣпости, старыя предразсудочныя слова, которыя я отрицаю! Все что *полезно* человѣчеству, то и благородно. Я понимаю только одно слово: *полезное!* Хихикайте какъ вамъ угодно, а это такъ!

Петръ Петровичъ очень смѣялся. Онъ уже кончилъ считать и попряталъ деньги. Впрочемъ, часть ихъ зачѣмъ-то все еще оставалась на столѣ. Этотъ вопросъ о помойныхъ ямахъ служилъ уже нѣсколько разъ, не смотря на всю свою пошлость, поводомъ къ разрыву и несогласію между Петромъ Петровичемъ и молодымъ его другомъ. Вся глупость состояла въ томъ, что Андрей Семеновичъ дѣйствительно сердился. Лужинъ-же отводилъ на этомъ душу, а въ настоящую минуту ему особенно хотѣлось позлить Лебезятникова.

— Это вы отъ вчерашней вашей неудачи такъ злы и привязываетесь, прорвался наконецъ Лебезятниковъ, который, вообще говоря, не смотря на всю свою «независимость» и на всѣ «прогрессы», какъ-то не смѣлъ оппонировать Петру Петровичу и, вообще, все еще наблюдалъ передъ нимъ какую-то привычную, съ прежнихъ лѣтъ, почтительность.

— А вы лучше вотъ что скажите-ка, высокомѣрно и съ досадой прервалъ Петръ Петровичъ,—вы можете-ли-съ... или лучше сказать: дѣйствительно-ли и на столько-ли вы коротки съ вышеупомянутою молодою особой, чтобы попросить ее теперь-же, на минуту, сюда, въ эту комнату? Кажется, онъ всѣ уже тамъ воротились, съ кладбища-то... Я слышу, поднялась ходьба... Мнѣ-бы надо ее повидать-съ, особу-то-съ.

— Да вамъ зачѣмъ? съ удивленіемъ спросилъ Лебезятниковъ.

— А такъ-съ, надо-съ. Сегодня-завтра я отсюда съѣду, а потому желалъ-бы ей сообщить... Впрочемъ, будьте, пожалуй, и

здѣсь, во время объясненія. Тѣмъ даже лучше. А то вы, пожалуй, и Богъ знаетъ что подумаете.

— Я ровно ничего не подумаю... Я только такъ спросилъ, и если у васъ есть дѣло, то нѣтъ ничего легче какъ ее вызвать. Сейчасъ схожу. А самъ, будьте увѣрены, вамъ мѣшать не стану.

Дѣйствительно, минуты черезъ пять Лебезятниковъ возвратился съ Сонечкой. Та вошла въ чрезвычайномъ удивленіи и, по обыкновенію своему, робѣя. Она всегда робѣла въ подобныхъ случаяхъ и очень боялась новыхъ лицъ и новыхъ знакомствъ, боялась и прежде, еще съ дѣтства, а теперь тѣмъ болѣе... Петръ Петровичъ встрѣтилъ ее ласково и вѣжливо, впрочемъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ какой-то веселой фамильярности, приличной впрочемъ, по мнѣнію Петра Петровича, такому почтенному и солидному человѣку, какъ онъ, въ отношеніи такого юнаго и въ нѣкоторомъ смыслѣ *интереснаго* существа, какъ она. Онъ поспѣшилъ ее ободрить и посадилъ за столъ, напротивъ себя. Соня сѣла, посмотрѣла кругомъ,—на Лебезятникова, на деньги, лежавшія на столѣ, и потомъ вдругъ опять на Петра Петровича, и уже не отрывала болѣе отъ него глазъ, точно приковалась къ нему. Лебезятниковъ направился было къ двери. Петръ Петровичъ всталъ, знакомъ пригласилъ Соню сидѣть и остановилъ Лебезятникова въ дверяхъ.

— Этотъ Раскольниковъ тамъ? Пришелъ онъ? спросилъ онъ его шепотомъ.

— Раскольниковъ? Тамъ. А что? Да, тамъ... Сейчасъ только вошелъ, я видѣлъ... А что?

— Ну, такъ я васъ особенно попрошу остаться здѣсь, съ нами, и не оставлять меня наединѣ съ этой... дѣвицей. Дѣло пустячное, а выведутъ Богъ знаетъ что. Я не хочу, чтобы Раскольниковъ *тамъ* передалъ... Понимаете, про что я говорю?

— А, понимаю, понимаю! вдругъ догадался Лебезятниковъ.— Да, вы имѣете право... Оно, конечно, по моему личному убѣжденію, вы далеко хватаете въ вашихъ опасеніяхъ, но... вы все-таки имѣете право. Извольте, я останусь. Я стану здѣсь у окна и не буду вамъ мѣшать... По моему, вы имѣете право...

Петръ Петровичъ воротился на диванъ, усѣлся напротивъ Сони, внимательно посмотрѣлъ на нее и вдругъ принялъ чрезвычайно солидный, даже нѣсколько строгій видъ: поди-ка, ты-то сама чего не подумай, сударыня. Соня смутилась окончательно.

Во первыхъ, вы пожалуйста извините меня, Софья Семеновна, передъ многоуважаемой вашей маменькой... Такъ, вѣдь, кажется? За мѣсто матери приходится вамъ Катерина-то Ивановна? началъ Петръ Петровичъ, весьма солидно, но впрочемъ довольно

ласково. Видно было, что онъ имѣетъ самыя дружественныя намѣренія.

— Такъ точно-съ, такъ-съ; за мѣсто матери-съ, торопливо и пугливо отвѣтила Соня.

— Ну-съ, такъ вотъ и извините меня передъ нею, что я, по обстоятельствамъ независящимъ, принужденъ маникировать и не буду у васъ на блинахъ... то есть на поминкахъ, не смотря на милый зовъ вашей маманн.

— Такъ-съ; скажу-съ; сейчасъ-съ,—и Сонечка торопливо вскочила со стула.

— *Еще* не все-съ, остановилъ ее Петръ Петровичъ, улыбнувшись на ея простоватость и незнаніе приличій,—и мало вы меня знаете, любезнѣйшая Софья Семеновна, если подумали, что изъ за этой маловажной, касающейся одного меня причины, я-бы сталъ безпокоить лично и призывать къ себѣ такую особу, какъ вы. Цѣль у меня другая-съ.

Соня торопливо сѣла. Сѣрыя и радужныя кредитки, не убранныя со стола, опять замелькали въ ея глазахъ, но она быстро отвела отъ нихъ лицо и подняла его на Петра Петровича: ей вдругъ показалось ужасно неприличнымъ, особенно *ей*, глядѣть на чужія деньги. Она уставилась было взглядомъ на золотой лорнетъ Петра Петровича, который онъ придерживалъ въ лѣвой рукѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на большой, массивный, чрезвычайно красивый перстень съ желтымъ камнемъ, который былъ на среднемъ пальцѣ этой руки,—но вдругъ и отъ него отвела глаза, и не зная ужь куда дѣваться, кончила тѣмъ, что уставилась опять прямо въ глаза Петру Петровичу. Помолчавъ еще солиднѣе чѣмъ прежде, тотъ продолжалъ:

— Случилось мнѣ вчера, мимоходомъ, перекинуть слова два съ несчастною Катериной Ивановной. Двухъ словъ достаточно было узнать, что она находится въ состояніи—противоестественномъ,—если только можно такъ выразиться...

— Да-съ... въ противоестественномъ-съ, горячась подхватила Соня.

— Или проще и понятнѣе сказать—въ большомъ.

— Да-съ, проще и понят... да-съ, больша-съ.

— Такъ-съ. Такъ вотъ, по чувству гуманности, и-и-и, такъ сказать, состраданія, я-бы желалъ быть, съ своей стороны, чѣмъ нибудь полезнымъ, предвидя неизбѣжно-несчастную участь ея. Кажется, и все бѣдненькое семейство это отъ васъ одной теперь только и зависитъ.

— Позвольте спросить, вдругъ встала Соня, — вы ей что̀ изво-

лли говорить вчера о возможности пенсіона? Потому, она еще вчера говорила мнѣ, что вы взялись ей пенсіонъ выхлопотать. Правда это-съ?

— Отнюдь нѣтъ-съ, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ нелѣпость. Я только намекнулъ о временномъ вспомоществіи вдовѣ умершаго на службѣ чиновника, — если только будетъ протекція, — но кажется, вашъ покойный родитель не только не выслужилъ срока, но даже и не служилъ совсѣмъ въ послѣднее время. Однимъ словомъ, надежда хоть и могла-бы быть, но весьма эфемерная, потому никакихъ, въ сущности, правъ на вспомоществіе, въ семъ случаѣ, не существуетъ, а даже напротивъ... А она уже и о пенсіонѣ задумала, хе-хе-хе! Бойкая барыня!

— Да-съ, о пенсіонѣ... Потому она легковѣрная и добрая, и отъ доброты всему вѣритъ и... и... и... у ней такой умъ... Да-съ... извините-съ, сказала Соня, и опять встала уходить.

— Позвольте, вы еще не дослушали-съ.

— Да-съ, не дослушала-съ, пробормотала Соня.

— Такъ сядьте же-съ.

Соня сконфузилась ужасно и сѣла опять, въ третій разъ.

— Видя таковое ея положеніе, съ несчастными малолѣтними, желалъ-бы, — какъ я и сказалъ уже, — чѣмъ нибудь, по мѣрѣ силъ, быть полезнымъ, то есть, что называется по мѣрѣ силъ-съ, не болѣе. Можно-бы, напримѣръ, устроить въ ея пользу подписку, или, такъ сказать, лотерею... или что нибудь въ этомъ родѣ, — какъ это и всегда въ подобныхъ случаяхъ устраивается близкими, или хотя-бы и посторонними, но вообще желающими помочь людьми. Вотъ объ этомъ-то я имѣлъ намѣреніе вамъ сообщить. Оно-бы можно-съ.

— Да-съ, хорошо-съ... Богъ васъ за это-съ... лепетала Соня, пристально смотря на Петра Петровича.

— Можно-съ, но... это мы потомъ-съ... то есть можно-бы начать и сегодня. Вечеромъ увидимся, столкуемся и положимъ, такъ сказать, основаніе. Зайдите ко мнѣ сюда часовъ этакъ въ семь. Андрей Семеновичъ, надѣюсь, тоже будетъ участвовать съ нами... Но... тутъ есть одно обстоятельство, о которомъ слѣдуетъ предварительно и тщательно упомянуть. Для сего-то я и обезпокоилъ васъ. Софья Семеновна, моимъ зовомъ сюда. Именно-съ, мое мнѣніе, — что деньги нельзя, да и опасно давать въ руки самой Катеринѣ Ивановнѣ: доказательство-же сему — эти самыя сегодняшнія поминки. Не имѣя, такъ сказать, одной корки насущной пищи на завтрашній день и... ну, и обуви, и всего, покупается сегодня ямайскій ромъ и даже, кажется, мадера и-и-и кофе. Я видѣлъ проходя.

Завтра-же опять все на васъ обрушится, до послѣдняго куска хлѣба: это уже нельзя-съ. А потому и подписка, по моему личному взгляду, должна произойти такъ, чтобы несчастная вдова, такъ сказать, и не знала, о деньгахъ, а знали-бы, напримѣръ, только вы. Такъ-ли я говорю?

— Я не знаю-съ. Это только она сегодня-съ, такъ... это разъ въ жизни... ей ужь очень хотѣлось помянуть, честь оказать, намять... а она очень умная-съ. А впрочемъ какъ вамъ угодно-съ, и я очень, очень, очень буду... они всѣ будутъ вамъ... и васъ Богъ-съ... и сироты-съ...

Соня не договорила и заплакала.

— Такъ-съ. Ну-съ, такъ имѣйте въ виду-съ: а теперь благоволите принять, для интересовъ вашей родственницы, на первый случай, посильную сумму отъ меня лично. Весьма и весьма желаю, чтобъ имя мое при семъ не было упомянуто. Вотъ-съ... имѣя, такъ сказать, самъ заботы, болѣе не въ состояніи...

И Петръ Петровичъ протянулъ Сонѣ десятирублевый кредитный билетъ, тщательно развернувъ. Соня взяла, вспыхнула, вскочила, что-то пробормотала и поскорѣй стала откланиваться. Петръ Петровичъ торжественно проводилъ ее до дверей. Она выскочила наконецъ изъ комнаты, вся взволнованная и измученная, и воротилась къ Катеринѣ Ивановнѣ въ чрезвычайномъ смущеніи.

Во все время этой сцены, Андрей Семеновичъ то стоялъ у окна, то ходилъ по комнатѣ, не желая прерывать разговора: когда-же Соня ушла, онъ вдругъ подошелъ къ Петру Петровичу и торжественно протянулъ ему руку:

— Я все слышалъ и все *видѣлъ*, сказалъ онъ, особенно упирая на послѣднее слово. — Это благородно, то есть я хотѣлъ сказать, гуманно! Вы желали избѣгнуть благодарности, я видѣлъ! И хотя, признаюсь вамъ, я не могу сочувствовать, по принципу, частной благотворительности, потому что она не только не искореняетъ зла радикально, но даже питаетъ его еще болѣе, тѣмъ не менѣе не могу не признаться, что смотрѣлъ на вашъ поступокъ съ удовольствіемъ, — да, да, мнѣ это нравится.

— Э, все это вздоръ! бормоталъ Петръ Петровичъ, нѣсколько въ волненіи и какъ-то приглядываясь къ Лебезятникову.

— Нѣтъ, не вздоръ! Человѣкъ, оскорбленный и раздосадованный, какъ вы, вчерашнимъ случаемъ, и въ тоже время способный думать о несчастіи другихъ,—такой человѣкъ-съ... хотя поступками своими онъ дѣлаетъ соціальную ошибку, —тѣмъ не менѣе... достоинъ уваженія! Я даже не ожидалъ отъ васъ, Петръ Петровичъ, тѣмъ болѣе, что по вашимъ понятіямъ, о! какъ еще мѣшаютъ вамъ ваши по-

нятія! Какъ волнуетъ, напримѣръ, васъ эта вчерашняя неудача,— восклицалъ добренькій Андрей Семеновичъ, опять почувствовавъ усиленное расположеніе къ Петру Петровичу, — и къ чему, къ чему вамъ непремѣнно этотъ бракъ, этотъ *законный* бракъ, благороднѣйшій, любезнѣйшій Петръ Петровичъ? Къ чему вамъ непремѣнно эта *законность* въ бракѣ? Ну, если хотите, такъ бейте меня, а я радъ, радъ, что онъ не удался, что вы свободны, что вы не совсѣмъ еще погибли для человѣчества, радъ... Видите-ли: я высказался!

— Къ тому-съ, что въ вашемъ гражданскомъ бракѣ я не хочу роговъ носить и чужихъ дѣтей разводить, вотъ къ чему-съ мнѣ законный бракъ надобенъ, — чтобы что нибудь отвѣтить, сказалъ Лужинъ. Онъ былъ чѣмъ-то особенно занятъ и задумчивъ.

— Дѣтей? Вы коснулись дѣтей? вздрогнулъ Андрей Семеновичъ, какъ боевой конь, заслышавшій военную трубу:—дѣти —вопросъ соціальный и вопросъ первой важности, я согласенъ: но вопросъ о дѣтяхъ разрѣшится иначе. Нѣкоторые даже совершенно отрицаютъ дѣтей, какъ всякій намекъ на семью. Мы поговоримъ о дѣтяхъ послѣ, а теперь займемся рогами! Признаюсь вамъ, это мой слабый пунктъ. Это скверное, гусарское, Пушкинское выраженіе даже немыслимо въ будущемъ лексиконѣ. Да и что такое рога? О, какое заблужденіе! Какіе рога? Зачѣмъ рога? Какой вздоръ! Напротивъ, въ гражданскомъ-то бракѣ ихъ и не будетъ! Рога, это только естественное слѣдствіе всякаго законнаго брака, такъ сказать, поправка его, протестъ, такъ что въ этомъ смыслѣ они даже нисколько не унизительны... И если я когда нибудь, предположивъ нелѣпость,—буду въ законномъ бракѣ, то я даже радъ буду вашимъ растреклятымъ рогамъ: я тогда скажу женѣ моей: другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь-же я тебя уважаю, потому что ты съумѣла протестовать! Вы смѣетесь? Это потому что вы не въ силахъ оторваться отъ предразсудковъ! Чортъ возьми, я вѣдь понимаю, въ чемъ именно непріятность, когда надуютъ въ законномъ: но вѣдь это только подлое слѣдствіе подлаго факта, гдѣ унижены и тотъ и другой. Когда-же рога ставятся открыто, какъ въ гражданскомъ бракѣ, тогда уже ихъ не существуетъ, они немыслимы и теряютъ даже названіе роговъ. Напротивъ, жена ваша докажетъ вамъ только, какъ она-же уважаетъ васъ, считая васъ неспособнымъ воспротивиться ея счастію и на столько развитымъ, чтобы не мстить ей за новаго мужа. Чортъ возьми, я иногда мечтаю, что еслибы меня выдали замужъ, тьфу! еслибъ я женился (по гражданскому-ли, по законному-ли, все равно), я-бы, кажется, самъ привелъ къ женѣ любовника, еслибъ она долго его не заводила: другъ

мой. сказалъ-бы я ей, я тебя люблю, но еще сверхъ того желаю, чтобы ты меня уважала,—вотъ!» Такъ-ли. такъ-ли я говорю?..

Петръ Петровичъ хихикалъ слушая, но безъ особаго увлеченія. Онъ даже мало и слушалъ. Онъ дѣйствительно что-то обдумывалъ другое, и даже Лебезятниковъ, наконецъ, это замѣтилъ. Петръ Петровичъ былъ даже въ волненіи, потиралъ руки. задумывался. Все это Андрей Семеновичъ послѣ сообразилъ и припомнилъ...

II.

Трудно было-бы въ точности обозначить причины, вслѣдствіе которыхъ въ разстроенной головѣ Катерины Ивановны зародилась идея этихъ безтолковыхъ поминокъ. Дѣйствительно, на нихъ ухлопаны были чуть-ли не десять рублей изъ двадцати слишкомъ, полученныхъ отъ Раскольникова собственно на похороны Мармеладова. Можетъ быть. Катерина Ивановна считала себя обязанною передъ покойникомъ почтить его память какъ слѣдуетъ, чтобы знали всѣ жильцы и Амалія Ивановна въ особенности, что онъ былъ не только ихъ совсѣмъ не хуже, а, можетъ быть, еще и гораздо получше-съ, и что никто изъ нихъ не имѣетъ права передъ нимъ свой носъ задирать. Можетъ быть, тутъ всего болѣе имѣла вліянія та особенная *гордость бѣдныхъ*, вслѣдствіе которой, при нѣкоторыхъ общественныхъ обрядахъ, обязательныхъ въ нашемъ быту для всѣхъ и каждаго, многіе бѣдняки таращатся изъ послѣднихъ силъ и тратятъ послѣднія сбереженныя копѣйки, чтобы только быть не хуже другихъ и чтобы не осудили ихъ какъ нибудь тѣ другіе. Весьма вѣроятно и то, что Катеринѣ Ивановнѣ захотѣлось именно при этомъ случаѣ, именно въ ту минуту, когда она, казалось-бы, всѣми на свѣтѣ оставлена, показать всѣмъ этимъ ничтожнымъ и скернымъ жильцамъ, что она не только умѣетъ жить и умѣетъ принять, но что совсѣмъ даже не для такой доли и была воспитана, а воспитана была въ благородномъ, можно даже сказать въ аристократическомъ полковничьемъ домѣ, и ужь вовсе не для того готовилась чтобы самой мести полъ и мыть по ночамъ дѣтскія тряпки. Эти нарокизмы гордости и тщеславія посѣщаютъ иногда самыхъ бѣдныхъ и забитыхъ людей и, по временамъ, обращаются у нихъ въ раздражительную, неудержимую потребность. А Катерина Ивановна была сверхъ того и не изъ забитыхъ: ее можно было совсѣмъ убить обстоятельствами, но *забить* ее нравственно, то есть запугать и подчинить себѣ ея волю, нельзя было. Сверхъ

того Сонечка весьма основательно про нее говорила, что у ней умъ мѣшается. Положительно и окончательно этого еще, правда, нельзя было сказать, но дѣйствительно въ послѣднее время, во весь послѣдній годъ, ея бѣдная голова слишкомъ измучилась, чтобы хоть отчасти не повредиться. Сильное развитіе чахотки, какъ говорятъ медики, тоже способствуетъ помѣшательству умственныхъ способностей.

Вина во множественномъ числѣ и многоразличныхъ сортовъ не было, *мадеры* тоже: это было преувеличено, но вино было. Были водка, ромъ и лиссабонское, все скверпѣйшаго качества, но всего въ достаточномъ количествѣ. Изъ явствъ, кромѣ кути, было три-четыре блюда (между прочимъ и блины), все съ кухни Амаліи Ивановны, да сверхъ того ставились разомъ два самовара для предполагавшихся послѣ обѣда чаю и пуншу. Закупками распорядилась сама Катерина Ивановна, съ помощію одного жильца, какого-то жалкаго Полячка, Богъ знаетъ для чего проживавшаго у г-жи Липпевехзель, который тотчасъ-же прикомандировался на посылки къ Катеринѣ Ивановнѣ и бѣгалъ весь вчерашній день и все это утро, сломя голову и высунувъ языкъ, кажется, особенно стараясь, чтобы замѣтно было это послѣднее обстоятельство. За каждыми пустяками онъ поминутно прибѣгалъ къ самой Катеринѣ Ивановнѣ, бѣгалъ даже отыскивать ее въ Гостиный дворъ, называлъ ее безпрестанно: «наша хорунжина», и надоѣлъ ей наконецъ какъ рѣдька, хотя сначала она и говорила, что безъ этого «услужливаго и великодушнаго» человѣка она-бы совсѣмъ пропала. Въ свойствѣ характера Катерины Ивановны было поскорѣе нарядить перваго встрѣчнаго и поперечнаго въ самыя лучшія и яркія краски, захвалить его такъ, что иному становилось даже совѣстно, придумать въ его хвалу разныя обстоятельства, которыя совсѣмъ и не существовали, совершенно искренно и чистосердечно повѣрить самой въ ихъ дѣйствительность, и потомъ вдругъ, разомъ, разочароваться, оборвать, оплевать и выгнать въ толчки человѣка, которому она, только еще нѣсколько часовъ назадъ, буквально поклонялась. Отъ природы была она характера смѣшливаго, веселаго и миролюбиваго, но отъ безпрерывныхъ несчастій и неудачъ, она до того *яростно* стала желать и требовать, чтобы всѣ жили въ миръ и радости и *не смѣли* жить иначе, что самый легкій диссонансъ въ жизни, самая малѣйшая неудача, стали приводить ее тотчасъ-же чуть не въ исступленіе, и она въ одинъ мигъ, послѣ самыхъ яркихъ надеждъ и фантазій, начинала клясть судьбу, рвать и метать все что̀ ни попадало подъ руку, и колотиться головой объ стѣну. Амалія Ивановна тоже вдругъ пріобрѣла почему-то необыкновенное значеніе и необыкно-

венное уваженіе отъ Катерины Ивановны, единственно потому, можетъ быть, что затѣялись эти поминки и что Амалія Ивановна всѣмъ сердцемъ рѣшилась участвовать во всѣхъ хлопотахъ: она взялась накрыть столъ, доставить бѣлье, посуду и проч. и приготовить на своей кухнѣ кушанье. Ее уполномочила во всемъ и оставила по себѣ Катерина Ивановна, сама отправляясь на кладбище. Дѣйствительно, все было приготовлено на славу: столъ былъ накрытъ даже довольно чисто, посуда, вилки, ножи, рюмки, стаканы, чашки, все это, конечно, было сборное, разнофасонное и разнокалиберное, отъ разныхъ жильцовъ, но все было къ извѣстному часу на своемъ мѣстѣ, и Амалія Ивановна, чувствуя, что отлично исполнила дѣло, встрѣтила возвратившихся даже съ нѣкоторою гордостію, вся разодѣтая, въ чепцѣ съ новыми траурными лентами и въ черномъ платьѣ. Эта гордость, хотя и заслуженная, не понравилась почему-то Катеринѣ Ивановнѣ: «въ самомъ дѣлѣ, точно безъ Амаліи Ивановны и стола-бы не съумѣли накрыть! Не понравился ей тоже и чепецъ съ новыми лентами: «ужь не гордится-ли, чего добраго, эта глупая нѣмка тѣмъ, что она хозяйка, и изъ милости согласилась помочь бѣднымъ жильцамъ? Изъ милости! Прошу покорно! У папеньки Катерины Ивановны, который былъ полковникъ и чуть-чуть не губернаторъ, столъ накрывался иной разъ на сорокъ персонъ, такъ что какую нибудь Амалію Ивановну, или лучше сказать Людвиговну, туда и на кухню-бы не пустили... Впрочемъ, Катерина Ивановна положила до времени не высказывать своихъ чувствъ, хотя и рѣшила въ своемъ сердцѣ, что Амалію Ивановну непремѣнно надо будетъ сегодня-же осадить и напомнить ей ея настоящее мѣсто, а то она Богъ знаетъ что объ себѣ замечтаетъ, покамѣсть-же сбошлась съ ней только холодно. Другая непріятность тоже отчасти способствовала раздраженію Катерины Ивановны: на похоронахъ, изъ жильцовъ, званыхъ на похороны, кромѣ Полячка, который успѣлъ таки забѣжать и на кладбище, никто почти не былъ: къ поминкамъ-же, то есть къ закускѣ, явились изъ нихъ все самые незначительные и бѣдные, многіе изъ нихъ не въ своемъ даже видѣ, такъ, дрянь какая-то. Которые-же изъ нихъ постарше и посолиднѣе, тѣ всѣ, какъ нарочно, будто сговорившись, манкировали. Петръ Петровичъ Лужинъ, напримѣръ, самый, можно сказать, солиднѣйшій изъ всѣхъ жильцовъ, не явился, а между тѣмъ, еще вчера-же вечеромъ, Катерина Ивановна уже успѣла наговорить всѣмъ на свѣтѣ, то есть Амаліи Ивановнѣ, Полечкѣ, Сонѣ и Полячку, что это благороднѣйшій, великодушнѣйшій человѣкъ, съ огромнѣйшими связями и съ состояніемъ, бывшій другъ ея перваго мужа, принятый въ домъ ея отца и который обѣщалъ употребить

всѣ средства, чтобы выхлопотать ей значительный пенсіонъ. Замѣтимъ здѣсь, что если Катерина Ивановна и хвалилась чьими нибудь связями и состояніемъ, то это безъ всякаго интереса, безо всякаго личнаго разсчета, совершенно безкорыстно, такъ сказать, отъ полноты сердца, изъ одного только удовольствія восхвалить и придать еще болѣе цѣны хвалимому. За Лужинымъ, и, вѣроятно, «беря съ него примѣръ», не явился и «этотъ скверный мерзавецъ Лебезятниковъ». Уже этотъ-то что̀ объ себѣ думаетъ? Его только изъ милости пригласили, и то потому что онъ съ Петромъ Петровичемъ въ одной комнатѣ стоитъ и знакомый его, такъ неловко было не пригласить.» Не явилась тоже и одна тонная дама съ своею «перезрѣлою дѣвой», дочерью, которыя хотя и проживали всего только недѣли съ двѣ въ нумерахъ у Амаліи Ивановны, но нѣсколько уже разъ жаловались на шумъ и крикъ возвращался пьяный домой, о чемъ, конечно, стало уже извѣстно Катеринѣ Ивановнѣ, черезъ Амалію-же Ивановну, когда та, бранясь съ Катериной Ивановной и грозясь прогнать всю семью, кричала во все горло, что они безпокоятъ «благородныхъ жильцовъ, которыхъ ноги не стоятъ». Катерина Ивановна нарочно положила теперь пригласить эту даму и ея дочь, которыхъ «ноги она будто-бы не стоила», тѣмъ болѣе что до сихъ поръ, при случайныхъ встрѣчахъ, та высокомѣрно отвертывалась,—такъ вотъ чтобы знала-же она, что здѣсь «благородные мыслятъ и чувствуютъ, и приглашаютъ не помня зла», и чтобы видѣли онѣ, что Катерина Ивановна и не въ такой долѣ привыкла жить. Объ этомъ непремѣнно предполагалось имъ объяснить за столомъ, равно какъ и о губернаторствѣ покойнаго папеньки, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно замѣтить, что нечего было при встрѣчахъ отворачиваться и что это было чрезвычайно глупо. Не пришелъ тоже и толстый подполковникъ (въ сущности отставной штабсъ-капитанъ), но оказалось, что онъ «безъ заднихъ ногъ» еще со вчерашняго утра. Однимъ словомъ, явились только: Полячокъ, потомъ одинъ плюгавенькій канцелярист безъ рѣчей, въ засаленномъ фракѣ, въ утряхъ и съ противнымъ запахомъ; потомъ еще одинъ глухой и почти совсѣмъ слѣпой старичокъ, когда-то служившій въ какомъ-то почтамтѣ и котораго кто-то, съ незапамятныхъ временъ и неизвѣстно для чего, содержалъ у Амаліи Ивановны. Явился тоже одинъ пьяный отставной поручикъ, въ сущности провіантскій чиновникъ, съ самымъ непріличнымъ и громкимъ хохотомъ, и «представьте себѣ», безъ жилета! Одинъ какой-то съѣлъ прямо за столъ, даже не поклонившись Катеринѣ Ивановнѣ и, наконецъ, одна личность, за неимѣ-

нѣмъ платья, явилась было въ халатѣ, но ужь это было до такой степени неприлично, что стараніями Амаліи Ивановны и Полечкѣ успѣли таки его вывести. Полечокъ, впрочемъ, привелъ съ собою еще какихъ-то двухъ другихъ Полечковъ, которые вовсе никогда и не жили у Амаліи Ивановны и которыхъ никто до сихъ поръ въ нумерахъ не видалъ. Все это чрезвычайно непріятно раздражило Катерину Ивановну. Для кого-же послѣ этого дѣлались всѣ приготовленія?. Даже дѣтей, чтобы выгадать мѣсто, посадили не за столъ, и безъ того занявшій всю комнату, а накрыли имъ въ заднемъ углу на сундукѣ, причемъ обѣихъ маленькихъ усадили на скамейку, а Полечка, какъ большая, должна была за ними присматривать, кормить ихъ и утирать имъ. Какъ благороднымъ дѣтямъ , носки. Однимъ словомъ, Катерина Ивановна поневолѣ должна была встрѣтить всѣхъ съ удвоенною важностію и даже съ высокомѣріемъ. Особенно строго оглядѣла она нѣкоторыхъ и свысока пригласила сѣсть за столъ. Считая почему-то, что за всѣхъ неявившихся должна быть въ отвѣтѣ Амалія Ивановна, она вдругъ стала обращаться съ ней до крайности небрежно, что та немедленно замѣтила и до крайности была этимъ шокирована. Такое начало не предвѣщало хорошаго конца. Наконецъ усѣлись. Раскольниковъ вошелъ почти въ ту самую минуту какъ воротились съ кладбища. Катерина Ивановна ужасно обрадовалась ему, во первыхъ потому, что онъ былъ единственный образованный гость изъ всѣхъ гостей и, какъ извѣстно, черезъ два года готовился занять въ здѣшнемъ университетѣ профессорскую кафедру , а во вторыхъ потому, что онъ немедленно и почтительно извинился передъ нею, что, не смотря на все желаніе, не могъ быть на похоронахъ. Она такъ на него и накинулась. посадила его за столъ подлѣ себя по лѣвую руку (по правую сѣла Амалія Ивановна), и не смотря на безпрерывную суету и хлопоты о томъ, чтобы правильно разносилось кушанье и всѣмъ доставалось. не смотря на мучительный кашель. который поминутно прерывалъ и душилъ ее и, кажется, особенно увеличился въ эти послѣдніе два дня. безпрерывно обращалась къ Раскольникову и полушепотомъ спѣшила излить передъ нимъ всѣ накопившіяся въ ней чувства и все справедливое негодованіе свое на неудавшіяся поминки: причемъ негодованіе смѣнялось часто самымъ веселымъ. самымъ неудержимымъ смѣхомъ надъ собравшимися гостями, но преимущественно надъ самою хозяйкой.

— Во всемъ эта кукушка виновата. Вы понимаете о комъ я говорю: объ ней, объ ней! и Катерина Ивановна закивала ему на хозяйку. -Смотрите на нее: выгаранщила глаза. чувствуетъ. что мы о ней говоримъ. да не можетъ понять. и глаза выпучила. Фу, сова!

ха-ха-ха!.. Кхи-кхи-кхи! И что это она хочетъ показать своимъ ученикомъ! Кхи-кхи-кхи! Замѣтили вы, ей все хочется чтобы всѣ считали, что она покровительствуетъ и мнѣ честь дѣлаетъ, что присутствуетъ. Я просила ее, какъ порядочную, пригласить народъ получше и именно знакомыхъ покойнаго, а смотрите, кого она привела: шуты какіе-то! Чумички! Посмотрите на этого съ нечистымъ лицомъ: это какая-то сопля на двухъ ногахъ! А эти Полячишки... ха-ха-ха! Кхи-кхи-кхи! Никто, никто ихъ никогда здѣсь не видывалъ, и я никогда не видала; ну, зачѣмъ они пришли, я васъ спрошу? Сидятъ чинно рядышкомъ. — Наше, гей! закричала она вдругъ одному изъ нихъ:—взяли вы блиновъ? Возьмите еще! Пива выпейте, пива! Водки не хотите-ли? Смотрите: вскочилъ, раскланивается, смотритъ, смотритъ: должно быть, совсѣмъ голодные, бѣдные! Ничего, пусть поѣдятъ. Не шумятъ, по крайней мѣрѣ, только... только, право, я боюсь за хозяйскія серебряныя ложки!..—Амалія Ивановна! обратилась она вдругъ къ ней, почти вслухъ,—если на случай покрадутъ ваши ложки, то я вамъ за нихъ не отвѣчаю, предупреждаю заранѣе! —Ха-ха-ха! залилась она, обращаясь опять къ Раскольникову, опять кивая ему на хозяйку и радуясь своей выходкѣ. —Не поняла, опять не поняла! Сидитъ разиня ротъ, смотритъ: сова, сова настоящая, сычиха въ новыхъ лентахъ, ха-ха-ха!

Тутъ смѣхъ опять превратился въ нестерпимый кашель, продолжавшійся пять минутъ. На платкѣ осталось нѣсколько крови, на лбу выступили капли пота. Она молча показала кровь Раскольникову, и, едва отдохнувшись, тотчасъ-же защептала ему опять съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ и съ красными пятнами на щекахъ:

— Посмотрите, я дала ей самое тонкое, можно сказать, порученіе пригласить эту даму и ея дочь, понимаете о комъ я говорю? Тутъ надобно вести себя самымъ деликатнѣйшимъ манеромъ, дѣйствовать самымъ искуснымъ образомъ, а она сдѣлала такъ, что эта пріѣзжая дура, эта заносчивая тварь, эта нѣмецкая провинціалка, потому только что она какая-то тамъ вдова маіора и пріѣхала хлопотать о пенсіи и обивать подолгу по присутственнымъ мѣстамъ, что она въ пятьдесятъ пять лѣтъ сурмится, бѣлится и румянится (это извѣстно).. и такая-то тварь не только не заблагоразсудила явиться, но даже не прислала извиниться, коли не могла придти, какъ въ такихъ случаяхъ самая обыкновенная вѣжливость требуетъ! Понять не могу, почему не пришелъ тоже Петръ Петровичъ? Но гдѣ-же Соня? Куда ушла? А, вотъ и она, наконецъ! Что Соня, гдѣ была? Странно, что ты даже на похоронахъ отца такъ неаккуратна. Родіонъ Романовичъ, пустите ее подлѣ себя. Вотъ твое мѣсто, Сонечка... чего хочешь, бери. Залитаго возьми, это лучше. Сейчасъ блины принесутъ. А

дѣтямъ дамъ? Полечка, все-ли у васъ тамъ есть? Кхи-кхи-кхи! Ну, хорошо. Будь умница, Леня, а ты, Коля, не болтай ножками: сиди какъ благородный ребенокъ долженъ сидѣть. Что ты говоришь, Сонечка?

Соня поспѣшила тотчасъ-же передать ей извиненіе Петра Петровича, стараясь говорить вслухъ, чтобы всѣ могли слышать, и употребляя самыя отборно-почтительныя выраженія, нарочно даже подсмотрѣнныя отъ лица Петра Петровича и разукрашенныя ею. Она прибавила, что Петръ Петровичъ велѣлъ особенно передать, что онъ, какъ только ему будетъ возможно, немедленно пріѣдетъ, чтобы поговорить *о дѣлахъ* наединѣ и условиться о томъ, что можно сдѣлать и предпринять въ дальнѣйшемъ и проч., и проч.

Соня знала, что это умиритъ и успокоитъ Катерину Ивановну, польститъ ей, а, главное, гордость ея будетъ удовлетворена. Она сѣла подлѣ Раскольникова, которому на-скоро поклонилась, и мелькомъ, любопытно на него поглядѣла. Впрочемъ, во все остальное время какъ-то избѣгала и смотрѣть на него, и говорить съ нимъ. Она была какъ будто даже разсѣяна, хотя такъ и смотрѣла въ лицо Катеринѣ Ивановнѣ, чтобъ угодить ей. Ни она, ни Катерина Ивановна не были въ трауръ, за неимѣніемъ платьевъ: на Сонѣ было какое-то коричневое, потемнѣе, а на Катеринѣ Ивановнѣ единственное ея платье, ситцевое, темненькое съ полосками. Извѣстіе о Петрѣ Петровичѣ прошло какъ по маслу. Выслушавъ важно Соню, Катерина Ивановна съ той-же важностію освѣдомилась: какъ здоровье Петра Петровича? Затѣмъ, немедленно и чуть не вслухъ, *простила* Раскольникову, что дѣйствительно страшно было-бы уважаемому и солидному человѣку, какъ Петръ Петровичъ, попасть въ такую необыкновенную компанію, не смотря даже на всю его преданность ея семейству и на старую дружбу его съ ея папенькой.

— Вотъ почему я особенно вамъ благодарна, Родіонъ Романычъ, что вы не погнушались моимъ хлѣбомъ-солью, даже и при такой обстановкѣ, прибавила она почти вслухъ, впрочемъ, увѣрена, что только особенная дружба ваша къ моему бѣдному покойнику побудила васъ сдержать ваше слово.

Затѣмъ она еще разъ гордо и съ достоинствомъ осмотрѣла своихъ гостей, и вдругъ съ особенною заботливостію освѣдомилась громко и черезъ столъ у глухаго старичка: Не хочетъ-ли онъ еще жаркаго и давали-ли ему мнесабонскаго? Старичокъ не отвѣтилъ и долго не могъ понять о чемъ его спрашиваютъ, хотя сосѣди для смѣху даже стали его расталкивать. Онъ только озирался кругомъ разиня ротъ, чѣмъ еще больше подалъ общую веселость.

— Вотъ какой олухъ! Смотрите, смотрите! И на что его привели? Что-же касается до Петра Петровича, то я всегда была въ немъ увѣрена, продолжала Катерина Ивановна Раскольникову,—и ужь, конечно, онъ не похожъ... рѣзко и громко, и съ чрезвычайно строгимъ видомъ обратилась она къ Амаліи Ивановнѣ, отчего та даже оробѣла,—не похожъ на тѣхъ вашихъ разфуфыренныхъ шлепохвостницъ, которыхъ у папеньки въ кухарки на кухню не взяли-бы, а покойникъ мужъ, ужь конечно, имъ-бы честь сдѣлалъ, принимая ихъ, и то развѣ только по непстощимой своей добротѣ.

— Да-съ, любилъ-съ выпить; это любили-съ, пивали-съ! крикнулъ вдругъ отставной провіантскій, осушая двѣнадцатую рюмку водки.

— Покойникъ мужъ, дѣйствительно, имѣлъ эту слабость, и это всѣмъ извѣстно,—такъ и вцѣпилась вдругъ въ него Катерина Ивановна,—но это былъ человѣкъ добрый и благородный, любившій и уважавшій семью свою; одно худо, что по добротѣ своей слишкомъ довѣрялся всякимъ развратнымъ людямъ и ужь, Богъ знаетъ, съ кѣмъ онъ не пилъ, съ тѣми, которые даже подошвы его не стоили! Вообразите, Родіонъ Романовичъ, въ карманѣ у него пряничнаго нѣтунка нашли: мертво-пьяный идетъ, а про дѣтей помнитъ.

— Нѣ-тун-ка? Вы изволили сказать: нѣ-тун-ка? крикнулъ провіантскій господинъ.

Катерина Ивановна не удостоила его отвѣтомъ. Она о чемъ-то задумалась и вздохнула.

— Вотъ вы навѣрно думаете, какъ и всѣ, что я съ нимъ слишкомъ строга была, продолжала она, обращаясь къ Раскольникову.—А вѣдь это не такъ! Онъ меня уважалъ, онъ меня очень, очень уважалъ! Доброй души былъ человѣкъ! И такъ его жалко становилось иной разъ! Сидитъ, бывало, смотритъ на меня изъ угла, такъ жалко станетъ его, хотѣлось-бы приласкать, а потомъ и думаешь про себя: приласкаешь, а онъ опять напьется, только строгостію сколько нибудь и удержать можно было.

— Да-съ, бывало-съ дранье вихровъ-съ, бывало-съ неоднократно-съ, проревѣть опять провіантскій, и выпить въ себя еще рюмку водки.

— Не только драньемъ вихровъ, но даже и помеломъ было-бы полезно обойтись съ иными дураками. Я не о покойникѣ теперь говорю! отрѣзала Катерина Ивановна провіантскому.

Красныя пятна на щекахъ ея рдѣли все сильнѣе и сильнѣе, грудь ея колыхалась. Еще минута, и она уже готова была начать исторію. Многіе хихикали, многимъ видимо было это пріятно. Про-

віантскаго стали подталкивать и что-то шептать ему. Ихъ, очевидно, хотѣли стравить.

— А па-а-азвольте спросить, это вы на счетъ чего-съ, началъ провіантскій, — го есть на чей... благородный счетъ... вы изволили сейчасъ... А впрочемъ не надо! Вздоръ! Вдова! Вдовица! Прощаю... Насъ! и онъ стукнулъ опять водки.

Раскольниковъ сидѣлъ и слушалъ молча и съ отвращеніемъ. Былъ-же онъ только развѣ изъ учтивости прикасаясь къ кускамъ, которые поминутно накладывала на его тарелку Катерина Ивановна, и то только чтобъ ея не обидѣть. Онъ пристально приглядывался къ Сонѣ. Но Соня становилась все тревожнѣе и озабоченнѣе; она тоже предчувствовала, что поминки мирно не кончатся, и со страхомъ слѣдила за возраставшимъ раздраженіемъ Катерины Ивановны. Ей, между прочимъ, было извѣстно, что главною причиной, по которой объ пріѣзжія дамы такъ презрительно обошлись съ приглашеніемъ Катерины Ивановны, была она, Соня. Она слышала отъ самой Амаліи Ивановны, что мать даже обидѣлась приглашеніемъ и предложила вопросъ: «Какимъ образомъ она могла-бы посадить рядомъ съ *этой дѣвицей* свою дочь? Соня предчувствовала, что Катеринѣ Ивановнѣ какъ нибудь уже это извѣстно, а обида ей, Сонѣ, значила для Катерины Ивановны болѣе чѣмъ обида ей лично, ея дѣтямъ, ея папенькѣ, однимъ словомъ была обидой смертельною, и Соня знала, что ужь Катерина Ивановна теперь не успокоится «пока не докажетъ этимъ шлепохвосткамъ, что онъ объ . и т. д., и т. д. Какъ нарочно, кто-то переслалъ съ другаго конца стола Сонѣ тарелку, съ вылѣпленными на ней, изъ чернаго хлѣба, двумя сердцами, пронзенными стрѣлой. Катерина Ивановна вспыхнула и тотчасъ-же громко замѣтила, черезъ столъ, что переславшій конечно «пьяный оселъ . Амалія Ивановна, тоже предчувствовавшая что-то недоброе, а вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленная до глубины души высокомѣріемъ Катерины Ивановны, чтобы отвлечь непріятное настроеніе общества въ другую сторону и кстати ужь чтобъ поднять себя въ общемъ мнѣніи, начала вдругъ, ни съ того, ни съ сего, разсказывать, что какой-то знакомый ея, «Карль изъ аптеки , ѣздилъ ночью на извощикѣ и что «извощикъ хотѣлъ его убивать, и что Карль его очень, очень просилъ, чтобъ онъ его не убивалъ, и плакалъ, и руки сложилъ, и испугался, и отъ страху ему сердце пронзилъ . Катерина Ивановна хоть и улыбнулась, но тотчасъ-же замѣтила, что Амаліи Ивановнѣ не слѣдуетъ по русски анекдоты разсказывать. Та еще больше обидѣлась и возразила, что ея «фатеръ ауе Берлинъ буль очень, очень важны шеловѣкъ и все руки по карманъ ходилъ . Смѣшливая Катерина Ивановна не вытерпѣла

и ужасно расхохоталась, такъ что Амалія Ивановна стала уже терять послѣднее терпѣніе и едва крѣпилась.

— Вотъ сычиха-то! запѣвала тотчасъ-же опять Катерина Ивановна Раскольникову, почти развеселившись:—хотѣла сказать: носилъ руки въ карманахъ, а вышло, что онъ по карманамъ лазилъ, кхи-кхи! И замѣтили-ль вы, Родіонъ Романычъ, разъ навсегда, что всѣ эти петербургскіе иностранцы, то есть, главное, нѣмцы, которые къ намъ откудова-то пріѣзжаютъ, всѣ глупѣе насъ! Ну согласитесь, ну можно-ли разсказывать о томъ, что «Карлъ изъ аптеки страхомъ сердце пронзилъ», и что онъ (сопликъ!), вмѣсто того чтобы связать извощика, «руки сложилъ и плакалъ, и очень просилъ». Ахъ дурында! И вѣдь думаетъ, что это очень трогательно, и не подозрѣваетъ какъ она глупа! По моему, этотъ пьяный провіантскій гораздо ея умнѣе: по крайней мѣрѣ, ужь видно что забулдыга, послѣдній умъ пропилъ, а вѣдь эти всѣ такіе чинные, серіозные... Нынь сидитъ, глаза выпучила. Сердится! Сердится! Ха-ха-ха! Кхи-кхи-кхи!

Развеселившись, Катерина Ивановна тотчасъ-же увлеклась въ разныя подробности и вдругъ заговорила о томъ, какъ при помощи выхлопотанной пенсіи, она непремѣнно заведетъ въ своемъ родномъ городѣ Т... пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Объ этомъ еще не было сообщено Раскольникову самою Катериной Ивановной, и она тотчасъ-же увлеклась въ самыя соблазнительныя подробности. Неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ очутился въ ея рукахъ тотъ самый «похвальный листъ», о которомъ увѣдомлялъ Раскольникова еще покойникъ Мармеладовъ, объясняя ему въ распивочной, что Катерина Ивановна, супруга его, при выпускѣ изъ института, танцовала съ шалью «при губернаторѣ и при прочихъ лицахъ». Похвальный листъ этотъ, очевидно, долженъ былъ теперь послужить свидѣтельствомъ о правѣ Катерины Ивановны самой завести пансіонъ: но главное, быть приписанъ съ тою цѣлью, чтобъ окончательно срѣзать обѣихъ разфуфыренныхъ шлепохвостницъ, на случай еслибъ онѣ пришли на поминки, и ясно доказать имъ, что Катерина Ивановна изъ самаго благороднаго, можно даже сказать аристократическаго дома, полковничья дочь и ужь навѣрно получше иныхъ нахальныхъ приключеній, которыхъ такъ много расплодилось въ послѣднее время. Похвальный листъ тотчасъ-же пошелъ по рукамъ пьяныхъ гостей, чему Катерина Ивановна не препятствовала, потому что въ немъ дѣйствительно было обозначено, en toutes lettres, что она дочь надворнаго совѣтника и кавалера, а слѣдовательно и въ самомъ дѣлѣ почти полковничья дочь. Воспламенившись, Катерина Ивановна немедленно распространилась о всѣхъ

подробностяхъ будущаго прекраснаго и спокойнаго житья-бытья въ Т...; объ учителяхъ гимназіи, которыхъ она пригласитъ для уроковъ въ свой пансіонъ; объ одномъ почтенномъ старичкѣ, французѣ Манго, который училъ по французски еще самое Катерину Ивановну въ институтѣ, и который еще и теперь доживаетъ свой вѣкъ въ Т... и навѣрно пойдетъ къ ней за самую сходную плату. Дошло, наконецъ, дѣло и до Сони, которая отправится въ Т... вмѣстѣ съ Катериной Ивановной и будетъ ей тамъ во всемъ помогать. Но тутъ вдругъ кто-то фыркнулъ въ концѣ стола. Катерина Ивановна хоть и постаралась тотчасъ-же сдѣлать видъ, что съ пренебреженіемъ не замѣчаетъ возникшаго въ концѣ стола смѣха, но тотчасъ-же, нарочно возвысивъ голосъ, стала съ одушевленіемъ говорить о несомнѣнныхъ способностяхъ Софьи Семеновны служить ей помощницей, о ея кротости, терпѣніи, самоотверженіи, благородствѣ и образованіи, причемъ потрепала Соню по щечкѣ, и привставъ, горячо два раза ее поцаловала. Соня всплыхнула, а Катерина Ивановна вдругъ расплакалась, тутъ-же замѣтивъ про самое себя, что «она слабонервная дура и что ужъ слишкомъ разстроена, что пора кончать, и такъ какъ закуска ужъ кончена, то разносить-бы чай». Въ эту самую минуту Амалія Ивановна, уже окончательно обиженная тѣмъ, что во всемъ разговорѣ она не принимала ни малѣйшаго участія и что ее даже совсѣмъ не слушаютъ, вдругъ рискнула на послѣднюю попытку и, съ нотаснною тоской, осмѣлилась сообщить Катеринѣ Ивановнѣ одно чрезвычайно дѣльное и глубокомысленное замѣчаніе о томъ, что въ будущемъ пансіонѣ надо обращать особенное вниманіе на чистое бѣлье дѣвицъ (ди вѣше) и что «непремѣнъ долженъ будь одна такая хороши дамъ (ди даме), чтобъ караше про бѣлье смотрѣль», и второе «чтобъ всѣ молоды дѣвицъ тихонько по ночамъ никакой романъ не читаль». Катерина Ивановна, которая дѣйствительно была разстроена и очень устала и которой уже совсѣмъ надоѣли поминки, тотчасъ-же отрѣзала Амаліи Ивановнѣ, что та «мелетъ вздоръ» и ничего не понимаетъ; что заботы объ ди вѣше дѣло кастелянши, а не директрисы благороднаго пансіона; а что касается до чтенія романовъ, такъ ужъ это просто даже непристойности, и что она проситъ ее замолчать. Амалія Ивановна всплыхнула и, озлобившись, замѣтила, что она только «добра желаль» и что она «много очень добра желаль», а что ей «за квартиръ давно ужъ гельдъ не платиль». Катерина Ивановна тотчасъ-же «осадила» ее, сказавъ, что она лжетъ, говоря, что «добра желаль», потому что еще вчера, когда покойникъ еще на столъ лежаль, она ее за квартиру мучила. На это Амалія Ивановна весьма послѣдовательно замѣтила, что она «тѣхъ дамъ при-

гланаль, но что тѣ дамъ не приноль, потому что тѣ дамъ благородный дамъ, и не могутъ приноль къ неблагородный дамъ. Катерина Ивановна тотчасъ-же подчеркнула ей, что такъ какъ она чумичка, то и не можетъ судить о томъ, что такое истинное благородство. Амалія Ивановна не снесла и тотчасъ-же заявила, что ея фатеръ аусъ Берлинъ буль очень, очень важны шеловѣкъ и объ рукъ по карманъ ходиль и все дѣлаль этакъ: пуфъ! пуфъ! и чтобы дѣйствительнѣе представить своего фатера, Амалія Ивановна привскочила со стула, засунула свои объ руки въ карманы, надула щеки и стала издавать какіе-то непредѣленные звуки ртомъ, похожіе на пуфъ-пуфъ, при громкомъ хохотѣ всѣхъ жильцовъ, которые нарочно поощряли Амалію Ивановну своимъ одобреніемъ, предчувствуя схватку. Но этого уже не могла вытерпѣть Катерина Ивановна и немедленно, во всеуслышаніе, отчеканила, что у Амаліи Ивановны можетъ никогда и фатера-то не было, а что просто Амалія Ивановна — петербургская пьяная чухонка и навѣрно гдѣ нибудь прежде въ кухаркахъ жила, а, пожалуй, и того хуже. Амалія Ивановна покраснѣла какъ ракъ и завизжала, что это можетъ быть у Катерины Ивановны совсѣмъ фатеръ не буль: а что у нея буль фатеръ аусъ Берлинъ, и такъ длинны сюртукъ носиль, и все дѣлаль: пуфъ, пуфъ, пуфъ! Катерина Ивановна съ презрѣніемъ замѣтила, что ея происхожденіе всѣмъ извѣстно, и что въ этомъ самомъ похвальномъ листѣ обозначено печатными буквами, что отецъ ея полковникъ; а что отецъ Амаліи Ивановны (если только у ней былъ какой нибудь отецъ) навѣрно какой нибудь петербургскій чухонецъ, молоко продавалъ; а вѣрнѣе всего, что и совсѣмъ отца не было, потому что еще до сихъ поръ неизвѣстно какъ зовутъ Амалію Ивановну по батюшкѣ: Ивановна или Людвиговна? Тутъ Амалія Ивановна, разсвирѣпѣвъ окончательно и ударяя кулакомъ по столу, принялась визжать, что она Амаль-Иванъ, а не Людвиговна, что ея фатеръ звалъ Іоганъ и что онъ буль бурместеръ, а что фатеръ Катерины Ивановны совсѣмъ никогда буль бурмейстеръ. Катерина Ивановна встала со стула и строго, повидимому спокойнымъ голосомъ (хотя вся блѣдная и съ глубоко подымавшеюся грудью), замѣтила ей, что если она хотъ только одинъ еще разъ осмѣлится сопоставить на одну доску своего дрянного фатеришку съ ея папенькой, то она, Катерина Ивановна, сорветъ съ нея чепчикъ и растопчетъ его ногами. Услышавъ это, Амалія Ивановна забѣгала по комнатѣ, крича изо всѣхъ силъ, что она хозяйка и чтобъ Катерина Ивановна въ сію минуту съѣзжала съ квартиры: затѣмъ бросилась для чего-то собирать со стола серебряныя ложки. Поднялся гамъ и грохотъ: дѣти заплакали.

Соня бросилась было удерживать Катерину Ивановну: но когда Амалія Ивановна вдругъ закричала что-то про желтый билетъ, Катерина Ивановна отпихнула Соню и пустилась къ Амаліи Ивановнѣ, чтобы немедленно привести свою угрозу, на счетъ чепчика, въ исполненіе. Въ эту минуту отворилась дверь, и на порогъ комнаты вдругъ показался Петръ Петровичъ Лужинъ. Онъ стоялъ и строгимъ, внимательнымъ взглядомъ оглядывалъ всю компанію. Катерина Ивановна бросилась къ нему.

III.

— Петръ Петровичъ! закричала она:—защитите хоть вы! Внушите этой глупой твари, что не смѣетъ она такъ обращаться съ благородной дамой въ несчастіи, что на это есть судъ... я къ самому генералъ-губернатору... Она отвѣтитъ... Номия хлѣбъ-соль моего отца, защитите сироть.

— Позвольте, сударыня... Позвольте, позвольте, сударыня, отмахивался Петръ Петровичъ,—папеньки вашего, какъ и извѣстно вамъ, я совсѣмъ не имѣлъ чести знать... позвольте, сударыня! (кто-то громко захохоталъ) а въ вашихъ безпрерывныхъ распряхъ съ Амаліей Ивановной я участвовать не намѣренъ-съ... Я по своей надобности... и желаю объясниться, немедленно, съ падчерицей вашей, Софьей... Ивановной... Кажется такъ-съ? Позвольте пройти-съ...

И Петръ Петровичъ, обойдя бочкомъ Катерину Ивановну, направился въ противоположный уголъ, гдѣ находилась Соня.

Катерина Ивановна какъ стояла на мѣстѣ, такъ и осталась, точно громомъ пораженная. Она понять не могла, какъ могъ Петръ Петровичъ отречься отъ хлѣба-соли ея папеньки. Выдумавъ разъ эту хлѣбъ-соль, она уже ей свято сама вѣрила. Поразилъ ее и дѣловой, сухой, полный даже какой-то презрительной угрозы тонъ Петра Петровича. Да и весь какъ-то притихли, мало по малу, при его появленіи. Кромѣ того, что этотъ дѣловой и серіозный человѣкъ слишкомъ ужь рѣзко не гармонировалъ со всею компаніей, кромѣ того, видно было, что онъ за чѣмъ-то важнымъ пришелъ, что, вѣроятно, какая нибудь необыкновенная причина могла привлечь его въ такую компанію, и что, стало быть, сейчасъ что-то случится, что-то будетъ. Раскольниковъ, стоявшій подлѣ Сони, посторонился пропустить его: Петръ Петровичъ, казалось, совсѣмъ его не замѣтилъ. Черезъ минуту на порогъ показался и Лебезятниковъ: въ комнату онъ не вошелъ, но остановился тоже съ какимъ-то осо-

беннымъ любопытствомъ, почти съ удивленіемъ; прислушивался, но, казалось, долго чего-то понять не могъ.

— Извините, что я, можетъ быть, прерываю, но дѣло довольно важное-съ, замѣтилъ Петръ Петровичъ какъ-то вообще, и не обращаясь ни къ кому въ особенности:—я даже и радъ при публикѣ. Амалія Ивановна, прошу васъ покорнѣйше, въ качествѣ хозяйки квартиры, обратить вниманіе на мой послѣдующій разговоръ съ Софьей Ивановной. Софья Ивановна, продолжалъ онъ, обращаясь прямо къ чрезвычайно удивленной и уже заранѣе испуганной Сонѣ,—со стола моего, въ комнатѣ друга моего, Андрея Семеновича Лебезятникова, тотчасъ вслѣдъ за посѣщеніемъ вашимъ, исчезъ принадлежавшій мнѣ государственный кредитный билетъ сторублеваго достоинства. Если какимъ-бы то ни было образомъ вы знаете и укажете намъ гдѣ онъ теперь находится, то, увѣряю васъ честнымъ словомъ, и беру всѣхъ въ свидѣтели, что дѣло тѣмъ только и кончится. Въ противномъ-же случаѣ, принужденъ буду обратиться къ мѣрамъ весьма серіозным, тогда... пеняйте уже на себя-съ.

Совершенное молчаніе воцарилось въ комнатѣ. Даже плаксивыя дѣти затихли. Соня стояла мертво блѣдная, смотрѣла на Лужина и ничего не могла отвѣчать. Она какъ будто еще и не понимала. Прошло нѣсколько секундъ.

— Ну-съ, такъ какъ-же-съ? спросилъ Лужинъ, пристально смотря на нее.

— Я не знаю... Я ничего не знаю... слабымъ голосомъ проговорила, наконецъ, Соня.

— Нѣтъ? Не знаете? переспросилъ Лужинъ, и еще нѣсколько секундъ помолчалъ.—Подумайте, мадемуазель, началъ онъ строго, но все еще какъ будто увѣщевая,—обсудите, я согласенъ вамъ дать еще время на размышленіе. Извольте видѣть-съ: если-бъ я не былъ такъ увѣренъ, то ужь разумѣется, при моей опытности, не рискнулъ-бы такъ прямо васъ обвинить: ибо за подобное, прямое и гласное, но ложное, или даже только ошибочное обвиненіе, я, въ нѣкоторомъ смыслѣ, самъ отвѣчаю. Я это знаю-съ. Утромъ сегодня я размѣнялъ, для своихъ надобностей, нѣсколько пятипроцентныхъ билетовъ, на сумму, номинально, въ три тысячи рублей. Разсчетъ у меня записанъ въ бумажникѣ. Придя домой, я,—свидѣтель тому Андрей Семеновичъ,—сталъ считать деньги, и, сосчитавъ двѣ тысячи триста рублей, спряталъ ихъ въ бумажникъ, а бумажникъ въ боковой карманъ сюртука. На столѣ оставалось около пятисотъ рублей, кредитными билетами, и между ними три билета, по сто рублей каждый. Въ эту минуту прибыли вы (по моему зову)—и

все время у меня пребывали потомъ въ чрезвычайномъ смущеніи, такъ что даже три раза, среди разговора, вставали и спѣшили почему-то уйти, хотя разговоръ нашъ еще не былъ оконченъ. Андрей Семеновичъ можетъ все это засвидѣтельствовать. Вѣроятно, вы сами, мадемуазель, не откажетесь подтвердить и заявить, что призывалъ я васъ, черезъ Андрея Семеновича, единственно для того только, чтобы переговорить съ вами о сиротскомъ и безпомощномъ положеніи вашей родственницы, Катерины Ивановны (къ которой я не могъ придти на поминки), и о томъ, какъ-бы полезно было устроить въ ея пользу что нибудь въ родѣ подписки, лотереи или тому подобнаго. Вы меня благодарили и даже прослезились (я разсказываю все такъ какъ было: чтобы, во первыхъ, напомнить вамъ, а во вторыхъ, показать вамъ, что изъ памяти моей не изгладилась ни малѣйшая черта). Затѣмъ я взялъ со стола десятирублевый кредитный билетъ и подалъ вамъ, отъ своего имени, для интересовъ вашей родственницы, и въ видахъ перваго вспоможенія. Все это видѣлъ Андрей Семеновичъ. Затѣмъ, я васъ проводилъ до дверей,—все въ томъ-же, съ вашей стороны, смущеніи,—послѣ чего, оставшись наединѣ съ Андреемъ Семеновичемъ, и переговоривъ съ нимъ минутъ около десяти,—Андрей Семеновичъ вышелъ, я-же снова обратился къ столу, съ лежавшими на немъ деньгами, съ цѣлью, сосчитавъ ихъ, отложить, какъ предполагалъ я прежде, особо. Къ удивленію моему одного сторублеваго билета, въ числѣ прочихъ, не оказалось. Извольте-же разсудить: заподозрить Андрея Семеновича я ужъ никакъ не могу-съ: даже предположенія стыжусь. Ошибиться въ счетѣ я тоже не могъ, потому что, за минуту передъ вашимъ приходомъ, окончивъ всѣ счеты, я нашелъ итогъ вѣрнымъ. Согласитесь сами, что, припоминая ваше смущеніе, торопливость уйти и то что вы держали руки, нѣкоторое время, на столѣ: взявъ, наконецъ, въ соображеніе общественное положеніе ваше и сопряженныя съ нимъ привычки, я, такъ сказать, съ ужасомъ, и даже противъ воли моей, *принужденъ* былъ остановиться на подозрѣніи, конечно, жестокомъ, но—справедливомъ-съ! Прибавлю еще и повторю, что не смотря на всю мою *очевидную* увѣренность, понимаю, что все-таки, въ теперешнемъ обвиненіи моемъ, присутствуетъ нѣкоторый для меня рискъ. Но, какъ видите, я не оставилъ втунѣ; я возсталъ и скажу вамъ отчего: единственно, сударыня, единственно по причинѣ черезчуръ неблагодарности вашей! Какъ? Я-же васъ приглашаю въ интересахъ бѣдной родственницы вашей, я-же предоставляю вамъ послѣднее подаяніе мое въ десять рублей, и вы-же, тутъ-же, сейчасъ-же, платите мнѣ за все это подобнымъ поступкомъ! Нѣтъ-съ, это ужъ

не хорошо-съ! Необходимъ урокъ-съ. Разсудите-же: мало того, какъ истинный другъ вашъ, прошу васъ (ибо лучшаго друга не можетъ быть у васъ въ эту минуту), опомнитесь! Иначе, буду неумолимъ! Ну-съ, и такъ?

— Я ничего не брала у васъ, прошептала въ ужасѣ Соня, вы дали мнѣ десять рублей, вотъ они, возьмите ихъ. Соня вынула изъ кармана платокъ, отыскала узелокъ, развязала его, вынула десятирублевую бумажку и протянула руку Лужину.

— А въ остальныхъ ста рубляхъ вы такъ и не признаетесь? укоризненно и настойчиво произнесъ онъ, не принимая билета.

Соня осмотрѣлась кругомъ. Всѣ глядѣли на нее съ такими ужасными, строгими, насмѣшливыми, ненавистными лицами. Она взглянула на Раскольникова... тотъ стоялъ у стѣны, сложивъ на крестъ руки, и огненнымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее.

— О, Господи! вырвалось у Сони.

— Амалія Ивановна, надо будетъ дать знать въ полицію, а потому, покорнѣйше прошу васъ, пошлите покамѣстъ за дворникомъ, тихо и даже ласково проговорилъ Лужинъ.

— Готъ деръ бармгерциге!—Я такъ и зналь, что она воровалъ! всплеснула руками Амалія Ивановна.

— Вы такъ и знали? подхватилъ Лужинъ:—стало быть, уже и прежде имѣли хотя-бы нѣкоторыя основанія такъ заключать. Прошу васъ, почтеннѣйшая Амалія Ивановна, запомнить слова ваши, произнесенныя, впрочемъ, при свидѣтеляхъ.

Со всѣхъ сторонъ поднялся вдругъ громкій говоръ. Всѣ зашевелились.

— Ка-а-къ! вскрикнула вдругъ, опомнившись, Катерина Ивановна, и,—точно сорвалась,—бросилась къ Лужину:- какъ! Вы ее въ покражѣ обвиняете? Это Соню-то? Ахъ, подлецы, подлецы! И бросившись къ Сонѣ, она, какъ въ тискахъ, обняла ее изсохшими своими руками.

— Соня! Какъ ты смѣла брать отъ него десять рублей! О, глупая! Подай сюда! Подай сейчасъ эти десять рублей —вотъ!

И выхвативъ у Сони бумажку, Катерина Ивановна скомкала ее въ рукахъ и бросила на отмашъ прямо въ лицо Лужина. Катышекъ попалъ въ глазъ и отскочилъ на полъ. Амалія Ивановна бросилась поднимать деньги. Петръ Петровичъ разсердился.

— Удержите эту сумасшедшую! закричалъ онъ.

Въ дверяхъ, въ эту минуту, рядомъ съ Лебезятниковымъ, показалось и еще нѣсколько лицъ, между которыми выглядывали и обѣ пріѣзжія дамы.

— Какъ! Сумасшедшую? Это я-то сумасшедшая? Дурракъ!

взвизгнула Катерина Ивановна.—Самъ ты дуракъ, крючокъ судейскій, низкій человѣкъ! Соня, Соня возьметъ у него деньги! Это Соня-то воровка! Да она еще тебѣ дастъ, дуракъ! И Катерина Ивановна истерически захохотала.—Видали-ль вы дурака? бросалась она во всѣ стороны, показывая всѣмъ на Лужина.—Какъ! И ты тоже?—увидала она вдругъ хозяйку:—и ты туда-же, колбасница, подтверждаешь, что она воровать, подлая ты прусская курица нога въ кринолинѣ! Ахъ вы! Ахъ вы! Да она и изъ комнаты-то не выходила и какъ пришла отъ тебя, подлеца, тутъ-же рядомъ подлѣ Родіона Романовича и сѣла!.. Обыщите ее! Коль она никуда не выходила, стало быть, деньги должны быть при ней! Ищи-же, ищи, ищи! Только если ты не найдешь, то ужь извини, голубчикъ, отвѣтишь! Къ Государю, къ Государю, къ самому Царю побѣгу, милосердому, въ ноги брошусь, сейчасъ-же, сегодня-же! Я—сирота! Меня пустятъ! Ты думаешь, не пустятъ? Врешь, дойду! Дойду-у! Это ты на то, что она кроткая, разсчитывалъ? Ты на это-то понадѣялся? Да я, братъ, за то бойкая! Оборвешься! Ищи-же! Ищи, ищи, ищи, ну, ищи!!

И Катерина Ивановна, въ изступленіи, теребила Лужина, таща его къ Сонѣ.

— Я готовъ-съ, и отвѣчаю... но уймитесь, сударыня, уймитесь! Я слишкомъ вижу, что вы бойкая!.. Это... это... это какъ-же-съ? бормоталъ Лужинъ,—это слѣдуетъ при полиціи-съ... хотя впрочемъ и теперь свидѣтелей слишкомъ достаточно... Я готовъ-съ... Но во всякомъ случаѣ затруднительно мущинѣ... по причинѣ пола... Если-бы съ помощію Амаліи Ивановны... хотя, впрочемъ, такъ дѣло не дѣлается... Это какъ-же-съ?

— Кого хотите! Пусть кто хочетъ, тотъ и обыскиваетъ! кричала Катерина Ивановна:—Соня, выверти имъ карманы! Вотъ, вотъ! Смотри, извергъ, вотъ пустой, здѣсь платокъ лежалъ, карманъ пустой, видишь! Вотъ другой карманъ, вотъ, вотъ! Видишь! Видишь!

И Катерина Ивановна не то что вывернула, а такъ и выхватила оба кармана, одинъ за другимъ наружу. Но изъ втораго, праваго, кармана вдругъ выскочила бумажка, и, описавъ въ воздухѣ параболу, упала къ ногамъ Лужина. Это всѣ видѣли: многіе вскрикнули. Петръ Петровичъ нагнулся, взялъ бумажку двумя пальцами съ пола, поднялъ всѣмъ на видъ и развернулъ. Это былъ сторублевый кредитный билетъ, сложенный въ восьмую долю. Петръ Петровичъ обвелъ кругомъ свою руку, показывая всѣмъ билетъ.

— Воровка! Вонъ съ квартиры! Неси, неси! завопила Амалія Ивановна:—ихъ надо Сибирь прогнать! Вонъ!

Со всѣхъ сторонъ полетѣли восклицанія. Раскольниковъ мол-

чалъ, не спуская глазъ съ Сони, изрѣдка, но быстро переводя ихъ на Лужина. Соня стояла на томъ-же мѣстѣ, какъ безъ памяти. Она почти даже не была и удивлена. Вдругъ краска залила ей все лицо; она вскрикнула и закрылась руками.

— Нѣтъ, это не я! Я не брала! Я не знаю! закричала она, разрывающимъ сердце воплемъ и бросилась къ Катеринѣ Ивановнѣ. Та схватила ее и крѣпко прижала къ себѣ, какъ будто грудью желая защитить ее ото всѣхъ.

— Соня! Соня! Я не вѣрю! Видишь, я не вѣрю! кричала (не смотря на всю очевидность) Катерина Ивановна, сотрясая ее въ рукахъ своихъ, какъ ребенка, цалуя ее безсчетно, ловя ея руки и, такъ и впиваясь, цалуя ихъ.—Чтобъ ты взяла! Да что это за глупые люди! О, Господи! Глупые вы, глупые, кричала она, обращаясь ко всѣмъ,—да вы еще не знаете, не знаете, какое это сердце, какая эта дѣвушка! Она возьметъ, она! Да она свое послѣднее платье скинетъ, продастъ, босая пойдетъ, а вамъ отдастъ, коль вамъ надо будетъ, вотъ она какая! Она и желтый-то билетъ получила, потому что мои-же дѣти съ голоду пропадали, себя за насъ продала!.. Ахъ, покойникъ, покойникъ! Ахъ, покойникъ, покойникъ! Видишь? Видишь? Вотъ тебѣ поминки! Господи! Да защитите-же ее, что-жъ вы стоите всѣ! Родіонъ Романовичъ! Вы-то чего-жъ не заступитесь? Вы тоже что-ль вѣрите? Мизинца вы ея не стоите, всѣ, всѣ, всѣ, всѣ! Господи! Да защити-жъ, наконецъ!

Плачъ бѣдной, чахоточной, сиротливой Катерины Ивановны произвелъ, казалось, сильный эффектъ на публику. Тутъ было столько жалкаго, столько страдающаго въ этомъ искривленномъ болью, высохшемъ чахоточномъ лицѣ, въ этихъ изсохшихъ, запекшихся кровью губахъ, въ этомъ хрипло-кричащемъ голосѣ, въ этомъ плачѣ на взрыдъ, подобномъ дѣтскому плачу, въ этой довѣрчивой, дѣтской, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянной мольбѣ защитить, что, казалось, всѣ пожалѣли несчастную. По крайней мѣрѣ, Петръ Петровичъ тотчасъ-же *пожалѣлъ:*

— Сударыня! Сударыня! воскликнулъ онъ внушительнымъ голосомъ:—до васъ этотъ фактъ не касается! Никто не рѣшится васъ обвинить въ умыслѣ, или въ соглашеніи, тѣмъ паче что вы-же и обнаружили, вывороливъ карманъ: стало быть, ничего не предполагали. Весьма и весьма готовъ сожалѣть, если, такъ сказать, ницета поцвила и Софью Семеновну, но для чего-же, мадемуазель, вы не хотѣли сознаться? Позора убоялись? Первый шагъ? Потерялись, можетъ быть? Дѣло понятное-съ: очень понятное-съ... Но однако, для чего-же было пускаться въ такія качества! Господа! обратился онъ ко всѣмъ присутствующимъ,—господа! Сожалѣя и,

такъ сказать, соболѣзную, я, пожалуй, готовъ простить. Даже теперь, не смотря на полученныя личныя оскорбленія. Да послужитъ-же, мадемуазель, теперешній стыдъ вамъ урокомъ на будущее, обратился онъ къ Сонѣ, а я дальнѣйшее оставлю втунѣ и, такъ и быть, прекращаю. Довольно!

Петръ Петровичъ искоса посмотрѣлъ на Раскольникова. Взгляды ихъ встрѣтились. Горящій взглядъ Раскольникова готовъ былъ испепелить его. Между тѣмъ, Катерина Ивановна, казалось, ничего больше и не слыхала: она обнимала и цаловала Соню какъ безумная. Дѣти тоже обхватили со всѣхъ сторонъ Соню своими ручонками, а Полечка, не совсѣмъ понимавшая, впрочемъ, въ чемъ дѣло, — казалось вся такъ и утопла въ слезахъ, надрываясь отъ рыданій и спрятавъ свое распухшее отъ плача хорошенькое личико на плечѣ Сони.

— Какъ это низко! раздался вдругъ громкій голосъ въ дверяхъ.

Петръ Петровичъ быстро оглянулся.

— Какая низость! повторилъ Лебезятниковъ, пристально смотря ему въ глаза.

Петръ Петровичъ даже какъ будто вздрогнулъ. Это замѣтили всѣ. (Потомъ объ этомъ вспоминали). Лебезятниковъ шагнулъ въ комнату.

— И вы осмѣлились меня въ свидѣтели поставить? сказалъ онъ, подходя къ Петру Петровичу.

— Что это значитъ, Андрей Семеновичъ! Про что такое вы говорите? пробормоталъ Лужинъ.

— То значитъ, что вы... клеветникъ, вотъ что значатъ мои слова! горячо проговорилъ Лебезятниковъ, строго смотря на него своими подслѣповатыми глазками. Онъ былъ ужасно разсерженъ. Раскольниковъ такъ и впился въ него глазами, какъ-бы подхватывая и взвѣшивая каждое слово. Опять снова воцарилось молчаніе. Петръ Петровичъ почти даже потерялся, особенно въ первое мгновеніе.

— Если это вы мнѣ... началъ онъ, заикаясь, — да что съ вами? Въ умѣ-ли вы?

— Я-то въ умѣ-съ, а вотъ вы такъ... мошенникъ! Ахъ, какъ это низко! Я все слушалъ, я нарочно все ждалъ, чтобы все понять, потому что, признаюсь, даже до сихъ поръ оно не совсѣмъ логично... Но для чего вы все это сдѣлали — не понимаю.

— Да что я сдѣлалъ такое! Перестанете-ли вы говорить вашими вздорными загадками? Или вы, можетъ, выпивши?

— Это вы, низкій человѣкъ, можетъ быть, пьете, а не я! Я и водки совсѣмъ никогда не пью, потому что это не въ моихъ убѣжденіяхъ! Вообразите, онъ, онъ самъ, своими собственными ру-

ками отдать этотъ сторублевый билетъ Софьѣ Семеновнѣ, — я видѣлъ, я свидѣтель, я присягу приму! Онъ, онъ! повторялъ Лебезятниковъ, обращаясь ко всѣмъ и каждому.

— Да вы рехнулись или нѣтъ, молокососъ? взвизгнулъ Лужинъ: — она здѣсь сама передъ вами, на лицо: — она сама здѣсь, сейчасъ, при всѣхъ подтвердила, — что кромѣ десяти рублей, ничего отъ меня не получала. Какимъ-же образомъ могъ я ей передать, послѣ этого?

— Я видѣлъ, видѣлъ! кричалъ и подтверждалъ Лебезятниковъ:— и хоть это противъ моихъ убѣжденій, но я готовъ сей-же часъ принять въ судѣ какую угодно присягу, потому что я видѣлъ какъ вы ей тихонько подсунули! Только я-то дуракъ, подумалъ, что вы изъ благодѣянія подсунули! Въ дверяхъ, прощаясь съ нею, когда она повернулась и когда вы ей жали одной рукой руку, другою, лѣвой, вы и положили ей тихонько въ карманъ бумажку. Я видѣлъ! Видѣлъ!

Лужинъ побѣдѣлъ.

— Что вы врете! дерзко вскричалъ онъ: — да и какъ вы могли, стоя у окна, разглядѣть бумажку? Вамъ померещилось... на подслѣпые глаза. Вы бредите!

— Нѣтъ, не померещилось! И хоть я и далеко стоялъ, но я все, все видѣлъ, и хоть отъ окна дѣйствительно трудно разглядѣть бумажку,—это вы правду говорите, —но, я, по особому случаю, зналъ навѣрно, что это именно сторублевый билетъ, потому что, когда вы стали давать Софьѣ Семеновнѣ десятирублевую бумажку, — я видѣлъ самъ, —вы тогда-же взяли со стола сторублевый билетъ (это я видѣлъ, потому что я тогда близко стоялъ, и такъ какъ у меня тотчасъ явилась одна мысль, то потому я и не забылъ, что у васъ въ рукахъ билетъ). Вы его сложили и держали, зажавъ въ рукѣ, все время. Потомъ я было опять забылъ, но когда вы стали вставать, то изъ правой переложили въ лѣвую и чуть не уронили: я тутъ опять вспомнилъ, потому что мнѣ тутъ опять пришла также мысль, именно, что вы хотите, тихонько отъ меня, благодѣяніе ей сдѣлать. Можете представить, какъ я сталъ слѣдить, — ну и увидѣлъ какъ удалось вамъ всунуть ей въ карманъ. Я видѣлъ, видѣлъ, я присягу приму!

Лебезятниковъ чуть не задыхался. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться разнообразныя восклицанія, всего больше означавшія удивленіе: но послышались восклицанія, принимавшія и грозный тонъ. Всѣ загѣшались къ Петру Петровичу. Катерина Ивановна кинулась къ Лебезятникову.

— Андрей Семеновичъ! Я въ васъ ошиблась! Защитите ее!

Одинъ вы за нее! Она сирота, васъ Богъ послалъ! Андрей Семеновичъ, голубчикъ, батюшка!

И Катерина Ивановна, почти не помня что̀ дѣлаетъ, бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Дичь! завопилъ взбѣшенный до ярости Лужинъ,—дичь вы все вмѣстѣ, сударь. Забыть, вспомнить, забыть — что̀ такое! Стало быть, я нарочно ей подложилъ? Для чего? Съ какою цѣлью? Что̀ общаго у меня съ этой...

— Для чего? Вотъ этого-то я и самъ не понимаю, а что я разсказываю истинный фактъ, то это вѣрно! Я до того не ошибаюсь, мерзкій, преступный вы человѣкъ, что именно помню, какъ по этому поводу мнѣ тотчасъ-же тогда въ голову вопросъ пришелъ, именно въ то время какъ я васъ благодарить и руку вамъ жать. Для чего-же именно вы подложили ей украдкой въ карманъ? То есть почему именно украдкой? Неужели потому только, что хотѣли отъ меня скрыть, зная, что я противныхъ убѣжденій и отрицаю частную благотворительность, ничего не исцѣляющую радикально? Ну, и рѣшилъ, что вамъ дѣйствительно передо мной совѣстно такіе куши давать и, кромѣ того, можетъ быть, подумалъ я, онъ хочетъ ей сюрпризъ сдѣлать, удивить ее, когда она найдетъ у себя въ карманѣ цѣлыхъ сто рублей. (Потому что иные благотворители очень любятъ этакъ размазывать свои благодѣянія: я знаю). Потомъ мнѣ тоже подумалось, что вы хотите ее испытать, то есть придетъ-ли она, найдя, благодарить! Потомъ, что хотите избѣжать благодарности и чтобъ, ну, какъ это тамъ говорится: чтобъ правая рука, что-ль, не знала... однимъ словомъ какъ-то этакъ... Ну, да мало-ль мнѣ мыслей тогда пришло въ голову, такъ что я положилъ все это обдумать потомъ, но все-таки почелъ неделикатнымъ обнаружить передъ вами, что знаю секретъ. Но однако мнѣ тотчасъ-же пришелъ въ голову опять еще вопросъ: что Софья Семеновна, прежде чѣмъ замѣтитъ, пожалуй, чего добраго, потеряетъ деньги: вотъ почему я рѣшился почти сюда, вызвать ее и увѣдомить, что ей положили въ карманъ сто рублей. Да мимоходомъ занесть прежде въ нумеръ къ г-жамъ Кобылятниковымъ, чтобъ занести имъ *Общій выводъ положительнаго метода* и особенно рекомендовать статью Шидерита (а впрочемъ тоже и Вагнера): потомъ приходу сюда, а тутъ вотъ уже какая исторія! Ну могъ-ли, могъ-ли я имѣть всѣ эти мысли и разсужденія, если-бъ я дѣйствительно не видалъ, что вы вложили ей въ карманъ сто рублей?

Когда Андрей Семеновичъ кончилъ свои многословныя разсужденія, съ такимъ логическимъ выводомъ въ заключеніи рѣчи, то ужасно усталъ, и даже потъ катился съ его лица. Увы, онъ и по

русски-то не умѣлъ объясняться порядочно (не зная впрочемъ никакого другаго языка), такъ что онъ весь, какъ-то разомъ, истощился, даже какъ будто похудѣлъ послѣ своего адвокатскаго подвига. Тѣмъ не менѣе рѣчь его произвела чрезвычайный эффектъ. Онъ говорилъ съ такимъ азартомъ, съ такимъ убѣжденіемъ, что ему, видимо, всѣ вѣрили. Петръ Петровичъ почувствовалъ, что дѣло плохо.

— Какое мнѣ дѣло, что вамъ въ голову пришли тамъ какіе-то глупые вопросы, вскричалъ онъ. — Это не доказательство-съ! Вы могли все это сбредить во снѣ, вотъ и все-съ! А я вамъ говорю, что вы лжете, сударь! Лжете и клевещете изъ какого либо зла на меня, и именно по насердкѣ за то, что я не согласился на ваши вольнодумныя и безбожныя соціальныя предложенія, вотъ что-съ!

Но этотъ вывертъ не принесъ пользы Петру Петровичу. Напротивъ, послышался со всѣхъ сторонъ ропотъ.

— А, ты вотъ куда забѣжалъ! крикнулъ Лебезятниковъ. — Врешь! Зови полицію, а я присягу приму! Одного только понять не могу: для чего онъ рискнулъ на такой низкій поступокъ! О жалкій, подлый человѣкъ!

— Я могу объяснить, для чего онъ рискнулъ на такой поступокъ, и, если надо, самъ присягу приму! твердымъ голосомъ произнесъ, наконецъ, Раскольниковъ и выступилъ впередъ.

Онъ былъ, повидимому, твердъ и спокоенъ. Всѣмъ какъ-то ясно стало, при одномъ только взглядѣ на него, что онъ дѣйствительно знаетъ въ чемъ дѣло и что дошло до развязки.

— Теперь я совершенно все себѣ уяснилъ, продолжалъ Раскольниковъ, обращаясь прямо къ Лебезятникову. — Съ самаго начала исторіи я уже сталъ подозрѣвать, что тутъ какой-то мерзкій подвохъ: я сталъ подозрѣвать вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ, только мнѣ одному извѣстныхъ, которыя я сейчасъ и объясню всѣмъ: въ нихъ все дѣло! Вы-же, Андрей Семеновичъ, вашимъ драгоцѣннымъ показаніемъ окончательно уяснили мнѣ все. Прошу всѣхъ, всѣхъ прислушать: Этотъ господинъ (онъ указалъ на Лужина) сватался недавно къ одной дѣвицѣ, и именно къ моей сестрѣ, Авдотьѣ Романовнѣ Раскольниковой. Но пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ, третьяго дня, при первомъ нашемъ свиданіи, со мной поссорился, и я выгналъ его отъ себя, чему есть два свидѣтеля. Этотъ человѣкъ очень золъ... Третьяго дня я еще и не зналъ, что онъ здѣсь стоитъ въ нумерахъ, у васъ, Андрей Семеновичъ, и что, стало быть, въ тотъ-же самый день какъ мы поссорились, то есть третьяго-же дня, онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ я передалъ, въ качествѣ пріятеля покойнаго господина Мармеладова, су-

другъ его Катеринъ Ивановичъ нѣсколько денегъ на похороны. Онъ тотчасъ-же написалъ моей матери записку и увѣдомилъ ее, что я отдалъ всѣ деньги не Катеринѣ Ивановичѣ, а Софьѣ Семеновичѣ, и при этомъ въ самыхъ подлыхъ выраженіяхъ упомянулъ о... о характерѣ Софьи Семеновны, то есть намекнулъ на характеръ отношеній моихъ къ Софьѣ Семеновичѣ. Все это, какъ вы понимаете, съ цѣлью поссорить меня съ матерью и сестрой, внушивъ имъ, что я расточаю, съ неблагородными цѣлями, ихъ послѣднія деньги, которыми онѣ мнѣ помогаютъ. Вчера вечеромъ, при матери и сестрѣ, и въ его присутствіи, я возстановилъ истину, доказавъ, что передалъ деньги Катеринѣ Ивановичѣ на похороны, а не Софьѣ Семеновичѣ, и что съ Софьей Семеновной, третьяго дня, я еще и знакомъ даже не былъ, и даже въ лицо еще ея не видалъ. При этомъ я прибавилъ, что онъ, Петръ Петровичъ Лужинъ, со всѣми своими достоинствами, не стоитъ одного мизинца Софьи Семеновны, о которой онъ такъ дурно отзывается. На его-же вопросъ: посадилъ-ли-бы я Софью Семеновну рядомъ съ моей сестрой? я отвѣтилъ, что я уже это и сдѣлалъ, того-же дня. Разозлившись на то, что мать и сестра не хотятъ, по его навѣтамъ, со мною разссориться, онъ, слово за слово, началъ говорить имъ непростительныя дерзости. Произошелъ окончательный разрывъ, и его выгнали изъ дому. Все это происходило вчера вечеромъ. Теперь прошу особеннаго вниманія: представьте себѣ, что если-бъ ему удалось теперь доказать, что Софья Семеновна — воровка, то, во первыхъ, онъ доказалъ-бы моей сестрѣ и матери, что былъ почти правъ въ своихъ подозрѣніяхъ: что онъ справедливо разсердился за то, что я поставилъ на одну доску мою сестру и Софью Семеновну: что нападая на меня, онъ защищалъ, стало быть, и предохранялъ честь моей сестры, а своей невѣсты. Однимъ словомъ, черезъ все это, онъ даже могъ вновь поссорить меня съ родными, и ужъ конечно надѣялся опять войти у нихъ въ милость. Не говорю уже о томъ, что онъ мстилъ лично мнѣ, потому что имѣетъ основаніе предполагать, что честь и счастіе Софьи Семеновны очень для меня дороги. Вотъ весь его разсчетъ! Вотъ какъ я понимаю это дѣло! Вотъ вся причина и другой быть не можетъ!

Такъ или почти такъ окончилъ Раскольниковъ свою рѣчь, часто прерывавшуюся восклицаніями публики, слушавшей впрочемъ очень внимательно. Но не смотря на всѣ перерывы, онъ проговорилъ рѣзко, спокойно, точно, ясно, твердо. Его рѣзкій голосъ, его убѣжденный тонъ и строгое лицо произвели на всѣхъ чрезвычайный эффектъ.

— Такъ, такъ, это такъ! въ восторгѣ подтверждалъ Лебезятниковъ. –Это должно быть такъ, потому что онъ именно страни-

вать меня. Какъ только вошла къ намъ въ комнату Софья Семеновна, — тутъ-ли вы? Не видать-ли я васъ въ числѣ гостей Катерины Ивановны? Онъ отозвалъ меня для этого къ окну и тамъ потихоньку спросилъ. Стало быть, ему непремѣнно надо было, чтобы тутъ были вы! Это такъ, это все такъ!

Лужинъ молчалъ и презрительно улыбался. Впрочемъ, онъ былъ очень блѣденъ. Казалось, что онъ обдумывалъ, какъ-бы ему вывернуться. Можетъ быть, онъ-бы съ удовольствіемъ бросилъ все и ушелъ, но въ настоящую минуту это было почти невозможно: это значило прямо сознаться въ справедливости взводимыхъ на него обвиненій и въ томъ, что онъ дѣйствительно оклеветалъ Софью Семеновну. Къ тому-же и публика, и безъ того уже подпившая, слишкомъ волновалась. Провіантскій, хотя впрочемъ и не все понимавшій, кричалъ больше всѣхъ и предлагалъ нѣкоторыя весьма непріятныя для Лужина мѣры. Но были и не пьяные; сошлись и собрались изо всѣхъ комнатъ. Всѣ три Полячка ужасно горячились и кричали ему безпрестанно: «нане лайдакъ!» причемъ бормотали еще какія-то угрозы по польски. Соня слушала съ напряженіемъ, но какъ будто тоже не все понимала, точно просыпалась отъ обморока. Она только не спускала своихъ глазъ съ Раскольникова, чувствуя, что въ немъ вся ея защита. Катерина Ивановна трудно и хрипло дышала и была, казалось, въ страшномъ изнеможеніи. Всѣхъ глупѣе стояла Амалія Ивановна, разинувъ ротъ и ровно ничего не смысля. Она только видѣла, что Петръ Петровичъ какъ-то попался. Раскольниковъ попросилъ было опять говорить, но ему уже не дали докончить: всѣ кричали и тѣснились около Лужина съ ругательствами и угрозами. Но Петръ Петровичъ не струсилъ. Видя, что уже дѣло по обвиненію Сони вполнѣ проиграно, онъ прямо прибѣгнулъ къ наглости:

— Позвольте, господа, позвольте: не тѣснитесь, дайте пройти! говорилъ онъ, пробираясь сквозь толпу: и сдѣлайте одолженіе, не угрожайте; увѣряю васъ, что ничего не будетъ, ничего не сдѣлаете, не робкаго десятка-съ, а напротивъ вы-же, господа, отвѣтите, что насильемъ прикрыли уголовное дѣло. Воровка болѣе нежели изобличена, и я буду преслѣдовать-съ. Въ судѣ не такъ слѣпы и... не пьяны-съ, и не повѣрятъ двумъ отъявленнымъ безбожникамъ, возмутителямъ и вольнодумцамъ, обвиняющимъ меня, изъ личной мести, въ чемъ сами они, по глупости своей, сознаются... Да-съ, позвольте-съ!

Чтобы тотчасъ-же духу вашего не было въ моей комнатѣ: извольте съѣзжать и все между нами кончено! И какъ подумаю, что я-же изъ кожи выбивался, ему стараться... цѣлыя двѣ недѣли!...

— Да вѣдь я вамъ и самъ, Андрей Семеновичъ, давеча сказалъ, что съѣзжаю, когда вы еще меня удерживали: теперь-же прибавлю только, что вы дуракъ-съ. Желаю вамъ вылечить вашъ умъ и ваши подлѣйшіе глаза. Позвольте-же, господа-съ!

Онъ протѣснился: но провіантскому не хотѣлось такъ легко его выпустить, съ одними только ругательствами: онъ схватилъ со стола стаканъ, размахнулся и пустилъ его въ Петра Петровича: но стаканъ полетѣлъ прямо въ Амалію Ивановну. Она взвизгнула, а провіантскій, потерявъ отъ размаху равновѣсіе, тяжело повалился подъ столъ. Петръ Петровичъ прошелъ въ свою комнату, и черезъ полчаса его уже не было въ домѣ. Соня, робкая отъ природы, и прежде знала, что ее легче погубить чѣмъ кого-бы то ни было, а ужъ обидѣть ее всякій могъ почти безнаказанно. Но все-таки, до самой этой минуты, ей казалось, что можно какъ нибудь избѣгнуть бѣды, осторожностію, кротостію, покорностію передъ всѣмъ и каждымъ. Разочарованіе ея было слишкомъ тяжело. Она, конечно, съ терпѣніемъ и почти безропотно могла все перенести,—даже это. Но въ первую минуту ужъ слишкомъ тяжело стало. Не смотря на свое торжество и на свое оправданіе,—когда прошелъ первый испугъ и первый столбнякъ, когда она поняла и сообразила все ясно,—чувство безпомощности и обиды мучительно стѣснило ей сердце. Съ ней началась истерика. Наконецъ, не выдержавъ, она бросилась вонъ изъ комнаты, и побѣжала домой. Это было почти сейчасъ по уходѣ Лужина. Амалія Ивановна, когда въ нее, при громкомъ смѣхѣ присутствовавшихъ, попалъ стаканъ,—тоже не выдержала въ чужомъ пиру похмѣлья. Съ визгомъ, какъ бѣшеная, кинулась она къ Катеринѣ Ивановнѣ, считая ее во всемъ виноватою:

— Долой съ квартиры! Сейчасъ! Марышъ! И съ этими словами начала хватать все что ни попадалось ей подъ руку изъ вещей Катерины Ивановны и сбрасывать на полъ. Почти и безъ того убитая, чуть не въ обморокъ, задыхавшаяся, бѣдная, Катерина Ивановна вскочила съ постели (на которую упала было въ изнеможеніи) и бросилась на Амалію Ивановну. Но борьба была слишкомъ не равна; та отпихнула ее какъ перышко.

— Какъ! Мало того что безбожно оклеветали,—эта тварь на меня-же! Какъ! Въ день похоронъ мужа гонять съ квартиры, послѣ моего хлѣба-соли, на улицу, съ сиротами! Да куда я пойду! вопила, рыдая и задыхаясь, бѣдная женщина.—Господи! закричала вдругъ она, засверкавъ глазами,—неужели-жъ нѣтъ справедливости! Кого-жъ Тебѣ защищать, коль не насъ, сироть? А вотъ, увидимъ! Есть на свѣтѣ судъ и правда, есть, я сыщу! Сейчасъ, подожди,

безбожная тварь! Полечка, оставайся съ дѣтьми, я ворочусь. Ждите меня, хоть на улицѣ! Увидимъ, есть-ли на свѣтѣ правда?

И накинувъ на голову тотъ самый зеленый драдедамовый платокъ, о которомъ упоминалъ въ своемъ разсказѣ покойный Мармеладовъ, Катерина Ивановна протѣснилась сквозь безпорядочную и пьяную толпу жильцовъ, все еще толпившихся въ комнатѣ, и съ воплемъ и со слезами выбѣжала на улицу,—съ неопредѣленною цѣлью гдѣ-то сейчасъ, немедленно и во что-бы то ни стало найти справедливость. Полечка въ страхѣ забилась съ дѣтьми въ уголъ на сундукъ, гдѣ, обнявъ обоихъ маленькихъ, вся дрожа, стала ожидать прихода матери. Амалія Ивановна металась по комнатѣ, визжала, причитала, вырвала все что ни попадалось ей на полъ и буянила. Жильцы горланили кто въ лѣсъ, кто по дрова, иные договаривали, что умѣли, о случившемся событіи; другіе ссорились и ругались; иные затянули пѣсни...

А теперь пора и мнѣ!—подумалъ Раскольниковъ.—Нут-ка, Софья Семеновна, посмотримъ, что вы станете теперь говорить!

И онъ отправился на квартиру Сони.

IV.

Раскольниковъ былъ дѣятельнымъ и бодрымъ адвокатомъ Сони противъ Лужина, не смотря на то что самъ носилъ столько собственнаго ужаса и страданія въ душѣ. Но выстрадавъ столько утромъ, онъ точно радъ былъ случаю перемѣнить свои впечатлѣнія, становившіяся невыносимыми, не говоря уже о томъ, насколько личнаго и сердечнаго заключалось въ стремленіи его заступиться за Соню. Кромѣ того, у него было въ виду и страшно тревожило его, особенно минутами, предстоящее свиданіе съ Соней: онъ *долженъ былъ* объявить ей кто убилъ Лизавету и предчувствовалъ себѣ страшное мученіе, и точно отмахивался отъ него руками. И потому, когда онъ воскликнулъ, выходя отъ Катерины Ивановны: —Ну, что вы скажете теперь, Софья Семеновна?—то, очевидно, находился еще въ какомъ-то внѣшне-возбужденномъ состояніи бодрости, вызова и недавней побѣды надъ Лужинымъ. Но страшно случилось съ нимъ. Когда онъ дошелъ до квартиры Капернаумова, то почувствовалъ въ себѣ внезапное обезсиленіе и страхъ. Въ раздумьи остановился онъ передъ дверью съ страшнымъ вопросомъ: —Надо-ли сказывать кто убилъ Лизавету?—Вопросъ былъ страшный, потому что онъ вдругъ, въ тоже время, почувствовалъ, что

не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту, хотя на время, невозможно. Онъ еще не зналъ почему невозможно: онъ только *почувствовалъ* это, и это мучительное сознаніе своего безсилія передъ необходимостію почти придавило его. Чтобъ уже не разсуждать и не мучиться, онъ быстро отворилъ дверь и съ порога посмотрѣлъ на Соню. Она сидѣла облокотясь на столикъ и закрывъ лицо руками, но, увидѣвъ Раскольникова, поскорѣй встала и пошла къ нему на встрѣчу, точно ждала его.

— Что̀-бы со мной безъ васъ-то было! быстро проговорила она, сойдясь съ нимъ среди комнаты. Очевидно, ей только это и хотѣлось поскорѣй сказать ему. Затѣмъ и ждала.

Раскольниковъ прошелъ къ столу и сѣлъ на стулъ, съ котораго она только что встала. Она стала передъ нимъ въ двухъ шагахъ, точь-въ-точь какъ вчера.

— Что̀, Соня? сказалъ онъ и вдругъ почувствовалъ, что голосъ его дрожитъ:—вѣдь все дѣло-то упиралось на общественное положеніе и сопричастныя тому привычки. Поняли вы давеча это?

Страданіе выразилось въ лицѣ ея.

— Только не говорите со мной какъ вчера! прервала она его. Пожалуйста, ужь не начинайте. И такъ мученій довольно...

Она поскорѣй улыбнулась, испугавшись, что, можетъ быть, ему не понравится упрекъ.

— Я сглупа-то оттудова ушла. Что̀ тамъ теперь? Сейчасъ было хотѣла идти, да все думала, что вотъ... вы зайдете.

Онъ разсказалъ ей, что Амалія Ивановна гонитъ ихъ съ квартиры и что Катерина Ивановна побѣжала куда-то правды искать.

— Ахъ, Боже мой! вскинулась Соня:—пойдемте поскорѣе...

И она схватила свою мантильку.

— Вѣчно одно и тоже! вскричалъ раздражительно Раскольниковъ.—У васъ только и въ мысляхъ, что они! Побудьте со мной.

— А... Катерина Ивановна?

— А Катерина Ивановна, ужь конечно, васъ не минуетъ, зайдетъ къ вамъ сама, коли ужь выбѣжала изъ дому, брюзгливо прибавилъ онъ.—Коли васъ не застанетъ, вѣдь вы-же останетесь виноваты...

Соня въ мучительной нерѣшимости присѣла на стулъ. Раскольниковъ молчалъ, глядя въ землю и что-то обдумывая.

— Положимъ, Лужинъ теперь не захотѣлъ, началъ онъ, не взглядывая на Соню.—Ну, а еслибъ онъ захотѣлъ или какъ нибудь въ разсчеты входило,—вѣдь онъ-бы упряталъ васъ въ острогъ-то, не случись тутъ меня, да Лебезятникова! А?

— Да, сказала она слабымъ голосомъ, да! повторила она, разсѣянно и въ тревогѣ.

— А вѣдь я и дѣйствительно могъ не случиться! А Лебезятниковъ, тотъ уже совсѣмъ случайно подвернулся.

Соня молчала.

— Ну, а еслѝ бъ острогъ, что̀ тогда? Помните, что̀ я вчера говорилъ?

Она опять не отвѣтила. Тотъ переждалъ.

— А я думалъ вы опять закричите: «Ахъ, не говорите, перестаньте!» засмѣялся Раскольниковъ, но какъ-то съ натугой. Чтожъ, опять молчаніе? спросилъ онъ черезъ минуту.—Вѣдь надо-же о чемъ нибудь разговаривать? Вотъ мнѣ именно интересно было-бы узнать, какъ-бы вы разрѣшили теперь одинъ вопросъ, какъ говоритъ Лебезятниковъ. (Онъ какъ будто начиналъ путаться). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я серіозно. Представьте себѣ, Соня, что вы знали-бы всѣ намѣренія Лужина заранѣе, знали-бы (то есть навѣрно), что черезъ них̀ погибла-бы совсѣмъ Катерина Ивановна, да и дѣти: вы тоже, въ придачу (такъ какъ вы себя ни за что̀ считаете, такъ въ *придачу*). Полечка также... потому ей та-же дорога. Ну-съ: такъ вотъ: если-бы вдругъ все это теперь на ваше рѣшеніе отдали: тому или тѣмъ жить на свѣтѣ, то есть Лужину-ли жить и дѣлать мерзости, или умирать Катеринѣ Ивановнѣ? То какъ-бы вы рѣшили: кому изъ них̀ умереть? Я васъ спрашиваю?

Соня съ безпокойствомъ на него посмотрѣла: ей что-то особенное послышалось въ этой нетвердой и къ чему-то издалека подходящей рѣчи.

— Я уже предчувствовала, что вы что нибудь такое спросите, сказала она, пытливо смотря на него.

— Хорошо; пусть; но однако, какъ-же-бы рѣшить-то?

— Зачѣмъ вы спрашиваете чему быть невозможно? съ отвращеніемъ сказала Соня.

— Стало быть, лучше Лужину жить и дѣлать мерзости! Вы и этого рѣшить не осмѣлились?

— Да вѣдь я Божьяго Промысла знать не могу... И къ чему вы спрашиваете чего нельзя спрашивать? Къ чему такіе пустые вопросы? Какъ можетъ случиться, чтобъ это отъ моего рѣшенія зависѣло? И кто меня тутъ судьей поставилъ: кому жить, кому не жить?

— Ужъ какъ Божій Промыслъ замѣшается, такъ ужъ тутъ ничего не подѣлаешь, угрюмо проворчалъ Раскольниковъ.

— Говорите лучше прямо, чего вамъ надобно! вскричала съ страданіемъ Соня: — вы опять на что-то наводите... Неужели вы только затѣмъ чтобы мучить пришли!

Она не выдержала и вдругъ горько заплакала. Въ мрачной тоскѣ смотрѣлъ онъ на нее. Прошло минутъ пять.

— А вѣдь ты права, Соня, тихо проговорилъ онъ наконецъ. Онъ вдругъ перемѣнился: вызывающій тонъ его исчезъ. Даже голосъ вдругъ ослабѣлъ.—Самъ-же я тебѣ сказалъ вчера, что не прощенія приду просить, а почти тѣмъ вотъ и началъ, что прощенія прошу... Это я про Лужина и Промыселъ для себя говорилъ... Я это прощенія просилъ, Соня.

Онъ хотѣлъ было улыбнуться, но что-то безсильное и недоконченное сказалось въ его блѣдной улыбкѣ. Онъ склонилъ голову и закрылъ руками лицо.

И вдругъ странное, неожиданное ощущеніе какой-то былой ненависти къ Сонѣ прошло по его сердцу. Какъ-бы удивясь и испугавшись самъ этого ощущенія, онъ вдругъ поднялъ голову и пристально поглядѣлъ на нее: но онъ встрѣтилъ на себѣ безпокойный и до муки заботливый взглядъ ея: тутъ была любовь; ненависть его исчезла какъ призракъ. Это было не то: онъ принялъ одно чувство за другое. Это только значило, что *та* минута пришла.

Опять онъ закрылъ руками лицо и склонилъ внизъ голову. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, всталъ со стула, посмотрѣлъ на Соню, и, ничего не выговоривъ, пересѣлъ машинально на ея постель.

Эта минута была ужасно похожа, въ его ощущеніи, на ту, когда онъ стоялъ за старухой, уже высвободивъ изъ петли топоръ, и почувствовалъ, что уже ни мгновенія нельзя было терять болѣе».

— Что съ вами? спросила Соня, ужасно оробѣвшая.

Онъ ничего не могъ выговорить. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не такъ предполагалъ *объявить*, и самъ не понималъ того, что теперь съ нимъ дѣлалось. Она тихо подошла къ нему, сѣла на постель подлѣ и ждала, не сводя съ него глазъ. Сердце ея стучало и замирало. Стало невыносимо: онъ обернулъ къ нея мертво-блѣдное лицо свое: губы его безсильно кривились, усиливаясь что-то выговорить. Ужасъ прошелъ по сердцу Сони.

— Что съ вами? повторила она, слегка отъ него отстраняясь.

— Ничего, Соня. Не пугайся... Вздоръ! Право, если разсудить, — вздоръ, бормоталъ онъ съ видомъ себя непомнящаго человѣка въ бреду.—Зачѣмъ только тебя-то я пришелъ мучить? прибавилъ онъ вдругъ, смотря на нее. -Право. Зачѣмъ? Я все задаю себѣ этотъ вопросъ, Соня...

Онъ, можетъ быть, и задавалъ себѣ этотъ вопросъ четверть часа назадъ, но теперь проговорилъ въ полномъ безсиліи, сознавая себя сознавая, и ощущая безпрерывную дрожь во всемъ своемъ тѣлѣ.

— Охъ, какъ вы мучаетесь! съ страданіемъ произнесла она, вглядываясь въ него.

Все вздоръ!.. Вотъ что, Соня (онъ вдругъ отчего-то улыбнулся, какъ-то блѣдно и безсильно, секунды на двѣ): помнишь ты, что я вчера хотѣлъ тебѣ сказать?

Соня безпокойно ждала.

— Я сказалъ уходя, что можетъ быть прощаюсь съ тобой навсегда, но что, если приду сегодня, то скажу тебѣ... кто убилъ Лизавету.

Она вдругъ задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ну, такъ вотъ я и пришелъ сказать.

— Такъ вы это въ самомъ дѣлѣ вчера... съ трудомъ прошептала она: —почему-жъ вы знаете? быстро спросила она, какъ будто вдругъ опомнившись.

Соня начала дышать съ трудомъ. Лицо становилось все блѣднѣе и блѣднѣе.

— Знаю.

Она помолчала съ минуту.

— Нашли что-ли *его?* робко спросила она.

— Нѣтъ, не нашли.

— Такъ какъ-же вы про *это* знаете? опять чуть слышно спросила она, и опять почти послѣ минутнаго молчанія.

Онъ обернулся къ ней и пристально, пристально посмотрѣлъ на нее.

— Угадай, проговорилъ онъ съ прежнею искривленною и безсильною улыбкой.

Точно конвульсіи пробѣжали по всему ея тѣлу.

— Да вы... меня... что-же вы меня такъ... пугаете? проговорила она, улыбаясь какъ ребенокъ.

— Стало быть, я съ *нимъ* пріятель большой... коли знаю, продолжалъ Раскольниковъ, неотступно продолжая смотрѣть въ ея лицо, точно уже былъ не въ силахъ отвести глазъ: — онъ Лизавету эту... убить не хотѣлъ... Онъ ее... убилъ нечаянно... Онъ старуху убить хотѣлъ... когда она была одна... и пришелъ... А тутъ вошла Лизавета... Онъ тутъ... и ее убилъ...

Прошла еще ужасная минута. Оба все глядѣли другъ на друга.

— Такъ не можешь угадать-то? спросилъ онъ вдругъ, съ тѣмъ ощущеніемъ, какъ-бы бросался внизъ съ колокольни.

— Н-нѣтъ, чуть слышно прошептала Соня.

— Поглядп-ка хорошенько.

И какъ только онъ сказалъ это, опять одно прежнее, знакомое ощущеніе оледенило вдругъ его душу: онъ смотрѣлъ на нее и

вдругъ, въ ея лицѣ, какъ-бы увидѣлъ лицо Лизаветы. Онъ ярко запомнилъ выраженіе лица Лизаветы, когда онъ приближался къ ней тогда съ топоромъ, а она отходила отъ него къ стѣнѣ, выставивъ впередъ руку, съ совершенно дѣтскимъ испугомъ въ лицѣ, точь-въ-точь какъ маленькія дѣти, когда они вдругъ начинаютъ чего нибудь пугаться, смотрятъ неподвижно и безпокойно на пугающій ихъ предметъ, отстраняются назадъ, и, протягивая впередъ ручонку, готовятся заплакать. Почти тоже самое случилось теперь и съ Соней: такъ безсильно, съ тѣмъ-же испугомъ, смотрѣла она на него нѣсколько времени, и вдругъ, выставивъ впередъ лѣвую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами въ грудь и медленно стала подниматься съ кровати, все болѣе и болѣе отъ него отстраняясь, и все неподвижнѣе становился ея взглядъ на него. Ужасъ ея вдругъ сообщился и ему: точно такой-же испугъ показался и въ его лицѣ, точно такое и онъ сталъ смотрѣть на нее, и почти даже съ тою-же *дѣтскою* улыбкой.

— Угадала? прошепталъ онъ наконецъ.

Господи! вырвался ужасный вопль изъ груди ея. Безсильно упала она на постель, лицомъ въ подушки. Но черезъ мгновеніе быстро приподнялась, быстро придвинулась къ нему, схватила его за обѣ руки, и крѣпко сжимая ихъ, какъ въ тискахъ, тонкими своими пальцами, стала опять неподвижно, точно приклеившись, смотрѣть въ его лицо. Этимъ послѣднимъ, отчаяннымъ взглядомъ она хотѣла высмотрѣть и уловить хоть какую нибудь послѣднюю себѣ надежду. Но надежды не было; сомнѣнія не оставалось никакого: все было *такъ*! Даже потомъ, впослѣдствіи, когда она припоминала эту минуту, ей становилось и странно, и чудно: почему именно она такъ *сразу* увидѣла тогда, что нѣтъ уже никакихъ сомнѣній? Вѣдь не могла-же она сказать, напримѣръ, что она что нибудь въ этомъ родѣ предчувствовала? А между тѣмъ, теперь, только что онъ сказалъ ей это, ей вдругъ и показалось, что и дѣйствительно она какъ будто *это* самое и предчувствовала.

— Полно, Соня, довольно! Не мучь меня! страдальчески попросилъ онъ.

Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не такъ думалъ открыть ей, но вышло *такъ*.

Какъ-бы себя не помня, она вскочила, и, ломая руки, пошла до средины комнаты; но быстро воротилась и сѣла опять подлѣ него, почти прикасаясь къ нему плечомъ къ плечу. Вдругъ, точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, передъ нимъ на колѣни.

— Что вы, что вы это надъ собой сдѣлали! отчаянно прого-

ворила она, и, вскочивъ съ колѣнъ, бросилась ему на шею, обняла его и крѣпко-крѣпко сжала его руками.

Раскольниковъ отпатился и съ грустною улыбкой посмотрѣлъ на нее:

— Странная какая ты, Соня,—обнимаешь и цалуешь когда я тебѣ сказалъ *про это*. Себя ты не помнишь.

— Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ! воскликнула она, какъ въ изступленіи, не слыхавъ его замѣчанія и вдругъ заплакала на взрыдъ, какъ въ истерикѣ.

Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло въ его душу и разомъ размягчило ее. Онъ не сопротивлялся ему: двѣ слезы выкатились изъ его глазъ и повисли на рѣсницахъ.

— Такъ не оставишь меня, Соня? говорилъ онъ чуть не съ надеждой смотря на нее.

— Нѣтъ, нѣтъ: никогда и нигдѣ! вскрикнула Соня;—за тобой пойду, всюду пойду! О, Господи!.. Охъ, я несчастная!.. И зачѣмъ, зачѣмъ я тебя прежде не знала! Зачѣмъ ты прежде не приходилъ? О, Господи!

— Вотъ и пришелъ.

— Теперь-то! О, что теперь дѣлать!.. Вмѣстѣ, вмѣстѣ! повторяла она какъ-бы въ забытьи и вновь обнимая его:—въ каторгу съ тобой вмѣстѣ пойду! Его какъ-бы вдругъ передернуло, прежняя, ненавистная и почти надменная улыбка выдавилась на губахъ его:

— Я, Соня, еще въ каторгу-то, можетъ, и не хочу идти, сказалъ онъ.

Соня быстро на него посмотрѣла.

Послѣ перваго, страстнаго и мучительнаго сочувствія къ несчастному, опять страшная идея убійства поразила ее. Въ перемѣнившемся тонѣ его словъ ей вдругъ послышался убійца. Она съ изумленіемъ глядѣла на него. Ей ничего еще не было извѣстно, ни зачѣмъ, ни какъ, ни для чего это было. Теперь всѣ эти вопросы разомъ всплыли въ ея сознаніи. И опять она не повѣрила: онъ, онъ убійца! Да развѣ это возможно?»

— Да что это! Да гдѣ это я стою! проговорила она въ глубокомъ недоумѣніи, какъ будто еще не придя въ себя:—да какъ вы, вы, *такой*... могли на это рѣшиться?.. Да что это!

— Ну да, чтобъ ограбить! Перестань, Соня! какъ-то устало и даже какъ-бы съ досадой отвѣтилъ онъ. Соня стояла какъ-бы ошеломленная, но вдругъ вскричала:

— Ты былъ голоденъ! Ты... чтобы матери помочь? Да?

— Нѣтъ, Соня, нѣтъ, бормоталъ онъ, отвернувшись и свѣсивъ

голову,—не быль я такъ голоденъ... я дѣйствительно хотѣлъ помочь матери, но... и это не совсѣмъ вѣрно... не мучь меня, Соня!

Соня всплеснула руками:

— Да неужель, неужель это все взаправду! Господи, да какая-жь это правда! Кто-же этому можетъ повѣрить?.. И какъ-же, какъ-же вы сами послѣднее отдаете, а убили, чтобъ ограбить! А!.. вскрикнула она вдругъ:—тѣ деньги, что Катеринѣ Ивановнѣ отдали... тѣ деньги... Господи, да неужели-жь и тѣ деньги...

— Нѣтъ, Соня, торопливо прервалъ онъ,—эти деньги были не тѣ, успокойся! Эти деньги мнѣ мать прислала, черезъ одного купца, и получилъ я ихъ больной, въ тотъ-же день какъ и отдалъ... Разумихинъ видѣлъ... онъ-же и получалъ за меня... эти деньги мои, мои собственныя, настоящія мои.

Соня слушала его въ недоумѣніи и изъ всѣхъ силъ старалась что-то сообразить.

— А *тѣ* деньги... я впрочемъ даже и не знаю были-ли тамъ и деньги-то, прибавилъ онъ тихо и какъ-бы въ раздумьи,—я снялъ у ней тогда кошелекъ съ шеи, замшевый... полный, тугой такой кошелекъ... да я не посмотрѣлъ въ него; не успѣлъ, должно быть... Ну, а вещи, какія-то все запонки, да цѣпочки,—я всѣ эти вещи и кошелекъ на чужомъ одномъ дворѣ, на В—мъ проспектѣ, подъ камень схоронилъ, на другое-же утро... Все тамъ и теперь лежитъ...

Соня изъ всѣхъ силъ слушала.

— Ну, такъ зачѣмъ-же... какъ-же вы сказали: чтобъ ограбить, а сами ничего не взяли? быстро спросила она, хватаясь за соломинку.

— Не знаю... я еще не рѣшилъ -возьму или не возьму эти деньги, промолвилъ онъ, опять какъ-бы въ раздумьи, и вдругъ, опомнившись, быстро и коротко усмѣхнулся:—Эхъ, какую я глупость сейчасъ сморозилъ, а?

У Сони промелькнула было мысль: «не сумасшедшій-ли?» Но тотчасъ-же она ее оставила: нѣтъ, тутъ другое. Ничего, ничего она тутъ не понимала!

— Знаешь, Соня, сказалъ онъ вдругъ съ какимъ-то вдохновеніемъ,—знаешь что я тебѣ скажу: если-бъ только я зарѣзалъ изъ того что голоденъ былъ, продолжалъ онъ, упирая въ каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее: —то я-бы теперь... *счастливъ* былъ! Знай ты это!

— И что тебѣ, что тебѣ въ томъ, вскричалъ онъ черезъ мгновеніе съ какимъ-то даже отчаяніемъ,—ну что тебѣ въ томъ, если-бъ я и сознался сейчасъ, что дурно сдѣлалъ? Ну что тебѣ въ этомъ

глупомъ торжествѣ надо мною? Ахъ, Соня, для того-ли я пришелъ къ тебѣ теперь!

Соня опять хотѣла было что-то сказать, но промолчала.

— Потому я и звалъ съ собою тебя вчера, что одна ты у меня и осталась.

— Куда звалъ? робко спросила Соня.

— Не воровать и не убивать, не безпокойся, не за этимъ, усмѣхнулся онъ ѣдко:—мы люди розные... И знаешь, Соня, я вѣдь только теперь, только сейчасъ понялъ: *куда* тебя звалъ вчера? А вчера, когда звалъ, я и самъ не понималъ куда. За однимъ и звалъ, за однимъ приходилъ: не оставить меня. Не оставишь, Соня?

Она стиснула ему руку.

— И зачѣмъ, зачѣмъ я ей сказалъ, зачѣмъ я ей открылъ, въ отчаяніи воскликнулъ онъ черезъ минуту, съ безконечнымъ мученіемъ смотря на нее:—вотъ ты ждешь отъ меня объясненій, Соня, сидишь и ждешь, я это вижу; а что я скажу тебѣ? Ничего вѣдь ты не поймешь въ этомъ, а только изстрадаешься вся... изъ за меня! Ну, вотъ, ты плачешь и опять меня обнимаешь,—ну за что ты меня обнимаешь? За то что я самъ не вынесъ и на другаго принесъ свалить: «страдай и ты, мнѣ легче будетъ!» И можешь ты любить такого подлеца?

— Да развѣ ты тоже не мучаешься? вскричала Соня.

Опять тоже чувство волной хлынуло въ его душу и опять на мигъ размягчило ее.

— Соня, у меня сердце злое, ты это замѣть: этимъ можно многое объяснить. Я потому и принесъ, что золъ. Есть такіе, которые не приняли-бы. А я трусъ и... подлецъ! Но... пусть! Все это не то... Говорить теперь надо, а я начать не умѣю...

Онъ остановился и задумался.

— Э-эхъ, люди мы розные! вскричалъ онъ опять:—не пара. И зачѣмъ, зачѣмъ я принесъ! Никогда не прощу себѣ этого!

— Нѣтъ, нѣтъ, это хорошо что принесъ! воскликнула Соня, это лучше, чтобъ я знала! Гораздо лучше!

Онъ съ болью посмотрѣлъ на нее.

— А что и въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ, какъ-бы надумавшись: —вѣдь это-жь такъ и было! Вотъ что: я хотѣлъ Наполеономъ сдѣлаться, оттого и убилъ... Ну, понятно теперь?

— Н-нѣтъ, наивно и робко пролепетала Соня, только... говори, говори! Я пойму, я *про себя* все пойму! упрашивала она его.

— Поймешь? Ну, хорошо, посмотримъ!

Онъ замолчалъ и долго обдумывалъ.

— Штука въ томъ: я задалъ себѣ одинъ разъ такой вопросъ:

что̀ еслибы, напримѣръ, на моемъ мѣстѣ случился Наполеонъ, и не было-бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монъ-Бланъ, а была-бы вмѣсто всѣхъ этихъ красивыхъ и монументальныхъ вещей, просто за просто, одна какая нибудь смѣшная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавокъ надо убить, чтобъ изъ сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, такъ рѣшился-ли-бы онъ на это, еслибы другаго выхода не было? Не покоробился-ли-бы оттого, что это ужь слишкомъ не монументально, и... и грѣшно? Ну, такъ я тебѣ говорю, что на этомъ вопросѣ я промучился ужасно долго, такъ что ужасно стыдно мнѣ стало, когда я наконецъ догадался (вдругъ какъ-то), что не только его не покоробило-бы, но даже и въ голову-бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понялъ-бы онъ совсѣмъ: чего тутъ коробиться? И ужь если-бы только не было ему другой дороги, то задушилъ-бы такъ, что и никнуть-бы не далъ, безъ всякой задумчивости! Ну и я... вышелъ изъ задумчивости... задушилъ... по примѣру авторитета... И это точь-въ-точь такъ и было! Тебѣ смѣшно? Да, Соня, тутъ всего смѣшнѣе то, что, можетъ, именно оно такъ и было...

Сонѣ вовсе не было смѣшно.

— Вы лучше говорите мнѣ прямо... безъ примѣровъ, еще робче и чуть слышно попросила она.

Онъ повернулся къ ней, грустно посмотрѣлъ на нее и взялъ ее за руки.

— Ты опять права, Соня. Это все вѣдь вздоръ, почти одна болтовня! Видишь: ты вѣдь знаешь, что у матери моей почти ничего нѣтъ. Сестра получила воспитаніе, случайно, и осуждена таскаться въ гувернанткахъ. Всѣ ихъ надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя въ университетѣ не могъ и на время принужденъ былъ выйти. Еслибы даже и такъ тянулось, то лѣтъ черезъ десять, черезъ двѣнадцать (еслибъ обернулись хорошо обстоятельства), я все-таки могъ надѣяться стать какимъ нибудь учителемъ или чиновникомъ, съ тысячью рублями жалованья... (Онъ говорилъ какъ будто заученное). А къ тому времени мать высохла-бы отъ заботъ и отъ горя, и мнѣ все-таки не удалось-бы успокоить ее, а сестра... ну, съ сестрой могло-бы еще и хуже случиться!.. Да и что̀ за охота всю жизнь мимо всего проходить и отъ всего отвертываться, про мать забыть, а сестрину обиду, напримѣръ, почтительно перенесть? Для чего? Для того-ль, чтобъ ихъ схоронивъ, новыхъ нажить—жену да дѣтей, и тоже потомъ безъ гроша и безъ куска оставить? Ну... ну, вотъ я и рѣшилъ, завладѣвъ старухиными деньгами, употребить ихъ на мои первые годы, не мучая

мать, на обезпеченіе себя въ университетъ, на первые шаги послѣ университета,—и сдѣлать все это широко, радикально, такъ чтобъ ужь совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать... Ну... ну, вотъ и все... Ну, разумѣется, что я убилъ старуху, —это я худо сдѣлалъ... ну, и довольно!

Въ какомъ-то безсиліи дотащился онъ до конца разсказа и поникъ головой.

— Охъ, это не то, не то, въ тоскѣ воскликнула Соня, —и развѣ можно такъ... нѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Сама видишь, что не такъ!.. А я вѣдь искренно разсказалъ: правду!

— Да какая-жъ это правда! О, Господи!

— Я вѣдь только вошь убилъ, Соня, безполезную, гадкую, зловредную.

— Это человѣкъ-то вошь!

— Да вѣдь и я знаю, что не вошь, отвѣтилъ онъ, странно смотря на нее.—А впрочемъ я вру, Соня, прибавилъ онъ,—давно уже вру... Это все не то; ты справедливо говоришь. Совсѣмъ, совсѣмъ, совсѣмъ тутъ другія причины!.. Я давно ни съ кѣмъ не говорилъ, Соня... Голова у меня теперь очень болитъ.

Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Онъ почти начиналъ бредить; безпокойная улыбка бродила на его губахъ. Сквозь возбужденное состояніе духа уже проглядывало страшное безсиліе. Соня поняла какъ онъ мучается. У ней тоже голова начинала кружиться. И странно онъ такъ говорилъ: какъ будто и понятно что-то, но... но какъ-же! Какъ-же! О, Господи! И она ломала руки въ отчаяніи.

— Нѣтъ, Соня, это не то! началъ онъ опять, вдругъ поднимая голову, какъ будто внезапный поворотъ мыслей поразилъ и вновь возбудилъ его: —это не то! А лучше... предположи (да! этакъ дѣйствительно лучше!), предположи, что я самолюбивъ, завистливъ, золъ, мерзокъ, мстителенъ, ну... и пожалуй еще наклоненъ къ сумасшествію. (Ужь пусть все за разъ! Про сумасшествіе-то говорили прежде, я замѣтилъ!) Я вотъ тебѣ сказалъ давеча, что въ университетъ себя содержать не могъ. А знаешь-ли ты, что я, можетъ, и могъ? Мать прислала-бы, чтобы внести что надо, а на сапоги, платье и на хлѣбъ я-бы и самъ заработалъ: навѣрно! Уроки выходили; по полтиннику предлагали. Работать-же Разумихинъ! да я озлился и не захотѣлъ. Именно *озлился* (это слово хорошее!). Я тогда, какъ паукъ, въ себѣ въ уголъ забился. Ты вѣдь была въ моей конурѣ, видѣла... А знаешь-ли, Соня, что низкіе потолки и тѣсныя комнаты душу и умъ тѣснятъ! О, какъ ненавидѣлъ я эту конуру! А все-таки выходить изъ нея не хотѣлъ. Нарочно не

хотѣлъ! Но сутками не выходилъ и работать не хотѣлъ, и даже ѣсть не хотѣлъ, все лежалъ. Принесетъ Настасья — ѣмъ, не принесетъ — такъ и день пройдетъ: нарочно со зла не спрашивалъ! Ночью огня нѣтъ, лежу въ темнотѣ, а на свѣчи не хочу заработать! Надо было учиться, я книги распродалъ: а на столѣ у меня, на запискахъ, да на тетрадяхъ, на палецъ и теперь пыли лежитъ. Я лучше любилъ лежать и думать. И все думалъ... И все такіе у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какіе! Но только тогда начало мнѣ тоже мерещиться, что... Нѣтъ, это не такъ! Я опять не такъ разсказываю! Видишь: я тогда все себя спрашивалъ: зачѣмъ я такъ глупъ, что если другіе глупы, и коли я знаю ужъ навѣрно, что они глупы, то самъ не хочу быть умнѣе? Потомъ я узналъ, Соня, что если ждать пока всѣ станутъ умными, то слишкомъ ужъ долго будетъ... Потомъ я еще узналъ, что никогда этого и не будетъ, что не перемѣнятся люди и не передѣлать ихъ никому, и труда не стоитъ терять! Да, это такъ! Это ихъ законъ... Законъ, Соня! Это такъ!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе! Такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ! Только слѣпой не разглядитъ!

Раскольниковъ, говоря это, хотъ и смотрѣлъ на Соню, но ужъ не заботился болѣе: пойметъ она или нѣтъ. Лихорадка вполнѣ охватила его. Онъ былъ въ какомъ-то мрачномъ восторгѣ. (Дѣйствительно, онъ слишкомъ долго ни съ кѣмъ не говорилъ!) Соня поняла, что этотъ мрачный катихизисъ сталъ его вѣрой и закономъ.

— Я догадался тогда, Соня, продолжалъ онъ восторженно, — что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть! У меня тогда одна мысль выдумалась, въ первый разъ въ жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ! Никто! Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ-же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто за просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту! Я... я захотѣлъ *осмѣлиться*, и убилъ... я только осмѣлиться захотѣлъ, Соня, вотъ вся причина!

— О, молчите, молчите! вскрикнула Соня, всплеснувъ руками.— Отъ Бога вы отошли, и васъ Богъ поразилъ, дьяволу предалъ!..

— Кстати, Соня, это когда я въ темнотѣ-то лежалъ, и мнѣ все представлялось, это вѣдь дьяволъ смущалъ меня? А?

— Молчите! Не смѣйтесь, богохульникъ, ничего, ничего-то вы не понимаете! О Господи! Ничего-то, ничего-то онъ не пойметъ!

— Молчи, Соня, я совсѣмъ не смѣюсь; я вѣдь и самъ знаю, что меня чортъ тащилъ. Молчи, Соня, молчи! повторилъ онъ мрачно и настойчиво. — Я все знаю. Все это я уже передумалъ и перешепталъ себѣ, когда лежалъ тогда въ темнотѣ... Все это я самъ съ собою переспорилъ, до послѣдней малѣйшей черты, и все знаю, все! И такъ надоѣла, такъ надоѣла мнѣ тогда вся эта болтовня! Я все хотѣлъ забыть и вновь начать, Соня, и перестать болтать! И неужели ты думаешь, что я какъ дуракъ пошелъ, очертя голову? Я пошелъ какъ умникъ, и это-то меня и сгубило! И неужель ты думаешь, что я не зналъ, напримѣръ, хоть того, что если ужь началъ я себя спрашивать и допрашивать: имѣю-ль я право власть имѣть?—то, стало быть, не имѣю права власть имѣть. Или что если задаю вопросъ: вошь-ли человѣкъ? то, стало быть, ужь не вошь человѣкъ, *для меня*, а вошь для того кому этого и въ голову не заходитъ, и кто прямо безъ вопросовъ идетъ... Ужь если я столько дней промучился: пошелъ-ли-бы Наполеонъ, или нѣтъ? такъ вѣдь ужь ясно чувствовалъ, что я не Наполеонъ... Всю, всю муку всей этой болтовни я выдеркалъ, Соня, и всю ее съ плечъ стряхнуть пожелалъ: я захотѣлъ, Соня, убить безъ казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотѣлъ въ этомъ даже себѣ! Не для того чтобы матери помочь я убилъ—вздоръ! Не для того я убилъ чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества. Вздоръ! Я просто убилъ: для себя убилъ, для себя одного: а тамъ сталъ-ли-бы я чьимъ нибудь благодѣтелемъ, или всю жизнь, какъ паукъ, ловилъ-бы всѣхъ въ паутину и изъ всѣхъ живые соки высасывалъ, мнѣ, въ ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мнѣ были. Соня, когда я убилъ: не столько деньги нужны были, какъ другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: можетъ быть, тою-же дорогой идя, я уже никогда болѣе не повторилъ-бы убійства. Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки: мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, вошь-ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу-ли я переступить, или не смогу? Осмѣлюсь-ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь-ли я дрожащая или *право* имѣю...

— *Убивать?* Убивать-то право имѣете? всплеснула руками Соня.

— Э-эхъ. Соня! вскрикнулъ онъ раздражительно, хотѣлъ было что-то ей возразить, но презрительно замолчалъ. Не прерывай меня, Соня! Я хотѣлъ тебѣ только одно доказать: что чортъ-то меня тогда потащилъ, а ужь послѣ того мнѣ объяснилъ, что не имѣлъ я права туда ходить, потому что я такая-же точно вошь какъ и

всѣ! Насмѣялся онъ надо мной, вотъ я къ тебѣ и пришелъ теперь! Принимай гостя! Еслибъ я не вонъ былъ, то пришелъ-ли-бы я къ тебѣ? Слушай: когда я тогда къ старухѣ ходилъ, я только *попробовать* сходилъ... Такъ и знай!

— И убили! Убили!

— Да вѣдь какъ убилъ-то? Развѣ такъ убиваютъ? Развѣ такъ идутъ убивать, какъ я тогда шелъ! Я тебѣ когда нибудь разскажу, какъ я шелъ... Развѣ я старушонку убилъ? Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя, на вѣки!.. А старушонку эту чортъ убилъ, а не я... Довольно, довольно, Соня, довольно! Оставь меня, вскричалъ онъ вдругъ въ судорожной тоскѣ,— оставь меня!

Онъ облокотился на колѣна и какъ въ клещахъ стиснулъ себѣ ладонями голову.

— Экое страданіе! вырвался мучительный вопль у Сони.

— Ну, что теперь дѣлать, говори! спросилъ онъ, вдругъ поднявъ голову и съ безобразно искаженнымъ отъ отчаянія лицомъ смотря на нее.

— Что дѣлать! воскликнула она, вдругъ вскочивъ съ мѣста, и глаза ея, досель полныя слезъ, вдругъ засверкали. — Встань! (Она схватила его за плечо; онъ приподнялся, смотря на нее почти въ изумленіи). Поди сейчасъ, сію-же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцалуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи всѣмъ, вслухъ: «я убилъ!» Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ. Пойдешь? Пойдешь? спрашивала она его, вся дрожа, точно въ припадкѣ, схвативъ его за обѣ руки, крѣпко стиснувъ ихъ въ своихъ рукахъ и смотря на него огневымъ взглядомъ.

Онъ изумился и былъ даже пораженъ ея внезапнымъ восторгомъ.

— Это ты про каторгу что-ли, Соня? Донести что-ль на себя надо? спросилъ онъ мрачно.

— Страданіе принять и искупить себя имъ, вотъ что надо.

— Нѣтъ! Не пойду я къ нимъ, Соня.

— А жить-то, жить-то какъ будешь? Жить-то съ чѣмъ будешь? воскликнула Соня:—Развѣ это теперь возможно? Ну какъ ты съ матерью будешь говорить? (О, съ ними-то, съ ними-то что теперь будетъ!) Да что я! Вѣдь ты ужь бросилъ мать и сестру. Вотъ вѣдь ужь бросилъ-же, бросилъ. О, Господи! вскрикнула она: вѣдь онъ ужь это все знаетъ самъ! Ну какъ-же, какъ-же безъ человѣка-то прожить! Что съ тобой теперь будетъ!

— Не будь ребенкомъ, Соня, тихо проговорилъ онъ. — Въ чемъ я виноватъ передъ ними? Зачѣмъ пойду? Что имъ скажу? Все это

одинъ только призракъ... Они сами милліонами людей изводятъ, да еще за добродѣтель почитаютъ. Плуты и подлецы они, Соня!.. Не пойду. И что я скажу: что убилъ, а денегъ взять не посмѣлъ, подъ камень спряталъ? прибавилъ онъ съ дѣкою усмѣшкой.—Такъ вѣдь они-же надо мной сами смѣяться будутъ, скажутъ: дуракъ что не взялъ. Трусъ и дуракъ! Ничего, ничего не поймутъ они, Соня, и недостойны понять. Зачѣмъ я пойду? Не пойду. Не будь ребенкомъ, Соня...

— Замучаешься, замучаешься, повторяла она, въ отчаянной мольбѣ простирая къ нему руки.

— Я можетъ на себя *еще* наклеплю, мрачно замѣтилъ онъ, какъ-бы въ задумчивости,—можетъ, я *еще* человѣкъ, а не вошь, и поторопился себя осудить... Я *еще* поборюсь.

Надменная усмѣшка выдавливалась на губахъ его.

— Этакую-то муку нести! Да вѣдь цѣлую жизнь, цѣлую жизнь!...

— Привыкну... проговорилъ онъ угрюмо и вдумчиво.—Слушай, началъ онъ черезъ минуту,—полно плакать, пора о дѣлѣ: я пришелъ тебѣ сказать, что меня теперь ищутъ, ловятъ...

— Ахъ! вскрикнула Соня испуганно.

— Ну, что-же ты вскрикнула! Сама желаешь, чтобъ я въ каторгу пошелъ, а теперь испугалась? Только вотъ что: я имъ не дамся. Я еще съ ними поборюсь и ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ у нихъ настоящихъ уликъ. Вчера я былъ въ большой опасности и думалъ что ужъ погибъ; сегодня-же дѣло поправилось Всѣ улики ихъ о двухъ концахъ, то есть ихъ обвиненія я въ свою-же пользу могу обратить, понимаешь? и обращу; потому я теперь научился... Но въ острогъ меня посадятъ навѣрно. Еслибы не одинъ случай, то, можетъ, и сегодня-бы посадили, навѣрно, даже можетъ *еще* и посадятъ сегодня... Только это ничего, Соня: посижу, да и выпустятъ... потому нѣтъ у нихъ ни одного настоящаго доказательства, и не будетъ, слово даю. А съ тѣмъ, что у нихъ есть, нельзя упечь человѣка. Ну, довольно... Я только чтобы ты знала... Съ сестрой и съ матерью я постараюсь какъ нибудь такъ сдѣлать, чтобъ ихъ разувѣрить и не испугать... Сестра теперь, впрочемъ, кажется, обезпечена... стало быть, и мать... Ну, вотъ и все. Будь, впрочемъ, осторожна. Будешь ко мнѣ въ острогъ ходить, когда я буду сидѣть?

— О, буду! Буду!

Оба сидѣли рядомъ, грустные и убитые, какъ-бы послѣ бури выброшенные на пустой берегъ одни. Онъ смотрѣлъ на Соню и чувствовалъ какъ много на немъ было ея любви, и странно, ему

стало вдругъ тяжело и больно, что его такъ любятъ. Да, это было страшное и ужасное ощущеніе! Идя къ Сонѣ, онъ чувствовалъ, что въ ней вся его надежда и весь исходъ: онъ думалъ сложить хоть часть своихъ мукъ, и вдругъ, теперь, когда все сердце ея обратилось къ нему, онъ вдругъ почувствовалъ и созналъ, что онъ сталъ безпримѣрно несчастнѣе чѣмъ былъ прежде.

— Соня, сказалъ онъ,—ужь лучше не ходи ко мнѣ, когда я буду въ острогѣ сидѣть.

Соня не отвѣтила, она плакала. Прошло нѣсколько минутъ.

— Есть на тебѣ крестъ? вдругъ неожиданно спросила она, точно вдругъ вспомнила.

Онъ сначала не понялъ вопроса.

— Нѣтъ, вѣдь нѣтъ?—На, возьми вотъ этотъ, кипарисный. У меня другой остался, мѣдный, Лизаветинъ. Мы съ Лизаветой крестами помѣнялись, она мнѣ свой крестъ, а я ей свой образокъ дала. Я теперь Лизаветинъ стану носить, а этотъ тебѣ. Возьми... вѣдь мой! Вѣдь мой! упрашивала она.—Вмѣстѣ вѣдь страдать пойдемъ, вмѣстѣ и крестъ понесемъ!...

— Дай! сказалъ Раскольниковъ. Ему не хотѣлось ее огорчить. Но онъ тотчасъ-же отдернулъ протянутую за крестомъ руку:

— Не теперь, Соня. Лучше потомъ, прибавилъ онъ, чтобъ ее успокоить.

— Да, да, лучше, лучше, подхватила она съ увлеченіемъ,— какъ пойдешь на страданіе, тогда и надѣнешь. Придешь ко мнѣ, я надѣну на тебя, помолимся и пойдемъ.

Въ это мгновеніе кто-то три раза стукнулъ въ дверь.

— Софья Семеновна, можно къ вамъ? послышался чей-то очень знакомый вѣжливый голосъ.

Соня бросилась къ дверямъ въ испугѣ. Бѣлокурая физіономія г. Лебезятникова заглянула въ комнату.

V.

Лебезятниковъ имѣлъ видъ встревоженный.

— Я къ вамъ, Софья Семеновна. Извините... Я такъ и думалъ, что васъ застану, обратился онъ вдругъ къ Раскольникову,—то есть я ничего не думалъ... въ этомъ родѣ... но я именно думалъ... Тамъ у насъ Катерина Ивановна съ ума сошла, отрѣзалъ онъ вдругъ Сонѣ, бросивъ Раскольникова.

Соня вскрикнула.

— То есть оно, по крайней мѣрѣ, такъ кажется. Впрочемъ... Мы тамъ не знаемъ что и дѣлать, вотъ что съ! Воротилась она— ее откуда-то, кажется, выгнали, можетъ, и прибили... по крайней мѣрѣ, такъ кажется... Она бѣгала къ начальнику Семена Захарыча, дома не застала; онъ обѣдалъ у какого-то тоже генерала... Вообразите, она махнула туда, гдѣ обѣдали... къ этому другому генералу, и вообразите,—таки настояла, вызвала начальника Семена Захарыча, да, кажется, еще изъ за стола. Можете представить что тамъ было. Ее, разумѣется, выгнали; а она разсказываетъ, что она сама его обругала и чѣмъ-то въ него пустила. Это можно даже предположить... какъ ее не взяли,—не понимаю! Теперь она всѣмъ разсказываетъ, и Амаліи Ивановнѣ, только трудно понять, кричитъ и бьется... Ахъ, да: она говоритъ и кричитъ, что такъ какъ ее всѣ теперь бросили, то она возьметъ дѣтей и пойдетъ на улицу, шарманку носить, а дѣти будутъ петь и плясать, и она тоже, и деньги собирать, и каждый день подъ окно къ генералу ходить... «Пусть, говоритъ, видятъ, какъ благородныя дѣти чиновнаго отца по улицамъ нищими ходятъ! Дѣтей всѣхъ бьетъ, тѣ плачутъ. Лену учитъ петь «Хуторокъ», мальчика плясать, Полину Михайловну тоже, рветъ всѣ платья; дѣлаетъ имъ какія-то шапочки, какъ актерамъ; сама хочетъ тазъ нести, чтобы колотить, вмѣсто музыки... Ничего не слушаетъ... Вообразите, какъ-же это? Это ужъ просто нельзя!

Лебезятниковъ продолжалъ-бы и еще, но Соня, слушавшая его едва переводя дыханіе, вдругъ схватила мантильку, шляпку и выбѣжала изъ комнаты, одѣваясь на бѣгу. Раскольниковъ вышелъ вслѣдъ за нею, Лебезятниковъ за нимъ.

— Непремѣнно помѣшалась! говорилъ онъ Раскольникову, выходя съ нимъ на улицу:—я только не хотѣлъ пугать Софью Семеновну и сказалъ: «кажется», но и сомнѣнія нѣтъ. Это, говорятъ, такіе бугорки, въ чахоткѣ, на мозгу вскакиваютъ; жаль, что я медицины не знаю. Я, впрочемъ, пробовалъ ее убѣдить, но она ничего не слушаетъ.

— Вы ей о бугоркахъ говорили?

То есть не совсѣмъ о бугоркахъ. Притомъ она ничего-бы и не поняла. Но я про то говорю: если убѣдить человѣка логически, что въ сущности ему не о чемъ плакать, то онъ и перестанетъ плакать. Это ясно. А ваше убѣжденіе, что не перестанетъ?

— Слишкомъ легко тогда было-бы жить, отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Позвольте, позвольте; конечно, Катеринѣ Ивановнѣ довольно трудно понять: но извѣстно-ли вамъ, что въ Парижѣ уже про-

исходили серіозные опыты относительно возможности излечивать сумасшедшихъ, дѣйствуя однимъ только логическимъ убѣжденіемъ? Одинъ тамъ профессоръ, недавно умершій, ученый серіозный, вообразилъ, что такъ можно лечить. Основная идея его, что особеннаго разстройства въ организмѣ у сумасшедшихъ нѣтъ, а что сумасшествіе есть, такъ сказать, логическая ошибка, ошибка въ сужденіи, неправильный взглядъ на вещи. Онъ постепенно опровергалъ больнаго, и, представьте себѣ, достигалъ, говорятъ, результатовъ! Но такъ какъ при этомъ онъ употреблялъ и душъ, то результаты этого леченія подвергаются, конечно, сомнѣнію... Но крайней мѣрѣ, такъ кажется...

Раскольниковъ давно уже не слушалъ. Поровнявшись съ своимъ домомъ, онъ кивнулъ головой Лебезятникову и повернулъ въ подворотню. Лебезятниковъ очнулся, оглядѣлся и побѣжалъ далѣе.

Раскольниковъ вошелъ въ свою каморку и сталъ посреди ея. Для чего онъ воротился сюда? Онъ оглядѣлъ эти желтоватыя, обшарканныя обои, эту пыль, свою кушетку... Со двора доносился какой-то рѣзкій, безпрерывный стукъ: что-то, гдѣ-то, какъ будто вколачивали, гвоздь какой нибудь. . Онъ подошелъ къ окну, поднялся на цыпочки и долго, съ видомъ чрезвычайнаго вниманія высматривалъ во дворъ. Но дворъ былъ пустъ и не было видно стучавшихъ. На лѣво, во флигелѣ, виднѣлись кой-гдѣ отворенныя окна; на подоконникахъ стояли горшочки съ жидкою геранью. За окнами было вывѣшано бѣлье... Все это онъ зналъ наизусть. Онъ отвернулся и сѣлъ на диванъ.

Никогда, никогда еще не чувствовалъ онъ себя такъ ужасно одинокимъ!

Да, онъ почувствовалъ еще разъ, что, можетъ быть, дѣйствительно возненавидитъ Соню, и именно теперь, когда сдѣлалъ ее несчастіе. Зачѣмъ ходилъ онъ къ ней просить ея слезъ? Зачѣмъ ему такъ необходимо завидать ея жизнь? О, подлость!

— Я останусь одинъ! проговорилъ онъ вдругъ рѣшительно: и не будетъ она ходить въ острогъ!

Минуты черезъ пять онъ поднялъ голову и странно улыбнулся. Это была странная мысль: Можетъ, въ каторгѣ-то дѣйствительно лучше,» подумалось ему вдругъ.

Онъ не помнилъ сколько онъ просидѣлъ у себя, съ толпившимися въ головѣ его неопредѣленными мыслями. Вдругъ дверь отворилась, и вошла Авдотья Романовна. Она сперва остановилась и посмотрѣла на него съ порога, какъ давеча онъ на Соню; потомъ уже прошла и сѣла противъ него на стулъ, на вчерашнемъ своемъ мѣстѣ. Онъ молча и какъ-то безъ мысли посмотрѣлъ на нее.

— Не сердись, братъ, я только на одну минуту, сказала Дуня. Выраженіе лица ея было задумчивое, но не суровое. Взглядъ былъ ясный и тихій. Онъ видѣлъ, что и эта съ любовью пришла къ нему.

— Братъ, я теперь знаю все, *все*. Мнѣ Дмитрій Прокофьичъ все объяснилъ и разсказалъ. Тебя преслѣдуютъ и мучаютъ по глупому и гнусному подозрѣнію... Дмитрій Прокофьичъ сказалъ мнѣ, что никакой нѣтъ опасности и что напрасно ты съ такимъ ужасомъ это принимаешь. Я не такъ думаю и *вполнѣ понимаю* какъ возмущено въ тебѣ все, и что это негодованіе можетъ оставить слѣды на вѣки. Этого я боюсь. За то, что ты насъ бросилъ, я тебя не сужу и не смѣю судить, и прости меня, что я поперекнула тебя прежде. Я сама на себѣ чувствую, что если-бъ у меня было такое великое горе, то я-бы тоже ушла отъ всѣхъ. Матери я *про это* ничего не разскажу, но буду говорить о тебѣ безпрерывно и скажу отъ твоего имени, что ты придешь очень скоро. Не мучайся о ней; *я* ее успокою: но и ты ее не замучай,—приди хоть разъ; вспомни, что она мать! А теперь я пришла только сказать (Дуня стала подыматься съ мѣста), что если на случай, я тебѣ въ чемъ понадобилось или понадобится тебѣ... вся моя жизнь, или что̀... то кликни меня, я приду. Прощай!

Она круто повернула и пошла къ двери.

— Дуня! остановилъ ее Раскольниковъ, всталъ и подошелъ къ ней:—этотъ Разумихинъ, Дмитрій Прокофьичъ, очень хорошій человѣкъ.

Дуня чуть-чуть покраснѣла.

— Ну! спросила она, подождавъ съ минуту.

— Онъ человѣкъ дѣловой, трудолюбивый, честный и способный сильно любить... Прощай, Дуня.

Дуня вся вспыхнула, потомъ вдругъ встревожилась:

— Да что̀ это, братъ, развѣ мы въ самомъ дѣлѣ на вѣки разстаемся, что ты мнѣ... такія завѣщанія дѣлаешь?

— Все равно... прощай...

Онъ отворотился и пошелъ отъ нея къ окну. Она постояла, посмотрѣла на него безпокойно и вышла въ тревогѣ.

Нѣтъ, онъ не былъ холоденъ къ ней. Было одно мгновеніе (самое послѣднее), когда ему ужасно захотѣлось крѣпко обнять ее и *проститься* съ ней, и даже *сказать ей*, но онъ даже и руки ей не рѣшился подать:

Потомъ еще, пожалуй, содрогнется, когда вспомнитъ, что я теперь ее обнималъ, скажетъ, что я укралъ ея поцалуй!

А выдержитъ *это* или не выдержитъ?.. прибавилъ онъ черезъ

нѣсколько минутъ про себя. — Нѣтъ, не выдержитъ: *этотъ* не выдержатъ! Этакія никогда не выдерживаютъ...

И онъ подумалъ о Сонѣ.

Изъ окна повѣяло свѣжестью. На дворѣ уже не такъ ярко свѣтилъ свѣтъ. Онъ вдругъ взялъ фуражку и вышелъ.

Онъ, конечно, не могъ, да и не хотѣлъ заботиться о своемъ болѣзненномъ состояніи. Но вся эта безпрерывная тревога и весь этотъ ужасъ душевный не могли пройти безъ послѣдствій. И если онъ не лежалъ еще въ настоящей горячкѣ, то, можетъ быть, именно потому, что эта внутренняя, безпрерывная тревога еще поддерживала его на ногахъ и въ сознаніи, но какъ-то искусственно, до времени.

Онъ бродилъ безъ цѣли. Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему въ послѣднее время. Въ ней не было чего нибудь особенно близкаго, жгучаго: но отъ нея вѣяло чѣмъ-то постояннымъ, вѣчнымъ, предчувствовались безысходныя годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вѣчность на аршинѣ пространства. Въ вечернія часъ это ощущеніе обыкновенно еще сильнѣй начинало его мучить.

— Вотъ съ этакими-то глупѣйшими, чисто физическими немощами, зависящими отъ какого нибудь заката солнца, и удержись сдѣлать глупость! Не то что къ Сонѣ, а къ Дунѣ пойдешь! пробормоталъ онъ ненавистно.

Его окликнули. Онъ оглянулся: къ нему бросился Лебезятниковъ.

— Вообразите, я былъ у васъ, ищу васъ. Вообразите, она исполнила свое намѣреніе и дѣтей увела! Мы съ Софьей Семеновной насилу ихъ отыскали. Сама бьетъ въ сковороду, дѣтей заставляетъ плясать. Дѣти плачутъ. Останавливаются на перекресткахъ и у лавочекъ. За ними глупый народъ бѣжитъ. Пойдемте.

— А Соня?.. тревожно спросилъ Раскольниковъ, поспѣшая за Лебезятниковымъ.

— Просто въ изступленіи. То есть не Софья Семеновна въ изступленіи, а Катерина Ивановна; а впрочемъ и Софья Семеновна въ изступленіи. А Катерина Ивановна совсѣмъ въ изступленіи. Говорю вамъ, окончательно помѣшалась. Ихъ въ полицію возьмутъ. Можете представить какъ это подѣйствуетъ... Они теперь на каналъ у —скаго моста, очень недалеко отъ Софьи Семеновны. Близко.

На каналъ, не очень далеко отъ моста и не доходя двухъ домовъ отъ дома гдѣ жила Соня, столпилась кучка народу. Особенно сбѣгались мальчишки и дѣвчонки. Хриплый, надорванный голосъ Катерины Ивановны слышался еще отъ моста. И дѣйствительно

это было странное зрѣлище, способное заинтересовать уличную публику. Катерина Ивановна въ своемъ старенькомъ платьѣ, въ драдедамовой шали и въ изломанной соломенной шляпкѣ, сбившейся безобразнымъ комкомъ на сторону, была дѣйствительно въ настоящемъ изступленіи. Она устала и задыхалась. Измучившееся чахоточное лицо ея смотрѣло страдальнѣе чѣмъ когда нибудь (къ тому-же на улицѣ, на солнцѣ, чахоточный всегда кажется больнѣе и обезображеннѣе чѣмъ дома); но возбужденное состояніе ея не прекращалось, и она съ каждою минутой становилась еще раздражительнѣе. Она бросалась къ дѣтямъ, кричала на нихъ, уговаривала, учила ихъ тутъ-же при народѣ какъ плясать и что̀ пѣть, начинала имъ растолковывать для чего это нужно, приходила въ отчаяніе отъ ихъ непонятливости, била ихъ... Потомъ, не докончивъ, бросалась къ публикѣ; если замѣчала чуть-чуть хорошо одѣтаго человѣка, остановившагося поглядѣть, то тотчасъ пускалась объяснять ему, что вотъ, дескать, до чего доведены дѣти изъ благороднаго, можно даже сказать аристократическаго дома . Если слышала въ толпѣ смѣхъ или какое нибудь задирательное словцо, то тотчасъ-же набрасывалась на дерзкихъ и начинала съ ними браниться. Иные дѣйствительно смѣялись, другіе качали головами: всѣмъ вообще было любопытно поглядѣть на помѣшанную съ перепуганными дѣтьми. Сковороды, про которую говорилъ Лебезятниковъ, не было; но вмѣсто нея мнѣ далъ. Раскольниковъ не видалъ; но вмѣсто стука въ сковороду, Катерина Ивановна начинала хлопать въ тактъ своими сухими ладонями, когда заставляла Полечку петь, а Лёню и Колю плясать; причемъ даже и сама пускалась подпѣвать, но каждый разъ обрывалась на второй нотѣ отъ мучительнаго кашля, отчего снова приходила въ отчаяніе, проклинала свой кашель и даже плакала. Пуще всего выводили ее изъ себя слезы и страхъ Коли и Лёни. Дѣйствительно, была попытка нарядить дѣтей въ костюмъ, какъ наряжаются уличные нѣгры и нѣгрины. На мальчикѣ была надѣта изъ чего-то краснаго съ бѣлымъ чалма, чтобы онъ изображалъ собою Турку. На Лёню костюмовъ не достало; была только надѣта на голову красная, вязаная изъ каруса шапочка (или лучше сказать, колпакъ) покойнаго Семена Захарыча, а въ шапку воткнуть обломокъ бѣлаго страусоваго пера, принадлежавшаго еще бабушкѣ Катерины Ивановны и сохранявшагося досель въ сундукѣ, въ видѣ фамильной рѣдкости. Полечка была въ своемъ обыкновенномъ платьицѣ. Она смотрѣла на мать робко и потерявшись, не отходила отъ нея, сглатывала свои слезы, догадывалась о помѣшательствѣ матери и безпокойно осматривалась кругомъ. Улица и толпа

ужасно напугали ее. Соня неотступно ходила за Катериной Ивановной, плача и умоляя ее поминутно воротиться домой. Но Катерина Ивановна была неумолима.

— Перестань, Соня, перестань! кричала она скороговоркой, сѣдьша, задыхаясь и кашляя.— Сама не знаешь чего просишь, точно дитя! Я уже сказала тебѣ, что не ворочусь назадъ къ этой пьяной нѣмкѣ. Пусть видятъ всѣ, весь Петербургъ, какъ милостыни просятъ дѣти благороднаго отца, который всю жизнь служилъ вѣрою и правдой и, можно сказать, умеръ на службѣ. (Катерина Ивановна уже успѣла создать себѣ эту фантазію и повѣрить ей сѣдьно).—Пускай, пускай этотъ негодный генеральшка видитъ. Да и глупа ты, Соня: что теперь быть-то, скажи? Довольно мы тебя истерзали, не хочу больше! Ахъ, Родіонъ Романычъ, это вы! вскрикнула она, увидавъ Раскольникова и бросаясь къ нему,—растолкуйте вы, пожалуйста, этой дурочкѣ, что ничего умнѣй нельзя сдѣлать! Даже шарманщики добываютъ, а насъ тотчасъ всѣ отличатъ, узнаютъ, что мы бѣдное, благородное семейство сироть, доведенныхъ до нищеты, а ужь этотъ генеральшка мѣсто потеряетъ, увидите! Мы каждый день подъ окна къ нему будемъ ходить, а пройдетъ Государь, я стану на колѣни, этихъ всѣхъ выставлю впередъ и покажу на нихъ: «Защити, отецъ!» Онъ отецъ сиротъ, Онъ милосердъ, защититъ, увидите, а генеральшку этого.... Леня! Tenez vous droite! Ты, Коля, сейчасъ будешь опять танцовать. Чего ты хнычешь? Опять хнычетъ! Ну чего, чего ты боишься, дурачокъ! Господи! Что мнѣ съ ними дѣлать, Родіонъ Романычъ! Еслибъ вы знали какіе они безтолковые! Ну что съ этакими сдѣлаешь!...

И она, сама чуть не плача (что не мѣшало ей непрерывной и неумолчной скороговоркѣ), показывала ему на хнычущихъ дѣтей. Раскольниковъ попробовалъ было уѣхать и даже сказалъ, думая подѣйствовать на самолюбіе, что ей не прилично ходить по улицамъ какъ шарманщики ходятъ, потому что она готовитъ себя въ директрисы благороднаго пансіона дѣвицъ....

— Пансіона, ха-ха-ха! Славны бубны за горами! вскричала Катерина Ивановна, тотчасъ послѣ смѣху закатившись кашлемъ: — нѣтъ, Родіонъ Романовичъ, прошла мечта! Всѣ насъ бросили!... А этотъ генеральшка... Знаете, Родіонъ Романычъ, я въ него чернильницей пустила,—тутъ въ лакейской, кстати, на столѣ стояла подлѣ листа, на которомъ росписывались, и я росписалась, пустила и убѣжала. О, подлые, подлые! Да плевать: теперь я этихъ сама кормить буду, никому не поклонюсь! Довольно мы ее мучили! (она указала на Соню). —Полечка, сколько собрали, покажи! Какъ?

Всего только двѣ конѣйки? О, гнусные! Ничего не даютъ, только бѣгаютъ за нами, высунувъ языкъ! Ну, чего вотъ этотъ болванъ смѣется? (указала она на одного изъ толпы). Это все потому, что этотъ Колька такой непонятливый, съ нимъ возня! Чего тебѣ, Полечка? Говори со мной по французски, parlez moi français. Вѣдь я-же тебя учила, вѣдь ты знаешь нѣсколько фразъ!... Иначе какъ-же отличить, что вы благороднаго семейства, воспитанныя дѣти и вовсе не такъ какъ всѣ шарманщики: не «Петрушку»-же мы какого нибудь представляемъ на улицахъ, а споемъ благородный романсъ... Ахъ, да! Что-же намъ пѣть-то? Перебиваете вы все меня, а мы... видите-ли, мы здѣсь остановились, Родіонъ Романычъ, чтобы выбрать что пѣть, — такое, чтобъ и Колѣ можно было протанцовать... потому, все это у насъ, можете представить, безъ приготовленія; надо сговориться, такъ чтобы все совершенно прорепетировать, а потомъ мы отправимся на Невскій, гдѣ гораздо больше людей высшаго общества и насъ тотчасъ замѣтятъ. Леня знаетъ «Хуторокъ»... Только все «Хуторокъ» да «Хуторокъ», и всѣ-то его поютъ! Мы должны спѣть что нибудь гораздо болѣе благородное... Ну, что ты придумала, Поля, хоть-бы ты матери помогла! Памяти, памяти у меня нѣтъ, я-бы вспомнила! Не «Гусара-же на саблю опираясь» нѣтъ въ самомъ дѣлѣ! Ахъ, споемте по французски «Cinq sous»! Я вѣдь васъ учила-же, учила-же. И главное, такъ какъ это по французски, то увидятъ тотчасъ, что вы дворянскія дѣти, и это будетъ гораздо трогательнѣе... Можно-бы даже: «Malborough s'en va-t-en guerre!» такъ какъ это совершенно дѣтская нѣсенка и употребляется во всѣхъ аристократическихъ домахъ когда убаюкиваютъ дѣтей:

Malborough s'en va-t-en guerre
Ne sait quand reviendra...

начала-было она пѣть...—Но пѣть, лучше ужь «Cinq sous!» Ну, Коля, ручки въ боки, поскорѣй, а ты, Леня, тоже вертись въ противоположную сторону, а мы съ Полечкой будемъ подпѣвать и подхлопывать!

Cinq sous, cinq sous
Pour monter notre ménage...

Кхи-кхи-кхи! (И она закатилась отъ кашля). Поправь платьице, Полечка, плечики спустились, замѣтила она сквозь кашель, отдыхиваясь. — Теперь вамъ особенно нужно держать себя прилично и на тонкой ногѣ, чтобы всѣ видѣли, что вы дворянскія дѣти. Я го-

ворила тогда, что лифчикъ надо длиннѣе кроить и притомъ въ два полотнища. Это ты тогда, Соня, съ своими совѣтами: «Короче, да короче», вотъ и вышло, что совсѣмъ ребенка обезобразили... Ну, опять всѣ вы плачете! Да чего вы, глупые! Ну, Коля, начинай поскорѣй, поскорѣй, поскорѣй,—охъ, какой это несносный ребенокъ!..

Cinq sous, cinq sous—

Опять солдатъ! Ну, чего тебѣ надобно?

Дѣйствительно сквозь толпу протѣснялся городовой. Но въ тоже время одинъ господинъ въ вицмундирѣ и въ шинели, солидный чиновникъ лѣтъ пятидесяти, съ орденомъ на шеѣ (послѣднее было очень пріятно Катеринѣ Ивановнѣ и повліяло на городоваго) приблизился и молча подалъ Катеринѣ Ивановнѣ трехрублевую, зеленькую кредитку. Въ лицѣ его выражалось искреннее состраданіе. Катерина Ивановна приняла и вѣжливо, даже церемонно ему поклонилась.

— Благодарю васъ, милостивый государь, начала она свысока,—причины, побудившія насъ... возьми деньги, Полечка. Видишь, есть-же благородные и великодушные люди, тотчасъ готовые помочь бѣдной дворянкѣ въ несчастіи. Вы видите, милостивый государь, благородныхъ сиротъ, можно даже сказать, съ самыми аристократическими связями... А этотъ генеральшина сидѣлъ и рябчиковъ ѣлъ... ногами затопалъ, что я его обезпокоила... «Ваше превосходительство, говорю, защитите сиротъ, очень зная, говорю, покойнаго Семена Захарыча, и такъ какъ его родную дочь подлѣйшій изъ подлецовъ въ день его смерти оклеветалъ...» Опять этотъ солдатъ! Защитите! закричала она чиновнику:—чего этотъ солдатъ ко мнѣ лѣзетъ? Мы ужь убѣжали отъ одного сюда изъ Мѣщанской.. ну тебѣ-то какое дѣло, дуракъ!

— Потому, по улицамъ запрещено-съ. Не извольте безобразничать.

— Самъ ты безобразникъ! Я все равно какъ съ шарманкой хожу, тебѣ какое дѣло?

— На счетъ шарманки надо дозволеніе имѣть, а вы сами собой-съ и такимъ манеромъ народъ сбиваете. Гдѣ изволите квартировать?

— Какъ, дозволеніе, завопила Катерина Ивановна.—Я сегодня мужа схоронила, какое тутъ дозволеніе!

— Сударыня, сударыня, успокойтесь, началъ-было чиновникъ.—пойдемте, я васъ доведу... Здѣсь въ толпѣ неприлично... вы нездоровы...

— Милостивый государь, милостивый государь: вы ничего не знаете! кричала Катерина Ивановна:—мы на Невскій пойдемъ, — Соня, Соня! Да гдѣ-жь она? Тоже плачетъ! Да что съ вами со всѣми!.. Коля, Леня, куда вы? вскрикнула она вдругъ въ испугѣ:— о глупыя дѣти! Коля, Леня, да куда-жь они!..

Случилось такъ, что Коля и Леня, напуганные до послѣдней степени уличною толпой и выходками помѣшанной матери, увидѣвъ, наконецъ, солдата, который хотѣлъ ихъ взять и куда-то вести, вдругъ, какъ-бы сговорившись, схватили другъ друга за ручки и бросились бѣжать. Съ воплемъ и плачемъ кинулась бѣдная Катерина Ивановна догонять ихъ. Безобразно и жалко было смотрѣть на нее, бѣгущую, плачущую, задыхающуюся. Соня и Полечка бросились вслѣдъ за нею.

— Вороти, вороти ихъ, Соня! О, глупыя, неблагодарныя дѣти!.. Поля! Лови ихъ... Для васъ-же я...

Она споткнулась на всемъ бѣгу и упала.

— Разбилась въ кровь! О, Господи! вскрикнула Соня, наклоняясь надъ ней.

Всѣ сбѣжались. всѣ затѣснились кругомъ. Раскольниковъ и Лебезятниковъ подбѣжали изъ первыхъ: чиновникъ тоже поспѣшилъ, а за нимъ и городовой, проворчавъ: Эхъ-ма! и махнувъ рукой, предчувствуя, что дѣло обернется хлопотливо.

— Пошелъ! Пошелъ! разгонялъ онъ тѣснившихся кругомъ людей.

— Помираетъ! закричалъ кто-то.

— Съ ума сошла! проговорилъ другой.

— Господи сохрани! проговорила одна женщина, крестясь. — Дѣвчоночку-то съ парнишкой зловили-ли? Вона-ка, ведутъ, старшенькая перехватила... Вишь, сбалмошные!

Но когда разглядѣли хорошенько Катерину Ивановну, то увидали, что она вовсе не разбилась о камень, какъ подумала Соня, а что кровь, обагрившая мостовую, хлынула изъ ея груди горломъ.

— Это я знаю, видалъ, бормоталъ чиновникъ Раскольникову и Лебезятникову, — это чахотка-съ: хлынетъ этакъ кровь и задавитъ. Съ одною моею родственницей, еще недавно свидѣтелемъ былъ, и этакъ стакана полтора... вдругъ-съ... Что-же, однакожь, дѣлать, сейчасъ помретъ.

— Сюда, сюда, ко мнѣ! умоляла Соня:—вотъ здѣсь я живу!.. Вотъ этотъ домъ, второй отсюда... Ко мнѣ, поскорѣе, поскорѣе!.. металась она ко всѣмъ.—За докторомъ пошлите... О, Господи!

Стараніями чиновника дѣло это удалось, даже городовой помогалъ переносить Катерину Ивановну. Внесли ее къ Сонѣ почти замертво и положили на постель. Кровотеченіе еще продолжалось,

но она какъ-бы начинала приходить въ себя. Въ комнату вошли разомъ, кромѣ Сони, Раскольниковъ и Лебезятниковъ, чиновникъ и городовой, разогнавшій предварительно толпу, изъ которой нѣкоторые провожали до самыхъ дверей. Полечка ввела, держа за руки, Колю и Лёню, дрожавшихъ и плакавшихъ. Сошлись и отъ Капернаумовыхъ: самъ онъ, хромой и кривой, страннаго вида человѣкъ съ щетинистыми, торчкомъ стоящими волосами и бакенбардами: жена его, имѣвшая какой-то разъ навсегда испуганный видъ, и нѣсколько ихъ дѣтей, съ одеревенѣлыми отъ постояннаго удивленія лицами и съ раскрытыми ртами. Между всею этою публикой появился вдругъ и Свидригайловъ. Раскольниковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не понимая откуда онъ явился и не помня его въ толпѣ.

Говорили про доктора и про священника. Чиновникъ хотя и понялъ Раскольникову, что, кажется, докторъ теперь уже лишнее, но распорядился послать. Побѣжалъ самъ Капернаумовъ.

Между тѣмъ Катерина Ивановна отдышалась, на время кровь остыла. Она смотрѣла болѣзненнымъ, но пристальнымъ и проницающимъ взглядомъ на блѣдную и трепещущую Соню, отиравшую ей платкомъ капли пота со лба; наконецъ, попросила приподнять себя. Ее посадили на постели, придерживая съ обѣихъ сторонъ.

— Дѣти гдѣ? спросила она слабымъ голосомъ. — Ты привела ихъ, Поля? О, глупые!.. Ну, чего вы побѣжали... Охъ!

Кровь еще покрывала ея изсохшія губы. Она повела кругомъ глазами, осматриваясь:

— Такъ вотъ ты какъ живешь, Соня! Ни разу-то я у тебя не была... привелось...

Она съ страданіемъ посмотрѣла на нее:

— Изсохли мы тебя, Соня... Поля, Лёня, Коля, подите сюда.. Ну, вотъ они, Соня, всѣ, бери ихъ... съ рукъ на руки... а съ меня довольно!.. Конченъ балъ! Га!.. Опустите меня, дайте хоть помереть спокойно...

Ее опустили опять на подушку.

— Что? Священника?.. Не надо... Гдѣ у васъ лишній цѣлковый?.. На мнѣ нѣтъ грѣховъ!.. Богъ и безъ того долженъ простить... Самъ знаетъ какъ я страдала!.. А не проститъ, такъ и не надо!..

Безпокойный бредъ охватывалъ ее болѣе и болѣе. Порой она вздрагивала, обводила кругомъ глазами, узнавала всѣхъ на минуту: но тотчасъ-же сознаніе снова смѣнялось бредомъ. Она хрипло и трудно дышала; что-то какъ будто клокотало въ горлѣ.

— Я говорю ему: „ваше превосходительство!..“ выкрикивала она, отдыхиваясь послѣ каждаго слова:—эта Амалія Людвиговна... ахъ! Леня, Коля! Ручки въ боки, скорѣй, скорѣй, глиссе-глиссе, па-де-баскъ! Стучи ножками... Будь граціозный ребенокъ.

Du hast Diamanten und Perlen...

Какъ дальше-то? вотъ-бы спѣть...

Du hast die schönsten Augen
Mädchen, was willst du mehr?..

Ну да, какъ не такъ! was willst du mehr, — выдумаетъ-же болванъ!.. Ахъ да, вотъ еще:

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана...

Ахъ, какъ я любила... Я до обожанія любила этотъ романсъ, Полечка!.. знаешь, твой отецъ... еще женихомъ пѣвалъ... О, дни!... Вотъ-бы, вотъ-бы намъ спѣть! Ну какъ-же, какъ-же... вотъ я и забыла... да напомните-же, какъ-же? Она была въ чрезвычайномъ волненіи и усиливалась приподняться. Наконецъ, страшнымъ, хриплымъ, надрывающимся голосомъ она начала, вскрикивая и задыхаясь на каждомъ словѣ, съ видомъ какого-то возраставшаго испуга:

Въ полдневный жаръ!.. въ долинѣ!.. Дагестана!..
Съ свинцомъ въ груди!..

Ваше превосходительство! вдругъ завопила она раздирающимъ воплемъ и залившись слезами: — защитите сироть! Зная хлѣбъ-соль покойнаго Семена Захарыча!.. Можно даже сказать аристократическаго!.. Га! вздрогнула она вдругъ опамятовавшись и съ какимъ-то ужасомъ всѣхъ осматривая, но тотчасъ узнала Соню.—Соня, Соня! проговорила она кротко и ласково, какъ-бы удивившись, что видитъ ее передъ собой:—Соня, милая, и ты здѣсь?

Ее опять приподняли.

— Довольно!.. Пора!.. Прощай горемыка!.. Уѣздили клячу!.. Надорвала-а-сь! крикнула она отчаянно и ненавистно, и грохнулась головой на подушку.

Она вновь забылась, но это послѣднее забытье продолжалось не долго. Блѣдно-желтое, изсохшее лицо ея закинулось навзничь назадъ, ротъ раскрылся, ноги судорожно протянулись. Она глубоко-глубоко вздохнула и умерла.

Соня упала на ея трупъ, обхватила ее руками и такъ и замерла, прильнувъ головой къ изсохшей груди покойницы. Полечка

припала къ ногамъ матери и цаловала ихъ, плача навзрыдъ. Коля и Леня, еще не поняв что̀ случилось, но предчувствуя что-то очень страшное, схватили одинъ другаго об'ими руками за плечики и уставившись одинъ въ другаго глазами, вдругъ вм'ест'ѣ, разомъ, раскрыли рты и начали кричать. Оба еще были въ костюмахъ: одинъ въ чалм'ѣ, другая въ ермолк'ѣ съ страусовымъ перомъ.

И какимъ образомъ этотъ «похвальный листъ» очутился вдругъ на постели, подл'ѣ Катерины Ивановны? Онъ лежалъ, тутъ-же, у подушки; Раскольниковъ вид'ѣлъ его.

Онъ отошелъ къ окну. Къ нему подскочилъ Лебезятниковъ.

— Умерла! сказалъ Лебезятниковъ.

— Родіонъ Романовичъ, им'ѣю вамъ два нужныхъ словечка передать, подошелъ Свидригайловъ. Лебезятниковъ тотчасъ-же уступилъ м'ѣсто и деликатно стушевался. Свидригайловъ увелъ удивленнаго Раскольникова еще подальше въ уголъ.

— Всю эту возню, то есть похороны и прочее, я беру на себя. Знаете, были-бы деньги, а в'ѣдь я вамъ сказалъ, что у меня линія. Этихъ двухъ птенцовъ и эту Полечку я пом'ѣщу въ какія нибудь сиротскія заведенія получше, и положу на каждаго, до совершеннол'ѣтія, по тысяч'ѣ пятисотъ рублей капиталу, чтобъ ужь совс'ѣмъ Софья Семеновна была покойна. Да и ее изъ омута вытащу, потому хорошая д'ѣвушка, такъ-ли? Ну-съ, такъ вы и передайте Авдот'ѣ Романовн'ѣ, что ея десять тысячъ я вотъ такъ и употребилъ.

Съ какими-же ц'ѣлями вы такъ разблаготворились? спросилъ Раскольниковъ.

— Э-эхъ! Человѣкъ недов'ѣрчивый! засм'ѣялся Свидригайловъ.— В'ѣдь я сказалъ, что эти деньги у меня линія. Ну, а просто, по человѣчеству, не допускаете что-ль? В'ѣдь не хвощь-же была она (онъ ткнулъ пальцемъ въ тотъ уголъ гд'ѣ была усопшая), какъ какая нибудь старушонка процентщица. Ну, согласитесь, ну Лужину-ли, въ самомъ д'ѣлѣ, жить и д'ѣлать мерзости, или ей умирать? И не помоги я, такъ в'ѣдь Полечка, напримѣръ, туда-же, по той-же дорог'ѣ пойдетъ»...

Онъ проговорилъ это съ видомъ какого-то *подмигивающаго*, веселаго плутовства, не спуская глазъ съ Раскольникова. Раскольниковъ побл'ѣднѣлъ и похолод'ѣлъ, слыша свои собственныя выраженія, сказанныя Сон'ѣ. Онъ быстро отпатнулся и дико посмотр'ѣлъ на Свидригайлова:

— Но-почему... вы знаете? проценталъ онъ, едва переводя дыханіе.

— Да в'ѣдь я здѣсь, черезъ ст'ѣнку, у мадамъ Ресслихъ стою.

Здѣсь Капернаумовъ, а тамъ мадамъ Ресслихъ, старинная и преданнѣйшая пріятельница. Сосѣдъ-съ.

— Вы?

— Я, продолжалъ Свидригайловъ, колыхаясь отъ смѣха, — и могу васъ честью увѣрить, милѣйшій Родіонъ Романовичъ, что удивительно вы меня заинтересовали. Вѣдь я сказалъ, что мы сойдемся, предсказалъ вамъ это, — ну, вотъ и сошлись. И увидите какой я складной человѣкъ. Увидите, что со мной еще можно жить...

Часть шестая.

I.

Для Раскольникова наступило страшное время: точно туманъ упалъ вдругъ передъ нимъ и заключилъ его въ безвыходное и тяжелое уединеніе. Припомнивая это время потомъ, уже долго спустя, онъ догадывался, что сознаніе его иногда какъ-бы тускнѣло, и что такъ продолжалось, съ нѣкоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы. Онъ былъ убѣжденъ положительно, что во многомъ тогда ошибался, напримѣръ, въ срокахъ и времени нѣкоторыхъ происшествій. По крайней мѣрѣ, припоминая впослѣдствіи и силясь уяснить себѣ припоминаемое, онъ многое узналъ о себѣ самомъ, уже руководясь свѣдѣніями, полученными отъ посторонннихъ. Одно событіе онъ смѣшивалъ, напримѣръ, съ другимъ: другое считалъ послѣдствіемъ происшествія, существовавшаго только въ его воображеніи. Порой овладѣвала имъ болѣзненно-мучительная тревога, переходившаяся даже въ паническій страхъ. Но онъ помнилъ тоже, что бывали минуты, часы и даже, можетъ быть, дни, полные апатіи, овладѣвавшей имъ, какъ-бы въ противоположность прежнему страху,—апатіи, похожей на болѣзненно-равнодушное состояніе иныхъ умирающихъ. Вообще-же въ эти послѣдніе дни онъ и самъ какъ-бы старался убѣжать отъ яснаго и полнаго пониманія своего положенія: иные насущные факты, требовавшіе немедленнаго разъясненія, особенно тяготили его: но какъ радъ-бы онъ былъ освободиться и убѣжать отъ иныхъ заботъ, забвеніе которыхъ грозило, впрочемъ, полною и неминуемою гибелью въ его положеніи.

Особенно тревожилъ его Свидригайловъ: можно даже было сказать, что онъ какъ будто остановился на Свидригайловѣ. Со временемъ слишкомъ грозныхъ для него и слишкомъ ясно высказанныхъ словъ Свидригайлова, въ квартирѣ у Сони, въ минуту смерти Ка-

терины Ивановны, какъ-бы нарушилось обыкновенное теченіе его мыслей. Но не смотря на то, что этотъ новый фактъ чрезвычайно его безпокоилъ, Раскольниковъ какъ-то не сѣшилъ разъясненіемъ дѣла. Порой, вдругъ находя себя гдѣ нибудь въ отдаленной и уединенной части города, въ какомъ нибудь жалкомъ трактирѣ, одного, за столомъ, въ размышленіи, и едва помня какъ онъ попалъ сюда, онъ вспоминалъ вдругъ о Свидригайловѣ: ему вдругъ слишкомъ ясно и тревожно сознавалось, что надо-бы, какъ можно скорѣе, сговориться съ этимъ человѣкомъ и, что возможно, порѣшить окончательно. Одинъ разъ, зайдя куда-то за заставу, онъ даже вообразилъ себѣ, что ждетъ здѣсь Свидригайлова и что здѣсь назначено у нихъ свиданіе. Въ другой разъ онъ проснулся предъ разсвѣтомъ гдѣ-то на землѣ, въ кустахъ, и почти не понималъ, какъ забрелъ сюда. Впрочемъ, въ эти два-три дня послѣ смерти Катерины Ивановны онъ уже раза два встрѣчался съ Свидригайловымъ, всегда почти въ квартирѣ у Сони, куда онъ заходилъ какъ-то безъ цѣли, но всегда почти на минуту. Они перекидывались всегда короткими словами и ни разу не заговорили о капитальномъ пунктѣ, какъ будто между ними такъ само собою и условилось, чтобы молчать объ этомъ до времени. Тѣло Катерины Ивановны еще лежало въ гробу. Свидригайловъ распоряжался похоронами и хлопоталъ. Соня тоже была очень занята. Въ послѣднюю встрѣчу Свидригайловъ объяснилъ Раскольникову, что съ дѣтьми Катерины Ивановны онъ какъ-то покончилъ, и покончилъ удачно; что у него, благодаря кой-какимъ связямъ, отыскались такія лица, съ помощью которыхъ можно было помѣстить всѣхъ трехъ сиротъ, немедленно, въ весьма приличныя для нихъ заведенія; что отложенныя для нихъ деньги тоже многому помогли, такъ какъ сироту съ капиталомъ помѣстить гораздо легче чѣмъ сироту нищихъ. Сказалъ онъ что-то и про Соню, обѣщалъ какъ нибудь зайти на дняхъ самъ къ Раскольникову и упомянулъ, что «желалъ-бы посовѣтоваться; что очень надо-бы поговорить, что есть такія дѣла...» Разговоръ этотъ происходилъ въ сѣняхъ, у лѣстницы. Свидригайловъ пристально смотрѣлъ въ глаза Раскольникову и вдругъ, помолчавъ и понизивъ голосъ, спросилъ:

— Да, что вы, Родіонъ Романычъ, такой самъ не свой? Право! Слушаете и глядите, а какъ будто и не понимаете. Вы ободритесь. Вотъ, дайте поговоримъ: жаль только что дѣла много и чужаго, и своего... Эхъ, Родіонъ Романовичъ, прибавилъ онъ вдругъ, — всѣмъ человѣкамъ надобно воздуху, воздуху, воздуху-съ... Прежде всего!

Онъ вдругъ посторонился, чтобы пропустить входившаго на лѣстницу священника и дьячка. Они шли служить панихиду. Но

распоряженію Свидригайлова, панихиды служились два раза въ день, аккуратно. Свидригайловъ пошелъ своею дорогой. Раскольниковъ постоялъ, подумалъ и вошелъ вслѣдъ за священникомъ въ квартиру Сони.

Онъ сталъ въ дверяхъ. Начиналась служба, тихо, чинно, грустно. Въ сознаніи о смерти и въ ощущеніи присутствія смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное, съ самаго дѣтства; да и давно уже онъ не слыхалъ панихиды. Да и было еще тутъ что-то другое, слишкомъ ужасное и безпокойное. Онъ смотрѣлъ на дѣтей: всѣ они стояли у гроба на колѣняхъ, Полечка плакала. Сзади нихъ, тихо и какъ-бы робко плача, молилась Соня. «А вѣдь она въ эти дни ни разу на меня не взглянула и слова мнѣ не сказала», подумалось вдругъ Раскольникову. Солнце ярко освѣщало комнату; кадильный дымъ восходилъ клубами; священникъ читалъ: «Упокой, Господи». Раскольниковъ отстоялъ всю службу. Благословляя и прощаясь, священникъ какъ-то странно осматривался. Послѣ службы, Раскольниковъ подошелъ къ Сонѣ. Та вдругъ взяла его за обѣ руки и преклонила къ его плечу голову. Этотъ короткій дружескій жестъ даже поразилъ Раскольникова недоумѣніемъ; даже странно было: какъ? ни малѣйшаго отвращенія, ни малѣйшаго омерзенія къ нему, ни малѣйшаго содроганія въ ея рукѣ! Это ужъ была какая-то безконечность собственнаго уничиженія. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ его понялъ. Соня ничего не говорила. Раскольниковъ пожалъ ей руку и вышелъ. Ему стало ужасно тяжело. Еслибъ возможно было уйти куда нибудь въ эту минуту и остаться совсѣмъ одному, хотя-бы на всю жизнь, то онъ почелъ-бы себя счастливымъ. Но дѣло въ томъ, что онъ въ послѣднее время, хоть и всегда почти былъ одинъ, никакъ не могъ почувствовать что онъ одинъ. Случалось ему уходить за городъ, выходить на большую дорогу, даже разъ онъ вышелъ въ какую-то рощу; но чѣмъ уединеннѣе было мѣсто, тѣмъ сильнѣе онъ сознавалъ какъ-будто чье-то близкое и тревожное присутствіе, не то чтобы страшное, а какъ-то ужъ очень досаждающее, такъ что поскорѣе возвращался въ городъ, смѣшивался съ толпой, входилъ въ трактиры, въ распивочныя, шелъ на Толкучій, на Сѣнную. Здѣсь было ужъ какъ будто-бы легче и даже уединеннѣе. Въ одной харчевнѣ, передъ вечеромъ, пѣли пѣсни: онъ просидѣлъ цѣлый часъ, слушая, и помнилъ, что ему даже было очень пріятно. Но подъ конецъ онъ вдругъ сталъ опять безпокоенъ; точно угрызеніе совѣсти вдругъ начало его мучить: «Вотъ, сижу, пѣсни слушаю, а развѣ то мнѣ надобно дѣлать!» какъ будто подумалъ онъ. Впрочемъ, онъ тутъ-же догадался, что и не это одно его тревожитъ; было что-то требующее немедленнаго разрѣшенія,

по чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать. Все въ какой-то клубокъ сматывалось. Нѣтъ, ужь лучше-бы какая борьба! Лучше-бы опять Порфирій... или Свидригайловъ... Поскорѣй-бы опять какой нибудь вызовъ, чье нибудь нападеніе... Да! да!- думалъ онъ. Онъ вышелъ изъ харчевни и бросился чуть не бѣжать. Мысль о Дунѣ и матери навела на него вдругъ, почему-то, какъ-бы паническій страхъ. Въ эту-то ночь, передъ утромъ, онъ и проснулся въ кустахъ, на Крестовскомъ островѣ, весь издрогнувшій, въ лихорадкѣ: онъ пошелъ домой и пришелъ уже раннимъ утромъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, лихорадка прошла, но проснулся онъ уже поздно: было два часа пополудни.

Онъ вспомнилъ, что въ этотъ день назначены похороны Катерины Ивановны, и обрадовался, что не присутствовалъ на нихъ. Настасья принесла ему ѣсть; онъ ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, чуть не съ жадностью. Голова его была свѣжѣе, и онъ самъ спокойнѣе чѣмъ въ эти послѣдніе три дня. Онъ даже подивился, мелькомъ, прежнимъ приливамъ своего паническаго страха. Дверь отворилась и вошелъ Разумихинъ.

- А! Ѣсть, стало быть, не боленъ! сказалъ Разумихинъ, взялъ стулъ и сѣлъ за столъ противъ Раскольникова. Онъ былъ встревоженъ и не старался этого скрыть. Говорилъ онъ съ видимою досадой, но не торопясь и не возвышая особенно голоса. Можно-бы подумать, что въ немъ засѣло какое-то особое и даже исключительное намѣреніе. Слушай, началъ онъ рѣшительно.- -мнѣ тамъ чортъ съ вами со всѣми, но по тому, что я вижу теперь, вижу ясно, что ничего не могу понять: пожалуйста, не считай, что я пришелъ допрашивать. Наплевать! Самъ не хочу! Самъ теперь все открывай, всѣ ваши секреты, такъ я еще и слушать-то, можетъ быть, не стану, плюну и уйду. Я пришелъ только узнать лично и окончательно: правда-ли. Во первыхъ, что ты сумасшедшій? Про тебя, видишь-ли, существуетъ убѣжденіе (ну. тамъ, гдѣ нибудь), что ты. можетъ быть. сумасшедшій или очень къ тому наклоненъ. Признаюсь тебѣ, я и самъ сильно былъ наклоненъ поддерживать это мнѣніе. Во первыхъ, судя по твоимъ глупымъ и отчасти глупымъ поступкамъ (ничѣмъ необъяснимымъ), а во вторыхъ, по твоему недавнему поведенію съ матерью и сестрой. Только звѣрь и подлецъ, если не сумасшедшій, могъ-бы такъ поступить съ ними, какъ ты поступилъ; а слѣдственно, ты сумасшедшій...

— Ты давно ихъ видѣлъ?

Сейчасъ. А ты съ тѣхъ поръ не видалъ? Гдѣ ты шляешься, скажи мнѣ. пожалуйста, я ужь къ тебѣ три раза заходилъ. Мать больна со вчерашняго дня серіозно. Собралась къ тебѣ: Авдотья Романовна

стала удерживать: слушать ничего не хочетъ! Если онъ, говоритъ, боленъ, если у него умъ мѣшается, кто-же ему поможетъ, какъ не мать? Пришли мы сюда всѣ, потому, не бросать-же намъ ее одну. До самыхъ твоихъ дверей упрашивали успокоиться. Вошли, тебя нѣтъ; вотъ здѣсь она и сидѣла. Просидѣла десять минутъ, мы надъ нею стояли, молча. Встала и говоритъ: Если онъ со двора выходитъ, а, стало быть, здоровъ, и мать забылъ, значитъ, неприлично и стыдно матери у порога стоять и ласки, какъ подачки, выпрашивать. Домой воротилась и слегла: теперь въ жару: «Вижу, говоритъ, для *своей* у него есть время». Она полагаетъ, что *своя*-то это Софья Семеновна, твоя невѣста, или любовница, ужь не знаю. Я поцелъ было тотчасъ къ Софьѣ Семеновнѣ, потому, братъ, я хотѣлъ все разузнать,—прихожу, смотрю: гробъ стоитъ, дѣти плачутъ. Софья Семеновна траурныя платьица имъ примѣряетъ. Тебя нѣтъ. Посмотрѣлъ, извинился и вышелъ, такъ и Авдотьѣ Романовнѣ донесъ. Все, стало быть, это вздоръ, и нѣтъ тутъ никакой *своей*, вѣрнѣе всего, стало быть, сумасшествіе. Но вотъ ты сидишь и вареную говядину жрешь, точно три дня не ѣлъ. Оно, положимъ, и сумасшедшіе тоже ѣдятъ, но хоть ты и слова со мной не сказалъ, но ты... не сумасшедшій! Въ этомъ я поклянусь. Прежде всего не сумасшедшій. Итакъ, чортъ съ вами со всѣми, потому что тутъ какая-то тайна, какой-то секретъ; а я надъ вашими секретами ломать головы не намѣренъ. Такъ только зашелъ обругаться, заключилъ онъ, вставая,—душу отвести, а я знаю, что̀ мнѣ теперь дѣлать!

— Что̀-же ты теперь хочешь дѣлать?

— А тебѣ какое дѣло, что̀ я теперь хочу дѣлать?

— Смотри, ты запьешь!

— Почему... почему ты это узналъ?

— Ну, вотъ еще!

Разумихинъ помолчалъ съ минуту.

— Ты всегда былъ очень разсудительный человѣкъ и никогда, никогда ты не былъ сумасшедшимъ, замѣтилъ онъ вдругъ, съ жаромъ.—Это такъ: я запью! Прощай! И онъ двинулся идти.

— Я о тебѣ, третьяго дня, кажется, съ сестрой говорилъ, Разумихинъ.

— Обо мнѣ! Да... ты гдѣ-же ее могъ видѣть третьяго дня? вдругъ остановился Разумихинъ, даже побѣлѣлъ немного. Можно было угадать, что сердце его медленно и съ напряженіемъ застучало въ груди.

— Она сюда приходила, одна, здѣсь сидѣла, говорила со мной.

— Она!

— Да, она.

— Что-же ты говорилъ... я хочу сказать, обо мнѣ-то?

— Я сказалъ ей, что ты очень хорошій, честный и трудолюбивый человѣкъ. Что ты ее любишь, я ей не говорилъ, потому, она это сама знаетъ.

— Сама знаетъ?

— Ну, вотъ еще! Куда-бы я ни отправился, что-бы со мной ни случилось,—ты-бы остался у нихъ провидѣніемъ. Я, такъ сказать, передаю ихъ тебѣ, Разумихинъ. Говорю это, потому что совершенно знаю какъ ты ее любишь и убѣжденъ въ чистотѣ твоего сердца. Знаю тоже, что и она тебя можетъ любить, и даже, можетъ быть, ужь и любитъ. Теперь самъ рѣшай, какъ знаешь лучше,— надо иль не надо тебѣ запивать.

— Родька... Видишь... Ну... Ахъ, чортъ! А ты-то куда хочешь отправиться? Видишь: если все это секретъ, то ужь пусть! Но я... я узнаю секретъ... И увѣренъ, что непремѣнно какой нибудь вздоръ и страшные пустяки, и что ты одинъ все и затѣялъ. А впрочемъ, ты отличнѣйшій человѣкъ! Отличнѣйшій человѣкъ!...

— А я именно хотѣлъ тебѣ прибавить, да ты перебилъ, что ты это очень хорошо давеча разсудилъ, чтобы тайны и секреты эти не узнавать. Оставь до времени, не безпокойся. Все въ свое время узнаешь, именно тогда, когда надо будетъ. Вчера мнѣ одинъ человѣкъ сказалъ, что надо воздуху человѣку, воздуху, воздуху! Я хочу къ нему сходить сейчасъ и узнать, что онъ подъ этимъ разумѣетъ.

Разумихинъ стоялъ въ задумчивости и въ волненіи и что-то соображалъ.

«Это политическій заговорщикъ! Навѣрно! И онъ наканунѣ какого нибудь рѣшительнаго шага,—это навѣрно! Иначе быть не можетъ и... и Дуня знаетъ...» подумалъ онъ вдругъ про себя.

— Такъ къ тебѣ ходитъ Авдотья Романовна, проговорилъ онъ, скандируя слова,—а ты самъ хочешь видѣться съ человѣкомъ, который говоритъ, что воздуху надо больше, воздуху и... и, стало быть, и это письмо... это тоже что нибудь изъ того-же, заключилъ онъ какъ-бы про себя.

— Какое письмо?

— Она письмо одно получила, сегодня, ее очень встревожило. Очень. Слишкомъ ужь даже. Я заговорилъ о тебѣ—просила замолчать. Потомъ... потомъ сказала, что, можетъ, мы очень скоро разстанемся, потомъ стала меня за что-то горячо благодарить: потомъ ушла къ себѣ и заперлась.

— Она письмо получила? задумчиво переспросилъ Раскольниковъ.

— Да, письмо; а ты не зналъ? Гм.

Они оба помолчали.

— Прощай, Родіонъ. Я, братъ... было одно время... а, впрочемъ, прощай, видишь, было одно время... Ну, прощай! Мнѣ тоже пора. Пить не буду. Теперь не надо... врешь!

Онъ торопился; но уже выходя и ужь почти затворивъ за собою дверь, вдругъ отворилъ ее снова и сказалъ, глядя куда-то въ сторону:

— Кстати! Помнишь это убійство, ну, вотъ Порфирій-то: старуху-то? Ну, такъ знай, что убійца этотъ отыскался, сознался самъ и доказательства всѣ представилъ. Это одинъ изъ тѣхъ самыхъ работниковъ, красильщики-то, представь себѣ, помнишь, я ихъ тутъ еще защищалъ? Вѣришь-ли, что всю эту сцену драки и смѣху на лѣстницѣ, съ своимъ товарищемъ, когда тѣ-то взбирались, дворникъ и два свидѣтеля, онъ нарочно устроилъ именно для отводу. Какова хитрость, каково присутствіе духа въ этакомъ щенкѣ! Повѣрить трудно; да самъ разъяснилъ, самъ во всемъ признался! И какъ я-то вляпался! Что-жь, по моему, это только геній притворства и находчивости, геній юридическаго отвода. — а, стало быть, нечему особенно удивляться! Развѣ такіе не могутъ быть? А что онъ не выдержалъ характера и сознался, такъ я ему за это еще больше вѣрю. Правдоподобнѣе!.. Но какъ я-то, я-то тогда вляпался! За нихъ на стѣну лѣзъ!

— Скажи пожалуйста, откуда ты это узналъ, и почему тебя это такъ интересуетъ? съ видимымъ волненіемъ спросилъ Раскольниковъ.

— Ну, вотъ еще! Почему меня интересуетъ! Спросилъ!.. А узналъ я отъ Порфирія, въ числѣ другихъ. Впрочемъ, отъ него почти все и узналъ.

— Отъ Порфирія?

— Отъ Порфирія.

— Что-же... что-же онъ? испуганно спросилъ Раскольниковъ.

— Онъ это отлично мнѣ разъяснилъ. Психологически разъяснилъ, по своему.

— Онъ разъяснилъ? Самъ-же тебѣ и разъяснялъ?

— Самъ, самъ: прощай! Потомъ еще кой что разскажу, а теперь дѣло есть. Тамъ... было одно время, что я подумалъ... Ну, да что: потомъ!.. Зачѣмъ мнѣ теперь напиваться. Ты меня и безъ вина напоилъ. Пьянъ вѣдь я, Родька! Безъ вина пьянъ теперь, ну, да прощай; зайду; очень скоро.

Онъ вышелъ.

Это, это политическій заговорщикъ, это навѣрно, навѣрно! окончательно рѣшилъ про себя Разумихинъ, медленно спускаясь съ лѣстницы. И сестру втянулъ: это очень, очень можетъ быть съ

характеромъ Авдотьи Романовны. Свиданія у нихъ пошли... А вѣдь она тоже мнѣ намекала. По многимъ ея словамъ... и словечкамъ... и намекамъ, все это выходитъ именно такъ! Да и какъ иначе объяснить всю эту путаницу? Гм! А я было думалъ... О Господи, что̀ это я было вздумалъ. Да-съ, это было затмѣніе, и я предъ нимъ виноватъ! Это онъ тогда у лампы, въ коридорѣ, затмѣніе на меня навелъ. Тьфу! Какая скверная, грубая, подлая мысль съ моей стороны! Молодецъ Николка, что признался... Да и прежнее теперь какъ все объясняется! Эта болѣзнь его тогда, его странные всѣ такіе постуки. даже и прежде, прежде, еще въ университетѣ, какой онъ былъ всегда мрачный, угрюмый... Но что̀-же значитъ теперь это письмо? Тутъ, пожалуй, что нибудь тоже есть. Отъ кого это письмо? Я подозрѣваю... Гм. Нѣтъ, это я все разузнаю.

Онъ вспомнилъ и сообразилъ все о Дунечкѣ, и сердце его замерло. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ.

Раскольниковъ, какъ только вышелъ Разумихинъ, всталъ, повернулся къ окну, толкнулся въ уголъ, въ другой, какъ-бы забывъ о тѣснотѣ своей каморы, и... сѣлъ опять на диванъ. Онъ весь какъ-бы обновился: опять борьба—значитъ, нашелся исходъ!

Да, значитъ, нашелся исходъ! А то ужъ слишкомъ все сперлось и закупорилось, мучительно стало давить, дурманъ нападалъ какой-то. Съ самой сцены съ Миколкой у Порфирія началъ онъ задыхаться безъ выхода, въ тѣснотѣ. Послѣ Миколки, въ тотъ-же день была сцена у Сони; велъ и кончилъ онъ ее совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ-бы могъ воображать себѣ прежде... ослабѣлъ, значитъ, мгновенно и радикально! Разомъ! И вѣдь согласился-же онъ тогда съ Соней, самъ согласился, сердцемъ согласился, что такъ ему одному съ этакимъ дѣломъ на душѣ не прожить! А Свидригайловъ? Свидригайловъ загадка... Свидригайловъ безпокоитъ его, это правда, но какъ-то не съ той стороны. Съ Свидригайловымъ, можетъ быть, еще тоже предстоитъ борьба. Свидригайловъ, можетъ быть, тоже цѣлый исходъ: но Порфиріи дѣло другое.

Итакъ Порфирій самъ еще и разъяснилъ Разумихину, *психологически* ему разъяснилъ! Опять свою проклятую психологію подводить началъ! Порфирій-то? Да чтобы Порфирій повѣрилъ хоть на одну минуту, что Миколка виновенъ, послѣ того-то, что̀ между ними было тогда, послѣ той сцены, глазъ на глазъ, до Миколки, на которую нельзя найти правильнаго толкованія, кромѣ *одного?* (Раскольникову нѣсколько разъ въ эти дни мелькалась и вспоминалась ключками вся эта сцена съ Порфиріемъ: въ цѣломъ онъ-бы не могъ вынести воспоминанія). Были въ то время произнесены между ними такія слова, произошли такія движенія и жесты, обмъ-

нялись они такими взглядами, сказано было кой-что такимъ голосомъ, доходило до такихъ предѣловъ, что ужъ послѣ этого не Миколкѣ (котораго Порфиріи наизусть съ перваго слова и жеста угадалъ), не Миколкѣ было поколебать самую основу его убѣжденій.

«А каково! Даже Разумихинъ началъ было подозрѣвать! Сцена въ корридорѣ, у дамы, прошла тогда не даромъ. Вотъ онъ бросился къ Порфирію... Но съ какой-же стати этотъ-то сталъ его такъ надувать? Что у него за цѣль отводить глаза у Разумихина на Миколку? Нѣтъ, онъ непремѣнно что-то задумалъ; тутъ есть намѣренія, но какія? Правда, съ того утра прошло много времени,— слишкомъ, слишкомъ много, а о Порфиріи не было ни слуху, ни духу. Что-жь, это конечно хуже...» Раскольниковъ взялъ фуражку и, задумавшись, пошелъ изъ комнаты. Первый день, во все это время, онъ чувствовалъ себя, по крайней мѣрѣ, въ здравомъ сознаніи. «Надо кончить съ Свидригайловымъ, думалъ онъ,—и во что-бы ни стало какъ можно скорѣй: этотъ тоже, кажется, ждетъ, чтобъ я самъ къ нему пришелъ». И въ это мгновеніе такая ненависть поднялась вдругъ изъ его усталаго сердца, что, можетъ быть, онъ-бы могъ убить кого нибудь изъ этихъ двухъ: Свидригайлова или Порфирія. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ, что если не теперь, то впослѣдствіи онъ въ состояніи это сдѣлать. «Посмотримъ, посмотримъ», повторялъ онъ про себя.

Но только что онъ отворилъ дверь въ сѣни, какъ вдругъ столкнулся съ самимъ Порфиріемъ. Тотъ входилъ къ нему. Раскольниковъ остолбенѣлъ на одну минуту, но только на одну минуту. Странно, онъ не очень удивился Порфирію и почти его не испугался. Онъ только вздрогнулъ, но быстро, мгновенно приготовился. «Можетъ быть, развязка! Но какъ-же это онъ подошелъ тихонько, какъ кошка, и я ничегоне слыхалъ? Неужели подслушивалъ»?

— Не ждали гостя, Родіонъ Романычъ, вскричалъ смѣясь, Порфиріи Петровичъ.—«Давно завернуть собирался, проходку, думаю—почему не зайти минутъ на пять провѣдать. Куда-то собрались? Не задержу. Только вотъ одну папиросочку, если позволите.

— Да садитесь, Порфирій Петровичъ, садитесь. —усаживалъ гостя Раскольниковъ, съ такимъ повидимому довольнымъ и дружескимъ видомъ, что, право, самъ на себя подивился-бы, если-бы могъ на себя поглядѣть. Послѣдки, подонки выскребывались! Иногда этакъ человѣкъ вытерпитъ полчаса смертнаго страху съ разбойникомъ, а какъ приложатъ ему ножъ къ горлу окончательно, такъ тутъ даже и страхъ пройдетъ. Онъ прямо усѣлся предъ Порфиріемъ, и, не смигнувъ, смотрѣлъ на него. Порфирій принцурился и началъ закуривать папироску.

«Ну, говори-же, говори-же», какъ будто такъ и хотѣло выпрыгнуть изъ сердца Раскольникова. «Ну, что-же, что-же, что-же ты не говоришь»?

II.

Вѣдь вотъ эти папироски! заговорилъ наконецъ Порфирій Петровичъ, кончивъ закуривать и отдыхнувшись: — вредъ, чистый вредъ, а отстать не могу! Кашляю-съ першить начало, и одышка. Я, знаете, трусливъ-съ, поѣхалъ намедни къ Б—ну,—каждаго больнаго minimum по получасу осматриваетъ; такъ даже разсмѣялся, на меня глядя: и стукалъ и слушалъ,—вамъ, говоритъ, между прочимъ, табакъ не годится; легкія расширены. Ну, а какъ я его брошу? Чѣмъ замѣню? Не пью-съ, вотъ вся и бѣда, хе-хе-хе, что не пью-то бѣда! Все вѣдь относительно, Родіонъ Романычъ, все относительно!

Что̀-же это онъ, за свою прежнюю казенщину принимается, что-ли!» съ отвращеніемъ подумалось Раскольникову. Вся недавняя сцена послѣдняго ихъ свиданія внезапно ему припомнилась, и тогдашнее чувство волною прихлынуло къ его сердцу.

— А вѣдь я къ вамъ уже заходилъ третьяго дня вечеромъ: вы и не знаете? продолжалъ Порфирій Петровичъ, осматривая комнату: — въ комнату, въ эту самую входилъ. Тоже, какъ и сегодня, прохожу мимо—дай, думаю, визитикъ-то ему отдамъ. Зашелъ, а комната настежь: осмотрѣлся,—подождалъ, да и служанкѣ вашей не доложился—вышелъ. Не запираете?

Лицо Раскольникова омрачалось болѣе и болѣе. Порфирій точно угадалъ его мысли

— Объясниться пришелъ, голубчикъ Родіонъ Романычъ, объясниться-съ! Долженъ и обязанъ предъ вами объясненіемъ-съ, продолжалъ онъ съ улыбочкой и даже слегка стукнулъ ладонью по колѣнкѣ Раскольникова, но почти въ тоже мгновеніе лицо его вдругъ приняло серіозную и озабоченную мину; даже какъ будто грустью подернулось, къ удивленію Раскольникова. Онъ никогда еще не видалъ и не подозрѣвалъ у него такого лица.—Странная сцена произошла въ послѣдній разъ между нами, Родіонъ Романычъ. Оно, пожалуй, и въ первое наше свиданіе между нами происходила тоже странная сцена: но тогда... Ну, теперь ужь все одно къ одному! Вотъ что̀-съ: я, можетъ быть, и очень виноватъ передъ вами выхожу: я это чувствую-съ. Вѣдь мы какъ разста-

лись-то, помните-ли: у васъ нервы поютъ и подколѣнки дрожатъ. и у меня нервы поютъ и подколѣнки дрожатъ. И знаете, какъ-то оно даже и непорядочно между нами тогда вышло, не по джентльменски. А вѣдь мы все-таки джентльмены; то есть, во всякомъ случаѣ, прежде всего джентльмены: это надо понимать-съ. Вѣдь, помните, до чего доходило... совсѣмъ уже даже и неприлично-съ.

Чтожь это онъ, за кого меня принимаетъ? съ изумленіемъ спрашивалъ себя Раскольниковъ, приподнявъ голову и во всѣ глаза смотря на Порфирія.

— Я разсудилъ, что намъ по откровенности теперь дѣйствовать лучше, продолжалъ Порфирій Петровичъ, немного откинувъ голову и опустивъ глаза, какъ-бы не желая болѣе смущать своимъ взглядомъ свою прежнюю жертву и какъ-бы пренебрегая своими прежними пріемами и уловками; — да-съ, такія подозрѣнія и такія сцены продолжаться долго не могутъ. Разрѣшить насъ тогда Миколка, а то я и не знаю, до чего-бы между нами дошло. Этотъ проклятый мѣщанишка просидѣлъ у меня тогда за перегородкой, можете себѣ это представить? Вы, конечно, ужь это знаете: да и самому мнѣ извѣстно, что онъ къ вамъ потомъ заходилъ; но то, что вы тогда предположили, того не было: ни за кѣмъ я не посылалъ и ни въ чемъ еще я тогда не распорядился? Спросите, почему не распорядился? А какъ вамъ сказать: самого меня это все тогда какъ-бы пристукнуло. Я и за дворниками-то едва распорядился послать. (Дворниковъ-то, небось, замѣтили, проходя). Мысль тогда у меня пронеслась, такъ одна, быстро, какъ молнія: крѣпко ужь, видите-ли, убѣжденъ я былъ тогда, Родіонъ Романычъ. Дай-же, я думаю, — хоть и улику на время одно, за то другое схвачу за хвостъ,—своего-то, своего-то, по краткости, не улику. Раздражительны вы ужь очень, Родіонъ Романычъ, отъ природы-съ: даже ужь слишкомъ-съ, при всѣхъ-то другихъ основныхъ свойствахъ вашего характера и сердца, которыя, я лью себя надеждой, что отчасти постигъ-съ. Ну, ужь конечно, и я могъ, даже и тогда, разсудить, что не всегда этакъ случается, чтобы вотъ вставъ человѣкъ, да и брякнулъ вамъ всю подноготную. Это хоть и случается, въ особенности, когда человѣка изъ послѣдняго терпѣнія выведешь, но, во всякомъ случаѣ, рѣдко. Это и я могъ разсудить. Нѣтъ, думаю, мнѣ-бы хоть черточку! Хоть-бы самую махочкую черточку, только одну, но только такую, чтобъ ужь этакъ руками можно взять было, чтобъ ужь вещь была, а не то что одну эту психологію. Потому, думалъ я, если человѣкъ виновенъ, то ужь конечно можно, во всякомъ случаѣ, чего нибудь существеннаго отъ него добиться: позволительно даже и на самый неожиданный результатъ разсчиты-

вать. На характеръ вашъ я тогда разсчитывалъ, Родіонъ Романычъ, больше всего на характеръ-съ! Надѣялся ужъ очень тогда на васъ.

— Да вы... да что-же вы теперь-то все такъ говорите, пробормоталъ наконецъ Раскольниковъ, даже не осмысливъ хорошенько вопроса. «Объ чемъ онъ говоритъ, — терялся онъ про себя, — неужели-же въ самомъ дѣлѣ за невиннаго меня принимаетъ?»

— Что такъ говорю? А объясниться пришелъ-съ, такъ сказать, долгомъ святымъ почитаю. Хочу вамъ все до тла изложить, какъ все было, всю эту исторію этого тогдашняго, такъ сказать, омраченія. Много я заставилъ васъ перестрадать, Родіонъ Романычъ. Я не извергъ-съ. Вѣдь понимаю-же и я, каково это все перетащить на себѣ человѣку, удрученному, но гордому, властному и нетерпѣливому, въ особенности нетерпѣливому! Я васъ, во всякомъ случаѣ, за человѣка наблагороднѣйшаго почитаю-съ, и даже съ зачатками великодушія-съ, хоть и не согласенъ съ вами во всѣхъ убѣжденіяхъ вашихъ, о чемъ долгомъ считаю заявить напередъ, прямо и съ совершенною искренностью, ибо прежде всего не желаю обманывать. Познавъ васъ, почувствовалъ къ вамъ привязанность. Вы, можетъ быть, на такія мои слова разсмѣетесь? Право имѣете-съ. Знаю, что вы меня и съ перваго взгляда не полюбили, потому, въ сущности, и не за что полюбить-съ. Но считайте какъ хотите, а теперь желаю, съ моей стороны, всѣми средствами загладить произведенное впечатлѣніе и доказать, что и я человѣкъ съ сердцемъ и совѣстью. Искренно говорю-съ.

Порфирій Петровичъ пріостановился съ достоинствомъ. Раскольниковъ почувствовалъ приливъ какого-то новаго испуга. Мысль о томъ, что Порфирій считаетъ его за невиннаго, начала вдругъ пугать его.

— Разсказывать все по порядку, какъ это вдругъ тогда началось, врядъ-ли нужно, продолжалъ Порфирій Петровичъ; — я думаю, даже и лишнее. Да и врядъ-ли я смогу-съ. Потому, какъ это объяснить обстоятельно? Первоначально слухи пошли. О томъ, какіе это были слухи, и отъ кого и когда... и по какому поводу собственно до васъ дѣло дошло, — тоже, я думаю, лишнее. Лично-же у меня началось со случайности, съ одной совершенно случайной случайности, которая въ высшей степени могла быть и могла не быть, — какой? Гм, я думаю, тоже нечего говорить. Все это, и слухи и случайности, совпало у меня тогда въ одну мысль. Признаюсь откровенно, потому, если ужъ признаваться, такъ во всемъ, — это я первый на васъ тогда и напалъ. Эти, тамъ, положимъ, старухины отмѣтки на вещахъ и прочее, и прочее — все это вздоръ-съ. Такихъ штукъ сотню можно начесть. Имѣлъ я тоже случай тогда до подробности

разузнать о сценѣ въ конторѣ квартала, тоже случайно-съ, и не то чтобы такъ мимоходомъ, а отъ разскащика особеннаго, капитальнаго, который, и самъ того не вѣдая, удивительно эту сцену оснлилъ. Все вѣдь это одно къ одному-съ, одно къ одному-съ, Родіонъ Романычъ, голубчикъ! Ну, какъ тутъ было не повернуться въ извѣстную сторону? Изо ста кроликовъ никогда не составится лошадь, изо ста подозрѣній никогда не составится доказательства, вѣдь вотъ какъ одна англійская пословица говоритъ, да вѣдь это только благоразуміе-съ, а со страстями-то, со страстями попробуйте справиться, потому, и слѣдователь человѣкъ-съ. Вспомнилъ тутъ я и вашу статейку, въ журналецѣ-то, помните, еще въ первое-то ваше посѣщеніе въ подробности о ней-то говорили. Я тогда погумился, но это для того, чтобы васъ на дальнѣйшее вызвать. Повторяю, истерическивы и больны вы очень, Родіонъ Романычъ. Что вы смѣлы, запосчивы, серіозны и... чувствовали, много ужь чувствовали, все это я давно уже зналъ-съ. Мнѣ всѣ эти ощущенія знакомы, и статейку вашу я прочелъ какъ знакомую. Въ безсонныя ночи и въ изступленіи .она замышлялась, съ подыманіемъ и стуканьемъ сердца, съ энтузіазмомъ подавленнымъ. А онасенъ этотъ подавленный, гордый энтузіазмъ въ молодежи! Я тогда погумился, а теперь вамъ скажу, что ужасно люблю вообще, то есть какъ любитель, эту первую, юную, горячую пробу пера. ,Дымъ, туманъ, струна звенитъ въ туманѣ. Статья ваша нелѣпа и фантастична, но въ ней мелькаетъ такая искренность, въ ней гордость юная и неподкупная, въ ней смѣлость отчаянія; она мрачная статья-съ, да это хорошо-съ. Статейку вашу я прочелъ, да и отложилъ, и... какъ отложилъ ее тогда, да и подумалъ: ну, съ этимъ человѣкомъ такъ не пройдетъ! Ну, такъ какъ-же, скажите теперь, послѣ такого предыдущаго не увлечься было послѣдующимъ! Ахъ, Господи! Да развѣ я говорю что нибудь? Развѣ я что нибудь теперь утверждаю? Я тогда только замѣтилъ. Чего тутъ, думаю? Тутъ ничего, то есть ровно ничего, и, можетъ быть, въ высшей степени ничего. Да и увлекаться этакъ мнѣ, слѣдователю, совсѣмъ даже неприлично: у меня вонъ Миколка на рукахъ, и уже съ фактами,—тамъ, какъ хотите, а факты! И тоже свою психологію подводитъ; имъ надо позаняться; потому, тутъ дѣло жизни и смерти. ,Для чего я вамъ теперь все это объясняю? А чтобы вы знали и съ вашимъ умомъ и сердцемъ не обвинили меня за мое злобное тогдашнее поведеніе. Не злобное-съ, искренно говорю-съ, хе-хе! Вы что думаете: я у васъ тогда не былъ съ обыскомъ? Былъ-съ, былъ-съ, хе-хе, былъ-съ, когда вы вотъ здѣсь больной въ постелькѣ лежали. Не официально и не своимъ лицомъ, а былъ-съ. ,До послѣдняго волоска

у васъ, въ квартирѣ, было осмотрѣно, по первымъ даже слѣдамъ: но — unsonst! Думаю: теперь этотъ человѣкъ придетъ, самъ придетъ, и очень скоро; коль виноватъ, такъ ужъ непремѣнно придетъ. Другой не придетъ, а этотъ придетъ. А помните, какъ господинъ Разумихинъ началъ вамъ проговариваться? Это мы устроили съ тѣмъ чтобы васъ взволновать, потому мы нарочно и пустили слухъ, чтобъ онъ вамъ проговаривался, а господинъ Разумихинъ такой человѣкъ, что негодованія не выдержитъ. Господину Заметову прежде всего вашъ гнѣвъ и ваша открытая смѣлость въ глаза бросилась: ну, какъ это въ трактирѣ вдругъ брякнуть: «я убилъ!» Слишкомъ смѣло-съ, слишкомъ дерзко-съ, и если, думаю, онъ виновенъ, то это страшный боецъ! Такъ тогда и подумалъ-съ. Жду-съ! Жду васъ изо всѣхъ силъ, а Заметова вы тогда просто придавили и... вѣдь въ томъ-то и штука, что вся эта проклятая психологія о двухъ концахъ! Ну, такъ жду я васъ, смотрю, а васъ Богъ и даетъ,—идете! Такъ у меня и стукнуло сердце. Эхъ! Ну, зачѣмъ вамъ было тогда приходить? Смѣхъ-то, смѣхъ-то вашъ, какъ вошли тогда, помните, вѣдь вотъ точно сквозь стекло я все тогда угадалъ, а не жди я васъ такимъ особеннымъ образомъ, и въ смѣхѣ вашемъ ничего-бы не замѣтилъ. Вотъ оно что значитъ въ настроеніи-то быть. И господинъ-то Разумихинъ тогда, — ахъ! камень-то, камень-то, помните, камень-то, вотъ еще подъ которымъ вещи-то спрятаны? Ну, вотъ точно вижу его гдѣ нибудь тамъ, въ огородѣ—въ огородѣ вѣдь говорили вы, Заметову-то, а потомъ, у меня-то во второй разъ? А какъ начали мы тогда эту вашу статью перебирать, какъ стали вы излагать,—такъ вотъ каждое-то слово ваше вдвойнѣ принимаешь, точно другое подъ нимъ сидитъ! Ну, вотъ, Родіонъ Романычъ, такимъ-то вотъ образомъ я и дошелъ до послѣднихъ столбовъ, да какъ стукнулся лбомъ, и опомнился. Нѣтъ, говорю, что это я! Вѣдь если захотѣть, то все это, говорю, до послѣдней черты можно въ другую сторону объяснить, даже еще натуральнѣе выйдетъ. Мука-съ! Нѣтъ, думаю, мнѣ-бы ужъ лучше черточку!.. Да какъ услышалъ тогда про эти колокольчики, такъ весь даже такъ и замеръ, даже дрожь прохватила. Ну, думаю, вотъ она черточка и есть! Оно! Да ужъ и не разсуждалъ я тогда, просто не хотѣлъ. Тысячу-бы рублей въ ту минуту я далъ, своихъ собственныхъ, чтобы только на васъ *въ свои глаза* посмотрѣть: какъ вы тогда сто шаговъ съ мѣщанинишкой рядомъ шли, послѣ того какъ онъ вамъ «убійцу» въ глаза сказалъ, и ничего у него, цѣлыхъ сто шаговъ, спросить не посмѣли!.. Ну, а холодъ-то этотъ въ спинномъ мозгу? Колокольчики-то эти, въ болѣзни-то, въ полубредѣ-то? Итакъ, Родіонъ Романычъ, чтожъ вамъ послѣ того и

удивляться, что я съ вами тогда такія шутки шутилъ? И зачѣмъ вы сами въ ту самую минуту пришли? Вѣдь и васъ кто-то какъ будто подталкивалъ, ей Богу, а еслибы не развелъ насъ Миколка, то... а Миколку-то тогда помните? Хорошо запомнили? Вѣдь это былъ громъ-съ! Вѣдь это громъ грянулъ изъ тучи, громовая стрѣла! Ну, а какъ я его встрѣтилъ? Стрѣлъ-то вотъ ни на столечко не повѣрилъ, сами изволили видѣть! Да куда! Ужъ потомъ, послѣ васъ, когда онъ сталъ весьма и весьма складно на иные пункты отвѣчать, такъ что я самъ удивился, и потомъ ему ни на грошъ не повѣрилъ! Вотъ что̀ значитъ укрѣпился, какъ адамантъ. Нѣтъ, думаю, моргенъ фри! какой ужъ тутъ Миколка!

— Мнѣ Разумихинъ сейчасъ говорилъ, что вы и теперь обвиняете Николая и сами Разумихина въ томъ увѣряли...

Духъ у него захватило, и онъ не докончилъ. Онъ слушалъ въ невыразимомъ волненіи, какъ человѣкъ, насквозь его раскусившій, отъ самаго себя отрекался. Онъ боялся повѣрить и не вѣрилъ. Въ двусмысленныхъ еще словахъ онъ жадно искалъ и ловилъ чего нибудь болѣе точнаго и окончательнаго.

— Господинъ-то Разумихинъ! вскричалъ Порфирій Петровичъ, точно обрадовавшись вопросу все молчавшаго Раскольникова:— хе-хе-хе! Да господина Разумихина такъ и надо было прочь отвести: двоимъ любо, третій не суйся. Господинъ Разумихинъ не то-съ, да и человѣкъ посторонній, прибѣжалъ ко мнѣ весь такой блѣдный... Ну, да Богъ съ нимъ, что его сюда мѣшать! А на счетъ Миколки угодно-ли вамъ знать, что̀ это за сюжетъ, въ томъ видѣ, какъ, то есть, я его понимаю? Перво на перво это еще дитя несовершеннолѣтнее, и не то чтобы трусъ, а такъ, въ родѣ какъ-бы художника какого нибудь. Право-съ, вы не смѣйтесь, что я такъ его изъясняю. Невиненъ и ко всему воспріимчивъ. Сердце имѣетъ: фантастъ. Онъ и пѣть, онъ и плясать, онъ и сказки, говорятъ, такъ разсказываетъ, что изъ другихъ мѣсть сходятся слушать. И въ школу ходитъ, и хохотать до упаду отъ того что пальчикъ покажутъ, и пьянствовать до безчувствія, не то чтобъ отъ разврата, а такъ, полосами, когда напоятъ, но дѣтски еще. Онъ тогда вотъ и укралъ, а и самъ этого не знаетъ; потому, — коли на земъ поднялъ, что̀ за украль? А извѣстно-ли вамъ, что онъ изъ раскольниковъ, да и не то чтобъ изъ раскольниковъ, а просто сектантъ; у него въ родѣ бѣгуны бывали, и самъ онъ еще недавно, нѣсколько два года, въ деревнѣ, у нѣкоего старца подъ духовнымъ началомъ былъ. Все это я отъ Миколки и отъ заграничныхъ его узналъ. Да куды! просто въ пустыню бѣжать хотѣлъ! Рвеніе имѣлъ, по ночамъ Богу молился, книги старыя, истинныя — читалъ и зачитывался. Потер-

бургъ на него сильно подѣйствовалъ, особенно женскій полъ, ну, и вино. Воспріимчивъ-съ, и старца, и все забылъ. Извѣстно мнѣ, его художникъ одинъ здѣсь полюбилъ, къ нему ходить сталъ, да вотъ этотъ случай и подошелъ! Ну, оробѣлъ—вѣшаться! Бѣжать! Что-жь дѣлать съ понятіемъ, которое прошло въ народѣ о нашей юриспрудѣнціи! Иному вѣдь страшно слово «засудятъ». Кто виноватъ! Вотъ что-то новые суды скажутъ. Охъ, далъ-бы Богъ! Ну-съ; въ острогѣ-то и вспомнился видно теперь честной старецъ; Библія тоже явилась опять. Знаете-ли, Родіонъ Романычъ, что значитъ у иныхъ изъ нихъ «пострадать?» Это не то чтобы за кого нибудь, а такъ просто «пострадать надо»; страданіе, значитъ, принять, а отъ властей, такъ тѣмъ паче. Сидѣлъ въ мое время одинъ смиреннѣйшій арестантъ цѣлый годъ въ острогѣ, на печи по ночамъ все Библію читалъ, ну, и зачитался, да зачитался, знаете, совсѣмъ, да такъ, что ни съ того, ни съ сего, сгребъ кирпичъ и кинулъ въ начальника, безо всякой обиды съ его стороны. Да и какъ кинулъ-то: нарочно на аршинъ мимо взялъ, чтобы какого вреда не произвести! Ну, извѣстно, какой конецъ арестанту, который съ оружіемъ кидается на начальство: и принялъ, значитъ, страданіе. Такъ вотъ, я и подозрѣваю теперь, что Миколка хочетъ «страданіе принять», или въ родѣ того. Это я навѣрно, даже по фактамъ, знаю-съ. Онъ только самъ не знаетъ, что я знаю. Что, не допускаете что-ли, чтобъ изъ такого народа выходили люди фантастическіе? Да сплошь. Старецъ теперь опять началъ дѣйствовать, особенно послѣ нетли-то приномнился. А впрочемъ, самъ мнѣ все разскажетъ, придетъ. Вы думаете, выдержитъ? Подождите, еще отопрется! Съ часу на часъ жду, что придетъ отъ показанія отказываться. Я этого Миколку полюбилъ и его досконально изслѣдую. И какъ-бы вы думали! Хе! хе! на иные-то пункты весьма складно мнѣ отвѣчалъ, очевидно, нужныя свѣдѣнія получилъ, ловко приготовился: ну, а по другимъ пунктамъ просто какъ въ лужу, ничевошечко не знаетъ, не вѣдаетъ, да и самъ не подозрѣваетъ, что не вѣдаетъ! Нѣтъ, батюшка Родіонъ Романычъ, тутъ не Миколка! Тутъ дѣло фантастическое, мрачное, дѣло современное, нашего времени случай-съ, когда помутилось сердце человѣческое: когда цитуется фраза, что кровь «освѣжаетъ»; когда вся жизнь проповѣдуется въ комфортѣ. Тутъ—книжныя мечты-съ, тутъ теоретически раздраженное сердце; тутъ видна рѣшимость на первый шагъ, но рѣшимость особаго рода,—рѣшился, да какъ съ горы упалъ, или съ колокольни слетѣлъ, да и на преступленіе-то словно не своими ногами пришелъ. Дверь за собой забылъ притворить, а убилъ, двухъ убилъ, по теоріи. Убилъ, да и денегъ взять не съумѣлъ, а что успѣлъ захватить, то подъ

камень снесъ. Мало было ему, что муку вынесъ, когда за дверью сидѣлъ, а въ дверь ломились, и колокольчикъ звонилъ,—нѣтъ, онъ потомъ ужь на пустую квартиру, въ полубредѣ, припомнитъ этотъ колокольчикъ идетъ, холоду спиннаго опять испытать потребовалось... Ну, да это, положимъ, въ болѣзни, а то вотъ еще: убилъ, да за честнаго человѣка себя почитаетъ, людей презираетъ, блѣднымъ ангеломъ ходитъ,—нѣтъ, ужь какой тутъ Миколка, голубчикъ Родіонъ Романычъ, тутъ не Миколка!

Эти послѣднія слова, послѣ всего прежде сказаннаго и такъ похожаго на отреченіе, были слишкомъ ужь неожиданны. Раскольниковъ весь задрожалъ, какъ будто пронзенный.

— Такъ... кто-же... убилъ?.. спросилъ онъ, не выдержавъ, задыхающимся голосомъ. Порфирій Петровичъ даже отпатнулся на спинку стула, точно ужь такъ неожиданно и онъ былъ изумленъ вопросомъ.

— Какъ кто убилъ?.. переговорилъ онъ, точно не вѣря ушамъ своимъ:—да *вы* убили, Родіонъ Романычъ! Вы и убили-съ... прибавилъ онъ почти шепотомъ, совершенно убѣжденнымъ голосомъ.

Раскольниковъ вскочилъ съ дивана, постоялъ было нѣсколько секундъ и сѣлъ опять, не говоря ни слова. Мелкія конвульсіи вдругъ прошли по всему его лицу.

— Губка-то опять, какъ и тогда, вздрагиваетъ, пробормоталъ какъ-бы даже съ участіемъ Порфирій Петровичъ. — Вы меня, Родіонъ Романычъ, кажется, не такъ поняли-съ, прибавилъ онъ нѣсколько помолчавъ, — оттого такъ и изумились. Я именно пришелъ съ тѣмъ, чтобъ уже все сказать, и дѣло повести на открытую.

— Это не я убилъ, прошепталъ было Раскольниковъ, точно испуганныя маленькія дѣти, когда ихъ захватываютъ на мѣстѣ преступленія.

— Нѣтъ, это вы-съ, Родіонъ Романычъ, вы-съ, и некому больше-съ, строго и убѣжденно прошепталъ Порфирій.

Они оба замолчали, и молчаніе длилось даже до странности долго, минутъ съ десять. Раскольниковъ облокотился на столъ и молча ерошилъ пальцами свои волосы. Порфирій Петровичъ сидѣлъ смирно и ждалъ. Вдругъ Раскольниковъ презрительно посмотрѣлъ на Порфирія.

— Опять вы за старое, Порфирій Петровичъ! Все за тѣ-же ваши пріемы: какъ это вамъ не надоѣстъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Э, полноте, что мнѣ теперь пріемы! Другое-бы дѣло, если-бы тутъ находились свидѣтели: а то вѣдь мы одинъ на одинъ шепчемъ. Сами видите, я не съ тѣмъ къ вамъ пришелъ, чтобы гнать

и ловить васъ, какъ зайца. Признаетесь, аль нѣтъ,—въ эту минуту мнѣ все равно. Про себя-то я и безъ васъ убѣжденъ.

— А коли такъ, зачѣмъ вы пришли? раздражительно спросилъ Раскольниковъ. — Я вамъ прежній вопросъ задаю: если вы меня виновнымъ считаете, зачѣмъ не берете вы меня въ острогъ?

— Ну, вотъ это вопросъ! По пунктамъ вамъ и отвѣчу: во первыхъ, взять васъ такъ прямо подъ арестъ мнѣ не выгодно.

— Какъ не выгодно! Коли вы убѣждены, такъ вы должны...

— Эхъ, чтожъ что̀ я убѣжденъ? Вѣдь все это покамѣстъ мои мечты-съ. Да и что̀ я васъ *на покой-то* туда посажу? Сами знаете, коли сами проситесь. Приведу я, напримѣръ, уличать васъ мѣщанинишку, а вы ему скажете: Ты пьянъ аль нѣтъ? Кто меня съ тобой видѣлъ? Я тебя просто за пьянаго и принималъ, да ты и былъ пьянъ,» — ну, что̀ я вамъ тогда на это скажу, тѣмъ паче, что ваше-то еще правдоподобнѣе чѣмъ его, потому что въ его показаніи одна психологія, — что̀ его рыло даже и неприлично, — а вы-то въ самую точку попадаете, потому что нѣтъ мерзавецъ горькую и слишкомъ даже извѣстенъ. Да и самъ я вамъ откровенно признавался, уже нѣсколько разъ, что психологія эта о двухъ концахъ и что второй-то конецъ больше будетъ, да и гораздо правдоподобнѣе, а что кромѣ этого противъ васъ у меня пока и нѣтъ ничего. И хоть я васъ все-таки посажу и даже самъ вотъ я принесъ (совсѣмъ не по людски) вамъ обо всемъ впередъ объявить, а все таки прямо вамъ говорю (тоже не по людски), что мнѣ это будетъ невыгодно. Ну-съ, во вторыхъ, я потому къ вамъ пришелъ...

— Ну, да, во вторыхъ? (Раскольниковъ все еще задыхался).

— Потому что, какъ я ужъ и объявилъ давеча, считаю себя обязаннымъ вамъ объясненіемъ. Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тѣмъ паче, что искренно къ вамъ расположенъ, вѣрьте, не вѣрьте. Вслѣдствіе чего, въ третьихъ, и пришелъ къ вамъ съ открытымъ и прямымъ предложеніемъ — учинить явку съ повинною. Это вамъ будетъ безчисленно выгоднѣе, да и мнѣ тоже выгоднѣе,— потому съ плеч долой. Ну, что̀, откровенно или нѣтъ съ моей стороны?

Раскольниковъ подумалъ съ минуту.

— Послушайте, Порфирій Петровичъ, вы вѣдь сами говорите: одна психологія, а между тѣмъ въѣхали въ математику. Ну что̀, если и сами вы теперь ошибаетесь?

— Нѣтъ, Родіонъ Романычъ, не ошибаюсь. Черточку такую имѣю. Черточку-то эту я и тогда вѣдь нашелъ-съ; послалъ Господь!

— Какую черточку?

— Не скажу какую, Родіонъ Романычъ. Да и во всякомъ случаѣ теперь и права не имѣю больше отсрочивать; посажу-съ. Такъ вы разсудите: мнѣ *теперь* ужъ все равно, а слѣдственно, я единственно только для васъ. Ей Богу, лучше будетъ, Родіонъ Романычъ!

Раскольниковъ злобно усмѣхнулся.

— Вѣдь это не только смѣшно, это даже ужъ безстыдно. Ну, будь я даже виновенъ (чего я вовсе не говорю), ну, съ какой стати мнѣ къ вамъ являться съ повинною, когда сами вы ужъ говорите, что я сяду къ вамъ туда *на покой*?

— Эхъ, Родіонъ Романычъ, не совсѣмъ словамъ вѣрьте: можетъ, и не совсѣмъ будетъ *на покой*! Вѣдь это только теорія, да еще моя-съ, а я вамъ что̀ за авторитетъ? Я, можетъ быть, и самъ отъ васъ кой что даже и теперь скрываю-съ. Не все-же мнѣ вамъ такъ взять да и выложить, хе-хе! Второе дѣло: какъ какая выгода? Да извѣстно-ли вамъ, какая вамъ за это воспослѣдуетъ сбавка? Вѣдь вы когда явитесь-то, въ какую минуту? Вы это только разсудите! Когда другой уже на себя преступленіе принялъ и все дѣло спуталъ? А я вамъ, вотъ самимъ Богомъ клянусь, такъ «тамъ» поддѣлаю и устрою, что ваша явка выйдетъ какъ будто совсѣмъ неожиданная. Всю эту психологію мы совсѣмъ уничтожимъ, всѣ подозрѣнія на васъ въ ничто обращу, такъ что ваше преступленіе въ родѣ помраченія какого-то представится, потому, по совѣсти, оно помраченіе и есть. Я честный человѣкъ, Родіонъ Романычъ, и свое слово сдержу.

Раскольниковъ грустно замолчалъ и поникъ головой; онъ долго думалъ и наконецъ опять усмѣхнулся, но улыбка его была уже кроткая и грустная:

— Эхъ, не надо! проговорилъ онъ, какъ-бы уже совсѣмъ не скрываясь съ Порфиріемъ.—Не стоитъ! Не надо мнѣ совсѣмъ вашей сбавки!

— Ну, вотъ этого-то я и боялся! горячо и какъ-бы невольно воскликнулъ Порфирій:—вотъ этого-то я и боялся, что не надо вамъ нашей сбавки.

Раскольниковъ грустно и внушительно поглядѣлъ на него.

— Эй, жизнью не брезгайте! продолжалъ Порфирій:—много ея впереди еще будетъ. Какъ не надо сбавки, какъ не надо! Нетерпѣливый вы человѣкъ!

— Чего впереди много будетъ?

— Жизни! Вы что̀ за пророкъ, много-ль вы знаете? Ищите и обрящете. Васъ, можетъ, Богъ на этомъ и ждалъ. Да и не на вѣкъ она, цѣпь-то...

— Сбавка будетъ... засмѣялся Раскольниковъ.

— А что, стыда буржуазнаго что-ли испугались? Это можетъ быть, что и испугались, да сами того не знаете,—потому молодо! А все-таки не вамъ-бы бояться, али тамъ стыдиться явки съ повинною.

— Э-эхъ, наплевать! презрительно и съ отвращеніемъ прошепталъ Раскольниковъ, какъ-бы и говорить не желая. Онъ было опять привсталъ, точно хотѣлъ куда нибудь выйти, но опять сѣлъ въ видимомъ отчаяніи.

— То-то наплевать! Извѣрились, да и думаете, что я вамъ грубо льщу: да много-ль вы еще и жили-то? Много-ль понимаете-то? Теорію выдумалъ, да и стыдно стало, что сорвалось, что ужь очень не оригинально вышло! Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлецъ. Совсѣмъ не такой подлецъ! По крайней мѣрѣ, долго себя не морочилъ, разомъ до послѣднихъ столбовъ дошелъ. Я вѣдь васъ за кого почитаю? Я васъ почитаю за одного изъ такихъ, которымъ хоть кишки вырѣзай, а онъ будетъ стоять, да съ улыбкой смотрѣть на мучителей,— если только вѣру иль Бога найдетъ. Ну, и найдите, и будете жить. Вамъ, во первыхъ, давно уже воздухъ перемѣнить надо. Чтожь, страданье тоже дѣло хорошее. Пострадайте. Миколка-то, можетъ, и правъ, что страданья хочетъ. Знаю, что не вѣруется,—а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не разсуждая; не безпокойтесь,— прямо на берегъ вынесетъ и на ноги поставитъ. На какой берегъ? А я почемъ знаю? Я только вѣрую, что вамъ еще много жить. Знаю, что вы слова мои какъ рацею теперь принимаете заученную; да, можетъ, послѣ вспомните, пригодится когда нибудь; для того и говорю. Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорію, такъ, пожалуй, еще и въ сто милліоновъ разъ безобразнѣе дѣло-бы сдѣлали! Еще Бога, можетъ, надо благодарить; почемъ вы знаете: можетъ, васъ Богъ для чего и бережетъ. А вы великое сердце имѣйте, да поменьше бойтесь. Великаго предстоящаго исполненія-то струсили? Нѣтъ, тутъ ужь стыдно трусить. Коли сдѣлали такой шагъ, такъ ужь крѣнитесь. Тутъ ужь справедливость. Вотъ исполните-ка что требуетъ справедливость. Знаю, что не вѣруете, а ей Богу жизнь вынесетъ. Самому послѣ слюбится. Вамъ теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!

Раскольниковъ даже вздрогнулъ.

— Да вы-то кто такой, вскричалъ онъ,—вы-то что за пророкъ? Съ высоты какого это спокойствія величаваго вы мнѣ премудрствующія пророчества изрекаете?

— Кто я? Я покончившій человѣкъ, больше ничего. Человѣкъ,

пожалуй, чувствующій и сочувствующій, пожалуй, кой что и знающій, но ужь совершенно покончившій. А вы — другая статья: вамъ Богъ жизнь приготовилъ (а кто знаетъ, можетъ, и у васъ такъ только дымомъ пройдетъ, ничего не будетъ). Ну, чтожь, что вы въ другой разрядъ людей перейдете? Не комфорта-же жалѣть, вамъ-то, съ вашимъ-то сердцемъ? Чтожь, что васъ, можетъ быть, слишкомъ долго никто не увидитъ? Не во времени дѣло, а въ васъ самомъ. Станьте солнцемъ, васъ всѣ и увидятъ. Солнцу прежде всего надо быть солнцемъ. Вы чего опять улыбаетесь: что я такой Шиллеръ? И бьюсь объ закладъ, предполагаете, что я къ вамъ теперь подольщаюсь! А чтожь, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ подольщаюсь, хе-хе-хе! Вы мнѣ, Родіонъ Романычъ, на слово-то, пожалуй, и не вѣрьте, пожалуй, даже и никогда не вѣрьте вполнѣ,— это ужь такой мой норовъ, согласенъ; только вотъ что прибавлю: на сколько я низкій человѣкъ и на сколько я честный, сами, кажется, можете разсудить!

— Вы когда меня думаете арестовать?

— Да денька полтора али два могу еще дать вамъ погулять. Подумайте-ка, голубчикъ, помолитесь-ка Богу. Да и выгоднѣе, ей Богу, выгоднѣе.

— А ну, какъ я убѣгу? какъ-то странно усмѣхаясь, спросилъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ, не убѣжите. Мужикъ убѣжитъ, модный сектантъ убѣжитъ,—лакей чужой мысли,—потому, ему только кончикъ пальчика показать, какъ мичману дырку, такъ онъ на всю жизнь во что хотите повѣритъ. А вы, вѣдь, вашей теоріи ужь больше не вѣрите,—съ чѣмъ-же вы убѣжите? Да и чего вамъ въ бѣгахъ? Въ бѣгахъ гадко и трудно, а вамъ прежде всего надо жизни и положенія опредѣленнаго, воздуху соотвѣтственнаго, ну, а вашъ-ли тамъ воздухъ? Убѣжите и сами воротитесь. *Безъ насъ вамъ нельзя обойтись.* А засядь я васъ въ тюремный-то замокъ, ну, мѣсяцъ, ну, два, ну, три посидите, а тамъ, вдругъ и помяните мое слово, сами и явитесь, да еще какъ, пожалуй, себѣ самому неожиданно. Сами еще за часъ знать не будете, что придете съ повинною. Я даже вотъ увѣренъ, что вы страданье надумаетесь принять: мнѣ-то на слово теперь не вѣрите, а сами на томъ остановитесь. Потому, страданье, Родіонъ Романычъ, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстѣлъ, нужды нѣтъ. За то знаю: не смѣетесь надъ этимъ, въ страданіи есть идея. Миколка-то правъ. Нѣтъ, не убѣжите, Родіонъ Романычъ.

Раскольниковъ всталъ съ мѣста и взялъ фуражку. Порфирій Петровичъ тоже всталъ.

— Прогуляться собрались? Вечерокъ-то будетъ хорошъ, только грозы-бы вотъ не было. А, впрочемъ, и лучше, кабы освѣжило...

Онъ тоже взялся за фуражку.

— Вы, Порфирій Петровичъ, пожалуйста, не заберите себѣ въ голову, съ суровою настойчивостью произнесъ Раскольниковъ,— что я вамъ сегодня сознался. Вы человѣкъ странный, и слушалъ я васъ изъ одного любопытства. А я вамъ ни въ чемъ не сознался... Запомните это.

— Ну, да ужъ знаю, запомню,—ишь ввѣдь, даже дрожитъ. Не безпокойтесь, голубчикъ: ваша воля да будетъ. Погуляйте немножко: только слишкомъ-то ужъ много нельзя гулять. На всякій случай есть у меня и еще къ вамъ просьбица, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—щекотливенькая она, а важная: если, то есть на всякій случай (чему я, впрочемъ, не вѣрую и считаю васъ вполнѣ неспособнымъ), еслибы на случай,—ну такъ, на всякій случай,— пришла-бы вамъ охота въ эти сорокъ-пятьдесятъ часовъ, какъ нибудь дѣло покончить иначе, фантастическимъ какимъ образомъ,— ручки этакъ на себя поднять (предположеніе пелѣпое, ну, да ужъ вы мнѣ его простите), то—оставьте краткую, но обстоятельную записочку. Такъ, двѣ строчки, двѣ только строчечки, и объ камнѣ упомяните: благородиѣе будетъ-съ. Ну-съ, до свиданія... Добрыхъ мыслей, благихъ начинаній!

Порфирій вышелъ какъ-то согнувшись, и какъ-бы избѣгая глядѣть на Раскольникова. Раскольниковъ подошелъ къ окну и съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ выжидалъ время, когда, по разсчету, тотъ выйдетъ на улицу и отойдетъ подальше. Затѣмъ поспѣшно вышелъ и самъ изъ комнаты.

III.

нъ спѣшилъ къ Свидригайлову. Чего онъ могъ надѣяться отъ этого человѣка—онъ и самъ не зналъ. Но въ этомъ человѣкѣ таилась какая-то власть надъ нимъ. Сознавъ это разъ, онъ уже не могъ успокоиться, а теперь къ тому-же и пришло время.

Дорогой, одинъ вопросъ особенно мучилъ его: былъли Свидригайловъ у Порфирія?

Сколько онъ могъ судить и въ чемъ-бы онъ присягнулъ, нѣтъ, не былъ! Онъ подумалъ еще и еще, припомнилъ все поведеніе Порфирія, сообразилъ: нѣтъ, не былъ, конечно, не былъ!

Но если не былъ еще, то пойдетъ или не пойдетъ онъ къ Порфирію?

Теперь покамѣсть ему казалось, что не пойдетъ. Почему? Онъ не могъ-бы объяснить и этого, но еслибъ и могъ объяснить, то теперь онъ-бы не сталъ надъ этимъ особенно ломать голову. Все это его мучило, и въ тоже время ему было какъ-то не до того. Странное дѣло, никто-бы, можетъ быть, не повѣрилъ этому, но о своей теперешней, немедленной судьбѣ онъ какъ-то слабо, разсѣянно заботился. Его мучило что-то другое, гораздо болѣе важное, чрезвычайное,—о немъ-же самомъ и не о комъ другомъ, но что-то другое, что-то главное. Къ тому-же, онъ чувствовалъ безпредѣльную нравственную усталость, хотя разсудокъ его въ это утро работалъ лучше чѣмъ во всѣ эти послѣдніе дни.

Да и стоило-ль теперь, послѣ всего что было, стараться побѣждать всѣ эти новыя мизерныя затрудненія? Стоило-ль, напримѣръ, стараться интриговать, чтобы Свидригайловъ не ходилъ къ Порфирію; изучать, разузнавать, терять время на какого нибудь Свидригайлова!

О, какъ ему все это надоѣло!

А между тѣмъ онъ все-таки снѣшилъ къ Свидригайлову: ужь не ожидалъ-ли онъ чего нибудь отъ него *новаго*, указанія, выхода? И за соломенку вѣдь хватаются! Не судьба-ль, не инстинктъ-ли какой сводитъ ихъ вмѣстѣ? Можетъ быть, это была только усталость, отчаяніе; можетъ быть, надо было не Свидригайлова, а кого-то другаго, а Свидригайловъ только такъ тутъ подвернулся. Соня? Да и зачѣмъ-бы онъ пошелъ теперь къ Сонѣ? Опять просить у ней ея слезъ? Да и страшна была ему Соня. Соня представляла собою неумолимый приговоръ, рѣшеніе безъ перемѣны. Тутъ—или ея дорога или его. Особенно въ эту минуту онъ не въ состояніи былъ ее видѣть. Нѣтъ, не лучше-ли испытать Свидригайлова: что это такое? И онъ не могъ не сознаться внутри, что и дѣйствительно тотъ на что-то ему давно уже какъ-бы нуженъ.

Ну, однакожь, что можетъ быть между ними общаго? Даже и злодѣйство не могло-бы быть у нихъ одинаково. Этотъ человѣкъ очень къ тому-же былъ непріятенъ, очевидно, чрезвычайно развратенъ, непремѣнно хитеръ и обманчивъ, можетъ быть, очень золъ. Про него ходятъ такіе разсказы. Правда, онъ хлопоталъ за дѣтей Катерины Ивановны: но кто знаетъ для чего, и что это означаетъ? У этого человѣка вѣчно какія-то намѣренія и проэкты.

Мелькала постоянно во всѣ эти дни у Раскольникова еще одна мысль и страшно его безпокоила. Хотя онъ даже старался прогонять ее отъ себя, такъ она была тяжела для него! Онъ думалъ иногда: Свидригайловъ все вертѣлся около него, да и теперь вертится: Свидригайловъ узналъ его тайну: Свидригайловъ имѣлъ за-

мысли противъ Дуни. А если и теперь имѣетъ? Почти навѣрное можно сказать, что *да*. А если теперь, узнавъ его тайну и такимъ образомъ получивъ надъ нимъ власть, онъ захочетъ употребить ее какъ оружіе противъ Дуни?

Мысль эта иногда, даже во снѣ, мучила его, но въ первый еще разъ она явилась ему такъ сознательно ярко, какъ теперь, когда онъ шелъ къ Свидригайлову. Одна уже мысль эта приводила его въ мрачную ярость. Во первыхъ, тогда уже все измѣнится, даже въ его собственномъ положеніи: слѣдуетъ тотчасъ-же открыть тайну Дунечкѣ. Слѣдуетъ, можетъ быть, предать самого себя, чтобъ отвлечь Дунечку отъ какого нибудь неосторожнаго шага. Письмо? Нынче утромъ Дуня получила какое-то письмо! Отъ кого въ Петербургѣ могла-бы она получать письма? (Лужинъ развѣ?) Правда, тамъ стережетъ Разумихинъ; но Разумихинъ ничего не знаетъ. Можетъ быть, слѣдуетъ открыться и Разумихину? Раскольниковъ съ омерзеніемъ подумалъ объ этомъ.

Во всякомъ случаѣ, Свидригайлова надо увидать какъ можно скорѣе, рѣшилъ онъ про себя окончательно. Слава Богу, тутъ не такъ нужны подробности, сколько сущность дѣла: но если, если только способенъ онъ, если Свидригайловъ что нибудь интригуетъ противъ Дуни,—то...

Раскольниковъ до того усталъ за все это время, за весь этотъ мѣсяцъ, что уже не могъ разрѣшать теперь подобныхъ вопросовъ иначе какъ только однимъ рѣшеніемъ: «тогда я убью его», подумалъ онъ въ холодномъ отчаяніи. Тяжелое чувство давило его сердце; онъ остановился по срединѣ улицы и сталъ осматриваться: по какой дорогѣ онъ идетъ и куда онъ зашелъ? Онъ находился на — скомъ проспектѣ, шагахъ въ тридцати или въ сорока отъ Сѣнной, которую прошелъ. Весь второй этажъ дома налѣво былъ занятъ трактиромъ. Всѣ окна были отворены настежь: трактиръ, судя по двигавшимся фигурамъ въ окнахъ, былъ набитъ биткомъ. Въ залѣ разливались пѣсенники, звенѣли кларнетъ, скрипка и гремѣлъ турецкій барабанъ. Слышны были женскіе взвизги. Онъ было хотѣлъ пойти назадъ, недоумѣвая, зачѣмъ онъ повернулъ на — скій проспектъ, какъ вдругъ, въ одномъ изъ крайнихъ отворенныхъ оконъ трактира, увидѣлъ сидѣвшаго у самаго окна, за чайнымъ столомъ, съ трубкою въ зубахъ, Свидригайлова. Это страшно, до ужаса поразило его. Свидригайловъ наблюдалъ и разсматривалъ его, молча, и, что тоже тотчасъ-же поразило Раскольникова, кажется, хотѣлъ было вставать, чтобы потихоньку успѣть уйти, пока его не замѣтилъ. Раскольниковъ тотчасъ сдѣлалъ видъ, что какъ будто и самъ не замѣтилъ его и смотритъ, задумавшись, въ

сторону, а самъ продолжалъ его наблюдать краемъ глаза. Сердце его тревожно билось. Такъ и есть: Свидригайловъ, очевидно, не хочетъ чтобъ его видѣли. Онъ отвелъ отъ губъ трубку и уже хотѣлъ спрятаться; но подвинувшись и отодвинувъ стулъ, вѣроятно, вдругъ замѣтилъ, что Раскольниковъ его видитъ и наблюдаетъ. Между ними произошло нѣчто похожее на сцену ихъ перваго свиданія у Раскольникова, во время сна. Плутовская улыбка показалась на лицѣ Свидригайлова и все болѣе расширялась. И тотъ и другой знали, что оба видятъ и наблюдаютъ другъ друга. Наконецъ Свидригайловъ громко расхохотался.

— Ну, ну! Входите уже, коли хотите; я здѣсь! крикнулъ онъ изъ окна.

Раскольниковъ поднялся въ трактиръ.

Онъ нашелъ его въ очень маленькой, задней комнатѣ, въ одно окно, примыкавшей къ большой залѣ, гдѣ на двадцати маленькихъ столикахъ, при крикахъ отчаяннаго хора пѣвчихъ, пили чай купцы, чиновники и множество всякаго люда. Откуда-то долеталъ стукъ шаровъ на биліардѣ. На столикѣ предъ Свидригайловымъ стояла початая бутылка шампанскаго и стаканъ, до половины полный вина. Въ комнатѣ находились еще мальчикъ-шарманщикъ, съ маленькимъ ручнымъ органчикомъ, и здоровая, краснощекая дѣвушка, въ подтыканной, полосатой юбкѣ и въ тирольской шляпѣ съ лентами, пѣвица, лѣтъ восемнадцати, которая, не смотря на хоровую пѣсню въ другой комнатѣ, пѣла подъ аккомпаниментъ органщика, довольно сильнымъ контральтомъ, какую-то лакейскую пѣсню...

— Ну, и довольно! прервалъ ее Свидригайловъ, при входѣ Раскольникова.

Дѣвушка тотчасъ-же оборвала и остановилась въ почтительномъ ожиданіи. Пѣла она свою рюмованную лакейщину тоже съ какимъ-то серіознымъ и почтительнымъ оттѣнкомъ въ лицѣ.

— Эй, Филиппъ, стаканъ! крикнулъ Свидригайловъ.

— Я не стану пить вина, сказалъ Раскольниковъ.

— Какъ хотите, я не для васъ. Пей, Катя! Сегодня ничего больше не понадобится, ступай! Онъ налилъ ей цѣлый стаканъ вина и выложилъ желтенькій билетикъ. Катя выпила стаканъ разомъ, какъ пьютъ вино женщины, то есть не отрываясь, въ двадцать глотковъ, взяла билетикъ, поцаловала у Свидригайлова руку, которую тотъ весьма серіозно допустилъ поцаловать, и вышла изъ комнаты, а за нею потащился и мальчишка съ органомъ. Оба они были приведены съ улицы. Свидригайловъ и недѣли не жилъ въ Петербургѣ, а уже все около него было на какой-то патріархаль-

ной ногѣ. Трактирный лакей, Филиппъ, тоже былъ уже «знакомый» и подобострастничалъ. Дверь въ залу запиралась: Свидригайловъ въ этой комнатѣ былъ какъ у себя, и проводилъ въ ней, можетъ быть, цѣлые дни. Трактиръ былъ грязный, дрянной и даже не средней руки.

— Я къ вамъ шелъ и васъ отыскивалъ, началъ Раскольниковъ;—но почему теперь я вдругъ поворотилъ на -скій проспектъ съ Сѣнной? Я никогда сюда не поворачиваю и не захожу. Я поворачиваю съ Сѣнной направо. Да и дорога къ вамъ не сюда. Только поворотилъ, вотъ и вы! Это странно!

— Зачѣмъ-же вы прямо не скажете: это чудо!

— Потому что это, можетъ быть, только случай.

— Вѣдь какая складка у всего этого народа! захохоталъ Свидригайловъ:—не сознается, хоть-бы даже внутри и вѣрилъ чуду! Вѣдь ужь сами говорите, что можетъ быть только случай. И какіе здѣсь все трусишки на счетъ своего собственнаго мнѣнія, вы представить себѣ не можете, Родіонъ Романычъ! Я не про васъ. Вы имѣете собственное мнѣніе и не струсили имѣть его. Тѣмъ-то вы и завлекли мое любопытство.

— Больше ничѣмъ?

— Да и этого вѣдь довольно.

Свидригайловъ былъ, очевидно, въ возбужденномъ состояніи, но всего только на капельку: вина выпилъ онъ всего только полстакана.

— Мнѣ кажется, вы пришли ко мнѣ раньше чѣмъ узнали о томъ, что я способенъ имѣть то, что вы называете собственнымъ мнѣніемъ, замѣтилъ Раскольниковъ.

— Ну, тогда было дѣло другое. У всякаго свои пути. А на счетъ чуда скажу вамъ, что вы, кажется, эти послѣдніе два-три дня проспали. Я вамъ самъ назначилъ этотъ трактиръ и никакого тутъ чуда не было, что вы прямо пришли: самъ растолковалъ всю дорогу, разсказалъ мѣсто гдѣ онъ стоитъ и часы, въ которые можно меня здѣсь застать. Помните?

— Забылъ, отвѣчалъ съ удивленіемъ Раскольниковъ.

— Вѣрю. Два раза я вамъ говорилъ. Адресъ отчеканился у васъ въ памяти механически. Вы и повернули сюда механически, а между тѣмъ строго по адресу, сами того не зная. Я и говорятто вамъ тогда не надѣялся, что вы меня поняли. Очень ужь вы себя выдаете, Родіонъ Романычъ. Да вотъ еще: я убѣжденъ, что въ Петербургѣ много народу, ходя, говорятъ сами съ собой. Это городъ полусумасшедшихъ. Если-бъ у насъ были науки, то медики, юристы и философы могли-бы сдѣлать надъ Петербургомъ драгоцѣн-

нѣкія изслѣдованія, каждый по своей спеціальности. Рѣдко гдѣ найдется столько мрачныхъ, рѣзкихъ и странныхъ вліяній на душу человѣка, какъ въ Петербургѣ. Чего стоятъ одни климатическія вліянія! Между тѣмъ это административный центръ всей Россіи, и характеръ его долженъ отражаться на всемъ. Но не въ томъ теперь дѣло, а въ томъ, что я уже нѣсколько разъ смотрѣлъ на васъ сбоку. Вы выходите изъ дому—еще держите голову прямо. Съ двадцати шаговъ вы уже ее опускаете, руки складываете назадъ. Вы смотрите, и, очевидно, ни предъ собою, ни по бокамъ уже ничего не видите. Наконецъ начинаете шевелить губами и разговаривать сами съ собой, причемъ иногда высвобождаете руку и декламируете, наконецъ останавливаетесь среди дороги и на долго. Это очень не хорошо-съ. Можетъ быть, васъ кое кто и замѣчаетъ, кромѣ меня, а ужъ это невыгодно. Мнѣ въ сущности все равно, и я васъ не выдамъ, но вы, конечно, меня понимаете.

— А вы знаете, что за мною слѣдятъ? спросилъ Раскольниковъ, пытливо на него вглядывая.

— Нѣтъ, ничего не знаю, какъ-бы съ удивленіемъ спросилъ Свидригайловъ.

— Ну, такъ и оставимъ меня въ покоѣ, нахмурившись, пробормоталъ Раскольниковъ.

— Хорошо, оставимъ васъ въ покоѣ.

— Скажите лучше, если вы сюда приходите нить и сами мнѣ назначили два раза, чтобъ я къ вамъ сюда-же пришелъ, то почему вы теперь, когда я смотрѣлъ въ окно съ улицы, прятались и хотѣли уйти? Я это очень хорошо замѣтилъ.

— Хе-Хе! А почему вы, когда я тогда стоялъ у васъ на порогѣ, лежали на своей софѣ съ закрытыми глазами и притворялись, что спите, тогда какъ вы вовсе не спали? Я это очень хорошо замѣтилъ.

— Я могъ имѣть... причины... вы сами это знаете.

— И я могъ имѣть свои причины, хотя вы ихъ и не узнаете.

Раскольниковъ опустилъ правый локоть на столъ, подперъ пальцами правой руки снизу свой подбородокъ и пристально уставился на Свидригайлова. Онъ разсматривалъ съ минуту его лицо, которое всегда его поражало и прежде. Это было какое-то странное лицо, похожее какъ-бы на маску: бѣлое, румяное, съ румяными, алыми губами, съ свѣтло-бѣлокурою бородой и съ довольно еще густыми бѣлокурыми волосами. Глаза были какъ-то слишкомъ голубые, а взглядъ ихъ какъ-то слишкомъ тяжелъ и неподвиженъ. Что то было ужасно непріятное въ этомъ красивомъ и чрезвычайно молодавомъ, судя по лѣтамъ, лицѣ. Одежда Свидригайлова

была щегольская, лѣтняя, легкая, въ особенности щеголялъ онъ бѣльемъ. На пальцѣ былъ огромный перстень съ дорогимъ камнемъ.

— Да неужели-же мнѣ и съ вами еще тоже надо возиться, сказалъ вдругъ Раскольниковъ, выходя съ судорожнымъ нетерпѣніемъ прямо на открытую,—хотя вы, можетъ быть, и самый опасный человѣкъ, если захотите вредить, да я-то не хочу ломать себя больше. Я вамъ покажу сейчасъ, что не такъ дорожу собою, какъ вы, вѣроятно, думаете. Знайте-же, я пришелъ къ вамъ прямо сказать, что если вы держите ваше прежнее намѣреніе на счетъ моей сестры и если для этого думаете чѣмъ нибудь воспользоваться изъ того, что̀ открыто въ послѣднее время, то я васъ убью прежде чѣмъ вы меня въ острогъ посадите. Мое слово вѣрно: вы знаете, что я съумѣю сдержать его. Второе, если хотите мнѣ что нибудь объявить,—потому что мнѣ все это время казалось, что вы какъ будто хотите мнѣ что-то сказать,—то объявляйте скорѣе, потому что время дорого и, можетъ быть, очень скоро будетъ уже поздно.

— Да куда вы это такъ торопитесь? спросилъ Свидригайловъ, любопытно его разглядывая.

— У всякаго свои цѣли, мрачно и нетерпѣливо проговорилъ Раскольниковъ.

— Вы сами-же вызывали сейчасъ на откровенность, а на первый-же вопросъ и отказываетесь отвѣчать, замѣтилъ Свидригайловъ съ улыбкой.—Вамъ все кажется, что у меня какія-то цѣли, а потому и глядите на меня подозрительно. Чтожъ, это совершенно понятно въ вашемъ положеніи. Но какъ я ни желаю сойтись съ вами, я все-таки не возьму на себя труда разувѣрять васъ въ противномъ. Ей Богу, игра не стоитъ свѣчъ, да и говорить-то съ вами я ни о чемъ такомъ особенномъ не намѣревался.

— Зачѣмъ-же я тогда вамъ такъ понадобился? Вѣдь вы-же около меня ухаживали?

— Да просто какъ любопытный субъектъ для наблюденія. Мнѣ понравились вы фантастичностью вашего положенія,—вотъ чѣмъ! Кромѣ того, вы братъ особы, которая меня очень интересовала, и, наконецъ, отъ самой этой особы въ свое время я ужасно много и часто слыхалъ о васъ, изъ чего и заключилъ, что вы имѣете надъ нею большое вліяніе; развѣ этого мало? Хе-хе-хе! Впрочемъ, сознаюсь, вашъ вопросъ для меня весьма сложенъ, и мнѣ трудно на него вамъ отвѣтить. Ну, вотъ, напримѣръ, вѣдь вы пришли ко мнѣ теперь мало того что по дѣлу, а за чѣмъ нибудь новенькимъ? Вѣдь такъ? Вѣдь такъ? настаивалъ Свидригайловъ съ плутовскою улыбкой:—ну, представьте-же себѣ послѣ

этого, что я самъ-то, еще ѣхавъ сюда, въ вагонѣ, на васъ-же разсчитывалъ, что вы мнѣ тоже скажете что нибудь *повепькаго*. и что отъ васъ-же удастся мнѣ чѣмъ нибудь позаимствоваться! Вотъ какіе мы богачи!

— Чѣмъ это позаимствоваться?

— Да что вамъ сказать? Развѣ я знаю чѣмъ? Видите, въ какомъ трактиришкѣ все время просиживаю, и это мнѣ вслась, то есть не то чтобы вслась, а такъ, надо-же гдѣ нибудь сѣсть. Ну. вотъ хоть эта бѣдная Катя—видѣли?.. Ну, былъ-бы я, напримѣръ, хоть обжора, клубный гастрономъ, а то вѣдь вотъ что я могу ѣсть! (Онъ ткнулъ пальцемъ въ уголъ, гдѣ на маленькомъ столикѣ, на жестяномъ блюдцѣ, стояли остатки ужаснаго бифштекса съ картофелемъ). Кстати, обѣдали вы? Я перекусилъ и больше не хочу. Вина, напримѣръ, совсѣмъ не пью. Кромѣ шампанскаго никакого, да и шампанскаго-то въ цѣлый вечеръ одинъ стаканъ, да и то голова болитъ. Это я теперь, чтобы подмонтироваться, велѣлъ подать, потому что я куда-то собираюсь, и вы видите меня въ особомъ расположеніи духа. Я потому давеча и спрятался какъ школьникъ, что думалъ, что вы мнѣ помѣшаете; но, кажется (онъ вынулъ часы), могу пробыть съ вами часъ: теперь половина пятаго. Вѣрите-ли, хотя-бы что нибудь было; ну, помѣщикомъ быть, ну, отцомъ, ну, уланомъ, фотографомъ, журналистомъ... и-ничего, ни какой спеціальности! Иногда даже скучно. Право, думалъ, что вы мнѣ скажете что нибудь повепькаго.

— Да кто вы такой и зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Я кто такой? Вы знаете: дворянинъ, служилъ два года въ кавалеріи, потомъ такъ здѣсь въ Петербургѣ шлялся, потомъ женился на Марѳѣ Петровнѣ и жилъ въ деревнѣ. Вотъ моя біографія!

— Вы, кажется, игрокъ?

— Нѣтъ, какой я игрокъ. Шулеръ—не игрокъ.

— А вы были шулеромъ?

— Да, былъ и шулеромъ.

— Что-же, васъ бивали?

— Случалось. А что?

— Ну. стало быть, вызвать на дуэль могли... да и вообще, оживляетъ.

— Не противорѣчу вамъ и притомъ не мастеръ я философствовать. Признаюсь вамъ, я сюда больше на счетъ женщинъ поскорѣе пріѣхалъ.

— Только что похоронили Марѳу Петровну?

— Ну да, улыбнулся съ побѣждающею откровенностію Сви-

дригайловъ.— Такъ что-жъ? Вы, кажется, находите что-то дурное, что я о женщинахъ такъ говорю?

— То есть, нахожу я или нѣтъ дурное въ развратѣ?

— Въ развратѣ? Ну, вотъ вы куда! А, впрочемъ, по порядку прежде отвѣчу вамъ на счетъ женщины вообще: знаете, я расположенъ болтать. Скажите, для чего я буду себя сдерживать? Зачѣмъ-же бросать женщинъ, коли я хоть до нихъ охотникъ? По крайней мѣрѣ, занятіе.

— Такъ вы здѣсь только на развратъ одинъ и надѣетесь?

— Ну, такъ чтожъ, ну, и на развратъ! Дался вамъ развратъ. Да люблю, по крайней мѣрѣ, прямой вопросъ. Въ этомъ развратѣ, по крайней мѣрѣ, есть нѣчто постоянное, основанное даже на природѣ и не подверженное фантазіи, нѣчто всегданнимъ разожженымъ уголькомъ въ крови пребывающее, вѣчно поджигающее, которое и долго еще, и съ лѣтами, можетъ быть, не такъ скоро зальешь. Согласитесь сами, развѣ не занятіе въ своемъ родѣ?

— Чему-же тутъ радоваться? Это болѣзнь и опасная.

— А, вотъ вы куда! Я согласенъ, что это болѣзнь, какъ и все переходящее черезъ мѣру,—а тутъ непремѣнно придется перейти черезъ мѣру,—но вѣдь это, во первыхъ, у одного такъ, у другаго иначе, а во вторыхъ, разумѣется, во всемъ держи мѣру, разсчетъ, хоть и подлый, но вѣдь что-же дѣлать? Не будь этого, вѣдь этакъ застрѣлиться, пожалуй, пришлось-бы. Я согласенъ, что порядочный человѣкъ обязанъ скучать. но вѣдь, однакожъ.

— А вы могли-бы застрѣлиться?

— Ну, вотъ! съ отвращеніемъ отпарировалъ Свидригайловъ: — сдѣлайте одолженіе, не говорите объ этомъ, прибавилъ онъ поспѣшно и даже безъ всякаго фанфаронства, которое выказывалось во всѣхъ прежнихъ его словахъ. Даже лицо его какъ будто измѣнилось.—Сознаюсь въ непростительной слабости, но что дѣлать: боюсь смерти и не люблю, когда говорятъ о ней. Знаете-ли, что я мистикъ отчасти?

— А! Призраки Марфы Петровны! Чтожъ, приходитъ продолжаютъ?

— Ну ихъ, не поминайте: въ Петербургѣ еще не было: да и чортъ съ ними! вскричалъ онъ съ какимъ-то раздражительнымъ видомъ.—Нѣтъ, будемте лучше объ этомъ... да впрочемъ... Гм! Эхъ, мало времени, не могу я съ вами долго остаться, а жаль! Было-бы что сообщить.

— А что у васъ, женщина?

— Да, женщина, такъ нечаянный одинъ случай.. нѣтъ, я не про то.

— Ну, а мерзость всей этой обстановки на васъ уже не дѣйствуетъ? Уже потеряли силу остановиться?

— А вы и на силу претендуете? Хе-хе-хе! Удивили-же вы меня сейчасъ, Родіонъ Романычъ, хоть я заранѣе зналъ, что это такъ будетъ. Вы-же толкуете мнѣ о развратѣ и объ эстетикѣ! Вы — Шиллеръ, вы — идеалистъ! Все это, конечно, такъ и должно быть и надо-бы удивляться, еслибъ оно было иначе, но однакожъ, какъ-то всетаки странно въ дѣйствительности... Ахъ, жаль, что времени мало, потому вы сами прелюбопытный субъектъ? А кстати, вы любите Шиллера? Я ужасно люблю.

— Но какой вы, однакоже, фанфаронъ! съ нѣкоторымъ отвращеніемъ произнесъ Раскольниковъ.

— Ну, ей Богу-же, нѣтъ! хохоча отвѣчалъ Свидригайловъ,— а впрочемъ, не спорю, пусть и фанфаронъ; но вѣдь почему-же и не пофанфаронить, когда оно безобидно. Я семь лѣтъ прожилъ въ деревнѣ у Марьи Петровны, а потому, набросившись теперь на умнаго человѣка какъ вы,—на умнаго и въ высшей степени любопытнаго, просто, радъ поболтать, да кромѣ того выпилъ эти полстакана вина и уже капельку въ голову ударило. А главное, существуетъ одно обстоятельство, которое меня очень монтировало, но о которомъ я... умолчу. Куда-же вы? съ испугомъ спросилъ вдругъ Свидригайловъ.

Раскольниковъ сталъ было вставать. Ему сдѣлалось и тяжело, и душно, какъ-то неловко, что онъ пришелъ сюда. Въ Свидригайловѣ онъ убѣдился какъ въ самомъ пустѣйшемъ и ничтожнѣйшемъ злодѣѣ въ мірѣ.

— Э-эхъ! Посидите, останьтесь, упрашивалъ Свидригайловъ,— да велите себѣ принести хоть чаю. Ну, посидите, ну, я не буду болтать вздору, о себѣ то есть. Я вамъ что нибудь разскажу. Ну, хотите, я вамъ разскажу, какъ меня женщина, говоря вашимъ слогомъ, спасала? Это будетъ даже отвѣтомъ на вашъ первый вопросъ, потому что особа эта—ваша сестра. Можно разсказывать? Да и время убьемъ.

— Разсказывайте, но я надѣюсь вы...

— О, не безпокойтесь! Притомъ-же Авдотья Романовна даже и въ такомъ скверномъ и пустомъ человѣкѣ, какъ я, можетъ вселить только одно глубочайшее уваженіе.

IV.

Вы знаете, можетъ быть (да я впрочемъ и самъ вамъ разсказывалъ), началъ Свидригайловъ,—что я сидѣлъ здѣсь въ долговой тюрьмѣ, по огромному счету, и не имѣя ни малѣйшихъ средствъ въ виду для уплаты. Нечего подробничать о томъ, какъ выкупила меня тогда Марѳа Петровна; знаете-ли до какой степени одурманенія можетъ иногда полюбить женщина? Это была женщина честная, весьма неглупая (хотя и совершенно необразованная). Представьте-же себѣ, что эта-то самая, ревнивая и честная женщина, рѣшилась снизойти, послѣ многихъ ужасныхъ изступленій и попрековъ, на нѣкотораго рода со мною контрактъ, который и исполняла во все время нашего брака. Дѣло въ томъ, что она была значительно старше меня, кромѣ того постоянно носила во рту какую-то гвоздичку. Я имѣлъ на столько свинства въ душѣ и своего рода честности, чтобъ объявить ей прямо, что совершенно вѣрить ей быть не могу. Это признаніе привело ее въ изступленіе, но, кажется, моя грубая откровенность ей въ нѣкоторомъ родѣ понравилась: «Значитъ, дескать, самъ не хочетъ обманывать, коли заранѣе такъ объявляетъ», — ну, а для ревнивой женщины это первое. Послѣ долгихъ слезъ состоялся между нами такого рода извѣстный контрактъ: первое, я никогда не оставлю Марѳу Петровну и всегда пребуду ея мужемъ: второе, безъ ея позволенія не отлучусь никуда; третье, постоянной любовницы не заведу никогда; четвертое, за это Марѳа Петровна позволяетъ мнѣ приглянуть иногда на сѣнныхъ дѣвушекъ, но не иначе какъ съ ея секретнаго вѣдома: пятое, Боже сохрани меня полюбить женщину изъ нашего сословія: шестое, если на случай, чего Боже сохрани, меня посѣтитъ какая нибудь страсть, большая и серіозная, то я долженъ открыться Марѳѣ Петровнѣ. На счетъ послѣдняго пункта Марѳа Петровна была, впрочемъ, во все время довольно спокойна: это была умная женщина, а слѣдственно не могла-же на меня смотрѣть иначе какъ на развратника и потаскуна, который серіозно полюбить не въ состояніи. Но умная женщина и ревнивая женщина, два предмета разные, и вотъ въ этомъ-то и бѣда. Впрочемъ, чтобы безпристрастно судить о нѣкоторыхъ людяхъ нужно заранѣе отказаться отъ иныхъ предвзятыхъ взглядовъ и отъ обыденной привычки къ обыкновенно окружающимъ насъ людямъ и предметамъ. На ваше сужденіе, болѣе чѣмъ на чье нибудь, я имѣю право надѣяться. Можетъ

быть, вы уже очень много слышали о Марѣ Петровнѣ смѣшнаго и нелѣпаго. Дѣйствительно, у ней были иныя весьма смѣшныя привычки; но скажу вамъ прямо, что я искренно сожалѣю о безчисленныхъ горестяхъ, которыхъ я былъ причиной. Ну, и довольно, кажется, для весьма приличнаго oraison funèbre нѣжнѣйшей женѣ нѣжнѣйшаго мужа. Въ случаяхъ нашихъ ссоръ я, большею частію, молчалъ и не раздражался, и это джентльменничанье всегда почти достигало цѣли; оно на нее вліяло, и ей даже нравилось; бывали случаи, что она мною даже гордилась. Но сестрицы вашей все-таки не вынесла. И какимъ образомъ это случилось, что она рискнула взять такую разкрасавицу въ свой домъ, въ гувернантки! Я объясняю тѣмъ, что Марѳа Петровна была женщина пламенная и воспріимчивая, и что, просто-за-просто, она сама влюбилась, — буквально влюбилась, — въ вашу сестрицу. Ну, да и Авдотья-то Романовна сама сдѣлала первый шагъ,—вѣрите или нѣтъ? Вѣрите-ли вы тоже, что Марѳа Петровна до того доходила, что даже на меня сердилась сначала за мое всегдашнее молчаніе о вашей сестрѣ, за то, что я такъ равнодушенъ на ея безпрерывные и влюбленные отзывы объ Авдотьѣ Романовнѣ? Самъ не понимаю чего ей хотѣлось! Ну, ужь конечно, Марѳа Петровна разсказала Авдотьѣ Романовнѣ обо мнѣ всю подноготную. У нея была несчастная черта, рѣшительно всѣмъ разсказывать всѣ наши семейныя тайны и всѣмъ безпрерывно на меня жаловаться; какъ-же было пропустить такого новаго и прекраснаго друга? Полагаю, что у нихъ и разговору иного не было какъ обо мнѣ, и ужь безъ сомнѣнія. Авдотьѣ Романовнѣ стали извѣстны всѣ эти мрачныя, таинственныя сказки, которыя мнѣ приписываютъ... Бьюсь объ закладъ, что вы ужь что нибудь въ этомъ родѣ тоже слышали?

— Слышалъ. Лужинъ обвинялъ васъ, что вы даже были причиной смерти ребенка. Правда это?

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте всѣ эти пошлости въ покоѣ, съ отвращеніемъ и брезгливо отговорился Свидригайловъ:—если вы такъ непремѣнно захотите узнать обо всей этой безсмыслицѣ, то я когда нибудь разскажу вамъ особо, а теперь...

— Говорили тоже о какомъ-то вашемъ лакеѣ въ деревнѣ и что, будто-бы, вы были тоже чему-то причиной.

Сдѣлайте одолженіе, довольно! перебилъ опять съ явнымъ нетерпѣніемъ Свидригайловъ.

— Это не тотъ-ли лакей, который вамъ послѣ смерти трубку приходилъ набивать... еще сами мнѣ разсказывали? раздражался все болѣе и болѣе Раскольниковъ.

Свидригайловъ внимательно поглядѣлъ на Раскольникова. и тому

показалось, что во взглядѣ этомъ блеснула мгновенно, какъ молнія, злобная усмѣшка, но Свидригайловъ удержался и весьма вѣжливо отвѣчалъ:

— Это тотъ самый. Я вижу, что васъ тоже все это чрезвычайно интересуетъ, и почту за долгъ, при первомъ удобномъ случаѣ, по всѣмъ пунктамъ удовлетворить ваше любопытство. Чортъ возьми! Я вижу, что дѣйствительно могу показаться кому нибудь лицомъ романическимъ. Судите-же до какой степени я обязанъ послѣ того благодарить покойницу, Марфу Петровну за то, что она наговорила вашей сестрицѣ обо мнѣ столько таинственнаго и любопытнаго. Не смѣю судить о впечатлѣніи: но, во всякомъ случаѣ, это было для меня выгодно. При всемъ естественномъ отвращеніи ко мнѣ Авдотьи Романовны, и не смотря на мой всегдашній мрачный и отталкивающій видъ,—ей стало наконецъ жаль меня, жаль пропащаго человѣка. А когда сердцу дѣвушки станетъ *жаль*, то, ужъ разумѣется, это для нея всего опаснѣе. Тутъ ужъ непремѣнно захочется и «спасти», и образумить, и воскресить, и призвать къ болѣе благороднымъ цѣлямъ, и возродить къ новой жизни и дѣятельности, — ну, извѣстно, что можно намечтать въ этомъ родѣ. Я тотчасъ-же смекнулъ, что птичка сама летитъ въ сѣтку и, въ свою очередь, приготовился. Вы, кажется, хмуритесь, Родіонъ Романычъ? Ничего-съ, дѣло, какъ вы знаете, обошлось пустяками. (Чортъ возьми, сколько я нью вина!). Знаете, мнѣ всегда было жаль, съ самаго начала, что судьба не дала родиться вашей сестрѣ во второмъ или третьемъ столѣтіи нашей эры, гдѣ нибудь, дочерью владѣтельнаго князька или тамъ какого нибудь правителя, или проконсула въ Малой Азіи. Она, безъ сомнѣнія, была-бы одна изъ тѣхъ, которыя претерпѣли мученичество, и ужъ конечно-бы улыбалась, когда-бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она-бы пошла на это нарочно сама, а въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ ушла-бы въ Египетскую пустыню, и жила-бы тамъ тридцать лѣтъ, питаясь кореньями, восторгами и видѣніями. Сама она только того и жаждетъ, и требуетъ, чтобы за кого нибудь какую нибудь муку поскорѣе принять, а не дай ей этой муки, такъ она, пожалуй, и въ окно выскочитъ. Я слышалъ что-то о какомъ-то господинѣ Разумихинѣ. Онъ малый, говорятъ, разсудительный (что и фамилія его показываетъ, семинаристъ, должно быть), ну, такъ пусть и бережетъ вашу сестру. Однимъ словомъ, я, кажется, ее понялъ, что и считаю себѣ за честь. Но тогда, то есть въ началѣ знакомства, сами знаете, бываетъ всегда какъ-то легкомысленнѣе и глупѣе, смотришь ошибочно, видишь не то. Чортъ возьми, зачѣмъ-же она такъ хороша? Я не виноватъ! Однимъ словомъ, у меня началось съ самаго неудержимаго сладострастнаго порыва. Авдотья Романовна инъломудренна ужасно, не-

слыханно и невиданно. (Замѣтьте себѣ, я вамъ сообщаю это о вашей сестрѣ, какъ фактъ. Она цѣломудренна, можетъ быть, до болѣзни, не смотря на весь свой широкій умъ, и это ей повредитъ). Тутъ у насъ случилась одна дѣвушка, Параша, черноокая Параша, которую только что привезли изъ другой деревни, сѣдая дѣвушка, и которую я еще никогда не видывалъ, — хорошенькая очень, но глупа до невѣроятности: въ слезы, подняла вой на весь дворъ, и вышелъ скандалъ. Разъ, послѣ обѣда, Авдотья Романовна нарочно отыскала меня одного въ аллеѣ въ саду, и съ сверкающими глазами *потребовала* отъ меня, чтобъ я оставилъ бѣдную Парашу въ покоѣ. Это былъ чуть-ли не первый разговоръ нашъ вдвоемъ. Я, разумѣется, почелъ за честь удовлетворить ея желанію, постарался прикинуться пораженнымъ, смущеннымъ, ну, однимъ словомъ, сыгралъ роль не дурно. Начались сношенія, таинственные разговоры, нравоученія, поученія, упрашиванія, умаливанія, даже слезы,—вѣрите-ли, даже слезы! Вотъ до какой силы доходитъ у иныхъ дѣвушекъ страсть къ пропагандѣ! Я, конечно, все свалилъ на свою судьбу, прикинулся алчущимъ и жаждущимъ свѣта и наконецъ пустилъ въ ходъ величайшее и незыблемое средство къ покоренію женскаго сердца, средство, которое никогда и никого не обманетъ и которое дѣйствуетъ рѣшительно на всѣхъ до единой, безъ всякаго исключенія. Это средство извѣстное, лесть. Нѣтъ ничего въ мірѣ труднѣе прямодушія и нѣтъ ничего легче лести. Если въ прямодушіи только одна сотая доля ноткп фальшивая, то происходитъ тотчасъ диссонансъ, а за нимъ—скандалъ. Если-же въ лести даже все до послѣдней ноткп фальшивое, и тогда она пріятна и слушается не безъ удовольствія; хотя-бы и съ грубымъ удовольствіемъ, но все-таки съ удовольствіемъ. И какъ-бы ни груба была лесть, въ ней непремѣнно, по крайней мѣрѣ, половина кажется правдою. И это для всѣхъ развитій и слоевъ общества. Даже весталку можно соблазнить лестью. А ужъ про обыкновенныхъ людей и говорить нечего. Безъ смѣху не могу себѣ припомнить, какъ одинъ разъ соблазнялъ я одну, преданную своему мужу, своимъ дѣтямъ и своимъ добродѣтелямъ, барыню. Какъ это было весело и какъ мало было работы! А барыня дѣйствительно была добродѣтельна, по крайней мѣрѣ, по своему. Вся моя тактика состояла въ томъ, что я просто былъ каждую минуту раздавленъ и падалъ ницъ предъ ея цѣломудріемъ. Я льстилъ безбожно и только что бывало добьюсь пожатія руки, даже взгляда, то укоряю себя, что это я вырвалъ его у нея силой, что она сопротивлялась, что она такъ сопротивлялась, что я навѣрное-бы никогда ничего не получилъ, еслиб я самъ не былъ такъ пороченъ; что она, въ невинности своей, не предусмо-

трѣла коварства и поддалась неумышленно, сама того не зная — не вѣдая, и прочее, и прочее. Однимъ словомъ, я достигъ всего, а моя барыня оставалась въ высшей степени увѣрена, что она невинна и цѣломудренна и исполняетъ всѣ долги и обязанности, а погибла совершенно нечаянно. И какъ-же она разсердилась на меня, когда я объявилъ ей въ концѣ концовъ, что по моему искреннему убѣжденію, она точно также искала наслажденій, какъ и я. Бѣдная Марѳа Петровна тоже ужасно поддавалась на лесть, и еслибы только я захотѣлъ, то конечно отписалъ-бы все ея имѣніе на себя еще при жизни. (Однако я ужасно много нью вина и болтаю). Надѣюсь, что вы не разсердитесь, если я упомяну теперь, что тотъ-же самый эфектъ началъ сбываться и съ Авдотьей Романовной. Да я самъ былъ глупъ и нетерпѣливъ и все дѣло испортилъ. Авдотьѣ Романовнѣ еще нѣсколько разъ и прежде (а одинъ разъ какъ-то особенно) ужасно не понравилось ужасно выраженіе глазъ моихъ, вѣрите вы этому? Однимъ словомъ, въ нихъ все сильнѣе и неосторожнѣе вспыхивалъ нѣкоторый огонь, который пугалъ ее и сталъ ей наконецъ ненавистенъ. Нечего разсказывать подробности, но мы разошлись. Тутъ я опять сглупилъ. Пустился грубѣйшимъ образомъ издѣваться на счетъ всѣхъ этихъ пропагандъ и обращеній: Парана опять выступила на сцену, да и не она одна, — однимъ словомъ, начался содомъ. Охъ, еслибы вы видѣли, Родіонъ Романычъ, хоть разъ въ жизни глазки вашей сестрицы такъ, какъ они иногда умѣютъ сверкать! Это ничего, что я теперь пьянъ и вотъ уже цѣлый стаканъ вина выпилъ, я правду говорю: увѣряю васъ, что этотъ взглядъ мнѣ снился; шелестъ платья ея я уже наконецъ не могъ выносить. Право я думалъ, что со мною сдѣлается падучая, никогда не воображалъ, что могу дойти до такого изступленія. Однимъ словомъ, необходимо было помириться; но это было уже невозможно. И представьте себѣ что я тогда сдѣлалъ? До какой степени отупѣнія бѣшенство можетъ довести человѣка! Никогда не предпринимайте ничего въ бѣшенствѣ, Родіонъ Романычъ. Разсчитывая, что Авдотья Романовна въ сущности вѣдь нищая (ахъ, извините, я не то хотѣлъ... но, вѣдь, не все-ли равно, если выражается тоже понятіе?) однимъ словомъ, живетъ трудами рукъ своихъ,—что у ней на содержаніи и мать, и вы (ахъ, чортъ, опять морщитесь...), я и рѣшился предложить ей всѣ мои деньги (тысячъ до тридцати я могъ и тогда осуществить) съ тѣмъ, чтобъ она бѣжала со мной хоть сюда, въ Петербургъ. Разумѣется, я-бы тутъ поклялся въ вѣчной любви, блаженствѣ, и прочее, и прочее. Вѣрите-ли, я до того тогда врѣзался, что скажи она мнѣ: зарѣжь или отрави Марѳу Петровну и женись на мнѣ, —это тотчасъ-же было-бы сдѣлано! Но кончилось

все катастрофой, вамъ уже извѣстною, и сами можете судить, до какого бѣшенства могъ я дойти, узнавъ, что Марѳа Петровна достала тогда этого подлѣйшаго приказнаго, Лужина, и чуть не смастерила свадьбу,—что, въ сущности, было-бы тоже самое, что и я предлагалъ. Такъ-ли? Такъ-ли? Вѣдь такъ? Я замѣчаю, что вы что-то очень внимательно стали слушать... интересный молодой человѣкъ...

Свидригайловъ въ нетерпѣніи ударилъ кулакомъ по столу. Онъ раскраснѣлся. Раскольниковъ видѣлъ ясно, что стаканъ или полтора шампанскаго, которые онъ выпилъ, отхлебывая непримѣтно, глотками, подѣйствовали на него болѣзненно,—и рѣшился воспользоваться случаемъ. Свидригайловъ былъ ему очень подозрителенъ.

— Ну, ужь послѣ этого я вполнѣ убѣжденъ, что вы и сюда пріѣхали, имѣя въ виду мою сестру, сказалъ онъ Свидригайлову прямо и не скрываясь, чтобъ еще болѣе раздразнить его.

— Эхъ, полноте, какъ-бы спохватился вдругъ Свидригайловъ.— я вѣдь вамъ говорилъ... и кромѣ того ваша сестра терпѣть меня не можетъ.

— Да въ этомъ-то и я убѣжденъ, что не можетъ, да не въ томъ теперь дѣло.

— А вы убѣждены, что не можетъ? (Свидригайловъ прищурился и насмѣшливо улыбнулся). Вы правы, она меня не любитъ: но никогда не ручайтесь въ дѣлахъ, бывшихъ между мужемъ и женой или любовникомъ и любовницей. Тутъ есть всегда одинъ уголокъ, который всегда всему свѣту остается неизвѣстенъ и который извѣстенъ только имъ двумъ. Вы ручаетесь, что Авдотья Романовна на меня съ отвращеніемъ смотрѣла?

— По нѣкоторымъ словамъ и словечкамъ вашимъ во время вашего разсказа я замѣчаю, что у васъ и теперь свои виды и самыя неотлагательныя намѣренія на Дуню, разумѣется, подлыя.

— Какъ! У меня вырывались такія слова и словечки? преспанно испугался вдругъ Свидригайловъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на эпитетъ, приданный его намѣреніямъ.

— Да они и теперь вырываются. Ну, чего вы, напримѣръ, такъ боитесь! Чего вы вдругъ теперь испугались?

— Я боюсь и пугаюсь? Пугаюсь васъ? Скорѣе вамъ бояться меня, cher ami. И какая однакожь дичь... А впрочемъ, я охмѣлѣлъ, я это вижу; чуть было опять не проговорился. Къ чорту вино! Эй, воды!

Онъ схватилъ бутылку и безъ церемоніи вышвырнулъ ее за окошко. Филиппъ принесъ воды.

— Это все вздоръ, сказалъ Свидригайловъ, намачивая полотенце и прикладывая его къ головѣ, — а я васъ однимъ словомъ

могу осадить и всѣ ваши подозрѣнія въ прахъ уничтожить. Знаете-ль вы, напримѣръ, что я женюсь?

— Вы уже это мнѣ и прежде говорили.

— Говорилъ? Забылъ. Но тогда я не могъ говорить утвердительно, потому даже невѣсты еще не видалъ: я только намѣревался. Ну, а теперь у меня ужь есть невѣста, и дѣло сдѣлано, и еслибы только не дѣла, неотлагательныя, то я-бы непремѣнно васъ взялъ и сейчасъ къ нимъ повезъ,—потому я вашего совѣта хочу спросить. Эхъ, чортъ! Всего десять минутъ остается. Видите, смотрите на часы: а впрочемъ, я вамъ разскажу, потому это интересная вещица, моя женитьба-то, въ своемъ то есть родѣ, — куда вы? Опять уходить?

— Нѣтъ, я ужь теперь не уйду.

— Совсѣмъ не уйдете? Посмотримъ! Я васъ туда свезу, это правда, покажу невѣсту, но только не теперь, а теперь вамъ скоро будетъ пора. Вы направо, я налѣво. Вы эту Ресслихъ знаете? Вотъ эту самую Ресслихъ, у которой я теперь живу, — а? Слышите? Нѣтъ, вы что думаете, вотъ та самая, про которую говорятъ, что дѣвчонка-то, въ водѣ-то, зимой-то, — ну, слышите-ли? Слышите-ли? Ну, такъ она мнѣ все это сострянала: тебѣ, говоритъ, такъ-то скучно, развлекись время. А я вѣдь человѣкъ мрачный, скучный. Вы думаете веселый? Нѣтъ, мрачный: вреда не дѣлаю, а сижу въ углу: иной разъ три дня не разговорятъ. А Ресслихъ эта пельма, я вамъ скажу, она вѣдь что въ умѣ держитъ: я наскучу, жену-то брошу и уѣду, а жена ей достанется, она ее и пуститъ въ оборотъ: въ нашемъ слою то есть, да повыше. Есть, говоритъ, одинъ такой разслабленный отецъ, отставной чиновникъ, въ креслѣ сидитъ и третій годъ ногами не двигается. Есть, говоритъ, и мать, дама разсудительная, мамаша-то. Сынъ гдѣ-то въ губерніи служитъ, не помогаетъ. Дочь вышла замужъ и не навѣщаетъ, а на рукахъ два маленькіе племянника (своихъ-то мало), да взяли, не кончивъ курса, изъ гимназіи дѣвочку, дочь свою послѣднюю, черезъ мѣсяцъ только что шестнадцать лѣтъ минетъ, значитъ, черезъ мѣсяцъ ее и выдать можно. Это за меня-то. Мы поѣхали: какъ это у нихъ смѣшно: представляюсь: помѣщикъ, вдовецъ, извѣстной фамиліи, съ такими-то связями, съ капиталомъ,— ну, чтожь что мнѣ пятьдесятъ, а тотъ и шестнадцати нѣтъ? Кто-жь на это смотритъ? Ну, а вѣдь заманчиво, а? Вѣдь заманчиво, ха-ха! Посмотрѣли-бы вы какъ я разговорился съ папашей да съ маменей! Заплатить надо, чтобы только посмотрѣть на меня въ это время. Выходитъ она, приѣдается, ну, можете себѣ представить, еще въ коротенькомъ платьицѣ, неразвернувшійся бутончикъ, кра-

сѣетъ, вспыхиваетъ, какъ заря (сказали ей, конечно). Не знаю какъ на счетъ женскихъ личекъ, но, по моему, эти шестнадцать лѣтъ, эти дѣтскіе еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости,—по моему, это лучше красоты, а она еще къ тому-жъ и собой картинка. Свѣтленькіе волоски, въ маленькіе локончики баранкомъ взбитые, губки пухленькія, аленькія, ножки—прелесть!... Ну, познакомились, я объявилъ, что сѣмъ по домашнимъ обстоятельствамъ, и на другой-же день, третьяго дня то есть, насъ и благословили. Съ тѣхъ поръ какъ пріѣду, такъ сейчасъ ее къ себѣ на колѣни, да такъ и не спускаю... Ну вспыхиваетъ, какъ заря, а я цалую поминутно; мамаша-то, разумѣется, внушаетъ, что это, дескать, твой мужъ и что это такъ требуется, одинъ словомъ малина! И это состояніе теперешнее, жениховое, право, можетъ быть, лучше и мужняго. Тутъ что называется la nature et la verité! Ха-ха! Я съ нею раза два переговаривалъ—куда не глупа дѣвчонка: иной разъ такъ украдкой на меня взглянетъ,—акно прожжетъ. А знаете, у ней личико въ родъ Рафаэлевой Мадонны. Вѣдь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой, вамъ это не бросилось въ глаза? Ну, такъ въ этомъ родѣ. Только что насъ благословили, я на другой день на полторы тысячи и привезъ: брилліантовый уборъ одинъ, жемчужный другой, да серебряную дамскую туалетную шкатулку.—вотъ какой величины, со всякими разностями, такъ даже у ней, у Мадонны-то, личико зардѣлось. Посадилъ я ее вчера на колѣни, да, должно быть, ужь очень безцеремонно, — вся вспыхнула и слезинки брызнули, да выдать не хочетъ, сама вся горитъ. Унили всѣ на минуту, мы съ нею какъ есть одни остались, вдругъ бросается мнѣ на шею (сама въ первый разъ), обнимаетъ меня обѣими ручонками, цалуетъ и клянется, что она будетъ мнѣ послушною, вѣрною и доброю женой, что она сдѣлаетъ меня счастливымъ, что она употребитъ всю жизнь, всякую минуту своей жизни, всѣмъ, всѣмъ пожертвуетъ, а за все это желаетъ имѣть отъ меня только *одно мое уваженіе* и болѣе мнѣ, говоритъ— ничего, ничего не надо, никакихъ подарковъ! Согласитесь сами, что выслушать подобное признаніе наединѣ отъ такого шестнадцатилѣтняго ангельчика, съ краскою дѣвичьяго стыда и со слезинками энтузіазма въ глазахъ,—согласитесь сами, оно довольно заманчиво. Вѣдь заманчиво? Вѣдь стоитъ чего нибудь, а? Ну, вѣдь стоитъ? Ну... ну слушайте... ну, поѣдемте къ моей невѣстѣ... только не сейчасъ!

— Однимъ словомъ, въ васъ эта чудовищная разница лѣтъ и развитія и возбуждаетъ сладострастіе! И неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ женитесь?

— А чтожь? Непремѣнно. Всякъ объ себѣ самъ промышляетъ и всѣхъ веселѣй тотъ и живетъ, кто всѣхъ лучше себя съумѣетъ надуть. Ха-ха! Да что вы въ добродѣтель-то такъ всѣмъ дышломъ въѣхали? Пощадите, батюшка, я человѣкъ грѣшный. Хе-хе-хе!

— Вы однакожь пристроили дѣтей Катерины Ивановны. Впрочемъ... впрочемъ вы имѣли на это свои причины... я теперь все понимаю.

— Дѣтей я вообще люблю, я очень люблю дѣтей, захохоталъ Свидригайловъ.—На этотъ счетъ я вамъ могу даже разсказать прелюбопытный одинъ эпизодъ, который и до сихъ поръ продолжается. Въ первый-же день по пріѣздѣ пошелъ я по разнымъ этимъ клоакамъ, ну, послѣ семи-то лѣтъ такъ и набросился. Вы, вѣроятно, замѣчаете, что я со своею компаніей не спѣшу сходиться, съ прежними-то друзьями и пріятелями. Ну, да и какъ можно дольше безъ нихъ протяну. Знаете: у Марьи Петровны въ деревнѣ меня до смерти измучили воспоминанія о всѣхъ этихъ таинственныхъ мѣстахъ и мѣсточкахъ, въ которыхъ, кто знаетъ, тотъ много можетъ найти. Чортъ возьми! Народъ ньянствуетъ, молодежь образованная отъ бездѣйствія перегораетъ въ несбыточныхъ снахъ и грезахъ, уродуется въ теоріяхъ; откуда-то жиды наѣхали, прячутъ деньги, а все остальное развратничаетъ. Такъ и пахнулъ на меня этотъ городъ съ первыхъ часовъ знакомымъ запахомъ. Попалъ я на одинъ танцовальный такъ называемый вечеръ,—клоакъ страшный (а я люблю клоаки именно съ грязнотцой), ну, разумѣется, канканъ какихъ нѣту и какихъ въ мое время и не было. Да-съ, въ этомъ прогрессъ. Вдругъ, смотрю, дѣвочка, лѣтъ тринадцати, премило одѣтая, танцуетъ съ однимъ виртуозомъ: другой предъ ней визави. У стѣнки-же на стулѣ сидитъ ея мать. Ну, можете себѣ представить каковъ канканъ! Дѣвочка конфузится, краснѣетъ, наконецъ, принимаетъ себѣ въ обиду и начинаетъ плакать. Виртуозъ подхватываетъ ее и начинаетъ ее вертѣть и предъ нею представлять, всѣ кругомъ хохочутъ и — люблю въ такія мгновенія вашу публику, хотя-бы даже и канканную, хохочутъ и кричатъ: „И дѣло, такъ и надо! А не возить дѣтей!“ Ну, мнѣ-то пакостить, да и дѣла нѣтъ: логично аль не логично сами себя они утѣшаютъ! Я тотчасъ мое мѣсто намѣтилъ, подсѣлъ къ матери, и начинаю о томъ, что я тоже пріѣзжій, что какіе все тутъ невѣжи, что они не умѣютъ отличать истинныхъ достоинствъ и питать достодолжнаго уваженія; далъ знать, что у меня денегъ много: пригласилъ довезти въ своей каретѣ; довезъ домой, познакомился (въ какой-то каморкѣ отъ жильцовъ стоятъ,

только что пріѣхали). Мнѣ объявили, что мое знакомство и она, и дочь ея могутъ принимать не иначе какъ за честь; узнаю, что у нихъ ни кола, ни двора, а пріѣхали хлопотать о чемъ-то въ какомъ-то присутствіи; предлагаю услуги, деньги; узнаю, что они ошибкой поѣхали на вечеръ, думая, что дѣйствительно танцовать тамъ учатъ: предлагаю способствовать съ своей стороны воспитанію молодой дѣвицы, французскому языку и танцамъ. Принимаютъ съ восторгомъ, считаютъ за честь, и до сихъ поръ знакомъ... Хотите, поѣдемъ,—только не сейчасъ.

— Оставьте, оставьте, ваши подлые, низкіе анекдоты, развратный, низкій, сладострастный человѣкъ!

— Шиллеръ-то, Шиллеръ-то нашъ, Шиллеръ-то! Où va-t-elle la vertu se nicher? А знаете, я нарочно буду вамъ такія вещи разсказывать, чтобы слышать ваши вскрикиванія. Наслажденіе!

— Еще-бы, развѣ я самъ себѣ въ эту минуту не смѣшонъ? съ злобою пробормоталъ Раскольниковъ.

Свидригайловъ хохоталъ во все горло; наконецъ, кликнулъ Филиппа, расплатился и сталъ вставать:

— Ну, да и пьянъ-же я, assez causé! сказалъ онъ:—наслажденіе!

— Еще-бы вамъ-то не ощущать наслажденія, вскрикнулъ Раскольниковъ тоже вставая; — развѣ для испаркавшагося развратника разсказывать о такихъ похожденіяхъ,—имѣя въ виду какое нибудь чудовищное намѣреніе въ этомъ-же родѣ,— не наслажденіе, да еще при такихъ обстоятельствахъ и такому человѣку, какъ я... Разжигаетъ.

— Ну, если такъ, даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣтилъ Свидригайловъ, разсматривая Раскольникова,—если такъ, то вы и сами порядочный цинникъ.. Матеріалъ, по крайней мѣрѣ, заключаете въ себѣ огромный. Сознавать много можете, много... ну, да вы и дѣлать-то много можете. Ну, однакожь, довольно. Искренно жалѣю, что съ вами мало переговорилъ, да вы отъ меня не уйдете... Вотъ подождите только...

Свидригайловъ пошелъ вонъ изъ трактира. Раскольниковъ за нимъ. Свидригайловъ былъ однако не очень много хмѣленъ: въ голову только на мгновеніе ударило, хмѣль-же отходилъ съ каждою минутой. Онъ былъ чѣмъ-то очень озабоченъ, чѣмъ-то чрезвычайно важнымъ, и хмурился. Какое-то ожиданіе видимо волновало его и безпокоило. Съ Раскольниковымъ въ послѣднія минуты онъ какъ-то вдругъ измѣнился и съ каждою минутой становился грубѣе и насмѣшливѣе. Раскольниковъ все это примѣтилъ и былъ тоже въ тревогѣ. Свидригайловъ сталъ ему очень подозрителенъ; онъ рѣшился пойти за нимъ.

Сошли на тротуаръ.

— Вамъ направо, а мнѣ налѣво, или, пожалуй, на оборотъ, только—adieu mon plaisir, до радостнаго свиданія!

И онъ пошелъ направо къ Сѣнной.

V.

Раскольниковъ пошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Это что! вскричалъ Свидригайловъ, оборачиваясь:—я вѣдь, кажется, сказалъ...

— Это значитъ то, что я отъ васъ теперь не отстану.

— Что-о-о?

Оба остановились, и оба съ минуту глядѣли другъ на друга, какъ-бы мѣряясь.

— Изъ всѣхъ вашихъ полуньяныхъ разсказовъ, рѣзко отрѣзалъ Раскольниковъ, — я заключилъ *положительно*, что вы не только не оставили вашихъ подлѣйшихъ замысловъ на мою сестру, но даже болѣе чѣмъ когда нибудь ими заняты. Мнѣ извѣстно, что сегодня утромъ сестра моя получила какое-то письмо. Вамъ все время не сидѣлось на мѣстѣ... Вы, положимъ, могли откопать по дорогѣ какую нибудь жену: но это ничего не значитъ. Я желаю удостовѣриться лично...

Раскольниковъ вряд-ли и самъ могъ опредѣлить чего ему именно теперь хотѣлось и въ чемъ именно желалъ онъ удостовѣриться лично.

— Вотъ какъ! А хотите, я сейчасъ полицію кликну?

— Кличь!

Они опять постояли съ минуту другъ предъ другомъ. Наконецъ, лицо Свидригайлова измѣнилось. Удостовѣрившись, что Раскольниковъ не испугался угрозы, онъ принялъ вдругъ самый веселый и дружескій видъ.

— Вѣдь этакой! Я нарочно о вашемъ дѣлѣ съ вами не заговаривалъ, хоть меня, разумѣется, мучитъ любопытство. Дѣло фантастическое. Отложить было до другаго раза, да, право, вы способны и мертваго раздразнить... Ну, пойдемте, только заранѣе скажу: я теперь только на минутку домой, чтобы денегъ захватить; потомъ запираю квартиру, беру извощика и на цѣлый вечеръ на острова. Ну, куда-же вамъ за мной?

— Я покамѣстъ на квартиру, да и то не къ вамъ, а къ Софьѣ Семеновнѣ, извиниться, что на похоронахъ не былъ.

— Это какъ вамъ угодно, но Софьи Семеновны дома нѣтъ. Она всѣхъ дѣтей отвела къ одной дамѣ, къ одной знатной дамѣ-старушкѣ, къ моей прежней давнишней знакомой и распорядительницѣ въ какихъ-то спротскихъ заведеніяхъ. Я очаровалъ эту даму, внеся ей деньги за всѣхъ трехъ итенцовъ Катерины Ивановны, кромѣ того, и на заведенія пожертвовалъ еще денегъ: наконецъ, разсказалъ ей исторію Софьи Семеновны, даже со всѣми операми, ничего не скрывая. Эфектъ произвело неописанный. Вотъ почему Софьѣ Семеновнѣ и назначено было явиться сегодня-же, прямо въ —ую отель, гдѣ временно, съ дачи, присутствуетъ моя барыня.

— Нужды нѣтъ, я всетаки зайду.

— Какъ хотите, только я-то вамъ не товарищъ; а мнѣ что! Вотъ мы сейчасъ и дома. Скажите, я убѣжденъ, вы оттого на меня смотрите подозрительно, что я самъ былъ настолько деликатенъ и до сихъ поръ не безпокоилъ васъ разспросами... вы понимаете? Вамъ показалось это дѣломъ необыкновеннымъ; бьюсь объ закладъ, что такъ! Ну, вотъ и будьте послѣ того деликатнымъ.

— И подслушивайте у дверей!

— А, вы про это! засмѣялся Свидригайловъ: —да, я-бы удивился, еслибы, послѣ всего, вы пропустили это безъ замѣчанія. Ха-ха! Я хоть нѣчто и понялъ изъ того, что вы тогда... тамъ... накуралесили и Софьѣ Семеновнѣ сами разсказывали, но однако, что-жь это такое? Я, можетъ, совсѣмъ, отсталый человѣкъ и ничего ужь понимать не могу. Объясните, ради Бога, голубчикъ! Просвѣтите новѣйшими началами.

— Ничего вы не могли слышать, врете вы все!

— Да я не про то, не про то (хоть я, впрочемъ, кое что и слышалъ), нѣтъ, я про то, что вы вотъ все охаете, да охаете! Шиллеръ-то въ васъ смущается поминутно. А теперь вотъ и у дверей не подслушивай. Если такъ, ступайте да и объявите по начальству, что вотъ, дескать, такъ и такъ, случился со мной такой казусъ: въ теоріи ошибочка небольшая вышла. Если-же убѣждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонокъ можно душить чѣмъ попало, въ свое удовольствіе, такъ уѣзжайте куда нибудь поскорѣе въ Америку! Бѣгите, молодой человѣкъ! Можетъ, есть еще время. Я искренно говорю. Денегъ, что-ли, нѣтъ? Я дамъ на дорогу.

Я совсѣмъ объ этомъ не думаю, перервалъ было Раскольниковъ съ отвращеніемъ.

— Понимаю (вы впрочемъ не утруждайте себя: если хотите, то много и не говорите): понимаю какіе у васъ вопросы въ ходу: нравственные, что-ли? Вопросы гражданина и человѣка? А вы ихъ по боку: зачѣмъ они вамъ теперь-то? Хе-хе! Затѣмъ, что все еще

и гражданинъ и человѣкъ? А коли такъ, такъ и соваться не надо было: нечего не за свое дѣло браться. Ну, застрѣлитесь: что, аль не хочется?

— Вы, кажется, нарочно хотите меня раздразнить, чтобъ я только отъ васъ теперь отсталъ...

— Вотъ чудакъ-то, да мы ужъ пришли, милости просимъ на лѣстницу. Видите, вотъ тутъ входъ къ Софьѣ Семеновнѣ, смотрите, нѣтъ никого! Не вѣрите? Спросите у Капернаумова: она имъ ключъ отдастъ. Вотъ она и сама madame de Капернаумовъ, а? Что? (она глуха немного) Ушла? Куда? Ну, вотъ слышали теперь? Нѣтъ ея и не будетъ до глубокаго, можетъ быть, вечера. Ну, теперь пойдемте ко мнѣ. Вѣдь вы хотѣли и ко мнѣ? Ну, вотъ мы и у меня. Madame Ресслихъ нѣтъ дома. Эта женщина вѣчно въ хлопотахъ, но хорошая женщина, увѣряю васъ... можетъ быть, она-бы вамъ пригодилась, еслибы вы были нѣсколько разсудительнѣе. Ну, вотъ извольте видѣть: я беру изъ бюро этотъ пятипроцентный билетъ (вотъ у меня ихъ еще сколько!) а этотъ сегодня по боку у мѣнялы пойдетъ. Ну, видѣли? Болѣе мнѣ терять времени нечего. Бюро запирается, квартира запирается, и мы опять на лѣстницѣ. Ну, хотите, наймемте извощика? Я вѣдь на острова. Не угодно-ли прокатиться? Вотъ я беру эту коляску на Елагинъ, что? Отказываетесь? Не выдержали? Прокатимтесь, ничего. Кажется, дождь надвигается, ничего, спустимъ верхъ...

Свидригайловъ сидѣлъ уже въ коляскѣ. Раскольниковъ разсудилъ, что подозрѣнія его, по крайней мѣрѣ, въ эту минуту, несправедливы. Не отвѣчая ни слова, онъ повернулся и пошелъ обратно по направленію къ Сѣнной. Еслибъ онъ обернулся хоть разъ дорогой, то успѣлъ-бы увидѣть, какъ Свидригайловъ, отъѣхавъ не болѣе ста шаговъ, расплатился съ коляской и самъ очутился на тротуарѣ. Но онъ ничего уже не могъ видѣть и зашелъ уже за уголъ. Глубокое отвращеніе влекло его прочь отъ Свидригайлова. И я могъ хоть мгновеніе ожидать чего нибудь отъ этого грубаго злодѣя, отъ этого сладострастнаго развратника и подлеца! — вскричалъ онъ невольно. Правда, что сужденіе свое Раскольниковъ произнесъ слишкомъ поспѣшно и легкомысленно. Было нѣчто во всей обстановкѣ Свидригайлова, что, по крайней мѣрѣ, придавало ему хоть нѣкоторую оригинальность, если не таинственность. Что-же касалось во всемъ этомъ сестры, то Раскольниковъ оставался все-таки убѣжденъ наверно, что Свидригайловъ не оставитъ ея въ покоѣ. Но слишкомъ ужъ тяжело и невыносимо становилось обо всемъ этомъ думать и передумывать!

По обыкновенію своему, онъ, оставшись одинъ, съ двадцати

шаговъ впалъ въ глубокую задумчивость. Взойдя на мостъ, онъ остановился у перилъ и сталъ смотрѣть на воду. А между тѣмъ надъ нимъ стояла Авдотья Романовна.

Онъ повстрѣчался съ нею при входѣ на мостъ, но прошелъ мимо, не разсмотрѣвъ ея. Дунечка еще никогда не встрѣчала его такимъ на улицѣ и была поражена до испуга. Она остановилась и не знала: окликнуть его или нѣтъ? Вдругъ она замѣтила посѣдшаго подходящаго со стороны Сѣнной Свидригайлова.

Но тотъ, казалось, приближался таинственно и осторожно. Онъ не взошелъ на мостъ, а остановился въ сторонѣ, на тротуарѣ, стараясь всѣми силами, чтобъ Раскольниковъ не увидалъ его. Дуню онъ уже давно замѣтилъ и сталъ дѣлать ей знаки. Ей показалось, что знаками своими онъ упрашивалъ ее не окликать брата и оставить его въ покоѣ, а звалъ ее къ себѣ.

Такъ Дуня и сдѣлала. Она потихоньку обошла брата и приблизилась къ Свидригайлову.

— Пойдемте поскорѣе, прошепталъ ей Свидригайловъ.—Я не желаю, чтобы Родіонъ Романычъ зналъ о нашемъ свиданіи. Предупреждаю васъ, что я съ нимъ сидѣлъ тутъ недалеко, въ трактирѣ, гдѣ онъ отыскалъ меня самъ, и насилу отъ него отвязался. Онъ знаетъ почему-то о моемъ къ вамъ письмѣ и что-то подозрѣваетъ. Ужь конечно не вы ему открыли? А если не вы, такъ кто-же?

— Вотъ мы ужь поворотили за уголъ, перебила Дуня,—теперь насъ братъ не увидитъ. Объявляю вамъ, что я не пойду съ вами дальше. Скажите мнѣ все здѣсь; все это можно сказать и на улицѣ.

— Во первыхъ, этого никакъ нельзя сказать на улицѣ: во вторыхъ, вы должны выслушать и Софью Семеновну: въ третьихъ, я покажу вамъ кое-какіе документы... Ну да, наконецъ, если вы не согласитесь войти ко мнѣ, то я отказываюсь отъ всякихъ разъясненій и тотчасъ-же ухожу. При этомъ попрошу васъ не забывать, что весьма любопытная тайна вашего возлюбленнаго братца находится совершенно въ моихъ рукахъ.

Дуня остановилась въ нерѣшительности и пронзительнымъ взглядомъ смотрѣла на Свидригайлова.

— Чего вы боитесь! замѣтилъ тотъ спокойно:—городъ не деревня. И въ деревнѣ вреда сдѣлали больше вы мнѣ чѣмъ я вамъ, а тутъ...

— Софья Семеновна предупреждена?

— Нѣтъ, я не говорилъ ей ни слова и даже не совсѣмъ увѣренъ, дома-ли она теперь? Впрочемъ, вѣроятно, дома. Она сегодня

похоронила свою родственницу: не такой день чтобы по гостямъ ходить. До времени, я никому не хочу говорить объ этомъ и даже раскаиваюсь отчасти что вамъ сообщилъ. Тутъ малѣйшая неосторожность равняется уже доносу. Я живу вотъ тутъ, вотъ въ этомъ домѣ, вотъ мы и подходимъ. Вотъ это дворникъ нашего дома; дворникъ очень хорошо меня знаетъ; вотъ онъ кланяется: онъ видитъ, что я иду съ дамой, и ужь конечно успѣлъ замѣтить ваше лицо, а это вамъ пригодится, если вы очень боитесь и меня подозрѣваете. Извините, что я такъ грубо говорю. Самъ я живу отъ жильцовъ. Софья Семеновна живетъ со мною стѣна объ стѣну, тоже отъ жильцовъ. Весь этажъ въ жильцахъ. Чего-же вамъ бояться, какъ ребенку? Или я ужь такъ очень страшенъ?

Лицо Свидригайлова искривилось въ снисходительную улыбку: но ему было уже не до улыбки. Сердце его стукало, и дыханіе спиралось въ груди. Онъ нарочно говорилъ громче, чтобы скрыть свое возроставшее волненіе: но Дуня не успѣла замѣтить этого особеннаго волненія; ужь слишкомъ раздражило ее замѣчаніе о томъ, что она боится его какъ ребенокъ и что онъ такъ для нея страшенъ.

— Хоть я и знаю, что вы человѣкъ... безъ чести, но я васъ нисколько не боюсь. Идите впередъ, сказала она, повидимому спокойно, но лицо ея было очень блѣдно.

Свидригайловъ остановился у квартиры Сони.

— Позвольте справиться, дома-ли. Нѣту. Неудача! Но я знаю, что она можетъ придти очень скоро. Если она вышла, то не иначе какъ къ одной дамѣ, по поводу своихъ сиротъ. У нихъ мать умерла. Я тутъ также ввязался и распоряжался. Если Софья Семеновна не воротится черезъ десять минутъ, то я пришлю ее къ вамъ самое, если хотите, сегодня-же; ну, вотъ и мой нумеръ. Вотъ мои двѣ комнаты. За дверью помѣщается моя хозяйка, госпожа Ресслихъ. Теперь взгляните сюда, я вамъ покажу мои главные документы: изъ моей спальни эта вотъ дверь ведетъ въ совершенно пустыя двѣ комнаты, которыя отдаются въ наемъ. Вотъ онѣ... на это вамъ нужно взглянуть нѣсколько внимательнѣе...

Свидригайловъ занималъ двѣ меблированныя, довольно просторныя комнаты. Дунечка недовѣрчиво осматривалась, но ничего особеннаго не замѣтила ни въ убранствѣ, ни въ расположеніи комнатъ, хотя-бы и можно было кой что замѣтить, напримѣръ, что квартира Свидригайлова приходилась какъ-то между двумя почти необитаемыми квартирами. Входъ къ нему былъ не прямо изъ коридора, а черезъ двѣ хозяйкины комнаты, почти пустыя. Изъ спальни-же Свидригайловъ, отомкнувъ дверь, запертую на ключъ, показалъ Дунечкѣ

тоже пустую, отдающуюся въ наемъ квартиру. Дунечка остановилась было на порогѣ, не понимая для чего ее приглашаютъ смотрѣть, но Свидригайловъ поспѣшилъ съ разъясненіемъ:

— Вотъ, посмотрите сюда, въ эту вторую большую комнату. Замѣтьте эту дверь, она заперта на ключъ. Возлѣ двери стоитъ стулъ, всего одинъ стулъ въ обѣихъ комнатахъ. Это я принесъ изъ своей квартиры, чтобъ удобнѣе слушать. Вотъ тамъ сейчасъ за дверью стоитъ столъ Софьи Семеновны; тамъ она сидѣла и разговаривала съ Родіономъ Романычемъ. А я здѣсь подслушивалъ, сидя на стулѣ, два вечера сряду, оба раза часа по два,—и узнъ, конечно, могъ узнать что нибудь, какъ вы думаете?

— Вы подслушивали?

— Да, я подслушивалъ: теперь пойдемте ко мнѣ: здѣсь и сѣсть негдѣ.

Онъ привелъ Авдотью Романовну обратно въ свою первую комнату, служившую ему залой, и пригласилъ ее сѣсть на стулъ. Самъ сѣлъ на другомъ концѣ стола, по крайней мѣрѣ, отъ нея на сажень, но, вѣроятно, въ глазахъ его уже блисталъ тотъ-же самый пламень, который такъ испугалъ когда-то Дунечку. Она вздрогнула и еще разъ недовѣрчиво осмотрѣлась. Жестъ ея былъ невольный: ей видимо не хотѣлось выказывать недовѣрчивости. Но уединенное положеніе квартиры Свидригайлова наконецъ ее поразило. Ей хотѣлось спросить, дома-ли, по крайней мѣрѣ, его хозяйка, но она не спросила... изъ гордости. Къ тому-же и другое, несоразмѣрно большее страданіе чѣмъ страхъ за себя было въ ея сердцѣ. Она нестерпимо мучилась.

Вотъ ваше письмо, начала она, положивъ его на столъ.— Развѣ возможно то, что вы пишете? Вы намекаете на преступленіе, совершенное будто-бы братомъ. Вы слишкомъ ясно намекаете, вы не смѣете теперь отговариваться. Знайте-же, что я еще до васъ слышала объ этой глупой сказкѣ и не вѣрю ей ни въ одномъ словѣ. Это гнусное и смѣшное подозрѣніе. Я знаю исторію, и какъ и отчего она выдумалась. У васъ не можетъ быть никакихъ доказательствъ. Вы обѣщали доказать: говорите-же! Но заранѣе знайте, что я вамъ не вѣрю! Не вѣрю!..

Дунечка проговорила это скороговоркой, торопясь, и на мгновеніе краска бросилась ей въ лицо.

— Еслибы вы не вѣрили, то могло-ли быть, чтобы вы рискнули придти одна ко мнѣ? Зачѣмъ-же вы пришли? Изъ одного любопытства?

— Не мучьте меня, говорите, говорите!

— Нечего и говорить, что вы храбрая дѣвушка. Ей Богу, я

думалъ, что вы попросите господина Разумихина сопровождать васъ сюда. Но его ни съ вами, ни кругомъ васъ не было; я-таки смотрѣлъ; это отважно; хотѣли, значитъ, пощадить Родіона Романыча. Впрочемъ, въ васъ все божественно... Что-же касается до вашего брата, то что я вамъ скажу? Вы сейчасъ его видѣли сами. Каковъ?

— Не на этомъ-же одномъ вы основываете?

— Нѣтъ, не на этомъ, а на его собственныхъ словахъ. Вотъ сюда два вечера сряду онъ приходилъ къ Софьѣ Семеновнѣ. Я вамъ показывалъ гдѣ они сидѣли. Онъ сообщилъ ей полную свою исповѣдь. Онъ убійца. Онъ убилъ старуху-чиновницу, процентницу, у которой и самъ закладывалъ вещи; убилъ тоже сестру ея, торговку, по имени Лизавету, нечаянно вошедшую во время убійства сестры. Убилъ онъ ихъ обѣихъ топоромъ, который принесъ съ собою. Онъ ихъ убилъ чтобъ ограбить, и ограбилъ: взялъ деньги и кой-какія вещи... Онъ самъ это все передавалъ слово въ слово Софьѣ Семеновнѣ, которая одна и знаетъ секретъ, но въ убійствѣ не участвовала ни словомъ, ни дѣломъ, а напротивъ ужаснулась такъ-же, какъ и вы теперь. Будьте покойны, она его не выдастъ.

— Этого быть не можетъ! бормотала Дунечка блѣдными, помертвѣвшими губами; она задыхалась;—быть не можетъ, нѣтъ никакой, ни малѣйшей причины, никакого повода... Это ложь! Ложь!

— Онъ ограбилъ, вотъ и вся причина. Онъ взялъ деньги и вещи. Правда, онъ, по собственному своему сознанію, не воспользовался ни деньгами, ни вещами, а снесъ ихъ куда-то подъ камень, гдѣ онѣ и теперь лежатъ. Но это потому, что онъ не посмѣлъ воспользоваться.

— Да развѣ вѣроятно, чтобъ онъ могъ украсть, ограбить? Чтобъ онъ могъ объ этомъ только помыслить? вскричала Дуня и вскочила со стула.—Вѣдь вы его знаете, видѣли? Развѣ онъ можетъ быть воромъ?

Она точно умаливала Свидригайлова; она весь свой страхъ забыла.

— Тутъ, Авдотья Романовна, тысячи и милліоны комбинацій и сортировокъ. Воръ воруетъ, зато ужь онъ про себя и знаетъ, что онъ подлецъ; а вотъ я слышалъ про одного благороднаго человѣка, что почту разбилъ; такъ кто его знаетъ, можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что порядочное дѣло сдѣлалъ! Разумѣется, я-бы и самъ не повѣрилъ, также какъ и вы, еслибы мнѣ передали со стороны. Но своимъ собственнымъ ушамъ я повѣрилъ. Онъ Софьѣ Семеновнѣ и причины всѣ объяснялъ; но та и ушамъ своимъ сначала не повѣрила, да глазамъ, наконецъ, повѣрила, своимъ собственнымъ глазамъ. Онъ вѣдь самъ ей лично передавалъ.

— Какія-же... причины!

— Дѣло длинное, Авдотья Романовна. Тутъ, какъ-бы вамъ это выразить, своего рода теорія, тоже самое дѣло, по которому я нахожу, напримѣръ, что единичное злодѣйство позволительно, если главная цѣль хороша. Единичное зло и сто добрыхъ дѣлъ! Оно тоже, конечно, обидно для молодаго человѣка съ достоинствами и съ самолюбіемъ неномѣрнымъ знать, что были-бы, напримѣръ, всего только тысячи три, и вся карьера, все будущее въ его жизненной цѣли формируется иначе, а между тѣмъ нѣтъ этихъ трехъ тысячъ. Прибавьте къ этому раздраженіе отъ голода, отъ тѣсной квартиры, отъ рубища, отъ яркаго сознанія красоты своего соціальнаго положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ положенія сестры и матери. Пуще-же всего тщеславіе, гордость и тщеславіе, а впрочемъ, Богъ его знаетъ, можетъ, и при хорошихъ наклонностяхъ... Я вѣдь его не виню, не думайте пожалуйста; да и не мое дѣло. Тутъ была тоже одна собственная теорійка,—такъ себѣ теорія,—но которой люди раздѣляются, видите-ли, на матеріалъ и на особенныхъ людей, т. е. на такихъ людей, для которыхъ, по ихъ высокому положенію, законъ не писанъ, а напротивъ, которые сами сочиняютъ законы остальнымъ людямъ, матеріалу-то, сору-то. Ничего, такъ себѣ теорійка: une théorie comme une autre. Наполеонъ его ужасно увлекъ, т. е. собственно увлекло его то, что очень многіе геніальные люди на единичное зло не смотрѣли, а шагали черезъ, не задумываясь. Онъ, кажется, вообразилъ себѣ, что и онъ геніальный человѣкъ,— то есть былъ въ томъ нѣкоторое время увѣренъ. Онъ очень страдалъ и теперь страдаетъ отъ мысли, что теорію-то сочинить онъ умѣлъ, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не въ состояніи, стало быть, человѣкъ не геніальный. Ну, а ужь это для молодаго человѣка съ самолюбіемъ и унизительно, въ нашъ вѣкъ-то особенно...

— А угрызеніе совѣсти? Вы отрицаете въ немъ, стало быть, всякое нравственное чувство? Да развѣ онъ таковъ?

— Ахъ, Авдотья Романовна, теперь все помутилось, т. е., впрочемъ, оно и никогда въ порядкѣ-то особенномъ не было. Русскіе люди вообще широкіе люди, Авдотья Романовна, широкіе, какъ ихъ земля, и чрезвычайно склонны къ фантастическому, къ безпорядочному; но бѣда быть широкимъ безъ особенной геніальности. А помните, какъ много мы въ этомъ-же родѣ и на эту-же тему переговорили съ вами вдвоемъ, сидя по вечерамъ на террасѣ въ саду, каждый разъ послѣ ужина. Еще вы меня именно этой широкостью укорили. Кто знаетъ, можетъ, въ то-же самое время и говорили, когда онъ здѣсь лежалъ, да свое обдумывалъ. У насъ

въ образованномъ обществѣ особенно священныхъ преданій вѣдь нѣтъ, Авдотья Романовна: развѣ кто какъ нибудь себѣ по книгамъ составитъ... или изъ лѣтописей что нибудь выведетъ. Но вѣдь это больные ученые и, знаете, въ своемъ родѣ все колпаки, такъ что даже и неприлично свѣтскому человѣку. Впрочемъ, мои мнѣнія вообще вы знаете: я никого рѣшительно не обвиняю. Самъ я бѣлоручка, этого и придерживаюсь. Да мы объ этомъ уже не разъ говорили. Я даже имѣлъ счастье интересовать васъ моими сужденіями... Вы очень блѣдны, Авдотья Романовна!

— Я эту теорію его знаю. Я читала его статью въ журналѣ о людяхъ, которымъ все разрѣшается... Мнѣ приносилъ Разумихинъ...

— Господинъ Разумихинъ? Статью вашего брата? Въ журналѣ? Есть такая статья? Не зналъ я. Вотъ, должно быть, любопытно-то! Но куда-же вы, Авдотья Романовна?

— Я хочу видѣть Софью Семеновну, проговорила слабымъ голосомъ Дунечка.—Куда къ ней пройти? Она, можетъ, и пришла; я непремѣнно, сейчасъ хочу ее видѣть. Пусть она...

Авдотья Романовна не могла договорить; дыханіе ея буквально пресѣклось.

— Софья Семеновна не воротится до ночи. Я такъ полагаю. Она должна была придти очень скоро, если-же нѣтъ, то ужъ очень поздно...

— А, такъ ты лжешь! Я вижу... ты лгалъ... ты все лгалъ!.. Я тебѣ не вѣрю! Не вѣрю! Не вѣрю! кричала Дунечка въ настоящемъ изступленіи, совершенно теряя голову.

Почти въ обморокъ упала она на стулъ, который поспѣшилъ ей подставить Свидригайловъ.

— Авдотья Романовна, что съ вами, очнитесь! Вотъ вода. Отпейте одинъ глотокъ...

Онъ брызнулъ на нее воды. Дунечка вздрогнула и очнулась.

— Сильно подѣйствовало! бормоталъ про себя Свидригайловъ, нахмурясь.—Авдотья Романовна, успокойтесь! Знайте, что у него есть друзья. Мы его спасемъ, выручимъ. Хотите, я увезу его за границу? У меня есть деньги; я въ три дня достану билетъ. А на счетъ того что онъ убилъ, то онъ еще надѣлаетъ много добрыхъ дѣлъ, такъ что все это загладится: успокойтесь. Великимъ человѣкомъ еще можетъ быть. Ну, что съ вами? Какъ вы себя чувствуете?

— Злой человѣкъ! Онъ еще насмѣхается. Пустите меня...

— Куда вы? Да куда вы?

— Къ нему. Гдѣ онъ? Вы знаете? Отчего эта дверь заперта?

Мы сюда вошли въ эту дверь, а теперь она заперта на ключъ. Когда вы успѣли запереть ее на ключъ?

— Нельзя-же было кричать на всѣ комнаты о томъ, что мы здѣсь говорили. Я вовсе не насмѣхаюсь: мнѣ только говорить этимъ языкомъ надоѣло. Ну, куда вы такая пойдете? Или вы хотите предать его? Вы его доведете до бѣшенства, и онъ предастъ себя самъ. Знайте, что ужъ за нимъ слѣдятъ, уже напали на слѣдъ. Вы только его выдадите. Подождите: я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ сейчасъ; его еще можно спасти. Подождите, сядьте, обдумаемъ вмѣстѣ. Я для того и звалъ васъ, чтобы поговорить объ этомъ наединѣ и хорошенько обдумать. Да сядьте-же!

— Какимъ образомъ вы можете его спасти? Развѣ его можно спасти?

Дуня сѣла. Свидригайловъ сѣлъ подлѣ нея.

— Все это отъ васъ зависитъ, отъ васъ, отъ васъ одной, началъ онъ съ сверкающими глазами, почти шепотомъ, сбиваясь и даже не выговаривая иныхъ словъ отъ волненія.

Дуня въ испугѣ отшатнулась отъ него дальше. Онъ тоже весь дрожалъ.

— Вы... одно ваше слово, и онъ спасенъ! Я...: я его спасу. У меня есть деньги и друзья. Я тотчасъ отправлю его, а самъ возьму паспортъ, два паспорта. Одинъ его, другой мой. У меня друзья: у меня есть дѣловые люди... Хотите? Я возьму еще вамъ паспортъ... вашей матери... зачѣмъ вамъ Разумихинъ? Я васъ также люблю... Я васъ безконечно люблю. Дайте мнѣ край вашего платья поцаловать, дайте! Дайте! Я не могу слышать, какъ оно шумитъ. Скажите мнѣ: сдѣлай то, и я сдѣлаю! Я все сдѣлаю. Я невозможное сдѣлаю. Чему вы вѣруете, тому и я буду вѣровать. Я все, все сдѣлаю! Не смотрите, не смотрите на меня такъ! Знаете-ли, что вы меня убиваете...

Онъ начиналъ даже бредить. Съ нимъ что-то вдругъ сдѣлалось, точно ему въ голову вдругъ ударило. Дуня вскочила и бросилась къ дверямъ.

— Отворите! Отворите! кричала она чрезъ дверь, призывая кого нибудь и потрясая дверь руками. Отворите-же! Неужели нѣтъ никого?

Свидригайловъ всталъ и опомнился. Злобная и насмѣшливая улыбка медленно выдавливалась на дрожавшихъ еще губахъ его.

— Тамъ никого нѣтъ дома, проговорилъ онъ тихо и съ разстановками:—хозяйка ушла, и напрасный трудъ такъ кричать: только себя волнуете понапрасну.

— Гдѣ ключъ? Отвори сейчасъ дверь, сейчасъ, низкій человѣкъ!

— Я ключъ потерялъ и не могу его отыскать.

— А! Такъ это насиліе! вскричала Дуня, поблѣднѣла какъ смерть и бросилась въ уголъ, гдѣ поскорѣй заслонилась столикомъ, случившимся подъ рукой. Она не кричала; но она впилась взглядомъ въ своего мучителя и зорко слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Свидригайловъ тоже не двигался съ мѣста и стоялъ противъ нея на другомъ концѣ комнаты. Онъ даже овладѣлъ собою, по крайней мѣрѣ, снаружи. Но лицо его было блѣдно по прежнему. Насмѣшливая улыбка не покидала его.

— Вы сказали сейчасъ «насиліе», Авдотья Романовна. Если насиліе, то сами можете разсудить, что я принялъ мѣры. Софьи Семеновны дома нѣтъ; до Каперпаумовыхъ очень далеко, пять запертыхъ комнатъ. Наконецъ, я, по крайней мѣрѣ, вдвое сильнѣе васъ и, кромѣ того, мнѣ бояться нечего, потому что вамъ и потомъ нельзя жаловаться: вѣдь не захотите-же вы предать въ самомъ дѣлѣ вашего брата? Да и не повѣритъ вамъ никто: ну, съ какой стати дѣвушка пошла одна къ одинокому человѣку на квартиру? Такъ что, если даже и братомъ пожертвуете, то и тутъ ничего не докажете: насиліе очень трудно доказать, Авдотья Романовна.

— Подлецъ! прошептала Дуня въ негодованіи.

— Какъ хотите, но замѣтьте, я говорилъ еще только въ видѣ предположенія. По моему-же личному убѣжденію вы совершенно правы: насиліе—мерзость. Я говорилъ только къ тому, что на совѣсти вашей ровно ничего не останется, еслибы даже... еслибы даже вы и захотѣли спасти вашего брата добровольно, такъ какъ я вамъ предлагаю. Вы просто, значитъ, подчинились обстоятельствамъ, ну силѣ, наконецъ, если ужъ безъ этого слова нельзя. Подумайте объ этомъ: судьба вашего брата и вашей матери въ вашихъ рукахъ. Я-же буду вашъ рабъ... всю жизнь... я вотъ здѣсь буду ждать...

Свидригайловъ сѣлъ на диванъ, шагахъ въ восьми отъ Дуни. Для нея уже не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ его непоколебимой рѣшимости. Къ тому-же она его знала...

Вдругъ она вынула изъ кармана револьверъ, взвела курокъ и опустила руку съ револьверомъ на столикъ. Свидригайловъ вскочилъ съ мѣста.

— Ага! Такъ вотъ какъ! вскричалъ онъ въ удивленіи, но злобно усмѣхаясь;—ну, это совершенно измѣняетъ ходъ дѣла! Вы мнѣ чрезвычайно облегчаете дѣло сами, Авдотья Романовна! Да гдѣ это вы револьверъ достали? Ужъ не господинъ-ли Разумихинъ? Ба! Да револьверъ-то мой! Старый знакомый! А я-то его тогда какъ

искалъ!.. Наши деревенскіе уроки стрѣльбы, которые я имѣлъ честь вамъ давать, не пропали таки даромъ.

— Не твой револьверъ, а Марьи Петровны, которую ты убилъ, злодѣй! У тебя ничего не было своего въ ея домѣ. Я взяла его какъ стала подозрѣвать, на что̀ ты способенъ. Смѣй шагнуть хоть одинъ шагъ, и клянусь, я убью тебя!

Дуня была въ изступленіи. Револьверъ она держала на готовѣ.

— Ну, а брать? Изъ любопытства спрашиваю, спросилъ Свидригайловъ, все еще стоя на мѣстѣ.

— Доноси, если хочешь! Ни съ мѣста! Не сходи! Я выстрѣлю! Ты жену отравилъ, я знаю, ты самъ убійца!..

— А вы твердо увѣрены, что я Марфу Петровну отравилъ?

— Ты! Ты мнѣ самъ намекалъ; ты мнѣ говорилъ объ ядѣ... я знаю, ты за нимъ ѣздилъ... у тебя было готово... Это непремѣнно ты... подлецъ!

— Еслѝбы даже это была и правда, такъ изъ за тебя-же... всѐтаки ты-же была-бы причиной.

— Лжешь! Я тебя ненавидѣла всегда, всегда...

— Эге, Авдотья Романовна! Видно забыли, какъ въ жару пропаганды уже склонялись и млѣли... Я по глазкамъ видѣлъ: помните вечеромъ-то, при лунѣ-то, соловей-то еще свисталъ?

— Лжешь! (бѣшенство засверкало въ глазахъ Дуни), лжешь, клеветникъ!

— Лгу? Ну, пожалуй, и лгу. Солгалъ. Женщинамъ про эти вещицы поминать не слѣдуетъ. (Онъ усмѣхнулся.) Знаю, что выстрѣлишь, звѣрекъ хорошенькій. Ну, и стрѣляй!

Дуня подняла револьверъ, и мертво-блѣдная, съ побѣлѣвшею, дрожавшею нижнею губкой, съ сверкающими, какъ огонь, большими черными глазами, смотрѣла на него, рѣшившись, измѣряя и выжидая перваго движенія съ его стороны. Никогда еще онъ не видалъ ея столь прекрасною. Огонь, сверкнувшій изъ глазъ ея въ ту минуту, когда она поднимала револьверъ, точно обжегъ его, и сердце его съ болью сжалось. Онъ ступилъ шагъ и выстрѣлъ раздался. Пуля скользнула по его волосамъ и ударилась сзади въ стѣну. Онъ остановился и тихо засмѣялся:

— Укусила оса! Прямо въ голову мѣтитъ... Что̀ это? Кровь! Онъ вынулъ платокъ, чтобъ обтереть кровь, тоненькою струйкой стекавшую по его правому виску; вѣроятно, пуля чуть-чуть задѣла по кожѣ черепа. Дуня опустила револьверъ и смотрѣла на Свидригайлова не то что въ страхѣ, а въ какомъ-то дикомъ недоумѣніи. Она какъ-бы сама уже не понимала что̀ такое она сдѣлала и что̀ это дѣлается!

— Ну чтожь, промахъ! Стрѣляйте еще, я жду, тихо проговорилъ Свидригайловъ, все еще усмѣхаясь, но какъ-то мрачно: этакъ я васъ схватить успѣю, прежде чѣмъ вы взведете курокъ!

Дунечка вздрогнула, быстро взвела курокъ и опять подняла револьверъ.

— Оставьте меня! проговорила она въ отчаяніи:—клянусь, я опять выстрѣлю... Я... убью!..

— Ну чтожь... въ трехъ шагахъ и нельзя не убить. Ну, а не убьете... тогда... Глаза его засверкали, и онъ ступилъ еще два шага.

Дунечка выстрѣлила, осѣчка!

— Зарядили неаккуратно. Ничего! У васъ тамъ еще есть капсюль. Поправьте, я подожду.

Онъ стоялъ предъ нею въ двухъ шагахъ, ждалъ и смотрѣлъ на нее съ дикою рѣшимостью, воспаленно-страстнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Дуня поняла, что онъ скорѣе умретъ чѣмъ отпуститъ ее. И... и ужь конечно она убьетъ его теперь, въ двухъ шагахъ!..

Вдругъ она отбросила револьверъ.

— Бросила! съ удивленіемъ проговорилъ Свидригайловъ и глубоко перевелъ духъ. Что-то какъ-бы разомъ отошло у него отъ сердца и, можетъ быть, не одна тяжесть смертнаго страха: да вряд-ли онъ и ощущалъ его въ эту минуту. Это было избавленіе отъ другаго, болѣе скорбнаго и мрачнаго, чувства, котораго-бы онъ и самъ не могъ во всей силѣ опредѣлить.

Онъ подошелъ къ Дунѣ и тихо обнялъ ее рукой за талію. Она не сопротивлялась, но, вся трепеща какъ листъ, смотрѣла на него умоляющими глазами. Онъ было хотѣлъ что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить онъ не могъ.

— Отпусти меня! умоляя, сказала Дуня.

Свидригайловъ вздрогнулъ: это *ты* было уже какъ-то не такъ проговорено, какъ давеннее.

— Такъ не любишь? тихо спросилъ онъ.

Дуня отрицательно повела головой.

И... не можешь?.. Никогда? съ отчаяніемъ прошепталъ онъ.

— Никогда! прошептала Дуня.

Прошло мгновеніе ужасной, нѣмой борьбы въ душѣ Свидригайлова. Невыразимымъ взглядомъ глядѣлъ онъ на нее. Вдругъ онъ отнялъ руку, отвернулся, быстро отошелъ къ окну и сталъ предъ нимъ.

Прошло еще мгновеніе.

— Вотъ ключъ! (Онъ вынулъ его изъ лѣваго кармана пальто и положилъ сзади себя на столъ, не глядя и не оборачиваясь къ Дунѣ). Берите; уходите скорѣй!..

Онъ упорно смотрѣлъ въ окно.

Дуня подошла къ столу взять ключъ.

— Скорѣй! Скорѣй! повторилъ Свидригайловъ, все еще не двигаясь и не оборачиваясь. Но въ этомъ: «скорѣй» видно прозвучала какая-то страшная нотка.

Дуня поняла ее, схватила ключъ, бросилась къ дверямъ, быстро отомкнула ихъ и вырвалась изъ комнаты. Чрезъ минуту, какъ безумная, не помня себя, выбѣжала она на канаву и побѣжала по направленію къ—му мосту.

Свидригайловъ простоялъ еще у окна минуты три; наконецъ, медленно обернулся, осмотрѣлся кругомъ и тихо провелъ ладонью по лбу. Страшная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаянія. Кровь, уже засыхавшая, запачкала ему ладонь; онъ посмотрѣлъ на кровь со злобою; затѣмъ намочилъ полотенце и вымылъ себѣ високъ. Револьверъ, отброшенный Дуней и отлетѣвшій къ дверямъ, вдругъ попался ему на глаза. Онъ поднялъ и осмотрѣлъ его. Это былъ маленькій, карманный трехъ-ударный револьверъ, стараго устройства: въ немъ осталось еще два заряда и одинъ капсюль. Одинъ разъ можно было выстрѣлить. Онъ подумалъ, сунулъ револьверъ въ карманъ, взялъ шляпу и вышелъ.

VI.

Весь этотъ вечеръ до десяти часовъ онъ провелъ по разнымъ трактирамъ и клоакамъ, переходя изъ одного въ другой. Отыскалась гдѣ-то и Катя, которая опять пѣла другую лакейскую пѣсню, о томъ, какъ кто-то, «подлецъ и тиранъ»,

„Началъ Катю цаловать“.

Свидригайловъ понялъ и Катю, и шарманщика, и пѣсенниковъ, и лакеевъ, и двухъ какихъ-то писаришекъ. Съ этими писаришками онъ связался собственно потому, что оба они были съ кривыми носами: у одного носъ шелъ криво вправо, а у другаго влѣво. Это поразило Свидригайлова. Они увлекли его наконецъ въ какой-то увеселительный садъ, гдѣ онъ заплатилъ за нихъ и за входъ. Въ этомъ саду была одна тоненькая, трехлѣтняя елка и три кустика. Кромѣ того выстроенъ былъ «вокзалъ», въ сущности распивочная, но тамъ можно было получать и чай, да сверхъ того стояли нѣсколько зеленыхъ столиковъ и стульевъ. Хоръ скверныхъ пѣсенниковъ и какой-то пьяный монсенскій нѣмецъ въ родѣ паяца,

съ краснымъ носомъ, но отчего-то чрезвычайно унылый, увеселялъ публику. Писаришки поссорились съ какими-то другими писаришками и затѣяли было драку. Свидригайловъ выбранъ былъ ими судьей. Онъ судилъ ихъ уже съ четверть часа, но они такъ кричали, что не было ни малѣйшей возможности что нибудь разобрать. Вѣрнѣе всего было то, что одинъ изъ нихъ что-то укралъ и даже успѣлъ тутъ-же продать какому-то подвернувшемуся жиду; но, продавъ, не захотѣлъ подѣлиться съ своимъ товарищемъ. Оказалось, наконецъ, что проданный предметъ была чайная ложка, принадлежавшая вокзалу. Въ вокзалъ хватились ея, и дѣло стало принимать размѣры хлопотливые. Свидригайловъ заплатилъ за ложку, всталъ и вышелъ изъ сада. Было часовъ около десяти. Самъ онъ не выпилъ во все это время ни одной капли вина и всего только спросилъ себѣ въ вокзалѣ чаю, да и то больше для порядка. Между тѣмъ вечеръ былъ душный и мрачный. Къ десяти часамъ надвинулись со всѣхъ сторонъ страшныя тучи: ударилъ громъ, и дождь хлынулъ какъ водопадъ. Вода падала не каплями, а цѣлыми струями хлестала на землю. Молнія сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти разъ въ продолженіе каждаго зарева. Весь промокшій до нитки, дошелъ онъ домой, запеpся, отворилъ свое бюро, вынулъ всѣ свои деньги и разорвалъ двѣ-три бумаги. Затѣмъ, сунувъ деньги въ карманъ, онъ хотѣлъ было перемѣнить на себѣ платье, но посмотрѣвъ въ окно и прислушавшись къ грозѣ и дождю, махнувъ рукой, взялъ шляпу и вышелъ, не запеpевъ квартиры. Онъ прошелъ прямо къ Сонѣ. Та была дома.

Она была не одна: кругомъ нея было четверо маленькихъ дѣтей Капернаумова. Софья Семеновна поила ихъ чаемъ. Она молча и почтительно встрѣтила Свидригайлова, съ удивленіемъ оглядѣла его измокшее платье, но не сказала ни слова. Дѣти-же всѣ тотчасъ убѣжали въ неописанномъ ужасѣ.

Свидригайловъ сѣлъ къ столу, а Сонѣ попросилъ сѣсть подлѣ. Та робко приготовилась слушать.

— Я, Софья Семеновна, можетъ, въ Америку уѣду, сказалъ Свидригайловъ,—и такъ какъ мы видимся съ вами, вѣроятно, въ послѣдній разъ, то я пришелъ кой-какія распоряженія сдѣлать. Ну, вы эту даму сегодня видѣли? Я знаю что она вамъ говорила, нечего пересказывать. (Соня сдѣлала было движеніе и покраснѣла). У этого народа извѣстная складка. Что-же касается до сестрицъ и до брата вашего, то они дѣйствительно пристроены, и деньги, причитающіяся имъ, выданы мною на каждаго, подъ росписки, куда слѣдуетъ, въ вѣрныя руки. Вы, впрочемъ, эти росписки возьмите себѣ, такъ, на всякій случай. Вотъ, возьмите! Ну-съ, те-

перь это конечно. Вотъ три пятипроцентные билета, всего на три тысячи. Это вы возьмите себѣ, собственно себѣ, и пусть это такъ между нами и будетъ, чтобы никто и не зналъ, что-бы тамъ вы ни услышали. Они-же вамъ понадобятся, потому, Софья Семеновна, такъ жить, по прежнему—скверно, да и нужды вамъ болѣе нѣтъ никакой.

– Я-съ вами такъ облагодѣтельствована, и сироты-съ, и покойница, заторопилась Соня,—что если до сихъ поръ я васъ мало такъ благодарила, то... не сочтите...

— Э, полноте, полноте.

— А, эти деньги, Аркадій Ивановичъ, я вамъ очень благодарна, но я вѣдь теперь въ нихъ не нуждаюсь. Я себя одну завсегда прокормлю, не сочтите неблагодарностью: если вы такіе благодѣтельные, то эти деньги-съ...

— Вамъ, вамъ, Софья Семеновна, и пожалуйста безъ особенныхъ разговоровъ, потому, даже мнѣ и некогда. А вамъ понадобятся. У Родіона Романовича двѣ дороги: или пуля въ лобъ, или по Владиміркѣ. (Соня дико посмотрѣла на него и задрожала). Не безпокойтесь, я все знаю, отъ него-же самого, и я не болтунъ: никому не скажу. Это вы его хорошо учили тогда, чтобъ онъ самъ на себя пошелъ и сказалъ. Это ему будетъ гораздо выгоднѣе. Ну, какъ выйдетъ Владимірка – онъ по ней, а вы вѣдь за нимъ? Вѣдь такъ? Вѣдь такъ? Ну, а коли такъ, то значитъ деньги вотъ и понадобятся. Для него-же понадобятся, понимаете? Давая вамъ, я все равно что ему даю. Къ тому-же вы вотъ обѣщались и Амаліи Ивановнѣ долгъ заплатить: я вѣдь слышалъ. Что это вы, Софья Семеновна, такъ необдуманно все такіе контракты и обязательства на себя берете? Вѣдь Катерина Ивановна осталась должна этой нѣмкѣ, а не вы, такъ и наплевать-бы вамъ на нѣмку. Такъ на свѣтѣ не проживешь. Ну-съ, если васъ когда кто будетъ спрашивать,—ну, завтра или послѣзавтра,—обо мнѣ, или на счетъ меня (а васъ-то будутъ спрашивать), то вы о томъ, что я теперь къ вамъ заходилъ, не упоминайте и деньги отнюдь не показывайте и не сказывайте, что я вамъ далъ, никому. Ну, теперь до свиданья. (Онъ всталъ со стула). Родіону Романычу поклонъ. Кстати: держите-ка деньги-то до времени хоть у господина Разумихина. Знаете господина Разумихина? Ужь конечно знаете. Это малый такъ себѣ. Снесите-ка къ нему, завтра, или... когда придетъ время. А до тѣхъ поръ подальше спрячьте.

Соня также вскочила со стула и испуганно смотрѣла на него. Ей очень хотѣлось что-то сказать, что-то спросить, но она въ первыя минуты не смѣла, да и не знала какъ ей начать.

— Какъ-же вы... какъ-же вы-съ, теперь-же въ такой дождь и пойдете?

— Ну, въ Америку собираться, да дождя бояться, хе-хе! Прощайте голубчикъ, Софья Семеновна! Живите и много живите, вы другимъ пригодитесь. Кстати... скажите-ка господину Разумихину, что я велѣлъ ему кланяться. Такъ-таки и передайте: Аркадій, дескать, Ивановичъ Свидригайловъ кланяется. Да непремѣнно-же.

Онъ вышелъ, оставивъ Соню въ изумленіи, въ испугѣ и въ какомъ-то неясномъ и тяжеломъ подозрѣніи.

Оказалось потомъ, что въ этотъ-же вечеръ, часу въ двѣнадцатомъ, онъ сдѣлалъ и еще одинъ весьма эксцентрическій и неожиданный визитъ. Дождь все еще не переставалъ. Весь мокрый, вошелъ онъ въ двадцать минутъ двѣнадцатаго въ тѣсную квартирку родителей своей невѣсты, на Васильевскомъ островѣ, въ третьей линіи, на Маломъ проспектѣ. На силу достучался и въ началѣ произвелъ было большое смятеніе: но Аркадій Ивановичъ, когда хотѣлъ, былъ человѣкъ съ весьма обворожительными манерами, такъ что первоначальная (хотя, впрочемъ, весьма остроумная) догадка благоразумныхъ родителей невѣсты, что Аркадій Ивановичъ, вѣроятно, до того уже гдѣ нибудь нахлестался пьянъ, что ужь и себя не помнитъ, —тотчасъ-же пала сама собою. Разслабленнаго родителя выкатила въ кресломъ къ Аркадію Ивановичу, сердобольная и благоразумная мать невѣсты, и, по своему обыкновенію, тотчасъ-же приступила къ кой-какимъ отдаленнымъ вопросамъ. (Эта женщина никогда не дѣлала вопросовъ прямыхъ, а всегда пускала въ ходъ сперва улыбки и потиранія рукъ, а потомъ, если надо было что нибудь узнать непремѣнно и вѣрно, напримѣръ: когда угодно будетъ Аркадію Ивановичу назначить свадьбу, то начинала любопытнѣйшими и почти жадными вопросами о Парижѣ и о тамошней придворной жизни, и развѣ потомъ уже доходила по порядку и до третьей линіи Васильевскаго острова). Въ другое время все это, конечно, внушало много уваженія, но на этотъ разъ Аркадій Ивановичъ оказался какъ-то особенно нетерпѣливымъ и наотрѣзъ пожелалъ поскорѣе видѣть невѣсту, хотя ему уже и доложили въ самомъ началѣ, что невѣста легла уже спать. Разумѣется, невѣста явилась. Аркадій Ивановичъ прямо сообщилъ ей, что на время долженъ по одному весьма важному обстоятельству уѣхать изъ Петербурга, а потому и принесъ ей пятнадцать тысячъ рублей серебромъ въ разныхъ билетахъ, прося принять ихъ отъ него въ видѣ подарка, такъ какъ онъ и давно собирался подарить ей эту бездѣлку предъ свадьбой. Особенно логической связи подарка съ немедленнымъ отъѣздомъ и непремѣнною необходимостью

придти для того въ дождь и въ полночь, конечно, этими объясненіями ничуть не выказывалось, но дѣло однакоже обошлось весьма складно. Даже необходимыя оханья и аханья, разспросы и удивленія сдѣлались какъ-то вдругъ необыкновенно умѣренны и сдержанны; зато благодарность была выказана самая пламенная и подкрѣплена даже слезами благоразумнѣйшей матери. Аркадій Ивановичъ всталъ, засмѣялся, поцаловалъ невѣсту, потрепалъ ее по щечкѣ, подтвердилъ, что скоро пріѣдетъ, и, замѣтивъ въ ея глазкахъ хотя и дѣтское любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какой-то очень серіозный, нѣмой вопросъ, подумалъ, поцаловалъ ее въ другой разъ и тутъ-же искренно подосадовалъ въ душѣ, что подарокъ пойдетъ немедленно на сохраненіе подъ замокъ благоразумнѣйшей изъ матерей. Онъ вышелъ, оставивъ всѣхъ въ необыкновенно возбужденномъ состояніи. Но сердобольная маманя тотчасъ-же, полушепотомъ и скороговоркой, разрѣшила нѣкоторыя важнѣйшія недоумѣнія, а именно, что Аркадій Ивановичъ человѣкъ больной, человѣкъ съ дѣлами и со связями, богачъ—Богъ знаетъ что̀ тамъ у него въ головѣ, вздумалъ и поѣхалъ, вздумалъ и деньги отдалъ. а, стало быть, и дивиться нечего. Конечно, странно, что онъ весь мокрый, но англичане, напримѣръ, и того эксцентричнѣе, да и всѣ эти высшаго тона не смотрятъ на то, что̀ о нихъ скажутъ, и не церемонятся. Можетъ быть, онъ даже и нарочно такъ ходитъ, чтобы показать, что онъ никого не боится. А главное, объ этомъ ни слова никому не говорить, потому что Богъ знаетъ еще что̀ изъ этого выйдетъ, а деньги поскорѣе подъ замокъ и ужь, конечно, самое лучшее во всемъ этомъ, что Ѳедосья просидѣла въ кухнѣ, а главное отнюдь, отнюдь, отнюдь, не надо сообщать ничего этой пройдохѣ Рескихъ, и прочее, и прочее. Просидѣли и проспорились часовъ до двухъ. Невѣста, впрочемъ, ушла спать гораздо раньше, удивленная и немного грустная.

А Свидригайловъ между тѣмъ ровнехонько въ полночь переходилъ чрезъ —ковъ мостъ, по направленію на Петербургскую сторону. Дождь пересталъ, но шумѣлъ вѣтеръ. Онъ начиналъ дрожать и одну минуту съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ и даже съ вопросомъ посмотрѣлъ на черную воду Малой Невы. Но скоро ему показалось очень холодно стоять надъ водой; онъ повернулся и пошелъ на —ой проспектъ. Онъ шагалъ по безконечному —ому проспекту уже очень долго, почти съ полчаса. не разъ обрываясь въ темнотѣ на деревянной мостовой, но не переставалъ что-то съ любопытствомъ розыскивать по правой сторонѣ проспекта. Тутъ гдѣ-то, уже въ концѣ проспекта. онъ замѣтилъ, какъ-то проѣзжая недавно мимо. одну гостинницу деревян-

ную, но обширную, и имя ея, сколько ему помнилось, было что-то въ родѣ Адріанополя. Онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ: эта гостинница въ такой глуши была такою видною точкой, что возможности не было не отыскать ея, даже средп темноты. Это было длинное, деревянное, почернѣвшее зданіе, въ которомъ, не смотря на поздній часъ, еще свѣтились огни и замѣчалось нѣкоторое оживленіе. Онъ вошелъ и у встрѣтившагося ему въ коридорѣ оборванца спросилъ нумеръ. Оборванецъ, окинувъ взглядомъ Свидригайлова, встряхнулся и тотчасъ-же повелъ его въ отдѣльный нумеръ, душный и тѣсный, гдѣ-то въ самомъ концѣ коридора, въ углу, подъ лѣстницей. Но другаго не было; всѣ были заняты. Оборванецъ смотрѣлъ вопросительно.

— Чай есть? спросилъ Свидригайловъ.

— Это можно-съ.

— Еще что̀ есть?

— Телятина-съ, водка-съ, закуска-съ.

— Принеси телятины и чаю.

— А больше ничего не потребуется? спросилъ даже въ нѣкоторомъ недоумѣніи оборванецъ.

— Ничего, ничего!

Оборванецъ удалился, совершенно разочарованный.

«Хорошее, должно быть, мѣсто, подумалъ Свидригайловъ: какъ это я не зналъ. Я тоже, вѣроятно, имѣю видъ возвращающагося откуда нибудь изъ кафе-шантана, но уже имѣвшаго дорогой исторію. А любопытно однакожъ кто здѣсь останавливается и ночуетъ?»

Онъ зажегъ свѣчу и осмотрѣлъ нумеръ подробнѣе. Это была клѣтушка до того маленькая, что даже почти не подъ ростъ Свидригайлову, въ одно окно; постель очень грязная, простой крашеный столъ и стулъ занимали почти все пространство. Стѣны имѣли видъ какъ-бы сколоченныхъ изъ досокъ съ обшарканными обоями, до того уже пыльными и изодранными, что цвѣтъ ихъ (желтый) угадать еще можно было, но рисунка уже нельзя было распознать никакого. Одна часть стѣны и потолка была срѣзана на-кось, какъ обыкновенно въ мансардахъ, но тутъ надъ этимъ косякомъ шла лѣстница. Свидригайловъ поставилъ свѣчу, сѣлъ на кровать и задумался. Но страшный и безпрерывный шепотъ, иногда подымавшійся чуть не до крику, въ сосѣдней клѣтушкѣ, обратилъ наконецъ его вниманіе. Этотъ шепотъ не переставалъ съ того времени какъ онъ вошелъ. Онъ прислушался: кто-то ругалъ и чуть-ли не со слезами укорялъ другаго, но слышался одинъ только голосъ. Свидригайловъ всталъ, заслонилъ рукою свѣчку и на стѣнѣ тот-

часъ-же блеснула щелочка; онъ подошелъ и сталъ смотрѣть. Въ нумерѣ, нѣсколько большемъ чѣмъ его собственный, было двое посѣтителей. Одинъ изъ нихъ безъ сюртука, съ чрезвычайно курчавою головой и съ краснымъ воспаленнымъ лицомъ, стоялъ въ ораторской позѣ, раздвинувъ ноги, чтобъ удержать равновѣсіе, и, ударяя себя рукой въ грудь, патетически укорялъ другаго въ томъ, что тотъ нищій и что даже чина на себѣ не имѣетъ, что онъ вытащилъ его изъ грязи и что когда хочетъ, тогда и можетъ выгнать его, и что все это видитъ одинъ только перстъ Всевышняго. Укоряемый другъ сидѣлъ на стулѣ и имѣлъ видъ человѣка чрезвычайно желающаго чихнуть, но которому это никакъ не удается. Онъ взрѣдка, бараньимъ и мутнымъ взглядомъ глядѣлъ на оратора, но, очевидно, не имѣлъ никакого понятія о чемъ идетъ рѣчь и вряд-ли что нибудь даже и слышалъ. На столѣ догорала свѣча, стоялъ почти пустой графинъ водки, рюмки, хлѣбъ, стаканы, огурцы и посуда съ давно уже выпитымъ чаемъ. Осмотрѣвъ внимательно эту картину, Свидригайловъ безучастно отошелъ отъ щелочки и сѣлъ опять на кровать.

Оборванецъ, воротившійся съ чаемъ и съ телятиной, не могъ удержаться, чтобы не спросить еще разъ: «не надо-ли еще чего нибудь?» и, выслушавъ опять отвѣтъ отрицательный, удалился окончательно. Свидригайловъ набросился на чай, чтобы согрѣться, и выпилъ стаканъ, но съѣсть не могъ ни куска, за совершенною потерей аппетита. Въ немъ видимо начиналась лихорадка. Онъ снялъ съ себя пальто, жакетку, закутался въ одѣяло и легъ на постель. Ему было досадно: «все-бы лучше на этотъ разъ быть здоровымъ», подумалъ онъ и усмѣхнулся. Въ комнатѣ было душно, свѣчка горѣла тускло, на дворѣ шумѣлъ вѣтеръ, гдѣ-то въ углу скребла мышь, да и во всей комнатѣ будто пахло мышами и чѣмъ-то кожанымъ. Онъ лежалъ и словно грезилъ: мысль смѣнялась мыслью. Казалось, ему очень-бы хотѣлось хоть къ чему нибудь особенно пріцѣпиться воображеніемъ. «Это подъ окномъ, должно быть, какой нибудь садъ, подумалъ онъ, — шумятъ деревья; какъ я не люблю шумъ деревьевъ ночью, въ бурю и въ темноту, скверное ощущеніе! И онъ вспомнилъ, какъ, проходя давеча мимо Петровскаго парка, съ отвращеніемъ даже подумалъ о немъ. Тутъ онъ вспомнилъ кстати и о —ковѣ мостѣ, и о Малой Невѣ, и ему опять какъ-бы стало холодно, какъ давеча, когда онъ стоялъ надъ водой. Никогда въ жизнь мою не любилъ я воды, даже въ пейзажахъ, подумалъ онъ вновь и вдругъ опять усмѣхнулся на одну странную мысль: вѣдь вотъ, кажется, теперь-бы должно быть все равно на счетъ всей этой эстетики и комфорта, а тутъ-то именно и разборчивъ сталъ,

точно звѣрь, который непремѣнно мѣсто себѣ выбираетъ... въ подобномъ-же случаѣ. Именно поворотить-бы давеча на Петровскій! Небось темно показалось, холодно, хе-хе! Чуть-ли не ощущеній пріятныхъ понадобилось... Кстати, зачѣмъ я свѣчку не затушу? (Онъ задулъ ее). У сосѣдей улеглись, подумалъ онъ, не видя свѣта въ давешней щелочкѣ. «Вѣдь вотъ, Марѳа Петровна, вотъ-бы теперь вамъ и пожаловать, и темно, и мѣсто пригодное, и минута оригинальная. А вѣдь вотъ именно теперь-то и не придете...»

Ему вдругъ почему-то вспомнилось, какъ давеча, за часъ до исполненія замысла надъ Дунечкой, онъ рекомендовалъ Раскольникову поручить ее охраненію Разумихина. «Въ самомъ дѣлѣ я, пожалуй, пуще для своего собственнаго задора тогда это говорилъ, какъ и угадалъ Раскольниковъ. А шельма, однакожь, этотъ Раскольниковъ! Много на себѣ перетащилъ. Большею шельмой можетъ быть современемъ, когда вздоръ повыскочитъ, а теперь *слишкомъ* ужь жить ему хочется! На счетъ этого пункта этотъ народъ — подлецы. Ну, да чортъ съ нимъ, какъ хочетъ, мнѣ что.»

Ему все не спалось. Мало по малу давешній образъ Дунечки сталъ возникать предъ нимъ, и вдругъ дрожь прошла по его тѣлу. «Нѣтъ, это ужь надо теперь бросить, подумалъ онъ, очнувшись, надо о чемъ нибудь другомъ думать. Странно и смѣшно: ни къ кому я никогда не имѣлъ большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желалъ, а вѣдь это дурной признакъ, дурной признакъ! Спорить тоже не любилъ и не горячился — тоже дурной признакъ! А сколько я ей давеча наобѣщалъ — фу, чортъ! А вѣдь, пожалуй, и перемолола-бы меня какъ нибудь...» Онъ опять замолчалъ и стиснулъ зубы: опять образъ Дунечки появился предъ нимъ точь-въ точь какъ была она, когда, выстрѣливъ въ первый разъ, ужасно испугалась, опустила револьверъ, и, помертвѣвъ, смотрѣла на него, такъ что онъ два раза успѣлъ-бы схватить ее, а она и руки-бы не подняла въ защиту, еслибъ онъ самъ ей не напомнилъ. Онъ вспомнилъ, какъ ему въ то мгновеніе точно жалко стало ее, какъ-бы сердце сдавило ему... «Э! Къ чорту! Опять эти мысли, все это надо бросить, бросить!..»

Онъ уже забывался; лихорадочная дрожь утихала; вдругъ какъ-бы что-то пробѣжало подъ одѣяломъ по рукѣ его и по ногѣ. Онъ вздрогнулъ: «фу, чортъ, да это чуть-ли не мышь!» подумалъ онъ: «это я телятину оставилъ на столѣ...» Ему ужасно не хотѣлось раскрываться, вставать, мерзнуть, но вдругъ опять что-то непріятно шорхнуло ему по ногѣ; онъ сорвалъ съ себя одѣяло и зажегъ свѣчу. Дрожа отъ лихорадочнаго холода, нагнулся онъ осмотрѣть постель,— ничего не было: онъ встряхнулъ одѣяло, и вдругъ на простыню вы-

скочила мышь. Онъ бросился ловить ее; но мышь не сбѣгала съ постели, а мелькала зигзагами во всѣ стороны, скользила изъ подъ его пальцевъ, перебѣгала по рукѣ и вдругъ юркнула подъ подушку: онъ сбросилъ подушку, но въ одно мгновеніе почувствовалъ, какъ что-то вскочило ему за пазуху, шоркаетъ по тѣлу, и уже за спиной, подъ рубашкой. Онъ нервно задрожалъ и проснулся. Въ комнатѣ было темно, онъ лежалъ на кровати, закутавшись, какъ давеча, въ одѣяло, подъ окномъ выль вѣтеръ: «Экая скверность! подумалъ онъ съ досадой.

Онъ всталъ и усѣлся на краю постели, спиной къ окну. «Лучше ужь совсѣмъ не спать», рѣшился онъ. Отъ окна было, впрочемъ, холодно и сыро; не вставая съ мѣста, онъ натащилъ на себя одѣяло и закутался въ него. Свѣчи онъ не зажигалъ. Онъ ни о чемъ не думалъ, да и не хотѣлъ думать: но грезы вставали одна за другою, мелькали отрывки мыслей, безъ начала и конца и безъ связи. Какъ будто онъ впадалъ въ полудремоту. Холодъ-ли, мракъ-ли, сырость-ли, вѣтеръ-ли, завывавшій подъ окномъ и качавшій деревья, вызвали въ немъ какую-то упорную фантастическую наклонность и желаніе,—но ему все стали представляться цвѣты. Ему вообразился прелестный пейзажъ: свѣтлый, теплый, почти жаркій день, праздничный день, Троицынъ день. Богатый, роскошный, деревенскій коттеджъ, въ англійскомъ вкусѣ, весь обросшій душистыми клумбами цвѣтовъ, обсаженный грядами, идущими кругомъ всего дома: крыльцо, увитое вьющимися растеніями, заставленное грядами розъ: свѣтлая, прохладная лѣстница, устланная роскошнымъ ковромъ, обставленная рѣдкими цвѣтами въ китайскихъ банкахъ. Онъ особенно замѣтилъ въ банкахъ съ водой, на окнахъ, букеты бѣлыхъ и нѣжныхъ нарцизовъ, склоняющихся на своихъ яркозеленыхъ, тучныхъ и длинныхъ стебляхъ съ сильнымъ ароматнымъ запахомъ. Ему даже отойти отъ нихъ не хотѣлось, но онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ большую, высокую залу, и опять и тутъ вездѣ, у оконъ, около растворенныхъ дверей на террасу, на самой террасѣ, вездѣ были цвѣты. Полы были усыпаны свѣжею наконеченною душистою травой, окна были отворены, свѣжій, легкій, прохладный воздухъ проникалъ въ комнату, птички чирикали подъ окнами, а посреди залы, на покрытыхъ бѣлыми атласными пеленами столахъ, стоялъ гробъ. Этотъ гробъ былъ обитъ бѣлымъ гроденаплемъ и обшитъ бѣлымъ густымъ рюшемъ. Гирлянды цвѣтовъ обвивали его со всѣхъ сторонъ. Вся въ цвѣтахъ лежала въ немъ дѣвочка, въ бѣломъ тюлевомъ платьѣ, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными изъ мрамора, руками. Но распущенные волосы ея, волосы свѣтлой блондинки, были мокры: вѣнокъ изъ розъ обвивалъ ея голову. Строгій

и уже окостенѣлый профиль ея лица былъ тоже какъ-бы выточенъ изъ мрамора, но улыбка на блѣдныхъ губахъ ея была полна какой-то не дѣтской, безпредѣльной скорби и великой жалобы. Свидригайловъ зналъ эту дѣвочку; ни образа, ни зажженныхъ свѣчей не было у этого гроба и не слышно было молитвъ. Эта дѣвочка была самоубійца, — утопленница. Ей было только четырнадцать лѣтъ, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшею и удивившею это молодое, дѣтское сознаніе, залившею незаслуженнымъ стыдомъ ея ангельски-чистую душу и вырвавшею послѣдній крикъ отчаянія, не услышанный, а нагло поруганный въ темную ночь, во мракѣ, въ холодѣ, въ сырую оттепель, когда выль вѣтеръ...

Свидригайловъ очнулся, всталъ съ постели и шагнулъ къ окну. Онъ ощупью нашелъ задвижку и отворилъ окно. Вѣтеръ хлынулъ неистово въ его тѣсную каморку и какъ-бы морознымъ инеемъ обдѣлалъ ему лицо и прикрытую одною рубашкой грудь. Подъ окномъ, должно быть, дѣйствительно было что-то въ родѣ сада и, кажется, тоже увеселительнаго; вѣроятно, днемъ здѣсь тоже нѣвали нѣвсенники и выносился на столики чай. Теперь-же съ деревьевъ и кустовъ летѣли въ окно брызги, было темно какъ въ погребѣ, такъ что едва-едва можно было различить только какія-то темныя пятна, обозначавшія предметы. Свидригайловъ, нагнувшись и опираясь локтями на подоконникъ, смотрѣлъ уже минутъ пять, не отрываясь, въ эту мглу. Среди мрака и ночи раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой.

«А, сигналъ! Вода прибываетъ», подумалъ онъ, — «къ утру хлынетъ, тамъ, гдѣ пониже мѣсто, на улицы, зальетъ подвалы и погреба, всплывутъ подвальныя крысы, и среди дождя и вѣтра люди начнутъ, ругаясь, мокрые, перетаскивать свой соръ въ верхніе этажи... А который-то теперь часъ?» И только что подумалъ онъ это, гдѣ-то близко, тикая и какъ-бы торопясь изо всей мочи, стѣнные часы пробили три. — «Эге, да черезъ часъ уже будетъ свѣтать! Чего дожидаться? Выйду сейчасъ, пойду прямо на Петровскій: тамъ гдѣ нибудь выберу большой кустъ, весь облитый дождемъ, такъ что чуть-чуть плечомъ задѣть, и милліоны брызгъ обдадутъ всю голову»... Онъ отошелъ отъ окна, заперъ его, зажегъ свѣчу, натянулъ на себя жилетку, пальто, надѣлъ шляпу и вышелъ со свѣчой въ корридоръ, чтобъ отыскать гдѣ нибудь спавшаго въ каморкѣ между всякимъ хламомъ и свѣчными огарками оборванца, расплатиться съ нимъ за нумеръ и выйти изъ гостиницы. «Самая лучшая минута, нельзя лучше и выбрать!»

Онъ долго ходилъ по всему длинному и узкому корридору, не

находя никого, и хотѣлъ уже громко кликнуть, какъ вдругъ въ темномъ углу, между старымъ шкафомъ и дверью, разглядѣлъ какой-то странный предметъ, что-то будто-бы живое. Онъ нагнулся со свѣчой и увидѣлъ ребенка — дѣвочку лѣтъ пяти не болѣе, въ измокшемъ какъ поломойная тряпка платьишкѣ, дрожавшую и плакавшую. Она какъ будто и не испугалась Свидригайлова, но смотрѣла на него съ тупымъ удивленіемъ своими большими черными глазенками и изрѣдка всхлипывала, какъ дѣти, которыя долго плакали, но уже перестали и даже утѣшились, а между тѣмъ, нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ опять всхлипнутъ. Личико дѣвочки было блѣдное и изнуренное; она окостенѣла отъ холода, но — какъ-же она попала сюда? Значитъ, она здѣсь спряталась и не спала всю ночь. Онъ сталъ ее разспрашивать. Дѣвочка вдругъ оживилась и быстро-быстро залепетала ему что-то на своемъ дѣтскомъ языкѣ. Тутъ было что-то про «мамасю» и что «мамася пьетъ», про какую-то чашку, которую «лязбиля» (разбила). Дѣвочка говорила не умолкая: кое какъ можно было угадать изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, что это нелюбимый ребенокъ, котораго мать, какая нибудь вѣчно пьяная кухарка, вѣроятно, изъ здѣшней-же гостиницы, заколотила и запугала; что дѣвочка разбила маманину чашку и что до того испугалась, что сбѣжала еще съ вечера: долго, вѣроятно, скрывалась гдѣ нибудь на дворѣ, пока дождемъ, наконецъ пробралась сюда, спряталась за шкафомъ и просидѣла здѣсь въ углу всю ночь, плача, дрожа отъ сырости, отъ темноты и отъ страха, что ее теперь больно за все это прибьютъ. Онъ взялъ ее на руки, пошелъ къ себѣ въ нумеръ, посадилъ на кровать и сталъ раздѣвать. Дырявые башмачонки ея, на босу ногу, были такъ мокры, какъ будто всю ночь пролежали въ лужѣ. Раздѣвъ, онъ положилъ ее на постель, накрылъ и закуталъ совсѣмъ съ головой въ одѣяло. Она тотчасъ заснула. Кончивъ все, онъ опять угрюмо задумался.

«Вотъ еще вздумалъ связаться!» рѣшилъ онъ вдругъ съ тяжелымъ и злобнымъ ощущеніемъ.— «Какой вздоръ!» Въ досадѣ взялъ онъ свѣчу, чтобы идти и отыскать во что-бы то ни стало оборванца и поскорѣе уйти отсюда. «Эхъ дѣвчонка!» подумалъ онъ съ проклятіемъ, уже растворяя дверь, но вернулся, еще разъ посмотрѣть на дѣвочку, спитъ-ли она и какъ она спитъ? Онъ осторожно приподнялъ одѣяло. Дѣвочка спала крѣпкимъ и блаженнымъ сномъ. Она согрѣлась подъ одѣяломъ, и краска уже разлилась по ея блѣднымъ щечкамъ. Но странно: эта краска обозначалась какъ-бы ярче и сильнѣе чѣмъ могъ быть обыкновенный дѣтскій румянецъ. «Это лихорадочный румянецъ», подумалъ Свидригайловъ, это точно румянецъ отъ вина, точно какъ будто ей дали выпить нѣлый ста-

канъ. Алыя губки точно горятъ, пышутъ, но что это? Ему вдругъ показалось, что длинныя черныя рѣсницы ея какъ будто вздрагиваютъ и мигаютъ, какъ-бы приподнимаются, и изъ подъ нихъ выглядываетъ лукавый, острый, какой-то не дѣтски-подмигивающій глазокъ, точно дѣвочка не спитъ, и притворяется. Да, такъ и есть: ея губки раздвигаются въ улыбку, кончики губокъ вздрагиваютъ, какъ-бы еще сдерживаясь. Но вотъ уже она совсѣмъ перестала сдерживаться: это уже смѣхъ, явный смѣхъ: что-то нахальное, вызывающее свѣтится въ этомъ совсѣмъ не дѣтскомъ лицѣ; это разврата, это лицо камеліи, нахальное лицо продажной камеліи изъ француженокъ. Вотъ, уже совсѣмъ не таясь, открываются оба глаза: они обводятъ его огненнымъ и безстыднымъ взглядомъ, они зовутъ его, смѣются... Что-то безконечно безобразное и оскорбительное было въ этомъ смѣхѣ, въ этихъ глазахъ, во всей этой мерзости въ лицѣ ребенка. «Какъ! Пятилѣтняя!» прошепталъ въ настоящемъ ужасѣ Свидригайловъ: «это... что-жъ это такое?» Но вотъ она уже совсѣмъ поворачивается къ нему всѣмъ пылающимъ личикомъ, простираетъ руки... «А, проклятая!» вскричалъ въ ужасѣ Свидригайловъ, занося надъ ней руку... Но въ ту-же минуту проснулся.

Онъ на той-же постелѣ, также закутанный въ одѣяло: свѣча не зажжена, а ужь въ окнахъ бѣлѣетъ полный день.

«Кошмаръ во всю ночь!» Онъ злобно приподнялся, чувствуя, что весь разбитъ: кости его болѣли. На дворѣ совершенно густой туманъ и ничего разглядѣть нельзя. Часъ пятый въ исходѣ; проспалъ! Онъ всталъ и надѣлъ свою жакетку и пальто, еще сырыя. Нащупавъ въ карманѣ револьверъ, онъ вынулъ его и поправилъ капсюль: потомъ сѣлъ, вынулъ изъ кармана записную книжку и на заглавномъ, самомъ замѣтномъ листкѣ, написалъ крупно нѣсколько строкъ. Перечитавъ ихъ, онъ задумался, облокотясь на столъ. Револьверъ и записная книжка лежали тутъ-же, у локтя. Проснувшіяся мухи лѣпились на нетронутую порцію телятины, стоявшую тутъ-же на столѣ. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ и наконецъ свободною правою рукой началъ ловить одну муху. Долго истощался онъ въ усиліяхъ, но никакъ не могъ поймать. Наконецъ, поймавъ себя на этомъ интересномъ занятіи, очнулся, вздрогнулъ, всталъ и рѣшительно пошелъ изъ комнаты. Черезъ минуту, онъ былъ на улицѣ.

Молочный, густой туманъ лежалъ надъ городомъ. Свидригайловъ пошелъ по скользкой, грязной, деревянной мостовой, по направленію къ Малой Невѣ. Ему мерещилась высоко поднявшаяся за ночь вода Малой Невы, Петровскій островъ, мокрыя дорожки, мокрая трава, мокрыя деревья и кусты и наконецъ тотъ самый кустъ... Съ досадой сталъ онъ разсматривать дома, чтобы думать о чемъ нибудь дру-

гомъ. Ни прохожаго, ни извощика не встрѣчалось по проспекту. Уныло и грязно смотрѣли яркожелтые, деревянные домики, съ закрытыми ставнями. Холодъ и сырость прохватывали все его тѣло, и его стало знобить. Изрѣдка онъ натыкался на лавочныя и овощныя вывѣски и каждую тщательно прочитывалъ. Вотъ уже кончилась деревянная мостовая. Онъ уже поравнялся съ большимъ каменнымъ домомъ. Грязная, издрогшая собачонка, съ поджатымъ хвостомъ, перебѣжала ему дорогу. Какой-то мертво-пьяный, въ пиджели, лицомъ внизъ, лежалъ поперегъ тротуара. Онъ поглядѣлъ на него и пошелъ далѣе. Высокая калапча мелькнула ему влѣво.—Ба! подумалъ онъ, да вотъ и мѣсто, зачѣмъ на Петровскій? По крайней мѣрѣ, при официальномъ свидѣтелѣ... Онъ чуть не усмѣхнулся этой новой мысли и повернулъ въ —скую улицу. Тутъ-то стоялъ большой домъ съ калапчей. У запертыхъ большихъ воротъ дома стоялъ, прислонясь къ нимъ плечомъ, небольшой человѣчекъ, закутанный въ сѣрое солдатское пальто и въ мѣдной ахиллесовской каскѣ. Дремлющимъ взглядомъ, холодно покосился онъ на подошедшаго Свидригайлова. На лицѣ его виднѣлась та вѣковѣчная брюзгливая скорбь, которая такъ кисло отпечаталась на всѣхъ безъ исключенія лицахъ еврейскаго племени. Оба они, Свидригайловъ и Ахиллесъ, нѣсколько времени, молча, разсматривали одинъ другаго. Ахиллесу наконецъ показалось не порядкомъ, что человѣкъ не пьянъ, а стоитъ передъ нимъ въ трехъ шагахъ, глядитъ въ упоръ и ничего не говоритъ.

— А-зе, сто-зе вамъ и здѣся на-а-до? проговорилъ онъ, все еще не шевелясь и не измѣняя своего положенія.

— Да ничего, братъ, здравствуй! отвѣтилъ Свидригайловъ.

— Здѣся не мѣста.

— Я, братъ, ѣду въ чужіе краи.

— Въ чужіе краи?

— Въ Америку.

— Въ Америку?

Свидригайловъ вынулъ револьверъ и взвелъ курокъ. Ахиллесъ приподнялъ брови.

— А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки), здѣся не мѣста!

— Да почему-же-бы и не мѣсто?

— А потому зе сто не мѣста.

— Ну, братъ, это все равно. Мѣсто хорошее; коли тебя станутъ спрашивать, такъ и отвѣчай, что поѣхалъ дескать въ Америку.

Онъ приставилъ револьверъ къ своему правому виску.

— А-зе здѣся нельзя, здѣся не мѣста! встрепенулся Ахиллесъ, расширяя все больше и больше зрачки.

Свидригайловъ спустилъ курокъ...

VII.

В тотъ-же день, но уже вечеромъ, часу въ седьмомъ, Раскольниковъ подходилъ къ квартирѣ матери и сестры своей, — къ той самой квартирѣ въ домѣ Бакалѣева, гдѣ устроилъ ихъ Разумихинъ. Входъ на лѣстницу былъ съ улицы. Раскольниковъ подходилъ, все еще сдерживая шагъ и какъ-бы колеблясь: войти или нѣтъ? Но онъ-бы не воротился ни за что; рѣшеніе его было принято. Къ тому-же все равно, они еще ничего не знаютъ, думалъ онъ, а меня уже привыкли считать за чудака... Костюмъ его былъ ужасенъ: все грязное, пробывшее всю ночь подъ дождемъ, изорванное, истрепанное. Лицо его было почти обезображено отъ усталости, непогоды, физическаго утомленія и чуть не суточной борьбы съ самимъ собою. Всю эту ночь провелъ онъ одинъ, Богъ знаетъ гдѣ. Но, по крайней мѣрѣ, онъ рѣшился.

Онъ постучалъ въ дверь: ему отперла мать. Дунечки дома не было. Даже и служанки на ту пору не случилось. Пульхерія Александровна сначала онѣмѣла отъ радостнаго изумленія; потомъ схватила его за руку и потащила въ комнату.

— Ну, вотъ и ты! начала она, заикаясь отъ радости. — Не сердись на меня, Родя, что я тебя такъ глупо встрѣчаю, со слезами: это я смѣюсь, а не плачу. Ты думаешь, я плачу? Нѣтъ, это я радуюсь, а ужь у меня глупая привычка такая: слезы текутъ. Это у меня со смерти твоего отца, отъ всего плачу. Садись, голубчикъ, усталъ, должно быть, вижу. Ахъ, какъ ты испачкался.

— Я подъ дождемъ вчера былъ, маманя... началъ было Раскольниковъ.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! вскинулась Пульхерія Александровна, перебивая его: — ты думалъ, я тебя такъ сейчасъ и допрашивать начну, по бабьей прежней привычкѣ; не тревожься. Я вѣдь понимаю, все понимаю; теперь я ужь выучилась по здѣшнему и, право, сама вижу, что здѣсь умнѣе. Я разъ навсегда разсудила: гдѣ мнѣ понимать твои соображенія и требовать у тебя отчетовъ? У тебя, можетъ быть, и Богъ знаетъ какія дѣла и планы въ головѣ, или мысли тамъ какія нибудь зарождаются; такъ мнѣ тебя и толкать подъ руку: объ чемъ, дескать, думаешь? Я вотъ... Ахъ, Господи! Да что-же это я толкусь туда и сюда, какъ угорѣлая... Я вотъ. Родя, твою статью въ журналѣ читаю уже въ третій разъ, мнѣ Дмитрій Прокофьичъ принесъ. Такъ я и ахнула какъ увидѣла:

вотъ дура-то, думаю про себя, вотъ онъ чѣмъ занимается, вотъ и разгадка вещей! Ученые всегда такіе. У него, можетъ, новыя мысли въ головѣ, на ту пору; онъ ихъ обдумываетъ, я его мучаю и смущаю. Читаю, другъ мой, и конечно много не понимаю; да оно, впрочемъ, такъ и должно быть: гдѣ мнѣ?

— Покажите-ка, мамаша.

Раскольниковъ взялъ газетку и мелькомъ взглянулъ на свою статью. Какъ ни противорѣчило это его положенію и состоянію, но онъ ощутилъ то странное и язвительно-сладкое чувство какое испытываетъ авторъ, въ первый разъ видящій себя напечатаннымъ: къ тому-же и двадцать три года сказались. Это продолжалось одно мгновеніе. Прочитавъ нѣсколько строкъ, онъ нахмурился, и страшная тоска сжала его сердце. Вся его душевная борьба послѣднихъ мѣсяцевъ напомнилась ему разомъ. Съ отвращеніемъ и досадой отбросилъ онъ статью на столъ.

— Но только, Родя, какъ я ни глупа, но все-таки я могу судить, что ты весьма скоро будешь однимъ изъ первыхъ людей, если не самымъ первымъ въ нашемъ ученомъ мірѣ. И смѣли они про тебя думать, что ты помѣшался. Ха-ха-ха! Ты не знаешь —вѣдь они это думали! Ахъ, низкіе червяки, да гдѣ имъ понимать что такое умъ! И вѣдь Дунечка, Дунечка тоже чуть не вѣрила —каково! Покойникъ отецъ твой два раза отсылалъ въ журналы, -сначала стихи (у меня и тетрадка хранится, я тебѣ когда нибудь покажу), а потомъ ужь и цѣлую повѣсть (я сама выпросила, чтобъ онъ далъ мнѣ переписать), и ужь какъ мы молились оба чтобы приняли, - не приняли! Я, Родя, дней шесть-семь назадъ убивалась, смотря на твое платье, какъ ты живешь, что ѣшь и въ чемъ ходишь? А теперь вижу, что опять-таки глупа была, потому захочешь, все теперь себѣ сразу достанешь, умомъ и талантомъ. Это ты пока-мѣстъ, значитъ, не хочешь теперь и гораздо важнѣйшими дѣлами занимаешься...

— Дуни дома нѣтъ, мамаша?

— Нѣту, Родя. Очень часто ея дома не вижу, оставляетъ меня одну. Дмитрій Прокофьичъ, спасибо ему, заходитъ со мной посидѣть и все объ тебѣ говоритъ. Любитъ онъ тебя и уважаетъ, мой другъ. Про сестру-же не говорю, чтобъ она ужь такъ очень была ко мнѣ непочтительна. Я вѣдь не жалуюсь. У ней свой характеръ, у меня свой; у ней свои тайны какія-то завелись: ну, у меня тайнъ отъ васъ нѣтъ никакихъ. Конечно, я твердо увѣрена, что Дуня слишкомъ умна, и кромѣ того, и меня и тебя любитъ... Но ужь не знаю къ чему все это приведетъ. Вотъ ты меня осчастливилъ теперь, Родя, что зашелъ, а она-то вотъ и прогуляла: придетъ, я

и скажу: а безъ тебя брать быль, а ты гдѣ изволила время проводить? Ты меня, Родя, очень-то и не балуй: можно тебѣ—защи, нельзя—нечего дѣлать, и такъ подожду. Вѣдь я все-таки буду знать, что ты меня любишь, съ меня и того довольно. Буду, вотъ, твои сочиненія читать, буду про тебя слышать ото всѣхъ, а нѣтъ-нѣтъ и самъ зайдешь провѣдать, чего-жь лучше? Вѣдь вотъ запилъ-же теперь, чтобъ утѣшить мать, я вѣдь вижу...

Тутъ Пульхерія Александровна вдругъ заплакала.

— Опять я! Не гляди на меня, дуру! Ахъ, Господи, да что-жь я сижу, вскричала она, срываясь съ мѣста,—вѣдь кофей есть, а я тебя и не подчую! Вотъ вѣдь эгоизмъ-то старушечій что̀ значитъ. Сейчасъ, сейчасъ!

— Маменька, оставьте это, я сейчасъ пойду. Я не для того пришелъ. Пожалуйста, выслушайте меня.

Пульхерія Александровна робко подошла къ нему.

— Маменька, что̀-бы ни случилось, что̀-бы вы обо мнѣ ни услышали, что-бы вамъ обо мнѣ ни сказали, будете-ли вы любить меня такъ, какъ теперь? спросилъ онъ вдругъ отъ полноты сердца, какъ-бы не думая о своихъ словахъ и не взвѣшивая ихъ.

— Родя, Родя, что̀ съ тобою? Да какъ-же ты объ этомъ спрашивать можешь? Да кто про тебя мнѣ что нибудь скажетъ? Да я и не повѣрю никому, кто-бы ко мнѣ ни пришелъ, просто прогоню.

— Я пришелъ васъ увѣрить, что я васъ всегда любилъ, и теперь радъ, что мы одни, радъ даже, что Дунечки нѣтъ, продолжалъ онъ съ тѣмъ-же порывомъ,—я пришелъ вамъ сказать прямо, что хоть вы и несчастны будете, но все-таки знайте, что сынъ вашъ любитъ васъ теперь больше себя и что все что̀ вы думали про меня, что я жестокъ и не люблю васъ, все это была неправда. Васъ я никогда не перестану любить... Ну, и довольно: мнѣ казалось, что такъ надо сдѣлать и этимъ начать...

Пульхерія Александровна молча обнимала его, прижимала къ своей груди и тихо плакала.

— Что̀ съ тобой, Родя, не знаю, сказала она наконецъ:—думала я все это время, что мы просто надоѣдаемъ тебѣ, а теперь вижу по всему, что тебѣ великое горе готовится, оттого ты и тоскуешь. Давно я ужъ предвижу это, Родя. Прости меня, что объ этомъ заговорила; все объ этомъ думаю и по ночамъ не сплю. Эту ночь и сестра твоя всю напролетъ въ бреду пролежала и все о тебѣ вспоминала. Разслушала я что-то, а ничего не поняла. Все утро какъ передъ казнью ходила, чего-то ждала, предчувствовала и вотъ дождалась! Родя, Родя, куда-же ты? Вдешь, что-ли, куда нибудь?

— Ѣду.

— Такъ я и думала! Да вѣдь и я съ тобой поѣхать могу, если тебѣ надо будетъ. И Дуня: она тебя любитъ, она очень любитъ тебя, и Софья Семеновна, пожалуй, пусть съ нами ѣдетъ, если надо; видишь, я охотно ее вмѣсто дочери даже возьму. Намъ Дмитрій Прокофьичъ поможетъ вмѣстѣ собраться... но... куда-же ты... ѣдешь?

— Прощайте, маменька.

— Какъ! Сегодня-же! вскрикнула она, какъ-бы теряя его на вѣки.

— Мнѣ нельзя, мнѣ пора, мнѣ очень нужно...

— И мнѣ нельзя съ тобой?

— Нѣтъ, а вы станьте на колѣни и помолитесь за меня Богу. Ваша молитва, можетъ, и дойдетъ.

Дай-же, я перекрещу тебя, благословлю тебя! Вотъ такъ, вотъ такъ. О Боже, что̀ это мы дѣлаемъ!

Да, онъ былъ радъ, онъ былъ очень радъ, что никого не было, что они были наединѣ съ матерью. Какъ-бы за все это ужасное время разомъ размягчилось его сердце. Онъ упалъ передъ нею, онъ ноги ей цаловалъ, и оба, обнявшись, плакали. И она не удивлялась и не разспрашивала на этотъ разъ. Она уже давно понимала, что съ сыномъ что-то ужасное происходитъ, а теперь присѣла какая-то страшная для него минута.

— Родя, милый мой, первенецъ ты мой, говорила она, рыдая,— вотъ ты теперь такой-же, какъ былъ маленькій, также приходилъ ко мнѣ, также обнималъ и цаловалъ меня; еще когда мы съ отцомъ жили и бѣдовали, ты утѣшалъ насъ однимъ уже тѣмъ, что былъ съ нами, а какъ я похоронила отца,—то сколько разъ мы, обнявшись съ тобой вотъ такъ, какъ теперь, на могилкѣ его плакали. А что я давно плачу, то это сердце материнское бѣду предузнало. Я какъ только въ первый разъ увидѣла тебя тогда, вечеромъ, помнишь, какъ мы только что пріѣхали сюда, то все по твоему взгляду одному угадала, такъ сердце у меня тогда и дрогнуло, а сегодня какъ отворила тебѣ, взглянула, ну, думаю, видно пришелъ часъ роковой. Родя, Родя, ты вѣдь не сейчасъ ѣдешь?

— Нѣтъ.

— Ты еще придешь?

— Да... приду.

— Родя, не сердись, я и разспрашивать не смѣю. Знаю, что не смѣю, но такъ, два только словечка скажи мнѣ, далеко куда ты ѣдешь?

— Очень далеко.

— Что-же тамъ, служба какая, карьера что-ли тебѣ?

— Что Богъ пошлетъ... помолитесь только за меня...

Раскольниковъ пошелъ къ дверямъ, но она ухватилась за него и отчаяннымъ взглядомъ смотрѣла ему въ глаза. Лицо ея исказилось отъ ужаса.

— Довольно, маменька, сказалъ Раскольниковъ, глубоко раскаиваясь, что вздумалъ придти.

— Не на вѣкъ? Вѣдь еще не на вѣкъ? Вѣдь ты придешь, завтра придешь?

— Приду, приду, прощайте.

Онъ вырвался наконецъ.

Вечеръ былъ свѣжій, теплый и ясный: погода разгулялась еще съ утра. Раскольниковъ шелъ въ свою квартиру: онъ спѣшилъ. Ему хотѣлось кончить все до заката солнца. До тѣхъ-же поръ не хотѣлось-бы съ кѣмъ нибудь повстрѣчаться. Поднимаясь въ свою квартиру, онъ замѣтилъ, что Настасья, оторвавшись отъ самовара, пристально слѣдитъ за нимъ и провожаетъ его глазами. Ужь нѣтъ-ли кого у меня? подумалъ онъ. Ему съ отвращеніемъ померещился Порфирій. Но дойдя до своей комнаты и отворивъ ее, онъ увидѣлъ Дунечку. Она сидѣла одна-одинешенька, въ глубокомъ раздумьи и, кажется, давно уже ждала его. Онъ остановился на порогѣ. Она привстала съ дивана въ испугѣ и выпрямилась предъ нимъ. Ея взглядъ, неподвижно устремленный на него, изображалъ ужасъ и неутолимую скорбь. И по одному этому взгляду онъ уже понялъ сразу, что ей все извѣстно.

— Что-же мнѣ входить къ тебѣ или уйти? спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Я цѣлый день сидѣла у Софьи Семеновны; мы ждали тебя обѣ. Мы думали, что ты непремѣнно туда зайдешь.

Раскольниковъ вошелъ въ комнату и въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ.

— Я какъ-то слабъ, Дуня: ужь очень усталъ; а мнѣ-бы хотѣлось хоть въ эту-то минуту владѣть собою вполнѣ.

Онъ недовѣрчиво вскинулъ на нее глазами.

— Гдѣ-же ты былъ всю ночь?

— Не помню хорошо: видишь, сестра, я окончательно хотѣлъ рѣшиться и много разъ ходилъ близъ Невы; это я помню. Я хотѣлъ тамъ и покончить, но... я не рѣшился.. прошепталъ онъ, опять недовѣрчиво взглядывая на Дуню.

— Слава Богу! А какъ мы боялись именно этого, я и Софья Семеновна! Стало быть, ты въ жизнь еще вѣруешь; слава Богу, слава Богу!

Раскольниковъ горько усмѣхнулся.

— Я не вѣровалъ, а сейчасъ вмѣстѣ съ матерью, обнявшись, плакали; я не вѣрую, а ее просилъ за себя молиться. Это Богъ знаетъ какъ дѣлается, Дунечка, и я ничего въ этомъ не понимаю.

— Ты у матери былъ? Ты-же ей и сказалъ? въ ужасѣ воскликнула Дуня.—Неужели ты рѣшился сказать?

— Нѣтъ, не сказалъ... словами; но она многое поняла. Она слышала ночью какъ ты бредила. Я увѣренъ, что она уже половину понимаетъ. Я, можетъ быть, дурно сдѣлалъ, что заходилъ. Ужъ и не знаю, для чего я даже и заходилъ-то. Я низкій человѣкъ, Дуня.

— Низкій человѣкъ, а на страданье готовъ идти! Вѣдь ты идешь-же?

— Иду. Сейчасъ. Да, чтобъ избѣжать этого стыда, я и хотѣлъ утопиться, Дуня, но подумалъ, уже стоя надъ водой, что если я считалъ себя до сей поры сильнымъ, то пусть-же я и стыда теперь не убоюсь, сказалъ онъ, забѣгая напередъ.—Это гордость, Дуня?

— Гордость, Родя.

Какъ будто огонь блеснулъ въ его потухшихъ глазахъ; ему точно пріятно стало, что онъ еще гордъ.

— А ты не думаешь, сестра, что я просто струсилъ воды, спросилъ онъ съ безобразною усмѣшкой заглядывая въ ея лицо.

— О, Родя, полно! горько воскликнула Дуня.

Минуты двѣ продолжалось молчаніе. Онъ сидѣлъ потупившись и смотрѣлъ въ землю; Дунечка стояла на другомъ концѣ стола и съ мученіемъ смотрѣла на него. Вдругъ онъ всталъ:

— Поздно, пора. Я сейчасъ иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя.

Крупныя слезы текли по щекамъ ея.

— Ты плачешь, сестра, а можешь ты протянуть мнѣ руку?

— И ты сомнѣвался въ этомъ?

Она крѣпко обняла его.

— Развѣ ты, идучи на страданіе, не смываешь уже вполовину свое преступленіе? вскричала она, сжимая его въ объятіяхъ и цалуя его.

— Преступленіе? Какое преступленіе? вскричалъ онъ вдругъ, въ какомъ-то внезапномъ бѣшенствѣ;—то, что я убилъ гадкую, зловредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это-то преступленіе? Не думаю я о немъ и смывать его не думаю. И что мнѣ всѣ тычутъ со всѣхъ сторонъ:

:преступленіе, преступленіе!» Только теперь вижу ясно всю нелѣпость моего малодушія, теперь, какъ ужъ рѣшился идти на этотъ ненужный стыдъ! Просто, отъ низости и бездарности моей рѣшаюсь, да развѣ еще изъ выгоды, какъ предлагалъ этотъ... Порфирій!..

— Братъ, братъ, что̀ ты это говоришь! Но вѣдь ты кровь пролилъ! въ отчаяніи вскричала Дуня.

— Которую всѣ проливаютъ, подхватилъ онъ чуть не въ изступленіи,—которая льется и всегда лилась на свѣтъ какъ водопадъ, которую льютъ какъ шампанское и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ потомъ благодѣтелемъ человѣчества. Да ты взгляни только пристальнѣе и разгляди! Я самъ хотѣлъ добра людямъ и сдѣлалъ-бы сотни, тысячи добрыхъ дѣлъ, вмѣсто одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, такъ какъ вся эта мысль была вовсе не такъ глупа, какъ теперь она кажется, при неудачѣ... (при неудачѣ все кажется глупо!) Этою глупостью я хотѣлъ только поставить себя въ независимое положеніе, первый шагъ сдѣлать, достичь средствъ, и тамъ все-бы заладилось неизмѣримою, сравнительно, пользой... Но я, я и перваго шага не выдержалъ, потому что я—подлецъ! Вотъ въ чемъ все и дѣло! И всетаки вашимъ взглядомъ не стану смотрѣть: еслибы мнѣ удалось, то меня-бы увѣнчали, а теперь въ кандалы!

— Но вѣдь это не то, совсѣмъ не то! Братъ, что̀ ты это говоришь!

— А! Не та форма, не такъ эстетически хорошая форма! Ну, я рѣшительно не понимаю: почему лупить въ людей бомбами, правильною осадой, болѣе почтенная форма? Боязнь эстетики есть первый признакъ безсилія!.. Никогда, никогда яснѣе не сознавалъ я этого, какъ теперь, и болѣе чѣмъ когда нибудь не понимаю моего преступленія! Никогда, никогда не былъ я сильнѣе и убѣжденнѣе чѣмъ теперь!..

Краска даже ударила въ его блѣдное, изнуренное лицо. Но проговаривая послѣднее восклицаніе, онъ нечаянно встрѣтился взглядомъ съ глазами Дуни и столько, столько муки за себя встрѣтилъ онъ въ этомъ взглядѣ, что невольно оборвался. Онъ почувствовалъ, что всетаки сдѣлалъ несчастными этихъ двухъ бѣдныхъ женщинъ. Всетаки онъ-же причиной...

— Дуня, милая! Если я виновенъ, прости меня, (хотя меня и нельзя простить, если я виновенъ). Прощай! Не будемъ спорить! Пора, очень пора. Не ходи за мной, умоляю тебя. Мнѣ еще надо зайти... А поди теперь и тотчасъ-же сядь подлѣ матери. Умоляю тебя объ этомъ! Это послѣдняя, самая большая моя просьба къ тебѣ.

Не отходи отъ нея все время; я оставилъ ее въ тревогѣ, которую она врядъ-ли перенесетъ: она или умретъ или сойдетъ съ ума. Будь-же съ нею! Разумихинъ будетъ при васъ: я ему говорилъ... Не плачь обо мнѣ: я постараюсь быть и мужественнымъ, и честнымъ, всю жизнь, хоть я и убійца. Можетъ быть, ты услышишь когда нибудь мое имя. Я не осрамлю васъ, увидишь; я еще докажу... теперь покамѣстъ до свиданья, поцѣловалъ онъ заключилъ, опять замѣтивъ какое-то странное выраженіе въ глазахъ Дуни при послѣднихъ словахъ и обѣщаніяхъ его.—Что-же ты такъ плачешь? Не плачь, не плачь; вѣдь не совсѣмъ-же разстаемся!.. Ахъ, да! Постой, забылъ!..

Онъ подошелъ къ столу, взялъ одну толстую, запыленную книгу, развернулъ ее и вынулъ заложенный между листами маленькій портретикъ, акварелью, на слоновой кости. Это былъ портретъ хозяйкиной дочери, его бывшей невѣсты, умершей въ горячкѣ, той самой странной дѣвушки, которая хотѣла идти въ монастырь. Съ минуту онъ всматривался въ это выразительное и болѣзненное личико, поцаловалъ портретъ и передалъ Дунечкѣ.

— Вотъ съ нею я много переговорилъ и *объ этомъ*, съ нею одной, произнесъ онъ вдумчиво:—ея сердцу я много сообщилъ изъ того, что потомъ такъ безобразно сбылось. Не безпокойся, обратился онъ къ Дунѣ,—она не согласна была, какъ и ты, и я радъ, что ея ужъ нѣтъ. Главное, главное въ томъ, что все теперь пойдетъ по новому, переломится на двое, вскричалъ онъ вдругъ, опять возвращаясь къ тоскѣ своей,—все, все, а приготовленъ-ли я къ тому? Хочу-ли я этого самъ? Это, говорятъ, для моего испытанія нужно! Къ чему, къ чему всѣ эти безсмысленныя испытанія? Къ чему они, лучше-ли я буду сознавать тогда, раздавленный муками, идіотствомъ, въ старческомъ безсиліи послѣ двадцатилѣтней каторги, чѣмъ теперь сознаю, и къ чему мнѣ тогда и жить? Зачѣмъ я теперь-то соглашаюсь такъ жить? О, я зналъ, что я подлецъ, когда я сегодня, на разсвѣтѣ, стоялъ надъ Невой!

Оба наконецъ вышли. Трудно было Дунѣ, но она любила его! Она пошла, но, отойдя шаговъ пятьдесятъ, обернулась еще разъ взглянуть на него. Его еще было видно. Но, дойдя до угла, обернулся и онъ: въ послѣдній разъ они встрѣтились взглядами: но замѣтивъ, что она на него смотритъ, онъ нетерпѣливо и даже съ досадой махнулъ рукой, чтобъ она шла, а самъ круто повернулъ за уголъ.

«Я золъ, я это вижу», думалъ онъ про себя, устыдясь чрезъ минуту своего досаднаго жеста рукой Дунѣ. «Но зачѣмъ-же онѣ сами меня такъ любятъ, если я не стою того! О, еслибъ я былъ

одинъ и никто не любилъ меня, и самъ-бы я никого никогда не любилъ! *Не было-бы всего этого!* А любопытно, неужели въ эти будущія пятнадцать-двадцать лѣтъ такъ уже смирится душа моя, что я съ благоговѣніемъ буду хныкать предъ людьми, называя себя во всякому слову разбойникомъ? Да, именно, именно! Для этого-то они и ссылаютъ меня теперь, этого-то имъ и надобно... Вотъ они снуютъ всѣ по улицѣ взадъ и впередъ, и вѣдь всякій-то изъ нихъ подлецъ и разбойникъ уже по натурѣ своей: хуже того,— идіотъ! А попробуй обойти меня ссылкой, и всѣ они взбѣсятся отъ благороднаго негодованія! О, какъ я ихъ всѣхъ ненавижу!»

Онъ глубоко задумался о томъ: какимъ-же это процессомъ можетъ такъ произойти, что онъ наконецъ предъ всѣми ими уже безъ разсужденій смирится, убѣжденіемъ смирится? А что-жъ, почему-жъ и нѣтъ? Конечно, такъ и должно быть. Развѣ двадцать лѣтъ безпрерывнаго гнета не добьютъ окончательно? Вода камень точитъ. И зачѣмъ, зачѣмъ-же жить послѣ этого, зачѣмъ я иду теперь, когда самъ знаю, что все это будетъ именно такъ какъ по книгѣ, а не иначе!»

Онъ уже въ сотый разъ, можетъ быть, задавалъ себѣ этотъ вопросъ со вчерашняго вечера, но все-таки шелъ.

VIII.

Когда онъ вошелъ къ Сонѣ, уже начинались сумерки. Весь день Соня прождала его въ ужасномъ волненіи. Онъ ждали вмѣстѣ съ Дуней. Та пришла къ ней еще съ утра, вспомнивъ вчерашнія слова Свидригайлова, что Соня «объ этомъ знаетъ». Не станемъ передавать подробностей разговора и слезъ обѣихъ женщинъ, и насколько сошлись онѣ между собой. Дуня изъ этого свиданія, по крайней мѣрѣ, вынесла одно утѣшеніе, что братъ будетъ не одинъ: къ ней, Сонѣ, къ первой пришелъ онъ со своею исповѣдью: въ ней искалъ онъ человѣка, когда ему понадобился человѣкъ: она-же и пойдетъ за нимъ, куда пошлетъ судьба. Она и не спрашивала, но знала, что это будетъ такъ. Она смотрѣла на Соню даже съ какимъ-то благоговѣніемъ и сначала почти смущала ее этимъ благоговѣйнымъ чувствомъ, съ которымъ къ ней относилась. Соня готова была даже чуть не заплакать: она, напротивъ, считала себя недостойною даже взглянуть на Дуню. Прекрасный образъ Дуни, когда та откланялась ей съ такимъ вниманіемъ и уваженіемъ во

время ихъ перваго свиданія у Раскольникова, съ тѣхъ поръ на вѣки остался въ душѣ ея, какъ одно изъ самыхъ прекрасныхъ и недосягаемыхъ видѣній въ ея жизни.

Дунечка наконецъ не вытерпѣла и оставила Соню, чтобы ждать брата въ его квартирѣ; ей все казалось, что онъ туда прежде придетъ. Оставшись одна, Соня тотчасъ-же стала мучиться отъ страха при мысли, что, можетъ быть, дѣйствительно онъ покончитъ самоубійствомъ. Того-же боялась и Дуня. Но объ онъ весь день напererывъ разубѣждали другъ друга всѣми доводами въ томъ, что этого быть не можетъ, и были спокойнѣе, пока были вмѣстѣ. Теперь-же, только что разошлись, и та, и другая стали объ одномъ этомъ только и думать. Соня вспоминала, какъ вчера Свидригайловъ сказалъ ей, что у Раскольникова двѣ дороги — Владиміръ или... Она знала къ тому-же его тщеславіе, заносчивость, самолюбіе и невѣріе. Неужели-же одно только малодушіе и боязнь смерти могутъ заставить его жить? подумала она наконецъ въ отчаяніи. Солнце между тѣмъ уже закатывалось. Она грустно стояла предъ окномъ и пристально смотрѣла въ него, — но въ окно это была видна только одна капитальная, небѣленая стѣна сосѣдняго дома. Наконецъ, когда уже она дошла до совершеннаго убѣжденія въ смерти несчастнаго,—онъ вошелъ въ ея комнату.

Радостный крикъ вырвался изъ ея груди. Но взглянувъ пристально въ его лицо, она вдругъ поблѣднѣла.

— Ну, да! сказалъ усмѣхаясь Раскольниковъ: — я за твоими крестами, Соня. Сама-же ты меня на перекрестокъ посылала: чтожъ теперь, какъ дошло до дѣла, и струсила?

Соня въ изумленіи смотрѣла на него. Страненъ показался ей этотъ тонъ: холодная дрожь прошла было по ея тѣлу, но чрезъ минуту она догадалась, что и тонъ и слова эти, все было напускное. Онъ и говорилъ-то съ нею, глядя какъ-то въ уголъ и точно избѣгая заглянуть ей прямо въ лицо.

— Я, вишь, Соня, разсудилъ, что этакъ, пожалуй, будетъ и выгоднѣе. Тутъ есть обстоятельство... Ну, да долго разсказывать, да и нечего. Меня только, знаешь, что злитъ? Мнѣ досадно, что всѣ эти глупыя, звѣрскія хари обступятъ меня сейчасъ, будутъ пялить прямо на меня свои бурклы, задавать мнѣ свои глупые вопросы, на которые надобно отвѣчать, - будутъ указывать пальцами... Тьфу! Знаешь, я не къ Порфирію иду: надоѣлъ онъ мнѣ. Я лучше къ моему пріятелю Пороху пойду, то-то удивлю, то-то эффекта въ своемъ родѣ достигну. А надо-бы быть хладнокровнѣе: слишкомъ ужь я желченъ сталъ въ послѣднее время. Вѣришь-ли: я сейчасъ погрозилъ сестрѣ чуть не кулакомъ за то только, что

она обернулась въ послѣдній разъ взглянуть на меня. Свинство этакое состояніе! Эхъ, до чего я дошелъ! Ну, что-же, гдѣ-же кресты?

Онъ былъ какъ-бы самъ не свой. Онъ даже и на мѣстѣ не могъ устоять одной минуты, ни на одномъ предметѣ не могъ сосредоточить вниманія; мысли его перескакивали одна черезъ другую, онъ заговаривался; руки его слегка дрожали.

Соня молча вынула изъ ящика два креста, кипарисный и мѣдный, перекрестилась сама, перекрестила его и надѣла ему на грудь кипарисный крестикъ.

— Это, значитъ, символъ того, что крестъ беру на себя, хе! хе! И точно я до сихъ поръ мало страдалъ! Кипарисный, то есть простонародный; мѣдный—это Лизаветинъ, себѣ береши, —покажи-ка? такъ на ней онъ былъ... въ ту минуту? Я знаю тоже подобныхъ два креста, серебряный и образокъ. Я ихъ сбросилъ тогда старушонкѣ на грудь. Вотъ-бы тѣ кстати теперь, право, тѣ-бы мнѣ и надѣть... А впрочемъ, вру я все, о дѣлѣ забуду; разсѣянъ я какъ-то!.. Видишь, Соня, — я собственно затѣмъ приплелъ, чтобы тебя предувѣдомить, чтобы ты знала... Ну, вотъ и все... Я только затѣмъ вѣдь и пришелъ. (Гм., я впрочемъ думалъ, что больше скажу). Да вѣдь ты и сама хотѣла, чтобъ я пошелъ, ну, вотъ и буду сидѣть въ тюрьмѣ, и сбудется твое желаніе: ну, чего-жь ты плачешь? И ты тоже? Перестань, полно: охъ, какъ мнѣ это все тяжело!

Чувство однакоже родилось въ немъ: сердце его сжалось на нее глядя: —«Эта-то, эта-то чего?» думалъ онъ про себя; — я-то что ей? Чего она плачетъ, чего собираетъ меня, какъ мать, или Дуня? Нянька будетъ моя!»

— Перекрестись, помолись хоть разъ, дрожащимъ, робкимъ голосомъ попросила Соня.

— О, изволь, это сколько тебѣ угодно! И отъ чистаго сердца. Соня, отъ чистаго сердца...

Ему хотѣлось, впрочемъ, сказать что-то другое.

Онъ перекрестился нѣсколько разъ. Соня схватила свой платокъ и накинула его на голову. Это былъ зеленый драдедамовый платокъ, вѣроятно, тотъ самый, про который упоминалъ тогда Мармеладовъ, «фамильный». У Раскольникова мелькнула объ этомъ мысль, но онъ не спросилъ. Дѣйствительно, онъ уже самъ сталъ чувствовать, что ужасно разсѣянъ и какъ-то безобразно встревоженъ. Онъ испугался этого. Его вдругъ поразило и то, что Соня хочетъ уйти вмѣстѣ съ нимъ.

— Что ты! Ты куда? Оставайся, оставайся! Я одинъ, вскричалъ онъ въ малодушной досадѣ, и почти озлобившись, пошелъ къ дверямъ. — И къ чему тутъ цѣлая свита! бормоталъ онъ, выходя.

Соня осталась среди комнаты. Онъ даже и не простился съ ней, онъ уже забылъ о ней; одно язвительное и бунтующее сомнѣніе вскипѣло въ душѣ его:

«Да такъ-ли, такъ-ли все это? опять — таки подумалъ онъ, сходя съ лѣстницы: неужели нельзя еще остановиться и опять все переправить... и не ходить?»

Но онъ все-таки шелъ. Онъ вдругъ почувствовалъ окончательно, что нечего себѣ задавать вопросы. Выйдя на улицу, онъ вспомнилъ, что не простился съ Соней, что она осталась среди комнаты, въ своемъ зеленомъ платкѣ, не смѣя шевельнуться отъ его окрика, и пріостановился на мигъ. Въ тоже мгновеніе вдругъ одна мысль ярко озарила его,—точно ждала, чтобы поразить его окончательно.

«Ну для чего, ну зачѣмъ я приходилъ къ ней теперь? Я ей сказалъ: за дѣломъ: за какимъ-же дѣломъ? Никакого совсѣмъ и не было дѣла! Объявить, что *ноу*; такъ что-же? Экая надобность! Люблю что-ли я ее? Вѣдь нѣтъ, нѣтъ? Вѣдь вотъ отогналъ ее теперь, какъ собаку. Крестовъ что-ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ отъ нея понадобился? О, какъ низко упалъ я! Нѣтъ,—мнѣ слезъ ея надобно было, мнѣ испугъ ея видѣть надобно было, смотрѣть, какъ сердце ея болитъ и терзается! Надо было хоть обо что нибудь зацѣпиться, помедлить, на человѣка посмотрѣть! И я смѣлъ такъ на себя надѣяться, такъ мечтать о себѣ, ницій я, ничтожный я, подлецъ, подлецъ!»

Онъ шелъ по набережной канавы, и недалеко уже оставалось ему. Но дойдя до моста, онъ пріостановился и вдругъ повернулъ на мостъ, въ сторону, и прошелъ на Сѣнную.

Онъ жадно осматривался направо и налѣво, всматривался съ напряженіемъ въ каждый предметъ и ни на чемъ не могъ сосредоточить вниманія: все выскользало. «Вотъ, чрезъ недѣлю, чрезъ мѣсяцъ, меня провезутъ куда нибудь въ этихъ арестантскихъ каретахъ по этому мосту, какъ-то я тогда взгляну на эту канаву,—запомнить-бы это?» мелькнуло у него въ головѣ. «Вотъ эта вывѣска, какъ-то я тогда прочту эти самыя буквы? Вотъ тутъ написано: *Товарищество*, ну, вотъ и запомнить это *а*, букву *а*, и посмотрѣть на нее чрезъ мѣсяцъ, на это самое *а*: какъ-то я тогда посмотрю? Что-то я тогда буду ощущать и думать?.. Боже, какъ это все должно быть низко, всѣ эти мои теперешнія... заботы! Конечно, все это, должно быть любопытно... въ своемъ родѣ... (ха-ха-ха! объ чемъ я думаю!) я ребенкомъ дѣлаюсь, я самъ передъ собою фанфаронно; ну чего я стыжу себя? Фу, какъ толкаются! Вотъ этотъ толстый,—нѣмецъ, должно быть,—что толкнулъ меня: ну, знаетъ-ли онъ кого толкнулъ? Баба съ ребенкомъ просить милo-

стыню, любопытно, что она считаетъ меня счастливѣе себя! А что, вотъ-бы и подать для куріозу. Ба, пятакъ уцѣлѣлъ въ карманѣ, откуда? На, на... возьми, матушка!»

— Сохрани тебя Богъ! послышался плачевный голосъ нищей.

Онъ вошелъ на Сѣнную. Ему непріятно, очень непріятно было сталкиваться съ народомъ, но онъ шелъ именно туда гдѣ видѣлось больше народу. Онъ-бы далъ все на свѣтѣ чтобъ остаться одному: но онъ самъ чувствовалъ, что ни одной минуты не пробудетъ одинъ. Въ толпѣ безобразничалъ одинъ пьяный: ему все хотѣлось плясать, но онъ все валился на сторону. Его обступили. Раскольниковъ протиснулся сквозь толпу, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на пьянаго и вдругъ коротко и отрывисто захохоталъ. Черезъ минуту онъ уже забылъ о немъ, даже не видалъ его, хоть и смотрѣлъ на него. Онъ отошелъ наконецъ, даже не помня гдѣ онъ находится; но когда дошелъ до средины площади, съ нимъ вдругъ произошло одно движеніе, одно ощущеніе овладѣло имъ сразу, захватило его всего—съ тѣломъ и мыслію.

Онъ вдругъ вспомнилъ слова Сони: «Поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцалуй землю, потому что ты и предъ нея согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: «я убійца!» Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно послѣднихъ часовъ, что онъ такъ и рвнулся въ возможность этого цѣльнаго, новаго, полнаго ощущенія. Какимъ-то припадкомъ оно къ нему вдругъ подступило: загорѣлось въ душѣ одною искрой и вдругъ, какъ огонь, охватило всего. Все разомъ въ немъ размягчилось, и хлынули слезы. Какъ стоялъ, такъ и упалъ онъ на землю...

Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцаловалъ эту грязную землю, съ наслажденіемъ и счастіемъ. Онъ всталъ и поклонился въ другой разъ.

— Нѣтъ нахлестался! замѣтилъ подлѣ него одинъ парень.

Раздался смѣхъ.

— Это онъ въ Іерусалимъ идетъ, братцы, съ дѣтьми, съ родиной прощается, всему міру кланяется, столичный городъ Санктпетербургъ и его грунтъ лобызаетъ, прибавилъ какой-то пьяненькій изъ мѣщанъ.

— Парнишка еще молодой! вмѣшался третій.

— Изъ благородныхъ! замѣтилъ кто-то солиднымъ голосомъ.

— Нонѣ ихъ не разберешь, кто благородный, кто нѣтъ.

Всѣ эти клики и разговоры сдержали Раскольникова и слова: «я убилъ», можетъ быть, готовившіяся слетѣть у него съ языка, замерли въ немъ. Онъ спокойно однакожъ вынесъ всѣ эти крики,

и, не озираясь, пошелъ прямо чрезъ переулокъ по направленію къ конторѣ. Одно видѣніе мелькнуло предъ нимъ дорогой, но онъ не удивился ему: онъ уже предчувствовалъ, что такъ и должно было быть. Въ то время когда онъ, на Сѣнной, поклонился до земли въ другой разъ, обернувшись влѣво, шагахъ въ пятидесяти отъ себя, онъ увидѣлъ Соню. Она пряталась отъ него за однимъ изъ деревянныхъ бараковъ, стоявшихъ на площади, стало быть, она сопровождала все его скорбное шествіе! Раскольниковъ почувствовалъ и понялъ въ эту минуту, разъ навсегда, что Соня теперь съ нимъ на вѣки и пойдетъ за нимъ хоть на край свѣта, куда-бы ему ни вышла судьба. Все сердце его перевернулось... но,—вотъ ужъ онъ и дошелъ до роковаго мѣста...

Онъ довольно бодро вошелъ во дворъ. Надо было подняться въ третій этажъ. Покамѣстъ еще подымусь, подумалъ онъ. Вообще ему казалось, что до роковой минуты еще далеко, еще много времени остается, о многомъ еще можно передумать.

Опять тотъ-же соръ, тѣ-же скорлупы на винтообразной лѣстницѣ, опять двери квартиръ отворены настежь, опять тѣ-же кухни, изъ которыхъ несетъ чадъ и вонь. Раскольниковъ съ тѣхъ поръ здѣсь не былъ. Ноги его нѣмѣли и подгибались, но шли. Онъ остановился на мгновеніе, чтобы перевести духъ, чтобъ оправиться, чтобы войти *человѣкомъ*. А для чего? Зачѣмъ? подумалъ онъ вдругъ, осмысливъ свое движеніе. Если ужъ надо вынить эту чашу, то не все-ли ужъ равно? Чѣмъ гаже, тѣмъ лучше». Въ воображеніи его мелькнула въ это мгновеніе фигура Ильи Петровича Порроха. Неужели въ самомъ дѣлѣ къ нему? А нельзя-ли къ другому? Нельзя-ли къ Никодиму Ѳомичу? Новоротить сейчасъ и понти къ самому надзирателю на квартиру? Но крайней мѣрѣ, обойдется домашнимъ образомъ... Нѣтъ, нѣтъ! Къ Порроху, къ Порроху! Пить, такъ пить все разомъ...»

Похолодѣвъ и чуть-чуть себя помня, отворилъ онъ дверь въ контору. На этотъ разъ въ ней было очень мало народу, стоялъ какой-то дворникъ и еще какой-то простолюдинъ. Сторожъ и не выглядывалъ изъ своей перегородки. Раскольниковъ прошелъ въ слѣдующую комнату. Можетъ, еще можно будетъ и не говорить мелькало въ немъ. Тутъ одна какая-то личность изъ писцовъ, въ приватномъ сюртукѣ, пристраивалась что-то писать у бюро. Въ углу усаживался еще одинъ писарь. Замѣтова не было. Никодима Ѳомича, конечно, тоже не было.

— Никого нѣтъ? спросилъ было Раскольниковъ, обращаясь къ личности у бюро.

— А вамъ кого?

— А-а-а! Слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, русскій духъ... какъ это тамъ въ сказкѣ... забылъ! М-мае н-нахтенье! вскричалъ вдругъ знакомый голосъ.

Раскольниковъ задрожалъ. Предъ нимъ стоялъ Порохъ; онъ вдругъ вышелъ изъ третьей комнаты. «Это сама судьба», подумалъ Раскольниковъ, «почему онъ тутъ?»

— Къ намъ? По какому? восклицалъ Илья Петровичъ. (Онъ былъ, повидимому, въ превосходительномъ и даже капельку въ возбужденномъ состояніи духа.) Если по дѣлу, то еще рано пожаловали. Я самъ по случаю... А впрочемъ, чѣмъ могу. Я признаюсь вамъ... какъ? Какъ? Извините...

— Раскольниковъ.

— Ну что: Раскольниковъ! И неужели вы могли предположить что я забылъ! Вы ужь, пожалуйста, меня не считайте за такого... Родіонъ Ро... Ро... Родіонычъ, такъ, кажется?

— Родіонъ Романычъ.

— Да, да, да! Родіонъ Романычъ, Родіонъ Романычъ! Этого-то я и добивался. Даже многократно справлялся. Я, признаюсь вамъ, съ тѣхъ поръ искренно горевалъ, что мы такъ тогда съ вами... мнѣ потомъ объяснили, я узналъ, что молодой литераторъ и даже ученый... и, такъ сказать, первые шаги... О, Господи! Да кто-же изъ литераторовъ и ученыхъ первоначально не дѣлалъ оригинальныхъ шаговъ! Я и жена моя, — мы оба уважаемъ литературу, а жена, такъ до страсти!.. Литературу и художественность! Быть-бы благороденъ, а прочее все можно пріобрѣсти талантами, знаніемъ, разсудкомъ, геніемъ! Шляпа, — ну что, напримѣръ, значитъ шляпа? Шляпа есть блинъ, я ее у Циммермана куплю: но что подъ шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того ужь я не куплю-съ!.. Я, признаюсь, хотѣлъ даже къ вамъ идти объясниться, да думалъ, можетъ, вы... Однакожь и не спрошу: вамъ и въ самомъ дѣлѣ что нибудь надо? Къ вамъ, говорятъ, родные пріѣхали?

— Да, мать и сестра.

— Имѣть даже честь и счастіе встрѣтить вашу сестру, — образованная и прелестная особа. Признаюсь, я пожалѣть, что мы тогда съ вами до того разгорячились. Казусъ! А что я васъ тогда, по поводу вашего обморока, нѣкоторымъ взглядомъ окинулъ, — то потомъ оно самымъ блистательнымъ образомъ объяснилось! Изувѣрство и фанатизмъ! Понимаю ваше негодованіе. Можетъ быть, по поводу прибывшаго семейства квартиру перемѣните?

— Н-нѣтъ, я только такъ... Я зашелъ спросить... я думалъ, что найду здѣсь Заметова.

— Ахъ, да! Вѣдь вы подружились: слышалъ-съ. Ну, Заметова

у насъ нѣтъ,—не застали. Да-съ, лишились мы Александра Григорьевича! Со вчерашняго дня въ наличности не имѣется: перешелъ... и, переходя, со всѣми даже перебранился... такъ даже невѣжливо... Вѣтреный мальчишка, больше ничего; даже надежды могъ подавать: да вотъ, поди съ ними, съ блистательнымъ-то юношествомъ нашимъ! Экзаменъ что-ли какой-то хочетъ держать, да вѣдь у насъ только-бы поговорить, да пофанфаронить, тѣмъ и экзаменъ кончится. Вѣдь это не то, что напримѣръ вы, али тамъ господинъ Разумихинъ, вашъ другъ! Ваша карьера ученая часть, и васъ уже не собьютъ неудачи! Вамъ всѣ эти красоты жизни, можно сказать nihil est, аскетъ, монахъ, отшельникъ!.. для васъ книга, перо за ухомъ, ученыя изслѣдованія, —вотъ гдѣ паритъ вашъ духъ! Я самъ отчасти... записки Ливингстона изволили читать?

— Нѣтъ.

— А я читалъ. Нынче впрочемъ очень много нигилистовъ распространилось: ну, да вѣдь оно и понятно: времена-то какія, я васъ спрошу? А впрочемъ я съ вами... вѣдь вы ужъ конечно не нигилистъ! Отвѣчайте откровенно, откровенно!

— Н-нѣтъ...

— Нѣтъ, знаете, вы со мной откровенно, вы не стѣсняйтесь, какъ-бы наединѣ самъ себѣ! Иное дѣло служба, иное дѣло... вы думали я хотѣлъ сказать: *дружба*, нѣтъ-съ, не угадали! Не дружба, а чувство гражданина и человѣка, чувство гуманности и любви ко Всевышнему. Я могу быть и официальнымъ лицомъ, и при должности, но гражданина и человѣка я всегда ощутить въ себѣ обязанъ и дать отчетъ... Вы вотъ изволили заговорить про Заметова. Заметовъ, онъ сосканалитъ что нибудь на французскій манеръ въ неприличномъ заведеніи, за стаканомъ шампанскаго или донскаго,—вотъ что̀ такое вашъ Заметовъ! А я, можетъ быть, такъ сказать, сторѣлъ отъ преданности и высокихъ чувствъ, и сверхъ того имѣю значеніе, чинъ, занимаю мѣсто! Женатъ и имѣю дѣтей. Исполняю долгъ гражданина и человѣка, а онъ кто, позвольте спросить? Отношусь къ вамъ, какъ къ человѣку, облагороженному образованіемъ. Вотъ еще этихъ повивальныхъ бабокъ чрезмѣрно много распространяется.

Раскольниковъ поднялъ вопросительно брови. Слова Ильи Петровича, очевидно, недавно вышедшаго изъ за стола, стучали и сыпались передъ нимъ большею частью какъ пустые звуки. Но часть ихъ онъ все-таки кое-какъ понималъ: онъ глядѣлъ вопросительно и не зналъ чѣмъ это все кончится.

Я говорю про этихъ стриженыхъ дѣвокъ, продолжалъ словоохотливый Илья Петровичъ,—я прозвалъ ихъ самъ отъ себя нови-

ѣльными бабками и находку, что призваніе совершено удовлетворительно. Хе-хе! Идутъ въ академію, учатся анатоміи: ну, скажите, я вотъ заболѣю, ну позову-ли я дѣвицу лечить себя? Хе-Хе!

Илья Петровичъ хохоталъ, вполнѣ довольный своими остротами.

— Оно, положимъ, жажда къ просвѣщенію неумѣренная: но вѣдь просвѣтился, и довольно. Зачѣмъ-же злоупотреблять? Зачѣмъ-же оскорблять благородныя личности, какъ дѣлаетъ негодяи Заметовъ? Зачѣмъ онъ меня оскорбилъ, я васъ спрошу? Вотъ еще сколько этихъ самоубійствъ распространилось, — такъ это вы представить не можете. Все это прокиваетъ послѣднія деньги и убиваетъ самого себя. Дѣвчонки, мальчишки, старцы... Вотъ еще сегодня утромъ сообщено о какомъ-то недавно пріѣхавшемъ господинѣ. Илья Навлычъ, а Илья Навлычъ! какъ его, дежитьмена-то, о которомъ сообщили давеча, застрѣлился-то на Петербургской?

— Свидригайловъ, сильно и безучастно отвѣтилъ кто-то изъ другой комнаты.

Раскольниковъ вздрогнулъ.

— Свидригайловъ! Свидригайловъ застрѣлился! вскричалъ онъ.

— Какъ! Вы знаете Свидригайлова?

— Да... знаю... Онъ недавно пріѣхалъ...

— Ну да, недавно пріѣхалъ, жены лишился, человѣкъ поведенія забубеннаго, и вдругъ застрѣлился, и такъ скандально, что представить нельзя... оставилъ въ своей записной книжкѣ нѣсколько словъ, что онъ умираетъ въ здравомъ разсудкѣ и проситъ никого не винить въ его смерти. Этотъ деньги, говорятъ, имѣлъ. Вы какъ-же изволите знать?

— Я... знакомъ... моя сестра жила у нихъ въ домѣ гувернанткой...

— Ба, ба, ба... Да вы намъ, стало быть, можете о немъ сообщить. А вы и не подозрѣвали?

— Я вчера его видѣлъ... онъ... пилъ вино... я ничего не зналъ.

Раскольниковъ чувствовалъ, что на него какъ-бы что-то упало и его придавило.

— Вы опять какъ будто побѣдили. У насъ здѣсь такой спертый духъ...

— Да, мнѣ пора-съ, пробормоталъ Раскольниковъ, извините, обезпокоилъ...

— О помилуйте, сколько угодно! Удовольствіе доставили, и я радъ заявить...

Илья Петровичъ даже руку протянулъ.

— Я хотѣлъ только... я къ Заметову...

— Понимаю, понимаю, и доставили удовольствіе.

— Я... очень радъ... до свиданія-съ... улыбался Раскольниковъ.

Онъ вышелъ: онъ качался. Голова его кружилась. Онъ не чувствовалъ, стоитъ-ли онъ на ногахъ. Онъ сталъ сходить съ лѣстницы, упираясь правою рукой объ стѣну. Ему показалось, что какой-то дворникъ, съ книгой въ рукѣ, толкнулъ его, взбираясь на встрѣчу ему въ контору; что какая-то собачонка залаяла гдѣ-то въ нижнемъ этажѣ, и что какая-то женщина бросила въ нее скалкой и закричала. Онъ сошелъ внизъ и вышелъ на дворъ. Тутъ на дворѣ, недалеко отъ выхода, стояла блѣдная, вся помертвѣвшая, Соня и дико, дико на него посмотрѣла. Онъ остановился передъ нею. Что-то больное и измученное выразилось на лицѣ ея, что-то отчаянное. Она всплеснула руками. Безобразная, потерянная улыбка выдавилась на его устахъ. Онъ постоялъ, усмѣхнулся и повернулъ на верхъ, опять въ контору.

Илья Петровичъ усѣлся и рылся въ какихъ-то бумагахъ. Передъ нимъ стоялъ тотъ самый мужикъ, который только что толкнулъ Раскольникова, взбираясь по лѣстницѣ.

— А-а-а! Вы опять! Оставили что нибудь?.. Но что съ вами?

Раскольниковъ съ побѣлѣвшими губами, съ неподвижнымъ взглядомъ, тихо приблизился къ нему, подошелъ къ самому столу, уперся въ него рукой, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ; слышались лишь какіе-то безсвязные звуки.

— Съ вами дурно, стулъ! Вотъ, сядьте на стулъ, садитесь! Воды!

Раскольниковъ опустился на стулъ, но не спускалъ глазъ съ лица весьма непріятно удивленнаго Ильи Петровича. Оба съ минуту смотрѣли другъ на друга и ждали. Принесли воды.

— Это я... началъ было Раскольниковъ.

— Выпейте воды.

Раскольниковъ отвелъ рукой воду и тихо, съ разстановками, но внятно проговорилъ:

— *Это я убилъ тогда старуху чиновницу и сестру ея Лизавету топоромъ, и ограбилъ.*

Илья Петровичъ раскрылъ ротъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались.

Раскольниковъ повторилъ свое показаніе. . . . . .

. . . . . .

Эпилогъ.

I.

Сибирь. На берегу широкой, пустынной рѣки стоитъ городъ, одинъ изъ административныхъ центровъ Россіи: въ городѣ крѣпость, въ крѣпости острогъ. Въ острогѣ уже девять мѣсяцевъ заключенъ ссыльно-каторжный втораго разряда, Родіонъ Раскольниковъ. Со дня преступленія его прошло почти полтора года.

Судопроизводство по дѣлу его прошло безъ большихъ затрудненій. Преступникъ твердо, точно и ясно поддерживалъ свое показаніе, не запутывая обстоятельствъ, не смягчая ихъ въ свою пользу, не искажая фактовъ, не забывая малѣйшей подробности. Онъ разсказалъ до послѣдней черты весь процессъ убійства, разъяснилъ тайну *заклада* (деревянной дощечки съ металлическою полоской), который оказался у убитой старухи въ рукахъ: разсказалъ подробно о томъ, какъ взялъ у убитой ключи, описалъ эти ключи, описалъ укладку и чѣмъ она была наполнена; даже перечислилъ нѣкоторые изъ отдѣльныхъ предметовъ, лежащихъ въ ней: разъяснилъ загадку объ убійствѣ Лизаветы: разсказалъ о томъ, какъ приходилъ и стучался Кохъ, а за нимъ студентъ, передавъ все что они между собой говорили: какъ онъ, преступникъ, сбѣжалъ потомъ съ лѣстницы и слышалъ визгъ Миколки и Митьки: какъ онъ спрятался въ пустой квартирѣ, пришелъ домой, и въ заключеніе указалъ камень на дворѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ, подъ воротами, подъ которымъ найдены были вещи и кошелекъ. Однимъ словомъ, дѣло вышло ясное. Слѣдователи и судья очень удивлялись между прочимъ тому, что онъ спряталъ кошелекъ и вещи подъ камень, не воспользовавшись ими, а пуще всего тому, что онъ не только не помнилъ въ подробности всѣхъ вещей собственно имъ похищенныхъ, но даже въ числѣ ихъ ошибся. То

собственно обстоятельство, что онъ ни разу не открылъ кошелька и не зналъ даже сколько именно въ немъ лежитъ денегъ, показалось невѣроятнымъ (въ кошелькѣ оказалось триста семнадцать рублей серебромъ и три двугривенныхъ: отъ долгаго леганья подъ камнемъ нѣкоторыя верхнія, самыя крупныя, бумажки чрезвычайно попортились). Долго добивались разузнать: почему именно подозрѣваемый въ одномъ этомъ обстоятельствѣ лжетъ, тогда какъ во всемъ другомъ сознается добровольно и правдиво? Наконецъ, нѣкоторые (особенно изъ психологовъ) допустили даже возможность того, что и дѣйствительно онъ не заглядывалъ въ кошелекъ, а потому и не зналъ что̀ въ немъ было, и не зная, такъ и снесъ подъ камень, но тутъ-же изъ этого и заключили, что самое преступленіе не могло иначе и случиться, какъ при нѣкоторомъ временномъ умопомѣшательствѣ, такъ сказать, при болѣзненной мономаніи убійства и грабежа, безъ дальнѣйшихъ цѣлей и разсчетовъ на выгоду. Тутъ кстати подоспѣла новѣйшая модная теорія временнаго умопомѣшательства, которую такъ часто стараются примѣнять въ наше время къ инымъ преступникамъ. Къ тому-же давнишнее ипохондрическое состояніе Раскольникова было заявлено до точности многими свидѣтелями, докторомъ Зосимовымъ, прежними его товарищами, хозяйкой, прислугой. Все это сильно способствовало заключенію, что Раскольниковъ не совсѣмъ похожъ на обыкновеннаго убійцу, разбойника и грабителя, но что тутъ что-то другое. Къ величайшей досадѣ защищавшихъ это мнѣніе самъ преступникъ почти не пробовалъ защищать себя: на окончательные вопросы: что̀ именно могло склонить его къ смертоубійству и что̀ побудило его совершить грабежъ, онъ отвѣчалъ весьма ясно, съ самою грубою точностью, что причиной всему было его скверное положеніе, его нищета и безпомощность, желаніе упрочить первые шаги своей жизненной карьеры съ помощью, по крайней мѣрѣ, трехъ тысячъ рублей, которые онъ разсчитывалъ найти у убитой. Рѣшился-же онъ на убійство вслѣдствіе своего легкомысленнаго и малодушнаго характера, раздраженнаго, сверхъ того, лишеніями и неудачами. На вопросы-же что̀ именно побудило его явиться съ повинною, прямо отвѣчалъ, что чистосердечное раскаяніе. Все это было почти уже грубо...

Приговоръ однакожъ оказался мягчайшимъ чѣмъ можно было ожидать, судя по совершенному преступленію. И, можетъ быть, именно потому, что преступникъ не только не хотѣлъ оправдываться, но даже какъ-бы изъявилъ желаніе самъ еще болѣе обвинить себя. Всѣ странныя и особенныя обстоятельства дѣла были приняты во вниманіе. Болѣзненное и бѣдственное состояніе преступника до

совершенія преступленія не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію. То, что онъ не воспользовался ограбленнымъ зачтено частію за дѣйствіе пробуждавшагося раскаянія, частію за несовершенно здравое состояніе умственныхъ способностей во время совершенія преступленія. Обстоятельство нечаяннаго убійства Лизаветы даже послужило примѣромъ, подкрѣпляющимъ послѣднее предположеніе: человѣкъ совершаетъ два убійства и въ тоже время забываетъ, что дверь стоитъ отпертая! Наконецъ, явка съ повинною, въ то самое время, когда дѣло необыкновенно запуталось вслѣдствіе ложнаго показанія на себя упавшаго духомъ изувѣра (Николая), и кромѣ того, когда на настоящаго преступника не только ясныхъ уликъ, но даже и подозрѣній почти не имѣлось (Порфирій Петровичъ вполнѣ сдержалъ слово), все это окончательно способствовало смягченію участи обвиненаго.

Объявились, кромѣ того, совершенно неожиданно и другія обстоятельства, сильно благопріятствовавшія подсудимому. Бывшій студентъ Разумихинъ откопалъ откуда-то свѣдѣнія и представилъ доказательства, что преступникъ Раскольниковъ, въ бытность свою въ университетѣ, изъ послѣднихъ средствъ своихъ помогалъ одному своему бѣдному и чахоточному университетскому товарищу и почти содержалъ его въ продолженіи полугода. Когда-же тотъ умеръ, ходилъ за оставшимся въ живыхъ старымъ и разслабленнымъ отцомъ умершаго товарища (который содержалъ и кормилъ своего отца своими трудами чуть не съ тринадцатилѣтняго возраста), помѣстилъ наконецъ этого старика въ больницу, и когда тотъ тоже умеръ, похоронилъ его. Всѣ эти свѣдѣнія имѣли нѣкоторое благопріятное вліяніе на рѣшеніе судьбы Раскольникова. Сама бывшая хозяйка его, мать умершей невѣсты Раскольникова, вдова Зарницына, засвидѣтельствовала тоже, что когда они еще жили въ другомъ домѣ, у Пяти-Угловъ, Раскольниковъ во время пожара, ночью, вытащилъ изъ одной квартиры, уже загорѣвшейся, двухъ маленькихъ дѣтей, и былъ при этомъ обожженъ. Этотъ фактъ былъ тщательно разслѣдованъ и довольно хорошо засвидѣтельствованъ многими свидѣтелями. Однимъ словомъ, кончилось тѣмъ, что преступникъ присужденъ былъ къ каторжной работѣ втораго разряда, на срокъ всего только восьми лѣтъ, во уваженіе явки съ повинною и нѣкоторыхъ облегчающихъ вину обстоятельствъ.

Еще въ началѣ процесса мать Раскольникова сдѣлалась больна. Дуня и Разумихинъ нашли возможность увезти ее изъ Петербурга на все время суда. Разумихинъ выбралъ городъ на желѣзной дорогѣ и въ близкомъ разстояніи отъ Петербурга, чтобъ имѣть возможность регулярно слѣдить за всѣми обстоятельствами про-

цесса и въ тоже время какъ можно чаще видѣться съ Авдотьей Романовной. Болѣзнь Пульхеріи Александровны была какая-то странная, нервная, и сопровождалась чѣмъ-то въ родѣ помѣшательства, если не совершенно, то, по крайней мѣрѣ, отчасти. Дуня, воротившись съ послѣдняго свиданія съ братомъ, застала мать уже совсѣмъ больною, въ жару и въ бреду. Въ этотъ-же вечеръ сговорилась она съ Разумихинымъ что̀ именно отвѣчать матери на ея разспросы о братѣ и даже выдумала вмѣстѣ съ нимъ, для матери, цѣлую исторію объ отъѣздѣ Раскольникова куда-то далеко, на границу Россіи, по одному частному порученію, которое доставитъ ему наконецъ и деньги, и извѣстность. Но ихъ поразило, что ни объ чемъ объ этомъ сама Пульхерія Александровна ни тогда, ни потомъ не разспрашивала. Напротивъ, у ней у самой оказалась цѣлая исторія о внезапномъ отъѣздѣ сына; она со слезами разсказывала, какъ онъ приходилъ къ ней прощаться: давала при этомъ знать намеками, что только ей одной извѣстны многія весьма важныя и таинственныя обстоятельства, и что у Роди много весьма сильныхъ враговъ, такъ что ему надо даже скрываться. Что-же касается до будущей карьеры его, то она тоже казалась ей несомнѣнною и блестящею, когда пройдутъ нѣкоторыя враждебныя обстоятельства: увѣряла Разумихина, что сынъ ея будетъ современемъ даже человѣкомъ государственнымъ, что̀ доказываетъ его статья и его блестящій литературный талантъ. Статью эту она читала безпрерывно, читала иногда даже вслухъ, чуть не спала вмѣстѣ съ нею, а все-таки гдѣ именно находится теперь Родя почти не разспрашивала, несмотря даже на то, что съ нею видимо избѣгали объ этомъ разговаривать,—что̀ уже одно могло возбудить ея мнительность. Стали наконецъ бояться этого страннаго молчанія Пульхеріи Александровны на счетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Она, напримѣръ, даже не жаловалась на то, что отъ него нѣтъ писемъ, тогда какъ прежде, живя въ своемъ городкѣ, только и жила одною надеждой и однимъ ожиданіемъ получить поскорѣе письмо отъ возлюбленнаго Роди. Послѣднее обстоятельство было уже слишкомъ необъяснимо и сильно безпокоило Дуню: ей приходила мысль, что мать, пожалуй, предчувствуетъ что нибудь ужасное въ судьбѣ сына и боится разспрашивать, чтобы не узнать чего нибудь еще ужаснѣе. Во всякомъ случаѣ, Дуня ясно видѣла, что Пульхерія Александровна не въ здравомъ состояніи разсудка.

Раза два, впрочемъ, случилось, что она сама такъ навела разговоръ, что невозможно было, отвѣчая ей, не упомянуть о томъ гдѣ именно находится теперь Родя: когда-же отвѣты и невольно должны были выйти неудовлетворительными и подозрительными, она

стала вдругъ чрезвычайно печальна, угрюма и молчалива, что̀ продолжалось весьма долгое время. Дуня увидѣла наконецъ, что трудно лгать и выдумывать, и пришла къ окончательному заключенію, что лучше ужь совершенно молчать объ извѣстныхъ пунктахъ; но все болѣе и болѣе становилось ясно до очевидности, что бѣдная мать подозрѣваетъ что-то ужасное. Дуня припомнила между прочими слова брата, что мать вслушивалась въ ея бредъ, въ ночь наканунѣ того послѣдняго роковаго дня, послѣ сцены ея съ Свидригайловымъ: не разслышала-ли она чего нибудь тогда? Часто, иногда послѣ нѣсколькихъ дней и даже недѣль угрюмаго, мрачнаго молчанія и безмолвныхъ слезъ, больная какъ-то истерически оживлялась и начинала вдругъ говорить вслухъ, почти не умолкая, о своемъ сынѣ, о своихъ надеждахъ, о будущемъ... Фантазіи ея были иногда очень странны. Ее тѣшили, ей поддакивали (она сама, можетъ быть, видѣла ясно, что ей поддакиваютъ и только тѣшатъ ее), но она всетаки говорила...

Пять мѣсяцевъ спустя послѣ явки преступника съ повинною послѣдовалъ его приговоръ. Разумихинъ видѣлся съ нимъ въ тюрьмѣ, когда только это было возможно. Соня тоже. Наконецъ послѣдовала и разлука: Дуня поклялась брату, что эта разлука не на вѣки; Разумихинъ тоже. Въ молодой и горячей головѣ Разумихина твердо укрѣпился проэктъ положить въ будущіе три-четыре года, по возможности, хоть начало будущаго состоянія, скопить хоть нѣсколько денегъ и переѣхать въ Сибирь, гдѣ почва богата во всѣхъ отношеніяхъ, а работниковъ, людей и капиталовъ мало; тамъ поселиться въ томъ самомъ городѣ гдѣ будетъ Родя и... всѣмъ вмѣстѣ начать новую жизнь. Прощаясь, всѣ плакали. Раскольниковъ самые послѣдніе дни былъ очень задумчивъ, много разспрашивалъ о матери, постоянно о ней безпокоился. Даже ужь очень о ней мучился, что̀ тревожило Дуню. Узнавъ подробности о болѣзненномъ настроеніи матери, онъ сталъ очень мраченъ. Съ Соней онъ былъ почему-то особенно неговорливъ во все время. Соня, съ помощью денегъ оставленныхъ ей Свидригайловымъ, давно уже собралась и изготовилась послѣдовать за партіей арестантовъ, въ которой будетъ отправленъ и онъ. Объ этомъ никогда ни слова не было упомянуто между ею и Раскольниковымъ; но оба знали, что это такъ будетъ. Въ самое послѣднее прощанье онъ страшно улыбался на пламенныя удостовѣренія сестры и Разумихина о счастливой ихъ будущности, когда онъ выйдетъ изъ каторги, и предрекъ, что болѣзненное состояніе матери кончится вскорѣ бѣдой. Онъ и Соня наконецъ отправились.

Два мѣсяца спустя Дунечка вышла замужъ за Разумихина.

Свадьба была грустная и тихая. Изъ приглашенныхъ былъ, впрочемъ, Порфирій Петровичъ и Зосимовъ. Во все послѣднее время Разумихинъ имѣлъ видъ твердо рѣшившагося человѣка. Дуня вѣрила слѣпо, что онъ выполнитъ всѣ свои намѣренія, да и не могла не вѣрить; въ этомъ человѣкѣ видѣлась желѣзная воля. Между прочимъ, онъ сталъ опять слушать университетскія лекціи, чтобы кончить курсъ. У нихъ обоихъ составлялись помимо плановъ будущаго; оба твердо разсчитывали чрезъ пять лѣтъ навѣрное переселиться въ Сибирь. До той-же поры надѣялись тамъ на Соню...

Пульхерія Александровна съ радостью благословила дочь на бракъ съ Разумихинымъ; но послѣ этого брака стала какъ будто еще грустнѣе и озабоченнѣе. Чтобы доставить ей пріятную минуту Разумихинъ сообщилъ ей между прочимъ фактъ о студентѣ и дряхломъ его отцѣ и томъ, что Родя былъ обожженъ и даже хворалъ, спасши отъ смерти, прошлаго года, двухъ малютокъ. Оба извѣстія довели и безъ того разстроенную разсудкомъ Пульхерію Александровну почти до восторженнаго состоянія. Она безпрерывно говорила объ этомъ, вступала въ разговоръ и на улицѣ (хотя Дуня постоянно сопровождала ее). Въ публичныхъ каретахъ, въ лавкахъ, поймавъ хоть какого нибудь слушателя, наводила разговоръ на своего сына, на его статью, какъ онъ помогалъ студенту, былъ обожженъ на пожарѣ, и прочее. Дунечка даже не знала какъ удержать ее. Ужь кромѣ опасности такого восторженнаго, болѣзненнаго настроенія, одно уже то грозило бѣдой, что кто нибудь могъ припомнить фамилію Раскольникова по бывшему судебному дѣлу и заговорить объ этомъ. Пульхерія Александровна узнала даже адресъ матери двухъ спасенныхъ отъ пожара малютокъ и хотѣла непремѣнно отправиться къ ней. Наконецъ безпокойство ея возросло до крайнихъ предѣловъ. Она иногда вдругъ начинала плакать, часто заболѣвала и въ жару бредила. Однажды, по утру, она объявила прямо, что по ея разсчетамъ скоро долженъ прибыть Родя, что она помнитъ, какъ онъ, прощаясь съ нею, самъ упоминалъ, что именно чрезъ девять мѣсяцевъ надо будетъ ожидать его. Стала все прибирать въ квартирѣ и готовиться къ встрѣчѣ, стала отдѣлывать назначавшуюся ему комнату (свою собственную), отчищать мебель, мыть и надѣвать новыя занавѣски, и прочее. Дуня встревожилась, но молчала и даже помогала ей устраивать комнату къ пріему брата. Послѣ тревожнаго дня, проведеннаго въ безпрерывныхъ фантазіяхъ, въ радостныхъ грезахъ и слезахъ, въ ночь, она заболѣла и на утро была уже въ жару и бреду. Открылась горячка. Чрезъ двѣ недѣли она умерла. Въ бреду вырывались у ней слова, по которымъ можно было за-

ключить, что она гораздо болѣе подозрѣвала въ ужасной судьбѣ сына чѣмъ даже предполагали.

Раскольниковъ долго не зналъ о смерти матери, хотя корреспонденція съ Петербургомъ установилась еще съ самаго начала водворенія его въ Сибири. Устроилась она чрезъ Соню, которая аккуратно каждый мѣсяцъ писала въ Петербургъ на имя Разумихина и получала изъ Петербурга отвѣтъ. Письма Сони казались сперва Дунѣ и Разумихину какъ-то сухими и не удовлетворительными; но подъ конецъ оба они нашли, что и писать лучше невозможно, потому что изъ этихъ писемъ, въ результатѣ, получалось все-таки самое полное и точное представленіе о судьбѣ ихъ несчастнаго брата. Письма Сони были наполняемы самою обыденною дѣйствительностью, самымъ простымъ и яснымъ описаніемъ всей обстановки каторжной жизни Раскольникова. Тутъ не было ни изложенія собственныхъ надеждъ ея, ни загадокъ о будущемъ, ни описаній собственныхъ чувствъ. Вмѣсто попытокъ разъясненія его душевнаго настроенія и вообще всей внутренней его жизни стояли одни факты, то есть собственныя слова его, подробныя извѣстія о состояніи его здоровья, чего онъ пожелалъ тогда-то при свиданіи, о чемъ попросилъ ее, что поручалъ ей, и прочее. Всѣ эти извѣстія сообщались съ чрезвычайною подробностью. Образъ несчастнаго брата подъ конецъ выступилъ самъ собою, нарисовался точно и ясно; тутъ не могло быть и ошибокъ, потому что все были вѣрные факты.

Но мало отраднаго могли вывести Дуня и мужъ ея по этимъ извѣстіямъ, особенно въ началѣ. Соня безпрерывно сообщала, что онъ постоянно угрюмъ, не словоохотливъ и даже почти нисколько не интересуется извѣстіями, которыя она ему сообщаетъ каждый разъ изъ получаемыхъ ею писемъ; что онъ спрашиваетъ иногда о матери; и когда она, видя, что онъ уже предугадываетъ истину, сообщила ему наконецъ объ ея смерти, то, къ удивленію ея, даже и извѣстіе о смерти матери на него какъ-бы не очень сильно подѣйствовало, по крайней мѣрѣ, такъ показалось ей съ наружнаго вида. Она сообщала между прочимъ, что не смотря на то, что онъ, повидимому, такъ углубленъ въ самого себя и ото всѣхъ какъ-бы запершся, къ новой жизни своей онъ отнесся очень прямо и просто: что онъ ясно понимаетъ свое положеніе, не ожидаетъ вблизи ничего лучшаго, не имѣетъ никакихъ легкомысленныхъ надеждъ (что такъ свойственно въ его положеніи) и ничему почти не удивляется среди новой окружающей его обстановки, такъ мало похожей на что нибудь прежнее. Сообщила она, что здоровье его удовлетворительно. Онъ ходитъ на работы, отъ которыхъ не уклоняется и на которыя не напрашивается. Къ пищѣ почти равнодушенъ, но

что эта пища, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, такъ дурна, что наконецъ онъ съ охотой принялъ отъ нея, Сони, нѣсколько денегъ, что-бы завести у себя ежедневный чай: на счетъ всего-же остальнаго просилъ ее не безпокоиться, увѣряя, что всѣ эти заботы о немъ только досаждаютъ ему. Далѣе Соня сообщала, что помѣщеніе его въ острогѣ общее со всѣми: внутренности ихъ казармъ она не видала, но заключаетъ, что тамъ тѣсно, безобразно и нездорово; что онъ спитъ на нарахъ, подстилая подъ себя войлокъ, и другаго ничего не хочетъ себѣ устроить. Но что живетъ онъ такъ грубо и бѣдно вовсе не по какому нибудь предвзятому плану или намѣренію, а такъ просто отъ невниманія и наружнаго равнодушія къ своей судьбѣ. Соня прямо писала, что онъ, особенно въ началѣ, не только не интересовался ея посѣщеніями, но даже почти досадовалъ на нее, былъ не словоохотливъ и даже грубъ съ нею, но что подъ конецъ эти свиданія обратились у него въ привычку и даже чуть не въ потребность, такъ что онъ очень даже тосковалъ, когда она нѣсколько дней была больна и не могла посѣщать его. Видится-же она съ нимъ по праздникамъ у острожныхъ воротъ или въ кордегардіи, куда его вызываютъ къ ней на нѣсколько минутъ: по будиямъ-же на работахъ, куда она заходитъ къ нему, или въ мастерскихъ, или на кирпичныхъ заводахъ, или въ сараяхъ на берегу Иртыша. Про себя Соня увѣдомляла, что ей удалось пріобрѣсть въ городѣ даже нѣкоторыя знакомства и покровительства: что она занимается шитьемъ, и такъ какъ въ городѣ почти нѣтъ модистки, то стала во многихъ домахъ даже необходимою: не упоминала только, что чрезъ нее и Раскольниковъ получилъ покровительство начальства, что ему облегчаемы были работы, и прочее. Наконецъ пришло извѣстіе (Дуня даже примѣтила нѣкоторое особенное волненіе и тревогу въ ея послѣднихъ письмахъ), что онъ всѣхъ чуждается, что въ острогѣ каторжные его не полюбили: что онъ молчитъ по цѣлымъ днямъ и становится очень блѣденъ. Вдругъ, въ послѣднемъ письмѣ, Соня написала, что онъ заболѣлъ весьма серіозно и лежитъ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ...

II.

нъ былъ боленъ уже давно; но не ужасы каторжной жизни, не работы, не пища, не бритая голова, не лоскутное платье сломили его: о! что̀ ему было до всѣхъ этихъ мукъ и истязаній! Напротивъ, онъ даже радъ былъ работѣ: измучившись на работѣ физически, онъ, по крайней мѣрѣ, добывалъ себѣ нѣсколько часовъ

спокойнаго сна. И что значила для него пища, — эти пустыя щи съ тараканами? Студентомъ, во время прежней жизни, онъ часто и того не имѣлъ. Платье его было тепло и приспособлено къ его образу жизни. Кандаловъ онъ даже на себѣ не чувствовалъ. Стыдиться-ли ему было своей бритой головы и половинчатой куртки? Но предъ кѣмъ? Предъ Соней? Соня боялась его, и предъ нею-ли было ему стыдиться?

А что-же? Онъ стыдился даже и предъ Соней, которую мучилъ за это своимъ презрительнымъ и грубымъ обращеніемъ. Но не бритой головы и кандаловъ онъ стыдился: его гордость сильно была уязвлена; и онъ заболѣлъ отъ уязвленной гордости. О, какъ-бы счастливъ онъ былъ, еслибы могъ самъ обвинить себя! Онъ-бы снесъ тогда все, даже стыдъ и позоръ. Но онъ строго судилъ себя, и ожесточенная совѣсть его не нашла никакой особенно ужасной вины въ его прошедшемъ, кромѣ развѣ простаго *промаху*, который со всякимъ могъ случиться. Онъ стыдился именно того, что онъ, Раскольниковъ, погибъ такъ слѣпо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слѣпой судьбы, и долженъ смириться и покориться предъ безсмыслицей какого-то приговора, если хочетъ сколько нибудь успокоить себя.

Тревога безпредметная и безцѣльная въ настоящемъ, а въ будущемъ одна безпрерывная жертва, которою ничего не пріобрѣталось — вотъ что предстояло ему на свѣтѣ. И что въ томъ, что чрезъ восемь лѣтъ ему будетъ только тридцать два года и можно снова начать еще жить! Зачѣмъ ему жить? Что имѣть въ виду? Къ чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но онъ тысячу разъ и прежде готовъ былъ отдать свое существованіе за идею, за надежду, даже за фантазію. Одного существованія всегда было мало ему: онъ всегда хотѣлъ большаго. Можетъ быть, по одной только силѣ своихъ желаній, онъ и счелъ себя тогда человѣкомъ, которому болѣе разрѣшено чѣмъ другому.

И хотя-бы судьба послала ему раскаяніе, — жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отгоняющее сонъ, такое раскаяніе, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещится петля и омутъ! О, онъ-бы обрадовался ему! Муки и слезы—вѣдь это тоже жизнь. Но онъ не раскаивался въ своемъ преступленіи.

По крайней мѣрѣ, онъ могъ-бы злиться на свою глупость какъ и злился онъ прежде на безобразныя и глупѣйшія дѣйствія свои, которыя довели его до острога. Но теперь, уже въ острогѣ, *на свободѣ*, онъ вновь обсудилъ и обдумалъ всѣ прежніе свои поступки и совсѣмъ не нашелъ ихъ такъ глупыми и безобразными, какъ казались они ему въ то роковое время, прежде.

«Чѣмъ, чѣмъ», думалъ онъ, — «моя мысль была глупѣе другихъ мыслей и теорій, роящихся и сталкивающихся одна съ другой на свѣтѣ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ свѣтъ стоитъ? Стоитъ только посмотрѣть на дѣло совершенно независимымъ, широкимъ и избавленнымъ отъ обыденныхъ вліяній взглядомъ, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не такъ... странною. О, отрицатели и мудрецы въ пятачокъ серебра, зачѣмъ вы останавливаетесь на полдорогѣ!»

«Ну, чѣмъ мой поступокъ кажется имъ такъ безобразенъ? говорилъ онъ себѣ.— Тѣмъ, что онъ—злодѣяніе? Что значитъ слово злодѣяніе? Совѣсть моя спокойна. Конечно, сдѣлано уголовное преступленіе: конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну, и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, въ такомъ случаѣ, даже многіе благодѣтели человѣчества, не наслѣдовавшіе власти, а сами ее захватившіе должны-бы были быть казнены при самыхъ первыхъ своихъ шагахъ. Но тѣ люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынесъ, и, стало быть, я не имѣлъ права разрѣшить себѣ этотъ шагъ».

Вотъ въ чемъ одномъ признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинною.

Онъ страдалъ тоже отъ мысли: зачѣмъ онъ тогда себя не убилъ? Зачѣмъ онъ стоялъ тогда надъ рѣкой и предпочелъ явку съ повинною? Неужели такая сила въ этомъ желаніи жить и такъ трудно одолѣть его? Одолѣлъ-же Свидригайловъ, боявшійся смерти?

Онъ съ мученіемъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ и не могъ понять, что ужь и тогда, когда стоялъ надъ рѣкой, можетъ быть, предчувствовалъ въ себѣ и въ убѣжденіяхъ своихъ глубокую ложь. Онъ не понималъ, что это предчувствіе могло быть предвѣстникомъ будущаго перелома въ жизни его, будущаго воскресенія его, будущаго новаго взгляда на жизнь.

Онъ скорѣе допускалъ тутъ одну только тупую тягость инстинкта, которую не ему было порвать и черезъ которую онъ опять таки былъ не въ силахъ перешагнуть (за слабостію и ничтожностію). Онъ смотрѣлъ на каторжныхъ товарищей своихъ и удивлялся: какъ тоже всѣ они любили жизнь, какъ они дорожили ею! Именно, ему показалось, что въ острогѣ ее еще болѣе любятъ и цѣнятъ, и болѣе дорожатъ ею чѣмъ на свободѣ. Какихъ страшныхъ мукъ и истязаній не перенесли иные изъ нихъ, напримѣръ, бродяги! Неужели ужь столько можетъ для нихъ значить одинъ какой нибудь лучъ солнца, дремучій лѣсъ, гдѣ нибудь въ невѣдомой глуши холодный ключъ, отмѣченный еще съ третьяго года и о свиданіи съ которымъ бродяга мечтаетъ какъ о свиданіи съ любовницей, ви-

дитъ его во снѣ, зеленую травку кругомъ его, поющую птичку въ кустѣ? Вематриваясь дальше, онъ видѣлъ примѣры еще болѣе необъяснимые.

Въ острогѣ, въ окружающей его средѣ, онъ, конечно, многаго не замѣчалъ, да и не хотѣлъ совсѣмъ замѣчать. Онъ жилъ какъ-то опустивъ глаза; ему омерзительно и невыносимо было смотрѣть. Но подъ конецъ многое стало удивлять его, и онъ, какъ-то по неволѣ, сталъ замѣчать то, чего прежде и не подозрѣвалъ. Вообще же и наиболѣе стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между нимъ и всѣмъ этимъ людомъ. Казалось, онъ и они были разныхъ націй. Онъ и они смотрѣли другъ на друга недовѣрчиво и непріязненно. Онъ зналъ и понималъ причины такого разъединенія: но никогда не допускалъ онъ прежде, чтобъ эти причины были на самомъ дѣлѣ такъ глубоки и сильны. Въ острогѣ были тоже ссыльные поляки, политическіе преступники. Тѣ просто считали весь этотъ людъ за невѣжды и хлоповъ и презирали ихъ свысока; но Раскольниковъ не могъ такъ смотрѣть: онъ ясно видѣлъ, что эти невѣжды во многомъ гораздо умнѣе этихъ самыхъ поляковъ. Были тутъ и русскіе, тоже слишкомъ презрительные этотъ народъ, —одинъ бывшій офицеръ и два семинариста: Раскольниковъ ясно замѣчалъ и ихъ ошибку.

Его-же самаго не любили и избѣгали всѣ. Его даже стали подъ конецъ ненавидѣть, —почему? Онъ не зналъ того. Презирали его, смѣялись надъ его преступленіемъ тѣ, которые были гораздо его преступнѣе.

— Ты баринъ! говорили ему. Тебѣ-ли было съ топоромъ ходить; не барское вовсе дѣло.

На второй недѣлѣ Великаго поста пришла ему очередь говѣть вмѣстѣ съ своей казармой. Онъ ходилъ въ церковь и молился вмѣстѣ съ другими. Изъ за чего, онъ и самъ не зналъ того, —произошла однажды ссора; всѣ разомъ напали на него съ остервенѣніемъ:

— Ты безбожникъ! Ты въ Бога не вѣруешь! кричали ему. Убить тебя надо.

Онъ никогда не говорилъ съ ними о Богѣ и о вѣрѣ, но они хотѣли убить его, какъ безбожника: онъ молчалъ и не возражалъ имъ. Одинъ каторжный бросился было на него въ рѣшительномъ изступленіи: Раскольниковъ ожидалъ его спокойно и молча: брови его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успѣлъ во-время стать между нимъ и убійцей, не то пролилась-бы кровь.

Неразрѣшимъ былъ для него еще одинъ вопросъ: почему всѣ

они такъ полюбили Соню? Она у нихъ не заискивала; встрѣчали они ее рѣдко, иногда только на работахъ, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тѣмъ всѣ уже знали ее, знали и то, что она *за нимъ* послѣдовала, знали какъ она живетъ, гдѣ живетъ. Денегъ она имъ не давала, особенныхъ услугъ не оказывала. Разъ только на Рождествѣ, принесла она на весь острогъ подаяніе: пироговъ и калачей. Но мало по малу между ними и Соней завязались нѣкоторыя болѣе близкія отношенія: она писала имъ письма къ ихъ родными и отправляла ихъ на почту. Ихъ родственники и родственницы, пріѣзжавшіе въ городъ, оставляли, по указанію ихъ, въ рукахъ Сони вещи для нихъ и даже деньги. Жены ихъ и любовницы знали ее и ходили къ ней. И когда она являлась на работахъ, приходя къ Раскольникову, или встрѣчалась съ партіей арестантовъ, идущихъ на работы, всѣ снимали шапки, всѣ кланялись: Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нѣжная, болѣзная! говорили эти грубые клейменые каторжные этому маленькому и худенькому созданію. Она улыбалась. И всѣ они любили даже ея походку, оборачивались посмотрѣть ей вслѣдъ какъ она идетъ, и хвалили ее: хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже ужъ не знали за что похвалить. Къ ней даже ходили лечиться.

Онъ пролежалъ въ больницѣ весь конецъ поста и Святую. Уже выздоравливая, онъ припомнилъ свои сны, когда еще лежалъ въ жару и бреду. Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ-же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ въ одномъ заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали кого и какъ судить, не могли согласиться что считать зломъ, что добромъ. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга

цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ, но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди собѣгались въ кучи, сговаривались вмѣстѣ на что нибудь, клялись не разставаться,—но тотчасъ-же начинали что нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ-же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса.

Раскольникова мучило то, что этотъ безсмысленный бредъ такъ грустно и такъ мучительно отзывается въ его воспоминаніяхъ. что такъ долго не проходитъ впечатлѣніе этихъ горячечныхъ грезъ. Шла уже вторая недѣля послѣ Святой: стояли теплые, ясные, весенніе дни; въ арестантской палатѣ отворили окна (рѣшетчатыя. подъ которыми ходилъ часовой). Соня, во все время болѣзни его, могла только два раза его навѣстить въ палатѣ; каждый разъ надо было испрашивать разрѣшенія, а это было трудно. Но она часто приходила на госпитальный дворъ, подъ окна, особенно подъ вечеръ, а иногда такъ только, чтобы постоять на дворѣ минутку и хоть издали посмотрѣть на окна палаты. Однажды, подъ вечеръ, уже совсѣмъ почти выздоровѣвшій Раскольниковъ заснулъ; проснувшись, онъ нечаянно подошелъ къ окну и вдругъ увидѣлъ вдали. у госпитальныхъ воротъ, Соню. Она стояла и какъ-бы чего-то ждала. Что-то какъ-бы пронзило въ ту минуту его сердце; онъ вздрогнулъ и поскорѣе отошелъ отъ окна. Въ слѣдующій день Соня не приходила, на третій день тоже: онъ замѣтилъ, что ждетъ ее съ безпокойствомъ. Наконецъ его выписали. Придя въ острогъ, онъ узналъ отъ арестантовъ, что Софья Семеновна заболѣла, лежитъ дома и никуда не выходитъ.

Онъ былъ очень безпокоенъ, посылалъ о ней справляться. Скоро узналъ онъ, что болѣзнь ея не опасна. Узнавъ въ свою очередь. что онъ объ ней такъ тоскуетъ и заботится, Соня прислала ему записку, написанную карандашомъ, и увѣдомляла его, что ей гораздо легче, что у ней пустая легкая простуда, и что

она скоро, очень скоро, придетъ повидаться съ нимъ на работу. Когда онъ читалъ эту записку, сердце его сильно и больно билось.

День опять былъ ясный и теплый. Ранимъ утромъ, часовъ въ шесть, онъ отправился на работу, на берегъ рѣки, гдѣ въ сараѣ устроена была обжигательная печь для алебастра, и гдѣ толкли его. Отправилось туда всего три работника. Одинъ изъ арестантовъ взялъ конвоинаго и понесъ съ нимъ въ крѣпость за какимъ-то инструментомъ: другой сталъ изготовлять дрова и накладывать въ печь. Раскольниковъ вышелъ изъ сарая на самый берегъ, сѣлъ на складенныя у сарая бревна и сталъ глядѣть на широкую и пустынную рѣку. Съ высокаго берега открывалась широкая окрестность. Съ дальняго другаго берега чуть слышно доносилась пѣсня. Тамъ, въ облитой солнцемъ необозримой степи, чуть примѣтными точками, черньлись кочевыя юрты. Тамъ была свобода, и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ-бы самое время остановилось, точно не прошли еще вѣка Авраама и стадъ его. Раскольниковъ сидѣлъ, смотрѣлъ неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила въ грезы, въ созерцаніе; онъ ни о чемъ не думалъ, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Вдругъ подлѣ него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и сѣла съ нимъ рядомъ. Было еще очень рано; утренній холодокъ еще не смягчился. На ней былъ ея бѣдный, старый бурнусъ и зеленый платокъ. Лицо ея еще носило признаки болѣзни, похудѣло, побѣднѣло, осунулось. Она привѣтливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновенію, робко протянула ему свою руку.

Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсѣмъ, какъ-бы боялась, что онъ оттолкнетъ ее. Онъ всегда какъ-бы съ отвращеніемъ бралъ ея руку, всегда точно съ досадой встрѣчалъ ее, иногда упорно молчалъ во все время ея посѣщенія. Случалось, что она трепетала его и уходила въ глубокой скорби. Но теперь ихъ руки не разнимались; онъ мелькомъ и быстро взглянулъ на нее, ничего не выговорилъ и опустилъ свои глаза въ землю. Они были одни, ихъ никто не видѣлъ. Конвойный на ту пору отворотился.

Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но вдругъ что-то какъ-бы подхватило его и какъ-бы бросило къ ея ногамъ. Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни. Въ первое мгновеніе она ужасно испугалась, и все лицо ея помертвѣло. Она вскочила съ мѣста и, задрожавъ, смотрѣла на него. Но тотчасъ-же, въ тотъ-же мигъ она все поняла. Въ глазахъ ея засвѣтилось безконечное счастье;

она поняла, и для нея уже не было сомнѣнія, что онъ любитъ, безконечно любитъ ее, и что настала-же наконецъ эта минута...

Они хотѣли было говорить, но не могли. Слезы стояли въ ихъ глазахъ. Они оба были блѣдны и худы: но въ этихъ больныхъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго, полнаго воскресенія въ новую жизнь. Ихъ воскресила любовь, сердце одного заключало безконечные источники жизни для сердца другаго.

Они положили ждать и терпѣть. Имъ оставалось еще семь лѣтъ: а до тѣхъ поръ столько нестерпимой муки и столько безконечнаго счастія! Но онъ воскресъ, и онъ зналъ это, чувствовалъ вполнѣ всѣмъ обновившимся существомъ своимъ, а она — она вѣдь и жила только одною его жизнью!

Вечеромъ того-же дня, когда уже заперли казармы. Раскольниковъ лежалъ на нарахъ и думалъ о ней. Въ этотъ день ему даже показалось, что какъ будто всѣ каторжные, бывшіе враги его, уже глядѣли на него иначе. Онъ даже самъ заговаривалъ съ ними, и ему отвѣчали ласково. Онъ припомнилъ теперь это, но вѣдь такъ и должно было быть: развѣ не должно теперь все измѣниться?

Онъ думалъ объ ней. Онъ вспомнилъ, какъ онъ постоянно ее мучилъ и терзалъ ея сердце: вспомнилъ ея блѣдное, худенькое личико, но его почти и не мучили теперь эти воспоминанія: онъ зналъ какою безконечною любовью искупитъ онъ теперь всѣ ея страданія.

Да и что̀ такое эти всѣ, *всѣ* муки прошлаго! Все, даже преступленіе его, даже приговоръ и ссылка, казалось ему теперь, въ первомъ порывѣ, какимъ-то внѣшнимъ, страннымъ, какъ-бы даже и не съ нимъ случившимся фактомъ. Онъ, впрочемъ, не могъ въ этотъ вечеръ долго и постоянно о чемъ-нибудь думать, сосредоточиться на чемъ-нибудь мыслью: да онъ ничего-бы и не разрѣшилъ теперь сознательно; онъ только чувствовалъ. Вмѣсто діалектики наступила жизнь, и въ сознаніи должно было выработаться что-то совершенно другое.

Подъ подушкой его лежало Евангеліе. Онъ взялъ его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, изъ которой она читала ему о воскресеніи Лазаря. Въ началѣ каторги онъ думалъ, что она замучитъ его религіей, будетъ заговаривать о Евангеліи и навязывать ему книги. Но къ величайшему его удивленію она ни разу не заговаривала объ этомъ, ни разу даже не предложила ему Евангелія. Онъ самъ попросилъ его у ней не задолго до своей болѣзни, и она молча принесла ему книгу. До сихъ поръ онъ ея и не раскрывалъ.

Онъ не раскрывалъ ея и теперь, но одна мысль промелькнула

въ немъ: «развѣ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими убѣжденіями? Ея чувства, ея стремленія, по крайней мѣрѣ»...

Она тоже весь этотъ день была въ волненіи, а въ ночь даже опять захворала. Но она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастія. Семь лѣтъ, *только* семь лѣтъ! Въ началѣ своего счастія, въ иныя мгновенія, они оба готовы были смотрѣть на эти семь лѣтъ какъ на семь дней. Онъ даже и не зналъ того, что новая жизнь не даромъ-же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великимъ, будущимъ подвигомъ...

Но тутъ ужь начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью. Это могло-бы составить тему новаго разсказа, — но теперешній разсказъ нашъ оконченъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный *Д. С. Мережковскимъ.*—Повѣсти и разсказы.—Приложенія (12—15), заключающія въ себѣ портреты, автографы, виды мѣстностей, зданій и пр., съ которыми соединены воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ, и пр.,—приложенія, никогда не появлявшіяся въ продажѣ.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».—«Вѣчный Мужъ». Разсказъ.

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».—Матеріалы къ ром. «Бѣсы» (изъ «Записныхъ книжекъ» Ѳ. М. Достоевскаго), доселѣ нигдѣ не напечатанные.

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г.—Критическія статьи.—Политическія статьи.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ—**двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ **пять** томовъ: пятый, шестой, седьмой, тринадцатый и четырнадцатый.

По выходѣ всѣхъ томовъ цѣна будетъ **увеличена.** Все изданіе будетъ окончено въ теченіи года.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. 11, кв. 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются **безплатною** пересылкою.

37.8.3.1/6